ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС ДЕВИЗА ЦАРСТВОВАНИЯ НЕБЕСНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ

ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

LXXXI, 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС ДЕВИЗА ЦАРСТВОВАНИЯ НЕБЕСНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ (1149–1169)

Издание текста,
перевод с тангутского,
исследование и примечания
Е.И. Кычанова
В 4-х книгах

Книга 1
Исследование

МОСКВА · 1988

И 37

Ответственный редактор

В. А. Якобсон

Первая из четырех книг научной публикации выдающегося памятника средневекового права — составленного в XII в. кодекса тангутского государства Си Ся (982—1227). Памятник обнаружен в составе коллекции тангутских рукописей и ксилографов, найденных П. К. Козловым в развалинах «мертвого города» Хара-Хото. Он хранится в Рукописном собрании Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, его публикация — результат многолетней работы д-ра истор. наук Е. И. Кычанова. Первая книга издания содержит исследование памятника. Его сопровождает резюме на английском языке.

И $\frac{1202000000\text{-}045}{013(02)\text{-}88}$ 130-87

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959—1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий. 1959—1985», вышедшей в свет в 1986 г. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога и готовящихся к изданию.

XXII. 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1986.

XXII. 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р. В. Вяткина. М., 1987.

LXI Мела̄ Маҳмӯд Ба̄йазӣдӣ. Тава̄рӣх-и кадӣм-и Курдиста̄н («Древняя история Курдистана»). Т. 1. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1986.

LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И. С. Гуревич. Вступит. статья Л. Н. Меньшикова. М., 1986.

LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М. О. Дарбинян-Меликян и Л. А. Ханларян. Вступит. статья С. С. Аверинцева.

LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, коммент. и введение О. М. Чунаковой. М., 1987.

LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введение И. Е. Петросян. М., 1987

LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М., 1987.

LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л. К. Павловской. М., 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издатель данного памятника — тангутского «Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное процветание (1149—1169)» — считает, что тот отрадный факт, что он может представить на суд читателя первый перевод его, целиком связан с успехами тангутоведения за последние тридцать с лишним лет. Выход в свет капитального труда лауреата Ленинской премии проф. Н. А. Невского «Тангутская филология» (1960 г.) дал новый и мощный толчок тем разрозненным исследованиям, которые велись до того времени в Японии (Нисида Тацуо) и Советском Союзе (З. И. Горбачева, Е. И. Кычанов). Под непосредственным воздействием публикации трудов Н. А. Невского в 1962 г. работы по тангутоведению были возобновлены в Китае[1], где они еще в 20—30-х годах активно велись и ныне здравствующим профессором Ван Цзинжу. Результатом работы трех последних десятилетий явились не только три реконструкции фонетики тангутского языка (Нисида Тацуо, М. В. Софронов — на первом этапе работы М. В. Софронова вся дешифровка тангутских источников реконструкции была проделана Е. И. Кычановым,— Бай Бинь, Ши Цзиньбо, Хуан Чжэнхуа), существенные успехи в освоении его грамматики (Нисида Тацуо, М. В. Софронов, К. Б. Кепинг), уяснение сущности системы «загадочного» тангутского письма (Нисида Тацуо, Е. И. Кычанов, М. В. Софронов, Э. Д. Гринстед, Гон Хуанчерн (Гун Хуачэн), Ли Фаньвэнь, Лук Квантен), написание историй тангутского государства Си Ся с частичным привлечением материалов тангутских источников (Е. И. Кычанов, Р. Даннел, У Тяньчи, Чжун Кань, У Фэньюнь, Ли Фаньвэнь, Линь Люйчжи), завершение инвентаризации тангутской коллекции Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (Е. И. Кычанов, А. П. Терентьев-Катанский, К. Б. Кепинг) и коллекции Британского музея (Э. Д. Гринстед), издание или подготовка к изданию ряда памятников тангутской письменности (Нисида Тацуо, Э. Д. Гринстед, К. Б. Кепинг, В. С. Колоколов, Е. И. Кычанов, А. П. Терентьев-Катанский), но и то важное обстоятельство, что совместными усилиями всего небольшого меж-

[1] *Ли Фаньвэнь.* Си Ся яньцзю луньцзи. Иньчуань, 1983, с. 188—189.

дународного сообщества тангутоведов был накоплен такой запас дешифрованной тангутской лексики, который позволил сделать качественный скачок в работе с тангутскими текстами – переход от прочтения отдельных отрывков или частей тангутского текста к его сплошному прочтению даже в тех случаях, когда этот текст оригинальный, т. е. не переведен с китайского или тибетского языков, и перевод должен делаться без сопоставления малоизвестного (тангутского) текста с известным (китайским или тибетским) текстом.

Большим вкладом в тангутоведение стали раскопки могил тангутских императоров и исследование китайскими тангутоведами сохранившихся фрагментов текстов надгробий. Это позволило выявить ранее неизвестные специфические (по сравнению с титулами китайских императоров) титулы императоров Си Ся [2].

В настоящее время задача, безусловно, состоит в том, чтобы опубликовать и, таким образом, сделать достоянием для всех желающих работать в тангутоведении как можно больше тангутских текстов. Ленинградские тангутоведы, располагающие этими текстами, как раз и прилагают все усилия для работы именно в этом направлении, исследуя издаваемые тексты в зависимости от их личных научных интересов и квалификации.

«Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза ца́рствования] Небесное процветание» занимает особое место среди памятников тангутской письменности. Это не только один из ранних и довольно полно сохранившихся памятников дальневосточного и средневекового права вообще, а такие памятники немногочисленны, но и одновременно важный и, возможно, пока единственный источник расширения знаний о многих сторонах жизни тангутского общества и государства. Прочтение кодекса позволило составить словарь социальных и юридических терминов тангутского языка.

Издатель памятника, начав свою работу в конце 60-х годов, минимум трижды переводил его от начала и до конца, прежде чем решился представить свой перевод на суд читателя. В том, что памятник верно прочитан в целом, нас убеждает то, что нам удалось установить сходство всех основных норм тангутского права с соответствующими китайскими. Начиная работу, издатель надеялся найти в кодексе Си Ся нечто более оригинальное – «свое» право, связанное с давними обычаями, регламентацией кочевого быта и т. п. За исключением отдельных частностей, этим надеждам не дано было осуществиться. Но и то, что получено из кодекса, сторицей воздает за затраченный труд. Надеемся, что коллеги и читатель смогут лично убедиться в этом.

---

[2] *Ли Фаньвэнь.* Си Ся линму чуту цаньбэй суйбянь. Пекин, 1984; *Бу Пин.* Си Ся хуанди чэнхао као.– Нинся шэхуэй кэсюе. 1981, с. 72–82.

Переводчик допускает, что в переводе могут быть неточности или прямые ошибки, связанные с нашим общим недостаточным на сегодняшний день знанием языка (знание не всех, особенно специально терминологических значений знаков, наличие, пусть и крайне незначительное, знаков, значение которых нам пока неизвестно, незнание отдельных особенностей грамматики языка) и предмета. Но спрашивается: где и когда такие памятники, памятники не только такого объема, но и содержания, были прочтены и переведены сразу без неточностей и ошибок? Без их дальнейшего и тщательного исследования не только другими специалистами, но и учеными не одного поколения? Такова судьба первых переводов и исследований — их начинают исправлять и дополнять [3]. Но, не сделав первого шага, нельзя отправиться в путь!

Поэтому, давая «Измененному и заново утвержденному кодексу» путевку в жизнь более чем через семьсот лет после первого его опубликования, представляя свой труд на суд коллег и читателей, издатель вправе рассчитывать на понимание тех трудностей, которые стояли на его пути (некоторые из них он, возможно, и не смог преодолеть), и с готовностью ожидает критических замечаний, за которые заранее благодарен.

---

[3] Так произошло при подготовке китайского перевода текста словаря «Море письмен» (перевод на русский был завершен в 1965 г., издан в 1969 г.). Китайские коллеги делали свой перевод через 15 лет после публикации словаря советскими издателями, используя все те успехи мирового тангутоведения, о которых говорилось выше. И тем не менее их критические замечания в адрес советских коллег — это скорее влияние политической ситуации прошедших лет, чем общепринятая научная критика.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС [ДЕВИЗА ЦАРСТВОВАНИЯ] НЕБЕСНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ (1149–1169)» – ПАМЯТНИК ТАНГУТСКОГО ПРАВА

1. Памятники тангутского законодательства
Краткое описание

Памятники тангутского законодательства, несомненно, относятся к числу текстов, которые заслуживают первоочередной публикации и исследования. Они — важнейший первоисточник информации о тангутском обществе и государстве и вместе с тем принадлежат тому времени, от которого до наших дней дошло не столь уж много памятников права. Поэтому не случайно они почти сразу же обратили на себя внимание тех ученых, которые занимались разбором и каталогизацией тангутских рукописей и ксилографов. Первые упоминания о них мы находим в «Списке работ Си Ся в Азиатском музее Академии наук», составление которого относится ко второй половине 20-х годов [1]. В наши дни, когда светская часть тангутской коллекции в целом разобрана и полностью описана, мы можем выделить четыре сочинения тангутского фонда ЛО ИВ АН, относящихся к рубрике «Памятники тангутского законодательства». Это «Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное процветание [1149—1169]», «Новые законы», «Яшмовое зеркало командования войсками [девиза царствования] Чжэнь-гуань (1101—1113)» и текст без названия, отражающий материалы тех же лет царствования «Небесное процветание», который мы первоначально ошибочно принимали за историческую хронику [2]. Первое место среди этих памятников и по значению, и по объему принадлежит «Измененному и заново утвержденному кодексу». Сводный текст его и представлен нами читателю в данной публикации.

---

[1] Lists of Hsi-Hsia Works in the Asiatic Museum of Academy of Sciences, Leningrad, USSR. Comp. and transcrib. by A. A. Dragunov, N. A. Nevsky and Wang Jing-ju.— Bulletin of the National Library of Peiping. Vol. 4, May — June 1930 (issued in january 1932), № 3, с. 367—388.

[2] *Кычанов Е. И.* Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся.— Татаро-монголы в Азии и в Европе. 1-е изд. М., 1970, с. 58.

«Измененный и заново утвержденный кодекс» сохранился в нескольких десятках фрагментов, первоначально разбросанных по всей коллекции и потому заинвентаризированных под самыми различными номерами. Думается, что виной тому в немалой степени явилась известная, но извинительная по незнанию языка и предмета неаккуратность тех людей, которые раскапывали субурган, а затем сортировали и упаковывали для отправки в Петербург найденные печатные книги и рукописи. Не исключено, что и в самом субургане книги были свалены в беспорядке. Дневник П. К. Козлова, который он вел во время раскопок, позволяет предполагать это, как и то, что П. К. Козлов не следил постоянно за ходом работ. Приведем соответствующую запись: «30 мая. Обойдя работавших монголов, я отправился к моим спутникам, которые исследовали один из самых крупных субурганов, отстоящих на запад от города в 200-х саженях. Исследование показало, что он богат бурханами и китайскими письменами (ни П. К. Козлов, ни его спутники не различали, естественно, тангутских и китайских текстов.—*Е. К.*), которых к 9 ч. утра столько нанесли на бивуак, что я тотчас же ушел к ним, сортируя, очищая от излишней пыли и приготовляя к упаковке. Подобно тому, как в субургане прошлогоднем, в этом были всевозможные книги, тетради, свитки, иконопись. Попался очень старинный мандал. Надо полагать, что крыша часовни обрушилась и повалила бурханов или же они с самого начала были так брошены, куда бросали и книги, и свитки, и иконопись» [3]. Данная запись, произведенная на месте раскопок в Хара-Хото, действительно позволяет предполагать, что книги и рукописи с самого начала еще тангутами могли быть свалены в беспорядке, а дальнейшие, неизбежно неквалифицированные раскопки, разбор и перемещения лишь увеличили путаницу и хаос, разбросав в разные концы коллекции и без того ветхие и рассыпавшиеся на части книги. Но справедливости ради следует упомянуть, что много лет спустя, возможно под влиянием осознания факта научной значимости коллекции, П. К. Козлов писал: «Открыли знаменитый субурган. Он оказался весь набитый сокровищами. Едва сняли его верхушку, как открылись книги, стоящие целыми сотнями на полках, в полном порядке в шелковых переплетах. Более 2000 книг нашли» [4]. Поэтому сказать, где истина, если учесть, что П. К. Козлов, возможно, лично и не присутствовал при вскрытии субургана, трудно. Требовать от казаков, спутников П. К. Козлова, и рабочих-монголов научного ведения раскопок было, разумеется, невозможно. В силу всех этих обстоятельств многие книги и оказались разрозненными и распавшими-

[3] *Козлов П. К.* Дневник Монголо-Сычуаньского путешествия 1907—1909.— Архив Географического общества АН СССР, ф. 18, № 157.

[4] Там же. № 65.

ся на отдельные куски не только под губительным воздействием времени.

Фрагменты «Измененного и заново утвержденного кодекса» в разное время были выявлены и занесены в инвентарь Н. А. Невским, А. А. Драгуновым, З. И. Горбачевой, Е. И. Кычановым, А. П. Терентьевым-Катанским. Описание памятника опубликовано в 1963 г.[5], и повторять его подробно еще раз нет необходимости. Укажем только, что оно было сделано до реставрации книг. Ныне 150 с лишним фрагментов, в которых сохранился памятник, собраны по главам и сброшюрованы, правда не без ошибок, что выявило полное прочтение текста.

«Измененный и заново утвержденный кодекс» — ксилограф. Издание книг способом ксилографии имело ряд особенностей. Текст предварительно до вырезания на досках писался от руки. Переписчик при издании таких объемных памятников, как наш, был не один, поэтому почерк в разных главах кодекса неодинаков. С досок, которые тоже резали разные резчики, снимали оттиски на бумажные листы неодинаковых форматов. Представления о стандартизации и унификации восемь веков тому назад отличались от наших. Мы выделяем в публикуемом памятнике два типа оттисков, сделанных соответственно на листы большого и малого форматов. Эти книги и до реставрации отличались по размеру. Но было бы ошибкой думать, что перед нами разные издания. Часть текстов по главам сохранилась в двух и более разноформатных экземплярах. В книгах и большого и малого форматов представлены главы 2, 3, 5, 8 и 9. Прочие главы кодекса сохранились в книгах или большого, или малого формата. Детальное сличение одинаковых листов книги в разноформатных изданиях позволяет установить, что независимо от формата, т. е. величины листа книги, на который производился оттиск, он делался с одних и тех же досок. Размер текста, заключенного в рамки, и в книгах большого, и в книгах малого форматов одинаков, хотя и не абсолютно стандартен от главы к главе, что объяснимо индивидуальностью резчиков и теми небольшими отклонениями, которые происходили из-за размазывания рамки и незначительного смещения листа при снятии отпечатков. Кроме того, следует заметить, что на результатах обмера ксилографов всегда сказывается и брошюровка, ибо разная степень стяжения сложенного вдвое листа с оттиснутым на нем текстом слегка видоизменяет и расстояние от корешка страницы до ее края. Последнее обстоятельство и те производственные отклонения, о которых мы уже говорили ранее, затрудняют и точное определение размеров текста на доске для печати при отсутствии самой доски. По нашим подсчетам, средним стандартом для листа

[5] *Горбачева З. И.* и *Кычанов Е. И.* Тангутские рукописи и ксилографы. Список отождествленных и определенных рукописей и ксилографов коллекции Института народов Азии АН СССР. М., 1963, с. 68—86.

(две страницы) «Измененного и заново утвержденного кодекса» был формат по рамке 30,6×21,8 см. Приведем некоторые данные обмеров размера текста одних и тех же страниц (половина листа) в книгах большого и малого форматов (Б — большой формат, М — малый):

Лист	Б	М
	Глава 2	
9а	15,3×22,2	15,3×22,2
9б	15,2×22,4	15,1×22,2
15а	15,1×21,6	15,0×21,7
	Глава 3	
20а	15,3×21,8	15,5×21,8
20б	15,0×21,8	15,4×21,8
30а	15,6×21,8	15,7×21,8
30б	15,4×21,8	15,5×21,9
	Глава 5	
7а	15,4×21,7	15,3×21,8
9а	15,5×21,8	15,5×21,8
9б	15,3×21,4	15,2×21,4
	Глава 8	
4б	15,5×21,3	15,3×21,3
11б	15,3×21,4	15,3×21,5
	Глава 9	
12б	15,3×21,3	15,3×21,2
20б	15.3×21,9	15.3×21,9

Приведенные данные позволяют утверждать совпадение размеров текста в книгах большого и малого форматов, т. е. мы можем считать, что эти книги отпечатаны с одних и тех же досок.

Размеры листов книги (формат бумаги) по каждому из инвентарных номеров указаны в упомянутом выше описании. Здесь тоже нет абсолютного единства. Для книг большого формата был характерен размер листа в среднем 19×30 см, для книг малого формата — 18×23 см, с незначительными отклонениями, вызванными даже неровной нарезкой листов.

Опубликованное ранее описание дает представление и о степени сохранности книг до реставрации.

Текст каждого листа был ограничен рамкой, двойной справа и слева, одинарной сверху и снизу. В «байкоу» (просвете между двумя половинами листа) всегда в верхней половине помещено краткое название памятника в четыре знака («Законы, [глава] 1» и т. д.), а в нижней — пагинация, как правило, по-китайски, хотя встречаются и тангутские цифры. Употребление китайской пагинации обычно считают подтверждением того, что доски резали китайские резчики, хотя у нас для данного памятника

никаких свидетельств этому нет. И краткое название памятника с указанием порядкового номера главы, и порядковый номер листа были отграничены короткими горизонтальными линиями, соединяющими внутренние рамки двух страниц текста одного листа, образующие просвет «байкоу». Текст в зависимости от содержания, о чем будет сказано далее, не занимает часто всей страницы от верхней рамки до нижней, и пустóты нередко заполнены узорами в виде цветов, ромбиков, крестиков из четырех трилистников или двулистников, кружков и т. п. По нашему мнению, данные узоры, возможно, были призваны не только украшать книгу, но и служить препятствием для приписок и припечаток в таком важном тексте, как свод законов.

Законы печатались на сероватой, возможно первоначально почти белой, прочной бумаге, достаточно пористой, чтобы хорошо впитывать тушь и давать четкие оттиски.

Каждая глава издавалась отдельной книгой, всего таких книг было 21: 20 глав собственно текста законов и книга с оглавлением — кратким указателем содержания каждой статьи, как это было и в китайских кодексах, например в кодексе династии Тан «Тан люй шу и». В «Измененном и заново утвержденном кодексе» было 1460 статей. Это устанавливается абсолютно надежно по сохранившимся текстам и оглавлению, где указано, опять же по китайскому образцу, число статей в каждой главе кодекса. Назвать точный объем памятника в количестве страниц пока невозможно, но допустимо произвести предположительный подсчет его. Опирясь на сохранившуюся пагинацию, мы можем установить, что три главы — 13, 17, 19-я — имели по 100 страниц и более, пять глав — 5, 9, 11, 15, 20-я — по 90 страниц и более, три главы — 3, 4 и 10-я — по 80 страниц и более, две главы — 6 и 12-я — по 70 страниц и более, прочие (исключая ввиду отсутствия главы 14 и 16) — по 60 страниц и более. Принимая во внимание, что при таком распределении объема текста кодекса по главам на одну главу в среднем должно было приходиться по 40 листов в пагинации оригинала, или по 80 наших страниц, мы приходим к выводу, что общий объем памятника был приблизительно около 1600 страниц, или 800 листов. При этом пагинация была не сплошной, а поглавной.

Составленный нами сводный текст кодекса без оглавления насчитывает 1266 страниц, т. е. памятник, насколько это нам удалось установить, сохранился на 78—80%. Глава 16 кодекса не сохранилась, от главы 14 остались лишь несколько листов.

Предлагаемый нами читателю сводный текст, как это уже очевидно, не является критическим текстом, восстановленным издателем с разных списков или изданий. Мы уже не раз подчеркивали, что имеем дело с фрагментами нескольких экземпляров оттисков, сделанных с одних и тех же досок, с аутентичным текстом. Наша задача состояла в том, чтобы свести эти фрагмен-

ты воедино, собрать по возможности наиболее полный текст кодекса от начала до конца. Такая работа не была чисто механической. Даже распределение фрагментов и кусков текста по главам нередко оказывалось очень затруднительным. Внутри глав, там, где это позволяла пагинация, мы руководствовались ею; когда же таковая отсутствовала — то содержанием статей в сопоставлении его с тем порядком, который изложен в оглавлении. Все это, естественно, стало возможным только после перевода текста. При выборе листов для фотовоспроизведения листы, сохранившиеся в единственном экземпляре, естественно, фотографировались в том виде, как они есть, а из числа листов, имеющихся в двух, трех и более экземплярах, выбирались такие, текст которых наиболее разборчив. Время, а также пыль и вода, все-таки проникавшие в субурган, попортили текст, и без того иногда отпечатанный нечетко или с помарками. Тем не менее можно надеяться, что читатель получит достаточно хорошее воспроизведение, чтобы иметь возможность сравнить оригинальный текст с переводом. За исключением цветовых оттенков, фотокопии дают полное представление о ксилографической печати, о достоинствах и недостатках издания. Имеющиеся в тексте лакуны каждый раз специально оговорены в примечаниях.

О тираже издания «Измененного и заново утвержденного кодекса» мы никакими сведениями не располагаем.

Три следующих памятника не публикуются нами, но играют существенную вспомогательную роль при исследовании содержания кодекса, поэтому есть необходимость дать и о них некоторые пояснения.

«Новые законы» описаны достаточно подробно в том же каталоге «Тангутские рукописи и ксилографы» [6]. Принятое в данном каталоге разделение памятника на «Новые законы» и «Новые законы года свиньи» ошибочно. Это один и тот же памятник, о чем подробнее будет сказано ниже. Все это рукописи с текстом, в дубликатах идентичным по содержанию. Поскольку «Новые законы» — это дополнения к «Измененному и заново утвержденному кодексу», главы в них маленькие по объему, а отсутствие глав 1, 10, 14, 18—20 не означает, что данные главы не сохранились до наших дней. Их просто не было с самого начала в связи с тем, что потребность сделать дополнения к соответствующим главам «Измененного и заново утвержденного кодекса» не возникала.

Описано в вышеупомянутом каталоге и «Яшмовое зеркало командования войсками [девиза царствования] Чжэнь-гуань (1101—1113)» [7]. Подробная характеристика памятника опубли-

---

[6] Там же, с. 86—92.
[7] Там же, с. 92—93.

кована также и в нашей специальной статье о нем [8]. Как и кодекс, «Яшмовое зеркало» издавалось ксилографически, тоже в книгах большого и малого форматов. Такое сходство обращает на себя внимание. Случайно ли оно, т. е. было ли оно вызвано употреблением листов бумаги разных размеров, и только, или не случайно, т. е. в самом факте печатания текста на больших или малых листах был какой-то смысл, мы не знаем и объяснить это явление пока не в состоянии. «Яшмовое зеркало» было опубликовано на пятьдесят с лишним лет раньше кодекса, и сходство типов публикации указывает на наличие в тангутском государстве определенной традиции в издании текстов законов.

Описание рукописи № 4189 также опубликовано [9]. Уже упоминалось выше, что наличие последовательно перечисляемых дат девиза царствования Небесное процветание навело первоначально на мысль, что это какая-то хроника, погодные записи. Прочтение текста показало ошибочность такого предположения. Содержание книги имеет прямое отношение к издаваемому «Измененному и заново утвержденному кодексу», к истории появления на свет которого мы и перейдем.

2. История составления «Измененного и заново утвержденного кодекса» и имеющих к нему отношение памятников тангутского законодательства

Предки тангутов — дансяны, сведения о которых мы черпаем из китайских источников, по общему уверению последних, не имели законов, а в решении разных тяжб полагались на обычай. В сообщениях, относящихся к VI—VIII вв., говорится, что «в обычаях [своих тангуты] ставят превыше всего воинскую доблесть и не знают законов» [10]. «По своим обычаям [они] очень почитают войну, не имеют законов, налогов и трудовых повинностей» [11]; «уважают воинскую силу, не знают законов и указов» [12]. Однако тангутские племена, как любой человеческий коллектив, не могли обойтись без мер принуждения в отношении лиц, нарушавших условия его существования. Без этого были

---

[8] *Кычанов Е. И.* Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань (1101—1113)».— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969. М., 1972, с. 229—243.

[9] *Кычанов Е. И.* Тангутская рукопись № 4189.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1974. М., 1981, с. 154—158.

[10] Суй шу. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), цз. 83, с. 592.

[11] Цзю Тан шу. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), цз. 198, с. 1651.

[12] Вэнь сянь тун као. Шанхай, 1937, цз. 334, с. 2622.

невозможны производство и распределение материальных благ, удовлетворение иных социальных нужд людей [13]. Порядок поддерживался такими социальными нормами, как авторитет вождя-военачальника (источники единодушно говорят об уважении тангутами воинской доблести), религиозными запретами и общественным мнением, полагавшимся на обычаи, оставшиеся от предков. Ф. Энгельс писал: «В ней (в родовой организации.— *Е. К.*) не было никаких других средств принуждения, кроме общественного мнения» [14]. Обычаи детально регламентировали поведение индивида. Для обычая была характерна высокая степень императивности его предписаний. Исследователи первобытно-общинного строя часто подчеркивают усвоение индивидуумом в первобытном обществе социальных норм вплоть до превращения их во внутреннюю потребность индивидуума [15].

Одной из форм принуждения в доклассовом обществе являлась кровная месть. «Чужой был враг, он не охранялся ни обычаем, ни религиозным запретом... Чужой охранялся лишь кровной местью членов его племени» [16]. Месть была не только правом, но и обязанностью родственников и близких потерпевшего. Предки тангутов Си Ся не составляли в этом отношении исключения, тем более что ограбление соседа, угон его скота были в древнем тангутском обществе обычным явлением. Китайский источник сообщает об этом так: «Очень мстительны. Если кто не отомстил, то обязательно растреплет волосы на голове, вымажет грязью лицо, ходит босой и питается только овощами. Когда же обезглавит врага, то после этого вновь возвращается к обычному образу жизни» [17]. По другим сведениям, мститель давал клятву: «Пока я не отомщу, я не буду есть хлеба, пусть мужчины и женщины [в моем роде] покроются паршой и облысеют, пусть подохнет скот, пусть змея заползет в мое жилище» [18]. Если мститель сам не был в состоянии отомстить, он призывал на помощь сородичей, угощая их при этом мясом и вином. Когда долг мести был исполнен, отомстивший пил из чаши, сделанной из человеческого черепа, кровь курицы, свиньи или собаки, смешанную с вином. В случае ношения траура по погибшему родственнику мстящий временно не нападал на обидчика, но носил на одежде особый отличительный знак, свиде-

---

[13] Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970, с. 342.

[14] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21, с. 168.

[15] *Гофман А. Б., Левкович В. П.* Обычай как форма социальной регламентации.— Советская этнография. 1973, № 1, с. 16—17.

[16] *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву. Ч. 1. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957, с. 11.

[17] Цзю Тан шу, цз. 198, с. 1651.

[18] Ляо ши. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), гл. 115, с. 420.

тельствующий о том, что на нем лежит обязанность кровной мести [19].

Кровная месть не применялась внутри племени или рода. Ее место здесь занимало изгнание, избавляющее общество от опасного для нее лица. Было ли изгнание у древних тангутов — нам неизвестно. Как вид санкционированного кодексом наказания оно бытовало в современном древним тангутам танском Китае (VII—X вв.) [20].

Нет у нас сведений и об использовании среди тангутских племен принципа талиона — наказания, также возникшего в недрах доклассового общества и применявшегося первоначально прежде всего среди соплеменников. Суть его состояла в наказании виновного по правилу «око за око, зуб за зуб» или путем лишения его того органа, которым было совершено преступление.

Из мести и талиона развился институт композиции — уплаты выкупа за преступление, совершенное против личности. Институт композиции был известен тангутам в X—XI вв. В «Ляо ши» сообщается: «Подают жалобы чиновникам. Чиновник подбирает справедливого человека, умелого оратора, и просит его примирить враждующих. Чиновник узнает, кто прав, а кто виноват, и убийца платит выкуп в сумме 120 тысяч» [21]. Сунский чиновник Цао Вэй (973—1030) докладывал, что тангуты, совершив убийство, откупаются от наказания скотом [22]. Институт композиции нашел отражение и в исследуемом нами кодексе, о чем будет сказано ниже.

В конце X — начале XI в. у тангутских племен, как подчиненных Китаю, так и самостоятельных, господствовало еще обычное право. При возникновении конфликтов между тангутами, подчиненными Сун, китайские власти высылали на место чиновника «примирить их по их собственным законам и обычаям» [23].

Новый этап в истории тангутского права был связан со становлением тангутского государства. Тангутская родовая знать [24],

[19] Там же.

[20] *Кычанов Е. И.* Изгнание (и-сян) в кодексе династии Тан (VII в.) — Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1976, с. 102—107.

[21] Ляо ши, гл. 115, с. 420.

[22] *Окадзаки Сэйро.* Тангуто кодай си кэнкю.— Тоё си кэнкю сокан. Киото, 1972. № 27, с. 341.

[23] Сун ши. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), гл. 491, с. 3832.

[24] Мы не разделяем мнения У Тяньчи о том, что тангутская верхушка была сяньбийской по происхождению, а соответственно более высококультурной и имевшей «более богатые политические, экономические и организационные способности», что тангуты были народом, «находящимся под господством», а тангутская верхушка, «сяньби» — «господствующей народностью». См. *У Тяньчи.* Чжунго Сун ши гоцзи сюешу таолуньхуй луньвэнь. Ханчжоу, 1985, с. 2. Наше мнение по этому вопросу изложено в докладе: *Кычанов Е. И.* К проблеме этногенеза тангутов.— VII Международный кон-

сформировавшаяся в господствующий класс тангутского общества, еще со второй половины IX в. была вовлечена в сферу китайской администрации, а значит, была хорошо знакома с китайским правом. За сто лет действительной и формальной службы китайским династиям правосознание верхушки тангутского общества, ее представления о том, каким должно быть право, а также и правовая психология части тангутских племен, уже несколько лет до этого подчиненных Китаю (так называемые «шу ху»), были ориентированы на китайское право. Борьба за независимость в конце X — начале XI в., реальные социальные отличия тангутов от китайцев, намеренное обращение к своим обычаям, стремление подчеркнуть свою самобытность в значительной мере воспрепятствовали некритической рецепции тангутами китайского права. Становление тангутского права в XI в. вследствие этого определялось двумя тенденциями: с одной стороны, принятием и приспособлением к своим нуждам норм китайского права, с другой — возведением в правовые нормы ряда обычаев тангутских племен.

Марксистская юридическая наука исходит из того, что до появления государства права не существовало. «После того, как возникло государство, весьма важным регулятором поведения людей стало право, т. е. правила поведения (нормы), исходящие от государства или в том или ином виде санкционированные им... Правовая норма — определенный масштаб, мера должного или возможного поведения, гарантированного государством» [25]. Таким образом, тангутское право складывалось параллельно с формированием независимого тангутского государства. Можно только сожалеть, что об этом процессе мы имеем лишь отрывочные сведения из китайских источников. С 985 г. Тоба Цзицянь, основатель тангутской династии Нгвеми (Вэймин), начал создавать свой аппарат управления, что, очевидно, было связано и с зарождением тангутского права. Существование тангутской армии привело к разработке норм военного права, роль которого в жизни тангутского общества была немаловажной. В 1016 г. сын Цзицяня, Тоба Дэмин, ввел в действие свое уложение («дянь») [26], о содержании которого мы ничего не знаем.

Преемник Дэмина — Тоба Юаньхао в 1032 г. с целью окончательной ликвидации племенной раздробленности издал в стране строгие военные законы («бин фа») [27], остающиеся для нас также неизвестными. Военными законами («цзюнь фа») руководствовались в своей деятельности и первые киданьские императоры Ляо. В 939 г. император Тай-цзун действовал, «следуя воен-

---

гресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964). М., 1964, с. 5 и др.

[25] Марксистско-ленинская общая теория государства и права, с. 343.

[26] *Дай Сичжан.* Си Ся цзи. Пекин, 1924, с. 13а.

[27] Сун ши, гл. 485, с. 3786.

ным законам». В 945 г. был издан указ, предписывавший «наказывать по военным законам тех, кто повредит посевы зерновых» [28]. Конкретное содержание военных законов киданей также неизвестно. Можно только предполагать, что законы 1016 и 1036 гг. имели своим источником как обычное право тангутских племен, так и китайское законодательство. В «Лунпин цзи» сообщается, что Юаньхао «знал китайский язык и всякий раз в ходе ведения дел постоянно обращался к книгам с текстами законов („люй фа шу“)» [29]. И в «Ляо ши» подчеркивается, что Юаньхао «знал законы» («фа люй тун») [30].

По-видимому, тангутские законы совершенствовались в период с 1033 по 1039 г., во время реформ Юаньхао, когда в основном окончательно сформировался административный аппарат Си Ся. В императорском титуле, принятом в 1038 г., Юаньхао именуется «учредителем законов и создателем церемониала» [31]. Это тем более вероятно, что, по мнению такого авторитета в области средневекового дальневосточного права, как К. Бюнгер, рецепция китайского права странами Дальнего Востока всегда осуществлялась путем проведения реформ и заимствования кодекса [32]. В числе законодательных актов, изданных Юаньхао, следует упомянуть «туфа лин», «предписание о [ношении прически] туфа» [33]. Упоминание предписаний-«лин» может свидетельствовать о том, что тангутами было воспринято китайское деление законов на четыре группы — «люй», «лин», «кэ» и «ши».

После смерти Юаньхао в 1048 г. вся вторая половина XI в. была для тангутского государства трудным временем внутренних неурядиц и изнурительных войн. О каких-либо событиях, связанных с историей тангутского права в этот период, сведений нет.

К началу XII в. относится первый дошедший до нас в оригинале, т. е. на тангутском языке и в тангутском издании, свод тангутских законов «Яшмовое зеркало командования войсками [девиза царствования] Чжэнь-гуань (1101—1113)». Несомненно, что издание данного кодекса связано с реформами тангутского государя Цяньшуня. Объявляя девизом царствования Чжэнь-гуань, Цяньшунь намекал на сходство своего правления с правлением годов царствования Чжэнь-гуань (627—649) танского императора Тай-цзуна. Эти годы позднее рассматривались как образцовое время спокойствия и порядка. Символическим было и наименование кодекса — «Яшмовое зеркало». Зеркало из яшмы

---

[28] *Симада Масао.* Рё сэй-но кэнкю. Токио, 1954, с. 63—64.

[29] *Цзэн Гун.* Лунпин цзи. [Б. м.], 1708, с. 5а.

[30] Ляо ши, гл. 115, с. 420.

[31] Сун ши, гл. 485, с. 3787.

[32] *Bünger K.* Die Rechtidee in der chinesischen Geschichte.— Saeculum. 1952, Bd. 3, H. 2, с. 216.

[33] Подробнее см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 72.

в древнем Китае почиталось как символ пути чистоты и света, пути порядка и управления, основанного на законе и справедливости.

«Яшмовое зеркало» было сводом военных законов тангутского государства. Упоминаемые в нем потенциальные противники Си Ся — китайцы и кидане. Это подтверждает составление кодекса до 1124 г.— года гибели киданьского государства Ляо. Нами сделан полный перевод сохранившейся части кодекса, который готовится к печати.

В годы под девизом царствования Небесное процветание (кит. Тянь-шэн) при сыне Цяньшуня, тангутском государе Жэньсяо, появился «Измененный и заново утвержденный кодекс», являющийся предметом нашего исследования. Время правления Жэньсяо (1139—1193) оказалось в истории тангутского государства периодом его наивысшего расцвета.

Внешние, прежде всего китайские, источники не содержат никакой информации о создании кодекса тангутами. В какой-то мере об истории появления на свет издаваемого нами памятника рассказывается в предисловии к нему. Не повторяя здесь текста предисловия, который читатель найдет полностью в переводе памятника, отметим лишь следующие моменты. Кодекс был создан по инициативе императора Жэньсяо, который «выразил пожелание исправить смысл великих законов». Повинуясь этому приказу, сановники «отредактировали и сопоставили одни с другими старые и новые кодексы, рассмотрели неясное, сомнительное и непригодное и... составили двадцать глав [нового кодекса]. По высочайшему повелению [он] назван „Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное процветание“». Затем кодекс был отпечатан способом ксилографии и введен в действие также по императорскому указу. Далее в предисловии перечислены все лица, принимавшие участие в его составлении. Обратимся к анализу этого перечня.

Кодекс был составлен специальной комиссией из 23 человек, в числе которых, судя по именам и фамилиям, было семнадцать тангутов и шесть китайцев. Из семнадцати тангутов семь были членами правящего императорского рода Нгвеми. Таким образом, «авторство» в составлении кодекса, хотя бы чисто формально, было на три четверти тангутским и внушительно подтверждает, что хозяином страны, законодателем в ней, является род Нгвеми. Очевидно, возглавлял работу комиссии названный первым Нгвеми Тхиндзиву, глава Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами, т. е. высшего органа гражданского управления страной. Он же единственный из составителей имел титул вана, по значимости второй после императорского. Напрасно было бы думать, что в составе комиссии по подготовке гражданского кодекса гражданские чиновники преобладали над военными. Из шестнадцати высших сановников

ровно восемь служили в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами и ровно восемь — в Главном управлении военных дел. Данное равенство, думается, не было случайным. Цензорат («юйшитай») был представлен в комиссии одним чиновником, финансы — двумя, управление ревизии и контроля — одним. Остальные составители служили лично при императоре в управлении внутренних спальных покоев, в императорской гвардии, управлении петиций и переписки двора, в императорском ямыне, управлении столичного департамента и даже при императорской кухне. Кроме упомянутого выше Нгвеми Тхиндзиву еще семь составителей кодекса имели княжеские титулы. Лишь один из двадцати трех членов комиссии, Сучжилие, известен нам также и по упоминанию его имени в китайских источниках [34]. Имена и должности всех остальных упоминаются в кодексе впервые.

Мы не можем представить себе реально участие каждого члена комиссии в составлении кодекса. Возможно, некоторые из них были лишь почетными наблюдателями и присутствовали на заседаниях комиссии, но важно указать, что ряд членов ее могли быть непосредственными исполнителями дела или руководителями соответствующих служб, что даже вернее. В первую очередь в числе таковых следует назвать тангута Пхалие Киуцу, «дипломированного» юриста, имевшего звание «составитель кодекса». Он же был официальным переводчиком с китайского и имел ученую степень «магистра китайской словесности». Кроме него ученую степень «магистра китайской словесности» имели еще тангут Гхомэ Рушэ и китаец Чжао Цзы. Степень магистра — не указано, по какой специальности, может быть, по тангутской словесности — имел упоминавшийся ранее Сучжилие. В составе комиссии работали три наставника из высшей школы китайской словесности (Ян Бичжун, Ян Ту, Мэн Ин) и один из высшей школы тангутской словесности, Сучжилие, почему мы и предполагаем, что он имел степень магистра именно тангутской словесности. Три тангута — Гхомэ Рушэ, Пхалие Киуцу и Сучжилие — занимали официальные должности переводчиков с китайского. Ян Бичжун являлся «сопоставителем китайских текстов».

Таким образом, тангутский «Измененный и заново утвержденный кодекс» был составлен не только людьми именитыми и занимающими высокие должности, но людьми образованными, знавшими как китайскую, в том числе и правовую, так и тангутскую культурную традицию. Думается, что особо следует выделить трех вышеупомянутых тангутов — Пхалие Киуцу, Гхомэ Рушэ и Сучжилие — как наиболее вероятных непосредственных руководителей и исполнителей порученного им дела.

---

[34] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 239.

Комиссия работала по заданию императора, который, как сказано в предисловии, «выразил пожелание исправить смысл великих законов». Труд членов комиссии и, безусловно, большой группы приданных им лиц явился результатом изучения и переосмысления применительно к тогдашним тангутским условиям имевшихся ранее кодексов и других типов законодательства, как тангутских, так и китайских.

Имея кое-какие сведения об истории тангутского права, сообщенные выше, мы должны отметить, что в XII в. мы встречаемся у тангутов уже только с кодифицированным правом, т. е. правом развитым. Кодификация или пересмотр законов представляет собой везде высокую и новую ступень развития права, она всегда отражает важные перемены, происшедшие в обществе [35].

Именно такие перемены переживало и тангутское общество в середине XII в. Император Жэньсяо поощрял образование, прежде всего конфуцианское, и с 1146 г. официально ввел в Си Ся культ Конфуция. Он укрепил школы, создал Тангутскую академию, была развернута работа над составлением истории тангутского государства. Середина XII в. была и временем экономического подъема Си Ся. Пересмотры, переиздания кодексов имели конфуцианскую традицию, заключенную, как полагают историки китайского права, в тезисе «вэнь гу эр чжи синь» — «с любовью относиться к древности, но и знать новое» [36].

Источниками права при составлении «Измененного и заново утвержденного кодекса», как это ясно из предисловия, служили старые кодексы и собрания законов, тангутские и китайские. Из тангутских мы можем назвать кодекс, предшествовавший «Измененному и заново утвержденному», и «Яшмовое зеркало командования войсками». Кодекс, который предшествовал «Измененному и заново утвержденному кодексу», очевидно, действовал в государстве Си Ся в XI в. и, возможно, был составлен даже при Юаньхао или Дэмине. Упоминание о нем нам удалось обнаружить совсем недавно при полном переводе «Яшмового зеркала командования войсками». В главе III этого памятника (инв. № 3481, л. 14б) военного права в одной из статей говорится: «Если у врага захвачены в качестве трофеев конные и пешие, живые и мертвые, имущество, то [все захваченное] должно стать общим достоянием воинской части и может быть поделено. Тем, кто захватил трофеи, прятать их не разрешается. Если таковые скроют трофеи, то приговор им выносится *на основании* (курсив мой.— *Е. К.*) указанных в „Кодексе“ правил

[35] *Жулиньяк С.* О кодификации и ее влиянии на законодательство и на науку права. М., 1876, с. 11—12.

[36] *Alabaster E.* Notes on Chinese Law and Practice Preceding Revision.— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1906, vol. 37, c. 81.

о наказаниях пособников при получении взятки, а [сокрытое] имущество должно быть поделено». Это явная ссылка на существовавший до «Яшмового зеркала» и параллельный с ним кодекс — собрание уголовных, гражданских и т. д. законов, — вероятно, именно тот, который предшествовал издаваемому памятнику и был «изменен» и «дополнен».

Из китайских кодексов это были танский уголовный кодекс «Тан люй шу и» (составление завершено в 653 г., обнародован в 737 г.) и сунский уголовный кодекс «Сун син тун», созданный на основе танского (составление завершено в 959 г., опубликован в 963 г.). В средневековом Китае с династии Тан собрания законов различной степени важности и силы делились на четыре категории — «люй», «лин», «кэ» и «ши». «Люй» — это уголовные законы по преимуществу. Хотя в кодексах «люй», как писал К. Бюнгер, почти все «нормы на деле формально имеют уголовно-правовую оболочку, они также, в европейском понимании права, в известной мере включают в себя и другие области права, например семейное право, процессуальное право, административное право и т. д.» [37]. Рассматривать «люй» как уголовные кодексы с включением в них ряда других областей права согласны все европейские исследователи последних лет.

Основное отличие «люй» от трех других типов законодательства — «лин», «кэ» и «ши» — состояло в том, что законы «люй» за правонарушения указывали точную меру наказания. В «Тан лю дянь» (739 г.) различие между этими четырьмя типами законов объяснено так: «Люй фиксируют преступления с указанием точных мер наказания. Лин утверждают административную систему путем создания образцов. Кэ исправляют сделанное неправильно, путем запрещения нарушений, ши устанавливают нормы для ведения дел посредством указания правил» [38]. «Лины», таким образом, являлись предписаниями, о которых крупнейший историк дальневосточного права Ниида Нобору писал, что «они предполагают неоформленный запрет» [39]. «Лины» «устанавливали правила и имевшие место прецеденты во взаимоотношениях между благородными и презираемыми, знатными и низкорожденными и обеспечивали административную систему государства» [40]. «Лины» издавались и в Си Ся, примером может служить знаменитый «туфа лин» — предписание императора Юаньхао о ношении всеми жителями Си Ся унифицированных причесок «туфа». Таким образом, «лины» были предписаниями, правилами высшего, общегосударственного по-

[37] *Bünger K.* Quellen zur Rechtsgeschichte der T'ang Zeit. Peiping, 1946 (Monumenta Serica. Monograph IX), c. 22.

[38] Да Тан лю дянь. Тайбэй, 1974, гл. 6, с. 136.

[39] *Ниида Нобору.* То-Со-но хо-то Корё хо.— Тохо гаку. 1965, т. 30, с. 21.

[40] *Twitchett D. C.* The Fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways.— Asia Major. N. S. 1957, vol. 6, pt 1, c. 25.

рядка. Они вводились указами, распоряжениями («лин» — букв. «указ», «приказ») и были обязательны для всех. Собрания таких указов-предписаний издавались отдельно.

«Кэ» и «ши» являлись в основном видами административного законодательства, но уже не общегосударственного, а ведомственного значения. «Кэ» — правила деятельности администрации — носили по сравнению с «ши» более общий характер: например, «шан кэ», «правила о награждениях», «фу чжи кэ», «правила о субординации» и т. п., т. е. они являлись, по заключению Д. Твичета, правилами, которые «должны были поддерживать деятельность сотен управлений» [41], или, по мнению Чэнь Гуюаня, были «схожи с современными административными законами» [42]. Собрания «кэ» также регулярно издавались. Если предписания, законы типа «лин», имели общегосударственное значение и были обязательными для всех граждан, а «кэ» служили правилами для всех органов управления и были общеобязательными для всех чиновников, то законы типа «ши» представляли собой ведомственное законодательство, инструкции или правила внутреннего распорядка в нашем понимании, которыми должно было руководствоваться то или иное ведомство и его чиновники. Примером могут служить «ши» — инструкции «департамента водных путей», найденные в Дуньхуане и опубликованные Д. Твичетом. Мы ничего не знаем о существовании законов типа «кэ» и типа «ши» у тангутов до «Измененного и заново утвержденного кодекса», а ниже попытаемся показать, что тангуты включили часть таких законов в данный кодекс, объединив под одной обложкой все четыре вида законов, известных в средневековом китайском праве.

Надо еще отметить, что в современном тангутскому государству сунском Китае в дополнение к четырем вышеназванным типам законодательства постепенно первенствующую роль стали играть собрания императорских указов, «чи». Вначале «чи» только дополняли «люй», «лин», «кэ» и «ши» и сосуществовали с ними [43]. Император Шэнь-цзун (1068—1085) счел «люй» недостаточными и рассредоточил собрание законов по «чи», «лин», «кэ» и «ши», и традиционная формула «люй—лин—кэ—ши» была как бы заменена другой: «чи—лин—кэ—ши». Сборники законов типа «чи» при династии Сун издавались много раз, они подразделялись на 12 разделов и по структуре совпадали с

---

[41] Там же.

[42] *Чэнь Гуюань*. Чжунго фачжи ши. Шанхай, 1935, с. 118.

В. А. Якобсон предложил, на наш взгляд, очень удачную классификацию четырех групп законов средневекового Китая: 1) «люй» – общие нормы; 2) «лин» — частные, общеобязательные предписания, касающиеся всего населения; 3) «кэ» — общие предписания по вопросам администрации; 4) «ши» – ведомственные инструкции.

[43] *Eichhorn W*. Bemerkungen über einige nicht amnestierbare Verbrechen in Sung Rechtswesen.— Oriens Extremus. 1961, 8. Jg., H. 2, c. 166.

уголовными кодексами «Тан люй шу и» и «Сун син тун». До появления в свет «Измененного и заново утвержденного кодекса» можно назвать издания «чи» 963, 998—1003, 1068—1077, 1078—1085 гг. Все они не сохранились. Сейчас известно только собрание последних сунских «чи» — «Цинь-юань тяо фа ши лэй» (1195—1200), и то из 80 глав данного издания 44 потеряны. «Чи» никогда не отменяли «люй», уголовных кодексов, а значит, для сунской эпохи и действенности «Сун син тун». Встречающееся иногда утверждение, что сунская династия практически жила без уголовного кодекса, неверно. «Между „люй" и „чи",— писал Ниида Нобору,— противоречие не слишком большое. „Люй" также имели применение, но в тех случаях, когда между ними было все-таки противоречие, следовало руководствоваться „чи"» [44]. Чэнь Гуюань считал: «В целом законодательство Сун следовало танским „люй—лин—кэ—ши", но временами производились сокращения и добавления и поэтому уважались собрания указов (чи)» [45]. Наконец, Миядзаки Итисада пишет, что при Сун, когда указы-«чи» приобрели силу, собрания их стали рассматриваться как новые уголовные законы. При решении дел, особенно в Южной Сун, судья прежде смотрел в сборник указов, а затем уже в кодекс. Кодекс Сун из основного собрания законов был низведен до вспомогательного, но «действия его никто никогда не отменял» [46].

«Измененный и заново утвержденный кодекс» относится к дальневосточной системе права, основу которой составляло право китайское и в которую в средние века входили также право японское, корейское, вьетнамское, киданьское, чжурчжэньское. «Понятие правовой семьи предполагает, главным образом, сходство структуры права» [47], и в этом, главном, как мы попытаемся показать всем текстом нашего исследования в дальнейшем, тангутское право было схоже с китайским, что не мешало ему иметь собственные особенности, ибо «каждое национальное право представляет... известную оригинальность, проявляющуюся в наличии только ему свойственных институтов» [48].

В многовековой истории китайского права, начиная с полулегендарного «Фа цзин» («Канона законов») Ли Куя и до сунского законодательства, реальными источниками тангутского права могли быть только вышеупомянутые «Тан люй шу и», «Сун син тун» и текущее законодательство Сун. Наряду с этим комиссия использовала тангутские законы, а также изданные к

[44] *Ниида Нобору.* То-Со-но хо-то Корё хо. с. 21.

[45] *Чэнь Гуюань.* Чжунго фачжи ши, с. 117.

[46] *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико.— Тохо гаку. 1964, № 24, с. 119—120.

[47] *Рене Давид.* Основные правовые системы современности. М., 1967, с. 98.

[48] Там же, с. 103.

этому времени указы тангутских императоров, особенно те, которые отражали судебную практику предшествовавших лет. На работу комиссии не могли не оказать влияние и учение о праве, правовые теории тех лет. Использование обычая в XII в., судя по тексту кодекса, почти не имело место. Итак, китайские уголовные кодексы, тангутские законы, судебный прецедент могли быть главными источниками права, которыми пользовалась комиссия при составлении «Измененного и заново утвержденного кодекса». Правотворчество — определенная форма деятельности государства, оно «охватывает также и специальную деятельность государства по внесению изменений в действующие правовые нормы, по отмене устаревших правовых норм, а также по упорядочению уже принятых ранее правовых актов, приведение их в определенную систему — систематизацию законодательства» [49]. Такого рода правотворческая деятельность составляла суть работы комиссии. Ее работа прошла все этапы принятия правотворческого решения — создание проекта кодекса, его обсуждение, внесение на рассмотрение правотворческого органа (императора), принятие императором решения и обнародование кодекса (публикация и введение в силу). Роль единственного правотворческого органа, единственного законодателя в тангутском государстве и в Китае выполнял император. «Император предстает перед нами из источников,— пишет К. Бюнгер,— как высший, единственный, центральный законодатель. В области законодательства он не ограничен ничем, кроме своей совести, разума, интересов государства и известными традициями, т. е. всеми факторами, которые вообще лежат вне государственно-правовых соображений. Его чиновники консультируют его в делах законодательства, но нет никакого института, который мог бы наложить абсолютное вето» [50]. Понятие «фа», «закона», заключало в себе прочные связи с традиционным законодательством и обладало «внутренним присущим ему качеством непрерывности», но соблюдение традиций было для императора обязательством «по своей природе скорее моральным, чем государственно-правовым» [51].

Император был не только единственным и абсолютным законодателем, хотя разработка и пересмотр законов, как мы видим на примере «Измененного и заново утвержденного кодекса», конечно, были делом чиновников и император сам не мог заниматься техническими подробностями дела, но и верховным судьей, конечной судебной инстанцией. «Та большая степень внимания, которую государь уделял не только общей правовой политике, но и отдельным проблемам законодательства и отдельным случаям судебных решений, в особенности уголовных, яв-

[49] Марксистско-ленинская теория государства и права, с. 579.
[50] *Bünger K.* Quellen zur Rechtsgeschichte, с. 48.
[51] Там же, с. 49.

лялась достопримечательностью системы китайского права»[52]. Выполнение императором функций верховного судьи придавало особое правотворческое значение выносимым или одобряемым им судебным приговорам. Решение императора нередко обнародовалось в форме указа, и такие указы становились законодательными предписаниями. Это, как справедливо полагает К. Бюнгер, в значительной степени делало китайское право правом, основанным на прецеденте[53].

Данная особенность являлась особенностью не только китайского права, но и дальневосточного права в целом. В частности, на нашем тангутском материале мы имеем хорошее подтверждение высказанному К. Бюнгером мнению. Рукопись № 4189 как раз является конспективными записями содержания императорских указов и решений высших инстанций (то, что при Тан называлось «чи цзе вэнь» или «чи лю вэнь» — «кратким изложением содержания указа»), судебных решений по разным делам за 1163—1168 гг., приобретших силу закона. По-видимому, эти изложения сути указов рассылались по всем инстанциям из столицы на места. Поскольку в дальнейшем мы уже не будем специально возвращаться к подробной характеристике этой важной рукописи, то следует именно сейчас привести основные сведения о тех проблемах, которые затронуты в кратких записях важных решений высших инстанций Си Ся.

15-й год девиза царствования Небесное процветание, 8-й месяц (2—31 августа 1163 г.). Законспектировано решение Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами о порядке выкупа заложенных людей, земли и построек в тех случаях, когда они были отданы в залог до 10-го месяца 9-го года девиза царствования Небесное процветание (4 ноября — 4 декабря 1157 г.), и о порядке обложения налогом доходов, получаемых с закладов, выкупаемых владельцами заложенного имущества или другими лицами вместо них.

Запись, датированная 7-м днем 6-го месяца 16-го года девиза царствования Небесное процветание (27 июня 1164 г.). Изложение доклада на высочайшее имя с сообщением о том, что в Северном военном комиссариате («цзинлюе») два-три года подряд были очень дождливыми. Хлеба вымокали и гибли. Народ бедствует. Многие люди, главы семей, чтобы как-то поправить дела, продают своих жен, дочерей, сыновей и прочих родственников чужим людям в пхинга и нини (лично несвободные люди в Си Ся, подробно о них будет сказано ниже). Много бывших свободных людей теперь стали рабами («нджеу») или слугами («мбие-йиу»). Отныне предписывалось предоставить право лицам, продавшим родственника, возвращать полученные

[52] Там же, с. 50.
[53] Там же, с. 56.

за продажу родственника деньги и забирать проданных людей обратно. Продавшим родственников людям объявлялась амнистия, так как по действующему законодательству продажа в неволю родственника рассматривалась как преступное деяние.

На основании доклада, представленного ведомством по подаче докладов («цзиньцзоуюань»), решением от 3-го дня 6-го месяца 18-го года девиза царствования Небесное процветание (1 июня 1166 г.) устанавливалось следующее: по действующему законодательству если пхинга обкрадет хозяина, то он и получает наказание от хозяина, если хозяин не заявит на него властям. Если же хозяин заявит на него властям, то мера наказания пхинга, обокравшему своего хозяина, выносится государственной властью в соответствии с законом. Дополнительно было постановлено, что если пхинга обкрадет не хозяина, а другого, постороннего человека, то запрещается передавать его для наказания хозяину и приговор ему может быть вынесен только в соответствии с законом.

В том же, 1166 г. местные власти извещались о наказании командира сотни («дуфу») Йон Ниелди, который, будучи отправленным на подавление восстания тибетцев, вместо того чтобы сурово покарать восставших, взял с них взятку.

В 11-м месяце 16-го года девиза царствования Небесное процветание (16 ноября — 16 декабря 1164 г.) цзиньцзоуюань доложило государю, что чиновники отдают во временное пользование разным людям для верховой езды вверенных им под надзор государственных коней. Было постановлено, что чиновники, ссужавшие государевых коней, получают по закону наказание за взятку, в зависимости от того срока, на который была отдана государева лошадь, и стоимости одного дня работы данной лошади: за использование государева коня не по назначению на срок от одного до двух дней виновному в том полагался год каторжных работ, донесшему об этом определялась награда за донос в 20 связок монет. За использование государева коня не по назначению на срок свыше месяца полагалось 10 лет каторги, и устанавливалась награда доносчику в сумме 100 связок монет. То лицо, за которым государев конь был закреплен непосредственно, наказывалось как пособник.

В донесении от 17-го года девиза царствования Небесное процветание (1165 г.) разбирался вопрос о некой нини Кхви-мавией-шие-нджеу — «рабе [по имени] Сука, ставшей человеком», которая была соучастницей банды грабителей, за что была осуждена на каторжные работы и отправлена в Эдзина (Хара-Хото) отбывать наказание. Возник вопрос, кто должен был одевать и кормить ее. Было предложено решить этот вопрос при участии ее хозяина, некоего чиновника.

Постановлением от последнего зимнего месяца 19-го года девиза царствования Небесное процветание (12 января — 11 фев-

раля 1168 г.) предписывалось разрешить пхинга, которые, получив от хозяина вольную, служили во вспомогательных войсках, по их желанию переходить на службу в регулярную армию, с тем чтобы при ней выполнять тяжелые работы.

И наконец, последняя запись, датированная 20-м годом девиза царствования Небесное процветание (1168 г.), содержала высочайшее решение по делу некоего чиновника Жэнь Ахоу, одного из старших начальников управления, ведавшего перепиской двора («гуйсясы»). Суть дела состояла в том, что указанный чиновник прижил детей от своей нини по имени Нанджике и решил объявить ее своей законной женой, а прижитых от нее детей — своими законными детьми. Он публично объявил о своем решении, но не совершил предварительно обряда принесения жертв духу-хранителю семьи. Брак Жэнь Ахоу с Нанджике был признан государем незаконным, во-первых, потому, что Жэнь Ахоу не принес жертв духу-хранителю семьи, а во-вторых, потому, что этот брак нарушал существующие нормы общественной морали. Этот брак вел к смешению «благородных» и «подлых». Он ставил в двусмысленное положение детей, у которых отец оказывался «благородным», а мать — из «подлых» людей, а ведь дети в семье должны почитать мать. В неловком положении оказывались и родственники Жэнь Ахоу, которые в результате его брака становились родней «подлого человека» [54].

Таково краткое содержание этого важного памятника тангутского права, позволяющего нам конкретно оценить роль прецедента в дальневосточном праве и, что крайне важно, точно датировать «Измененный и заново утвержденный кодекс». Дело в том, что некоторые из вышеперечисленных решений вошли в «Измененный и заново утвержденный кодекс». Известная нам дата его составления — годы царствования Небесное процветание — охватывает 20 лет (1149—1169). Соответственно получается, что кодекс мог быть введен в действие и в 1149, и в 1169 гг. или где-то посередине. Определить точную дату нам как раз и помогают сведения, почерпнутые из рукописи № 4189. В издаваемом кодексе отражен указ 1166 г. о порядке наказания пхинга за совершение кражи у хозяина или у постороннего человека. В статье 109 кодекса говорится, что если пхинга или нини обкрадут хозяина, то хозяин докладывает о краже в управление. Управление проводило расследование дела, и если оказывалось, что похищенное имущество действительно было хозяйское, то дело передавали на усмотрение хозяина и виновных в краже пхинга наказывали по закону только по его просьбе. Следовательно, кодекс, по крайней мере в этой своей части, был составлен после 1166 г. В кодексе отражены и решения от 1168 г. о праве пхинга по получении вольной от хозяина слу-

[54] *Кычанов Е. И.* Тангутская рукопись № 4189.

жить во вспомогательных войсках (ст. 377) и по делу Жэнь Ахоу. Кодекс допускал считать нини женой, а детей от нее — законными детьми, если при вступлении в брак будут принесены специальные жертвы духам-хранителям (ст. 1421), чего не сделал Жэнь Ахоу. На основании этих аналогий мы высказываем мнение, что работа комиссии была завершена не раньше 1168 г., а то и в 1169 г., и «Измененный и заново утвержденный кодекс [девиза царствования] Небесное процветание» следует датировать 1169 г.

Вместе с тем на этих трех примерах мы видим, что прецедент судебного решения императора, императорский указ учитывался при составлении кодекса.

Итак, можно предполагать, что «Измененный и заново утвержденный кодекс», этот центральный по своей роли и значимости из сохранившихся памятников тангутского права памятник, был завершен в 1169 г. За ним стояла и длительная традиция развития китайского права, и те нормы и положения собственно тангутского права, которые сложились и развивались за полуторавековой период государственности у тангутов. И хотя этот громадный кодекс, казалось бы, обнимал все стороны жизни тангутского общества, вскоре выяснилось, что жизнь все-таки многообразнее предусмотренных в нем случаев. Потребовались дополнения и изменения. Судебная практика с императорскими решениями по ряду дел создала новые прецеденты, ставшие общеобязательными при рассмотрении подобных преступлений. Уже через 40 лет возникла потребность в обобщении нововведений, о чем мы, по счастливому стечению обстоятельств, тоже имеем достаточно подробную информацию.

В общих описаниях тангутского собрания рукописей и ксилографов ЛО ИВ АН не раз уже упоминались «Новые законы», «Новые законы года свиньи (или вепря)», «Новые законы года обезьяны эпохи Гуан-дин»[55]. И до недавнего времени оставалось неясным: идет ли речь о разных памятниках или об одном и том же памятнике под разными названиями? Каково содержание памятника? Сейчас мы в состоянии дать ответ на эти вопросы.

Объективные причины разнообразия наименования памятника состоят в том, что у подавляющего большинства рукописных книг не сохранились или плохо сохранились титульные листы. Книги разноформатны, а тексты переписаны разными почерками. Количество глав памятника, включенных в одну книгу, также неодинаково. Сохранившиеся названия глав — «Новые законы» и «Новые законы года свиньи» — вынуждали длительное время предполагать, что перед нами, возможно, два разных

[55] *Горбачева З. И., Кычанов Е. И.* Тангутские рукописи и ксилографы, с. 86—92; *Невский Н. А.* Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960, с. 89.

памятника. Нужны были детальное обследование текстов и тщательная их сверка, чтобы убедиться, что это один и тот же памятник под разными названиями. При этом обнаружилось и то, чего не замечали ранее. Рукопись № 2842 имеет на обложке заглавие «Новые законы года свиньи, глава XII», а на обороте листа, перед началом текста — «Новые законы, глава XII». Рукопись № 5591 на обложке имеет рядом сразу два заглавия: «Новые законы, глава XVI» и «Новые законы года свиньи, глава XVI». Экземпляры памятника под инв. № 8183 и 2622 имеют заглавие «Новые законы года свиньи», а под инв. № 749 — «Новые законы». Сверка содержания этих книг убеждает нас в том, что перед нами один и тот же памятник. То же полное совпадение текстов при различном их наименовании мы обнаруживаем и в рукописях № 5591 и 2819. Следовательно, перед нами один и тот же памятник, фигурировавший под двумя различными наименованиями, одно из которых — «Новые законы года свиньи»,— возможно, было более полным его названием.

Логично предположить, что «Новые законы», раз они «новые» и не упоминаются в «Измененном и заново утвержденном кодексе», были составлены после него. После 1169 г. год свиньи по двенадцатилетнему животному циклу приходился на 1179, 1191, 1203, 1215, 1226 и 1237 гг., и любой из них, кроме 1237 г., так как тангутское государство погибло в 1227 г., мог предположительно быть годом завершения составления или обнародования «Новых законов». Сделать необходимые уточнения нам помогают имеющиеся на некоторых рукописях даты переписки. Все они относятся к девизу царствования Гуан-дин и ко времени после 1215 г. Рукопись № 827 имеет дату «год мыши, 1-й месяц», «Гуан-дин, год мыши, 1-й месяц», что соответствует 21 января — 18 февраля 1216 г. Рукопись № 2819 имеет дату переписки «Гуан-дин, год змеи, 5-й месяц, 9-й день», т. е. 31 мая 1221 г. Рукопись № 2842 датирована «Гуан-дин, год змеи, 7-й месяц, 14-й день», т. е. 30 июля 1221 г. Следовательно, год свиньи, в котором были составлены или опубликованы «Новые законы», несомненно, приходился на 1215 г. В Эдзина (Хара-Хото) «Новые законы» поступили с запозданием и начали переписываться, насколько нам пока известно, с 1216 г. Что касается упоминаемых Н. А. Невским «Новых законов», датированных годом обезьяны девиза царствования Гуан-дин (1212 г.), то рукописи с этой датой ни в известных нам списках памятника, ни в записях в инвентарной книге Тангутского фонда ЛО ИВ АН, сделанных в 30-х годах лично Н. А. Невским, не обнаружено. Однако откуда же взялась эта дата?

Год обезьяны девиза царствования Гуан-дин несколько раз упоминается в тексте главы VIII «Новых законов». «В год обезьяны девиза царствования Гуан-дин (1212 г.) в предместье [столицы] вспыхнул сильный пожар. Обнародованные ранее го-

сударевы указы были отменены, и значительно были увеличены награды за донос [о виновниках возникновения пожаров] и наказания [таковым]» [56]. Все меры наказания были увеличены на одну степень. И далее: «Если до вступления в силу „Новых законов“, до 23-го дня 3-го месяца года обезьяны [девиза царствования] Гуан-дин (26 апреля 1212 г.), женщина еще не вошла в семью мужа, то претендовать [на возвращение средств], выделенных [женихом] на угощение, [в случае, если брачный контракт не состоялся], а [должностным лицам] принимать такие претензии запрещается» [57].

Итак, значит, «Новые законы» вступили в силу с 26 апреля 1212 г., года обезьяны. Следовательно, Н. А. Невский читал текст этой главы и потому указал на эту дату, правда без каких-либо пояснений. Введение каких-то изменений в тангутское законодательство в 1212 г. после очередного вторжения монголов, едва не овладевших столицей Си Ся, вряд ли случайно. Летом 1211 г. у тангутов сменился государь. Место Аньцюаня занял Цзуньсян, начавший, по-видимому, свою деятельность с каких-то нововведений, одним из которых и явилось введение в силу «Новых законов». Можно думать, что «Новые законы» были введены в силу с 26 апреля 1212 г., а обнародованы в 1215 г., году свиньи по двенадцатилетнему животному циклу, и потому названы «Новыми законами года свиньи». Только так мы пока в состоянии объяснить трехлетнее расхождение в датах между тем днем, с которого следовало руководствоваться «Новыми законами», и датой их наименования. Возможно, по «Новым законам» рекомендовалось наказывать за те преступления, которые были совершены после 26 апреля 1212 г., хотя они и были обнародованы в 1215 г. и позднее.

Были ли «Новые законы года свиньи» самостоятельным новым кодексом тангутского государства, каковым, например, был «Измененный и заново утвержденный кодекс», или только дополнениями и изменениями к последнему? Прочтение текста «Новых законов» показывает, что перед нами не самостоятельный кодекс, пришедший на смену старому, а дополнения и изменения к старому кодексу, накопившиеся за 40 лет после того. Деление на главы в «Измененном и заново утвержденном кодексе» и «Новых законах» совпадает. Совпадает и рубрикация разделов в главах. Те разделы в кодексе, к которым нет изменений и дополнений, в «Новых законах» отсутствуют. И наконец, это подтверждается содержанием статей «Новых законов». Например, в статье 1 главы III «Новых законов» говорится: «В кодексе указано, что [лицу], не участвовавшему в сговоре об ограблении, но принявшему [краденое] в заклад, на хране-

[56] «Новые законы», гл. VIII, инв. № 827, с. 32.
[57] Там же, с. 38.

ние, взявшему [его] в долг, продавшему [краденое] или получившему долю из краденого имущества и [при этом] знавшему, что [оно] краденое, наказание выносится на одну степень меньшее, чем пособнику при ограблении с применением или без применения насилия. Однако в кодексе не указано, как поступать с теми, кто знал, что имеет дело с краденым имуществом, захваченным бандой грабителей». И соответственно в «Новых законах» содержится дополнение: «Тот, кто знал, что это имущество похищено бандой грабителей, и участвовал в [его]дележе, а также продавал (его), брал в долг, на хранение или принимал в заклад, наказывается пожизненными каторжными работами сроком на 12 лет без права возвращения после отбытия срока каторги в свой гвон или 8 годами каторжных работ» [58].

Изменения и дополнения к «Измененному и заново утвержденному кодексу», закрепленные в «Новых законах», отражали изменение условий в жизни страны. Например, в главе I закон увеличивал возможности откупа от наказаний за уголовные преступления, причем откуп железом, допускаемый ранее по кодексу, был заменен откупом деньгами из расчета сто медных монет за один цзинь (около 600 г.) железа [59], что отражало, с одной стороны, рост денежного хозяйства в Си Ся, с другой — нехватку денег у казны. Изменения учитывали прецедент. В статье 4 главы VIII изложена суть дела, судебное решение по которому в дальнейшем предписывалось принять за норму вынесения мер наказания в подобных случаях. Некие Шан Асики и Чжан Асыго пригласили Лижэ Лэцзинь, жену некоего Шибура, купили вина, выпили, дали женщине четыре связки монет, после чего Шан Асики силою овладел Лижэ Лэцзинь. По указу императора Шан Асики получил 5 лет каторжных работ, а Асыго за пособничество — один год. «После этого,— говорится в „Новых законах",— в тех случаях, когда будет совершено преступление, подобное тому, которое совершил Асики, следует поступать на основании этого закона» [60].

Итак, «Новые законы», «Новые законы года свиньи» и упоминаемые Н. А. Невским «Новые законы года обезьяны эпохи Гуан-дин» — один и тот же памятник, представляющий собой имеющие силу с 26 апреля 1212 г. и, вероятно, обнародованные в 1215 г. дополнения и изменения к «Измененному и заново утвержденному кодексу законов». Возможно, эти дополнения и изменения никогда не издавались ксилографически, а были разосланы на места, в управления в виде серии рукописных книг, которые на местах и размножались переписчиками, в Хара-Хото

[58] Там же, гл. III, инв. № 2819, с. 5.
[59] Там же, гл. I, инв. № 749, с. 3.
[60] Там же, гл. VIII, инв. № 827, с. 36—37.

начиная с 1216 г. и далее. «Теоретически,— писал историк китайского права Люис Жэнь,— объявленный в начале каждой династии закон оставался неизменным на все время ее правления. Но практически через каждые пять или десять лет при новых обстоятельствах появлялись и новые правила, которые, получив санкцию императора, собирались воедино, классифицировались и немедленно вводились в силу помимо относящихся к делу статей в книгах законов. Они имели ту же силу, что и основные статьи» [61]. Таковыми являлись и тангутские «Новые законы».

«Новые законы» существенно отличались от безымянной рукописи № 4189. Они были не просто хронологической фиксацией решений императора или каких-то иных высших инстанций по разным делам, а представляли собой систематизированные дополнения и исправления к действующему кодексу династии. Собственно, они были хорошей заготовкой для нового, более усовершенствованного издания кодекса, т. е. кодекса, в очередной раз «измененного и заново утвержденного».

Несколько слов о наименовании «измененный и заново утвержденный». В тангутском оригинале та часть названия кодекса, которую принято так переводить со времен Н. А. Невского, буквально значит: «старое изменить, новое утвердить». Такой заголовок предполагает существование в тангутском государстве уголовного кодекса до издаваемого нами, что недавно нашло подтверждение в тексте «Яшмового зеркала» [62]. Подобные названия кодексов мы встречаем у киданей и у чжурчжэней [63].

История изучения памятников тангутского законодательства предельно кратка. Ими интересовался только Н. А. Невский, готовя свой общий обзор тангутской коллекции ЛО ИВ АН «Тангутская письменность и ее фонды». Этот обзор, вначале доклад, прочитанный Н. А. Невским на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г., содержал следующую информацию о памятниках тангутского законодательства: «Далее, в нашей коллекции имеется весьма интересный труд, исследование которого должно осветить как государственный строй тангутского государства, так и социальные взаимоотношения в нем. Я имею в виду „Измененный кодекс законов эпохи Небесного Процветания (1149—1171)“, состоящий из 20 книг. Кодекс этот был составлен целой комиссией ученых. Упоминание нескольких переводчиков с китайского языка заставляет предположить, что данный кодекс был переводом сунского уложения, приноровленным к тангутской специфике. Кроме этого ксилографированного труда, имеющегося в коллекции почти полностью, мы находим рукописные книги

[61] *Gen L.* Some Characteristic of the Ancient Chinese Law.— The Asiatic Review. 1952, April, c. 240.

[62] «Яшмовое зеркало», гл. III, инв. № 3481, л. 14б.

[63] *Симада Масао.* Рё сэй-но кэнкю, с. 64, 67, 72; *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико, с. 127.

другого кодекса, носящего название „Новые законы года обезьяны эпохи Гуан-дин (1212 г.)“»[64]. Н. А. Невский не ошибся в том, что «Измененный и заново утвержденный кодекс» — источник первостепенной важности для изучения тангутского общества и тангутского государства. Однако его предположение, что перед нами перевод сунского уложения даже «приноровленный к тангутской специфике», не оправдалось.

Свои соображения по истории тангутского законодательства, порой очень ценные, на основе изучения китайских источников вначале в виде отдельной статьи, а затем специальной главы в монографии «Изучение древней истории тангутов» высказал видный японский историк Окадзаки Сэйро. Он, в частности, предполагает, что на составление «Измененного и заново утвержденного кодекса» Си Ся могло повлиять создание чжурчжэнями в государстве Цзинь их кодекса «Хуан тун синь чжи» (1145 г.) по китайским образцам, не включавшего «старых обычаев» чжурчжэней, а на составление «Новых законов» — следующего цзиньского кодекса, «Тай-хэ люй» (1201 г.)[65]. Данные чжурчжэньские кодексы не сохранились. О тангутском праве пишут и современные китайские авторы[66].

Таким образом, памятники тангутского законодательства еще предстоит изучать. Мы надеемся, что публикация сводного текста «Измененного и заново утвержденного кодекса», его перевода на русский язык, первого и потому неизбежно не лишенного некоторых недостатков, дадут необходимый материал в руки исследователей и будут с интересом восприняты всеми, кто интересуется средневековым дальневосточным правом.

3. Структура памятника

«Измененный и заново утвержденный кодекс» еще и потому не был переводом сунского уложения, что авторитетная комиссия, руководившая работой, юристы Си Ся, уже при выборе формы изложения и определении структуры памятника отказались слепо следовать китайским образцам.

Кодекс открывается оглавлением, точнее, оглавлением — указателем, где помимо перечня глав, указания количества статей в каждой главе и наименования разделов приводились краткие сведения о содержании статьи, думается полностью понятные

---

[64] *Невский Н. А.* Тангутская филология. Кн. 1, с. 89.

[65] *Окадзаки Сэйро.* Тангуто кодай си кэнкю, с. 348—349.

[66] Сведения китайских источников о законодательстве Си Ся и информация о памятниках тангутского законодательства, хранящихся в Ленинграде, имеются в монографиях Чжун Каня, У Фэньчи, Ли Фаньвэня (Си Ся цзянь ши. Иньчуань, 1979, с. 148—149)и У. Тяньчи (Си Ся ши гао. Чэнду. 1980, с. 206—207).

практикам, подыскивающим статью для вынесения приговора, администраторам, выполнявшим роль судей и хорошо знакомым с содержанием кодекса. В принципе это оглавление ничем не отличается от оглавлений-указателей к «Тан люй шу и» и «Сун син тун».

Собственно корпус кодекса подразделялся на двадцать глав. В каждой главе также имелось свое указание на количество статей, изложенных в ней, и давался перечень разделов. Количество статей в главах было неодинаково — от 37 в главе 5 до 116 в главе 13 (во вступлении к главе указано, что в ней 115 статей). В отличие от китайских кодексов, мы не находим в тангутском кодексе традиционных двенадцать разделов [67].

В тангутском кодексе в каждой главе также разрабатывались один или несколько считавшихся, видимо, родственными разделов законодательства, хотя тематический принцип и не всегда строго выдерживался.

Собственно текст кодекса делился на статьи. В данном случае тангутские юристы отступили от китайского образца. Как известно, статья формулирует определенное правило поведения, норму права. «Всякое правило поведения, всякая социальная норма — это не только веление, но и суждение, построенное по формуле: „если — то — иначе“» [68]. Существуют теории двучленного и трехчленного построения статьи. Двучленное построение предполагает членение статьи на два элемента — диспозицию и санкцию, трехчленное на три — гипотезу, диспозицию и санкцию. В последние годы большинство исследователей принимают деление статьи, нормы права на три части. «Норма права имеет три элемента (или три составные части) — гипотезу, указывающую на условия, предпосылки, при наличии которых действует правило, диспозицию, содержащую это правило, и санкцию, указывающую на невыгодные последствия, наступающие для лица, нарушившего данное правило» [69].

Статья тангутского кодекса отвечала всем предъявляемым к таковым в наши дни правилам и не отличалась по структуре от статей современных кодексов. Приведем в качестве примера статью 127 из главы 3: «Если человек, не участвовавший в сговоре о краже и в похищении скота и имущества (*гипотеза*), знал о разговорах о краже и участвовал в дележе и увозе [краденого] имущества, покупал, брал в долг, укрывал или брал в заклад [краденое имущество], (*диспозиция*), то [он] должен получить наказание на одну степень меньшее, чем наказание, определенное пособнику совершения данной кражи, с учетом того, как эта

---

[67] См.: The T'ang Code. Vol. 1. General Principles. Transl. with an Introduction by W. Johnson. Princeton, 1979.

[68] Марксистско-ленинская общая теория государства и права, с. 352.

[69] Там же, с. 351.

кража была произведена — с применением или без применения насилия (*санкция*)».

Большие статьи делились на параграфы (так, в статье 1 девять параграфов), а очень большие еще и на несколько частей, чаще всего на две. Начало статьи обычно писалось в полную строку, прямо от верхней рамки, отграничивающей текст от верхнего поля, и обозначалось знаком «если, если кто-либо». В том случае, когда статья делилась на две части, каждая следующая часть также начиналась тем же знаком, но отступая на один знак от верхней рамки, т. е. через просвет величиной в один стандартный знак. В нашем переводе части статей обозначены заглавными буквами «А» и «Б». Статья 606 делится даже на три части — «А», «Б» и «В». Параграфы выделялись знаком «один» и отступлением на два знака от края верхней рамки. В переводе они обозначены у нас цифрами, заключенными в квадратные скобки. Например, в статье 785 13 параграфов. Если издатели находили нужным выделить еще и более дробные части статьи — части какого-то параграфа, то делали это уже без обозначения специальными знаками, а просто путем еще большего отступа начала строки — на три-четыре знака и более от края верхней рамки. Пустоты заполняли виньетками. Некоторые статьи были очень большими, самой большой статьей в кодексе, вероятно, была статья 1256 о допустимых нормах потерь сырья.

Таким образом, статья в «Измененном и заново утвержденном кодексе» совершенно непохожа на таковую в китайских кодексах. Статья китайского кодекса вначале формулировалась в сжатом виде, а затем дополнялась комментариями «шу», разъяснениями «и» (отсюда полное наименование танского кодекса «Тан люй шу и»— «Танский уголовный кодекс с комментариями и разъяснениями»), а также задаваемыми по поводу данной статьи вопросами «вэнь» и ответами на них «да». В сунском кодексе еще дополнительно встречаются «ссылки на постановления с разрешениями» — «чжунь». Приведем краткий пример из сунского кодекса «Сун син тун»: «Всякий, кто похитит казенных или принадлежащих частному лицу коня или быка и убьет, подлежит наказанию двумя с половиной годами каторжных работ». В комментарии и разъяснениях говорится: «Кони и быки используются в армии. Поэтому они отличаются от других животных. Если кто-то украдет и убьет [коня или быка], то наказывается двумя с половиной годами каторжных работ. Если же речь будет идти о присвоении, заслуживающем наказания большего, чем два с половиной года каторжных работ, то следует рассматривать его как простую кражу и мера наказания [виновному] увеличивается на одну степень. Если же в числе таковых

будет похищен и убит як, обычно не используемый для пахоты и работ, то такое хищение рассматривается как простая кража» [70]. Совершенно очевидно, что тангутские юристы допустили существенные отступления от китайского образца, расширив и упорядочив текст статьи и рассредоточив все учитываемые кодексом частные случаи приложения данной нормы права на параграфы. Пожалуй, было бы затруднительно ответить на вопрос, почему они так поступили. Отражало ли это знакомство с иной традицией, или ими двигало стремление к проявлению самостоятельности и желание добиться более целесообразного способа изложения — мы не знаем. Но то, что они сделали, находилось непосредственно в русле общечеловеческого прогресса в данной специальной области правовой культуры и свидетельствует о высоком уровне развития правового мышления в тангутском государстве Си Ся.

В нашем переводе все статьи кодекса пронумерованы по порядку. Нумерации статей в тексте оригинала не содержится, она введена нами для удобства пользования переводом.

Традиционная китайская теория права, воспринятая тангутами, рассмотрена нами в отдельной монографии [71].

---

[70] Сун син тун. Пекин, 1918, гл. 19, с. 8а.

[71] *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М., 1986.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАНГУТСКОЕ ПРАВО

I. ЛИЦА

Понятия «лицо физическое» и «лицо юридическое» — это понятия, касающиеся субъектов права: индивидуумов (физические лица) и коллективных образований (юридические лица).

Физические лица — это, как правило, все индивидуумы, все люди, все граждане данного государства, которые являются субъектами действия данного права и с которыми связано право субъективное — охраняемая государством возможность какого-либо лица, субъекта, требовать известного поведения от других лиц и определенным образом, как управомочено данное лицо, вести себя. С физическим лицом связано представление о его правоспособности и дееспособности.

Средневековое китайское право как основа дальневосточной семьи права, в которую входило и право тангутское, не содержит, насколько нам известно, какого-либо теоретического определения физического лица, не находим мы его и в тангутском кодексе. Однако если оно не было вычленено теоретически, общественной и правовой мыслью той эпохи, то это не значит, что оно не существовало объективно. Каждый член общества обладал известным правовым статусом, совокупностью прав и обязанностей, предоставленных ему и возложенных на него законами государства. Средневековое китайское право и дочернее по отношению к нему тангутское не знали членов общества, не знали лиц, которые не обладали бы абсолютно никакой правоспособностью или дееспособностью, т. е. не являлись бы субъектами права, стояли вне права.

Судя по содержанию исследуемого кодекса, физическое лицо существовало во времени с момента рождения человека до его смерти, никаких прав не возникало до рождения и все права прекращались со смертью, всякий человек в тангутском государстве в силу рождения человеком обретал качества субъекта права.

То, что все жители тангутского государства Си Ся обретали качества субъекта права и в тангутском государстве не было совершенно бесправных личностей, отнюдь не означало равенства прав, равенства правоспособностей и дееспособностей членов

общества. Объем прав у разных членов общества, их правовой статус значительно различался, и при наличии колоссальных прав у одних другие обладали такими минимальными правами, что только наличие этого минимума, этих отдельных прав (например, для лично несвободного право донести на своего хозяина в случае совершения им государственной измены) позволяет говорить и о наличии правоспособности у данных лиц, а не об их полном, абсолютном бесправии. В средневековых сословно-классовых обществах ограничение правоспособности физических лиц, принадлежавших к эксплуатируемым сословиям, было правилом, а не исключением. Человек чаще всего с рождения принадлежал к той или иной социальной категории и фактом своего рождения приобретал тот объем прав, который был закреплен законом за данной социальной ячейкой. В последующих разделах исследования подробно написано о «категориях» — группах лиц, наделенных одинаковым правовым статусом (ср. кит. «сэ»). Общим принципом средневекового китайского права был тезис «гэ цун бэнь сэ», который в развернутом виде может быть переведен так: «каждый обязан жить в соответствии со своим исконным, приобретенным от рождения социальным и правовым статусом». Лично несвободные члены тангутского общества — пхинга (несвободные мужчины) и нини (несвободные женщины), родившись пхинга и нини, обладали в силу рождения одним правовым статусом. а так называемые «родственники [государя]», члены императорской фамилии — другим. Правоспособность первых была минимальной, близкой к нулю, правоспособность вторых — максимальной, приближающейся к абсолюту, государю — непосредственному источнику права. Таким образом, для тангутского общества, как и для всякого средневекового общества, было характерно то, что члены его приобретали свой правовой статус, свою правоспособность в том или ином объеме в силу своего рождения в определенном сословии.

Объем правоспособности лица определялся с рождения не только фактом принадлежности к тому или иному сословию, но и тем местом в системе родственных отношений, которое данное лицо с момента рождения занимало, а также его полом. Но объем правоспособности по параметрам родственных отношений, возникающий с момента рождения, естественно, не был постоянным и менялся в течение жизни лица. Некоторые аспекты дееспособности возникали или прекращались с достижением определенного возраста (например, право вступать в брак, обязанность служить в армии и т. п.). Обо всем этом подробно будет сказано ниже при описании соответствующих разделов тангутского права. Наконец, объем правоспособности изменялся в ходе службы прямо пропорционально величине ранга состоявшего на службе лица. Последнее обстоятельство было прямо связано с дееспособностью физического лица, способностью его своими действиями

приобретать права и создавать для себя обязанности. Дееспособность физического лица могла зависеть от его здоровья — тангутский кодекс постоянно подчеркивает, что ту или иную должность могут занимать только сильные, физически крепкие люди.

Для тангутского общества было характерно сословное деление. Сословия являлись «социально-правовыми группами, каждая из которых отличалась своим юридическим положением, определенными правами и обязанностями» [1]. В. И. Ленин указывал, что в сословном делении общества фиксировалось и классовое различие: «Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями» [2]. «Сословия,— писал В. И. Ленин,— предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий» [3].

Проблема классово-сословного анализа таких обществ, как тангутское, далеко не проста. Четко и определенно в нем лишь противопоставление людей лично свободных и лично несвободных. Лично несвободные пхинга и нини, казенные и принадлежавшие частным лицам, образовывали низший и самый эксплуатируемый класс тангутского общества. Деление общества на лично свободных и лично несвободных было главным социальным, зафиксированным в общественном сознании и праве делением общества на противостоящие друг другу классы. Дать строгое, четкое определение формационной принадлежности тангутского общества затруднительно. В свое время, основываясь на материалах китайских источников, мы характеризовали тангутское общество «как общество феодальное, с сильными патриархально-родовыми пережитками» [4]. Руководствуясь этими же материалами, авторы многотомной «Всеобщей истории Китая» определяют тангутское государство как «дансянское рабовладельческое государство Си Ся» [5]. И снова на тех же материалах в современной китайской литературе о Си Ся высказаны и иные мнения. У Тяньчи расценивает тангутское общество как перешедшее от патриархально-рабовладельческого строя к раннефеодальному [6], а Ли Фаньвэнь делает вывод, что тангутское общество — это

---

[1] Советская историческая энциклопедия. Т. 13, с. 347.

[2] *Ленин В. И.* Аграрная программа русской социал-демократии.— Полное собрание сочинений. Т. 6, с. 311, примеч.**.

[3] *Ленин В. И.* Перлы народнического прожектерства.— Полное собрание сочинений. Т. 2, с. 476.

[4] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 107.

[5] *Цай Мэйбяо, Чжоу Циншу, Чжу Жуйси, Дин Вэйчан, Ван Чжун.* Чжунго тунши. Т. 6. Пекин, 1979, с. 144.

[6] *У Тяньчи.* Си Ся ши гао. Чэнду, 1980, с. 151.

общество, перешедшее от родового строя к феодальному, «минуя рабовладельческий строй» [7].

Сейчас, когда нам стали доступны материалы тангутского права, можно обоснованно утверждать, что с позиций правосознания тангутского общества, его права, это общество, сделав основным общественным различием деление людей на лично свободных и лично несвободных, было обществом рабовладельческим.

Определить же классовый характер той части тангутского общества, которая располагала личной свободой, не являлась собственностью частного лица или казны, довольно затруднительно. Лично свободные люди по своим правомочиям делились на лиц, имеющих ранги, простых людей и «родственников [императора]» — членов правящего рода и их близких свойственников. Деление на эти три сословия было закреплено законом. Но данное деление общества не соответствовало его подлинному классовому делению, неявному и недостаточно ясному для нас. «Классы,— указывал В. И. Ленин,— отличаются один от другого не юридическими привилегиями, а фактическими условиями» [8]. Выявление же этих «фактических условий» крайне затруднительно. Если мы достаточно смело можем отнести к господствующему эксплуататорскому классу родственников государя — членов правящего рода Нгвеми и лиц, состоящих с ними в родстве (хотя и в данном случае могли быть исключения, когда родство, особенно отдаленное и возникшее в прошлом, не обязательно было связано с материальным богатством, с присвоением себе плодов труда других),— советников, высших чиновников — носителей высоких рангов, то мы отнюдь не можем утверждать, что все люди, состоявшие на службе и имевшие ранги, непременно были в составе эксплуататорского господствующего класса. Нам думается, что правовая привилегия мелкого чиновника, имеющего ранг, простого клерка, еще совсем не означала его безусловную принадлежность к господствующему классу, хотя с известной натяжкой мы можем и даже, очевидно, в целях исследования должны считать всех лиц, относившихся к сословию чиновников, имевших ранг, составной частью господствующего класса.

Очень трудно определить границы основного производящего класса — крестьянства. Можно предполагать, что эксплуатируемой частью общества и частью крестьянства (для тангутского общества понимая под последним и землепашцев и пастухов) были лица, лишенные или почти лишенные земли и скота, те, кто пахал в основном чужую землю и пас чужой скот. Но отношения аренды в Си Ся нам по-настоящему неизвестны. Сохра-

---

[7] *Ли Фаньвэнь.* Си Ся яньцзю луньцзи. Иньчуань, 1983, с. 43.

[8] *Ленин В. И.* Перлы народнического прожектерства, с. 475.

нившиеся части кодекса не выделяют арендаторов в особое сословие, как в современном Си Ся сунском Китае было выделено сословие «кэху», являвшееся составной частью крестьянства. Все собственники земли, будь то бедные, среднего достатка, зажиточные (по масштабам тех лет) крестьяне и те землевладельцы, которых нам хотелось бы именовать помещиками, образовывали одну социальную и сословную группу «хозяев» (включая и скотовладельцев). В число хозяев входили и лично несвободные собственники земли, и собственники земли, имевшие ранги. В силу личной несвободы или наличия ранга одни вычленялись из сословия хозяев в класс лично несвободных, другие — в господствующий класс, а прочая масса землевладельцев, частью которой были и крестьяне, составляла сословие простых людей. В это же сословие входили ремесленники и торговцы, если они не имели ранга. Самостоятельных сословий они не образовывали. Где проходила та грань, которая определяла различие между бедностью и богатством, указывала на классовое различие, выделяла «такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [9], сказать трудно. Вряд ли всегда четкой гранью будут даже такие признаки, как сдача земли в аренду или обработка ее трудом лично несвободных людей, принадлежащих данному хозяину, хотя это, безусловно, известная степень бедности и богатства, эксплуатации чужого труда. Для надежного пребывания в среде господствующего класса недостаточно было материального богатства. Необходимо было состоять на военной или гражданской службе и приобретать ранги, с которыми и были связаны особые права и привилегии, особая повышенная правоспособность и дееспособность физических лиц.

Тангутское право не дает определения физического лица, оно не содержит и понятия лица юридического. По мнению ряда юристов, имущество или определенная цель сами группируют около себя юридические отношения, и тогда тангутские органы управления фактически могли выступать как юридические лица, управляя земельной собственностью и скотом, представляя собой казенные ломбарды или ссужая в долг имущество лицам. Однако есть два момента, затрудняющие считать тангутские учреждения юридическими лицами: во-первых, поскольку государственная собственность не была отделена от государевой, владел ею, брал в залог под проценты имущество и давал в долг государь — особа, не ограниченная нормами действующего права; во-вторых, у нас нет свидетельств о существовании обоюдных юридических отношений между, например, заемщиком и государственным учреждением — заимодавцем в плане взаимных обязательств и вы-

[9] *Ленин В. И.* Великий почин.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 15.

текающей из них ответственности для органа управления, юридического лица, хотя и нет уверенности в том, что никаких взаимных обязательств не было. Так, управление земледелия, как видно из оглавления к несохранившейся главе XVI, обязано было давать арендаторам казенной земли вола, соху, семена. Определенные обязательства были у местных органов власти по отношению к земледельцам всех категорий в областях орошаемого земледелия. Мы склоняемся к тому, что в некоторых случаях у органов управления тангутского государства были с известным допущением отдельные функции юридических лиц. Однако ответственность по обязательствам всегда была строго персонифицирована: отвечало не управление, а конкретное должностное лицо или группа лиц, ни о какой материальной ответственности казны по отношению к отдельным лицам или другим учреждениям государства речи в кодексе нет, да и не могло быть. Кодекс не упоминает никаких товариществ — купцов, ремесленников и т. п. Ремесленное производство на промышленной основе, как будет показано ниже, было в основном казенным и базировалось прежде всего на труде лично несвободных казенных людей.

II. УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Среди европейских, да и не только европейских, китаеведов распространено убеждение, что китайские законы — законы уголовные. Такое убеждение верно лишь отчасти. Конечно, приоритет уголовных законов в старом Китае был неоспорим. «Когда произносилось слово „закон“, „фа“, или говорилось о своде законов, „люй“,— пишет Дай Яньхуэй,— то обычно речь шла об уголовных законах. [В Китае] развитие уголовного законодательства далеко превосходило законодательство гражданское» [1]. Однако старые китайские кодексы, как это и вообще было характерно для древнего и средневекового права, включали в себя широкий круг гражданских, военных и административных законов. «Во всех законодательствах древнего Китая,— писал историк китайского права У Гуйсин,— всегда царило смешение гражданского и уголовного права, точно так же как смешение морали и закона» [2]. А Карл Бюнгер, например, полагает даже, что «административное право составляет основную часть китайских законов и является для нас, вероятно, их важнейшим и интереснейшим разделом» [3]. Не будем взвешивать на точных весах различные части старого китайского права. Важно под-

[1] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь. Тайбэй, 1964, с. 1.

[2] *Ou Koei-hing.* Le peine d'après le code des T'ang. Etude de droit penal chinois ancien. Shanghai, 1935, c. 20.

[3] *Bünger K.* Gedanken über das Studium der chinesischen Rechtsgeschichte.— Oriens Extremus. 1969, 16. Jg., H. 1, c. 113.

черкнуть, что имеющее еще хождение мнение о старых китайских законах как об исключительно уголовных ошибочно. Приоритет уголовных законов не означал их безраздельного господства. Тангутский кодекс — не исключение. Доля статей неуголовного права в нем велика — это гражданские, военные, административные законы, законы, относящиеся к ведению судебного процесса, и т. п. И если мы начинаем описание тангутского права с законов уголовных, то только для того, чтобы подчеркнуть их приоритет в дальневосточном праве, но не исключительность.

1. Преступление и его участники

Преступление — общественно опасное действие или бездействие. Имеющиеся у нас материалы недостаточны, чтобы охарактеризовать полно тангутские представления о преступлении. То, что тангуты рассматривали преступление не только как общественно опасное действие, действие, запрещенное законом под страхом наказания, но и бездействие тоже, подтверждается теми положениями «Измененного и заново утвержденного кодекса», которые предусматривали наказание за бездействие, неисполнение своих служебных обязанностей должностными лицами, военнослужащими и т. д.

Тангутское право принимало во внимание мотив преступления, те побуждения, которыми руководствовалось данное лицо при совершении преступления,— стремление к наживе (корысть), чувства мести, ненависти, лицеприятные действия и т. п.

Мы не находим в тангутском кодексе прямого описания понятия «состав преступления», но преступные деяния, описанные в статьях кодекса, содержат все современные положения учения о составе преступления — характеристику объекта преступления, объективной стороны состава преступления, субъекта преступления и субъективной стороны состава преступления. Тангутское право, право докапиталистического, классового общества, «право-привилегия», подчеркивает социальный статус лица, ставшего объектом преступления, и выделяет особое положение вещи, ее сакральный характер, могущий быть объектом преступления (могилы предков, вещи личного пользования императора и т. п.). Точно так же большое значение имел и социальный статус лица — субъекта преступления. Тангутское право различает объективные стороны состава преступления, например делит хищение имущества на тайную кражу и грабеж (с применением насилия или без такового, с использованием оружия или без такового), о чем подробно будет сказано ниже.

Учитывается место совершения преступления (например, на посту или не на посту, в храме или не в храме), время (караульная служба) и т. д. В случае причинения ранения или

убийства характеристика объективной стороны преступления по тангутскому праву требует наличия наступления определенного последствия, преступного результата для определения меры виновности — принцип «бао гу» китайского права, согласно которому законом был установлен срок, за который, скажем, причинение травмы или ранения может квалифицироваться как убийство, если эти травма и ранение явятся причиной смерти. Тангутское право уделяло большое внимание социальному статусу и положению в системе родственных отношений как объекта, так и субъекта преступления. Субъектами преступления были физические лица (так называемые «естественные люди», «цзыжань жэнь» [4]) в возрасте от 7 до 90 лет. Тангутское право не знало абсолютной невменяемости (душевнобольные и т. п.) и признавало за такими субъектами преступления ограниченную ответственность.

Субъективная сторона состава преступления представляет собой вину лица в виде умысла или неосторожности. Тангутское право четко фиксировало наличие умысла, умышленного или неумышленного действия, различало небрежность, ошибку и т. п. Умысел, неосторожность, ошибка в тангутском праве были связаны с понятием вины как необходимого условия для привлечения к уголовной ответственности, вины, выражающейся в умысле или неосторожности лица по отношению к совершенному им общественно опасному деянию. Вряд ли можно согласиться с авторами учебного пособия «История государства и права стран Азии и Африки», что в китайском (равно дальневосточном) праве «все же понятие вины не было разработано» [5]. Их смутило в данном плане необычное для нас применение принципа общесемейной ответственности («юань цзо»). Но по понятиям древних китайцев, понятиям, общим для многих древних обществ, члены семьи преступника были виновны, если он совершил преступление, особенно государственное, виновны в том, что проявили бездействие, не отговаривали преступника от совершения преступного деяния, не увещевали, наконец, в определенных ситуациях, не донесли на него и т. п. Для древности личность еще не отделена от коллектива (рода), поэтому ее проступок есть проступок всего рода (даже если остальные ничего не подозревали), а ущерб, причиненный личности, есть ущерб, причиненный всему роду. Именно отсюда проистекал обычай кровной мести, именно поэтому можно было мстить не самому убийце, а любому члену его рода. Отсюда же произошли и коллективные наказания. Просто понятие вины было иным, чем современное, так же как и иные способы установления ее (например, ордалии могли стать достаточными для доказательства вины).

---

[4] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 97.

[5] История государства и права стран Азии и Африки. М., 1964, с. 87.

Китайское и вслед за ним тангутское право уделяли большое внимание намерению, желанию совершить преступление, умыслу. В государственных преступлениях, особенно первых из числа «десяти зол», умысел имел не менее решающее значение, чем действие. «Виновной воли» [6], намерения, умысла (кит. «моу») было достаточно, чтобы понести тягчайшее уголовное наказание. Это же касалось умысла убить старшего по поколению кровного родственника или умысла со стороны раба убить хозяина. Здесь умысел фактически был приравнен к действию. Приравнивание умысла к действию связано с магическими представлениями. Желание зла кому-либо уже само по себе, по поверьям древних, могло причинить зло. Поэтому для древних умысел — тоже действие. Китайское средневековое право основательно разработало выявление наличия умысла при совершении убийства, выделив умышленное убийство («моу ша»), когда два и более человека задумывали и разрабатывали план убийства, и преднамеренное (мотивированное) убийство («гу ша»), когда «виновная воля», умысел убить возникли не заранее, а только именно в процессе ссоры, драки. Здесь мы имеем то различение, которое близко к различению в европейском уголовном праве умысла заранее обдуманного и умысла внезапного. Ниида Нобору считал, что в различении преднамеренности («гуи») и ошибки («гоши») китайское право с глубокой древности на первое место ставило наличие или отсутствие преступного умысла («фань и») [7].

Как и китайское право, тангутское при совершении преступного действия различало преднамеренность (умысел, умышленное действие) и ошибку. Мы, естественно, не знаем тангутского определения ошибки (неправильного представления лица о юридических или фактических свойствах и последствиях совершаемых действий), но имеем таковое в кодексе Тан: совершившим ошибку «считается тот, кто с самого начала в помыслах и чувствах своих не имел намерения [совершить преступное деяние]» [8], «убивший по ошибке... есть тот, кто не имел злого умысла» [9], наконец, совершивший ошибку — это тот, кто не видел, не слышал что-либо и не мог подумать о том, к чему приведет его действие [10]. Китайское право включало понятие «ошибки» со времени династии Хань [11]. Но кажется, что китайское,

---

[6] *Кенни К.* Основы уголовного права. М., 1949, с. 37.

[7] *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо. Токио, 1959, с. 206. Советское право различает лишь умысел и неосторожность. Отказ от деления умысла на «преднамеренный» и «непреднамеренный» имеет свои основания: не всегда преднамеренные действия опаснее непреднамеренных. В советском праве при наличии умысла учитываются лишь смягчающие и отягчающие обстоятельства.

[8] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 30, с. 720.

[9] Там же, гл. 22, с. 500.

[10] Там же, гл. 23, с. 515.

[11] *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо, с. 208.

а вслед за ним и тангутское право не различали фактическую и юридическую ошибку (незнание закона), неосторожность и ошибку.

Тангутское право имело четкое представление об оконченном или неоконченном преступлении и этапах его развития. Мы встречаемся в «Измененном и заново утвержденном кодексе» с умыслом (например, с умыслом совершить убийство) и со сговором как частью умысла, причем при сговоре также различались случаи, когда «сговор еще не состоялся» и «сговор уже состоялся». Покушение на преступление и этапы совершения преступного действия в кодексе фиксировались в следующих выражениях: «преступление замышлялось, а совершить его не удалось», «руки еще не приложил» или «руку уже приложил» [12], «еще не сделал шаг на пути к совершению преступления» или «уже сделал шаг на пути к совершению преступления», преступное деяние «не достигло цели», «имущество еще не попало в руки преступников» (при оконченном преступлении преступное деяние «уже достигло цели», «имущество уже попало в руки преступников» и т. д.).

Вот, например, как разные возможные этапы совершения преступления описаны в статье 13: «[а.] Если дочь или сын убьет своего прадеда или деда, бабку, отца, мать, супруга, родную тетку по матери, а также если невестка убьет кого-либо из этих [лиц], то не устанавливают главаря и пособников. Все виновные подлежат смертной казни путем обезглавливания... [б.] Если нападение имело место, но [пострадавший] не умер, то независимо от того, достиг удар цели или нет, ранен [пострадавший] или не ранен, и зачинщик и участники сговора подлежат смертной казни путем обезглавливания... [в.] Если убийство замышлялось, но осуществить его не удалось — [пострадавший] дрался с этим [преступником]... то зачинщик подлежит смертной казни...» Таким образом, текст статьи различает: а) законченное преступление, б) незаконченное преступление, в) покушение на совершение преступления.

Из кодекса неясно, выделялось ли в тангутском праве приготовление к совершению преступления. В танском кодексе приготовление («юйбэй») было наказуемо по крайней мере в двух случаях: когда кто-то купил или продал яд, но его не использовали или подготовил инструмент для производства фальшивой монеты, но монету не отливал [13].

В случае совершения преступления не одним, а несколькими лицами среди участников совершения преступления тангутское право выделяло зачинщика, главаря, пособников, лиц, участво-

---

[12] Данные выражения — калька китайских «чжо шоу», «руку приложил», «приступил к делу» и «вэй чжо шоу», «руку еще не приложил», «еще не приступил к делу». См.: *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 134—135.

[13] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 137.

вавших в сговоре. Мы не найдем в кодексе точных определений, кого считать зачинщиком, главарем или пособником, но из массы употреблений этих терминов в различных контекстах очевидно, что зачинщиком считалось то лицо, у которого появилось намерение совершить преступление, которое было инициатором совершения преступного деяния. Это фактически те лица, которые в современном советском уголовном праве квалифицируются как подстрекатели, интеллектуальные виновники, лица, склонившие других к совершению преступления. По тангутскому праву зачинщик получал самую строгую меру наказания даже в том случае, когда он сам лично не участвовал в совершении преступления. В статье 104 говорится: «Что касается определения меры наказания тому, кто участвовал в сговоре об ограблении, но в самом ограблении не участвовал и доли из награбленного не получил, то, если речь идет о зачинщике, он должен получить меру наказания зачинщика в том случае, когда установлено, что среди участников сговора он был тем лицом, кому это ограбление было выгодно и кто умышленно, с целью ограбления создал воровскую шайку». Иначе говоря, зачинщиком был тот, кто умышленно организовал преступление и кто извлек из данного преступления какую-то выгоду, необязательно являясь одним из исполнителей своего преступного умысла. Если хозяин послал лично принадлежащего ему несвободного человека — пхинга или нини — совершить преступление, то он считался зачинщиком (ст. 105). При этом отказ от своего прежнего преступного намерения, не подкрепленный действиями по предотвращению преступления, не снимал с человека обвинения его в качестве зачинщика. Так, если некто ранее высказывал намерение убить человека и имел сообщников, участвовал в сговоре по подготовке преступления, а затем заявил об отказе совершить это убийство, но его сообщники этих слов не слышали и человека убили, то данное лицо наказывалось как зачинщик (ст. 106).

На основании тангутского кодекса трудно показать отличие зачинщика от главаря. В некоторых случаях закон требовал установления того, «что известно о [виновном],— был ли он зачинщиком, главарем или пособником» (ст. 102). Однако показать наглядно, на конкретных примерах, чем главарь отличался от зачинщика, мы не в состоянии. Имевшееся в китайском средневековом праве деление на зачинщика («цзао и») и главаря («шоу фань») также было разработано нечетко. По танскому кодексу главарем фактически считался зачинщик: «Из тех, кто совместно совершили преступление, зачинщик („цзао и“) считается главарем („шоу“)» [14]. Дотанская традиция (до VII в. н. э.) также исходила из того, что главарем считается зачинщик: «В случае совершения преступления группой лиц всякий раз подавшего мысль о

[14] Тан люй шу и, гл. 5, с. 100.

совершении преступления считают главарем»[15]. Дай Яньхуэй полагает, что для средневекового китайского права вообще было характерно расширительное толкование понятия основного преступника («чжэн фань»)[16]. Если групповое преступление было совершено семьей, то главарем всегда считался глава семьи[17].

Как мы уже говорили, тангутский кодекс не дает четкого различия зачинщика и главаря. Когда речь идет о причинении ранения, кодекс говорит о зачинщике и пособниках (ст. 19). Когда же речь идет об убийстве, закон различает зачинщика и непосредственно то лицо, которое совершило убийство, отделяя их от пособников и наказывая строже (ст. 19). При совершении групповой кражи закон различает только зачинщика и пособников (ст. 95), а при ограблении, совершенном шайкой (пятью лицами и более),— главаря и пособников, если ограбление было совершено (ст. 117), и зачинщика и пособников, если имела место только попытка ограбления (ст. 117). Таким образом, под зачинщиком и главарем понималось то лицо, которое при совершении группового преступления несло самую высокую ответственность за преступное деяние. Зачинщику, как правило, принадлежал замысел совершить преступление. Если этот умысел осуществлялся, зачинщик превращался в главаря. Той ситуации, когда умысел принадлежал одному лицу, а исполнение преступного деяния возглавляло другое лицо, и средневековое китайское право, и тангутский кодекс, по-видимому, не предусматривали.

Прочие участники группового преступления, т. е. не зачинщик и не главарь, рассматривались как пособники, соучастники совершения преступления. Пособник всегда получал наказание на одну степень меньшее, чем зачинщик (главарь). В статье 1417 сказано: «Если в число [лиц], которым смягчается мера наказания, входят и главари и пособники, то наказание пособнику всегда уменьшается еще на одну степень». Тангутское право, разумеется, принимало во внимание меру соучастия, хотя, как нам кажется, мы не нашли в тангутском кодексе известное по кодексу Тан деление пособников на тех, кто принимал в совершении преступления активное участие («цун эр цзя гун-чжэ»), пассивное участие («цун эр бу цзя гун-чжэ») и некое среднее участие, не активное и не пассивное («цун эр бу син», «был пособником, но не действовал»)[18]. Обычным, простым соучастником считался тот, кто непосредственно не участвовал в совершении акта преступления («бу син») и не получал доли от его результатов («бу шоу фын»)[19]. При участии в массовой драке, в случае, когда зачинщик был известен, «тот, кого зачинщик позвал пер-

---

[15] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 380.
[16] Там же.
[17] Тан люй шу и, гл. 5. с. 100.
[18] Там же, гл. 17, с. 402.
[19] *Ou Koei-hing.* La peine d'après le code des T'ang, c. 64.

вым, должен считаться пособником. Прочим, тем, кто помогал [зачинщику] и участвовал в драке из чувства товарищества, мера наказания должна быть уменьшена на две степени, а тем, кто участвовал в драке по принуждению,— на три степени» (ст. 1066). Лицо, привлеченное к участию в преступлении в принудительном порядке, если оно не донесло об ограблении, ушло вместе с грабителями и участвовало в разделе награбленного, считалось пособником (ст. 108). Пособник наказывался как основной преступник в случае совершения особо тяжких, с позиций тангутского права, преступлений. Так, при убийстве женой мужа или лично несвободными — пхинга или нини — их хозяина, если кто-либо из пособников в совершении убийства касался рукой жертвы, то он получал то же наказание, что и зачинщик (ст. 17). Также более сурово, чем рядовое пособничество, наказывались при совершении убийства действия тех лиц, фактически пособников, о которых точно было известно, что они питали вражду к убитому и помогали убийце силой (ст. 20). Возможно, перед нами здесь то же правило активного пособничества, которое было известно китайскому праву («цун эр цзя гун-чжэ»). Человек, фактически принужденный к совершению преступления, например к участию в мятеже, если он не донес о готовящемся преступлении или не пытался донести, тоже наказывается как заговорщик (ст. 4). Иначе говоря, несмотря на отсутствие той классификации пособничества, которую мы находим в кодексе Тан, и тангутский кодекс рассматривал пособничество в разных степенях его активности и соответственно предусматривал различные меры наказания.

В тех случаях, когда речь шла о групповых преступлениях, закон различал общесемейную ответственность, основанную на принципах родства (кит. «юань цзо»), и коллективную ответственность (кит. «лянь цзо»). Поскольку общесемейная ответственность предусматривала наказание не за участие в преступлении, а за родство с преступником, мы рассмотрим ее в разделе о наказаниях.

Принцип «лянь цзо» касался в основном совместной виновности сослуживцев или людей, связанных службой. Сам термин «лянь цзо» происходил от выражения, которым обозначались сослуживцы — «ляньшу чжи гуань». Обычно основной виновник должностной ошибки или сознательного нарушения служебного долга считался главарем, а остальные, в зависимости от характера преступления и степени виновности,— пособниками, наказание которым уменьшалось на одну, две степени и т. д. Так, за промедление с вводом в действие государева указа на срок свыше месяца чиновники управления несли ответственность по принципу «лянь цзо», и все наказывались как за коллективное преступление в порядке служебной иерархии.

Близкой к коллективной и общесемейной ответственности была виновность наследника должности или кандидата на эту должность. Так, в случае бегства за границу должностного лица виновным признавался и кандидат на его должность (ст. 400). Наказание по принципам общесемейной ответственности, коллективной ответственности, наказание кандидатов на должность или лиц, признанных наследниками данной должности, в известной мере напоминает то, что в современном уголовном праве называется объективным вменением, т. е. наказанием заведомо невиновных людей за действия, которые были совершены кем-либо другим.

Тангутское право вслед за китайским признавало преступным деянием попустительство (кит. «гуцзун»). Под действие принципа «гуцзун» подпадал тот, кто знал о преступлении, но не воспрепятствовал его совершению, т. е., как и в современном уголовном праве, речь шла о невоспрепятствовании совершению преступного деяния при наличии возможности воспрепятствовать ему. Знание (кит. «чжицин») или незнание (кит. «бу чжицин») о совершении преступления было основным критерием виновности или невиновности по принципу попустительства. В таких случаях речь прежде всего шла о должностных преступлениях, особенно о виновности начальников за действия их подчиненных. Тангутский кодекс содержит массу примеров применения этого принципа виновности. Так, старшие и младшие управляющие пастбищами подлежали наказанию, если они знали, что их пастухи перед ревизией взяли чужой скот, чтобы представить его ревизорам (ст. 1376).

В тангутском праве был вид коллективных преступлений, который наказывался сравнительно легко. Если лицо, чье имущество было похищено, знало вора и, собрав группу своих сородичей, вступало в драку с сородичами вора, отбивало украденное и даже что-то прихватывало сверх того, то виновный в организации такого рода самоуправных действий наказывался очень легко — с имевшего ранг брался штраф в размере одной лошади, а простой человек, не имеющий ранга, получал 13 палок. Его сородичи вообще не наказывались (ст. 148). Совершенно очевидно, что в данном случае в сознании тангутов сохранялась убежденность, идущая из недр первобытнообщинного строя, о праве сородичей защищать и возвращать имущество члена своего родового коллектива. В противоположность этому, если большое число представителей одного рода договорились поднять мятеж, то не только все участники сговора подлежали смертной казни как мятежники, но даже должностные лица, которые потеряли или испортили документ со сведениями о подготовке такого мятежа, рассматривались как мятежники (ст. 815).

Тангутское право знало классификацию преступлений по их тяжести, по их опасности для жизни общества. Наиболее тяжки-

ми являлись те преступления, которые составляли особую группу, именуемую «десять зол». Вторую группу составляли так называемые «тяжкие преступления», к числу которых относились все преступления, караемые смертной казнью или пожизненными каторжными работами, преступления, связанные с нарушением государственных запретов на торговлю и нарушением каким-либо лицом порядка прикрепления его к месту производства (смена гвона), подмена людей, подмена боевого коня или доспехов для воина и для его коня, забой на мясо коровы, верблюда или коня, нарушение государственной монополии и незаконное производство вина, изготовление фальшивой монеты или порча монеты, находящейся в обращении, хищение государева (государственного) имущества. Социальная направленность выделения этой группы преступлений из общей массы вероятных преступных деяний очевидна. Закон, стоя на страже государя и государства, охранял экономические интересы государства от посягательств на извлекаемые государством доходы с некоторых сфер торговли и производства ряда товаров, которые государство считало своей монополией.

Выделение группы преступлений, называвшихся «десять зол», не менее тысячи лет составляло специфику средневекового китайского и всего дальневосточного права. Не случайно и в тангутском кодексе этим преступлениям отведен первый раздел первой главы. Именно учитывая их важность, имманентную для духа дальневосточного права, мы разберем эту группу преступлений в данном разделе в комплексе, а не расчлененно, по различным разделам права.

2. «Десять зол»

«Десять зол» — группа преступлений, известных в китайском средневековом праве под наименованием «ши э». Эта группа десяти тяжких [20], великих [21], отвратительных [22], непрощаемых [23], неамнистируемых [24] и т. п. преступлений включала преступления, традиционно считавшиеся в Китае самыми тяжкими, направ-

[20] *Попов П. С.* Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р. Х. СПб., 1880, с. 26.

[21] *Ratchnevsky P.* Un code de Yuan. P., 1937 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. 4), с. 13.

[22] *Ou Koei-hing.* La peine d'après le code des T'ang, с. 99.

[23] *Ch'ü T'oung-tsu.* Law and Society in Traditional China. P., 1965, с. 179. Поль Хэн-чжао Чэнь отмечает, что особенностью преступлений, объединенных в группу «десять зол», являлось то, что они не подпадали под обычные амнистии. См.: *Paul Heng-chao Ch'en.* Chinese Legal Tradition under the Mongols. Princeton, 1979, с. 6.

[24] *Eichhorn W.* Bemerkungen über einige nicht amnestierbare Verbrechen in Sung Rechtwesen.— Oriens Extremus. 1961, 8. Jg., H. 2, с. 169.

ленными против государя, государства, старших по поколению родственников и человечности. Хотя эта традиция уходила в глубокую древность, данный раздел китайского права как самостоятельный был оформлен окончательно только при династии Северная Ци (550—577). «Большое значение систематизации „десяти отвратительных преступлений“,— писал Этьен Балаш,— всех преступлений, связанных с неповиновением высшим властям: государству, династии, чиновничеству, власти отца и старших родственников — побудительный мотив сохранения этих категорий во всех кодексах, включая кодекс династии Цин (т. е. вплоть до начала XX в.— *Е. К.*)» [25]. А вот как объясняет их выделение первый дошедший до нас китайский средневековый кодекс династии Тан: «[Из тех преступлений, которые ведут] к пяти наказаниям, „десять зол“ самые тяжкие. Они подрывают мораль и нарушают нормы ритуала. Они специально помещены в начале этой главы для того, чтобы служить ясным предостережением. Поскольку число крайне отвратительных преступлений было определено в десять, они и были названы „десять зол“» [26]. Как уже указывалось выше, суть десяти тяжких преступлений в сфере наказания за них состояла в том, что совершивший такое преступление независимо от своего социального положения не мог пользоваться правом на смягчение меры наказания или освобождения от наказания и не имел права на откуп от наказания.

Содержание первого из десяти тяжких преступлений — мятежа, соответствующего китайскому «моу фань», «замышлять мятеж»,— раскрывается в первых пяти статьях «Измененного и заново утвержденного кодекса», из которых первая, в свою очередь, дополнительно разделена на девять параграфов. По танскому праву «моу фань» означало замысел убить или ранить императора или свергнуть его с престола, а также разрушение жертвенных алтарей [27]. В первые десятилетия династии Тан мятеж («фань ни») делился на два вида: первый состоял в том, что к мятежу против императора подстрекались войска, а второй — в злословии («э янь») в адрес высочайших особ и нарушении законов [28].

Тангутское право включало в понятие мятежа также нанесение оскорбления (не указано, словом или действием) лицу княжеского достоинства. Статья 1 тангутского кодекса гласила: «Если [кто-либо] поднимет мятеж против государя или вознамерится нанести оскорбление и причинить ущерб [лицу] княжеского достоинства, то был ли заговор или заговора не было, при обнаружении зарождения [мятежа] и установлении того, что он мог быть совершен, и главарь и пособники — все подлежат смертной

---

[25] Le Traité juridique du «Souei-chou» par E. Balazs. Leiden, 1954 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. 9), c. 114.

[26] Тан люй шу и, гл. 1, с. 16.

[27] *Дай Яньхуэй*. Тан люй тун лунь, с. 198.

[28] Цзю Тан шу. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), цз. 50, с. 629.

казни путем обезглавливания. При наказании членов семей [преступников] — сыновей, братьев [и других] родственников — и конфискации их скота и имущества следует поступать, исходя из установленного ниже» (ст. 1). Девять параграфов статьи определяли меры наказания родственников мятежника по принципу общесемейной ответственности. Данный принцип был связан с представлениями древних китайцев о родстве и вытекал из признанного конфуцианской моралью права кровных родственников покрывать друг друга в случае совершения одним из них преступного деяния. Обычно под действие принципа общесемейной ответственности подпадали кровные родственники, живущие одной семьей, жена и дети преступника. От наказания освобождались лишь дочь, вышедшая замуж, и член семьи, ставший монахом, «покинувшим семью».

По кодексу Тан, как правило, в первую очередь к ответственности привлекались жена и дети преступника, в случае совершения более тяжкого преступления — его родители, самого тяжкого — деды и внуки, братья, сестры, дядья по отцу, племянники [29].

Тангутский кодекс в отличие от танского, в котором сказано, что сам преступник «подлежит смертной казни путем обезглавливания; отец и сыновья преступника в возрасте шестнадцати лет и старше — смертной казни через удавление» [30], не указывает того, как конкретно и с какого возраста могли быть наказаны отец и дети мятежника. «Если мятежник уже совершил преступление, причинил ранение или ущерб, то о том, каким образом его отец и дети могут быть включены в число лиц, подлежащих смертной казни, своевременно должно быть доложено в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с вынесенным решением» (ст. 1). Таким образом, тангутский кодекс, как и танский, освобождал от казни мать преступника, его деда и бабку и родственников более старших поколений. В отличие от танского кодекса закон не квалифицировал вид казни (обезглавливание или удавление), а оставлял это на усмотрение вышестоящих властей, часто лично самого государя.

Однако отец преступника и его дети не во всех случаях подлежали смертной казни. Так, § 2 статьи 1 предусматривал следующее: «Дети, жена, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего преступление, независимо от того, живут ли они с ним одной семьей или не живут, а также [его] родители, деды и бабки, братья и сестры, еще не выданные замуж, если эти [родственники] живут в одной семье [с мятежником] все подлежат наказанию — должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев. [Их] скот,

---

[29] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 42.
[30] Тан люй шу и, гл. 17, с. 395.

зерно, ценности, имущество, земля, люди — все, что они имеют, подлежит конфискации и становится государевым. Если же деды, бабки, отец или мать, братья или сестры преступника живут отдельно, то [их] скот, зерно, ценности, имущество, земля и люди не могут быть конфискованы». Таким образом, если по решению вышестоящих властей отец и дети преступника избавлялись от казни, то все его кровные родственники — от деда, бабки и до правнуков, а из свойственников — невестки подлежали ссылке и включению в число пастухов и земледельцев. Имущество семьи подлежало конфискации, за исключением имущества кровных родственников, живших своими семьями. Ссылка и включение в число пастухов и земледельцев фактически означали переход данных лиц в состояние рабства. Они становились государевыми людьми, пополняя ряды лично несвободных непосредственных производителей, принадлежавших казне. Танский же кодекс при конфискации имущества членов семьи мятежника не проводил грани между теми, кто жил с ним одной семьей, и теми, кто жил от него отдельно: «Сыновья [мятежника] пятнадцати лет и младше, а также мать, дочери, жена, наложницы, включая жен и наложниц сыновей, дед, внуки, братья и сестры, как и буцюй (лично несвободные люди.— *Е. К.*), имущество, земля, постройки переходят в собственность казны» [31].

Последующие параграфы статьи 1 определяли меры наказания более дальним родственникам и свойственникам мятежника, привлекаемым к ответственности по той же системе общесемейной ответственности. Дядья, тетки и племянники мятежника, в случае отсутствия сомнений в их виновности, независимо от того, жили ли они одной семьей с преступником или нет, ссылались на пожизненные каторжные работы в пограничные районы страны — на тяжелые работы в приграничных городах или для службы в пограничных войсках; имущество таковых, если они жили одной семьей с мятежником, конфисковалось. В данном случае тангутские юристы прямо следовали китайскому образцу: «Дядья и племянники преступника подлежат ссылке на три тысячи ли» [32]. Также по китайскому образцу не подлежали наказанию следующие родственники мятежника: мужчины в возрасте 80 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше и тяжелобольные. Из конфискованного имущества преступника им выделялась для содержания себя доля на сумму до двухсот связок монет.

То, что общесемейная ответственность — институт, восходящий к наказанию членов экзогамного рода, хорошо видно из § 8 статьи 1. Муж, свекор и свекровь не подлежали наказанию,

---

[31] Там же.
[32] Там же.

если мятежником оказывалась жена или невестка, зато все кровные родственники мятежницы привлекались к ответственности.

Статья 2 предусматривала наказание за неудачную попытку поднять мятеж, когда мятежник «не сумел поколебать сердца людей словом и не смог повести их за собой силой». Преступник подлежал казни, но родители, жена и дети его не становились «пастухами и земледельцами», т. е. казенными лично несвободными людьми, а лишь наказывались каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги. Знавший о готовящемся мятеже и не донесший о нем подлежал наказанию как мятежник.

Вторая группа преступлений из категории «десяти зол», объединенных под названием «нарушение правил почитания старших и добродетели», соответствовала «моу да ни», «замыслить великое непокорство», китайских кодексов. Сюда входили преступные деяния, связанные с разрушением храма предков, могил или дворцовых помещений императоров. Тангутский кодекс за осквернение изображения предков, могилы императора, храма предков или дворцового помещения — резиденции государя — наказывал как за мятеж, смягчая только меру наказания за неосуществленный умысел (зачинщику — смертная казнь путем удавления, пособникам — пожизненные каторжные работы). Родственники преступника, возможно, не подлежали наказанию. Данная статья предусматривала указанные в ней преступные действия, совершенные «по злобе, недомыслию, из духа противоречия, из желания отомстить, в гневе» (ст. 6).

Другая статья данного раздела предусматривала наказания за те же преступления, но уже совершенные с целью ограбления. В данном случае преступник наказывался как мятежник, а его жена и дети наказывались как жена и дети мятежника. Прочие родственники от наказания освобождались.

Близкими по характеру к данным были преступления, отмечаемые в статье 1445 кодекса: наименование себя императором (сыном Неба) или князем государства (за это простому человеку полагалось 4 года, чиновнику, которому тем более не подобало говорить такое,— 8 лет каторжных работ), провозглашение в свою честь известной здравницы «Десять тысяч лет жизни!», китайское «вань суй» (простому человеку — 3 года, чиновнику — 6 лет каторжных работ) (ст. 1445).

Китайское законодательство, судя по исследованию Дай Яньхуэя, включало в группу «моу да ни» также умысел ранить или убить императрицу или наследника престола. По указу 694 г. в группу преступлений «да ни» в танском Китае было включено и ограбление общественных и частных скульптурных изображений, которые являлись объектом поклонения [33].

---

[33] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 198.

Пять статей «Измененного и заново утвержденного кодекса» определяли меры наказания за государственную измену. Закон предусматривал за сговор и попытку совершить измену зачинщику смертную казнь путем обезглавливания, а пособникам, если они не были заодно с врагом,— пожизненные каторжные работы. Жены и дети таковых становились пастухами и земледельцами. Судьба родителей изменников решалась в зависимости от числа последних. Если число изменников было менее ста, то их родители наказанию не подлежали, если более ста — наказывались пожизненными каторжными работами в качестве пастухов и земледельцев. Данные нормы были прямо взяты из кодекса Тан [34]. Имущество изменников подлежало конфискации и становилось государевым за вычетом доли, выдаваемой в награду доносчикам и поимщикам (ст. 8).

Как и в китайском кодексе [35], договорившиеся совершить измену, но не предпринявшие шагов к предательству наказывались мягче — зачинщик подлежал удавлению, а пособники получали по 12 лет каторги (ст. 10). К предательству, измене приравнивались и шпионаж в пользу другого государства или укрывательство шпиона. Все пойманные шпионы подлежали смертной казни путем обезглавливания (ст. 12). Танские и сунские законы признавали предателями всех бежавших в горы или болота, не явившихся на призыв вернуться и оказавших сопротивление военным или гражданским властям [36]. Тангутский кодекс таких определений не содержит. Но в нем в отличие от кодексов китайских статьи 8—11 особое внимание уделяют судьбе имущества предателей и наказанию «предателей из предателей — пхинга и наложниц» (ст. 11). О пхинга будет говориться ниже. Наложницы, если они не подлежали смертной казни, раздавались в услужение женам из достойных семей пограничных городов, хотя и не включались в число лиц, осуждаемых на каторжные работы (ст. 11).

В разделе «Вопиющие злодеяния» (кит. «э ни») в шести статьях определялись наказания за убийство старших родственников — родителей, дедов и прадедов, теток и дядей — и за убийство женой мужа. «Если женщина или мужчина убьют своего прадеда или деда, бабку, отца, мать, супруга, родную тетку по матери, а также если невестка убьет кого-либо из этих [лиц], то не устанавливают главаря и пособников. Все виновные подлежат смертной казни путем обезглавливания. Дети от наложниц [преступника] наказанию не подлежат. Жена и дети [преступника] подлежат наказанию: их ссылают и переводят в пастухи и земледельцы. Если нападение имело место, но [пострадавший] не умер, то независимо от того, достиг удар цели или нет, ранен [пострадавший] или не ранен, и зачинщик и участники сговора

---

[34] Тан люй шу и, гл. 17, с. 399.
[35] Там же, с. 398—399.
[36] Там же, с. 399; Сун син тун. Пекин, 1918, гл. 17, с. 6а.

подлежат смертной казни путем обезглавливания. Жена и дети зачинщика [также] подлежат наказанию: они переводятся в число пастухов и земледельцев. Если убийство замышлялось, но осуществить его не удалось — [пострадавший] дрался с этим [преступником], решительно защищался и повалил [преступника], то зачинщик подлежит смертной казни путем обезглавливания, но его семья наказанию не подлежит. Пособники подлежат смертной казни путем удавления» (ст. 13). Статьи 14 и 15 предусматривали меры наказания за убийство младшим родственником одного или нескольких старших родственников более отдаленных степеней родства, начиная от дяди по отцу и тетки по матери. Здесь мера наказания была прямо связана со сроком ношения траура по данному родственнику в случае его смерти. Эти сроки, как мы увидим ниже, предписывались законом и составляли одну из теоретических и практических основ средневекового китайского права. Жена за убийство мужа подлежала смертной казни путем обезглавливания, но ее дети и ее семья не наказывались (ст. 14—18).

Китайские законы подводили под категорию «э ни» и убийство мужа любовником жены. При этом и жена (или наложница) и любовник, который убил мужа, наказывались по закону об «э ни» [37].

Пятая группа преступлений, относящихся к категории «десяти зол»,— «бесчеловечные поступки», китайское «бу дао», «поступки, противоречащие естеству, истинному пути природы и человека»,— трактуется в «Измененном и заново утвержденном кодексе» в шести статьях, содержащих меры наказания за особо злостные преступления. К числу таковых отнесены убийство в одной семье одновременно трех человек и более, не совершивших до этого преступления, наказуемого смертной казнью, зверское убийство с расчленением тела жертвы или после издевательств над жертвой, наговор и колдовство, приведшие к гибели намеченной жертвы: «Когда в одной семье убито [сразу] три человека, в числе которых нет преступников и лиц неправедных, а также если в одной семье подрублены один или два корня (т. е. убиты один или два мужских потомка), или если совершено убийство [сразу] четырех человек, [пусть даже] не членов одной семьи, а также если в числе умышленных убийств имеются такие, которые совершены с применением ядов, или если тело убитого было расчленено — отрублены ноги и руки,— или сожжено, или было изрублено на куски копьем, ножом, мечом и т. п., а также если было совершено много убийств, неодинаковых по характеру с этими, которые трудно здесь все перечислить, но при которых, как и при этих, семья вынуждена была видеть тяжкие страдания [жертвы], а уже только потом [человек] был убит, то не уста-

[37] Тан люй шу и, гл. 17, с. 400.

навливают главаря и пособников. Все [виновные в совершении таких убийств] подлежат смертной казни путем обезглавливания, их жены и дети [также] подлежат наказанию и переводятся в пастухи и земледельцы» (ст. 19). Убийство квалифицировалось иначе, если хотя бы одна из жертв ранее совершила преступление, наказуемое смертной казнью, и не пользовалась правом на смягчение меры наказания. В эту же группу входили преступные деяния, связанные с умышленным причинением ранения или умышленным убийством прежде всего лиц, имеющих чиновничьи ранги, когда мера наказания, включая и смертную казнь, зависела от того, кто и кого убил. С данным разделом материалы 20-й статьи связаны только тем, что в любом случае за убийство трех человек одновременно преступникам полагалась смертная казнь путем обезглавливания, а их семьи подлежали ответственности по принципу «юань цзо». Шестая статья этого раздела предусматривала определение тех же наказаний, что и за умышленное убийство, за наговор или колдовство, приведшие к гибели намеченной жертвы (ст. 24). Колдовству посвящены также статьи 723 и 724 кодекса. За подкладывание в пищу другого каких-либо снадобий в целях колдовства полагалась смертная казнь независимо от ранга преступника. Учивший колдовству получал одинаковое с преступником наказание. За попытку приступить к колдовским действиям назначали 12 лет каторжных работ. Смертная казнь путем удавления полагалась за попытку обучиться или обучить даосской магии. Если объектом магических действий по рецептам даосов становился кто-либо из высоких по социальному статусу лиц, это приравнивалось к мятежу (ст. 723, 724). В Китае колдовство рассматривалось как более тяжкое преступление, чем умышленное убийство, ибо считалось, что оно способно причинить вред не только лично пострадавшему, но и его потомкам, соседям и т. п.[38].

В семи статьях, отведенных мерам наказания за «великое непочтение» (шестая группа преступлений, относящихся к категории «десяти зол»), китайское «да бу цзин», предусматривались наказания смертной казнью путем обезглавливания тех сановников, которые в докладах государю и в беседах с ним говорили одно, а за глаза — другое, предусматривались также наказания за подделку императорской печати (смертная казнь путем обезглавливания), за подделку пайцзы (смертная казнь путем удавления), за искажение текста доклада государю или текста государева указа (смертная казнь путем обезглавливания), за кражу платья государя или вещи, предназначенной в жертву предкам государя (смертная казнь путем удавления), за ошибку в выпи-

---

[38] *Williams E. T.* Witchcraft in the Chinese Penal Code.— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. 1907, vol. 38, c. 66.

санном рецепте или неверное приготовление лекарства для государя (смертная казнь путем удавления), за ошибку в процессе приготовления пищи для государя (ст. 25—31). В отличие от китайских кодексов тангутские законы подводили под группу «да бу цзин» хулу на государя, злословие в его адрес (ст. 25, 26), тогда как китайские кодексы относили к этой группе лишь преступления, направленные против вещей государя, включая сюда его экипажи, лодки и т. п.[39], что по тангутскому кодексу к этой группе преступлений не отнесено.

Суровые наказания предусматривались за «непочтение к родителям», китайское «бу сяо». Если кто-либо из младших родственников позволял себе кинуть золой или плюнуть в деда, бабку, родителей или если жена делала то же самое в отношении мужа и на теле пострадавшего остался след, то виновный подлежал смертной казни путем удавления. Та же мера наказания предусматривалась и за грубое оскорбление старшего родственника словом прямо в лицо (ст. 32). Китайские кодексы трактовали эту группу особо тяжких преступлений более расширительно. Они различали оскорбление родителей детьми по принуждению, например со стороны бандитов, когда дети, под давлением оскорбившие родителей, не несли наказание как за преступление, входящее в число «десяти зол». В группу преступлений «бу сяо» были отнесены самовольное со стороны детей стремление разделить имущество семьи, попытка детей отделиться от родителей, нарушение ими регулярности и порядка приношения жертв в храме предков, вступление в брак во время ношения траура по умершим родителям[40]. Тангуты явно не столь строго смотрели на такие нарушения. Некоторые из этих преступных деяний, такие, как жертвоприношения в храмах предков, большинству некитайского населения Си Ся были чужды. Тангуты поклонялись душам предков, но изначально этот культ, как мы уже писали об этом, был связан скорее с древним дансянским культом небесных духов, чем с конфуцианским мировоззрением[41].

Отличия между тангутским и китайским кодексами имелись и в составе восьмой группы преступлений из категории «десяти зол»,— «несогласие [в семье]». Тангуты включали сюда только продажу кем-либо из родственников низшей степени родства кого-либо из родственников высшей степени родства. Наказание — смертная казнь путем обезглавливания (ст. 33). Китайские кодексы кроме аналогичного преступления включали в эту группу умышленное убийство родственника, по которому убийце

---

[39] Сун син тун, гл. 1, с. 9а — 10а.

[40] Там же, с. 10а — 11б.

[41] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 294.

следовало носить траур три месяца и более, а также нанесение побоев и оскорблений женой мужу [42].

Девятое из десяти тяжких преступлений — «нарушение долга», китайское «бу и». В эту группу преступлений тангутский кодекс включал нанесение побоев со смертельным исходом низшими чиновниками высшим (смертная казнь путем обезглавливания), высшими чиновниками низшим (в зависимости от ранга преступника — казнь путем удавления или каторга), нанесение побоев со смертельным исходом государеву посланцу с пайцзой (смертная казнь путем удавления или каторга в зависимости от ранга виновного) и нанесение побоев учеником учителю (ст. 34—36). Китайские кодексы добавляли в этот раздел «нарушение долга» женой, которая во время ношения траура по мужу внешне не проявляла печали или веселилась [43].

Последним из десяти тяжких преступлений было кровосмешение, китайское «нэйлуань». В случае разоблачения кровосмесительной связи между близкими кровными родственниками мужчина и женщина одинаково подлежали смертной казни путем обезглавливания. Семья виновных не наказывалась (ст. 38). Кровосмесительным связям была посвящена и статья 503 кодекса. Текст ее предусматривал различные сроки наказания — от смертной казни (за половую связь с тещей, женой брата, женой внука, внучкой по дочери и т. д.) до 3 лет каторжных работ (в случае более отдаленного родства).

До «Измененного и заново утвержденного кодекса» по «Яшмовому зеркалу командования войсками» как за одно из тяжких преступлений наказывалась охрана командующего войсками или его заместителей в случае их гибели в бою. Лица, охранявшие командира, подлежали казни, члены их семей переводились в пастухи и земледельцы, а дальние родственники получали по 20 ударов палкой, затем их клеймили и приговаривали к пожизненным каторжным работам [44]. Позднее, после 1212 г., к преступлению из категории «десяти зол» фактически было приравнено незаконное изготовление и продажа воинских доспехов. Если мастер изготовил доспехи, но не успел их продать, то получал 6 лет каторжных работ, если он эти доспехи продал, то подлежал смертной казни, семья его обращалась в рабство, а имущество конфисковалось. Если случалась амнистия, то она не распространялась на виновного [45].

Последняя статья первой главы тангутского кодекса, целиком посвященной категории «десяти зол», гласит: «При наказании за малые и большие преступления, указанные в разделе „Десять

---

[42] Сун син тун, гл. 1, с. 11б — 12а.

[43] Там же, с. 12а — 12б.

[44] «Яшмовое зеркало командования войсками», гл. III, инв. № 3481, л. 13б.

[45] «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 25—26.

зол", низших и высших [по общественному положению лиц] принимать во внимание их ранги не разрешается» (ст. 39). Эта статья как бы подчеркивала характер «десяти зол», десяти тяжких преступлений, юридическая суть которых состояла в их непрощаемости, в непреложности наказания за них[46]. Однако следует отметить, что тангутские юристы не были последовательны. Сам состав и основное содержание группы десяти тяжких преступлений тангутского кодекса, как мы видели, не отличается от «десяти зол» китайских средневековых кодексов. Налицо лишь формальное различие: если китайские кодексы в главе «мин ли» только перечисляют десять тяжких преступлений, называют их суть, а содержание их раскрывается в разных статьях других разделов кодексов, то тангутские юристы в данном случае отступили от китайской традиции, сделав свой кодекс более удобным для пользования и поместив соответствующие статьи закона сразу после наименования каждой из десяти групп особо выделяемых дальневосточным правом преступлений. По-видимому, в этом и состояло их новаторство применительно к данному разделу права. Тангуты не цитируют конфуцианскую классику, как это делают при определении сути «десяти зол» составители танского и сунского кодексов. Восприняв весь этот раздел китайского права, суть его, они с первой главы кодекса вписывают свой кодекс в китайскую традицию. Но, заявляя еще раз статьей 39, что при наказании за преступления, входящие в число «десяти зол», ранги виновных не принимаются во внимание, они забывают, что в статье 20 отступили от этого правила. Включив в раздел «Бесчеловечные поступки» умышленное причинение ранения и умышленное убийство, толкуя данный раздел более расширительно, чем китайские кодексы, они нарушили и теоретическую посылку группы особо тяжких преступлений, именуемых «десять зол», так как при наказании за умышленное причинение ранения и умышленное убийство во внимание принимался ранг преступника и преступление из непрощаемого превращалось в прощаемое. Почему это произошло — мы пока ответить не в состоянии.

Хотя «десять зол» имели четкое идеологическое обоснование в китайских философских и этических учениях, бóльшая часть их включала в свой состав такие преступления, которые принято и сейчас именовать государственными и которые и ныне в большинстве правовых систем расцениваются как наиболее тяжкие.

---

[46] См.: *Ch'en P. H.* Disloyality to the State in Late Imperial China.— State and Law in East Asia. Wiesbaden, 1981, с. 159–183.

III. НАКАЗАНИЯ

1. Система наказаний

Система наказаний есть совокупность мер наказания, принятых в данном уголовном праве. Для средневекового китайского права это были «пять видов наказаний», «у син». С династии Северная Вэй после реформ 431 г. «у син» стали принимать тот вид, в котором позднее просуществовали более тысячи лет. Смертная казнь была разделена на обезглавливание («чжань») и удавление («сяо»), каторжные работы — на ссылку («лю»), наказание, следующее по тяжести за смертной казнью, и каторжные работы («ту»). Именно при Северной Вэй появляется и упоминание о битье толстыми палками («чжан»). В этот же период наказание каторжными работами при определении меры наказания стало квалифицироваться не по виду работ, как это было ранее, а по срокам каторги. В VI в. при династии Суй появилось разделение наказания палками на наказание толстыми палками («чжан») и тонкими палками («чи»).

При династии Тан, когда был составлен знаменитый танский кодекс, система «пяти видов наказаний» была разработана особенно тщательно и стала образцом для всех последующих столетий. «Пять видов наказаний» образовывали единую систему, которая подразделялась на виды наказания и способы их осуществления. При этом пять видов наказания — это всегда основные наказания, «чжу син».

Применяемые при династии Тан основные наказания по мере нарастания их тяжести располагались следующим образом[1]:
Наказание тонкой палкой («чи»)

1) 10 ударов
2) 20 ударов
3) 30 ударов
4) 40 ударов
5) 50 ударов

Наказание толстой палкой («чжан»)

6) 60 ударов
7) 70 ударов
8) 80 ударов
9) 90 ударов
10) 100 ударов

Наказание каторжными работами на срок

11) 1 год
12) 1,5 года
13) 2 года

---

[1] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 1, с. 13–15.

14) 2,5 года
15) 3 года

Наказание ссылкой на расстояние

16) 2000 ли
17) 2500 ли
18) 3000 ли

Смертная казнь

19) путем удавления
20) путем обезглавливания.

Таким образом, пять видов наказаний совокупно составляли 20 степеней основных наказаний в танском Китае. Соответственно упоминание в кодексе в конкретной ситуации уменьшения или увеличения наказания на одну, две степени и т. д. означало мысленное (или конкретное) обращение судьи к данной таблице. Если за преступление некое лицо заслуживало наказания 100 ударами толстой палкой, а виновный имел право на смягчение наказания на две степени, то он должен был быть наказан 80 ударами толстой палкой. Если чиновник совершал преступление, за которое по ординару полагалось 2 года каторжных работ, а ему, учитывая общественный характер преступления, наказание должно было быть увеличено на одну степень, он получал 2,5 года каторжных работ. Это положение очень важно усвоить всякому, кто имеет дело с юридическими текстами Дальнего Востока, ибо тексты китайских кодексов и исследуемого нами тангутского тоже в большинстве случаев не указывают абсолютную меру наказания, а оперируют понятиями его степени от указанного в данной или иной другой статье ординара. Следует иметь в виду и то, что при оперировании понятиями «увеличение меры наказания» и «уменьшение меры наказания» степеней было не двадцать, а меньше. При увеличении меры наказания смертная казнь считалась за одну степень, и увеличение меры наказания до смертной казни всегда означало удавление, а не обезглавливание. При уменьшении меры наказания за одну степень считались и смертная казнь, и три вида ссылки. Если мера наказания уменьшалась от обезглавливания на две степени, то это означало наказание 3 годами каторжных работ.

Мы уже упоминали о том, что тангутский кодекс, к сожалению, не имеет общей части (кит. «мин ли»). Возможно, подразумевалось, что тангутское право как составная часть права дальневосточного разделяет общие принципы, изложенные в кодексах китайских. Надо сказать, что, хотя тангуты успешно переводили китайскую классику, составление общей части к их кодексу представляло для них определенные трудности. Перевод общей части «Тан люй шу и» или «Сун син тун» был для них посилен, но неприемлем, так как тангутское право, во-первых, все-таки не было во всем абсолютно равнозначно китайскому,

а во-вторых, это лишало их важнейших для них претензий на самобытность. Пересказ своими словами был тоже не очень уместен: пришлось бы фактически переложить все то, что есть в общей части кодексов китайских, ибо тангуты не создали правовой теории, отличной от китайской. Так как мы не имеем тангутского описания системы наказаний, изложенного в общей форме, то вынуждены реконструировать эту систему по тексту кодекса.

С большой долей уверенности можно сказать, что тангуты на практике свели пять видов наказаний к трем. Хотя в их кодексе имеются упоминания о наказаниях тонкими палками и ссылкой, но это скорее особые случаи, чем наказания регулярные. Судя по «Яшмовому зеркалу», система наказаний, известная нам по «Измененному и заново утвержденному кодексу», сложилась до его введения в действие. Мы находим в «Яшмовом зеркале» те же основные наказания, а также наказания дополнительные и заменяющие.

Обратимся непосредственно к тангутской системе наказаний. Наказание есть «мера государственного принуждения, применяемая судом к преступнику за совершенное преступление» [2]. Тангутское право знало три вида основных наказаний — смертную казнь, каторжные работы и битье палками.

Смертная казнь осуществлялась у тангутов двумя путями — посредством обезглавливания и посредством удавления. Дальний Восток не знал смертной казни через повешение.

Обезглавливание, вероятно, производилось следующим образом: «Голова преступника не лежит на колоде (плахе), и ее не рубят топором, а ставят его обыкновенно на колени с завязанными назад руками, причем один из ассистентов палача дает телу осужденного надлежащее положение при помощи веревки, которой связаны руки, а другой вытягивает его голову вперед, после чего палач быстро отнимает ее одним взмахом своего меча» [3]. Так совершалось обезглавливание в Китае вплоть до XX в. Тот факт, что такой способ казни существовал с древности, подтверждается гравюрами из Дуньхуана и Хара-Хото. Можно только добавить, что, судя по гравюрам, голову преступника, поставленного на колени, со связанными сзади руками, нередко оттягивали вперед веревкой, привязанной к его волосам.

При Сун, во время существования тангутского государства, в Китае появился вид смертной казни «лин чи», «резание на куски», завершавшийся перерезанием глотки или обезглавливанием. Для казни нередко использовали специальный станок — «деревянный осел», «му люй»,— хорошо известный по казни Амбагай-хагана, одного из предков Чингиса, чжурчжэнями.

[2] *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву. М., 1957, с. 7.

[3] *Алабастер Е.* Заметки и комментарии на китайское уголовное право.— Известия Восточного института. Т. 6. Владивосток, 1903, с. 312.

Есть мнение, что слово «лин чи» и сам вид казни — некитайского происхождения. Этот вид казни, вошедший в китайские кодексы лишь при династиях Юань (1280—1367) и Мин (1368—1644), применялся в Китае с 1034 г. при казнях мятежников, убийц и т. п.[4]. Применялось ли «резание на куски» у тангутов, мы не знаем.

Удавление как регулярное наказание было специфически дальневосточным видом смертной казни. Хотя это «наказание представляет низшую степень смертной казни по сравнению с обезглавливанием ввиду соображений о будущем благополучии осужденного в мире теней, тем не менее казнь эта несравненно мучительнее. Здесь палач валит свою жертву наземь, лицом вниз, садится на нее верхом и наворачивает на шею веревку, затем „с возможной быстротой“, хотя на самом деле и медленно, сдавливает шею своей жертвы»[5]. Бывали случаи, когда жертву ставили к столбу и привязывали; тогда палач удавливал осужденного веревкой, стоя сзади столба. Иногда осужденного помещали в особый станок, и два палача тянули веревку за концы в разные стороны. Это известно по гравюрам к старым китайским книгам[6]. По китайским поверьям, освященным конфуцианской традицией, человек был обязан беречь свое тело, дарованное ему родителями. Нарушение цельности тела было выражением непочтительности к родителям. Кроме того, в загробный мир было предпочтительнее являться, имея целое, неповрежденное тело. Душа казненного, собирая части своего тела, превращалась в своеобразного вечного скитальца. Расчлененное тело приходилось сшивать иголкой и ниткой, которых, как думали, на месте могло и не оказаться. Подобные и сопутствующие им соображения привели к тому, что удавление считалось видом наказания на одну степень более легким, чем обезглавливание.

В тангутском государстве смертная казнь могла быть осуществлена только после доклада в вышестоящие инстанции. Местные власти не имели права самовольно пользоваться этими видами наказания. Погребение казненных совершалось по утвержденным правилам и по специальному разрешению. Тело казненного нельзя было предавать погребению в течение года. Только через год выбирался шаман для совершения похорон, имя его сообщалось в управление, ранее вынесшее смертный приговор осужденному, управление давало документ на право погребения, и тело преступника, по тангутскому обычаю, или

---

[4] См.: *McKnight B. E.* Sung Justice: Death by Slicing.— Journal of the Asian Oriental Society. 1973, vol. 93, № 3, с. 359—360.

[5] *Алабастер Е.* Заметки и комментарии на китайское уголовное право, с. 313.

[6] *Нийда Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо. Токио, 1959. Иллюстрации.

сжигали, или закапывали в землю. Заупокойный обряд по погребаемому не совершался. Незаконное совершение обряда влекло за собой тяжкие последствия — и погребавшие и шаман сами подлежали смертной казни путем удавления (ст. 453).

Ссылки как строго дифференцированного от каторжных работ наказания в тангутском праве не существовало. Ссылка предполагала депортацию осужденного на далекие расстояния, на окраины государства, что при скромных размерах тангутского государства было невозможно. В Китае ссылка начиналась с высылки преступника на 2000 ли (более чем на 1000 км), но уже при применении более суровых видов ссылки — на более дальние расстояния (2500 и 3000 ли). До сих пор неясно, что считали исходной точкой отмера расстояния — столицу страны или родину преступника [7].

В существе своем ссылка в Китае была лишь вариантом каторжных работ, только в более удаленных от центра страны районах.

В тангутском кодексе ссылка упоминается при наказании за мятеж родственников преступника на основании принципа общесемейной ответственности. «Семья преступника — его родственники, сыновья и братья будут привлечены к ответственности, высланы и отправлены на работы в качестве пастухов и земледельцев или солдатами в гарнизоны пограничных городов» (ст. 1441). Включение в армию семей казненных преступников, привлеченных по общесемейной ответственности, было характерно и для «Яшмового зеркала» [8]. Ссылка означала уголовное рабство. Для близких родственников осужденного оно было бессрочным, так как никаких указаний о сроках ссылки в кодексе не имеется. Для более дальних родственников осужденного она, по существу, означала пожизненные каторжные работы: «Дядья, тетки и племянники мятежника... должны быть сосланы. Если нет сомнений [в их виновности], то они ссылаются в пограничные районы и там, где есть города, они должны быть направлены на каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги в числе прочих лиц, содержащихся в городах, а там, где городов нет, они должны быть включены в пограничные войска» (ст. 1). Наказание пожизненной ссылкой и каторжными работами сроком на 13 лет в пограничных городах и войсках с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги упоминается также в статье 6.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы: 1) ссылка в арсенале тангутских уголовных наказаний не была основным наказанием, входившим в систему наказаний; 2) она при-

[7] *Ou Koei-hing.* La peine d'après le code des T'ang. Etude de droit pénal chinois ancien. Shanghai, 1935, c. 22.

[8] «Яшмовое зеркало», гл. III, инв. № 3481, л. 15а — 15б.

менялась для наказания родственников преступника, виновного в совершении некоторых из десяти тяжких преступлений, таких, как мятеж и другие, на основании принципа общесемейной ответственности; 3) для близких кровных родственников преступника ссылка означала уголовное рабство, вероятно не только пожизненное, но даже наследственное; 4) для дальних родственников осужденного она фактически совпадала с так называемыми пожизненными каторжными работами, о которых подробно будет сказано ниже.

Каторга, по китайским правовым теориям, не отличалась от рабства. «Каторжанин — [это] раб. Он обращен в рабское состояние для того, чтобы опозорить его» [9]. Тангуты, создавая свой «у син», возможно, делили наказание каторжными работами либо на два вида — срочные и пожизненные — и тогда рассматривали два способа казни как отдельные виды наказания, либо на три вида — срочные, пожизненные (8—12 лет) и каторжные работы на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги — и тогда оба способа казни считали одним видом наказания. В статье 1416 кодекса говорится: «Если кто-либо совершит преступление, то, исходя из пяти возможных видов наказания, в зависимости от тяжести [совершенного преступления], личности самого [преступника] и обстоятельств дела, [виновному] назначаются основные допустимые наказания: битье толстыми палками, начиная с 7—8 ударов и при увеличении меры наказания каждый раз на одну степень 10 и 13 ударами. Каторжные работы на срок 3 месяца, 6 месяцев и 1 год; это считается [наказанием каторжными работами] на определенный срок; при увеличении этих [мер наказания] на одну степень срок их может достигать 6 лет. [Каторжные работы] на сроки более длительные, чем эти, начиная с 8 лет, называются пожизненными каторжными работами. Пожизненные каторжные работы трех сроков — на 8, 10 и 12 лет — означают, что после отбытия [назначенного ему] срока [наказания человек] не может возвратиться в свой старый гвон. Более суровые, чем эти, [каторжные работы] — это те, когда осужденный должен работать 13 лет. Если [он] отработает этот срок, то по завершении назначенного [ему] срока тяжелых работ [он] все равно должен находиться в том же месте, где [он] отбывал каторжные работы. Далее основные наказания простираются [до наказания смертной казнью] путем удавления или обезглавливания».

Каторжные работы как основной вид наказания всегда сопровождались дополнительным наказанием — битьем толстыми палками. Делалось это по следующей шкале: приговоренному на срок от 3 месяцев до 2 лет полагалось 13 палок, па 3—

---

[9] Тан люй шу и, гл. 1, с. 14.

4 года – 15 палок, на 5–6 лет – 17 палок, на 8, 10, 12 и 13 лет – 20 палок (ст. 1416).

Каторга на практике означала содержание под стражей и принудительные, тяжелые по преимуществу, работы. Например, дети, не отговаривавшие своих родителей совершать преступление, наказывались 10 годами каторги. О них говорится: «Когда они, [получив наказание], будут приписаны к пастухам и земледельцам, их следует направлять на действительно тяжелую работу» (ст. 18). Осужденный на каторгу за кражу вор должен был работать на тяжелых казенных работах пастухом, землепашцем, паромщиком, тележником, или его отдавали какому-либо хозяину и приравнивали к пхинга и нини – лично несвободным людям, принадлежащим частным лицам [10].

Распределение каторжан на тяжелые работы происходило через Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами и Главное управление военных дел (ст. 1410). Одним из мест отбывания каторги был город Эдзина, знаменитый Хара-Хото, подаривший миру коллекцию тангутских рукописей и ксилографов, в том числе и издаваемый нами памятник. Осужденный на каторгу мог быть «отправлен в [район] Эдзина (Хэйшуй, Хара-Хото) или любое иное место рыть колодцы и на другие тяжелые работы... [Осужденные] должны быть занесены в списки и отбывать каторгу, как положено» (ст. 1441). Каторга всегда была тяжелой работой, в первую очередь, по месту жительства или вблизи его, а уж затем, если это были не пожизненные каторжные работы, обязательно сопровождаемые ссылкой,– работой в других, в том числе и самых отдаленных, местностях. «Что касается отправки на место каторжных работ... то, поскольку, когда [осужденные] получают наказание каторжными работами, [их] отправляют в города, где размещены [гарнизоны] регулярной армии или вспомогательные войска, и к тем, кто служит в пограничных крепостях и городах и расположенных в округах укреплениях, [таковых] иногда взамен каторжных работ можно использовать на тяжелых работах по месту принадлежности: для ремонтных работ в городах, копания рвов и насыпки крепостных валов, выравнивания дорог, засыпки рытвин, ремонта настенных башен, складов... для разного рода транспортных работ, которые [там] имеются. Если [осужденные] будут заняты на таких [работах] не полностью, то, если [их] можно использовать в другом городе или армии по месту [их принадлежности], [их] должны использовать там на ремонтных работах, соединяя в рабочие отряды. Если в городе нет тяжелых работ и [осужденных] людей отправляют из [данного] города, то [они] могут быть отправлены в отдаленные города и укрепления, на государевы [рудники] и в госуда-

---

[10] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 33–34.

ревы [мастерские], где добывают и обрабатывают золото, серебро и железо, и в те места, где есть иные тяжелые работы. [Осужденные всегда] обязаны заниматься [в таких местах] тяжелым трудом» (ст. 1443).

Оставление на месте особенно касалось простолюдинов: пастухов, земледельцев, паромщиков и т. п. Те из них, кто и без того был приписан к регулярной армии или вспомогательным войскам, получали все причитающиеся при наказании каторжными работами дополнительные наказания — их клеймили, били палками, на них надевали железный ошейник, но их оставляли в том же гвоне, где они работали ранее. Это же правило распространялось на музыкантов тангутской и китайской музыки и ремесленников (кит. «юе» и «гун») — людей в Китае традиционно с ограниченной личной свободой. Если осужденные на каторгу хотя бы временно работали при регулярной армии или вспомогательных войсках, они, получив все причитающиеся дополнительные наказания, по-прежнему оставались при армии, и только при отсутствии там работы или соответствующих у них навыков их отсылали в другие места. Более того, если каторжанина можно было чему-то обучить, его следовало обучить мастерству. «Что касается ремесленников, то, если [они] получали содержание, [таковое] должно быть им уменьшено. На ночь [их] следует собирать в том управлении, которое ведает ими, или в установленных местах сбора. Если [у них] окажется свободное время, то [они] должны работать вместе с теми, кто производит ремонтные работы в том управлении, к которому они относятся, или участвовать в разных неотложных работах при дворце, там, где [им] будет указано» (ст. 1451).

Осужденные на каторжные работы на небольшие сроки чиновники отбывали наказание, как и многие ремесленники, по месту своей работы. Их можно было «оставить [при управлении], днем использовать для составления документации, а на ночь [таких осужденных] следует собирать в помещении управления по их принадлежности» (ст. 1452). О всех таких лицах, приговоренных к каторжным работам и отбывающих наказание по месту прежней службы, докладывали, в зависимости от характера ведомства, в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или в Главное управление военных дел. Периодически осуществлялся контроль за исполнением вынесенных им приговоров (ст. 1455).

Женщин направляли работать в государевы скотоводческие хозяйства, где их положение было близким к рабскому, ибо закон предусматривал наказание за их продажу (ст. 1403). Отбывающие каторгу женщины также упоминаются в кодексе «в качестве ткущих сукна, ткани из растительных волокон, белошвеек или отданных в жены пастухам и земледельцам» (ст. 940). Бывших наложниц, оказавшихся на каторге, раздавали в каче-

стве прислуги — «они должны быть отданы женам достойных семей [в пограничных] городах» (ст. 11), что фактически тоже означало уголовное рабство.

Говоря о характере китайской каторги, японский исследователь Миядзаки Итисада указывает, что танская каторга, а сунская ссылка означали на деле приписку осужденных к военным отрядам по месту ссылки в каком-либо захолустном городе или даже к военному гарнизону в своем родном городе и привлечение их там к разным работам [11]. Как мы видели, все это имеет прямую параллель и в тангутском материале.

Каторжные работы были связаны с лишением осужденного свободы. Но средневековый Дальний Восток не знал специального наказания лишением свободы. Обвиняемые и преступники содержались в тюрьмах только при расследовании дела или в ожидании казни. «Феодальным государством,— писал А. С. Шляпочников,— применяется и тюремное заключение. Однако первоначально тюрьма служит главным образом цели воспрепятствовать уклонению от суда... Тюрьма редко назначается как самостоятельное наказание» [12]. Каторга же, хотя и была сопряжена с лишением свободы, имела целью не наказание несвободою, а наказание трудом, использование, по выражению Нииды Нобору, «неограниченного и неоплаченного труда наказываемого» [13]. Вероятно, тангутские тюрьмы могли копировать сунские каторжные тюрьмы («юань ту»), в которых содержали осужденных на каторжные работы. Днем они работали, а на ночь их запирали в «юань ту», «места, обнесенные оградой» [14].

Каторга, особенно так называемые пожизненные каторжные работы сроком на 8—12 лет без права возвращения в свой гвон и сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги, была суровым наказанием. Поэтому применение его местными властями, как и применение смертной казни, было ограничено. Обо всех серьезных приговорах следовало докладывать в вышестоящие инстанции, и только после их одобрения они могли иметь силу. Отметим, что термин «пожизненные каторжные работы» («чжун шэнь»), не известный ни в танском, ни в сунском Китае, имелся в кодексах Ляо и Цзинь [15] и, возможно, попал к тангутам и чжурчжэням от киданей.

Третьим основным видом наказания в тангутском государстве XII в. было наказание толстыми палками. Поскольку закон имел своей задачей не допускать произвола, в тангутском ко-

---

[11] *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико.— Тохо гаку. 1964, № 24, с. 136.

[12] *Шляпочников А. С.* Происхождение уголовного права. М., 1934, с. 45.

[13] *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо, с. 48.

[14] *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико, с. 133.

[15] *Симада Масао.* Рё сэй-но кэнкю. Токио, 1954, с. 119; *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико, с. 130.

дексе, как и в китайском, были определены точно зафиксированные размеры этого орудия наказания. Палки изготовлялись в центральных управлениях за счет финансово-налогового управления, в местных — за счет штрафов, полученных со взяточников. «Толстую палку делают из кипариса, вяза или тутовника. Ее длина три чиау один цхивэнь. Ширина конца палки один цхивэнь девять хуэнь, толщина конца палки восемь хуэнь, размер рукояти восемь на восемь хуэнь. От середины палки и до конца следует оставить шероховатости. Вес палки устанавливается в десять ливу, и [на ней] должны быть записаны год и день ее изготовления». На палке должна была быть выжжена государева печать с текстом (ст. 569). Соответственно это орудие наказания в наших современных мерах весило 3,73 кг, было длиной 96,4 см, имело утолщенный лопатовидный конец в 3,42 см шириной и 2,48 см толщиной, палка сужалась к рукояти. Это орудие наказания напоминало не столько палку, сколько мутовку или зауженную лопатку. Размеры тангутской толстой палки почти копировали размеры толстой палки времени Тан. Танская палка делалась из шиповника [16]. Вообще в средневековом Китае, вопреки ходячим представлениям, бамбуковыми палками не били [17].

Основным наказанием, судя по цитированной выше статье 1416, были 7—8, 10 и 13 ударов такой палкой. Однако есть упоминания и о наказании 15 палками (ст. 1353). В кодексе это, как правило, отмечается в тех случаях, когда обычная формула «с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» заменяется формулой с более суровым наказанием: «с имеющего ранг — штраф 2 лошади, простому человеку — 15 палок» (ст. 1395). Если наши наблюдения точны, такая мера наказания применялась при причинении должностным лицом материального ущерба казне (ст. 1247). Возможно, что наказание 15 ударами палкой не следует рассматривать как регулярное, входящее в качестве самостоятельной единицы в систему наказаний.

Тангутская схема меры наказания толстой палкой имеет важное значение для постановки вопроса о возможном времени рецепции тангутами китайского права. Обычно хорошо известно, что при династии Сун наказания палками выглядели следующим образом: тонкими палками — 10, 20, 30, 40, 50 ударов, толстыми палками — 60, 70, 80, 90, 100 ударов. Зная систему наказаний Тан и Сун в общих чертах, можно было бы подумать, что схема в 7, 8, 10, 13, 15, 17, 20 ударов толстой палкой — собственное тангутское изобретение. Однако это не так. Тангуты восприняли и сохранили меры наказания толстой палкой, применявшие-

[16] *Ou Koei-hing*. La peine d'après le code des T'ang, c. 27.

[17] Такие ошибки часты в учебнике «История государства и права стран Азии и Африки» (М., 1964, с. 73, 86, 134 и др.).

ся при династии Сун лишь очень непродолжительное время, еще до появления кодекса «Сун син тун», в годы правления сунского Тай-цзу (960—976). Именно в начале второй половины X в. очень короткий период в Китае наказывали только толстыми палками, причем число ударов было установлено в 7, 8, 10, 13, 15, 17, 18, 20 палок [18]. Тангуты признали свою зависимость от династии Сун, и ее система наказаний, очевидно, распространилась на них автоматически. Порвав в 982 г. с Сун, они сохранили эту систему как свою собственную, не приняв позднее ту, новую, которая утвердилась в сунском Китае. Наказание 7, 8, 10, 13 (иногда 15) палками стало применяться как основное, а наказание 17, 20 ударами — лишь как дополнительное к каторжным работам. Наиболее распространенным было наказание 13 ударами. Позднее, с повышением роли указов («чи»), тонкие палки и в Сун снова были заменены толстыми [19].

Тонкие палки, не являясь основным видом наказания, упоминаются не раз в тангутском кодексе. В определенных случаях они заменяли толстые палки. Запрещалось применять толстые палки для наказания основных чиновников управлений и тюремных надзирателей (ст. 571). Если при выступлении в поход обнаруживалась недостача снаряжения у воина или его коня, виновных, учитывая военное время, можно было бить вместо толстых палок тонкими из расчета пять ударов тонкой палкой за один удар толстой (ст. 305). Тонкими палками били несостоятельного должника из расчета за каждые неотданные двадцать связок монет 40 ударов, за сто связок и более — 100 тонких палок (ст. 400). 30 тонких палок полагалось девушке, еще не выданной замуж, если она до заключения брачного контракта позволяла жениху «тайно трогать [ее] скрытые колени и хватать [ее] руками спереди» (ст. 517). 15 тонких палок получал чиновник, не рассмотревший поданное в управление прошение в течение отведенных на это законом пяти дней (ст. 559). 80 и 100 ударов тонкой палкой полагалось скрывшимся преступникам в том случае, когда при увеличении за побег полагавшейся им ранее меры наказания на одну степень они могли бы быть наказаны пожизненными каторжными работами или смертной казнью. Взамен пожизненной каторги назначали 80 тонких палок, вместо смертной казни — 100 (ст. 585). 60, 80 и 100 тонких палок мог получить следователь за ошибки, допущенные в ходе ведения следствия (ст. 594). Чиновник, потерявший документ, получал 80 тонких палок, если в результате потери документа преступник избежал наказания пожизненными каторжными работами, и 100 тонких палок, если преступник избежал смертной казни (ст. 816). 20 тонких палок полагалось владельцу земли,

---

[18] *Миядзаки Итисада*. Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико, с. 123.
[19] Там же, с. 124.

высадившему вдоль оросительного канала деревья и кустарники и допустившего их потраву скотом. Если скот был не его, то 20 тонких палок получал владелец скота (ст. 1138). 20 тонкими палками наказывались младшие управляющие пастбищами, если подчиненные им пастухи были не в состоянии возместить стоимость от одной до трех утерянных ими коров (ст. 1390). Мастеровой, самовольно покинувший работу, наказывался тонкими палками, в случае отсутствия до 70 дней — 100 ударами (ст. 1446).

Общее правило замены толстых палок тонкими гласило: «Если кто-либо из лиц, получивших наказание, взамен толстых палок может быть наказан тонкими палками, то вместо одного удара толстой палкой [он] должен получить пять ударов тонкой» (ст. 1435). Для родственников государя кодекс устанавливает следующие соответствия при замене наказания толстыми палками наказанием тонкими палками (ст. 1406):

Наказания толстыми палками	Наказания тонкими палками
7 ударов	30 ударов
8 ударов	40 ударов
10 ударов	50 ударов
13 ударов	60 ударов
15 ударов	70 ударов
17 ударов	80 ударов
20 ударов	100 ударов

Так как по тангутскому праву наказание тонкими палками не являлось основным, описание тонкой палки в кодексе отсутствует.

Как же выглядела тангутская система основных наказаний и как располагались в ней степени меры наказания — понятие, как мы уже указывали, чрезвычайно важное в дальневосточном праве вообще. В известной мере ответ на это дает текст статьи 1417: «При наказании [осужденного] в соответствии с возможными пятью видами наказания двумя категориями смертной казни — путем удавления и путем обезглавливания, тремя сроками пожизненных каторжных работ и более тяжкими, чем эти, каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги, если [осужденный] может получить смягчение меры наказания, то, когда смягчаются две категории смертной казни, [мера наказания] уменьшается до 12 лет каторжных работ, которые должны считаться пожизненными каторжными работами. Когда смягчается наказание каторжными работами сроком на 13 лет или наказание [одним из] трех сроков пожизненных каторжных работ, то [тот, кому снизили меру наказания], получает 6 лет каторжных работ. Что касается уменьшения меры наказания, начиная с 6 лет каторжных работ и ниже, то за одну степень

[в таких случаях] должен считаться один год каторжных работ. Получившему 1 год мера наказания уменьшается до 6 месяцев, получившему 6 месяцев — до 3 месяцев каторжных работ». Таким образом, если мы расположим все основные виды наказаний тангутского кодекса в порядке от наказания менее сурового к более тяжкому, то мы получим следующую картину:

Мера наказания	Соответствие меры наказания «степени наказания»
Толстые палки	
7–8 ударов	одна степень
10 ударов	одна степень
13 ударов	одна степень
Каторжные работы на определенный срок	
3 месяца	одна степень
6 месяцев	одна степень
1 год	одна степень
2 года	одна степень
3 года	одна степень
4 года	одна степень
5 лет	одна степень
6 лет	одна степень
Пожизненные каторжные работы:	
без права возвращения в свой гвон 8 лет, 10 лет, 12 лет; с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги 13 лет	одна степень
Смертная казнь: удавление, обезглавливание	одна степень

«Степень наказания» — это понятие, используемое в кодексе при указании на уменьшение или увеличение меры наказания. При этом все сроки пожизненных каторжных работ считались за одну степень, которая соответствовала 12 годам. Два вида смертной казни также считались как одна степень. Итак, мы имеем 17 мер наказаний и 13 степеней. Если виновный подлежал смертной казни, но ему мера наказания смягчалась на одну степень, он осуждался на 12 лет каторжных работ без права возвращения в свой гвон после отбывания срока каторги, а не на 13 лет. Если осужденному полагался любой из сроков пожизненных каторжных работ (8, 10, 12 лет) или каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги, а мера наказания ему смягчалась на одну степень, то он получал 6 лет каторжных работ, на две степе-

ни — 5 лет, на пять степеней — 2 года каторжных работ. Если виновному полагался год каторжных работ, а мера наказания ему смягчалась на одну степень, то он получал 6 месяцев каторжных работ, на две степени — 3 месяца, на три степени — 13 ударов большой палкой. Таким же образом, если увеличение меры наказания указывалось не конкретно, а велось на степени, возрастала и тяжесть наказания. Если с 6 лет каторжных работ мера наказания увеличивалась на одну степень, это означало 12 лет каторжных работ, а не 8 или 10. Если вместо 13 толстых палок мера наказания виновному увеличивалась на четыре степени, то он получал 2 года каторжных работ и т. п. Это постоянно следует иметь в виду при чтении текста кодекса, когда счет увеличения или уменьшения мер наказания ведется на степени. Кодекс знает уменьшение или увеличение мер наказания до пяти степеней (см., например, ст. 604 и 956).

Для тангутского, как и для всего дальневосточного, права было характерно точное фиксирование меры наказания, поэтому в кодексе нет формулировок типа «от 3 до 5 лет» или «от 7 до 13 палок». Эта традиция шла от китайских кодексов. «Характерную черту уголовного законодательства Тан,— писал У Гуйсин,— составляло то, что наказания не только были строго зафиксированы, но, кроме того, зафиксированы абсолютно, т. е. судье не предоставлялась свобода менять в пределах достаточно широких установление меры наказания в каждом отдельном случае, который он рассматривал» [20].

Кроме основных наказаний тангутское право знало серию дополнительных наказаний, к описанию которых мы и перейдем в следующем разделе.

2. Дополнительные наказания и заменяющие наказания

Дополнительные наказания — это такие меры наказания, которые могут быть назначены как в качестве самостоятельных мер наказания, так и в сочетании с основными в качестве дополнительных. К числу таковых относится уже упоминавшееся ранее битье толстыми палками при наказании каторжными работами, надевание на осужденного железного ошейника, цепей, клеймение (татуирование) осужденного, штрафы, конфискация имущества и т. п.

Клеймение — бесчестящее наказание осужденных: оно производилось за преступления, относящиеся к категории «десяти зол», за грабеж, нарушение воинского приказа, нарушение высочайших запретов на торговлю и во всех случаях наказания пожизненными каторжными работами (ст. 63). Было установле-

[20] *Ou Koei-hing.* La peine d'après le code des T'ang, c. 11.

но соответствие числа знаков в клейме сроку наказания каторжными работами: «Тем, кто осужден на срок от 1 года до 3—4 лет, ставится клеймо на руке и спине из четырех знаков; тем, кто осужден на 5—6 лет,— клеймо за ухом из шести знаков; тем, кто осужден на 8—10 лет,— клеймо на лице из восьми знаков; тем, кто осужден на 12 лет или на каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги,— [клеймо на лице] из десяти знаков. Клеймо на руке и спине должно быть четким, знаки клейма за ухом делаются четко, от шеи и до волосяного покрова на голове. Наказываемым пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой гвон клеймо на лице ставится от глаза по скуле до подбородка» (ст. 64). Статьи 65—68 кодекса предусматривали меры наказания чиновникам, ответственным за клеймение осужденных, в случае нарушения правил клеймения — неналожения клейма, уменьшения числа или размера знаков, неотчетливость клейма, наложение клейма за ухом так, что оно оказывалось скрыто волосами, и т. п. Осужденный не имел права сводить клеймо самовольно и наказывался: «за сведение клейма на лице — 3 годами, за ухом — 2 годами, на руке и спине — 1 годом каторжных работ» (ст. 70). Клеймо не ставилось лицам, имеющим чиновничьи ранги, и монахам (ст. 42). Клеймо, поставленное в результате судебной ошибки, должно было быть сведено (ст. 600).

Железный ошейник надевался на осужденных из числа пастухов, земледельцев, лодочников и возчиков — людей лично несвободных, принадлежавших государю (государству), и на пхинга и нини. Если таковые были осуждены на пожизненные каторжные работы за кражу, их изымали у хозяина или переводили в другое ведомство и отправляли на тяжелые работы. «Те из них, кто за прочие преступления наказан каторжными работами на определенный срок, по закону должны быть биты палками и на них следует наложить клеймо. Ввиду наказания их каторжными работами на них может быть надет железный ошейник, а сами они должны быть возвращены их владельцу или чиновнику, к которому они были приписаны в [своем] гвоне» (ст. 83). Короче говоря, учитывая, что повседневный труд этих лично несвободных людей и так был каторжным, их били палками, клеймили, надевали на них железный ошейник и оставляли трудиться на прежнем месте. Палки и железный ошейник как бы заменяли каторгу, но не были ни откупом от наказания, ни заменой его. Они дополняли наказание каторжными работами. Железный ошейник надевали и на тех, кого отправляли на пожизненные каторжные работы. В случае рецидива и повторного наказания каторжными работами на определенный срок осужденный «по возможности должен быть бит палками, заклеймен и включен в число тех, кто выполняет тяжелые работы»

(ст. 83). «Мерой возможности» была мера компенсации владельцу за изъятие у него работника.

Железный ошейник для тех, кто был осужден на каторжные работы на определенный срок (от 3 месяцев до 6 лет), был весом в 3 лдиэ (около 1,8 кг), а для осужденных на пожизненные каторжные работы — весом в 5 лдиэ (около 3 кг). Осужденный был обязан носить железный ошейник весь срок назначенных ему каторжных работ, и за самовольное снятие ошейника прежняя мера наказания увеличивалась ему на одну степень (ст. 86). Не мог снять с осужденного ошейник и его хозяин. Хозяин или посторонний человек, снявший с лично несвободного, осужденного на каторжные работы человека ошейник, сам мог получить за это до года каторжных работ (ст. 87).

Дополнительным наказанием была конфискация имущества (в случае причинения материального ущерба казне) или выплата компенсации казне и частным лицам за причинение ущерба. Конфискация имущества преступника могла иметь место и без причинения им материального ущерба. Так, в случаях совершения государственной измены или мятежа имущество осужденных конфисковалось, «становилось государевым». «Конфисковались», подлежали ссылке и переводу в пастухи и земледельцы, и родственники осужденных по принципу общесемейной ответственности. Поскольку они, по существу, приравнивались к имуществу изменника или мятежника, но таковым не являлись и иначе, как переходом в казну, не наказывались, их «конфискацию» («мо гуань») Дай Яньхуэй, например, рассматривает не как дополнительное, а как основное для этих лиц наказание [21]. Соглашаясь с оговоркой «для этих лиц», считать конфискацию видом основного наказания для средневекового китайского права нельзя, так как она не входила в систему основных наказаний.

В тангутском праве имела место и так называемая «специальная конфискация», т. е. конфискация запрещенных вещей, орудий, связанных с совершением преступления, вещей, являющихся «плодом» преступления, например чего-либо взятого в качестве взятки чиновником. Конфискация занимала важное место «в феодальной репрессии» вообще, при этом, как правило, конфисковалось все имущество осужденного и его семьи [22].

Компенсация причиненного ущерба казне или частным лицам была многообразна и постоянно сопутствовала наказаниям за преступления, связанные с хищениями, порчей имущества и т. п. Как специфический случай компенсации или штрафа можно рассматривать взимание с преступника средств на выплату вознаграждения доносчику.

---

[21] *Дай Яньхуэй*. Тан люй тун лунь. Тайбэй, 1964, с. 183.

[22] *Шляпочников А. С.* Происхождение уголовного права, с. 45.

Штраф в тангутском кодексе очень часто выступает как льгота при замене для лиц, имеющих ранги, телесных наказаний. Такие штрафы выплачивались железом, лошадьми, деньгами и были своеобразным откупом от наказания. Так, штраф железом в 7 лдиэ (около 4,2 кг) брался с чиновников, имеющих ранги средних разрядов, за промедление с пуском в дело документации, за что прочим, не имеющим ранга чиновникам и имеющим низкие, «смешанные» ранги, полагалось 15 тонких палок (ст. 559). Примерно на 3 кг железа штрафовали чиновника за неявку на службу в течение одного-двух дней и на 6 кг за неявку в течение трех-четырех дней (ст. 629). Штраф в 3 кг железа уплачивали вместо наказания 20 тонкими палками лица, имеющие ранги, если они высадили, но не сберегли зеленые насаждения в зоне оросительных каналов (ст. 1138). Таким образом, для чиновников штраф железом являлся наказанием за мелкие проступки или замещал незначительные телесные наказания.

Точно так же и штраф лошадьми был для чиновников, лиц, имеющих ранги, наказанием, заменяющим телесные наказания. Наиболее частая в кодексе формула наказания за несерьезные проступки гласила: «с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок». Существовало точно зафиксированное законом соотношение числа ударов толстой палкой и количества взимаемых вместо этого в качестве штрафа лошадей: за 13 палок — одна лошадь, за 15 — две, за 17 — три, за 20 — четыре лошади. «Если какой-либо человек за совершенное [им] преступление платит штраф лошадьми, то [государевым] клеймом должны клеймиться добрые кони от молодых до взрослых» (ст. 1407). Клеймо ставило то управление, в котором служил или которому подчинялся оштрафованный чиновник. Затем этих полученных в качестве уплаты штрафа лошадей раздавали тем солдатам, у которых не было коней, или отдавали в ближайшее государево коневодческое хозяйство (гвон). Все такие лошади обязательно брались на учет дворцовым управлением (ст. 1408). Известен случай штрафа пятью лошадьми за похищение дам из окружения императриц (ст. 500).

Штраф лошадьми был заменяющим наказанием, а посему мог быть заменен и сам. «Если штраф не может быть уплачен лошадью, то дело должно быть проверено контролерами и взамен одной лошади [с оштрафованного] взыскивается денежный штраф в размере двадцати связок монет. Если и деньги не будут получены, то в том случае, когда [оштрафованный] получает жалованье в зависимости от класса того управления, [в котором он служит], [стоимость лошади] должна быть вычтена из [его] жалованья. Если [у него] нет жалованья, то взамен одной лошади [с виновного] должен быть снят один ранг». Кстати, по желанию можно было и не платить, а получить палки, положенные простым людям (ст. 1407). Итак, стоимость коня была 20 связок

монет или один ранг. У тангутов, в прошлом скотоводов по преимуществу, штраф только исчислялся в лошадях, а платить его можно было и деньгами, и вычетами из жалованья, и, наконец, своими рангами. Как ношение железного ошейника при наказании каторжными работами было уделом лично несвободных, так штраф лошадьми был привилегией служилого сословия.

Телесные наказания для чиновников в случае совершения ими должностных проступков заменялись и денежным штрафом. «Если небрежность в оформлении документов допустил столоначальник какого-либо управления Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами или Главного управления военных дел, то, хотя [он] и имеет ранг высокой степени, это не избавляет [его] от наказания и [он] включается в число лиц, подлежащих наказанию. Если [на него] следует надеть кангу, то канга должна быть надета. Если [виновный] подлежит битью палками, то начальник управления по принадлежности [виновного] может рассмотреть дело и взамен битья палками наложить [на него] денежный штраф в необходимых размерах» (ст. 564). Штрафы брали за мелкие должностные проступки. Так, дворцовые служащие, так называемые «ожидающие приказаний», как имеющие ранги, так и не имеющие ранга, в том случае, когда они отсутствовали при начале ночной переклички, но являлись до ее окончания, одинаково платили по 2 связки монет штрафа. В зависимости от срока опоздания или отсутствия штраф мог возрасти до 10 связок монет. Но и тут была налицо обратная связь — не можешь платить, получай палки: за 2 связки монет — 20 тонких палок, за 3 связки — 7 толстых, за 5 связок — 8 палок, за 7 связок — 10 палок и за 10 связок монет — 13 палок. Сумма штрафа могла быть вычтена и из казенного довольствия (ст. 888). В случае совершения должностного преступления чиновниками менее привилегированными, чем «ожидающие приказаний», соотношение денежного штрафа и палок было, возможно, иным. Например, при учете скота мелким чиновникам в случае упущений по службе взамен штрафа в 5 связок монет полагалось 10 палок, а не 8, или, наоборот, за 10 палок надо было платить 5 связок монет, а не 7 (ст. 1394). В любом случае природа денежного штрафа по тангутскому кодексу была однозначна с природой штрафа лошадьми. Это было наказание для чиновников, должностных лиц, наказание, заменяющее наказание телесное (битье палками), но за более незначительные проступки, чем те, за которые штраф исчислялся лошадьми.

Частным случаем штрафа было зачтение в качестве штрафа некомпенсированной доли краденого имущества и изъятие в качестве штрафа имущества лично несвободных пхинга и нини, осужденных за кражу па смертную казнь или пожизненные каторжные работы (ст. 134, 135).

IV. ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ

1. Сроки ношения траура по умершим родственникам как критерий меры наказания

Средневековое право знало ряд условий применения мер наказания, влиявших как постоянно действующие факторы на увеличение или уменьшение меры наказания от стандартной точки отсчета. Такой точкой отсчета была та или иная мера наказания, положенная за то или иное преступление простому человеку, не имеющему чиновничьего ранга, совершившему преступление против другого такого же простого человека, не состоящего с ним в родстве (кит. «фаньжэнь»).

Отношения родства как определенная категория права занимали в китайском праве важное место и соответственно были включены во все китайские средневековые кодексы, а также в тангутский кодекс. Выражением степени близости родственных отношений служили установленные с древности сроки ношения траура. Следует всегда помнить, что включенные в кодекс описания родства не были описаниями системы родства на данное время; они служили лишь традиционным критерием применения мер наказания при совершении родственниками преступлений друг против друга.

Китайские понятия кровного родства и свойства несколько не совпадали с нашими. В число кровных родственников, «нэйцинь», входили родственники однофамильцы по мужской линии, а также вошедшие в семью женщины: мать, жена, жены сыновей и внуков. Свойственниками, «вайцинь», считались члены рода матери и родственники по женской линии, члены рода жены и семьи, с которыми породнились через браки дочерей [1]. Существовала и трехчленная классификация, согласно которой родственники делились на группу «цзунцинь» — патронимия или сиб,— в которую входили родственники по культу предков, родственники общего происхождения по мужской линии, группу «вайцинь» — свойственники со стороны матери и со стороны замужней дочери — и группу «цицинь» — родственники по жене [2].

Закон устанавливал сроки ношения траура одного родственника по другому, исходя из понимания близости родства тех лет, и брал их за критерий определения мер наказания. Танским кодексом круг родственников определялся следующим образом: «Родственниками называются те, кто в силу своего происхождения должны были носить друг по другу траур „сыма“ и выше, а также те, кто связаны с семьей посредством брака и обязаны

[1] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь. Тайбэй, 1964, с. 39.

[2] *Valk M. H. van der.* Conservatism in Modern Chinese Family Law. Leiden, 1956 (Studia et Documenta ad jura orientis antique pertinentia. Vol. 4), с. 6.

носить друг по другу траур „дагун“ и выше»[3]. Родней закон считал только тех, кто был связан между собой пятью сроками ношения траура («у фу цинь»), и такой круг родственников состоял как из кровных родственников, так и из свойственников.

«У фу», «пятью сроками ношения траура», являлись:

1) «Чжаньцуй» — трехгодичный траур. Этот траур носили дети по отцу или матери и жена или наложница по мужу.

2) «Цицуй» (или «ци») — в идеале трехгодичный траур. Однако этот вид траура бытовал реально как траур «ци» сроком на один год. Более того, он делился еще на «чжанци» — пятимесячный траур, который носили по прямым родственникам по отцу.

3) «Дагун» — девятимесячный траур. Его носили друг по другу прямые родственники по деду.

4) «Сяогун» — пятимесячный траур. Его носили друг по другу прямые родственники по прадеду.

5) «Сыма» — трехмесячный траур. Его носили друг по другу прямые родственники по прапрадеду[4].

Названия пяти сроков ношения траура происходили от видов одежды, которую следовало носить во время траура[5]. Древнейшим памятником, который устанавливал соотнесенность терминов родства со сроками ношения траура, был трактат «И ли»[6]. Основным сроком ношения траура считался год. Остальные сроки являлись или «увеличенными сроками траура» («цзялун»), или же «сокращенными сроками траура» («цзяншай»). Система траура была ориентирована на родственников патронимической группы. Это хорошо видно на примере разных сроков ношения траура по родственникам, степень отдаленности которых от «эго» была одинаковой. Например, срок ношения траура по деду и бабке по отцу равнялся году, а по деду и бабке по матери — только пяти месяцам[7]. Закрепленная юридически система «цзунцинь» предполагала строгую патрилинейность не только в передаче имени (фамилии) рода, но и в правах на наследование, в передаче чиновничьей должности и т. п. Незамужняя женщина носила по родственникам такой же траур, как и мужчина, но, выйдя замуж, она уже была обязана носить по своим кровным родственникам траур меньший на одну степень.

---

[3] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 11, с. 244.

[4] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 39—40.

[5] *Feng Han-yi.* The Chinese Kinship System.— Harvard Journal of the Asian Studies. 1937, vol. 2, № 2, с. 279; *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China. Cambridge, Mass., 1967, с. 36.

[6] *Крюков М. В.* Система родства китайцев. М., 1972, с. 254. Детально разработанную схему родства и сроков ношения траура для периода Тан см.: *Сига Сюдзо.* То рицу соги. Якутю, 1. Киото, 1979 (Якутю Нихон рицурё 5), с. 12—19. Перевод на японский язык общей части («мин ли») танского кодекса с хорошими комментариями. Автор — крупнейший специалист по старому китайскому праву.

[7] *Feng Han-yi.* The Chinese Kinship System, с. 176.

В сфере права очень важным было деление родственников по поколениям, на старших и младших, и на старших и младших в пределах одного и того же поколения. Место в системе родства, определяемое сроком ношения траура, стало прямо связанным с мерой наказания. В преступлениях против личности представителю младшего поколения, совершившему преступление против представителя старшего поколения, мера наказания всегда увеличивалась, а представителю старшего поколения, совершившему преступление против представителя младшего поколения, мера наказания всегда уменьшалась. С отношениями родства было связано и «недоносительство» («сянжунинь») — институт средневекового дальневосточного права, о котором ниже будет сказано подробно.

Тангут, носящий траур по умершему родственнику, ходил с распущенными волосами и с белой повязкой на голове. Зимой и летом он не снимал шапки (ст. 858). На весь срок траура полагалось носить специальное платье из ткани, сотканной из волокна конопли. За неоплакивание близкого родственника полагалось 3 года каторжных работ. В период ношения траура запрещалось смотреть театральные представления, слушать музыку, ходить в гости и звать гостей. Нарушители карались 10—13 ударами палкой (ст. 1415).

Тангутский перечень сроков траура (ст. 41) копировал китайский [8]. Он не отражал тангутской системы родства, а если и отразил ее в какой-то степени, то нами эти особенности не замечены. Приведенная в тангутском кодексе сводка сроков ношения траура нужна была там как опорная таблица для отсчета мер наказания в тех случаях, когда таковые зависели от степени родства, отраженной в сроках ношения траура...

Как известно, отношения родства и свойства сами по себе не связаны с правом. Родство приобретает правовое значение только в случаях указания на его значимость в законе. Сам факт использования системы сроков ношения траура, по мнению Д. Бодде и К. Морриса, «почти определенно не имеет нигде никакой параллели» [9] и зафиксирован столь полно только в средневековом праве стран Дальнего Востока.

2. «Восемь суждений»

Принцип «ба и», «восьми суждений [о лицах, имеющих право на смягчение наказания]», восходит к тексту «Чжоу ли». Сам принцип, хотя и являлся внеправовым, применялся по крайней мере со времени династии Хань, а как имеющий силу закона был включен в кодекс династии Вэй (220—264) эпохи Троецарст-

[8] Тан люй шу и, гл. 6, с. 145—146.
[9] *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China, с. 36.

вия[10]. «Что касается восьми суждений [о лицах, имеющих право на смягчение наказания],— читаем мы в тангутском кодексе,— то [эти лица] суть свойственники рода государя, а из числа несущих службу вне и внутри [государева двора] — «ожидающие приказаний» [лица], имеющие давние и большие заслуги, а [также]... гости. Считается, что дружба девяти [поколений] родственников внутри [рода государя] и согласие с внешними... [его свойственниками — это как] роса с дождем. Что касается государевых милостей, то, хотя и [всем] равно следует поступать добродетельно, родственников [государя] и лиц, имеющих заслуги, [на которых распространяются милости государя], не слишком мало и не слишком уж много. Если [кто-либо]... нарушит закон, [совершит преступление, входящее в число „десяти] зол“, при наказаниях за которые не считаются с рангом, то он не имеет права входить в число этих восьми [категорий лиц], получающих прощение, и приговор ему выносится в соответствии с законом. Нет особых указаний о прощении родственников [государя], принадлежащих к тому же самому роду, что и государь, если и они окажутся в числе лиц, совершивших разного рода преступления. Если же остальные, начиная от свойственников государя и до гостей — восьмой группы [лиц, имеющих право на смягчение наказания], совершат преступление, заслуживающее наказания смертной казнью, то [о них] следует доложить в вышестоящие инстанции и поступать [с ними] должно в соответствии с полученными указаниями. Если же [таковые] наказываются пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой гвон и наказаниями менее суровыми, чем это, то соответственно мера наказания [вышеуказанным лицам] каждый раз должна быть меньшей на одну степень, [чем это положено по закону]» (ст. 40). Далее в кодексе описываются восемь групп лиц, имеющих право на смягчение наказания, и степени смягчения наказания таковым.

Первыми были свойственники рода государя. О членах государева рода Нгвеми (Вэймин) закон в данном случае не говорит. Они были «выше закона», и их дела в каждом конкретном случае, очевидно, решал император. Свойственники государя (родители его жены, матери и т. п., см. перечень в тексте статьи), те, по которым полагалось носить траур год и более, тоже не подпадали под действие буквы закона, их дела также подлежали докладу в вышестоящие инстанции, в конечном счете всегда лично государю и решались им. В остальных случаях дела свойственников государя решало Левое бюро юстиции и обычное наказание им, в зависимости от степени родства, уменьшалось в законном порядке на две-четыре степени. Однако закон не освобождал родст-

[10] Le Traité juridique du «Souei-chou» par E. Balazs. leiden, 1954 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises. Vol. 9), c. 145.

венников государя от наказания полностью, а в ряде случаев и от смертной казни. Это хорошо видно из текстов статей 1405–1406. Статья 1405 гласила: «Родственники [государя], совершившие какое-либо преступление из [категории] «десяти зол», исключая мятеж, нарушение правил добродетели и почитания родителей, измену, причинение ранения родителям или убийство родителей, за которые приговор [им] выносится по закону, а также совершившие преступления, при наказании за которые не учитываются ранги, не подлежат смертной казни, клеймению или битью палками. Если [они] могут быть сосланы куда-то, то [их] следует отправить в ссылку. Что касается [их] содержания под стражей в том месте, куда [они] будут доставлены, то, если в соответствии с законом определено, что [лица], совершившие такие преступления, должны содержаться под стражей, и [родственников государя] следует держать под стражей». Статья 1406 предусматривала замену для родственников государя битья толстыми палками палками тонкими с точным указанием количества ударов. Кроме того, в данной статье указывались условия содержания родственников государя на каторге: «Что касается каторжных работ, то, если [родственники государя] могут откупиться от наказания, в соответствии с законом [они] должны от него откупиться. Если они не имеют права или не в состоянии откупиться от наказания, то родственники государя по приказу, переданному должностным лицам, должны работать в просторных помещениях, а внутри [их] содержаться под стражей. Если [к ним] могут быть [приставлены] надзиратели, то следует назначить [таковых]. Двери [в помещении] должны быть закрыты. Во время прогулки двери открываются, а стража обязана наблюдать [за заключенными], которым разрешается гулять в пределах ста шагов. По истечении срока каторжных работ [родственники государя, осужденные ранее на каторгу], должны быть отпущены». Таким образом, не упоминаясь в начале кодекса и как бы действительно будучи «выше закона», на последних его страницах родственники государя приравнивались к прочим лицам, имеющим те или иные привилегии в применении к ним уголовных наказаний.

Вторая группа лиц, получавшая право на смягчение наказания, называлась «ветераны»: к ней относились личные слуги и охрана государя.

Третья группа именовалась «мудрецы». По определению текста кодекса, это были «благородные мужи, лица, искусные во владении оружием и проявившие великую доблесть, искусные ораторы, лица, показавшие высокое мастерство в соблюдении этикета».

Четвертая группа лиц, имевших право на смягчение наказания,— «талантливые». В число «талантливых» входили опытные чиновники и мастера обучения коней для армии.

Пятая группа — «заслуженные». Эти люди, отличившиеся на военной службе, и вражеские полководцы, сдавшиеся тангутам со своей армией.

Шестая группа — «высокочтимые», к ней относились все лица, имевшие ранги разрядов от «удостоенного государевой печати» и выше.

Седьмая группа — «усердные». В данном случае кодекс предусматривал смягчение меры наказания именно за усердие чиновникам, состоявшим на гражданской службе, а также послам в другие государства, которые «всегда справлялись с делами».

Восьмая группа лиц, имевших право на смягчение наказания, называлась «гости». «Гостями» считались потомки некогда правивших династий, проживающие на территории тангутского государства.

На практике применение принципа «ба и», целиком воспринятого тангутским правом из китайского, означало автоматический пуск дела по другой, связанной с «ба и» и известной еще со времен Хань системе — «и цин цзянь шу», «обсуждение вопроса о социальном статусе преступника — подача прошения о смягчении ему наказания — смягчение меры наказания — или откуп от наказания». Реально дело обстояло так: о лице, имевшем право на привилегию, при совершении преступления, наказуемого смертной казнью, подавался доклад с характеристикой совершенного им преступления и подобранной соответствующей статьей из кодекса («цзуй чжуан»). Этот доклад обсуждался («и») и по нему выносилось решение («и дин»), затем доклад представляли императору, который объявлял свое решение указом («чи цзай»). Далее дело передавалось в Дутан, Столичный совет, где после вышеописанного рассмотрения прав обвиняемого на смягчение ему наказания он мог подать прошение о таковом («цин»), что и влекло за собой вынесение ему приговора с уменьшенной мерой наказания («цзянь»). Следующим этапом было то, что положенное по закону «основное наказание» («бэнь син») заменялось осужденному откупом от него («шу») [11]. В случае совершения преступления, наказуемого каторжными работами и менее сурово, лицам, имеющим право на привилегию «ба и», мера наказания уменьшалась на одну степень.

В кодексе Тан выделена особо группа лиц, имевших право подать прошение о смягчении наказания («цинчжэ»). Права подать прошение были лишены те, кто совершал одно из «десяти зол», а также убийцы, чиновники, уличенные в прелюбодеянии с женщиной из числа подведомственных им людей, получившие «взятку с нарушением закона», лица, похитившие человека [12]. Тангутский кодекс не выделяет право на подачу прошения как особую

[11] Сун син тун. Пекин, 1918, гл. 2, с. 3а; *Ниида Нобору*. Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо. Токио, 1959, с. 246; *Дай Яньхуэй*. Тан люй тун лунь, с. 224.

[12] Сун син тун, гл. 2, с. 4а; *Дай Яньхуэй*. Тан люй тун лунь, с. 225.

льготу, зафиксированную статьей кодекса, но в ряде статей вместо меры наказания указывается, что дело должно быть доложено в вышестоящие инстанции, включая и государя, и решено в соответствии с полученными указаниями.

«Система „ба и“,— писали Д. Бодде и К. Моррис,— кое в чем изменялась от династии к династии, но ее общий смысл всегда состоял в том, что члены правящего дома (и их непосредственные родственники) не могли быть арестованы, допрошены или подвергнуты пыткам без согласия на то императора» [13]. В 1728 г. эта система была упразднена [14].

3. Лишение чиновников рангов, должностей и титулов взамен мер уголовного наказания. Ранги тангутских чиновников

В средневековом китайском праве мера наказания зависела не только от положения лица в нормативной таблице родственных связей, но и непосредственно от его социального статуса. «Гэ цун бэнь сэ», «каждый следует своему исконному социальному статусу»,— эти слова неоднократно повторяются на страницах кодекса Тан [15]. Социальная стратификация общества Тан в трактовке танского кодекса, а вслед за ним и стратификация тангутского общества выглядела так: все члены общества делились на людей лично свободных («лян жэнь») и лично несвободных («цзянь жэнь»). Лично свободные люди делились на простолюдинов, точнее, людей, не состоящих на государственной службе («байсин», «фань жэнь», «чан жэнь», «байдин»), и людей, имеющих чиновничий ранг, состоящих на государственной службе («гуань», «ши жэнь», «шидафу»). В тангутском кодексе эти две группы соответственно именовались «простой человек» и человек, «имеющий ранг». В кодексе Тан лично несвободные также делились на ряд групп: «ну» и «би», «буцюй», «кэнюй», «гуаньху», «цзаху», «гун», «юе» и т. п. В тангутском кодексе им соответствовали государевы люди, пхинга и нини.

Служба и ранг практически обязательно были связаны между собой, как служба в армии с воинским званием, ибо занимать определенную должность можно было, только имея определенный ранг.

Противопоставление чиновников и простолюдинов прослеживается в китайских текстах III — IX вв. «Ши», чиновники, люди, состоящие на службе, и «шу», простолюдины, люди, не состоящие на государственной службе (независимо от их материального

---

[13] *Bodde D., Morris C.* Law in Imperial China, c. 34.

[14] *Поршняков С. М.* Карательная система китайского уложения хана Юн-Джен. СПб., 1909, с. 37.

[15] Тан люй шу и, гл. 12, с. 279.

достатка, все равно простолюдины), в определенные периоды (при династии Вэй) не могли даже вступать в браки друг с другом. Этот запрет был отменен только при династии Суй, после введения системы экзаменов, провозгласившей право на занятие должности за проявленные знания [16]. Поэтому средневековые китайские кодексы и вслед за ними кодекс тангутский уделяют особое внимание личности чиновника («гуань») — в известном смысле элите господствующего класса средневекового Дальнего Востока. Дай Яньхуэй прямо пишет, что, по его мнению, «личность чиновника — самая важная в кодексе» [17]. Чиновничий ранг, как и положение в системе родственных отношений, давал право на меру наказания, отличную от стандартной нормы.

«Измененный и заново утвержденный кодекс» не содержит терминологически четкого деления людей на лично свободных и лично несвободных. Для лично свободных людей в кодексе нет какого-либо специального определения типа китайского «лян жэнь». Не находим мы и термина вроде китайского «цзянь жэнь» для обозначения людей лично несвободных. Последние именуются дифференцированно, в зависимости от своего конкретного положения и пола, о чем подробно будет сказано ниже. Деление на «простых людей» и людей, «имеющих ранг», представлено в кодексе четко. Трудно сказать, какому из китайских терминов мог бы соответствовать тангутский термин «простой человек»; термин «имеющий ранг» — калька с китайского «ю гуань», встречающегося в законах династии Чэнь (557—589) и в кодексе Тан [18].

В числе основных правовых принципов, регулировавших ответственность чиновников при определении их мер наказания за совершенные ими преступления, был принцип «гуань дан», «расплата чином». Принцип «гуань дан», чрезвычайно важный для понимания средневекового китайского права, появился в период Северных и Южных династий (375—583) и окончательно сформировался при династиях Суй и Тан [19]. Хотя наказание лишением рангов и должности было известно еще при династиях Цинь и Хань и называлось «ши у» [20]. При династии Лян (502—556) это наказание было разделено и называлось «сяо цзи» — «лишение рангов» и «чу мин» — «изгнание из сословия чиновников», «вычеркивание имени [осужденного из списка чиновников]».

При династиях Тан и Сун «расплата чином» состояла в зависимости от меры наказания в разжаловании [«чу мин»], ли-

---

[16] *Ch'ü T'ung-tsu.* Law and Society in Traditional China. P., 1965, с. 157—158.
[17] Дай Яньхуэй. Тан люй тун лунь, с. 92.
[18] *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо, с. 241.
[19] *Чэнь Гуюань.* Чжунго фачжи ши. Шанхай, 1935, с. 292.
[20] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 244.

шении должностей («мянь гуань») или лишении только занимаемой должности («мянь соцзюй гуань»)[21].

Прежде чем перейти к применению принципа «гуань дан» в тангутском кодексе, нам следует остановиться еще на одном связанном с «гуань дан» принципе старого китайского права – принципе так называемой «тени». Принцип «тени» («инь», или «иньцинь») был связан с правом чиновника не только самому в силу своего ранга избежать наказания, но и прикрыть своим рангом, взять под свою «тень» родственника, совершившего преступление. Чиновник самого низкого ранга мог «прикрыть» своим рангом деда, бабку, отца, мать, жену, сыновей и внуков. Чиновник более высокого ранга прикрывал своими рангами, должностью и титулом также братьев и сестер, а самые высшие чиновники – еще и дядей по отцу, дядей по матери и племянников. Большие права по прицнипу «иньцинь» имели императрицы и жена наследника престола, они практически покрывали «тенью» их высокого социального положения всю свою родню. Не могли прикрывать своим рангом родственников только выходцы из других стран на китайской службе. Их ранги вообще имели особое название – ранги «ши пинь», «ранги [лиц], выделяемых, видимых благодаря своему рангу»[22].

Тангуты полностью заимствовали из китайского права принципы «расплаты чином» и «тени». Хотя в тангутском кодексе нет общего описания этих правовых принципов, мы встречаемся с их конкретной разработкой. «Если кто-либо,– читаем мы в статье 42,– имеющий ранг, или его сыновья и братья, а также монахи, носящие желтые, черные, красные или фиолетовые одежды, совершат преступление и если это преступление не входит в число „десяти зол“ и прочих преступлений, [при наказании] за которые ранги не засчитываются, а [указанными лицами] совершено какое-либо иное преступление, то [при вынесении виновным приговора] следует поступать в соответствии с нижеустановленным порядком, руководствуясь необходимостью смягчить меру наказания и исходя из взаимозависимости меры наказания и степени ранга. Ставить клеймо [имеющим ранг лицам или монахам, совершившим преступление], запрещается».

В средневековом Китае число чиновничьих рангов равнялось тридцати. Каждый из девяти разрядов рангов делился на две категории – «основную» («чжэн») и «вспомогательную» («цун»), что давало 18 степеней. Начиная с ранга 4-го разряда и ниже, каждый «основной» и «вспомогательный» ранги делились еще на два – на «высший» («шан») и «низший» («ся»), что давало до-

---

[21] Подробнее см.: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права. М., 1986, с. 65–67.

[22] *Согабэ Сидзуо.* Рицурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но кэнкю. Токио, 1967, с. 183.

полнительно 12 степеней, а в сумме получалось 30 степеней рангов («цзе»).

Мы не знаем точно количество степеней чиновничьих рангов в тангутском государстве Си Ся. Нам известны только отдельные их названия и число степеней, которое за ними значилось. В статье 673 упоминаются «двенадцать разрядов рангов», из числа которых в порядке следования от меньшего к большему названы следующие: «смешанные» ранги; ранги «не удостоенных государевой печати»; ранги «удостоенных государевой печати» (чиновники этих рангов имели медную печать весом 12 ливу); ранги «не удостоенных вручения»; ранги «удостоенных вручения» (чиновники этих рангов имели должности советников государя и медные печати весом 15 ливу).

Судя по тексту той же статьи 673, эти 12 рангов именовались по порядковому номеру, как и в Китае: высший (первый) разряд, следующий (второй) разряд, средний (третий) разряд, низший (четвертый) разряд, последний (пятый) разряд и 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й разряды [23].

Вне 12 разрядов находились только титулы самого государя и наследника престола. Если ранее опубликованные нами таблицы из тангутской коллекции ЛО ИВ АН являются таблицами рангов, то рангов первого (высшего) разряда было 2: великие князья и «находящиеся в полной готовности»; рангов второго (следующего) разряда — 2; «мудрец» и «обладающий полным знанием церемониала»; рангов третьего (среднего) разряда — 2: «мудрый» и «способный образцово вести дела»; рангов четвертого (низшего) разряда было 24, рангов пятого (последнего) разряда — 12, рангов седьмого разряда только по упоминаниям в таблице сохранилось около 80 [24]. Из данной таблицы и из других источников мы можем заключить, что рангов у тангутов насчитывалось значительно более сотни. Ниже следует список тангутских рангов, составленный на основании текстов «Измененного и заново утвержденного кодекса» (ст. 42—47) и «Новых законов года свиньи» [25] (с указанием номера ранга, если он известен).

Разряд «смешанные» ранги

командир десяти всадников

ведущий к согласию (2)

Разряд «не удостоенные государевой печати»

руководящий строительством (8)

способный руководитель (14)

---

[23] Таблица разрядов рангов и соответствий рангов должностям, судя по оглавлению, была в кодексе в статьях 1035, 1039, которые не сохранились.

[24] *Кычанов Е. И.* Тангутские источники о государственно-административном аппарате Си Ся.— Краткие сообщения Института народов Азии. 1965, вып. 69, с. 180—186, текст — с. 210—217.

[25] «Новые законы», гл. II, инв. № 749, с. 5—28; инв. № 2622, с. 2—8.

способный чиновник (20)
преданный (28)
черный глава (40)
авторитетный чиновник (имел печать из меди весом 9 ливу)
руководитель сборов
ведающий головными уборами
мудрый чиновник (имел печать из меди весом 10 ливу)
надежный посыльный (53)

Разряд «удостоенные государевой печати»

острый, как лезвие (67)
проверяющий сообщения
истинно возвышенный (80)
приводящий к покорности
противостоящий злу (99)

Разряд «не удостоенные вручения»

Разряд «удостоенный вручения»

сань гун (три гуна, князя) (имели печать из серебра весом 20 ливу).

Если учесть, что «противостоящий злу» был по таблице первым рангом 6-го разряда и за ним (рангом 99-й степени) следовало еще 42 ранга, то всего у тангутов был 141 ранг. Подсчет этот, возможно, и неверен. Хотя в сохранившейся части таблицы после «противостоящего злу» идет 100 рангов или титулов, среди них нет ни одного, упоминающегося в кодексе. Смешение в таблице, точнее, приведение в ней соответствия рангов, должностей и титулов вместе делает наш подсчет условным. Мы можем пока только утверждать, что число степеней рангов у тангутов было значительно больше сотни.

«Ранги трех (первых) разрядов — высшего (первого), следующего (второго) и среднего (третьего) — даются по высочайшему указу в управлениях [первых трех классов] начальникам, „передающим приказы" и „выносящим решения" [26], а также начальникам управлений четвертого (низшего) класса. В каждом отдельном случае дело оформляет чиновник Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами или Главного управления военных дел, в зависимости от принадлежности [лица, которому дается ранг], к гражданскому или военному ведомству. „Передающим приказы" управлений четвертого (низшего) класса и начальникам управлений пятого (последнего) класса должны быть выданы документы на ранги» (ст. 674). «В том случае, когда два тангута занимают одинаковую должность, при установлении старшинства и при подписывании бумаг старшим должен считаться тот, чей ранг выше. Если же ранги окажутся равными, то в том случае, когда [один] имеет гражданский ранг,

[26] Высшие должности в тангутских управлениях. Должность «передающего приказы» соответствует китайской должности «чэн чжи».

а [другой] — военный, старшим должен считаться тот, у кого гражданский ранг. Если же окажется, что [оба] имеют одинаковые и гражданские и военные ранги, то [при установлении старшинства] следует принимать во внимание возраст человека» (ст. 705). Таким образом, вслед за своим соседом сунским Китаем тангуты признавали приоритет гражданской власти над военной.

Ранги давались за безупречную службу вместе с материальным вознаграждением. «Если любой старший или младший управляющий пастбищами исправно несет свою службу, то [он] может получить пожалованный от государя ранг.

[1.] За один год службы старшим или младшим управляющим пастбищами жалуется награда: денег и шелка — 2 [меры], простого чая — 3 ндзи, накидка из атласа — 1. За два года непрерывной службы выдаются вышеуказанные законом награды и, [кроме того, награждаемый] получает один ранг. После этого за каждый год службы может добавляться один ранг и должны выдаваться вышеустановленные награды» (ст. 1393).

О порядке присвоения рангов должностным лицам говорится и в статьях 647 и 648 кодекса. Есть смысл процитировать их: «Во всех случаях, когда какой-либо человек наследует ранг, просит о присвоении ранга или получает ранг от государя, каждое дело [о присвоении ранга] должно проходить отдельно. Дело о присвоении гражданского ранга проходит через Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, а о присвоении воинского ранга — через Главное управление военных дел. О всех [делах] следует доложить в вышестоящие инстанции, и [только после этого] ранг может быть получен» (ст. 647). «При подаче просьбы о присвоении ранга в соответствии с существующими правилами ее следует подать в военно-полицейское управление на границе или во внутренних [районах страны], в зависимости от принадлежности [лица, для которого испрашивается ранг], и через военного комиссара (цзинлюеши) передать по инстанции. [О лицах], не подчиненных военным комиссариатам (цзинлюе), как и о [лицах], состоящих на службе в административных органах особого назначения, прошения, в каждом случае отдельно, подаются в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или в Главное управление военных дел, в зависимости от принадлежности [данного должностного лица] к гражданскому или военному ведомству. [После этого] должностное лицо проверяет имеющиеся на месте списки [лиц, которым присваивали ранги], и если [данного лица] не окажется в числе [должностных лиц], ранее получивших [ранг], то в [бюро] контроля по принадлежности [должностного лица, для которого испрашивается ранг, его] имя должно быть зарегистрировано в списках лиц, получающих ранги. Уполномоченный решать дела (паньбу) обязан составить списки

[лиц, представляемых к получению ранга], для передачи их в вышестоящие инстанции. Когда будет принято решение о предоставлении [рангов], то дело должно поступить в управление наград и быть передано служащему внутренних дворцовых покоев, с которым [его] следует обсудить. Когда в управлении наград документы [на лиц, получающих ранги], будут составлены и служащий внутренних дворцовых покоев по завершении [каждого дела] на верхнем краю документа напишет: „Лично мною просмотрено“, то после этого одну половину [документа] оставляют у служащего внутренних дворцовых покоев, а вторую прилагают к спискам [лиц, получающих ранги]. На наружной стороне документа и в конце [его] должно быть написано полностью: „Лично мною просмотрено“». Далее служащий внутренних дворцовых покоев лично доводит дело до сведения государя. После этого документы скреплялись печатью, передавались в управление наград, а оттуда — в управление церемониалов. Последнее, составив списки, решало уже дело в деталях, «сопоставляло характер заслуг и награждений» и «определяло предполагаемый к [присвоению] ранг» (ст. 648).

В обычных случаях ранг чиновника повышался после трех лет безупречной службы решением Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами или Главного управления военных дел. Присвоение очередного ранга сопровождалось выдачей наград: серебра, чая, шелка, парчовых накидок (ст. 625).

Ранг присваивался не только с началом служебной карьеры и рос в ходе удачной службы, но он мог также наследоваться. «В [нашем] государстве среди сыновей ранги и кандидатство на должность должны наследовать старшие в роде. Передавать по наследству [ранг и должность] младшим в роде запрещается... Если же старший в роде добровольно согласен [уступить свое право на наследование ранга и должности другому], то [ему] разрешается передать [их] кому-либо из пятерых кровных родственников — отцу, дяде по отцу, брату, сыну-племяннику или внуку, — [независимо] от того, имеет кто-либо из них или нет такое же кандидатство на замещение должности» (ст. 638). При наследовании ранг мог быть уменьшен. Но это касалось в основном средних по степени рангов, ранги 11-го и 12-го разрядов при их наследовании не уменьшались. Ранги 9-го и 10-го разрядов уменьшались на одну степень, ранги 7—4-го разрядов могли быть при наследовании уменьшены на две степени. Нельзя было автоматически наследовать высший ранг 1—3-го разрядов. Здесь по каждому случаю наследования ранга принималось отдельное решение (ст. 673). В Китае в 844 г. известный сановник Ли Дэюй так мотивировал необходимость наследования рангов и связанных с ними должностей: «Главные чиновники двора должны быть сыновьями высших чиновников. Почему? Да потому, что они с

детства привыкают к такого рода деятельности, дела двора вершатся на их глазах и они хорошо усваивают правила придворного этикета, не обучаясь им специально, тогда как люди простого рождения, даже исключительно одаренные, обязательно должны привыкнуть к ним» [27].

Нельзя было наследовать ранги человека, ушедшего в монахи (ст. 787).

Ранг связывался непосредственно со службой. Предполагалось, что любой служащий рано или поздно получит его. Это хорошо видно из статьи 652, которая удостоверяла, что младших должностных лиц, не имеющих пока ранга, в случае совершения ими преступления «надлежит полагать как лиц, могущих получить ранг». Собственно как лицо, имеющее ранг, в случае совершения им преступления рассматривался и человек, который мог унаследовать ранг, но еще не унаследовал его (ст. 653). Ранг, если чиновник не лишался его за должностное или уголовное преступление, оставался за ним пожизненно. В случаях понижения в должности по старости престарелый чиновник, уходивший с более ответственного поста на менее ответственный, не понижался в ранге (ст. 672).

Получение ранга, особенно высшего, сопровождалось выдачей ранговых печатей как свидетельства определенных прав и полномочий. Лица, имеющие высокие ранги, от «авторитетного чиновника» до «ведающего головными уборами», могли лично приезжать за печатями в столицу (ст. 654). «Что касается приглашения для получения ранговых печатей старших и младших чиновников, то [они] сами представляют списки. Те, кого не пригласили для получения ранговой печати, и те, кто не имеет ранга, как в пограничных районах, так и во внутренних районах страны, объединяются с людьми из соседних гвонов в группы из тридцати кандидатов и более и направляют для вручения списков одного человека. Делопроизводители и приказные в соответствии с врученными [им] списками приглашают [этих людей] для получения печатей» (ст. 659) [28].

При смягчении меры наказания ранг давал большие права. Мы уже упоминали, что чиновники, имеющие ранги разряда «удостоенных государевой печати» и выше, назывались «высокочтимыми» и составляли шестую из восьми категорий лиц, имеющих право на смягчение наказания. Соотнесенность ранга и меры наказания разработана в кодексе очень подробно (ст. 20—22, 40, 42—46), поэтому мы приведем здесь лишь отдельные примеры: «Если лицо, имеющее ранг, совершит какое-либо преступление,

---

[27] *Maspero H., Balazs Et.* Histoire et institutions de la Chine ancienne. P., 1967, c. 175.

[28] В настоящее время обнаружено много печатей Си Ся. Особенно часто встречаются печати младших администраторов — направляющих. См.: *Ли Фаньвэнь.* Си Ся яньцзю луньцзи. Иньчуань, 1983, с. 100—113.

то по закону о наказаниях при вынесении приговора [виновному] следует руководствоваться следующим соизмерением степени ранга с мерами наказания — битьем палками, каторжными работами и смертной казнью,— предусмотренными законом [за аналогичные преступления], совершенные простым человеком.

Если [человек], имеющий ранг, совершит преступление, за которое простой человек наказывается битьем палками, то лица, имеющие ранги от „черного главы" до „противостоящего злу", [взамен наказания палками] вносят денежный штраф: за 7—8 ударов палкой — 3 связки монет, за 10 ударов — 5 связок монет и за 13 ударов — 7 связок монет...

Если [совершено преступление, за которое] простой человек наказывается двумя видами смертной казни, то [за такое же преступление лица], имеющие ранги от „[командира] десяти всадников" до „способного руководителя", лишаются всех рангов, должности в армии и наказываются 8 годами каторжных работ; по отбытии полного срока [наказания] они должны вернуться на старое место службы. Имеющие ранги от „черного главы" до „руководителя сборов" лишаются всех рангов, должности в армии и наказываются 5 годами каторжных работ; по отбытии полного срока [наказания] они возвращаются на старое место службы. Имеющие ранги от „ведающего головными уборами" до „надежного посыльного" лишаются всех рангов, должности в армии и наказываются 3 годами каторжных работ, а по отбытии полного срока [наказания] они должны возвратиться на старое место службы. Имеющие ранги от „проверяющего сообщения" до „истинно возвышенного" лишаются половины рангов, сохраняя [вторую] половину, отдают в качестве штрафа 7 лошадей, лишаются должности в армии, но остаются на старом месте службы. Имеющие ранги от „приводящего к покорности" до „противостоящего злу" лишаются трети рангов и отдают в качестве штрафа 7 лошадей. [Они] лишаются должности, но не отстраняются от службы в армии и остаются на старом месте службы» (ст. 42). Вообще вне таблицы соотнесенности меры наказания с рангом стояли чиновники и армейские командующие, имевшие ранги от «удостоенных вручения» и выше. Их судьба всегда решалась в каждом конкретном случае индивидуально, после доклада дела в высшие инстанции, в том числе и государю (ст. 43).

Оставшиеся после зачета по официальной шкале ранги, в свою очередь, должны были зачитываться и за выносимое наказание, и за возможное повторное преступление (ст. 44).

Закон утверждал позицию наибольшего благоприятствования к лицу, имеющему или даже имевшему ранги. «Если кто-либо совершил преступление, когда он имел ранг, а раскрыто оно было после того, как он ранга лишился, или кто-либо совершил преступление, когда он не имел ранга, а раскрыто оно было тогда, когда он уже получил ранг, а также если кто-либо совершил пре-

ступление, имея низкий ранг, а когда это преступление было раскрыто, он уже получил ранг более высокий, то во всех этих случаях приговор [виновному] выносится по закону [о наказании] лиц, имеющих ранги, при этом мера наказания соизмеряется с тем рангом [виновного], который он получил в последний раз» (ст. 46).

Мы уже упоминали, что в тангутском кодексе нет термина, однозначного китайскому «гуань-дан», «расплата чином», так же как и нет специального термина для «инь», «прикрытие, как тенью» своим рангом родственников, хотя и этот принцип был полностью заимствован тангутским правом из китайского. Правда, лица, имевшие ранги низкого разряда, в Си Ся не могли «прикрыть» рангом своего родственника. «Если совершат преступления сыновья или братья лиц, имеющих ранги от „[командира] десяти всадников“ до „надежного посыльного“, то вынесение [им] приговора производится на основании законов, касающихся простых людей. Если же преступление будет совершено дедом, бабкой, отцом, матерью, дядей по отцу, теткой по матери, сыном, братом, племянником, внуком, правнуком, теткой по отцу, сестрой, дочерью, женой, невесткой, племянником родной матери лиц, имеющих ранги от „проверяющего сообщения“ и выше, то наказание [виновным] должно быть уменьшено по сравнению с наказанием, [предусмотренным законом за то же преступление для простого человека]: для [родственников] лиц, имеющих ранги „удостоенных вручения“,— на две степени, а для [родственников] лиц, имеющих ранги от „удостоенных государевой печати“ и выше,— на одну степень» (ст. 42). На систему «прикрытия рангом родственника» распространялся и принцип наибольшего благоприятствования: «Если преступление было совершено тогда, когда [преступник] мог рассчитывать на смягчение наказания за ранги отца и братьев, а раскрыто после того, как отец и братья лишились рангов, или преступление было совершено, когда отец и братья [преступника] не имели рангов, а раскрыто после того, как отец и братья получили ранги, и [преступник] может рассчитывать на смягчение наказания, то во всех этих случаях [при вынесении приговора] следует исходить из закона о возможности смягчения наказания [виновному]» (ст. 47).

Вместе с тем в определенных случаях ранги не засчитывались. Это касалось преступлений группы «десяти зол», в частности умышленного убийства и причинения ранения: «Если [лицо], имеющее ранг, ранит простого человека, то засчитывать ранги нельзя... Если [лицо], имеющее ранг, убьет простого человека, то засчитывать ранги нельзя» (ст. 20). В данном случае речь шла не о том, что лицо, имеющее ранг, получало то же наказание, какое полагалось бы простому человеку, не имеющему ранга, за причинение ранения или убийство простого человека, не имеющего ранга, а о неотвратимости уголовного наказания, о невозмож-

ности только рангом искупить свою вину. В случае убийства, особенно нескольких человек, такой мерой наказания могла быть и смертная казнь.

Таким образом, ранги были важнейшей привилегией тангутского чиновничества. Сама «идея ранга,— писал в свое время историк права С. И. Раевич,— одна из характернейших черт феодального строя» [29]. Эта идея полностью восторжествовала в дальневосточном праве, где в средние века идея ранговости наказания была одной из ведущих правовых идей.

4. Откуп от наказания

В начале XIII в. в тангутском праве была разработана подробная шкала откупов от наказания, в первую очередь для лиц, имеющих ранги. Обладатель рангов мог сохранить их, если он имел возможность откупиться. Ранги разряда «удостоенных государевой печати» от «приводящего к покорности» до «противостоящего злу» оценивались в 27 связок монет за один ранг; ранги от «проверяющего сообщения» до «истинно возвышенного» — в 21 связку монет за один ранг. Ранга разряда «не удостоенных государевой печати» от «надежного посыльного» до «[командира] десяти всадников» («смешанные» ранги) оценивались в 9 связок монет за один ранг. Укажем, что в то же время стоимость одного коня при штрафе лошадьми была определена в 20 связок монет. Поэтому, если, скажем, лица, имеющие ранг от «приводящего к покорности» до «противостоящего злу», должны были получить 12 лет каторжных работ, они могли: а) взамен лишиться 15 рангов и отдать в качестве штрафа 7 лошадей, но им б) взамен этого разрешалось сохранить ранги, уплатить за них 405 связок монет и за коней они могли внести 140 связок монет; полный откуп от наказания в этом случае составлял 545 связок монет, что равнялось официальной стоимости табуна в 27 лошадей. Сумма откупа от смертной казни у лица, имевшего ранг «противостоящий злу», при сохранении ранга составляла 1031 связку монет, что официально равнялось стоимости табуна лошадей в 52 головы [30].

Сам по себе откуп от наказания (кит. «шу») был известен в китайском праве с глубокой древности. В «Шу цзине» сказано: «Золотом производится откуп от уголовных наказаний» [31]. Как и заменяющие телесные наказания штрафы лошадьми и деньгами, откуп был ярким свидетельством социального, классового применения наказания в китайском и тангутском праве.

---

[29] *Раевич С. И.* Вопросы феодального права.— Советское право. 1929, вып. 3, с. 31.

[30] «Новые законы», гл. II, инв. № 2622, с. 7, инв. № 749, с. 5—8.

[31] Цит. по: *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 185.

Для того чтобы откупиться от наказания, нужно было «иметь возможность откупиться от него» (ст. 1406). Такая возможность предоставлялась родственникам государя, престарелым, малолетним или тяжелобольным людям из расчета 1 лдиэ (около 600 г) железа за каждые пять дней каторги (ст. 55). Откуп от наказания распространялся не на все преступления. Нельзя было откупиться от наказания за преступления, относящиеся к категории «десяти зол», умышленное убийство, грабеж, поджог, нарушение высочайшего запрета на торговлю, нарушение государственной монополии на производство спиртных напитков и при получении «взятки с нарушением закона». От наказания за все прочие преступления указанной выше категории лиц можно было откупиться в конце XII — начале XIII в. уже не только железом из расчета 1 лдиэ (600 г) за пять дней каторжных работ, но и деньгами из расчета 100 медных монет за один день каторжных работ. За год каторжных работ откуп составлял 36 связок монет (по 1000 монет в связке). Там, где монета была не в ходу, можно было, ориентируясь на существующие цены, откупиться золотом, серебром и зерном. Раз в три месяца в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или в Главное управление военных дел подавались сведения о тех осужденных, которые выразили готовность откупиться от наказания. Из расчета 36 связок монет за год можно было откупиться и от пожизненных каторжных работ, и от смертной казни, которая в таких случаях условно считалась равной 18 годам каторжных работ [32]. За каждый удар толстой палкой следовало платить 100 монет [33]. Откуп вносился как за основные, так и за дополнительные наказания. «Новые законы» приводят таксу откупов для простого человека: за 3 месяца каторги — 10 связок 300 монет; за 6 месяцев — 19 связок 300 монет; за 1 год — 37 связок 300 монет; за 2 года — 71 связка 200 монет; за 3 года — 109 связок 500 монет; за 4 года — 145 связок 500 монет; за 5 лет — 181 связка 700 монет; за 6 лет — 217 связок 700 монет; за пожизненные каторжные работы (8, 10, 12, 13 лет) — 432 связки монет; за откуп от смертной казни — 680 связок монет.

Если, следуя старому расчету, учесть, что стоимость лошади определялась в 20 связок монет, то официальная стоимость жизни простого человека равнялась 34 лошадям. Как мы уже видели, чиновники платили больше простых людей: у них откуп велся в расчете на ранги, которых они могли лишиться, а ранги ценились очень высоко. Нужно отметить еще одну деталь. Если удар толстой палкой в качестве дополнительной меры наказания стоил 100 монет, то в качестве самостоятельного наказания он ценился в пять раз дороже — 500 монет, т. е. за стандартное наказание

---

[32] «Новые законы», гл. II, инв. № 2622, с. 2—6.

[33] «Новые законы», гл. II, инв. № 749, с. 5.

в 13 палок надо было платить 6500 монет, шесть с половиной связок.

Существовала такса и за откуп от клеймения. Один знак клейма на лице стоил 2 связки монет, за ухом — 1 связку 500 монет, на руке и плече — 1 связку монет. Все клеймо можно было откупать только полностью. Чиновник, расплатившийся за ранги, в XIII в. мог откупить обратно и должность, если он по приговору лишался ее, при этом он должен был платить за ранги по высшей для данной должности степени ранга. Цены были крайне высокими: лица, стремившиеся сохранить должность, которой соответствовали ранги разряда «удостоенных государевой печати», платили по 21 связке 375 монет за каждый ранг, а лица, желающие сохранить за собой должность с рангами разряда «не удостоенных государевой печати»,— по 9 связок монет за каждый ранг [34]. В XIII в. тангуты очень широко применяли право откупа от наказания. В Китае при династии Тан не разрешалось сохранять чин и откупаться от наказания, а при династии Сун право на откуп от наказания имели лишь лица, пользующиеся привилегией «восьми суждений».

Столь тщательная разработка системы откупов от наказания в конце XII — начале XIII в., уже после введения в силу «Измененного и заново утвержденного кодекса», и замена откупа железом, предусмотренного этим кодексом, откупом деньгами могли свидетельствовать, с одной стороны, о росте роли денег в хозяйстве страны, с другой — о постоянной нехватке средств у казны, вынужденной возмещать эту нехватку средств и таким путем.

Своеобразным случаем обратной замены — наказания лишением должности наказанием каторжными работами — было наказание призываемых в армию лиц, не имеющих в регулярной армии должности. За неявку на проверочный сбор этим лицам в тех случаях, когда их коллеги, имевшие в регулярной армии постоянные должности, лишались должностей, добавляли год каторжных работ (ст. 300, 301).

5. Талион, композиция и атимия

В тангутском праве, как и в средневековом китайском, существовали пережитки талиона и композиций. Талион древности — нанесение правонарушителю телесного повреждения, эквивалентного тому, которое он нанес потерпевшему,— существовал в китайском средневековом праве в своеобразной форме принципа «фань цзо». Еще русский юрист С. М. Поршняков отмечал в старом китайском праве наказания «по принципу тальона», когда

[34] Там же, с. 5—25.

«челобитчик за неправое челобитье подвергался такому наказанию, какому он ответчика подвергал» [35]. В китайском праве этот принцип, согласно которому доносчик получал то же наказание, которое получил пострадавший по ложному доносу, четко был оформлен при династии Вэй: «Всякий, сообщивший о деле неправду, наказывался наказанием, положенным за это преступление» [36]. Дай Яньхуэй рассматривает принцип «фань цзо» в танском праве также в качестве «рецидива талиона» [37]. Принцип «фань цзо» был воспринят тангутским правом. Более детально он будет рассмотрен нами в следующей главе, в разделе о доносах.

Композиция — уплата вознаграждения за убийство или телесное повреждение — тоже была известна китайскому средневековому праву. Композиции четко были зафиксированы в кодексе той же династии Вэй: «Виновный в убийстве для удовлетворения закона имел право дать семейству убитого лошадь, корову и все необходимое для погребения убитого» [38]. Кодекс Тан признавал за преступником право вместо наказания заплатить семье убитого или раненого, в случае убийства или причинения ранения по ошибке, медью [39].

Композиции были признаны и тангутским кодексом. К сожалению, статьи «Измененного и заново утвержденного кодекса», в которых говорилось о композициях, не сохранились. Мы знаем о них только из оглавления в главе 14 кодекса и статьи 1065. Судя по оглавлению, статья 1055 кодекса предусматривала уплату коровы пострадавшему за поврежденные зубы и выдранные на голове волосы. В статье 1054 говорилось об уплате пострадавшему лошадьми или парчой за причинение ранения его руке или ноге [40]. Наконец, статья 1065 прямо говорит об использовании такого метода наказания, как «плата за жизнь»: «Если в вышеуказанных случаях из-за допущенной небрежности был ранен или убит человек, то при выдаче „платы за жизнь" следует поступать так же, как при выдачах „платы за жизнь" в случае убийства кого-либо в драке». Композиция произошла из мести [41] и была как в китайском, так и в тангутском праве отголоском глубокой древности.

Наконец, тангутское право знало и атимию — бесчестье в качестве наказания. Статья 1061 кодекса, текст которой тоже, к несчастью, не сохранился полностью, предусматривала наказа-

---

[35] *Поршняков С. М.* Карательная система китайского уложения хана Юн-Джен, с. 24—25.

[36] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 26.

[37] Там же.

[38] *Попов П. С.* Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X в. по Р. Х. СПб., 1880, с. 22.

[39] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 174—175.

[40] См.: Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 2558 и 7933.

[41] *Шаргородский М. Д.* Наказание по уголовному праву. М., 1957, с. 24.

ния тем из дерущихся, кто в драке кричал: «Долой чиновников!» Сами наказания нам остаются пока неизвестными, но сохранилась любопытнейшая концовка статьи: «Если при этом присутствовали другие люди, то каждый из них на три дня должен быть забит в кангу и привязан к [позорному] столбу на рыночной площади». Позорящие наказания были известны и в Китае. Они рассматривались как средство предотвращения преступлений. В сочинении «Тан люй и вэнь» — комментарии на танский кодекс — говорится: «Того, кто нарушил закон, выставляют на рынке и заставляют народ смотреть на него, с тем чтобы другие люди не нарушали вновь закона» [42].

6. Неприменение наказания

Неприменение наказания — освобождение подсудимого, признанного виновным, от наказания при наличии установленных законом условий — было связано в средневековом китайском и тангутском праве с возрастом преступника. От наказаний освобождались малолетние и старики: «Что касается престарелого человека в возрасте 90 лет и старше или ребенка в возрасте 7 лет и моложе, то, если [таковые] замыслят мятеж, [о них] надлежит своевременно доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии [с полученными указаниями]. В том случае, когда таковые совершат какое-либо иное преступление, [они] наказанию не подлежат. Если же кто-либо из таковых учил дурному, то и за это он не получает наказания» (ст. 54).

Закон предусматривал также особое отношение к преступникам в возрасте от 70 до 90 лет и от 7 до 14 лет. Эти лица наказывались на общих основаниях за мятеж, умышленное убийство, угон стада скота и ограбление. При совершении же ими, а также тяжелобольными людьми или инвалидами прочих преступлений они имели право на смягчение наказания по нижеследующей шкале: «Если престарелый человек в возрасте от 70 до 80 лет или малолетний в возрасте от 11 до 14 лет, а также инвалид — глухой, карлик, горбатый, не имеющий одной руки или ноги [43] — совершит преступление или же окажется зачинщиком преступления, совершенного группой лиц, то наказание ему уменьшается на одну степень; если же [таковой] явится пособником, то на две степени. При повторном совершении преступления приговор [виновному] выносится в соответствии с законом.

---

[42] *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо, с. 139.

[43] «Цаньцзи» (инвалиды 3-й группы) и «фэйцзи» (инвалиды 2-й группы) китайского права.

Если престарелый в возрасте от 80 до 90 лет или малолетний в возрасте от 7 до 10 лет включительно, а также прокаженный, сумасшедший, инвалид. не имеющий обеих ног или обеих рук, слепой на оба глаза[44] совершит преступление или же окажется зачинщиком преступления, совершенного группой лиц, то наказание ему уменьшается на две степени; если же он явится пособником, то на три степени. При совершении преступления в третий раз приговор [виновному] выносится в соответствии с законом» (ст. 54). Все указанные выше лица от остальной части наказания, после его смягчения в соответствии с законом, могли откупиться железом из расчета 1 лдиэ за пять дней каторжных работ. При отсутствии средств для откупа каторга для совершенно нетрудоспособных превращалась просто в высылку в места отбывания каторжных работ, а тех, кто мог делать хоть какую-то тяжелую работу, отправляли на тяжелые работы (ст. 55). Данные меры смягчения наказания по старости, малолетству и состоянию здоровья (принцип «сяньдин цзэжэнь», «ограниченная ответственность») всегда были обращены в пользу подсудимого, т. е. в случае раскрытия преступления после того, как преступник уже стал совершеннолетним или выздоровел, он все равно осуждался как малолетний или больной, каковым был во время преступления, а в случае раскрытия ранее совершенного преступления уже после того, как преступник состарился или заболел, он осуждался как состарившийся или больной (ст. 56). В случае наказания по принципу общесемейной ответственности от наказания освобождались все тяжелобольные члены семьи преступника, а также мужчины с 80 и женщины с 60 лет (ст. 1). Малолетство—практически во всех правовых системах обычная причина «уголовной недееспособности», причина того, что каждый член общества в течение определенного периода его жизни стоит вне пределов действия уголовного закона[45]. Полное освобождение от наказания по старости, хотя и с 90 лет,— в известной мере особенность дальневосточного права, ибо часто считается, что «престарелый возраст сам по себе не служит обстоятельством, устраняющим вменяемость»[46].

Тангутское право, как мы могли видеть из цитированной выше статьи, рассматривало душевнобольных как лиц больных, а не невменяемых. С душевнобольными, если они вели разговоры о поднятии мятежа, поступали по специальному решению, принятому вышестоящими инстанциями (ст. 3). Душевнобольные не подлежали наказанию лишь в случае попытки совершения самоубийства (ст. 467).

---

[44] «Дуцзи» (инвалиды 1-й группы) китайского права.

[45] *Кенни К.* Основы уголовного права. М., 1949, с. 52—53.

[46] *Познышев С. В.* Очерк основных начал уголовного права. М., 1923, с. 113.

Фактически к душевнобольным приравнивались и пьяные. Пьяный, пытавшийся покончить с собой, не подлежал наказанию (ст. 467). Состояние опьянения считалось не отягчающим, как это бывает чаще всего в уголовном праве[47], а облегчающим вину обстоятельством. Человек, совершивший кражу в пьяном виде, а затем после протрезвления сам сознавшийся в ней, не подлежал наказанию (ст. 126). Если человек, кричавший: «Долой чиновников!», «был пьян и не сознавал, что говорит», то он получал меньшее наказание, чем трезвый за те же слова (ст. 1061). За пьянство, как таковое, наказывались лишь «ожидающие приказаний», если они были пьяны по собственной инициативе, «не имея на то дозволения государя», во дворце (ст. 888). Идеи невменяемости пьяных преступников встречались и в русской юридической науке[48].

В трактовке правил освобождения от наказания или смягчения наказания по возрасту и болезни тангутский кодекс следовал во всем за кодексом Тан[49]. Деление тяжелобольных и инвалидов на группы в основном также взято из китайского права. В Китае традиционно делили тяжелобольных и инвалидов на три группы: 1) «цаньцзи» — люди, имеющие какой-либо физический недостаток (слепые на один глаз, глухие на оба уха, лишенные двух пальцев одной руки, большого пальца на ноге, те, у кого выпали волосы, и т. п.); 2) «фэйцзи» — люди, лишенные конечностей, карлики, горбатые, слабоумные и т. п.; 3) «дуцзи» — слепые на оба глаза, лишенные двух конечностей, душевнобольные и т. п. Первоначально такое деление имело целью установление меры трудоспособности этих людей. Две последние группы освобождались от трудовой повинности полностью; лица, имеющие физические недостатки, признавались ограниченно трудоспособными и привлекались на более легкие местные работы[50]. Затем это деление было перенесено и на правила применения уголовных наказаний к таким лицам. Между танским и тангутским правом имелось различие в конкретной реализации привилегии по инвалидности. По танскому праву инвалиды 1-й группы имели право подачи прошения на высочайшее имя, по тангутскому им уменьшалась мера наказания на две степени за любое преступление; инвалиды 2-й группы по танскому праву имели право на откуп от наказания ссылкой, по тангутскому праву инвалидам 2-й группы за любое преступление мера наказания уменьшалась на одну степень.

Исследователи средневекового китайского права считают, что наказание в нем имело характер «всеобщего предотвращения».

---

[47] *Кенни К.* Основы уголовного права, с. 68.

[48] *Таганцев.* Русское уголовное право. Т. 1. СПб., 1902, с. 128.

[49] Дай Яньхуэй. Тан люй тун лунь, с. 304—309.

[50] *Согабэ Сидзуо.* Рицурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но кэн-кю, с. 156–158.

«ибань юйфанчжуи», включая в себя одновременно элементы устрашения и перевоспитания. До Тан, при Тан и при Сун часто встречались высказывания типа «убийством искоренить убийство», «убийством предотвращать злодейство», «одним наказанием можно предостеречь Поднебесную», «награди одного человека — и Поднебесная будет знать, чему следовать, накажи одного человека — и Поднебесная будет знать, чего избегать». «Накажи одного человека,—писал Чжу Си,—и люди Поднебесной устрашатся. [Они] не осмелятся и помышлять о том, чтобы творить зло». Тенденция рассматривать наказание как устрашение и предотвращение тем самым новых преступлений была характерна как для легистов, так и для конфуцианцев [51]. Можно предположить, что тангуты разделяли и теоретические посылки китайских средневековых учений о наказании.

7. Некоторые нормы права, регулировавшие исполнение приговоров

В тангутском государстве, как и в Китае, смертная казнь могла быть произведена только после доклада в вышестоящие инстанции. Местные власти не имели права самостоятельно пользоваться этим видом наказания. «Хотя тот, кто совершил преступление, [квалифицируемое как одно из] „десяти зол“, может быть казнен, но если [местные власти] казнят его самовольно, без доклада в вышестоящие инстанции, то, когда [таковой] будет казнен [местными властями] самовольно и до того, как будут выяснены все имеющиеся сомнения, то те, кто казнил его, вне зависимости от ранга, подлежат смертной казни путем удавления» (ст. 58). То же самое наказание предусматривалось за самовольную казнь местными властями преступника, заслуживающего смертной казни за иные, не входящие в категорию «десяти зол» преступления (ст. 59). Вообще казнь человека без доклада вышестоящим властям квалифицировалась как умышленное убийство (ст. 57). Фактически любая казнь могла быть совершена только по приказу государя (ст. 453). Это было отражением китайских правовых норм, в соответствии с которыми наказание палками было во власти уездной администрации, наказание каторжными работами — во власти уездной администрации с санкции администрации округа, наказание ссылкой — во власти уездной администрации и администрации округа с санкции министерства юстиции и верховного суда, («дались») и во власти министерства юстиции и верховного суда, а наказание смертной казнью — во власти уездной и окружной администра-

---

[51] *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Кэйхо, с. 132—136.

ции, министерства юстиции и верховного суда только с санкции императора и во власти императора.

Раненым и больным приговор приводился в исполнение «только через месяц после того, как болезнь будет излечена», а беременным женщинам — через месяц после родов. Нарушение закона было наказуемо в зависимости от обстоятельств от штрафа лошадьми и битья палками до 3 лет каторжных работ (ст. 590). Закон запрещал «ревизовать дела преступников, приговоренных к смертной казни». Побег преступника как результат ревизии в случае его непоимки грозил ревизору наказанием «на одну степень меньшим, чем наказание преступника». Взятка превращала ревизора в пособника преступника (ст. 606).

Что касается каторжных работ, то пхинга, как уже говорилось, оставались после осуждения у своих хозяев. Но в случае острой нехватки рабочих рук в данной местности их привлекали на работы по трудовой повинности на государя (ст. 84).

В местах отбывания каторги за каторжанами наблюдали регистраторы-учетчики. Человек, осужденный за одно из «десяти зол», мог содержаться на привязи. Закон запрещал выпускать таких людей из пограничного города. Они «содержатся в пограничном городе и не имеют позволения на выход [из него]», их следовало оставлять в городе даже тогда, когда город с той или иной целью покидал военный гарнизон (ст. 747, 748).

Надзор за каторжанами в местах отбывания каторги во многом также был делом тех людей, на которых осужденные работали. «В пограничных городах лица, осужденные на каторжные работы за совершение [одного из] „десяти зол" или за иные преступления, должны старательно пасти скот надзирателей. Надзирателям запрещается брать взятки [с осужденных] и освобождать их от работы». «[Что касается мер наказания лицу], упустившему преступника, совершившего преступление [из категории] „десяти зол", то если хозяин, за которым [преступник] был закреплен лично, не брал взятки, а упустил [его] нечаянно, то [виновному] — 3 года. Если же [он] отпустил [его] за взятку или из симпатии к нему, то 12 лет каторжных работ. Если [отпустивший] сам поймает [преступника] или [его] поймает и доставит [на место] другой человек, то тому, кто отпустил [преступника], наказание должно быть уменьшено на четыре степени. В тех случаях, когда [упустивший преступника] должен был получить три года, [он] вообще освобождается от наказания». Если хозяин нечаянно упустил осужденного на пожизненную каторгу, то ему полагался год каторги, а если при этом была дана взятка — 6 лет каторги (ст. 753).

В случае бегства осужденных с каторги, если это не были люди, осужденные за одно из десяти тяжких преступлений, или воры-рецидивисты, пойманных беглых каторжников отправляли обратно на место отбывания наказания, «туда, куда [их]

следует отправить» (ст. 746). Те, кто попали на каторгу за одно из «десяти зол» (преступники, «которым была сохранена жизнь»), за побег с каторги подлежали смертной казни путем удавления. Родственники таких преступников, наказанные по принципу общесемейной ответственности, за побег с каторги карались отправкой на год на особо тяжелые работы, а потом их возвращали на прежнее место (ст. 748). Побег с каторги лиц, осужденных на 13 лет каторжных работ, карался вторичным наложением клейма, 20 ударами палкой и возвращением на прежнее место. При остальных сроках пожизненных каторжных работ дело ограничивалось битьем палками (беглец получал то количество ударов, которое предусматривалось в качестве дополнительного наказания за тот срок, на который он был осужден) и водворением его на прежнее место (ст. 749). Закон предусматривал и меры наказания хозяевам за укрывательство беглых преступников (ст. 750 и 751). Беглец, скрывавшийся у родственников, а затем сам возвратившийся на место отбывания наказания, освобождался от наказания за побег. Родственник, укрывавший беглого родственника, получал наказание на две степени меньшее, чем посторонний человек по статьям 750 и 751 (ст. 752). Те административные лица, начиная с направляющих, через чью территорию беглый преступник прошел незамеченным, непойманным, тоже могли быть наказаны (ст. 754). Прямое покровительство беглому влекло за собой наказание на одну степень меньшее того, которое было назначено осужденному (ст. 755).

Если преступник, бежавший с каторги, не был пойман, а потом, после совершения нового преступления, был арестован и во время следствия и суда сообщил об отбывании им наказания за предыдущее преступление, то, «если первый приговор [преступнику] был вынесен как пособнику и [преступник] уже отбыл часть наказания на тяжелых работах, тот срок, который он отбыл, должен быть засчитан ему при вынесении нового приговора» (ст. 115).

К сожалению, кодекс умалчивает о многом: о нормировании каторжных работ, о том, как было организовано питание и содержание заключенных, как регламентировались их отношения с теми лицами, в частности с хозяевами, к которым они были отданы в работу. Количество осужденных на каторгу существенно влияло на уровень использования подневольного труда в стране. Уголовная каторга и вечная каторга лично несвободных были по условиям, очевидно, довольно близки. Возможно, что в отдельных случаях стиралась грань между каторжанином и казенным лично несвободным человеком. Отличие заключалось лишь в том, что подневольное состояние каторжанина было временным.

V. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Процессуальное право — часть норм правовой системы, регулирующая отношения, возникающие при расследовании преступления, рассмотрении и разрешении уголовных и гражданских дел. «Суд — политическое учреждение, орган государства, осуществляющий в интересах господствующего класса (или всего народа) правосудие в форме разрешения уголовных и гражданских дел в установленном законом данного государства процессуальном порядке»[1]. В понятие «суд» входит и судопроизводство, процесс суда.

Как и во многих средневековых обществах, суд в тангутском государстве не был отделен от администрации. Это была древняя китайская традиция, реципированная тангутским правом.

Следствие по уголовному или гражданскому делу, его разбирательство и разрешение начинались с обнаружения разными путями преступления. К рассмотрению норм тангутского права, регулировавших обнаружение преступного деяния, мы и перейдем.

1. Обнаружение преступления. Донос

Преступление могло быть обнаружено разными путями: явка с повинной, донос, раскрытие какого-либо преступления в ходе расследования другого дела. Средневековое китайское право признавало явку с повинной («цзышоу») до того времени, как преступление было установлено и раскрыто властями.

По тангутскому праву самодонос не освобождал от наказания по закону. «Если какой-либо человек, будучи в числе тех, кто донес на других, донесет о совершенном им самим преступлении или если несколько человек подадут официальную бумагу с доносом о своем преступлении, то освобождать [таких лиц] от наказания запрещается. По делу должно быть начато следствие в полном соответствии с законом, и [виновным] выносится приговор» (ст. 915). Исключение составляли взяткодатели. Если взяткодатель при обеих видах взятки — с нарушением и без нарушения закона — доносил на взяточника, то он получал данное им в качестве взятки обратно (ст. 52). И тем не менее самодонос сохранял взяткодателю лишь его имущество, но не освобождал его от наказания за дачу взятки.

Донос был одной из основных форм обнаружения преступлений, регулируемых нормами права. Доносить были обязаны все, часто недоносительство каралось по закону, но на донос надо

---

[1] Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970, с. 272.

было и иметь право, ибо не все и не во всех случаях могли доносить. Донос автоматически давал право на получение награды за донос, а иногда мог избавить доносчика и от грозившего ему лично наказания.

Тангутское право классифицировало доносы по нескольким показателям. Главным из них являлась тяжесть того преступления, о котором донесли. Вторым показателем служило количество потенциальных преступников, т. е. говорилось ли в поданном доносе об одном человеке или нескольких. Третьим важным критерием была правдивость доноса, точнее, соотношение в доносе долей правды и лжи, сознательной или по заблуждению. Эти три основных показателя влияли на награду за донос, на право на донос и на меру наказания доносчику. «При выдаче вознаграждения и назначении мер наказания любому человеку, донесшему на другого, следует исходить из нижеустановленного в зависимости от того, подан ли донос на одного человека или же на двух человек и более, донесли ли о тяжком или незначительном преступлении, сообщена ли полная правда или полуправда-полуложь, имеется ли в ложном доносе какая-то доля правды» (ст. 909).

Вопрос о праве на донос был связан с представлениями об огромном значении кровнородственных отношений. Считалось, что кровные родственники, особенно близкие, должны быть освобождены от необходимости доносить и соответственно, поскольку донос был связан с наградой, от права на награду за донос. Однако этот вопрос решался государством и в интересах государства, а значит, данное общее правило не распространялось на донос о государственных преступлениях. Поскольку лично несвободные люди приравнивались к младшим членам семьи, нижеизложенные ограничения и права на донос были распространены и на них.

Дети на родителей, невестка на свекра и свекровь, внуки и правнуки на деда и бабку, прадеда и прабабку, племянники на тетку по матери могли доносить тогда, когда перечисленные выше старшие родственники «замыслят мятеж, нарушат правила почитания родителей, правила добродетели и совершат предательство» (ст. 32). «Дочь и сын имеют право доносить на прадеда и прабабку, а также деда, бабку, отца, мать и мачеху, виновных в мятеже, нарушении правил почитания родителей и добродетельного поведения и измене. Дед, бабка, отец, мать, мачеха могут доносить на детей, внуков и невесток, совершивших убийство. Жена и невестка имеют право доносить на свекра, свекровь, мужа, а также на низших, высших и равных им по положению родственников, по которым [они] обязаны носить траур от девяти месяцев до одного года, виновных в мятеже, нарушении правил почитания родителей и добродетельного поведения, измене, а также в кровосмесительных связях, распростра-

нении высказываний, порочащих государя, зачинщиков убийства или убийц деда, бабки, отца, матери, мачехи, хулителей государства, [виновных] в приготовлении ядов, причинении человеку смерти колдовством, на убивших человека при ограблении, совершивших умышленное убийство; [они имеют право доносить] на совершивших безнравственный поступок бабку, мать, мачеху, тетку по отцу, сестру, дочь, невестку» (ст. 892). «Об остальных [преступлениях] доносить не разрешается. Если же они донесут, то подлежат смертной казни путем удавления» (ст. 32). Сыновья и внуки не могли служить и источником доноса для другого, постороннего человека. Донос принимался только в том случае, если родители участвовали в групповом преступлении, кто-то из детей сказал об этом постороннему человеку, этот посторонний человек — другому, а последний уже донес о преступлении, т. е. между источником доноса и доносчиком стояло чужое, третье лицо, которое и признавалось формально за источник доноса (ст. 32). И наоборот, в ряде случаев об общесемейном деле мог сообщить только родственник, а не посторонний человек. Так было в случае кражи родственником у родственника. Донос о такой краже от постороннего человека властями не принимался (ст. 90).

Как уже было видно из цитированных только что текстов статей 32 и 892, наряду с государственными преступлениями в число преступлений, о которых близкие родственники обязаны были сообщать властям, входило и умышленное убийство. Брат и племянник могли доносить безнаказанно на брата и дядю, если те «из зависти и злобы задумают убить [их] родителей». Дети и внуки обязаны были убеждать своих родителей и дедов не совершать преступления. Если младшие родственники убеждали старших, «а те не послушались, убийство было совершено и их усилия предотвратить преступление оказались напрасными, то сыновья и внуки, живущие в семье преступника, [все равно] должны понести наказание. Но исходя из того, что они убеждали [своих родителей не совершать преступления], им не могут назначить чрезмерно большое наказание» (ст. 18). Закон защищал жизнь младших родственников, имевших право донести на старших, о преступлениях против государя и государства и об умышленном убийстве. Старшие родственники, родители, муж, если они «не стерпели этого разоблачения и умышленно убили [доносчиков]», подлежали наказанию, в зависимости от обстоятельств убийства и степени родства, каторжными работами на срок от 6 до 12 лет (ст. 462).

Права родственников на донос, видимо, имели тенденцию к расширению. По «Новым законам» жены и наложницы получили право доносить на мужа, если он был виновен в тайной краже, наказуемой 5 годами каторги, или ограблении с применением насилия, наказуемом 4 годами каторги. Мотивировалось данное

постановление тем, что хищения «подрывают основы государства и причиняют ущерб народу» [2].

Пхинга и нини — лично несвободные люди, принадлежавшие частным лицам,— которые также приравнивались к младшим родственникам хозяина, имели более широкие права доноса на него. Они могли доносить на хозяина, виновного в совершении одного из «десяти зол» и «в совершении других преступлений, за которые [преступник] наказывался смертной казнью, независимо от его ранга; на хозяина, [виновного] в совершении каких-либо других преступлений, за которые [преступник] наказывался смертной казнью, таких, как подделка или порча монеты, сокрытие государевых коня и доспехов для воина и для коня и продажа их военнослужащим, присвоение государева скота, зерна и имущества; [они имеют право доносить о совершении хозяином] кражи, о том, что [он] торговал товарами, которыми высочайше запрещено торговать, или сам лично для своей выгоды гнал вино... [могут доносить на хозяина — командира] регулярной армии... когда он не взял на воинский учет десять человек и более ... на [хозяина], если [он] укрыл десять и более семей беглых» (ст. 892).

Как мы видели, пхинга и нини могли доносить обо всех серьезных случаях (наказуемых смертной казнью или пожизненной каторгой) нарушения их хозяином законов, связанных с обеспечением экономических прав и монополии государства. Если хозяин за донос убивал пхинга или нини, он наказывался как за умышленное убийство (ст. 463).

Наряду с этим было множество преступлений, о которых родственники преступника не могли доносить властям. Это были те случаи, когда факт родства, родственной солидарности признавался государством важнее его, государства, права на наказание преступника, когда в нарушение закона донос был подан «кем-либо из тех, кому в зависимости от степени родства запрещается доносить и разрешается скрывать преступление другого» (ст. 896). И в данном случае пхинга и нини прямо приравнивались к младшим родственникам (ст. 898). Собственно перечня преступлений, о которых родственники не имели права доносить на родственников, а пхинга и нини — на хозяина, в кодексе нет. Это были все преступления, за исключением специально оговоренных в кодексе, о которых родственники, пхинга и нини могли доносить и обязаны были доносить.

В целом обо всех нетяжких, не государственных преступлениях не могли доносить дети на родителей и родители на детей. «Если донос подан сыном или внуком, которые не имеют права доносить на дедов и родителей, то начинать следствие по делу запрещается... Поскольку дело возбуждено детьми с целью нака-

[2] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 8—9.

зания [их родителей], родители наказанию не подлежат... приговор детям и внукам также выносится по закону, запрещающему доносить на родителей... Запрещается также принимать официальный донос и начинать дело по доносу родителей на детей и внуков» (ст. 896).

«Не разрешается доносить друг на друга родственникам высших и низших степеней родства, которые обязаны носить друг по другу траур в течение десяти месяцев и более». Донесшие на родственника наказывались: если преступнику полагалось в наказание до 2 лет каторги, родственник-доносчик получал 2 года каторги. При более суровых мерах наказания родственник-доносчик получал наказание на одну степень меньшее, чем преступник. Если доносчиком был старший родственник, а преступником младший, то наказание доносчику уменьшалось еще на одну степень (ст. 896). Дальние родственники, носившие друг по другу траур в течение пяти месяцев и менее, в правовых нормах, регулирующих доносы, рассматривались как чужие друг другу люди и могли доносить друг на друга (ст. 896).

В отношениях между близкими родственниками, т. е. родственниками, носящими друг по другу траур в течение девяти месяцев и более, закон предусматривал случаи доноса на родственника и постороннего человека одновременно, когда тот и другой совершили одно преступление. При таких обстоятельствах донос властями принимался. Посторонний для доносчика человек получал наказание по закону, родственник-преступник наказанию не подлежал, но платил все причитающиеся с него компенсации. Родственник-доносчик наказывался за незаконный донос — получал наказание на одну степень меньшее, чем преступник — посторонний человек, но одновременно получал и причитающуюся ему награду за донос (ст. 896).

Если родственники или могли, или не имели права доносить друг на друга, то донос одного человека на другого, если они не состояли в родстве, был обязанностью. Солдаты одной части «были обязаны доносить друг на друга», если кто-либо из них брал в долг для предъявления ревизорам коня или что-либо из оружия и доспехов (ст. 286). Если один человек удержал другого от подачи доноса, то он получал за это наказание как соучастник дележа краденого имущества (ст. 914). В отдельных случаях, когда сам доносчик испытывал затруднения с подачей доноса, например когда младший по социальному положению доносил на старшего, он мог попросить сделать это своего родственника или связанное с ним лицо. Сам он в данном случае выступал в качестве «зачинщика доноса». Так, за пхинга или нини могли подать донос по их инициативе члены их семьи (ст. 893), за солдата — кандидат на его место (ст. 894). Вместе с тем тот, кто донес по принуждению, тоже карался законом

(ст. 895). Это было связано с предупреждением всегда возможных опасных доносов. Ложный донос о государственной измене или мятеже карался жестоко. «Если кто-либо подаст ложный донос об одном из трех [преступлений] — об измене и более тяжких — и [оговоренному] уже вынесен приговор, то [доносчик] при условии, что у него не было пособников и он действовал один, независимо от ранга наказывается как за мятеж.[Его] семья также подлежит наказанию». Если оговоренный человек еще не был наказан, то доносчик подлежал смертной казни путем обезглавливания (ст. 904). Для прочих, менее тяжких преступлений было принято единое правило — подавший ложный донос «получал то же наказание, которое положено за то преступление, о котором [он ложно] донес» (ст. 905). Если делу был дан ход и обвиняемого уже допрашивали с битьем палками, то добровольное признание в ложном доносе могло уменьшить доносчику меру наказания на одну степень. Если ложному доносу не был дан ход, то доносчик, имеющий ранг, штрафовался лошадью, а не имеющий ранга получал 13 палок (ст. 905). Если подача ложного доноса была совершена через другое лицо, то тот человек, который по инициативе другого передал донос, наказывался как пособник того, кто подал ложный донос (ст. 917).

На промедление с доносом следовало иметь оправдание, иначе оно могло быть подведено под недоносительство. Так, при подаче доноса о мятеже, если донос запоздал, доносчик, чтобы не быть наказанным, должен был доказать, «что он принял меры к тому, чтобы донести, и этому на деле имеются свидетели и выяснено, что он с доносом не промедлил, рассчитал время и определил расстояние до управления, в которое он мог бы донести» (ст. 5). Человек, силой включенный в шайку грабителей, не участвовавший в ограблении, но промедливший с доносом о совершенном преступлении, наказывался как пособник грабителей (ст. 108).

Донести о преступлении было обязанностью гражданина Си Ся. Поэтому кодекс довольно много места отводит наказанию за неподачу доноса. Не донесший о готовящемся мятеже получал наказание на три степени меньшее, чем сам преступник. Закон, считая, что сведения о мятеже или измене «чрезвычайно важны и будь слышавший [о преступлении] ребенком преступника, [его] родителем или же другим человеком, связанным с [преступником] родством либо оказанными друг другу благодеяниями, но если он, даже не зная точно, в чем суть дела, не принял мер к тому, чтобы своевременно проверить правдивость или лживость имеющихся сведений, доложить [обо всем] в вышестоящие инстанции и поступать в соответствии с полученными указаниями, он, независимо от его ранга, за то, что, зная важные сведения о преступлении, караемом смертной казнью, имел пра-

во донести и не донес, получает наказание на три степени меньшее, чем преступник» (ст. 919). За недонесение о готовящемся умышленном убийстве наказывались кровные родственники преступника. Так, человек, знавший, что его дядя или брат задумали убить его родителей и не донесший об этом, подлежал смертной казни. «Если же они не донесут и убийство будет совершено, то есть возможность предотвратить преступление будет упущена, то брат, [не донесший о намерении своего брата убить родителей], подлежит смертной казни путем удавления, а племянник, [не донесший на дядю], наказывается каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги» (ст. 18). Если преступление не было совершено, хотя попытка к его совершению и имела место, то брат преступника получал 8 лет, а племянник — 6 лет каторжных работ (ст. 18).

Простой посторонний человек, знавший о подготовке умышленного убийства и не донесший о ней, получал 10 лет каторги. Если же он не донес из неприязни к убитому, то получал 12 лет каторги (ст. 23). Грабитель, знавший о намерении члена их шайки убить другого члена грабительской шайки и не донесший о том, получал 8 лет каторги (ст. 102). Если кто-либо знал, что скот и имущество краденые, и не донес о том, то он получал за это 10—13 палок (ст. 130). Под эту же статью подводилось недонесение о незаконной продаже за границу запрещенных к продаже товаров (ст. 440). Несообщение о готовящемся поджоге, если знавший о нем получил от поджигателя взятку, влек за собой наказание как за соучастие в дележе краденого (ст. 912), а сообщение о подготовке поджога не властям, а хозяину того дома, который собирались поджечь, влекло за собой наказание за участие в обсуждении замысла поджога, который не был осуществлен (ст. 913). В случае отказа подать донос под влиянием другого лица наказывался как тот, кто хотел подать донос, так и тот, кто удержал его от доноса (ст. 914). Таким образом, мера наказания за недонесение о преступлении регулировалась его тяжестью, его общественной опасностью.

За донос полагалась награда. Много статей кодекса отведено порядку взимания награды за донос и ее размерам. Размер награды определялся тяжестью того преступления, о котором поступил донос, как и вообще все законы, связанные с правами и запретами на донос, что вполне объяснимо.

Кодекс не указывал точных размеров вознаграждения за донос о десяти тяжких преступлениях. Всякий раз величина награды устанавливалась властями в зависимости от характера доноса (ст. 906). Размеры вознаграждений за донос о преступлениях, не связанных с хищением имущества, определялись статьей 908, в зависимости от тяжести наказания преступника. Шкала наград выглядела таким образом:

Мера наказания преступника	Размер награды за донос
Смертная казнь	50 связок монет
Пожизненные каторжные работы	40 связок монет
Каторга на срок от 4 до 6 лет	30 связок монет
Каторга на срок от 1 до 3 лет	20 связок монет
Каторга на несколько месяцев	10 связок монет
Битье палками	5 связок монет

Второй опорной статьей при определении размеров вознаграждений за донос была статья 144. Она устанавливала величину награды за донос при хищениях и общее правило взимания средств на выплату награды. Как правило, вознаграждение за донос взыскивалось во всех случаях с самого преступника. Если он не был платежеспособен, то платили люди, в разной степени признававшиеся законом причастными к его преступлению, или в крайнем случае казна. «Что касается выдачи вознаграждения за обнаружение [вора], донос о краже и поимку вора, то [таковое] должно быть взыскано с вора... Если вор не имеет имущества и взыскать [с него] нечего, то на отработки [нужной для вознаграждения за донос] суммы направляются члены его семьи. Если же и [этого] окажется недостаточно, то [нужная сумма] должна быть взыскана с тех, кто, зная, что это имущество краденое, принимал участие в его разделе, покупал его, взял в долг, принял в заклад или был посредником при его продаже и оформлении официальных документов [на эту сделку]. Если же и эти люди окажутся не в состоянии выплатить [требуемое], то если у [пострадавшего] владельца скота и имущества стоимость имущества, полученного им в качестве компенсации [за понесенный ущерб], составляет около двадцати связок монет, то [эта сумма] должна быть поделена на две части и одна часть отдана в качестве вознаграждения за донос и поимку [вора]. Если [стоимость этого имущества] выше двадцати связок монет, то [для вознаграждения за донос и поимку вора] из каждых десяти связок монет должны быть взяты и выплачены две связки монет. Если же владелец скота и имущества получил маленькую компенсацию и части ее не хватит для уплаты вознаграждения за донос или же если [он] компенсацию еще не получил, то [вознаграждение за донос и поимку вора] дается от государя». Конкретно размеры награды зависели от соотношения двух факторов — числа воров и стоимости похищенного имущества. При большом числе воров и незначительных размерах хищения доносчик получал за каждого вора 20 связок монет, но величина награды не должна была превышать 200 связок монет. Если воров было мало, а стоимость похищенного велика, то награда за донос не превышала 20 связок монет. При очень большой стоимости похищенного имущества из каждых 10 связок монет стоимости похищенного доносчику дополнительно выдавались 2 связки монет, но общая сумма вознаграждения опять-таки не должна

была превышать 200 связок монет. При выборе одного из этих двух правил выплаты за основу бралось преобладание одного из признаков — числа воров или стоимости похищенного. Донос о тайной краже вознаграждался как и в том случае, когда «воров было мало, а [похищенного] имущества было много». Обнаружение вора вознаграждалось в размере $^1/_3$ награды за донос, а участие в поимке вора — в размере половины награды, причитающейся за обнаружение вора (ст. 144). Под эту норму права подводились все награды за донос, связанные с хищениями. Это правило действовало при выдаче награды «за донос о злоупотреблениях, связанных с государевым скотом, зерном, деньгами и другим имуществом... на сумму в пределах до тридцати тысяч связок монет». При доносах о хищении казенного имущества на бо́льшую сумму доносчик получал должность и дополнительное вознаграждение по особому решению (ст. 907). По статье 144 производилась выплата наград за донос о краже скота и забое скота на мясо (ст. 78), о продаже за рубеж высочайше запрещенных к продаже товаров (ст. 440), о совершении поджога (ст. 911).

Была утверждена отдельная шкала для вознаграждений за донос о незаконном снятии с преступника железного ошейника (ст. 88):

Срок ношения ошейника	Размер награды за донос о незаконном снятии ошейника
1 год	5 связок монет
1–3 года	10 связок монет
4–6 лет	15 связок монет
Пожизненные каторжные работы	20 связок монет

Видимо, награда в 20 связок монет считалась вполне удовлетворительной за донос о большинстве тяжких преступлений.

Статья 226 предусматривала награды за сообщения о беглых и участие в поимке беглых караульными. Это были не денежные выплаты, а награды чаем, шелком, серебром, рангами, носившие характер наград воинских. На основании этой статьи статья 419 устанавливала, что «если будет поймана только часть беглецов, а часть [их] уйдет, то награда доносчикам и поимщикам, которую они могли бы получить, в том случае, когда часть [беглецов ушла], делится на две части и [они] получают одну часть, а когда все беглецы ушли и не попали в руки [властей], делится на три части, и поимщики и доносчики могут получить только треть [полной награды]». «Новые законы» отдельным пунктом установили награды за донос о продаже военнослужащим оружия или коня. Награда зависела от той меры наказания, которая ожидала преступника[3]:

[3] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 13—14.

Мера наказания преступника	Размер награды за донос
Смертная казнь	200 связок монет
Пожизненные каторжные работы	150 связок монет
Каторжные работы на срок от 4 до 6 лет	100 связок монет
От битья палками до 3 лет каторги	50 связок монет

Ряд статей определял процедуру начисления награды за донос в зависимости от его характера, соотношения в нем правды и лжи и т. п. Так, «если о тяжком преступлении сообщена полная правда, а о незначительном преступлении [доносчик] сообщил неправду, то [он] может получить две трети... награды за донос» (ст. 909). Обилие лжи в доносе лишало доносчика награды за донос, а донос, граничащий с оговором, имел своим следствием наказание доносчика, ибо «если ложных сведений было больше, то те излишки палочных ударов и избыточные сроки каторжных работ, которые были назначены [преступнику по вине] доносчика, должен получить сам доносчик» (ст. 909). Такое же правило действовало при доносе на группу людей. За донос «на людей, о которых сообщена правда, [доносчик] по закону должен получить вознаграждение, а за тех, кого оговорил, он подлежит наказанию» (ст. 909). В сунском Китае развешивались объявления об особых вознаграждениях за поимку тех или иных опасных преступников, в частности воров. Пострадавшие также могли от своего имени объявить дополнительное вознаграждение за поимку воров [4].

Наконец, доносчик сам мог находиться под следствием. От таких лиц разрешается принимать донос о преступлениях против государя и государства. Если доносчик сообщал правду, то ему «производился взаимный учет вознаграждения и наказания». При доносе о преступлениях менее значительных мера наказания преступнику за донос на другого человека не уменьшалась (ст. 910). Если доносчик был участником нераскрытого группового преступления и в течение года донес на своих сотоварищей по преступлению, то он сам освобождался от наказания. Если донос поступал по прошествии года после совершения преступления, то мера наказания доносчику уменьшалась на две степени (ст. 915). Закон преследовал как недолжностных, так и должностных лиц, стремившихся присоединиться к доносу с целью получения вознаграждения (ст. 920).

Нормы права, регулирующие донос, были разработаны в дальневосточном праве довольно основательно. В теоретическом плане важным моментом в старом китайском праве был запрет,

---

[4] **Нефритовая Гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X—XIII вв.). Пер. с кит. А. Рогова. М., 1972, с. 150.**

хотя и не абсолютный, доноса на близких, кровных родственников, ибо моральные аспекты доноса детей на родителей и, наоборот, дачи детьми свидетельских показаний против родителей и сейчас остаются нерешенными или хотя бы ставятся под сомнение.

Близко к доносу, по существу дела, стоял сыск — засылка властями специальных людей с целью выявления антигосударственной или иной преступной деятельности. Сыщик мог быть послан или от государя, или управлением. Закон требовал от сыщика, чтобы тот был усердным и сообщал правду. «Если сыщик, посланный от государя, не будет действовать усердно и старательно и, выполняя какое-либо из порученных ему дел, не обнаружит [преступника] и не разузнает о преступлении, совершенном каким-либо человеком, то сыщик за нерадивость [подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 767). «Сыщикам и прочим людям, которые выявляют разного рода высказывания о государе, следует говорить [только] правду о том, что [они] видели и слышали. Добавлять [что-либо от себя] или умалчивать [о чем-то] запрещается... Если сыщик, посланный государем, узнает о [готовящемся] предательстве и не донесет [о том], то [с ним] следует поступать так же, как и с предателями». Сыщики имели право личного доклада императору (ст. 765). По общему правилу сыщик, оговоривший невиновного, получал то же самое наказание, которое получал оговоренный им человек. Ошибка осведомителя, однако, каралась на две-три степени меньше сокрытия преступления или оговора (ст. 766), а позднее, по «Новым законам», наказывалась только штрафом лошадью или 13 палками[5]. Сокрытие сыщиком обнаруженного им преступления за взятку, полученную от преступника, влекло за собой наказание сыщика смертной казнью или каторжными работами на большой срок (ст. 765).

Сыск и доносы, безусловно, поощрялись средневековым дальневосточным правом, хотя мы не можем не отметить наличие ряда разумных ограничений и мер ответственности за ложное сообщение и оговор. Здесь не действовало правило «доносчику — первый кнут», но применение в случае оговора общего принципа дальневосточного права — пристрастное незаконное действие влечет за собой ту же меру наказания, которую получил пострадавший от такого действия,— нельзя признать несправедливым.

---

[5] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 50.

2. Задержание преступника. Следствие и суд. Отправка к месту отбывания наказания

То, что право вершить суд «относилось к сфере обязанностей императорских чиновников, которые управляли данной территорией», было характерной особенностью старого Китая [6].

Тангутское право уделяет мало внимания истцу. Лицом, по чьей инициативе могло быть начато следствие, являлся заявитель (будь он собственно истец, лицо, связанное с истцом, или посторонний истцу человек, заявивший о возможном или действительном преступлении) и доносчик, «который передал документы по делу» (ст. 899). Думается, что права и ответственность истца покрывались и регулировались правами и ответственностью доносчика. Так, если истец заведомо ложно обвинял кого-либо в краже его имущества, а человек, уже обвиненный им, по его обвинению был забит в кангу, лжеобвинитель получал то же наказание, какое полагалось обвиненному им заведомо напрасно лицу. Даже ошибка истца была наказуема, правда менее строго (ст. 156).

Истец, затеявший тяжбу, не имел права по своей воле прекратить ее. «Если какой-либо человек затеял тяжбу и подал заявление в управление, то ему запрещается отказываться от начатого дела. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если же в числе таковых окажется некто, заявивший о преступлении, касающемся [одного из] „десяти зол“, то тот, кто [отказался от сделанного ранее заявления], должен быть арестован, на него следует надеть кангу и допросить» (ст. 805).

Истец также не имел права «приписывать в поданное заявление то, чего ранее в нем не было». Сделавшему дополнения к жалобе и принявшему их одинаково грозил штраф в 1 лошадь или 13 палок. Исключением были дела о мятеже, измене и нарушении долга почитания родителей. Истец мог дополнять свою жалобу по таким делам сколько угодно (ст. 804).

Для того чтобы состоялось следствие по делу и был вынесен приговор, действительный преступник или подозреваемый в совершении преступления должен был быть арестован или вызван в управление. Все органы местной администрации страны до уровня уезда и крепости имели право брать под арест подчиненных им людей. «Пограничные и внутренние управления одного порядка всех хозяев, находящихся в их подчинении, могут полагать за хозяев, подлежащих аресту [их властью]». Это были военные комиссариаты («цзинлюесы»), военно-полицейские управления («цзяньцзюнсы»), департаменты («фу»), области («цзюнь»), армии («цзюнь»), уезды («сянь»), а также управ-

[6] *Hulsewe A. F. P.* Remnants of Han Law. T. 1. Leiden, 1955, c. 10.

ляющие округами («цыши»), управления городов, управления укреплений («чжай») и крепостей («бао»). «Все прочие управления, кроме вышеуказанных, не могут считать хозяев лицами, подлежащими аресту [их собственной властью]» (ст. 1072).

Преступник или лицо, подозреваемое в совершении преступления, могли быть задержаны представителем власти или частным лицом, как лично пострадавшим, так и посторонним, могли быть забиты в кангу или в кангу не забиты, посажены в тюрьму, содержаться под арестом только ночью или же вообще оставаться на свободе в период следствия после предъявления им обвинения. Все зависело от характера преступления и того, кто был преступником или подозреваемым. Тангутское право на этапах задержания и предъявления обвинения практически не делало различия между лицом действительно виновным и только подозреваемым; во всяком случае, никаких оговорок на этот счет оно не допускало. Целью являлось получение признания и определение справедливого наказания. Если обвиняемый оставался на свободе, то контакты с ним власти поддерживали через специально посылавшихся к нему людей (ст. 585). Подозреваемого в совершении серьезного преступления на ночь запирали в управлении или же отправляли в тюрьму, а днем он был на свободе (ст. 115). Наконец, обвиняемый мог быть сразу лишен свободы, заточен в тюрьму и даже забит в кангу.

Из числа пострадавших поимкой преступника чаще всего, судя по тангутскому кодексу, занимались владельцы скота и имущества, кидавшиеся на поиски или преследование воров (ст. 933). Помимо пострадавшего это могли быть и чужие люди, преследовавшие и поймавшие вора (ст. 143, 155). В любом случае, если преступник или подозреваемый были задержаны не представителями властей, а частными лицами, пострадавшими или посторонними, их следовало передать в руки властей. Виновных или подозреваемых в совершении одного из «десяти зол» забивали в кангу: «Что касается содержания под арестом человека, [обвиняемого в совершении преступления из категории] „десяти зол“ или [иного преступления], наказуемого смертной казнью либо пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой гвон, то [на такового] независимо от [его] ранга должна быть надета канга» (ст. 566). Решение о возможности надеть кангу на арестованного принимали или начальник управления, или «передающий приказы». Нижестоящие чиновники, видимо, не имели права отдавать приказ о забитии арестованного в кангу (ст. 570). По «Новым законам» запрещалось забивать в кангу военных комиссаров («цзинлюеши») и префектов («цыши»), допустивших нарушение служебного долга [7].

[7] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 50.

Обвиняемого могли вызвать в управление через посыльного от направляющего, старшего кочевья, эмиссара, пограничного чиновника, разъездного инспектора. «Посыльному, отправленному для вызова обвиняемого, запрещается, не имея на то права, вынуждать побоями обвиняемого явиться туда, куда [его] вызывают, самому ехать верхом, а ему не позволять ехать верхом, брать имущество, есть и пить [вино у обвиняемого]» (ст. 581, 953, 959). Посторонний человек, заявивший другому: «Ты преступник!», причинивший ему побои и доведший его до самоубийства, получал наказание на одну степень меньшее, чем за убийство в драке, а если таковой преследовал свои корыстные цели — подлежал смертной казни путем удавления (ст. 573, 574).

Часто от лица власти поиск, задержание и доставку в тюрьму преступника или подозреваемого осуществлял разъездной инспектор — служащий, напоминавший по своим функциям современного полицейского инспектора. Разъездной инспектор должен был отвечать ряду требований — быть человеком способным и знающим дело: «волевым и способным, имеющим семью и занимающим должность». Обычно разъездные инспекторы назначались из старших чиновников в должности «выносящих решения» и караульных начальников, государевых посыльных и т. п. Число их определялось «размерами гвона» и «количеством случаев воровства [в нем]». Служили они ровно год, а затем подлежали замене (ст. 925, 938). Собственно, в задачу разъездных инспекторов входило прежде всего предотвращение преступлений. «Тот, кто исполняет обязанности разъездного инспектора, должен сам днем и ночью патрулировать в той местности, которая ему указана, а также высылать [для патрулирования] некоторое число младших разъездных инспекторов. [Всем им] не разрешается во вверенной им местности допускать кражи, мошенничества, возникновение пожаров и [прочие] упущения по службе» (ст. 937). Разъездные инспектора в числе прочих вызывали в управление обвиняемых. «В том случае, когда [требуется] отправить кого-либо для вызова обвиняемого, который находится поблизости, необходимо отправить [за ним посыльного от] направляющего, старшего кочевья, эмиссара, пограничного чиновника или разъездного инспектора из военно-полицейского управления» (ст. 953). Разъездные инспектора занимались и «поимкой воров» (ст. 925). «Если разъездной инспектор поймал вора, совершившего кражу с применением насилия или тайную кражу, то [он] в трехдневный срок должен передать [его] ведающему этими делами полицейскому инспектору (дусюньцзянь), который в десятидневный срок должен допросить этого [вора] и передать его в управление по принадлежности» (ст. 926). За поимку преступников разъездной инспектор получал награду — от повышения в ранге на одну степень, 10 ливу серебра, чай и шелк за поимку свыше одиннадцати человек, совершивших особо тяжкие

преступления, до 1 ливу серебра за преступников, заслуживающих наказания каторжными работами на определенный срок (ст. 927). Если преступник был особо опасен, то награду получал и тот разъездной инспектор, который «хотя сам и не выслеживал вора, но составил план, по которому был пойман вор, пользующийся дурной славой» (ст. 936). Докладные о награждениях подавались по итогам года в первый день первого весеннего месяца. Награды обязано было выдавать должностное лицо, занимающее положение хотя бы на одну степень выше, чем награждаемый (ст. 928). Если разъездной инспектор, «получив взятку или действуя лицеприятно, вора не поймал или отпустил, то [инспектору] определяется то же наказание, что и вору», и еще он получает наказание за большую взятку (ст. 931).

Получив сведения о воре или другом преступнике, разъездной инспектор был обязан немедленно приступить к его задержанию. Если разъездной инспектор задержался, а преступник в это время совершил преступление, то разъездной инспектор мог получить за опоздание до 2 лет каторжных работ (ст. 932), а если он, разъездной инспектор, просто уклонился от выполнения долга, «проявил нерадивость, не начал расследования дела и уехал», то мера наказания ему увеличивалась на одну степень по сравнению с наказанием за опоздание и иные упущения по службе (ст. 933). Взаимозачет наград и наказаний не допускался, и разъездной инспектор «в том случае, когда [он] может получить награду, должен получить [ее], а за упущения по службе [он] подлежит наказанию» (ст. 935).

Обвиняемого, который скрылся, искали. Для поисков преступников законом давался трехмесячный срок (ст. 115, 573, 582), который не входил в сроки, отводимые на проведение следствия и вынесение приговора (ст. 567). Если человек не был арестован, находился на свободе, хотя ему и было предъявлено обвинение, а потом скрылся, то при его поимке мера наказания ему не увеличивалась и он получал только то наказание, которое было положено ему по закону за совершенное им преступление (ст. 585, 956). Вместе с тем неявка по вызову в управление или сопротивление властям при задержании, естественно, были наказуемы. «В том случае, когда [обвиняемый] укрылся в горах или в труднодоступной местности и дерзко отказался явиться туда, куда [его] вызывают, мера наказания, положенная [таковому] за [его] первое преступление, должна быть увеличена: если [он] был вызван по приказу какого-либо управления — на две степени, а если [таковой еще] и побил того, кто [его] вызывал, то мера наказания в каждом случае должна быть увеличена еще на одну степень. Если [тот, кого вызывали], оказал сопротивление, пустив в ход оружие, то мера наказания, положенная [ему за] первое преступление, должна быть увеличена: в том случае, когда имелся приказ какого-либо управления — на четыре степе-

ни, а когда имелся приказ государя — на пять степеней» (ст. 956). Драка с государевым посланцем могла быть наказуема смертной казнью (ст. 1067, 1068). В свою очередь, посыльный, оговоривший обвиняемого и показавший на него, что тот оказал сопротивление при вызове или аресте, получал ту меру наказания, которая полагалась бы обвиняемому, если бы он действительно избил посыльного и не явился по вызову (ст. 958). Разумеется, как говорилось выше, посыльный или разъездной инспектор, любое другое официальное лицо не имели права прибегать к силе и избивать обвиняемого (ст. 959, 960). Взятию под арест, уводу из дому безо всякого на то приказа не подлежали родственники государя, его советники, начальники управлений, все должностные лица и командиры до направляющих включительно (ст. 568). Не подлежали немедленному аресту, кроме случаев экстренных, лица, находившиеся на дежурстве во внутренних покоях государя (ст. 878).

При задержании воров и прочих преступников всегда производилась опись похищенного имущества. В официальном документе должно было быть «указано, что и сколько в действительности обнаружено» (ст. 153, 154). «Если кто-либо совершит измену и [его] скот, зерно, ценности, земля, дома, постройки могут быть конфискованы и перейти к государю, то то управление, в котором ведется следствие по делу, должно своевременно принять во внимание данное обстоятельство и направить способного человека произвести опись имущества» (ст. 1442). Любые приписки были строго наказуемы (ст. 153, 154).

Везти арестованного полагалось на быках или ослах. Использовать коней и верблюдов для перевозки арестованных запрещалось (ст. 986).

Арестованный преступник или обвиняемый попадал в тюрьму. Несмотря на то что в тангутском государстве тюремного заключения как вида наказания не существовало, время предварительного тюремного заключения засчитывалось осужденному, правда, только в том неопределенном случае, когда он «больше, чем положено, содержался под стражей» (ст. 115).

Содержавшегося под стражей человека должны были кормить супруг или супруга. В том случае, когда таковых не было, или они не являлись, или до тюрьмы для родственников заключенного был слишком дальний путь, арестованного кормила казна. Дневной рацион определяется в 1 шие (600 г) зерна (ст. 589). Любопытно, что почти тот же рацион был в тюрьмах Цин в XVIII в.: для подростков до 15 лет и стариков старше 70 лет — один шэн зерна, для прочих — 0,83 шэна [8]. Заключенные сами снабжали себя топливом. «Если [заключенный] не входит в чис-

[8] *Bodde D.* Prison Life in Eighteenth Century Peking.— Journal of the American Oriental Society. 1969, t. 89, № 2, c. 318.

ло тех, кто сам добывает себе топливо, то тому, кто его не добывает и не получает, должно быть выдано столько топлива, сколько можно... Когда на заключенного надевают кангу и сажают [его] в тюремную клетку, то летом необходимо оставлять щель для доступа воздуха, а зимой заключенному должна быть дана подстилка из камыша или сена... Если кто-либо из заключенных беден и немощен и не имеет одежды, то зимой [таковому] должна быть выдана во временное пользование одежда от государя. Если кто-либо из таковых может быть отправлен вместе с совершившими тяжкие преступления на тяжелые работы, то [ему] следует выдать [одежду] на этих [условиях]». Больному заключенному полагались перевод в чистое место и предоставление необходимой медицинской помощи (ст. 589). У заключенных отбирали ножи и иные орудия и вещи, с помощью которых они могли бы покончить с собой (ст. 577).

За заключенными следили тюремные надзиратели и старшие тюремные надзиратели. Они отвечали за заключенных и за их жизнь. Поэтому им запрещалось словом или делом принуждать заключенных к самоубийству (ст. 572, 573, 577), вступать в половую связь с находящимися в заключении женщинами (ст. 608, 609), допускать, чтобы посторонний человек вступал в половую связь с арестованной (ст. 610), брать у заключенных деньги и вещи (ст. 584). Тюремные надзиратели были обязаны не допускать нападения на тюрьму тех людей, которые имели намерение отбить и освободить заключенных (ст. 578). За освобождение силой лиц, совершивших тяжкие преступления, виновные, как правило, подлежали смертной казни. Тюремным надзирателям запрещалось посылать заключенных красть и грабить. За подобные дела они получали то же самое наказание, что и преступники (ст. 579).

Тюремный надзиратель, упустивший или освободивший преступника за взятку, был обязан разыскать его и поймать в трехмесячный срок. Когда речь шла о лице, подозреваемом в совершении тяжкого преступления, тюремного надзирателя, освободившего его за взятку, забивали в кангу, а члены его семьи должны были разыскивать преступника. Если преступник не был пойман, отпустивший его тюремный надзиратель «получал то же наказание, какое полагалось и преступнику». Эта же кара ждала высших должностных лиц, если они, пользуясь властью, вынуждали тюремного надзирателя освободить их находящегося в заключении родственника. Если тюремный надзиратель просто не досмотрел и упустил преступника, то он получал до 3 лет каторжных работ в том случае, когда он не поймал его снова в трехмесячный срок (ст. 582). Тюремный надзиратель мог выпустить заключенного из тюрьмы только по письменному распоряжению вышестоящего начальника. За любое немотивированное освобождение преступника или подозреваемого, даже при отсутствии

взятки, тюремный надзиратель получал то же наказание, которое полагалось преступнику (ст. 587).

Мы не знаем устройства тангутских тюрем. Что же касается Китая, то, по мнению Миядзаки Итисада, в эпоху Сун окружные и уездные тюрьмы там не запирались, арестованных просто связывали и к работам не привлекали [9].

После ареста или вызова в управление обвиняемого начиналось следствие по его делу. Любопытно, что в несколько упрощенном виде порядок ведения следствия и вынесения приговора описывается в тангутско-китайском словаре 1190 г. «Жемчужина в руке, отвечающая нуждам времени». Приведем этот текст: «Правители округов, вице-префекты (тунпань), начальники управлений (чжэнтин), „передающие приказы“ (чэнчжи), столоначальники, делопроизводители, приказные и надзиратели руководят всеми старшими и младшими должностными лицами. [Им] запрещается волокита в ведении дел, [они] не имеют права совершать какие-либо упущения по службе, не должны действовать пристрастно и нарушать законы. Изучая дела и вынося по ним решения, [должностные лица] обязаны поступать в полном соответствии с законом, а управляя народом, [они] не должны допускать непослушания. Очевидно, что есть люди высокие и низкие. Благородные мужи чтут предписания морали и этикета [ли], а подлые люди утрачивают путь добродетели. Утратив путь добродетели, [таковые] денно и нощно гоняются за личными выгодами, затевают драки с [другими] людьми, не почитают [людей] уважаемых и занимающих более высокое [общественное] положение, оскорбляют людей или, пользуясь [своей] силой, притесняют слабых и причиняют ранения другим людям. [Обо всех этих преступлениях пострадавшие] подают официальные жалобы в любое управление. Начальники [управлений] гневаются на [нарушителей порядка] и отдают приказ должностным лицам принять жалобу и возбудить дело. Столоначальники выносят заключение о том, [кому и как вести дело], и передают ведение [его] приказным. Врач осматривает [пострадавших] и выявляет подлинный характер нанесенных [им] телесных повреждений [10]. Отыскиваются свидетели и вызываются люди, имевшие отношение к делу. Если [обвиняемый] не говорит правды или обнаруживаются расхождения в показаниях по [данному] делу, то [на него] надевают кангу и заключают [его] в тюрьму. После использования всех имеющихся по делу документов вызывают свидетелей, которые обязаны явиться незамедлительно. [От свидетелей] самым тщательным образом берут по-

---

[9] *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико.— Тохо гаку. 1964, № 24, с. 137.

[10] О судебной медицине той эпохи см.: *McKnight B.* (tr.). The Washing away of Wrongs. Sung Tz'u. Ann Arbor, 1981 (Science, Medicine and Tecnology in East Asia. Vol. 1).

казания. Если [их показания] совпадают с тем, о чем сообщил истец, а [обвиняемый] все-таки не соглашается давать правдивые показания, то [должностные лица], озлобясь [на него], бьют [обвиняемого]. Начальник управления [говорит ему]: „Глупый и низкий человек! Послушай, что [я] скажу [тебе]! В трактате „О почитании родителей" (Сяо цзин) сказано: „Нельзя губить тело и волосы, [полученные тобою] от отца и матери!" [И] если битый таким образом [обвиняемый] не одумается, то как можно говорить о его почтительном отношении к родителям? Когда же такой человек, поразмыслив, заявит: „Я-то, глупец, не ведал, что творю. [Теперь] я одумался и прислушался к тем словам [начальника]. Я совершил преступление, оклеветал и оскорбил невинных людей. После этого я не стану больше поступать так!", то полученное признание в совершении [им] преступления заносится в официальный документ и [виновному] здесь же на этом месте выносится приговор. Благодаря этому чистые и достойные [люди] с помощью Неба в полной мере живут в знатности и богатстве!» [11].

Таким образом, управление, принявшее жалобу истца (заявителя, просителя в тангутской терминологии), начинало следствие по делу только по приказу начальника этого управления. Дело поступало к одному из столоначальников, который и поручал вести его непосредственным исполнителям, приказным. Любопытным и ценным свидетельством, полученным, насколько нам известно, пока только из данного источника, является упоминание о медицинской экспертизе — освидетельствования врачом пострадавшего, получившего телесные повреждения. Известно, что практика освидетельствования трупов погибших и медицинской экспертизы пострадавших существовала в Китае с древности, а в сунском Китае бытовали уже специальные руководства по судебной медицине [12]. Жалоба пострадавшего проверялась показаниями свидетелей, в том числе и разыскиваемых специально. Если их показания давали очевидные для следствия улики против обвиняемого, а тот запирался и не признавал своей вины, к обвиняемому на законных основаниях с целью вырвать у него признание применялись меры физического воздействия. Увещевания начальника со ссылками на «Сяо цзин» и обвинениями избиваемого в нарушении сыновнего или дочернего долга — каждый уважающий себя конфуцианец, почитая родителей, был обязан беречь свое тело как полученный от них дар — отражают не только личные взгляды Гулэ Маоцая, составителя тангутско-

---

[11] «Тангутско-китайский [словарь], или Жемчужина в руке, отвечающая нуждам времени». 1190 г.— Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 214—218, 685, 4777, л. 28б—32а.

[12] См.: *Сун Цы*. Сун ти син си юань цзи лу. Шанхай, 1937 (Цуншу цзичэн).

китайского словаря, но и идеи, бесспорно достаточно широко бытовавшие в среде тангутского чиновничества.

Целью следствия было получение от обвиняемого признания в совершении им преступления, что давало возможность вынести ему приговор, определить меру наказания. Историки права считают, что для эпохи средневековья был характерен переход от состязательного процесса к инквизиционному (розыскному). Стремление вырвать у подследственного признание любыми средствами — как раз одна из черт именно инквизиционного процесса. После несколько эмоционального, живого описания словаря обратимся к кодексу.

Мы уже говорили, что закон не допускал частичного примирения сторон. Нельзя было скрывать совершенное преступление, о нем следовало «известить должностное лицо. В этом случае допускать примирение сторон не разрешается». Обе стороны, и совершившая преступление, и пострадавшая, в случае частного примирения подлежали наказанию. Так, если вор мог получить от 2 до 6 лет каторги, примирившийся с ним хозяин наказывался за незаконное примирение 6 месяцами каторжных работ (ст. 143). Мера наказания за примирение зависела, что и было логично, от серьезности преступления. Так, сын, внук или правнук, за мзду простившие того, кто разрушил могилу их предка, получали наказание на две степени меньшее, чем тот, кто разрушил могилу (ст. 166).

Следствие вели управления, прежде всего местные административные органы. В определенных случаях следователем и судьей мог выступать ревизор (ст. 1219) или армейский командир [13]. Расследование дела производилось или в управлении, или на месте совершения преступления, для чего туда командировались следователи (ст. 554, 565, 566). Они получали содержание из средств, предназначенных для финансово-налогового управления и полученных при наказаниях за взятки и в качестве штрафов, или из государевых средств (казны). Казна давала следователям топливо и масло для ламп. «Бумага и приборы для письма для составления документов тем, кто будет вести следствие при обнаружении нарушений, выдаются за счет тех людей, на которых поступили сведения о совершении [ими] преступлений, и тех лиц, которые привлечены к разбору дела» (ст. 1449). Только для снятия допросов по очень важным делам назначались советники государя или чиновники, занимающие важные посты,— люди, как сказано в источнике, «стоявшие близко к оси государства» [14]. Во внутренних дворцовых покоях снимали допросы и вели следствие служащие двух высших управлений гражданской и военной администрации (ст. 869).

---

[13] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 16.
[14] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 62.

Обычно в управлениях в роли следователей выступали делопроизводители и приказные (ст. 563). Закон требовал, чтобы те люди, которые ведут дела подследственных, назначались из людей крепких (ст. 593). И в Китае, именно с династии Сун, на все последующие времена вплоть до XX в. окружные и уездные чиновники получили право сами лично вести дознание и следствие [15]. Дети и младшие родственники не имели права вести следствие по делу родителей или старших родственников, сыновья и внуки не имели права судиться с родителями и дедами (ст. 32). Управление не имело права вести расследование, если истец был родственником начальника управления или кого-то из «передающих приказы». В таких случаях рекомендовалось или заменить истца, или передать дело в другое управление (ст. 598). Нельзя было вести следствие, если обвиняемый болен (ст. 589), а также если он ранен или если подследственной была беременная женщина. В таких случаях следствие откладывалось на установленный срок, который наступал через месяц после того, как «болезнь будет вылечена, раны заживут или родится ребенок». Поэтому подследственные подлежали медицинскому осмотру, а «за нетщательный осмотр и халатность [полагалось] с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, а простому человеку — 13 палок». Взятка за признание подследственного больным, естественно, считалась и наказывалась как «взятка с нарушением закона». Общее правило было таково, что «следствие по делу может быть проведено лишь в присутствии обвиняемых» (ст. 590). Прекратить следствие по тому или иному делу можно было только по приказу лично начальника управления (ст. 604), позднее это право было дано и «передающим приказы» [16].

Закон устанавливал виды следствия в зависимости от того, как, кем и по каким делам следствие производилось. Секретному расследованию подлежали дела по сведениям, полученным от шпионов из пограничных районов. В руках армии, армейских следователей было сосредоточено расследование всех дел, связанных с армией, пограничной и караульной службой, действиями лиц в пограничных зонах и охраной государя. Так называемому «государеву расследованию» подлежали дела гражданской администрации, чиновников, монахов и монастырей. Прочие дела иных лиц, в том числе об исполнении трудовых повинностей, подлежали «расследованию на местах». По методам ведения следствия подразделялись законом на «расследования с содержанием в канге» (например, дела дворцовой прислуги и дела, связанные с приемом иноземных послов) и «расследования под пыткой» (например, пропуск через посты врага, угнавшего скот,

---

[15] *Чэнь Гуюань.* Чжунго фа чжи ши. Шанхай, 1935, с. 186; *Ichisada Miyazaki.* The Administration of Justice during the Sung Dynasty.— Essays on China's Legal Tradition. Princeton, 1981, с. 56—75.

[16] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 46.

дела, связанные с документами на право владения землей, с высочайше запрещенной торговлей). В особую группу были выделены расследования, производившиеся в порядке ревизорского надзора: это были дела, которые вело управление ревизии и контроля, следя за соблюдением порядка при вынесении «приговоров [всех] четырех времен года», за выполнением государевых указов о присвоении рангов, а также дела, которые вели старшие наблюдатели («далу») в связи с уплатой налогов и распределением земель (ст. 554).

Закон устанавливал сроки расследования тех или иных дел. Управлениям для расследования дел в тех случаях, когда обвиняемому грозило наказание смертной казнью или пожизненными каторжными работами, отводилось 40 дней, для дел, по которым наказанием могли быть каторжные работы на определенный срок,— 20 дней, на остальные дела — 10 дней. Промедление было наказуемо (ст. 567), хотя закон предусматривал предоставление дополнительных сроков для доследования дел, особенно в холода зимой и жаркие месяцы летом (ст. 593). Не предусматривались сроки и формы следствия по делам о «взятках с нарушением закона». Для дел о «взятках без нарушения закона» устанавливался трехгодичный срок (ст. 52). Собственно, эти сроки устанавливались взяткодателям для возбуждения дела против лиц, получивших от них взятку. Со сроком подачи иска (один год) были связаны и возможные сроки расследования дел о невнесении всей платы за невесту (ст. 530). Сто дней давалось истцу для возбуждения дела о принуждении к браку силой (ст. 516).

Следствие было неотделимо от суда в нашем понимании, ибо завершалось вынесением приговора. Тем не менее следственный этап может быть выделен и рассматриваться самостоятельно как процедура, предваряющая суд. При расследовании дела нужны были доказательства установления вины, а для этого привлекались свидетели, хотя и не во всех случаях. «Когда в нашем государстве в числе разных дел, подлежащих расследованию, есть дела о мятеже, нарушении правил почитания родителей и добродетельного поведения, об измене, умышленном убийстве или причинении ранения человеку, о разного рода ограблениях, а также об убийстве человека при ограблении, об убийстве прадеда или деда, бабки, родителей, мачехи, об убийстве невесткой свекра и свекрови, женой мужа, пхинга или нини хозяина и по этим делам имеются истец, заявивший: „Я не сомневаюсь [в совершении преступления]!“, и доносчик, который передал документы по делу, то, даже если по делу не окажется свидетелей и не будет предъявлено доказательств, его рассмотрение должно быть начато в соответствии с законом... Если по всем прочим делам, кроме этих, будут налицо доносчик и истец, обвиняющий кого-либо, то, если будут иметься определенные доказательства и свидетели, [дело] должно расследоваться в соответствии с законом.

А если доказательств и свидетелей не окажется, то, хотя будет заявлено: „Я не сомневаюсь в этом!“, принимать официальную бумагу с доносом и проводить следствие по делу запрещается» (ст. 899).

Таким образом, по ряду дел, касающихся тяжких и особо тяжких преступлений, следствие могло быть начато и без наличия улик и свидетелей. Хотя, казалось бы, данное положение и было мотивировано повышенной социальной опасностью возможного преступного деяния, такая практика ведения следствия не могла не открыть пути для произвола.

Не всякое лицо могло быть свидетелем. Это касалось прежде всего близких родственников преступника и людей, лично несвободных. «Если о каких-то делах дано указание, что [по ним] можно начать следствие, поскольку заявлено, что сомнений [в достоверности выдвинутых обвинений] нет, и если в числе лиц, обязанных давать свидетельские показания, окажутся родственники [обвиняемого] или [его] пхинга и нини, то в том случае, когда эти пхинга, нини и родственники входят в круг лиц, имеющих право донести на преступника, [им] также должно быть разрешено давать свидетельские показания или же [их] донос может быть засчитан в качестве свидетельских показаний. Тем из них, кто не имеют права на донос, а также прочим [нижеуказанным лицам] — родственникам [преступника], живущим с ним одной семьей, как обязанным, так и не обязанным носить [по нему] траур, [его] рабам и прислуге, а также родственникам, не живущим с ним одной семьей, но обязанным носить по [обвиняемому] траур в течение девяти месяцев и более,— давать свидетельские показания ради любых сведений, какими бы [они] ни располагали, запрещается» (ст. 900). Привлечение членов семьи обвиняемого для дачи по его делу свидетельских показаний строго каралось законом. Должностное лицо, допустившее такое преступление, в случае вынесения обвиняемому приговора получало то же наказание, что и преступник, а если приговор еще не был вынесен, то на одну степень меньшее того, которое предположительно мог бы получить обвиняемый (ст. 901). Наказанию подлежали и родственники обвиняемого, хотя они «и были вынуждены давать свидетельские показания, не имея на то права» (ст. 902). Свидетелем было лишь лицо, признаваемое следствием таковым, ибо давать показания по какому-то делу только потому, что кто-то хотел их дать, было запрещено (ст. 588). Такое же правило действовало и в средневековом Китае, хотя позже, при династии Цин, мать почти безнаказанно могла дать ложные показания по делу сына, а лжесвидетельство жены по делу ее мужа или детей по делу их родителей и т. п. считалось даже похвальным [17].

[17] *Алабастер Е.* Заметки и комментарии на китайское уголовное право.— Известия Восточного института. Владивосток, 1903, т. 6, с. 128.

Следователь был обязан проверить достоверность полученных сведений, «прежде всего... установить, являются ли они достоверными или нет» (ст. 605). Предъявленные следствию документы должны были быть в целости и содержаться в порядке. Уничтожение, сокрытие или кража документа влекли за собой для виновного ту же меру наказания, которая полагалась преступнику (ст. 815). В зависимости от тяжести предъявленного обвиняемому обвинения следователи получали время на розыск исчезнувшего документа: при преступлениях, наказуемых смертной казнью и пожизненной каторгой,— 40 дней, каторжными работами на определенный срок — 20 дней, прочими мерами наказания — 10 дней (ст. 819).

В процесс следственного разбирательства дела не могли вмешиваться высшие чиновники и родственники государя. «Родственникам [государя], советникам, старшим чиновникам... запрещается забирать документы, задерживать или освобождать [обвиняемых] по различным делам» (ст. 547). Данные лица не имели даже права «в своих личных целях вести расспросы по разным делам», их заинтересованность в ком-то и нарушение служебного долга карались в таких случаях годом каторжных работ (ст. 548).

Следователь был обязан добиться признания от обвиняемого и помимо его уличения, т. е. предъявления ему доказательств его виновности — вещественных при убийстве, причинении ранения, кражах (в прочих случаях тангутский кодекс о вещественных доказательствах не упоминает) и иных,— мог на законных основаниях использовать и методы принуждения, физического воздействия на обвиняемого. Поводом для применения мер физического воздействия на обвиняемого являлось его запирательство, непризнание им своей вины, дача ложных показаний. «Если [обвиняемый] не дает правдивых показаний, то [об этом] надлежит доложить в вышестоящие инстанции, а [к нему самому] следует применить меры принуждения» (ст. 566). «Если кто-либо из преступников говорит неправду о деле, по которому известны все обстоятельства, то [таковое] следует бить три раза. Когда бьют в первый раз, то делают [это] в три приема, нанося по тридцать ударов тонкой палкой и подвешивая преступника на дереве. Если же [обвиняемый], будучи бит таким образом троекратно, [все равно] не скажет правду, то следует доложить [об этом] в вышестоящую инстанцию. Что касается допроса такого [обвиняемого] с применением битья толстыми палками, то на это следует получить письменное разрешение вышестоящего начальника и при этом необходимо запросить, сколько раз можно допрашивать [обвиняемого] с применением битья толстыми палками» (ст. 575). Таким образом, первым законным этапом применения насильственных мер дознания являлось нанесение 270 ударов тонкой палкой, 9 раз по 30 ударов, в три приема по

90 ударов с двумя более продолжительными интервалами. Вторым законным этапом применения мер физического воздействия на обвиняемого было битье его толстыми палками по «письменному разрешению» с нанесением «предписанного числа ударов». Это было допустимо только с разрешения вышестоящих инстанций, которые и определяли число ударов допрашиваемому. Смерть допрашиваемого от побоев при условии, что «установленные нормы битья толстыми палками не были нарушены», не влекла за собой никакой меры наказания для следователя (ст. 576). По серьезным преступлениям, «если [обвиняемый] и после применения мер принуждения не поможет [следствию] и официальный документ по его делу не будет составлен, то тогда следует надеть [на него] кангу и снова подвергнуть допросу» (ст. 566). Существовал на практике и допрос под пыткой, хотя применение пыток лишь косвенно упоминается в кодексе. Так, закон полагал, что обвиняемого «не стоит подвергать пыткам, если он проявил себя в гражданских и военных делах, способен давать ценные советы, обладает свойством быть одинаково искренним и с высшими, и с низшими» (ст. 903). Закон наказывал следователя в тех случаях, когда он, допросив обвиняемого с применением битья палками и не добившись признания, подвешивал обвиняемого на дереве и пытал его (ст. 575). Битье палками тоже было видом пытки. Очевидно, в вышеупомянутых случаях закон предусматривал применение каких-то иных, более специальных мер физического принуждения.

Следователь не имел права злоупотреблять мерами принуждения, но не всегда строго наказывался за нарушения закона. Если следователь после тонких палок самовольно приказывал бить преступника толстыми палками, и даже сверх всякой нормы, то он рисковал только, если имел ранг, штрафом одной лошадью, а если не имел ранга, то 13 палками. Если следователь действовал пристрастно, по чьему-то наущению, за взятку и приказал нанести обвиняемому число ударов толстой палкой большее, чем положено по закону, то он получал до года каторжных работ (ст. 575). Если обвиняемый умирал от побоев, следователь мог получить 2 года каторжных работ, но при условии, если будет признано, что обвиняемый умер точно от побоев. «Если следы от побоев толстыми палками свидетельствуют, что [побои] не были губительными и [подследственный] умрет по другой причине, [например] от болезни, то [такие] телесные повреждения, причиненные битьем толстыми палками, не следует считать смертельными и, даже если [установленное число ударов] было значительно превзойдено, [виновному] выносится тот же приговор, как и в том случае, когда [подследственный] не умер [от причиненных ему побоев]». Лишь тогда, когда обвиняемый во всем сознался сам, а следователь, преследуя свои особые цели, забил его до смерти, он отвечал за свои действия

как за умышленное убийство. Убийство обвиняемого за взятку каралось как простое убийство (ст. 576). Пытка обвиняемого, не приведшая к смерти, наказывалась на одну степень суровее, чем незаконное битье подследственного толстыми палками, не приведшее к его смерти (ст. 575). Таким образом, человек, попавший под следствие, имел немало шансов погибнуть или оказаться искалеченным.

Материалы следствия оформляли должностные лица, знакомые с правом. «В каждом управлении должны быть назначены те, кто наводят справки в кодексе,— два делопроизводителя и пять приказных, всего семь человек. Они обязаны подбирать статьи законов для рассматриваемых [дел]» (ст. 563). В «Новых законах» упомянуты чиновники-юристы: в управлениях — «хранители законов при управлениях», в аппарате префектов («цыши») — «чиновники-хранители закона в местном гвоне» [18]. В танском Китае в местной администрации это были службы «фацао» и «сыфа», в задачу которых входил «инструктаж по уголовным делам и по применению закона» [19]. Только при династии Тан в Китае на государственных экзаменах давали ученую степень «мин фа» — «понимающий закон» [20]. В сунском Китае основными специалистами по праву были чиновники, именовавшиеся «сюаньли» [21].

Документ, который оформлял материалы следствия, выглядел так: «Те, кто вел следствие, должны составить доклад о результатах расследования, установить характер преступления и указать статью для определения меры наказания. После [записи с указанием] статьи на листе белой бумаги необходимо оставить хунтоу (пробел в верхней части листа)» (ст. 563).

Приговор выносил руководитель учреждения, будь то начальник управления или глава местной администрации. Формально вынесение приговора, а следовательно, акт суда состоял в том, что вышеописанный документ «проверяется начальником управления, который выносит свое решение, основываясь на результатах расследования и на подобранном для вынесения наказания законе. Соответствующий закон о наказании, установленный по кодексу, записывается киноварью на хунтоу [— пробеле, оставленном] на листе белой бумаги. Делопроизводители и приказные, которые расследовали дело и подбирали на основании закона [меру наказания], оформляют официальный документ, сопоставляя [при этом все данные], и передают [его] должностному лицу. [Должностное лицо], проверив документы, обязано дейст-

[18] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 64, 66.

[19] *Rotours R. des.* Les grands fonctionnaires des provinces en Chine sous la dynastie des T'ang.— T'oung Pao. 1928, vol. 25, № 5, c. 242.

[20] The T'ang Code. Vol. 1. General Principles. Transl. with an Introduction by W. Johnson. Princeton, 1979, c. 5.

[21] *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико, с. 139.

вовать в соответствии с вынесенным приговором» (ст. 563).

Если начальник управления оказывался неграмотным, а «передающего приказы» не было на месте, приговор полностью мог вынести столоначальник [22].

Со времени династии Тан в применении закона в дальневосточном праве действовал принцип «бу шо цзи чжун». Суть его состояла в том, что, если между законом, действовавшим во время совершения преступления, и новым законом, действующим во время вынесения приговора, есть различия в мерах наказания, то к преступнику применяется тот закон, который предусматривает более легкую меру наказания.

В тех случаях, когда в кодексе не было статьи, прямо относящейся к данному преступлению, в силу вступал принцип аналогии, о котором мы немного говорили ранее. В тексте кодекса много отсылок к другим статьям, прямых и косвенных, которые могли служить основанием для вынесения решения. Принцип аналогии был известен и кодексу династии Тан. По определению Чжаньчэнь Фумэй, принцип аналогии «в обычном понимании означает применение каких-либо мер наказания, предусмотренных действующими уголовными законами, к наиболее схожему проступку, за который не предусмотрено никаких прямых мер наказания, с тем чтобы обвинить и вынести приговор лицу, совершившему такой проступок» [23]. В разъяснениях к кодексу Цин «Цин люй цзи чжу» сказано: «Если еще иногда говорится: „наказание также подобно тому..“, то это значит, что речь идет о наказании, указанном в предыдущих параграфах; хотя между характером того и другого преступления имеются различия, но между ними нет разницы в тяжести совершенного» [24].

Принцип аналогии делал дальневосточные кодексы емкими. Известный китайский юрист Шэнь Цзябэнь (1840—1913) писал в 1864 г.: «Никогда в моей жизни я не сталкивался с серьезным преступлением, которое не было бы предусмотрено кодексом. И это потому, что текст кодекса разрабатывался в течение длительного периода, больше чем в тысячу и несколько сот лет... Следовательно, перемены в кодексах у сменявших друг друга династий лежат прежде всего в различиях мер наказания» [25]. Он был во многом прав.

Как поступать в тех случаях, если дело не могло быть решено даже по принципу аналогии, определено в статье 1437 тангутского кодекса: «Если в числе приговоров, вынесенных по разным делам любым управлением, окажутся случаи, не подпадающие под предусмотренные законом, и по [этим делам, для решения

[22] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 58.

[23] *Fu-Mei Changchen.* An Analogy in Ch'ing Law.— Harvard Journal of the Asian Studies. 1970, vol. 30, c. 212; The T'ang Code. Vol. 1, c. 37—38.

[24] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь. Тайбэй, 1964, с. 475.

[25] Цит. по: *Fu-Mei Changchen.* An Analogy in Ch'ing Law, c. 217.

которых кодекс] оказывается недостаточным, были высказаны особые мнения [о возможных способах их решения], то такие особые мнения обязательно должны быть приняты во внимание и переданы в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, где [они] и утверждаются. Уполномоченные решать дела (паньбу) [такие случаи] записывают и берут на учет. Там же, где [такие] особые мнения были отвергнуты и не были переданы в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или же должностные лица Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами не придали [рассмотрению таких мнений] должного значения, то [виновные] получают наказание как за промедление с оформлением документации». Таким образом, власти собирали особые мнения судей; они были прецедентами и, будучи утвержденными высшими инстанциями, могли служить образцом для решения подобных дел. Опыт таких особых мнений обобщался в указах. «Новые законы» прямо рекомендуют в случае, если в законе нет подходящей статьи или параграфа, «поступать в соответствии с каким-либо обнародованным государевым указом». Если и в указах ничего подходящего не оказывалось, то дело следовало доложить в вышестоящие инстанции и поступали в соответствии с полученными указаниями [26].

Местные управления на уровне уезда, округа, области, армии, города не решали самостоятельно ряда важных дел и не имели права выносить по ним приговоры. Это касалось и военно-полицейских управлений. Во всех случаях, когда обвиняемому грозили смертная казнь или пожизненные каторжные работы без права возвращения в свой гвон, а также в случае несогласия осужденного с приговором дела поступали на рассмотрение в военный комиссариат (ст. 550). Следующей инстанцией, которая принимала рассмотрение обжалуемых или нерешенных (неутвержденных) дел, были высшие правительственные органы — Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами и Главное управление военных дел. Например, управление Белых гор, не подчиненное военному комиссариату, могло выносить приговоры с мерами наказания от битья палками до 6 лет каторжных работ. «[О преступлениях], наказуемых смертной казнью или пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой гвон, связанных с лишением рангов, должностей, отстранением от службы в армии, следует докладывать в вышестоящие инстанции — Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или Главное управление военных дел в зависимости от того, на гражданской или военной службе [находился обвиняемый], и только когда будет получен ответ, надлежит выносить приговор» (ст. 551). По «Новым зако-

[26] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 56–57.

нам» все дела, по которым обвиняемым угрожали смертная казнь, пожизненные каторжные работы и лишение рангов, должны были докладываться государю [27]. Вместе с тем район Белых гор как район отдаленный получил право на месте, без доклада в вышестоящие инстанции, наказывать пожизненными каторжными работами [28].

Обычными судебными инстанциями снизу вверх были: местные управления — префекты («цыши») — военно-полицейские управления — военные комиссариаты («цзинлюе») — Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами и Главное управление военных дел — лично император. «Для того чтобы вынести приговор по любому делу в любом управлении [нашего] государства, независимо от того, касается это или нет преступления, наказуемого смертной казнью, каторжными работами, снятием с должности, лишением рангов, штрафом лошадьми, дело должно быть расследовано в самом управлении. Поскольку [решение управления] может быть опротестовано, то [оно] должно быть просмотрено префектом (цыши). Если [решение управления] будет опротестовано, то следует поступать так, как полагается в таких случаях. Если [протеста] нет, то должен быть составлен итоговый документ и военно-полицейское управление или префект (цыши) пограничного и внутреннего района страны обязаны своевременно доложить дело местному военному комиссариату (цзинлюе). Военный комиссариат также должен просмотреть документ на случай возможного заявления протеста. Если протеста не будет, то дело должно быть закончено в соответствии с тем итоговым документом, который был направлен в вышестоящие инстанции. [Дела], по которым сами [управления] не могут выносить приговор, и [дела] управлений всех классов пограничных либо внутренних районов, не подчиняющихся военным комиссариатам (цзинлюе), следует доложить Главному императорскому секретариату по управлению гражданскими делами или Главному управлению военных дел в зависимости от принадлежности управления к гражданскому или военному ведомству. Когда [такое дело] поступит, то в материалах расследования, проведенного подчиненным [учреждением], необходимо еще раз тщательно проверить соответствие [вынесенного] решения закону. Если [решение управления] будет опротестовано, то дело должно быть расследовано особо. Если протеста заявлено не будет, то документы на дело оформляются уполномоченным решать дела (паньбу). При докладе в вышестоящую инстанцию по всем пунктам следует дать соответствующие пояснения» (ст. 565). Последнее касалось доклада дела лично императору. Таким образом, военному комиссариату, а также Глав-

---

[27] Там же, с. 53.
[28] Там же, с. 55.

ному императорскому секретариату по управлению гражданскими делами и Главному управлению военных дел принадлежало как право вынесения окончательных приговоров по наиболее строго наказуемым преступлениям, так и право контроля нижестоящих инстанций — управлений, цыши, военно-полицейских управлений. Эти же инстанции вплоть до государя включительно были теми органами, которые принимали протесты и апелляции. «Новые законы» прямо требовали, чтобы все управления при необходимости вынести приговор о пожизненных каторжных работах (т. е. на срок 8 лет и более) пересылали дело в один из Главных секретариатов и поступали в соответствии с полученными указаниями[29]. Остается неясной роль управления (или управлений) юстиции («шэньсинсы») упоминавшегося в китайских источниках, кодексе и словаре «Жемчужина в руке». Возможно, это был тот рабочий орган при Главных секретариатах, который непосредственно ведал делами правосудия и надзором за его осуществлением. В кодексе функции управления юстиции нигде не раскрываются.

Система судебных инстанций Си Ся не совпадала с современной ей китайской, сунской, что объясняется масштабами страны и известным своеобразием административной организации Си Ся.

Несогласие с вынесенным приговором, апелляция могли быть выражены или поданы как самим осужденным, так и его родственниками. Для осужденного несогласие с приговором выражалось формулой: «Я не признаю себя виновным!» (ст. 550) или «Было допущено нарушение закона, и я протестую!» (ст. 552). Слова обвиняемого обязательно должны были быть приняты во внимание. Пренебрежение к протесту со стороны должностных лиц, если оно не было лицеприятно и не сопровождалось взяткой, наказывалось каторжными работами на срок от 6 месяцев до 1 года (ст. 553).

Заявление обвиняемого о несогласии с приговором вело к тому, что вынесение окончательного приговора запрещалось и следствие должно было быть произведено повторно. Обвиняемый мог просить подать апелляцию близкого родственника, сына или брата. Но родственники не имели права подавать апелляцию по своей собственной инициативе. Такие жалобы не принимались (ст. 594). Жалобы на неправый суд подавались в столице в цензорат («юйшитай») или в управление хранения докладов и донесений («гуйсясы»). Если жалоба подавалась на должностное лицо управления, то ее следовало подавать начальнику данного управления (ст. 595).

Следствием жалобы могли быть смена следователей или даже всего персонала управления или передача дела в другое управление (ст. 596). Если жалоба подавалась на управление хранения

---

[29] Там же, с. 59.

докладов и донесений, то ее следовало адресовать в Главный секретариат. Оповестить о желании подать жалобу можно было так, как это было принято в Китае: ударами в барабан, стоящий на улице подле присутственного места (ст. 597).

Заявление, например, вора, что он не крал какое-либо имущество, вело к повторному, контрольному пересмотру дела (ст. 154). Дела для пересмотра подавались в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами в десятидневный срок (ст. 592).

Дальневосточное право уделяло немалое внимание следственным или судебным ошибкам и злоупотреблениям — «жу цзуй», «незаконное увеличение степени виновности и меры наказания», и «чу цзуй», «незаконное уменьшение степени виновности и меры наказания». По общему правилу и ошибка, и злоупотребление властью наказывались по принципу «фань цзо», «воздаяния той же мерой наказания». В случае ошибки этот принцип использовался в смягченной форме, в случае злоупотребления — в отягченной. «Если не было ни взятки, ни пристрастного отношения, ни умысла и ошибка при рассмотрении и обдумывании [дела] была допущена нечаянно, то, если при вынесении приговора мера наказания была завышена на одну степень, [судье] определяется наказание на две степени меньшее, чем подсудимому. Если [мера наказания] была занижена, то судье определяется наказание на три степени меньшее, чем подсудимому. Если же приговор еще не был приведен в исполнение (?), то самому [судье] наказание должно быть уменьшено еще на одну степень» (ст. 552; см. также ст. 563, 603, 721). Вместе с тем, «если допрос проведен в полной мере, допрошены все свидетели и [их] показания совпадают, арестованный признался в преступлении и заявил: „Я согласен [с предъявленным мне обвинением]!“ — и данные им показания были точными, но [должностное лицо] вынесло неправильный приговор, то [с виновного], имеющего ранг,— штраф 1 лошадь, простому человеку—13 палок» (ст. 603). Осужденный по ошибке в качестве компенсации после освобождения мог быть избавлен от трудовой повинности в соответствии с количеством дней, отработанных им безвинно на каторге. Так, в Китае год каторги давал освобождение от трудовой повинности на 2 года (100 дней отработок) [30]. Соответственно, если имела место взятка, наказание судьям было более строгим. «Если подсудимый, которому угрожает наказание смертной казнью или пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой гвон, заявит: „Было допущено нарушение закона и я протестую!“ — и [его] претензии по поводу нарушений закона, совершенных старшим или младшим должностным лицом, которое вело следствие, спра-

[30] *Kim Hyung Il.* A Study of Fundamental Legal Concepts in Traditional Chinese Thought. [Б. м.], 1966, с. 204—205.

ведливы — [например], посторонний человек подговаривал судью вынести более суровое наказание и обещал взятку за лишение [подсудимого] жизни, а судья послушался, взял взятку и, действуя пристрастно, добился у [подсудимого] признания и не слушал тех людей, которые говорили о нарушении закона,— то и судье, и тому, кто подговаривал судью, выносится одинаковый приговор, в зависимости от того, добились они своего или нет. [Им] определяется то же наказание, что и [осужденному]. [Если была взятка], то добавляется еще и наказание за „взятку с нарушением закона“» (ст. 552). Наказанию подлежали и должностные лица, давшие основание для вынесения неправого приговора. «Если при допросе и расследовании дела должностное лицо, определяя характер преступления или подыскивая статью в кодексе, допустило ошибку, то, если [оно] за взятку или из вражды к [обвиняемому] занизило или завысило [меру наказания], [это должностное лицо] получает наказание, равное тому, насколько он занизил или завысил меру наказания [обвиняемому]. Если взятка была большой, то [виновному] выносится более суровый приговор: с учетом наказания и за „взятку с нарушением закона“» (ст. 563). Статья 600 содержит более подробные правила наказания судей-взяточников. Замена одной меры наказания другой (палок — каторгой, пожизненной каторги — смертью и т. д.) вела к тому, что нарушитель закона «полностью получал то же наказание, которое по его вине получил осужденный». В данном случае принцип «фань цзо» применялся буквально, в своем прямом значении. Если же за взятку было допущено завышение меры наказания в пределах данного вида наказания (числа палочных ударов, количества лет каторжных работ и т. п.), то «тот, кто нарушил закон, должен получить наказание, равное произведенному [им] увеличению меры наказания». Уменьшение меры наказания или лишение подсудимого должности, а также нелишение ее, когда это нужно было сделать, каралось «лишением многих рангов». Уменьшение за взятку тяжелого наказания вело к тому, что судья получал «меру наказания, равную тому, насколько [он] уменьшил наказание преступнику». Незаконное клеймение преступника имело следствием для судьи увеличение меры наказания на одну степень (ст. 600). Если должностные лица получили взятку, но не успели нарушить закона, наказание им уменьшалось на одну степень (ст. 601). Аналогичным образом наказывалось нарушение закона за обещанную, но реально еще не полученную судьей или следователем взятку (ст. 611).

Судья, не бравший взятку, но действовавший пристрастно и подведший подсудимого под смертную казнь, наказывался как за умышленное убийство (ст. 552). Должностные лица, имевшие отношение к судьбе заключенных и в корыстных целях распорядившиеся увеличить или уменьшить им меру наказания, «в том случае, когда [преступнику] уже вынесен приговор, получают то

же наказание, которое было определено преступнику по их указанию» (ст. 583).

В свою очередь, если обвиняемый оказывал сопротивление и во время следствия, затеяв драку, убил следователя, то он подлежал смертной казни и только в том случае, когда он имел ранг значительно более высокий, чем был у убитого им следователя, наказывался пожизненными каторжными работами с лишением всех рангов и должностей (ст. 34, 35). По «Новым законам» преступник, в частности вор, оговоривший невинного человека, получал увеличение наказания на одну-две степени, причем увеличение меры наказания могло включать и смертную казнь [31].

Кодекс предусматривает ряд особых случаев при вынесении подсудимому приговора. Одним из таких случаев был взаимозачет заслуг и наказаний. Заслугой могло стать участие подсудимого в поимке беглых, донос о тяжком преступлении и т. п. Зачет производился только в том случае, если подсудимый сам не совершил тяжкого преступления. Если он был обвинен в одном из «десяти зол», бегстве с поля боя, нарушении воинской дисциплины и т. п., взаимозачет заслуг и меры наказания производить запрещалось. Тот, кто совершил менее тяжкое преступление, мог избежать смертной казни или даже вообще освободиться от наказания, если он поймал от одного до пяти беглецов. В статье 921 указана шкала взаимозачета заслуг и мер наказания. Зачет заслуг за поимку беглых производился лишь в тех случаях, если потенциальный обвиняемый был сам беглым и вернул или поймал беглых еще до своего ареста, а также в том случае, если он был осужден на каторгу и там поймал беглых. Если же преступник, будучи под арестом, выразил желание поймать беглеца, то, даже если он «примет участие [в поимке], это не может засчитываться ему в качестве заслуги и приговор [таковому]выносится [по закону]» (ст. 922).

При наличии двух преступлений, совершенных одним лицом, преступника наказывали за одно из них (принцип поглощения), всегда за то, которое являлось более тяжким и за которое полагалась более суровая мера наказания (ст. 1434). При недостатке улик и отсутствии ясности, как решить дело, кодекс рекомендовал: «В тех случаях, когда рассматривается дело о преступлении, за которое полагается тяжкое наказание, в основу приговора должна быть положена самая мягкая [из возможных мер наказания]. Если [рассматривается дело], за которое положены легкие меры наказния, то в основу [приговора] должна быть положена самая суровая [из возможных мер наказания]» (ст. 1440) [32].

---

[31] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 41—42.

[32] Об этом принципе китайского права, именовавшемся «цзюй чжун и мин цзин», см.: The T'ang Code. Vol. 1, с. 254—256.

Необходимо указать, что исследуемый кодекс практически не содержит сведений о том, как осуществлялись судебные тяжбы между иностранцами на территории Си Ся, между иностранцами и гражданами Си Ся. Лишь «Новые законы» содержат сведения о том, как следовало поступать с покорившимися тангутам людьми. Если между этими чужеземцами, покорившимися тангутам, возникала тяжба, то в случае дел, связанных с воровством, или любых прочих дел, наказуемых 6 годами каторжных работ, заявление подавалось надзирающим за этими чужеземцами и выделенные им люди выносили виновным приговор, очевидно, на основании действующего тангутского законодательства. Если же обвиняемому угрожали смертная казнь или пожизненные каторжные работы, то дело докладывалось надзирающему и решалось по особому распоряжению. В случае тяжбы иноземцев с другими людьми, под которыми следует подозревать граждан Си Ся, дело докладывалось цыши (префектам) или чиновникам управления [33].

По китайскому праву, если иноземцы из одной страны совершили преступление друг против друга на территории Китая, то тяжба между ними рассматривалась по законам и обычаям их страны. Если же иноземцы были из разных стран, то тяжба между ними разбиралась на основании действующего китайского законодательства. Точно так же по китайским законам судили тогда, когда ответчик и истец были китаец и иноземец или наоборот.

И последнее. «Измененный и заново утвержденный кодекс» не содержит также никаких сведений об амнистиях. Амнистии в Си Ся, естественно, были, они упоминаются в «Новых законах», где сказано, «что воры могли быть освобождены от наказания по императорской амнистии» [34]. Император Жэньсяо объявил амнистию руководителям повстанцев после землетрясения и голода 1143 г., вызвавших массовые восстания в Си Ся [35]. Таким образом, в Си Ся, как и в любом государстве, амнистии практиковались. Остается только предположить, что осуществлялись они по китайскому образцу [36].

Содержание любой амнистии определялось каждый раз конкретной обстановкой в стране или в данном ее регионе.

[33] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 63.

[34] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 58.

[35] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 239.

[36] *McKnight B. E.* The Quality of Mercy. Amnesties and Traditional Chinese Justice. Honolulu, 1981.

VI. УГОЛОВНОЕ ПРАВО

1. Преступления против личности

Преступления против личности обычно подразделяются на преступления против жизни, здоровья, личной свободы, половой неприкосновенности и достоинства личности[1]. Английское уголовное право понимает преступление против личности как преступление против «живого тела человеческого существа»[2].

а) Убийство

Убийство — лишение жизни одним человеком другого, виновное и противозаконное, умышленное или неосторожное причинение смерти другому человеку. «С объективной стороны убийство является так называемым материальным преступлением. Это значит, что для состава оконченного преступления недостаточно совершения тех или иных действий — необходимо еще наступление определенного результата — лишение жизни человека»[3]. Убийство является наиболее тяжким преступлением против личности. По тангутскому праву наказание за убийство было обязательным, «принимая во внимание, что потерянную жизнь... невозможно ни компенсировать, ни восстановить» (ст. 137).

В тангутском кодексе убийства делились на четыре большие группы: 1) убийство младшими родственниками старших, 2) убийство старшими родственниками младших (включая убийство хозяином пхинга или нини), 3) умышленное убийство (включая убийство пхинга или нини своего хозяина), убийство большого числа людей одновременно и убийство, совершенное особо жестоким способом, 4) различные виды неумышленного убийства.

Убийство младшим родственником старшего и женой мужа рассматривалось как нарушение основ господствующей морали, и поэтому такие преступления были отнесены к категории «десяти зол» и наказывались особо сурово. Не только совершение убийства, но и сама попытка покушения на него имели следствием казнь преступника (или преступников, без установления главаря и пособников) и привлечение семьи преступника (жена, дети) к ответственности, «ссылке и переводу их в число пастухов и земледельцев», что означало уголовное рабство. Даже умысла совершить такое преступление было достаточно для осуждения потенциального преступника на смертную казнь. Лишь только в случае умысла покушения на старших родственников отдаленной степени родства замысливший такое пре-

---

[1] *Пионтковский А. А.* Преступления против личности. М., 1938, с. 7.
[2] *Кенни К.* Основы уголовного права. М., 1949, с. 110.
[3] *Пионтковский А. А.* Преступления против личности, с. 10.

ступление наказывался пожизненными каторжными работами (ст. 13—15). В случае убийства женой мужа или пхинга и нини своего хозяина дети и семья преступника наказанию не подлежали (ст. 17). Это было понятно, так как семьей жены была как раз семья жертвы, ее мужа, а в случае с пхинга или нини хозяин или его наследники были не заинтересованы в уничтожении своей собственности.

Убийство старшего родственника в драке наказывалось обезглавливанием (ст. 466).

Совсем иначе наказывалось убийство старшим родственником младшего: «Если родные дед, бабка, отец или мать совершат умышленное убийство своего ребенка или внука, то [виновным] за одного убитого — 8 лет, за двух убитых и более — 10 лет каторжных работ» (ст. 461). Меры наказания были еще более легкими, если причиной убийства был донос на родителей, деда с бабкой или мужа и «родители или муж не стерпели этого разоблачения, умышленно убили [доносчиков]». В этом случае убийца получал за одного убитого 6 лет, за двух и более — 8 лет каторжных работ. «Если дети или невестка, не желая, чтобы их родители, свекор или свекровь совершили злодеяние, и стремясь предотвратить преступление, увещевали [их], а после того, как [те их] не послушали, сказали [о готовящемся преступлении] посторонним людям, прося: „Увещевайте!“, и если независимо от того, донесли эти посторонние люди или нет, [родители, свекор или свекровь] за то, что [о них] говорили дурно, умышленно убили [своих детей или невестку], то [виновным] за одного убитого — 10 лет, за двух и более — 12 лет каторжных работ» (ст. 462).

Убийство старшим родственником младшего родственника более отдаленной степени родства в конечном счете рассматривалось как умышленное убийство чужого человека (ст. 16, 464, 465). Например, если дядя убивал своих племянников (детей братьев), то он независимо от его ранга подлежал удавлению (ст. 461).

Хозяин, убивший умышленно своего пхинга или свою нини в случае разглашения последними какого-то его преступного деяния, наказывался как отец за убийство своих детей: за одного убитого получал 8 лет, за двух и более — 10 лет каторжных работ. Лишь в случае совершения хозяином особо тяжких, как правило государственных, преступлений, о которых пхинга или нини имели право доносить, хозяин, убивший пхинга или нини, нес ответственность как за умышленное убийство (ст. 463). Убийство мачехой неродного сына приравнивалось к убийству постороннего, не состоящего с убийцей в родстве человека (ст. 468). Данную правовую норму, появившуюся в китайском праве во времена династии Сун, Миядзаки Итисада считает одним из признаков отхода от китайских представлений о ценности человека

только в системе поколений и каких-либо родственных групп, началом принятия во внимание личных чувств и связывает введение этой нормы с появлением начал индивидуализма в Китае[4].

Умышленное убийство одним человеком другого (лицами, не состоящими в отношениях родства или в отношениях хозяина и принадлежащего ему человека) по тангутскому праву приравнивалось к категории «десяти зол». «Законы о наказании за умышленное убийство. [1.] Если простой человек убьет себе подобного, то за убийство одного или двух человек зачинщик и тот, кто убил, подлежат смертной казни путем обезглавливания; тем, кто питал вражду [к убитым] и помогал [убийце] силою,— каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги, а что касается [других] пособников, то им 12 лет каторжных работ. Если же убито три человека, то зачинщик и тот, кто убил, подлежат смертной казни путем обезглавливания, а их жены и живущие с ними одной семьей дети [также] подлежат наказанию: они переводятся в пастухи и земледельцы. [Лица], питавшие вражду [к убитым] и помогавшие [убийце] силою, подлежат смертной казни путем обезглавливания, а [другие] пособники наказываются каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги» (ст. 20). Убийство простым человеком себе подобного— своеобразная точка отсчета, от которой наказание могло быть или усугублено или уменьшено в зависимости от социального статуса убийцы и убитого. Соответственно закон предусматривал случаи, когда простой человек убивал человека, имеющего ранг, когда лицо, имеющее ранг, убивало простого человека и когда лица, имеющие ранги, убивали один другого.

Максимальная мера наказания применялась к простым людям, убившим человека, имеющего ранг «удостоенного вручения». В этом случае «не устанавливают главаря и пособников. Все [виновные] подлежат смертной казни путем обезглавливания, а их жены и живущие с ними одной семьей дети [также] подлежат наказанию: они переводятся в пастухи и земледельцы». В случае умышленного убийства простого человека лицом, имеющим ранг, члены семьи убийцы не подлежали наказанию и не переводились в пастухи и земледельцы. Чиновники, имевшие ранги от «удостоенных государевой печати» до «противостоящих злу», за умышленное убийство одного-двух простых людей уже не подлежали смертной казни (но за убийство трех человек и более карались удавлением). Чиновники, имевшие ранги «удостоенных вручения», за умышленное убийство одного-трех простых людей и более наказывались лишь каторжными работами. Соответственно и в случае умышленного убийства лицом, имеющим ранг, дру-

[4] *Миядзаки Итисада.* Со-Эн дзидай-но хосэй-то сайбан кико.— Тоху гаку. 1964, № 24, с. 117—119.

гого лица, имеющего ранг, мера наказания зависела от величины ранга того и другого лица (ст. 20).

К категории «десяти зол», как уже упоминалось, относилось убийство в одной семье одновременно трех человек и более или убийство одного или двух единственных мужских потомков, а также случаи зверских убийств с истязанием жертвы и убийства с помощью средств черной магии (ст. 19).

К числу умышленных относились убийства, совершенные при ограблении (ст. 95). Умышленным считалось и убийство по сговору одними членами воровской шайки другого (ст. 102). «Умышленным убийством лица из ненависти [к нему]» было убийство человека, ложно обвиненного в намерении совершить побег из тангутского государства (ст. 420), оно влекло за собой не только казнь убийцы, но и наказание его семьи по принципу общесемейной ответственности. Если беглые совершали убийство поимщика, то «зачинщик, главарь и [их] пособники, предпринявшие попытку к бегству, подлежат наказанию. [Их] семьи также привлекаются к ответственности, а скот и имущество конфискуются в установленном порядке; [виновным] же выносится более суровый приговор: [как за попытку к бегству], так и за умышленное убийство». Посторонний человек, помогавший беглецу в убийстве поимщика или убивший поимщика, тоже наказывался как за умышленное убийство (ст. 421). Если грабитель поджег дом ограбленного или кто-то совершил поджог из ненависти к другому лицу и в результате пожара погиб человек, то они считались виновными в совершении умышленного убийства (ст. 457). Если муж, преследуя свои особые цели, забивал палками до смерти кого-либо из людей, сопровождавших похитителя его жены, то он тоже наказывался как за умышленное убийство (ст. 476). Как умышленное убийство наказывалось незаконное вынесение судьей смертного приговора какому-либо человеку за взятку или по наущению третьего лица (ст. 552): «Если должностное лицо, преследуя особые цели, умышленно, не имея на то права, забило до смерти кого-либо, кто признался во всех предъявленных [ему] обвинениях [по делу], по которому имелись свидетели и обстоятельства которого были выяснены полностью, то приговор (виновному) выносится по закону [о наказании] за умышленное убийство» (ст. 576).

Как виновные в совершении умышленного убийства наказывались должностные лица, связанные с содержанием в тюрьме заключенных, если они, имея особые намерения, «действуя недопустимыми методами, несправедливо лишат [заключенного] пищи и отберут у него одежду или же, не имея на то права, будут содержать заключенного в клетке и бить его толстыми палками и тем самым, преследуя свои интересы, погубят заключенного» (ст. 589).

После 1212 г. за донос об умышленном убийстве была установлена высокая награда в 200 связок монет. Деньги взыскивались с преступника [5].

Умышленное убийство (кит. «моу ша»), так же как любые умышленные действия («моу»), означало, что преступник намеревался совершить преступление [6], и всегда включало подготовку [7], разработку плана действий. Допускалось, что умышленное преступление мог совершить один человек [8], т. е. наличие сговора было совсем не обязательно.

Если мы посмотрим на то, что считалось умышленным убийством по тангутскому праву, то увидим, что тангуты понимали данный вид преступного деяния в полном соответствии со средневековым китайским правом, не включая в свой кодекс каких-то общих определений, но делая явный акцент и на числе участников совершения преступления, и на наличии подготовки преступления, составлении его плана, и на масштабе преступления, его результатах (т. е. убийство двух человек и более). Можно отметить, что в трактовке умышленного убийства в средневековом китайском праве и вслед за ним в тангутском есть известное внутреннее противоречие. У преступника не всегда четко предполагалось наличие предварительного умысла, преступной воли, явленной до преступного действия, ибо во внимание принимался и результат действия — убийство одновременно двух-трех человек и более попадало в категорию умышленного убийства прежде всего по результатам преступного действия.

В числе видов неумышленного убийства тангутское право, следуя китайскому, выделяло убийство в драке (кит. «доу ша»), убийство по ошибке (кит. «у ша»), убийство во время игры (кит. «си ша»), убийство в результате промаха (кит. «гоши ша»). К сожалению, глава 14 «Измененного и заново утвержденного кодекса», отведенная дракам, сохранилась очень плохо, вероятно, от частого употребления местными властями Эдзина. Мы не знаем, что тангуты называли дракой, но очень возможно, что они следовали китайскому определению: «Взаимное соперничанье называется борьбой, взаимное нанесение побоев друг другу называется дракой» [9].

Главным в драке китайские средневековые юристы считали отсутствие намерения убить. «У тех, кто дрался, первоначально не было намерения убить» [10]. Этим убийство в драке отличалось от умышленного убийства. Статья 1023 кодекса Си Ся, в которой

---

[5] «Новые законы», гл. XIII, инв. № 4795, с. 13а.

[6] *Tao Lung-sheng.* A Study of the T'ang Criminal Law.— Journal of Social Science. 1968, vol. 18, July, c. 282.

[7] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь. Тайбэй, 1964, с. 122.

[8] Там же, с. 497.

[9] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 21, с. 479.

[10] Там же, с. 482.

речь шла о неумышленном убийстве, не сохранилась. Не сохранились и статья 1037 — «Убийство человека, имевшего более низкий ранг», статья 1038 — «Убийство человека, имевшего более высокий ранг», статья 1047 — «Убийство [человека], занимавшего высокую должность, [человеком], занимающим низкую должность», статья 1057 — «Убийство или ранение в драке того, кто разнимал дерущихся».

Из того, что сохранилось об убийстве в драке, мы знаем, что если младший чиновник затевал драку со старшим по должности и чину и убивал в драке начальника или если арестованный, чье дело расследовалось, затеяв драку со следователем, убивал следователя, то такие преступления относились к категории «десяти зол» и виновный подлежал смертной казни путем обезглавливания. Лишь наличие у преступника высокого ранга влекло за собой лишение его всех рангов и должностей, как гражданских, так и в армии, и наказание его пожизненными каторжными работами (ст. 34). Такие же меры наказания ждали того, кто затевал драку с посланцем императора, как имевшим пайцзу, так и не имевшим пайцзы (ст. 35), а также ученика, убившего посланного от государя учителя (ст. 36). Все это были исключения. Убийство в драке наказывалось, очевидно, степенью-двумя меньше, чем умышленное убийство, и не всегда влекло за собой наказание смертной казнью. К убийству в драке приравнивалось убийство при поимке беглых постороннего человека, небеглого, оказавшего сопротивление поимщикам (ст. 421). Наказание на одну степень меньшее, чем за убийство в драке, полагалось владельцу животного, если он напустил его или натравил на человека и тот погиб от напавшего животного (ст. 473).

Убийство в игре или в драке «дурного человека», «низкого человека» влекло за собой наказание на одну степень меньшее, чем за убийство в драке (ст. 1062). Практически незначительное наказание полагалось за убийство одного из борцов во время борьбы, и то при условии, что борцы боролись не насмерть, а, очевидно, были и такие виды борьбы или решения споров борьбой, когда борьба велась вплоть до гибели одного из борющихся: «Что касается гибели человека во время борьбы, то если [борцы] боролись не насмерть и не имели права поступать неосторожно, то за убийство [виновному] — 3 года каторжных работ. Если посторонний человек подговорил одного из боровшихся или кто-то приказал [боровшимся] бороться насмерть, то тому, кто принудил борца,— 3 года каторжных работ, а борец получает наказание как пособник» (ст. 1063). Вторая половина статьи фактически говорит об умышленном убийстве. Однако гибель борца во время состязания у многих народов была вообще ненаказуема. И в данном случае незначительность меры наказания может быть объяснена одинаковой степенью риска для борющихся сторон.

Совсем незначительное наказание тангутский кодекс предусматривал за убийство по небрежности, ошибке или из-за промаха. «Если какой-либо человек нечаянно убьет [другого] человека, бросив [что-либо] небрежно из-за изгороди или из-за чеголибо подобного, целясь из лука в птицу или дикое животное, сорвавшейся при падении [стрелка] стрелой, стрелой, сорвавшейся при обрыве тетивы лука, срикошетившей стрелой, уронив тяжелую вещь с края опасного места, брошенным и срикошетившим копьем или ножом, то за небрежность с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если за оградой была дорога или место скопления людей и кто-то, как и в ранее указанных случаях, бросив [что-либо], убьет человека, то [виновному] — 1 год каторжных работ» (ст. 1064). К числу случаев убийства по небрежности была отнесена и гибель людей в результате прорыва плотины оросительного канала по вине лица, обслуживавшего данный участок оросительной системы (ст. 1121).

Особые случаи убийства представляли собой убийства беглых. Беглым людям в тангутском кодексе отведено много статей. Побег из одной страны в другую по социальным и политическим мотивам, очевидно, был делом распространенным. Каждое из государств стремилось сохранить людей — источник рабочей силы и налоговых поступлений — и предпринимало для ограничения побегов различные меры. Если человек лишь где-то заявлял о том, что думает сбежать, но практических шагов к побегу не предпринимал, а люди, посланные задержать его, убили его, то зачинщик получал 8 лет, а пособники — 6 лет каторжных работ (ст. 416). Если поимщик, угрожая добровольно сдавшемуся властям беглецу, требовал с него взятку скотом и имуществом и убил его, то виновный подлежал смертной казни (ст. 417). Если на человека поступил донос, что он думает убежать, и к нему послали поимщиков, а вероятный беглец оказал им сопротивление с оружием в руках и погиб в схватке, или утонул, или погиб, упав с обрыва, то за его смерть поимщики наказанию не подлежали (ст. 418 и 422). Если тот человек, которого считали беглецом, в данной ситуации убивал поимщика, которого, в свою очередь, принял за грабителя или беглеца, то зачинщику полагалось 6 лет, а пособникам — 5 лет каторжных работ (ст. 421).

Если муж, у которого похитили жену, в схватке с похитителями убивал кого-либо из них, то с имеющего ранг брался штраф в размере 1 коня, а простому человеку полагалось 13 палок. Если же похититель был вначале схвачен, а уже потом убит, меры наказания резко возрастали: когда похитителя забивали насмерть палками, муж похищенной получал 6 лет каторжных работ, если его убивали с помощью оружия — 12 лет. При этом соответственно за убийство не самого похитителя, а лиц, ему только помогавших, меры наказания были еще суровее — 12 лет каторги или смертная казнь путем удавления (ст. 476). Если похитителя или

кого-либо из сопровождавших его убивал не муж похищенной, а тот, кто помогал ему, то таковые получали меры наказания на две степени меньшие, чем за убийство в драке (ст. 478).

Наконец, тангутский кодекс предусматривал меры наказания за принуждение к самоубийству. Человек, пытавшийся покончить жизнь самоубийством, считался у тангутов нечистым. Он мог быть лишен должности или понижен в должности, ему запрещался доступ в императорский дворец. Попытка к совершению самоубийства наказывалась или 13 ударами палкой, или штрафом в 1 лошадь. Если кто-либо кончал жизнь самоубийством вместе с чужой женой, то наказанию (13 палок или штраф 1 лошадью) подлежали родители женщины, кроме того, они должны были возвратить мужу дочери деньги, полученные ими ранее за свою дочь. Трупы самоубийц бросали на расстоянии 2,5 км друг от друга. «Если кто-либо удавится, перережет себе горло, бросится в огонь или в воду вместе с девушкой, которая еще не выдана замуж, то приговор выносится как за принуждение к смерти посредством удавления, перерезания себе горла, самосожжения или утопления девушки, жившей в семье родителей и помолвленной с другим». Побуждение юношей и девушек к самоубийству каралось, если они погибали, 12 годами каторжных работ, а если нет, то 3 годами каторжных работ (ст. 467). Те, кто помогал им в этом, если они знали о готовящемся самоубийстве, наказывались как пособники, а если не знали, то получали год каторжных работ (ст. 490). Самоубийство молодых людей обычно было вызвано невозможностью вступить в брак по любви и верой в то, что, не будучи в состоянии соединить свои жизни на земле, они смогут это сделать на небе [11].

Наказанию подлежал тюремный надзиратель (штраф 1 лошадь или 13 палок), если он до срока сообщал преступнику его судьбу, а тот из страха перед наказанием покончил с собой (ст. 572). Если какое-либо лицо, уверяя другого человека, что тот преступник, побоями вынуждало его покончить с собой, то оно получало наказание на одну степень меньшее, чем за убийство в драке, а если попытка самоубийства была неудачной, то 3 года каторжных работ. Если человек был действительно преступником, то наказание уменьшалось на одну степень. Если причиной самоубийства было не физическое принуждение (побои), а оговор, то законом предусматривались разные, но более мягкие меры наказания (ст. 573).

В отличие от умышленного убийства, при убийстве в драке намерение убить возникало не заранее, а в процессе самой ссоры или драки (кит. «гу ша»). Это было то, что именуется эвен-

---

[11] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 73—74.

туальным умыслом. Думается, что выделение «гу ша», «вызванное обстоятельствами убийство», было и в тангутском праве, но только соответствующие статьи не сохранились.

б) Причинение ранения

Тангутский кодекс содержит в статье 20 определение того, что считать ранением, причинением ранения. «Когда [рассматривается дело] о причинении умышленного ранения одним лицом другому, то при наличии [преступного умысла], независимо от того, был сговор или сговора не было, была попытка совершить преступление или нет, если следы ранения не появились, [преступные действия] не могут считаться [причинением ранения]. В случае ранения, хотя оно может быть легким или тяжелым, при установлении наказания более важным является то, [кто] причинил [ранение] — низший [по общественному положению человек] или высший. Если же преступное действие уже совершено и [на теле] обозначились его следы, то такое действие может считаться причинением ранения». Итак, ранение — это появление следов на теле пострадавшего (синяк, шрам и т. п.). И при причинении ранения главное даже не его характер (тяжесть), а то, кто и кому ранение причинил. Пожалуй, тангутское определение ранения мало чем отличается от китайского. По китайскому праву «ранение есть появление крови», но под ранение подводилось не только появление крови из ушей, глаз, харканье кровью в результате побоев, но и выдирание волос, перелом конечностей, выбитый зуб и т. п.[12], т. е. тоже любое появление следов побоев на теле пострадавшего.

Собственно, как и убийство, причинение ранения подразделялось на: 1) причинение ранения младшим родственником старшему, включая причинение ранения пхинга или нини хозяину; 2) причинение ранения старшим родственником младшему, включая причинение ранения пхинга и нини их хозяином; 3) умышленное причинение ранения; 4) разные виды неумышленного причинения ранения.

Если дети или внуки причиняли ранение или покушались на причинение ранения родителям, деду, бабке, тетке по матери или если жена ранила мужа, то виновные — и зачинщики и пособники — подлежали смертной казни путем обезглавливания. Если жертва оказывала сопротивление, то зачинщик подлежал смертной казни путем обезглавливания, пособники — удавления (ст. 13). К сожалению, другие статьи, в которых говорилось о причинении детьми, женой и младшими родственниками побоев и ранений родителям, мужу и старшим родственникам, не сохранились. Это статья 1010 — «Ударить палкой поучающих или

---

[12] Тан люй шу и, гл. 21, с. 479–480.

ругающих тебя родителей», статья 1011 — «Бросив из-за изгороди [что-либо] деревянное или железное, попасть [им] в родителей», статья 1015 — «Поднять руку на дядю по отцу», статья 1016 — «Избиение родственников старшей степени родства», статья 1017 — «Поднять руку на свекра или свекровь», а также статьи, связанные с нападением на хозяина: статья 1009 — «Пхинга поднял руку на хозяина», статья 1012 — «Бросив [что-либо] из-за изгороди, попасть в хозяина», статья 1013 — «Драка с родственником хозяина» и др.

Не сохранились, к сожалению, и некоторые статьи о причинении ранений старшими родственниками младшим. Это статья 1019 — «Избиение родственника низшей степени родства», статья 1040 — «Имеющий право на освобождение от наказания избил сына, брата или постороннего человека», статья 1041 — «Не имеющий права на освобождение от наказания избил сына, брата или постороннего человека» и др.

Однако кое-какие статьи о причинении ранения старшим родственником младшим сохранились. Если мачеха причиняла ранение неродному сыну, то мера наказания ей по сравнению с мерой наказания, предусмотренной для случаев причинения ранений чужим человеком чужому человеку, уменьшалась «на две степени, если они жили одной семьей, и на одну степень, если они жили отдельно» (ст. 468). «Если ребенок, жена, невестка, пхинга или нини не явится на зов родителей, мужа или хозяина и те, побив [их за это], нечаянно выбьют [наказываемому] глаз, порвут ухо или повредят нос, покалечат ногу или руку, порвут сухожилия, то [виновный] подлежит наказанию: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если [избитый] умрет, то [виновному] — 6 месяцев каторжных работ. Если родители, муж, хозяин, орудуя ножом или мечом, выбьет [наказываемому за непослушание] глаз, отрежет уши или нос, ранит ногу или руку, перережет сухожилия или же таковыми действиями [наказуемого] убьет, то приговор [виновному] выносится на основании нижеустановленного»: хозяин, сделавший своих пхинга или нини инвалидами, получал 5 лет каторжных работ, в случае причинения особо тяжких увечий — 6—8 лет каторжных работ. Муж или свекор, который «выколет глаз, отрежет ухо, нос, поранит ногу, руку, пальцы жене, детям, невестке», получал 4 года каторжных работ; если «отрежет по суставу ногу или руку, перережет сухожилия», то 5 лет; если «выколет оба глаза, отрежет обе ноги или руки либо перережет на них сухожилия, то 6 лет каторжных работ» (ст. 470). Посторонний человек, сделавший то же самое по приказу старшего родственника или хозяина, наказывался как пособник (ст. 471, 105). Если неродной отец ранил ребенка своей жены, то он получал наказание на четыре степени меньшее, чем за причинение подобного ранения простому постороннему человеку (ст. 469).

Умышленное причинение ранения, как и умышленное убийство, по тангутскому праву было отнесено к категории «десяти зол». Фактически к умышленному причинению ранения следовало бы отнести и факты сознательного причинения увечья жене, детям, невестке и т. п. (перерезание сухожилий, отъем конечностей по суставу, выкалывание глаз и т. д.), но этого не было сделано, ибо закон чтил права родителей, старших родственников и родительскую и мужнину власть. Поэтому преступления родителей, мужа, свекра, свекрови не квалифицировались как умышленные и наказывались более мягкими мерами наказания, чем умышленное причинение ранения одним простым человеком другому, если они не состояли в кровном родстве: «Если преступный умысел возник у простых людей против себе подобных и если ранение еще не причинено, зачинщику — 10 лет, пособникам — 8 лет каторжных работ. Если ранение уже причинено, то зачинщик и тот, кто нанес ранение, подлежат смертной казни путем удавления, пособникам — 10 лет каторжных работ» (ст. 20). Мера наказания увеличивалась, если простой человек ранил человека, имеющего ранг. Для зачинщика в таких случаях была предусмотрена одна мера наказания — смертная казнь путем обезглавливания. Если объектом нападения оказывался человек, имевший ранг «удостоенный вручения» и выше, то помимо казни зачинщика и пособников путем обезглавливания вступал в силу принцип общесемейной ответственности: «жены и живущие с родителями одной семьей дети зачинщика и того, кто нанес ранение, подлежат наказанию и переводятся в пастухи и земледельцы» (ст. 20). Для человека, имеющего низкий ранг, умышленное причинение ранения простому человеку влекло за собой 12 лет каторжных работ, для имеющего высокий ранг — 8 лет каторжных работ, в общем наказание тоже немалое. Умышленное ранение лицом, имеющим низкий ранг, лица, имеющего высокий ранг, тоже чаще всего влекло за собой наказание смертной казнью. Лицо высокого ранга, причинившее ранение лицу, имеющему более низкий ранг, наказывалось 8—10 годами каторжных работ, в зависимости от ранга пострадавшего (ст. 20). Можно с уверенностью сказать, что наказания за умышленное причинение ранения неродственнику, даже независимо от рангов субъекта и объекта преступления, были суровыми и закон в достаточной мере охранял личность от посягательств на нее, ибо во многих случаях умышленное причинение ранения, как и умышленное убийство, каралось смертной казнью и включалось в категорию «десяти зол».

К умышленному причинению ранения были отнесены и те случаи, когда «грабитель или [какое-либо иное лицо], действовавшее умышленно, из ненависти к другому, совершив поджог, ранит» человека (ст. 457) или когда грабитель, совершая ограбление, ранит человека (ст. 95).

Среди статей об неумышленных причинениях ранения следует выделить статьи, касающиеся причинения ранений в драке должностным лицам, а также статьи о причинении ранений в драке вообще и о причинении ранений по небрежности. Большинство статей о причинении ранений должностным лицам в драке и по небрежности не сохранилось. Это статья 1020 — «Поднять руку на полного армейского направляющего», статья 1021 — «Направляющий, поднявший руку на командира строя или командира марша; командир строя, поднявший руку на командира марша», статья 1027 — «Поднять руку на человека, имеющего ранг», статья 1028 — «[Человек] низкого ранга избил [человека], имеющего высокий ранг», статья 1029 — «Поднять руку на [человека], имеющего низкий ранг, или на простого человека, занимающего должность», статья 1030 — «Занимающий низкую должность избил занимающего высокую должность», статья 1031 — «Увеличение мер наказания вплоть до смертной казни [лицам], имеющим низкие или высокие ранги и занимающим низкие или высокие должности, [виновным] в развязывании драки», статья 1032 — «Занимающий высокую должность и имеющий высокий ранг избил занимающего низкую должность и имеющего низкий ранг», статья 1033 — «Драка между лицами, занимающими одинаковую должность», статья 1034 — «Человек, имеющий ранг „удостоенного вручения“ побил [лицо], имеющее более низкий ранг, или простого человека», статья 1036 — «Человек, занимающий должность, избил человека, имеющего ранг до „руководителя сборов“», статья 1046 — «Драка между высшими и низшими монахами», статья 1056 — «Имеющий ранг избил простого человека или пхинга».

Как мы видим, наказания за нанесение телесных повреждений в драке были строго социально детерминированы и предусматривали значительное число возможных ситуаций. В деталях о мерах наказания за подобные преступления мы знаем лишь из небольшого числа сохранившихся статей. Так, лицо, имевшее ранг, всегда могло пользоваться правом уменьшения меры наказания в зависимости от величины своего ранга (ст. 1071). Человек, находящийся в юрисдикции какого-либо управления, которое имело право арестовать его, при аресте его представителями этого управления оказавший сопротивление и причинивший ранение должностному лицу, получал наказание на три степени большее «по сравнению с мерами наказания, предусмотренными законом в тех случаях, когда лица, имеющие ранг, простые люди, которых [данное управление] не имело права арестовать, побьют и ранят [человека], занимающего какую-либо должность [в таком управлении]» (ст. 1072). Надо думать, что драки с должностными лицами наказывались довольно сурово. Так, за драку с государевым посланцем, независимо от того, имел он пайцзу или нет, полагалось 12 лет каторжных работ. «Если [у посланца] будут разбиты

в кровь глаза, уши или же будут отбиты внутренности и [он] станет харкать кровью, то [виновному] — каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги. Если [у посланца] будут вырваны волосы на голове, выбиты зубы, сломаны рука, нога или палец, повреждены губы или нос, то [виновный] подлежит смертной казни путем удавления» (ст. 1067). Так наказывался тот, к кому прибыл посланец. Если это был посторонний человек, не имевший к делу посланца никакого отношения, то наказание ему было меньшим на одну степень (ст. 1067). Если объектом нападения были лица, сопровождавшие посланца, то меры наказания соответственно уменьшались на две степени (ст. 1068), но от этого они не становились незначительными.

К причинению ранения в драке были отнесены те случаи, когда кто-либо в гневе пустит в ход оружие — сам факт угрозы применения оружия наказывался годом каторжных работ. Если оружие было пущено в ход, но вреда не было причинено, то виновный наказывался 3 годами, а если вред был причинен, то в зависимости от характера телесного повреждения и социального статуса пострадавшего наказанием было 6 лет каторжных работ и выше (ст. 472). Наезд конем, натравливание собаки или другого животного на постороннего человека, повлекшие за собой причинение ему ранения, наказывались на одну степень меньше, чем причинение ранения в драке (ст. 473). Причинению ранения во время игры была посвящена несохранившаяся статья 1043. Наконец, в кодексе предусматривались, очевидно, более суровые меры наказания за определенные виды телесных повреждений — вызывание выкидыша у беременной (ст. 1024), повреждение глаза или руки (ст. 1053), лишение зрения (ст. 1026), причинение ранения мужским половым органам (ст. 1048), лишение калеки или слепого всех прочих органов чувств (ст. 1052). После 1212 г. в случае ранения друг друга какими-то людьми, если «заявитель не стал враждовать», то при любых возможных мерах наказания, вплоть до пожизненных каторжных работ, стало допускаться примирение сторон [13].

Совершенно очевидно, что тангутское право знало принцип средневекового китайского права, именовавшийся «бао гу» — установление законом определенного срока, за который причинение телесного повреждения может перерасти в убийство, если данное телесное повреждение явилось причиной смерти. К сожалению, статья 1078, в которой этот принцип упоминается, не сохранилась полностью.

Наконец, за причинение ранения допускалась композиция, выплата пострадавшему имуществом и скотом — парчой, лошадьми, коровами (ст. 1054, 1055).

[13] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 60.

в) Оскорбление, клевета

Тангутское законодательство охраняло личность и от оскорблений. Во всяком случае, были наказуемы брань и угрозы, обращенные к старшим родственникам и лицам, занимающим более высокое общественное положение. Статья 1014 предусматривала какие-то, оставшиеся нам неизвестными меры наказания за угрозы родителям, в статье 1018 речь шла о проверке угроз, допущенных в адрес родственников высшей степени родства, статья 1060 предусматривала меры наказания за оскорбление словом лица, имеющего ранг. К сожалению, данные статьи не сохранились. Вероятно, статей, предусматривавших какие-то меры наказания старшим родственникам, угрожавшим младшим или оскорбившим их словом, и старшим по социальному положению лицам, оскорбившим лиц, стоящих ниже их по социальной иерархии, не было в кодексе. Клевета, наговор по тангутскому праву были связаны с возведением на кого-либо ложных обвинений. Обычно, как мы уже отмечали, клеветник получал то же наказание, которому подверглось оговоренное им лицо (принцип «фань цзо» средневекового китайского права).

г) Половые преступления

По английскому уголовному праву половые преступления считаются «возникшими из похоти»[14]. Обычно половые преступления связаны с наиболее грубым нарушением требований морали в области половой жизни, половой свободы лица, достигшего половой зрелости, или половой неприкосновенности лица, не достигшего половой зрелости[15]. Половые преступления, в особенности изнасилование, рассматривались, как и убийство, в качестве преступлений особого характера, «принимая во внимание,— как сказано в кодексе,— что потерянную жизнь и нарушение семейных устоев невозможно ни компенсировать, ни восстановить» (ст. 137).

Тангутский кодекс предусматривал меры наказания за изнасилование несовершеннолетней. Каралось не только изнасилование, но и покушение на него. «Если какой-либо мужчина совершит насилие над малолетней девочкой в возрасте десяти лет и моложе, то, если [он] только [покушался на нее] и еще не совершил насилия и не причинил [девочке] увечья, [виновному] — 6 лет каторжных работ, если же [виновный] уже изнасиловал девочку и причинил [ей] увечья, то [ему] — 8 лет каторжных работ. Если [пострадавшая] умрет, то [насильник] подлежит смертной казни путем удавления» (ст. 493).

---

[14] *Кенни К.* Основы уголовного права, с. 156.
[15] *Пионтковский А. А.* Преступления против личности, с. 93.

Любопытно, что в тангутском кодексе нет статьи об изнасиловании взрослой женщины как самостоятельного преступного деяния. Исключение составляет упоминание подобных действий со стороны лично несвободного лица — пхинга. Думается, что это имеет определенное объяснение. Девушка была собственностью родителей, а после того как ее продавали замуж — собственностью мужа. Она не располагала, во всяком случае официальной, половой свободой, каким-то правом выбора. Поэтому все внебрачные связи замужней женщины трактовались как прелюбодеяние, даже если она при этом подвергалась принуждению, или же покушение на девушку или женщину трактовалось как похищение ее. Лично несвободный пхинга, покушавшийся на жену или дочь хозяина, с одной стороны, нарушал социальные границы, с другой — поскольку он в какой-то мере рассматривался и как член семьи — выступал как лицо, совершившее половое преступление в кругу семьи: «Если пхинга, насильно сорвав [с женщины] одежды, изнасилует жену хозяина или кого-либо из женщин, живущих с ним в одной семье — тетку по отцу, сестру, дочь, невестку, племянницу, мать, внучку [хозяина],— или кого-либо из женщин, не живущих в этой семье, [но родственниц хозяина], по которой [ему] положено носить годичный траур, то [виновный] подлежит смертной казни путем обезглавливания. Женщина наказанию не подлежит. Если же женщина добровольно вступила в половую связь [с пхинга], то пхинга подлежит смертной казни путем удавления, а женщина должна быть наказана каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги или пожизненными каторжными работами без права возвращения в свой гвон» (ст. 495). Следует обратить внимание на последнюю часть статьи. Тангутский закон всегда подозревал возможность добровольного согласия женщины на связь с насильником, похитителем и т. п.

Изнасилование рассматривалось как частный случай похищения. «Если кто-либо, не имея сговора о побеге с чужой женой, заранее обдумает план действия и насильно увезет женщину без ее согласия и там, изнасиловав, сделает своей женой, то [виновному] — 8 лет каторжных работ. Если женщина могла донести, но не донесла, желая покончить дело миром, то [ей] — 1 год каторжных работ. Если же [она] была не в состоянии донести, то наказанию не подлежит. Сопровождавшим [похитителя] — 3 года каторжных работ» (ст. 474).

Если насилию со стороны грабителей подверглась женщина из семьи владельца имущества, то будь то дело одного человека или нескольких, зачинщик, простой человек, подлежит смертной казни путем удавления, если он имел ранг, то лишался рангов и должности и в зависимости от величины ранга получал от 6 до 12 лет каторжных работ. «Если же имел место сговор [между пострадавшей и грабителями], то тому, кто вступил в половую связь

с женщиной, — 12 лет, а тем, кто с ней в половую связь не вступал, но был пособником в сговоре,— 6 лет каторжных работ» (ст. 101). Строго наказывалось изнасилование женщины при использовании своей власти над ней. Если должностное лицо тюрьмы насиловало арестованную женщину, чужую жену, взятую под арест, то это наказывалось 10 годами каторжных работ. При этом, если это была жена человека, занимающего более высокое общественное положение, чем насильник, наказание увеличивалось до 12 лет каторги. Даже если заключенная была лично несвободной (нини) или проституткой, изнасилование ее в тюрьме каралось 6 годами каторжных работ (ст. 608).

Очевидно, некой усредненной мерой наказания за изнасилование было 8 лет каторжных работ, а если изнасилование было сопутствующим преступлением к другому, то оно наказывалось более строго, нередко смертной казнью.

Кровосмесительные половые связи входили в категорию «десяти зол», и о них уже говорилось выше.

В кодексе довольно много места уделено прелюбодеянию, которое тоже может быть рассмотрено в связи с половыми преступлениями. «Если кого-либо застанут в постели с чужой женой, то [виновному] — 2 года каторжных работ» (ст. 484). Мера наказания могла быть выше — 3, 4, 5 лет, если речь шла о жене человека, имеющего ранг или имеющего более высокий ранг, чем ранг соблазнителя, либо о жене непосредственного начальника соблазнителя. «Что касается наказания женщины, то она получает то же наказание, что и мужчина» (ст. 484). Наказание было меньшим, если речь шла об одинокой женщине (1 год) или девушке, еще не вышедшей замуж (3 месяца). Важно отметить, что любая внебрачная связь считалась преступной, незаконной и наказуемой. Закон подчеркивал то обстоятельство, что разбор дела о прелюбодеянии принимался лишь в том случае, когда любовников «застанут вместе и есть доказательства» (ст. 484). Если муж заставал любовника своей жены на месте преступления, то он мог убить его почти безнаказанно (наказание 13 палок или штраф 1 лошадь) (ст. 485). Точно такое же наказание ожидало главу семьи, если он ночью застигал постороннего мужчину в женских покоях (у матери, невестки, тетки и т. п.) и убивал его (ст. 486). Но и в том и в другом случае, если человек был убит не сразу, не на месте в порыве гнева, а потом, хладнокровно и если он не оказывал сопротивления, то это наказывалось 6 или 12 годами каторги (ст. 485, 486). Если муж калечил любовника жены — отрезал ему нос, уши, выкалывал глаза, отрезал детородный орган, то он мог получить за это до 1 года каторжных работ (ст. 487).

Наказуемо было и сводничество: «Если какой-либо человек пожелает свести друг с другом мужчину и женщину, познакомит их и возьмет с них [за это] какие-то вещи, то это следует рас-

сматривать как „взятку с нарушением закона" и [виновному] выносится более суровый приговор: как за сговор увести чужую жену, так и за „взятку с нарушением закона". Вещи, которые были взяты, должны быть возвращены». Наказывались и пособники сводника (ст. 492).

Во всех случаях женщина также подлежала наказанию. Женщина, находившаяся под арестом и предложившая себя тюремному начальнику, получала 10—12 лет каторжных работ, т. е. ту меру наказания, которую мог бы получить мужчина, если бы он изнасиловал ее. Мужчина в таком случае получал, как жертва соблазна, наказание на одну степень меньшее. Если же должностное лицо тюрьмы или управления, при котором была тюрьма, предлагало арестованной вступить с ним в половую связь и та добровольно шла на это, то мужчина наказывался как насильник, а женщина освобождалась от наказания (ст. 608). Если прелюбодей состоял с данной женщиной в половых отношениях до ее ареста, то они оба наказывались 6 годами каторги (ст. 608). Определенная суровость этих мер наказания объясняется тем, что для должностных лиц тюрьмы или управления это было служебное преступление. Закон хорошо оттенял это мерами наказания, ибо посторонний человек, не должностное лицо, за прелюбодеяние с арестованной наказывался только 3 годами каторги, одновременно ему грозило и наказание за связь с чужой женой (ст. 610).

Наконец, по тангутскому праву был наказуем гомосексуализм. Статья 725 кодекса гласила: «Любому мужчине запрещается желать и использовать себе подобного. Если закон будет нарушен, то зачинщику — 6 лет, пособнику — 5 лет каторжных работ» (ст. 725).

Тангутское право не упоминает скотоложства; очевидно, таковое деяние рассматривалось в уголовно-правовом отношении безразличным.

Мы уже отмечали, что, когда речь шла о совершеннолетней женщине, тангутское право не очень четко отделяло прелюбодеяние от изнасилования. То же самое характерно и для китайского права.

2. Преступления против имущества

Наиболее распространенным видом преступного деяния против имущества другого лица являются кража и грабеж — тайное или открытое похищение чужого имущества с целью обращения его в свою собственность. Предполагается, что объектом похищения должна быть вещь, имеющая стоимость, и что на данное имущество право собственности существовало уже перед совершением акта взятия этого имущества. Имущество, как правило, долж-

но быть движимым: «поскольку похищение может быть совершено только путем унесения вещи, ясно, что существенно, чтобы вещь была движимой» [16]. Тангутские юристы считали хищение имущества преступлением, которое «подрывает основы государства и причиняет ущерб народу» [17].

а) Кража и ограбление (неказенное имущество)

Тангутское право вслед за китайским делило кражи на кражи, совершенные родственниками друг у друга, и кражи, совершенные одним чужим человеком у другого. Кроме того, похищение чужого имущества делилось на тайную кражу и на различные виды ограбления, т. е. похищения имущества открыто или с применением насилия или без применения насилия, при этом насилие могло быть с использованием оружия (разбой) или без использования оружия. Наконец, ограбление могло быть совершено шайкой.

Кража у близкого родственника не была наказуемой, даже если эти родственники фактически не имели общего имущества: «Если кто-либо из родственников, чьи скот и имущество не являются общими, не спросив родственника, за его спиной совершит у него кражу, то за угон скота и присвоение имущества прапрадеда, прадеда, [деда], бабки, родителей или же своих детей, внуков, правнуков и праправнуков [виновные] наказанию не подлежат. Если украденные скот и имущество употреблены, то [они] должны быть компенсированы, а если не употреблены, то к выплате компенсации не прибегают» (ст. 90). В середине XIII в. старшие родственники, самовольно растратившие имущество младших, также платили выкуп-компенсацию, но только не в судебном порядке. По дополнению, внесенному в «Новые законы», если деды или родители «растратили взятое у детей и внуков имущество и не дали откуп за него, то таковой должен быть с них стребован и отдан детям и внукам» [18].

Кражи между родственниками отдаленных степеней родства наказывались менее строго, чем кража имущества одним человеком, неродственником, у другого. Тот, кто обокрал родственника, по которому он должен был носить трех- или пятимесячный траур, получал наказание на две степени меньшее, чем за похищение имущества у чужого человека. Соответственно обокравшему родственника, по которому он должен был носить девятимесячный траур, мера наказания уменьшалась еше на две степени, а обокравшему родственника, по которому он должен был носить годичный траур,— на три степени. Обокравшему родственника, по которому он должен был носить трехгодичный траур, нака-

[16] *Кенни К.* Основы уголовного права, с. 212.
[17] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 8—9.
[18] Там же, с. 12.

зание уменьшалось «на четыре степени по сравнению с мерой наказания, определяемой [родственникам], которым следует носить трехмесячный траур» (ст. 90).

Если кража была совершена у свойственника, то мера наказания уменьшалась только на одну степень (ст. 91).

Причиной ненаказания близких кровных родственников по прямой линии и уменьшение меры наказания за ограбление кровных родственников или даже свойственников были представления об общности имущества, о коллективной собственности кровнородственного объединения на его имущество в прошлом. Нельзя обокрасть самого себя, поэтому один член семьи не мог обокрасть другого, хотя для XII в. и в тангутском обществе это были во многом устаревшие представления. Это была дань традиции, в том числе и правовой [19]. Не считать хищение имущества между родственниками кражей было в обычае и у ряда других народов. В английском праве жена вместе с мужем считалась одним лицом. «Вследствие этого присвоение женой вещей, принадлежащих мужу, не составляло изменение владения и поэтому по общему правилу не являлось похищением» [20].

Общие принципы деления похищения имущества на тайную кражу и различные виды ограбления и разбоя сформулированы в статье 95 кодекса: «Если кто-либо из лиц, совершивших похищение государева или частного скота и имущества, убьет или ранит человека — владельца имущества или того, кто надзирал [за этим имуществом] и стерег [его],— или запугает [такового] и совершит [над ним] насилие, то это следует считать ограблением с применением насилия. [Ниже] следует различать наказания за ограбления двух видов — с использованием и без использования оружия — и наказания за тайную кражу». Тангутский кодекс не давал специального определения тайной кражи, хотя в целом следовал делению, принятому в китайском праве. По кодексу Тан «ограблением называлось то, когда имущество другого было взято посредством применения угроз и насилия» [21], а «тайной кражей имущества людей называлось то, когда оно было взято скрытно» [22]. Понятия квалифицированной кражи (кража со взломом, ночная кража и т. п.) тангутское и китайское право не вводило.

Генеральным принципом тангутского права при наказании за похищение чужого имущества являлось то, что мера наказания прямо зависела как от способа хищения, так и от стоимости похищенного имущества в денежном выражении (ст. 95). Этот принцип также был заимствован из китайского права, хотя в танском праве счет велся не на деньги, а на ткани. Говоря о таком

[19] Тан люй шу и, гл. 12, с. 282.
[20] *Кенни К.* Основы уголовного права, с. 200.
[21] Тан люй шу и, гл. 19, с. 426.
[22] Там же, с. 427.

преступном деянии, как кража, тангутский кодекс четко учитывает то, имеет ли он дело с законченным преступлением или с незаконченным, и выделяет три этапа преступной деятельности: 1) имела место попытка сговора, но сговор не состоялся, 2) сговор состоялся, но чужое имущество еще не попало в руки преступников, 3) имущество уже попало в руки преступников.

Исходные данные для наказания за тайную кражу и за кражу с применением насилия (ограбление) с оружием или без оружия изложены в той же статье 95: «В случае сговора о тайной краже, если сговор еще не состоялся, то зачинщику — 10 палок, пособникам — 8 палок. Если сговор уже состоялся, но [имущество] еще не попало в руки [преступников], то зачинщику — 13 палок, пособникам — 10 палок. Если [имущество] уже попало в руки [преступников], то [за похищение имущества на сумму] в одну связку монет и меньше зачинщику — 3 месяца каторжных работ, а пособникам — 13 палок; свыше одной связки монет до трех связок монет включительно зачинщику — 6 месяцев, пособникам — 3 месяца; свыше трех связок монет до шести связок монет включительно зачинщику — 1 год, пособникам — 6 месяцев каторжных работ...» За 29 связок монет зачинщику полагалось 12 лет, пособникам — 10 лет каторги, а за хищение имущества на сумму в 30 связок монет и более зачинщику — смертная казнь путем удавления, пособникам — 12 лет каторги. Текст статьи хорошо раскрывает основные правила наказания за кражу на различных этапах совершения преступления: попытка сговора (умысел), осуществление сговора (покушение на совершение преступного деяния), осуществление хищения (имущество попало в руки преступников, совершение преступного деяния). При наличии оконченного преступления мера наказания прямо зависела от стоимости краденого в денежном выражении. Предел, за которым следовало наказание смертной казнью, при тайной краже был определен в 30 связок монет.

При совершении и раскрытии ряда краж учет стоимости краденого осуществлялся следующим образом: «Если кто-либо совершил все кражи в одно время и в [одном] гвоне или же совершил несколько краж в разное время и в разных местах, но эти преступления были раскрыты одновременно, то виновному выносится более суровый приговор: за всю сумму украденного — из расчета две связки монет за одну — и за кражу на самую большую сумму. Если была обворована несколько раз подряд одна семья, то приговор выносится на основании общей стоимости [похищенного имущества] в денежном выражении» (ст. 100).

Виновным в краже считался и тот, кто участвовал в сговоре о краже, был в числе лиц, совершивших кражу, но не получил своей доли, и тот, кто не был в числе лиц, совершивших кражу, но увозил и делил краденое (ст. 103). При этом, если некто был инициатором совершения кражи, то он, даже не участвуя в ее

осуществлении, считался зачинщиком. Он мог рассматриваться как пособник только в том случае, если кто-либо другой перехватывал инициативу и назначал иные сроки совершения преступления и вводил иной план его осуществления (ст. 104).

К тайной краже приравнивались продажа солдатами и командирами регулярной армии и вспомогательных войск доспехов и коня, полученных от казны (ст. 321), разница в стоимости между конями при подмене хорошего коня плохим (ст. 323—325), взятка, данная командиру, знавшему о продаже казенного коня (ст. 326), поломка или приведение в негодность закрепленных лично за ними доспехов (ст. 331). Тайной кражей считалось хищение продуктов, предназначенных к столу государя (ст. 1414).

Проблема разграничения тайной кражи и ограбления с применением насилия была важной практически. В статье 107 этот вопрос разбирался на конкретном случае совершения кражи с применением палки, которая могла быть как простым орудием кражи, так и орудием совершения насилия: «Если кто-либо в отсутствии сторожа, используя палку, нарушит упаковку и похитит имущество, то такое преступление не может считаться кражей с использованием оружия и приговор [виновному] выносится по закону о [наказаниях] за тайную кражу. Если же кто-либо в присутствии сторожа, [используя палку], нарушит [упаковку] и похитит [имущество], то приговор [виновному] выносится по закону о наказаниях за ограбление с применением насилия и использованием оружия». Палка, даже если сторожа ею не били, была оружием запугивания его, подавления его воли, и, следовательно, это была уже не кража, а ограбление с применением насилия.

Непременным условием наказания за кражу было возвращение скота, зерна, имущества, людей владельцу, а если краденое имущество было потреблено, продано и т. п., компенсация его. Если вор сам выплатить компенсацию был не в состоянии, а его жена и дочери не могли отработать стоимости похищенного, то это должен был сделать тот, у кого оказалось краденое имущество, тот, кто скупал его и брал в долг, принимал в заклад. Если лицо, спрятавшее или принявшее в залог краденое имущество, знало о его происхождении, то оно получало наказание на одну степень меньшее по сравнению с наказанием того, «кто заставил [их] прятать или принять в залог [краденое]» (ст. 116, 133). Скупщики краденого получали, как правило, наказание меньшее на одну степень, чем пособники совершения кражи: «Если человек, не участвовавший в сговоре о краже и в похищении скота и имущества, знал о разговорах о краже и участвовал в дележе и увозе [краденого] имущества, покупал, брал в долг, укрывал или брал в заклад [краденое имущество], то он должен получить наказание на одну степень меньшее, чем наказание, определенное пособнику совершения данной кражи, с уче-

том того, как эта кража была произведена — с применением или без применения насилия» (ст. 127). Важно отметить, что скупщиками и укрывателями краденого считались те, кто «не участвовал в сговоре о краже». Критерием виновности при сделках с краденым имуществом служило знание о том, краденое оно или нет. Лицо, скажем, купившее или принявшее в заклад имущество, не зная, что оно краденое, наказанию не подлежало (ст. 128). При выплате компенсации, если купивший краденое не знал, что оно краденое, то компенсацию платил вор. Если вор не был известен, а краденое имущество потреблено, то купивший его, не зная, что оно краденое, должен был возместить $^2/_3$ его первоначальной стоимости. Если покупатель платить не мог, то платил посредник при заключении торговой сделки, а если и посредник был несостоятелен, то пострадавший мог получить от казны то, что когда-то уже было отобрано у воров (ст. 128).

С вора взыскивалось и вознаграждение за донос о краже (ст. 133).

Наибольший срок отработки членами семьи вора похищенного им и растраченного имущества был определен в 1000 дней. При этом труд взрослого мужчины, если он должен был отработать 70 связок монет, оценивался в 70 монет в день, подростка и взрослой женщины, если они должны были отработать 50 связок монет,— в 50 монет в день, девочки, если она должна была отработать 30 связок монет,— в 30 монет в день. Больше указанного срока отрабатывать бо́льшую сумму данные лица не могли. «Если же [компенсируемая] сумма чрезмерно велика, а сумма, которую мог [отработать] один человек, уже отработана, то [на отработку оставшейся суммы] может быть послан [родственник виновного] соответствующего возраста, и тот из родственников вора, кто в состоянии откупиться от наказания, может откупиться от него, внеся сумму, оставшуюся для отработки» (ст. 136). Если вор скрывал краденое или личное имущество, уклоняясь от уплаты компенсации, то это рассматривалось как новое преступление — тайная кража на ту сумму, которой недоставало для выплаты компенсации (ст. 142). В «Новых законах» было внесено дополнение, в соответствии с которым к уплате компенсации могли привлекать тех лиц, у которых вор «ел мясо и пил вино», т. е. тратил то, что похитил [23].

Ограблением считалось открытое, наглое совершение хищения с угрозами владельцу или сторожу имущества или с прямым насилием над его личностью, при этом без использования или с использованием оружия. Соответственно за ограбление меры наказания были выше, чем за тайную кражу. «Наказание лиц, совершивших ограбление с применением насилия.

---

[23] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 25--26.

[1.] В случае сговора об ограблении с использованием оружия, если сговор не состоялся, то зачинщику — 3 года, пособникам — 2 года; если сговор состоялся, но имущество еще не попало в руки [преступников], то зачинщику — 4 года, а пособникам — 3 года каторжных работ. Если имущество уже попало в руки [преступников], то за [имущество на сумму] четыре связки монет и меньше зачинщику — 5 лет, пособникам — 4 года... свыше шестнадцати связок до девятнадцати связок девятьсот девяносто девяти монет включительно зачинщику — 12 лет, пособникам — 10 лет каторжных работ. [За похищение с использованием оружия имущества на сумму] от двадцати связок монет и более зачинщик подлежит смертной казни путем удавления, а пособникам — 12 лет каторжных работ.

[2.] В случае сговора об ограблении без использования оружия, если сговор не состоялся, то зачинщику — 2 года, пособникам — 1 год; если сговор состоялся, но имущество еще не попало в руки [преступников], то зачинщику — 3 года, пособникам — 2 года каторжных работ. Если же имущество уже попало в руки преступников, то [за имущество на сумму] четыре связки монет и меньше зачинщику — 4 года, пособникам — 3 года... [За похищение имущества без использования оружия на сумму] от двадцати пяти связок монет и более зачинщик подлежит смертной казни путем удавления, а пособникам — 12 лет каторжных работ» (ст. 95). Как мы отмечали выше, всякое причинение ранения или убийство при ограблении с применением насилия считались умышленными.

Таким образом, за тайную кражу и кражу с применением насилия (ограбление), с оружием и без оружия, не полагалось смертной казни путем обезглавливания. Предельной стоимостью похищенного, достаточной для применения смертной казни путем удавления, являлось: 1) при ограблении с использованием оружия — 20 связок монет; 2) при ограблении с применением насилия, но без использования оружия — 25 связок монет; 3) при тайной краже — 30 связок монет. Во всех случаях пособником вора считался и тот, кто, поймав вора, отпускал его за взятку (ст. 132).

Совершенно иного качества было наказание за разбой, вооруженное ограбление шайкой. Бандой или шайкой считался сговор для совершения ограбления пяти человек и более. «Если пять и более человек сговорятся и все пойдут грабить и похитят скот и имущество, то, независимо от количества [похищенного], это надлежит считать ограблением шайкой. И главарь и пособники, вне зависимости от того, имеют ли [виновные] ранги или они простолюдины, подлежат смертной казни путем обезглавливания, а их жены и живущие с ними одной семьей дети [также] подлежат наказанию: они переводятся в число пастухов и земледельцев» (ст. 117). Таким образом, ограбление шайкой было по мерам

наказания фактически приравнено к преступлениям категории «десяти зол».

Попытка грабежа шайкой (шайка грабителей в полном составе отправилась на грабеж) наказывалась для зачинщика смертной казнью путем удавления, для пособников — 12 годами каторжных работ (ст. 118). При большом числе членов шайки даже тот, кто не вышел на грабеж, а просто получил свою долю награбленного, наказывался как активно действовавший член шайки. Если таковые не получали своей доли награбленного, то все равно наказывались 12 годами каторги (ст. 119). Скупщики краденого у шайки не считались ее членами. Они получали наказание в зависимости от стоимости имущества и того, как данное имущество было добыто, с применением насилия или без применения насилия, а кроме того, их наказывали за недоносительство (ст 120). В конце XII – начале XIII в. «тому, кто знал, что это имущество, похищенное шайкой грабителей, и [тем не менее] участвовал в его дележе, а также продавал его, брал в долг, на сохранение или принимал в заклад, по приговору наказанием являлись пожизненные каторжные работы без права возвращения в свой гвон или 8 лет каторжных работ» [24].

При хищении имущества было четко определено наказание за рецидив. Выделялось два случая: совершение кражи после отбытия наказания за прежнюю кражу и совершение кражи во время отбывания наказания за прошлую кражу. Если вор попадался второй раз, отбыв первое наказание, то его всякий раз судили как за новую кражу. Повторная кража во время отбывания меры наказания за первую кражу вела к увеличению меры наказания. При наказании за первую кражу каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги, если преступник за новую кражу получил месяц каторжных работ и более, то он подлежал смертной казни путем удавления (ст. 122).

Наказания за хищение имущества имели еще одну особенность. Здесь законом было допустимо частное примирение сторон. Если при краже или ограблении не было совершено сопутствующих преступлений (убийство, причинение ранения, изнасилование) и если воры в течение месяца вернут или компенсируют украденое «владельцу и стороны примирятся... то [они] могут быть полностью освобождены от наказания». Кроме того, украденное имущество делилось на пять частей, и если в месячный срок при ограблении шайкой грабители возвращали две пятых, то мера наказания уменьшалась зачинщику на две степени, пособнику – на одну; за возврат четырех пятых зачинщику – на четыре степени, пособнику – на три. При тайной краже достаточно было вернуть одну пятую краденого, чтобы получить умень-

[24] Там же, с. 5.

шение меры наказания на две степени зачинщику и одну степень пособнику. Вернувшим четыре пятых краденого наказание уменьшалось: зачинщику — на пять степеней, а пособнику — на четыре степени (ст. 137). Примирение сторон было недопустимо, если вор был пойман или если о краже поступил донос должностному лицу (ст. 143). Существенным было и то, что, если вор уже заложил, продал краденое или заплатил им долги, то, даже если лица, имевшие дело с краденым — содержатель ломбарда, покупатель, посредник при заключении торговой сделки, заимодавец,— вернут краденое или заплатят за него, это не могло «входить в зачет долей [добровольно возвращенного краденого имущества] и мера наказания вору не уменьшается» (ст. 140). Вор, ложно указавший, что у данного лица есть краденое имущество, получал наказание большее на одну степень (ст. 141).

Оказание сопротивления ворам и поимка их были обязательным для подданных Си Ся делом. «Когда кто-либо из домохозяев защищается [от нападения] воров, то соседи-домохозяева срочно должны оказать ему помощь и защитить [его]. Если же [таковые] промедлят оказать ему помощь и защиту, не побегут, чтобы оповестить [власти и людей о нападении воров], то как в пределах городских стен, так и за их пределами равно лица, состоящие на службе и имеющие должности, но [не оказавшие помощь соседу], подлежат наказанию: начальнику [управления], „передающему приказы“, разъездному инспектору — 1 год, старшему кочевья, эмиссару, пограничному чиновнику, воинским начальникам — направляющему, командиру марша — или лицам, имеющим какую-либо иную должность,— 6 месяцев, а прочим домохозяевам — 3 месяца каторжных работ. Если кто-либо натолкнется на вора и не бросится преследовать его, не побежит оповестить о нем, то [он подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 147). Убийство вора или причинение ему ранения, если он оказывал сопротивление, было ненаказуемым (ст. 145). Поимщики вора получали вознаграждение (ст. 144).

Пострадавший сам мог начать поиск вора по следу, если он обнаружил его следы. Но закон ограничивал самоуправство. Важно было, чтобы краденое имущество было действительно обнаружено, вор пойман и доставлен властям. Подозреваемый должен был позволить произвести в своем доме поиск краденого. Обыск делал не сам пострадавший, а специальные ревизоры, «три знающих и заслуживающих доверия человека». Человек, обнаруживший следы вора и за взятку от вора не донесший о них, считался соучастником дележа краденого (ст. 148—152).

В особую группу могут быть выделены законы, связанные с хищением предметов, являвшихся символами власти или имевших сакральное значение. За похищение государева указа о присвоении ранга полагался 1 год каторжных работ, за похищение

печати, знамени, гонга или барабана — 1 год каторжных работ и наказание в зависимости от стоимости похищенного. Хищение документа у чиновника каралось 3 годами каторжных работ (ст. 110). Должностным лицам храма, его «постоянно живущим» за кражу храмового имущества полагалось наказание как за кражу государева имущества (ст. 98). Позднее к хищению государева имущества было приравнено хищение имущества храмов и сангхи любыми лицами [25]. Если люди, принадлежавшие сангхе, так называемые «постоянно живущие» (кит. «чанчжу»), пхинга или нини крали имущество сангхи, то они после вынесения им приговора не оставлялись для работы в этой сангхе, а отправлялись туда, где производились тяжелые работы [26].

Ограбление императорского храма предков, могил предков государя, как уже указывалось выше, входило в категорию «десяти зол» (ст. 7). Ограбление могил прочих людей наказывалось не менее сурово. Наказуемо было и похищение вещей, приготовленных для погребения (ст. 161, 163). В случае ограбления могилы добровольное признание в содеянном и возвращение похищенного в месячный срок не могло служить основанием для освобождения виновных от наказания (ст. 138).

Тайная кража у чужеземного посла или ограбление чужеземного посла также наказывались на одну степень суровее, чем тайная кража у соотечественника или ограбление его (ст. 99). Поскольку члены семьи вора не могли быть посланы для отработки стоимости украденного у чужеземца в другую страну, то в конце XII — начале XIII в. закон рекомендовал в таких случаях отдавать в залог тангуту членов семьи вора: «доход от такого залога и то, что они заработают, должны пойти в счет того, что передается чужеземцу в качестве уплаты компенсации» [27].

б) Кража казенного имущества

Кража казенного имущества могла быть совершена как лицом посторонним по отношению к этому имуществу, так и тем лицом, которому оно было вверено. В последнем случае это было должностное преступление.

Закон не делал различия в мерах наказания за кражу казенного и неказенного имущества недолжностным лицом. Кража казенного имущества должностным лицом по общему правилу каралась суровее кражи чужого имущества обычным человеком. «Если младшие или старшие должностные лица, не находящиеся во внутренних дворцовых покоях, а служащие вне дворца, там, где они ведают государевым скотом, зерном и имуществом, что-либо из находящегося в их личном ведении государева имущест-

[25] Там же, с. 5—6.
[26] Там же, с. 43—44.
[27] Там же, с. 28.

ва присвоят, продадут, потребят, разделят или похитят и увезут, то мера наказания начальникам [управлений], „передающим приказы“ и старшим должна быть увеличена на две степени по сравнению с мерой наказания, определяемой [по закону за кражу на такую же сумму] постороннему человеку, не должностному лицу, а мера наказания нижестоящим должностным лицам должна быть увеличена на одну степень. При увеличении меры наказания не следует допускать, чтобы наказание достигало смертной казни» (ст. 96). Последняя фраза требует пояснения. Речь в ней идет не о том, что хищение казенного имущества не наказывалось смертной казнью вообще, а о том, что если, например, виновному в хищении казенного имущества полагались пожизненные каторжные работы, а увеличение меры наказания на одну или две степени означало уже смертную казнь, то увеличения меры наказания не производилось. Осужденный получал максимум 13 лет каторги. Но если вор совершил ограбление казны, наказуемое смертной казнью, а его ранг и его должность не избавляли его от казни, то его казнили.

Кража казенного имущества во дворце императора автоматически увеличивала меру наказания еще на одну степень, хотя и здесь действовало то же правило: «увеличивая меру наказания, также не следует допускать, чтобы она достигала наказания смертной казнью» (ст. 97). Должностное лицо склада, расхитившее казенное имущество и донесшее на других расхитителей, награды за донос не получало [28].

Однако должностные лица имели и некоторые «льготы». Какова бы ни была численность должностных лиц, группой похищавших казенное имущество, их не приравнивали к грабительской шайке. Даже в случае организованного хищения группой, состоящей из должностных лиц склада и посторонних лиц, при разборе дела преступников делили на две части — должностных лиц и посторонних людей. Должностные лица по закону не считались членами грабительской шайки, а вот если посторонних было больше пяти человек, то «таковые должны считаться шайкой грабителей» (ст. 121). Это положение подтверждено и в «Новых законах» [29].

Если хищение казенного имущества сопровождалось подделкой документов, то виновные получали более суровое наказание — и за подделку документов, и за обворовывание казны (ст. 719). К краже казенного имущества приравнивалось и невнимательное обращение с ним, что приводило к гибели имущества (ст. 1219).

В целом любая кража или приравненное к ней приведение в негодность казенного имущества должностным лицом справедливо рассматривались законом как должностное преступление с

[28] Там же, с. 43.
[29] Там же, с. 6—7.

соответствующим увеличением мер наказания на одну-три степени по сравнению с наказаниями за хищение имущества неказенного и недолжностным лицом. Посягательство на казенное имущество недолжностных лиц рассматривалось как обычная кража или ограбление. Государство в данном случае не делало разницы между тем, что принадлежало казне и что принадлежало частным лицам.

в) Поджог и затопление

Тангутское право не предусматривало мер наказания за открытое или тайное разрушение чужой недвижимости — дома, сарая и т. п., но карало за поджог и затопление чужой собственности.

Поджог чужого дома, приведший к гибели владельца его или членов его семьи, приравнивался к умышленному убийству. «Если же [у пострадавшего] сгорело имущество, то независимо от [его] количества простой человек, если он зачинщик, подлежит смертной казни путем обезглавливания, пособники наказываются каторжными работами сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги». В случае наличия у преступника рангов наказание ограничивалось 8—12 годами каторги (ст. 457).

Поджог, совершенный человеком, «не питавшим ненависти к другому человеку», но произведенный не по ошибке, если сгорели дом, солома, конопля или хлопок, камыш, сено, сжатый хлеб, наказывался как ограбление с применением насилия и использованием оружия. «Если кто-либо неумышленно устроит пожар в доме [другого] и тем самым неумышленно будет погублен или получит ранения находившийся в доме человек, то [виновному] выносится тот же приговор, что и за убийство или причинение ранения человеку в драке. Если же [кто-либо] неумышленно сожжет [чужое] имущество, то приговор [виновному] выносится по закону о наказаниях за тайную кражу, в зависимости от стоимости погубленного имущества» (ст. 458).

Вводя деление на умышленный поджог («умышленно, из ненависти к другому»), поджог, совершенный человеком, «не питавшим ненависти к другому человеку», но, очевидно, действовавшим сознательно, и поджог, совершенный неумышленно, тангутские юристы копировали китайское деление убийства на умышленное, эвентуальное («гу ша») и убийство в драке. Кроме этих трех групп тангутское право выделяло еще поджог по небрежности, отличая его от остальных: «Если из-за небрежности какого-либо человека возникнет пожар и сгорят скот, имущество, постройки, люди, зерно, растительные волокна для изготовления тканей, принадлежащие другому человеку, то надлежит определить нанесенный ущерб и общую сумму убытков поделить на две

части. Одну часть должен возместить виновник пожара из той части скота и имущества, которая не является [имуществом] его жены, детей, невесток, пхинга и нини. Если же он не в состоянии выплатить компенсацию, то должен быть оштрафован [в пользу] владельца имущества. Виновник пожара получает наказание в соответствии со стоимостью сгоревшего имущества. Если [таковая] ниже пятидесяти связок монет, то [с виновного], имеющего ранг,— штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если [нанесенный ущерб оценивается] от пятидесяти до ста связок монет включительно, то [виновному] — 6 месяцев, а свыше ста связок монет — 1 год каторжных работ». В случае гибели от такого пожара человека или причинения кому-то ранения виновный дополнительно получал наказания за причинение ранения или убийство по небрежности (ст. 459).

В случае любого поджога сгоревшие постройки, скот, имущество подлежали компенсации (ст. 458, 459).

Сознательное, умышленное, «из ненависти к другому» сожжение конопли или камыша приравнивалось к тайной краже (ст. 460). Приравнивание гибели имущества в случае поджога к хищению его характерно для тангутского права. Так, при наградах за донос о поджоге поджог полностью был приравнен к хищению имущества. Если поджог был совершен внутри дома, то это приравнивалось к ограблению с применением насилия и использованием оружия; если с наружной стороны дома — к ограблению с применением насилия, но без использования оружия; если поджог был произведен посредством поджога травы вблизи дома, то это рассматривалось как тайная кража (ст. 911). По китайскому праву поджог с наличием умысла чужого дома или имущества («гу шао») также приравнивался к ограблению [30].

Затопление чужого дома или поля, пуск воды из канала на них «из ненависти к хозяину и не имея на то права» приравнивались к умышленному поджогу со всеми вытекающими из его последствий мерами наказаний (ст. 1121).

Надо сказать, что пожары, очевидно, были частым бедствием в тангутских городах и селениях. В «Новых законах» было дополнительно введено три статьи о поджогах и пожарах, связанных с их ликвидацией и дополнительными мерами наказания за преступления, сопутствующие пожарам. Одна из статей констатировала тот факт, что в предместьях, вероятно, столицы домохозяева свозят на дворы много дров, камыша, сена, что является причиной частых и больших пожаров из-за нарушений правил того, что мы сейчас называем мерами противопожарной безопасности. В случае пожара управление предместьем, старшие кочевья, военные командиры («да цзюнь») должны были принять

---

[30] Тан люй шу и, гл. 19, с. 428.

меры к розыску виновника пожара и привлечению его к законной ответственности. С 1193 г. в управлениях ввели ночное дежурство. Дежурные чиновники должны были принять срочные меры к ликвидации пожара, и неявка на тушение пожара каралась как неоказание помощи соседу, на которого напали грабители. При этом все меры наказания, положенные за неоказание помощи подвергшемуся нападению грабителей соседу, в данном случае были увеличены еще на одну степень. После большого пожара в столице, случившегося между 15 февраля и 16 марта 1211 г., были предприняты дополнительные меры организации противопожарной службы. Над каждыми десятью домами назначался один десятский («цзя»). Каждому дому надлежало иметь наготове два ведра для тушения пожара. Были выделены специальные люди, которые не допускали посторонних в зону пожара[31].

3. Должностные преступления

Должностные преступления: взяточничество, превышение власти, злоупотребление властью, бездействие и т. п.— относятся к числу уголовных. «С каждой должностью соединяется власть и обязанность совершать известные действия, которые частные лица совершать не вправе. Сущность должностных преступлений и заключается или в неупотреблении, неиспользовании той власти, которую должностное лицо при данных обстоятельствах обязано было употребить, или в употреблении этой власти с превышением ее пределов, при ненадлежащих условиях или недопустимым образом»[32].

а) Взятка

«Взяточничество заключается в умышленном обусловливании своего служебного поведения (действий или бездействий) получением для себя или других предшествующей ему или следующей за ним противозаконной имущественной выгоды»[33].

Тангутское право рассматривало взятку как большое зло. «Если столоначальник, делопроизводитель, приказный любого управления Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами или Главного управления военных дел получил взятку и нарушил закон,— читаем мы в тексте „Новых законов“,— то изменений [в законах о мерах их наказания] по сравнению с текстом „Измененного и заново утвержденного кодекса [девиза царствования] Небесное процветание“

[31] «Новые законы», гл. VIII, инв. № 2868, с. 30—34.
[32] *Позднышев С. В.* Очерк основных начал науки уголовного права. М., 1923, с. 163.
[33] Там же, с. 184.

нет. Однако [произвольно] изменять заслуги и наказания [людей], нарушать законы есть подлинное зло и причинение вреда народу и основам государства. Поэтому, исходя из введения в силу более высоких вознаграждений за донос о таких преступлениях, с данного момента за донос о „взятке с нарушением закона“ определяется награда в тех же размерах, что и за донос о тайной краже»[34].

Итак, взятка в известной мере также приравнивалась к хищению имущества. Это делалось в полном соответствии со средневековым китайским правом и его учением о «шести хищениях имущества», «лю цзан». В число «лю цзан» по танскому кодексу входили 1) ограбление, 2) тайная кража, 3) взятка с нарушением закона, 4) взятка без нарушения закона, 5) присвоение должностным лицом вверенного ему имущества, 6) присвоение должностным лицом чьего-либо хозяйского (частного) имущества или неподведомственного ему лично управленческого имущества[35].

Из китайского же права тангуты позаимствовали подразделение взятки на «взятку без нарушения закона» и «взятку с нарушением закона». Различие между взяткой того и другого рода пояснено в кодексе: «Если должностное лицо за ведение какого-либо дела возьмет с другого человека взятку и если решение по делу уже принято и допущено нарушение закона или хотя решение по делу еще не принято, но в бумагах, составленных по делу для принятия по нему решения, тяжелое превращено в легкое или легкое изображено как тяжелое и сам факт преднамеренного нарушения закона обнаружен, а также в тех случаях, когда взяткодатель скажет: „Я, хлопоча по делу, нарушил закон!“ — и сказанное [им] подтвердится или взяточник заявит: „[Я] нарушил закон!“ — и [его] словам и [факту] получения [взятки] найдены доказательства, то [таковые действия] должны считаться „взяткой с нарушением закона“. Если в ходе следствия [ведущий дела] сказал: „[Ты] бы [меня] угостил“ — и принял [такую] взятку, но нарушения закона — независимо от того, вынесено решение по делу или нет,— не обнаружено, то [это] следует полагать „взяткой без нарушения закона“» (ст. 48).

Меры наказания за оба вида взятки определялись в прямой зависимости от ее суммы в денежном выражении.

Для «взятки с нарушением закона» был определен диапазон от ста монет до сорока связок монет. За «взятку с нарушением закона» в сумме от ста монет до одной связки монет зачинщику полагалось 13 палок, пособникам — 10 палок. За взятку на сумму свыше сорока связок монет зачинщик подлежал смертной

---

[34] «Новые законы», гл. II, инв. № 2622, с. 1—3.
[35] Тан люй шу и, гл. 4, с. 77; гл. 26, с. 605.

казни путем удавления, пособники получали 12 лет каторжных работ.

При наказании за «взятку без нарушения закона» был установлен диапазон от ста монет до восьмидесяти связок монет. За «взятку без нарушения закона» на сумму от ста монет до одной связки монет зачинщику полагалось 8 палок, пособникам — 7 палок. За «взятку без нарушения закона» на сумму свыше восьмидесяти связок монет зачинщик получал 12 лет, а пособники — 10 лет каторжных работ (ст. 48).

Счет общей суммы при многократных взятках велся по-разному. Если несколько взяток были получены с одного человека, то они просто суммировались. Если взятки были получены со многих лиц по одному делу или с одного человека по нескольким делам, то счет велся из расчета две связки монет за одну и еще добавлялось наказание за самую крупную взятку, а если взятки брались и со многих лиц и по разным делам, то приговор выносился за общую сумму взяток и за самую крупную взятку. Если было выставлено угощение многим должностным лицам, то стоимость его делилась между теми, кто им воспользовался (ст. 50). Зачинщиком всегда считался тот, кто получил взятку, т. е. взяточник, пособником — тот, кто ее дал, т. е. взяткодатель (ст. 49).

Помимо взяточника и взяткодателя закон принимал во внимание и посредников при передаче взятки. Посредник получал наказание на одну степень меньшее, чем пособник (ст. 49).

Вещи, данные в качестве взятки, конфисковались, «поступали к государю». Были специальные склады для хранения таких вещей (ст. 1226). Если при «взятке без нарушения закона» взяткодатель в течение трех лет сообщал добровольно о содеянном, то он мог получить свою данную в качестве взятки вещь обратно. Вообще добровольное признание со стороны взяткодателя служило поводом для возвращения ему данного в качестве взятки (ст. 52, 53).

После 1212 г. было предписано цыши (префектам) и цзинлюе (военным комиссариатам) для разоблачения возможного взяточничества должностных лиц направлять соглядатаев из числа отставных чиновников и способных молодых людей, по 1—2 человека, в подведомственные им округа и военные комиссариаты [36].

Любопытен случай, когда взяточником могло считаться не должностное лицо, а простой человек, нарушивший предписанный ему законом долг. Мы знаем, что любой подданный Си Ся обязан был задержать вора. Если он его задержал, а потом за крупную сумму, полученную от вора, выпустил, то он считался не только соучастником раздела краденого, но и лицом, получившим «взятку с нарушением закона» (ст. 152). Отсюда, очевидно, что служба в Си Ся понималась не только как занятие

[36] «Новые законы», гл. II, инв. № 837, с. 61.

определенной должности, а нередко шире — как необходимость исполнения предписанного существующими законами долга.

Закон преследовал разные ухищрения при даче взятки, например дачу взятки под видом ссужения чего-либо в долг с последующим отказом от возврата этого долга должником и т. п. (ст. 181). Присвоение в пути держателем пайцзы скота и имущества, взятого у местного населения, приравнивалось к «взятке с нарушением закона» (ст. 971).

б) Некоторые другие должностные преступления

Помимо кражи казенного имущества должностными лицами и взяток существовало, естественно, достаточно большое количество других должностных преступлений. О некоторых из них нами будет сказано в разделе о тангутской администрации и тангутском административном праве. Здесь же мы остановимся только на тех из них, которые составляли определенные основополагающие принципы средневекового китайского и всего дальневосточного права. Средневековое китайское право еще с эпохи Хань делило все преступления на «сы цзуй», «частные преступления», и «гун цзуй», «публичные, общественно опасные», должностные преступления. Обычно должностные, общественно опасные преступления наказывались строже частных[37]. Одно из таких преступлений было связано со следствием по делу обвиняемого и вынесением ему меры наказания. Называлось оно «жу цзуй», «отягчение вины», или «чу цзуй», «умаление вины», и было связано с сознательным со стороны должностного лица увеличением или уменьшением меры наказания преступнику. Как следствие таких действий было «наказание той же мерой наказания» — один из важнейших принципов китайского права, выводимый, как уже говорилось выше, из талиона[38]. Эта своеобразная узаконенная форма талиона, возможно, побуждала дальневосточных судей строже соблюдать дух и букву закона.

К числу должностных преступлений относилось попустительство (кит. «гу цзун»), когда должностное лицо, чаще начальник, зная о преступных действиях других лиц, не препятствовало им. В кодексе много примеров наказания таких преступлений. Так, например, командиры несли ответственность за то, что их солдаты передавали друг другу воинское снаряжение для предъявления при проверке. «Если командиры — старшие и младшие направляющие, замыкающие и ответственные за размещение — знали о том, что [кто-то из их подчиненных] просил или дал в долг [что-либо из воинского снаряжения], то [виновным] — 13 палок» (ст. 286).

---

[37] *Чэнь Гуюань.* Чжунго фачжи ши. Шанхай, 1935, с. 67, 311.
[38] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 27, 28, 194.

Можно назвать еще такие должностные преступления, как неисполнение, потеря или подделка государева указа, выдача государственной тайны, подделка документов, потеря знамени, печати, документов и т. п. «Когда государев указ передан, то чиновник, не поступающий в соответствии с установленным порядком и неукоснительно не исполняющий [этот указ], если [он] зачинщик, независимо от ранга подлежит смертной казни путем обезглавливания» (ст. 1419).

Несвоевременное предание огласке государева указа чиновниками каралось 2 годами каторжных работ. Те, кто слушал указ до его опубликования, получали 3 года каторжных работ (ст. 432). Утеря государева указа каралась на одну степень строже, чем небрежное обращение с ним (ст. 1426). «В случае распространения поддельных императорских указов и использования [их все виновные], вне зависимости от ранга, подлежат смертной казни путем обезглавливания». Подделка подписей императрицы, наследника престола и изготовление поддельной их печати наказывались 13 годами каторги с последующим пожизненным поселением по месту ее отбывания. За подделку подписи любого князя правящего дома или начальника Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и за подделку их печатей полагалось 12 лет каторги. За подделку подписей и печатей всех чиновников нижестоящих управлений определялись меры наказания в пределах от 10 до 3 лет каторжных работ. Чиновники, пользовавшиеся документами с поддельной подписью или печатью, тоже получали наказание, но на две степени меньшее. Естественно, что за результаты пользования поддельным документом (присвоение имущества и т. п.) давалось отдельное наказание как за кражу или за взятку. Ни один чиновник не имел права пустить в дело документ, составленный в его управлении, не показав его начальнику, иначе он тоже получал наказание (ст. 719).

Строго наказуема, как во все времена и у всех народов, была выдача государственной тайны. «За выдачу врагу [государственной тайны], сведений о том, что приведена в готовность какая-либо армия для вторжения в пределы вражеской территории, что есть местные жители, получившие и принявшие приглашение [поддержать нас], за выдачу сведений о людях врага, которые подадут [нам] сигнал, о кочевниках, которые подчинились [нам], и тому подобных сведений [виновные], независимо от ранга, подлежат смертной казни путем обезглавливания» (ст. 758). «Что касается разговоров о состоянии армии, то тому, кто начал этот разговор,— 12 лет, участникам разговора — 10 лет каторжных работ». За разговоры о «замыслах и слабостях мудрых сановников» тангутов полагалось 5—6 лет каторги (ст. 758).

Статья 1427 гласила: «Запрещается разглашать тайны. Если закон будет нарушен и важные дворцовые тайные дела, малые или большие, будут разглашены, то [виновному] — 3 года каторжных работ. Если кто-либо из таких лиц, имея доступ на важные совещания внутри и вне [дворца], передаст важный разговор, то по рассмотрении того, когда была разглашена тайна и что было сказано, [обо всем этом] необходимо доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями».

Тщательно были разработаны «меры наказания за уничтожение, потерю, сокрытие, кражу или порчу секретных записей, а также государевых указов, документов о выступлениях войск и награждениях за заслуги». Если кто-либо умышленно или за взятку испортил, уничтожил, сокрыл или украл документ о мятеже, то он получал такое же наказание, как и мятежник. Даже если документ был потерян нечаянно, но его утеря причинила вред ходу следствия, виновный подлежал удавлению. Если это не повлияло на ход следствия, то 6 лет, если документ был похищен из архива, то 3 года, утерян в архиве — 2 года каторжных работ. Удавление полагалось за утрату документа о выступлении войск. При утере, порче, сокрытии или хищении заявлений о подчинении тангутам, документов, касающихся военных комиссариатов, результатов обследования положения людей на местах, личного состава войск, переписки с другими государствами, текстов клятвенных договоров и т. п. «в случае преднамеренных действий, независимо от того, нанесли [они] ущерб [нашему государству] или нет, какие были последствия этого — тяжелые или легкие, обо всем том своевременно, по выяснении сути [полученных] заявлений надлежит доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями» (ст. 815). В управлениях была наказуема порча или кража документов, «как еще используемых, так уже и не используемых, хранящихся в архиве». «Наказания делопроизводителям, приказным и прочим должностным лицам определяются в зависимости от их личной причастности [к преступлению]». При наличии взятки мера наказания всегда увеличивалась на одну степень. Если в итоге утери, порчи, сокрытия и т. п. документа оказывался на свободе преступник, то виновный в том чиновник получал то же наказание, которое полагалось преступнику. За хищение уже использованного документа из архива полагалось 2 года, за его нечаянную утерю там же в архиве — 1 год каторжных работ (ст. 816).

При наказаниях за сокрытие, порчу или утерю документов на материальные ценности принимались во внимание наличие или отсутствие копий на них, а мера наказания назначалась как за тайную кражу и устанавливалась в зависимости от той суммы, на которую был составлен документ (ст. 817). При утере

документов давался срок на их розыск от одного дня (сведения о мятеже, измене, выступлении войск) до одного месяца, если таковые были связаны с незначительными делами (ст. 819).

Потеря пайцзы каралась смертной казнью путем удавления (ст. 995). За потерю печати или полотнища знамени давали 3 месяца каторги. «Если у кого-либо из таковых [указанные вещи] сгорят, утонут или будут отобраны грабителями, то [утративший их] наказанию не подлежит. В течение шести месяцев [он] обязан доложить [о случившемся] должностному лицу. Правдиво ли [сообщение] об утрате, должно быть проверено высланными ревизорами» (ст. 994).

Таков, разумеется неполный, перечень основных должностных преступлений, которые были уголовно наказуемы по тангутскому праву.

Заканчивая на этом рассмотрение главных составных частей тангутского уголовного права, мы должны отметить, что все преступления, отнесенные кодексом к особому разделу «десяти зол» и разобранные нами ранее, целиком входят в сферу уголовного права. Кроме того, некоторые менее существенные преступления, являющиеся уголовными, будут рассмотрены ниже в связи с тангутским военным и административным правом.

VII. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

В современных системах права под гражданским правом обычно понимают «ту область права, которая регулирует имущественные отношения в данном обществе» [1].

В большинстве трудов по средневековому китайскому праву отмечается известная неполнота разработанности в нем права гражданского — «развитие уголовного законодательства далеко превосходило законодательство гражданское» [2]. При определенной истинности этого утверждения, ставшего ходячим и иногда доводимым по крайности, следует заметить, что все основные области права, которые включаются в понятие гражданского, нашли свое отражение в средневековых китайских кодексах и соответственно в дочерних по отношению к ним кодексах сопредельных с Китаем стран Дальнего Востока и Центральной Азии, хотя и нормы гражданского права не были разработаны на Дальнем Востоке с той же тщательностью, как в праве римском.

1. Вещные права. Собственность

«В том случае, когда лицо имеет такое право на вещь, которое предоставляет его носителю возможность непосредственного воздействия на нее (когда предметом права является вещь),

[1] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М., 1972, с. 6.
[2] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь. Тайбэй, 1964, с. 1.

право называется вещным»[3]. Вещи в праве — предметы природы, как находящиеся в естественном состоянии, так и приспособленные человеком к своим потребностям, являющиеся объектами права. К вещным правам относится право собственности, фактическое владение и право на чужие вещи (залоговое право).

а) Собственность на землю

Собственность как явление экономическое есть присвоение индивидуумом предметов природы внутри и в пределах общественной формы. Право собственности обычно определяется правомочиями собственника: правом владения, правом пользования и правом распоряжения вещью. Право владения — это право обладания, физического господства над вещью. Право пользования — извлечение из вещи выгод в связи с ее хозяйственным назначением, извлечение полезных свойств вещи, получение плодов и доходов от вещи. Распоряжение — право определять судьбу вещи. «Право собственности является наиболее обширным по объему правом на вещь. Римские юристы не оставили точного определения права собственности, но упоминали об основных правомочиях собственника. Собственнику принадлежали... право пользования вещью... право извлечения плодов, доходов... право распоряжения. К этим элементам содержания права собственности можно было бы добавить... право владеть вещью, право истребовать вещь из рук каждого ее фактического обладателя, безразлично — владельца или держателя»[4].

Наличие или отсутствие правомочий не определяет права собственности. Советские юристы считают, что основой абстрактного понятия собственности, общего для всех правовых систем, «является Марксово понятие собственности как присвоения», «как присвоение природы индивидуумом внутри и посредством определенной общественной формы, собственности как отношения индивидуума или коллектива к условиям или средствам производства, „как к своим"»[5]. «„Своими" средства производства являются для того, кто может использовать их своей, а не полученной от другого властью и в своем интересе»[6]. Власть (воля) должна быть признана за собственником законом: «Право собственности как право присвоения представляет собой право индивида или коллектива использовать средства и продукты производства именно своей властью и в своем интересе. Отдельные же правомочия, признаваемые положительным правом за собствен-

[3] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права, с. 90.
[4] Там же, с. 112.
[5] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность. М.— Л., 1948, с. 29.
[6] Там же, с. 32.

ником, являются лишь средством осуществления собственником его права собственности как права присвоения средств производства» [7].

Эти обширные цитаты, дающие возможность ввести читателя-неспециалиста в проблему, нужны потому, что нет более трудной проблемы при исследовании средневековых кодексов (да и фактического состояния проблемы), чем выяснение понятия права собственности в данную эпоху и в данной системе права. Даже римские юристы, которые подняли разработку проблем гражданского права до недосягаемых для других в древности высот, «не оставили точного определения права собственности». Феодальное право «в течение ряда столетий... обходилось даже без технического термина для обозначения права собственности» [8], «не знало всеобщей абстрактной правоспособности, единого понятия собственности» [9].

Это в полной мере относится и к тангутскому праву. Тангутское слово, которым передаются термины «владение», «владеть», «иметь в собственности», «обладать», достаточно многозначно, оно может означать принадлежность к чему-либо, к кому-либо и т. п., и нам не удалось установить, чтобы оно служило строгим «техническим» термином для обозначения права собственности. Столь же полисемантичны китайские средневековые термины: «ю», «иметь» (иметь вообще), «мин ю», «иметь на собственное имя», «обладать», «держать», и «чжань», «овладеть», «присвоить», «присвоить для себя одного», «захватить» [10].

Однако тангутское право было четким в другом. Оно строго делило права собственности на частные и государевы, признавая именно эти две формы собственности и не признавая никакой третьей.

При этом тангутское право не различало собственности лично государевой и собственности государственной, казенной. Это неразличение мы встречаем позже у монголов в эпоху Чингисхана и у ряда других народов в средние века. Например, исследователь средневекового армянского права А. Г. Сукиасян пишет: «По Судебнику Сумбата трудно установить, отделялся ли государственный бюджет от царской казны» [11].

Что касается частной собственности, то ко времени возникновения тангутского государства она была господствующей в

---

[7] Там же, с. 39.

[8] Там же, с. 102.

[9] *Раевич С. И.* Вопросы феодального права.— Советское право. 1929, вып. 3, с. 34.

[10] *Shurmann H. F.* Traditional Property Concepts in China.– The Far Eastern Quarterly. 1956, vol. 15, № 4, с. 509; *Ниида Нобору.* Тюгоку хосэй си кэнкю. Тоти хо, торихики хо. Токио, 1960, с. 12—18.

[11] *Сукиасян А. Г.* История киликийского армянского государства и права. Ереван, 1969, с. 214.

Китае [12]. Если мы обратимся к понятию государственной (государевой) собственности, в том числе на землю, то тангутское право не дает никаких оснований говорить о верховной государственной собственности на землю. Государственное (государево) сосуществует с частным на равных основаниях.

Нередко полагают, что «государственная собственность на землю и рента-налог действительно являются особенностью восточного феодализма, который вместе с тем сохраняет свои общие феодальные черты» [13]. Обычно вывод о господстве верховной собственности государства на землю на Востоке делается не из изучения конкретных материалов, а из истолкования следующей цитаты К. Маркса: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность» [14]. Истолкование сбора поземельного налога с собственников земли в пользу государства как реализации права земельной собственности государства — вот исток многих утверждений о верховной собственности государства на землю на Востоке. Ошибка обычно кроется в недопонимании природы государства, в том, что нужду государства как управляющей системы в налогах, поборах, взыскиваемых в принудительном порядке с заранее установленными размерами и сроками поступления [15], идущих на сохранение и поддержание этой системы, нужду его в отработках смешивают с реализацией несуществующего права земельной собственности.

Основными правовыми титулами собственности в тангутском праве были «гон» (транскрипция М. В. Софронова on [16]) — «государева», «казенная» и «ндзей» (транскрипция М. В. Софронова ndzei [17]) — «частная». Соответственно в параллельных текстах эти термины переданы китайскими «гун» и «сы». «Гон» — слово, заимствованное из китайского; китайское «гун» означало «общественное», «публичное» или «казенное» в противовес «частному». «Гун» имело также значение «правитель», «государь» (ср. «гун-ван» — «гуны и ваны, государи, монархи, правители, властители» [18]). Тангутское «гон» зафиксировано в слова-

[12] См.: *Кычанов Е. И.* О форме и праве собственности в Китае в VII—XII вв.— Народы Азии и Африки. 1985, № 4, с. 49—58.

[13] *Дембо Л. И.* Земельные правоотношения в классово антагонистическом обществе. Л., 1954, с. 112.

[14] *Маркс К.* Капитал. Т. III.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 25. Ч. II, с. 183.

[15] Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970, с. 200.

[16] *Софронов М. В.* Грамматика тангутского языка. Кн. 2. М., 1968, с. 351.

[17] Там же, с. 361.

[18] Большой китайско-русский словарь. Т. 4. М., 1984. с. 936.

рях именно в значении «правитель», «государь», в параллельных с тибетскими текстах этим словом переводится тибетское rgyal-po — «король» [19].

По тангутскому кодексу собственность на землю могла иметь два правовых титула: это были земли, принадлежащие или государю (казне), или частному лицу (ст. 1098). Приведем примеры. При незаконной продаже участка, «что касается собственно земли, то в зависимости того, чья она есть — государева или частная,— [она сама] или [ее] стоимость должны быть возвращены прежнему владельцу» (ст. 1098). «Любой человек продает лично ему принадлежащую частную землю» (ст. 1100). «Засеянным полям, постройкам и их хозяевам, принадлежащим государю или частным лицам, потоком хлынувшей воды будет причинен ущерб» (ст. 1121). «Если кто-либо возделал новый участок земли и там, где это выгодно государю или частному лицу, [к участку] можно провести арык, то [об этом] следует доложить в транспортное управление и выяснить, причинит ли это ущерб [другим], кормящимся от государевой и частной земли, или нет» (ст. 1125).

Государевы (казенные) земли обрабатывались государевыми людьми, частные— или хозяином, собственником земли, или принадлежащими ему и зависимыми от него людьми. Все пахотные земли считались податными землями, с которых государство получало налог. Главная специфика земельного права в Китае и у тангутов состояла в неукоснительной заботе государства о сохранении максимума обрабатываемых, податных земель, об их тщательном учете и непрерывном поступлении с них налога. Здесь власть государства была абсолютной, и собственники земли не имели права держать пахотную землю втуне. Собственник пахотного участка волен был продать его, заложить, поступать с ним иначе, «в своей власти и в своем интересе» (застраивать и т. п.). Для государства важно было другое — чтобы земля обрабатывалась и с нее шел налог, поэтому не обрабатывать землю собственник участка не мог. Но значит ли это, что государство, заботясь о своем и общем благе и выколачивая налоги с подданных, было верховным собственником земель, принадлежащих частным лицам? Думается, что нет. Имело место известное ограничение правомочий собственника, но не более. Покушения на его правовой титул собственника не было.

«Понятие верховной собственности государства на землю... смешивается с понятием государственного верховенства над всей территорией государства в смысле dominimum eminens». Государственное верховенство «представляет собой лишь проявление политической власти (суверенитета) государства и выражается

---

[19] *Невский Н. А.* Тангутская филология. Кн. 2. М., 1960, с. 133.

лишь в обложении частного собственника и в различных ограничениях его права собственности вплоть до экспроприации» [20].

Государевы и частные земли не должны были смешиваться, и там, где это требовалось, проводилось строгое разграничение. Так, в скотоводческих хозяйствах, где пасся государев скот и размежевание было весьма необходимо, оно производилось на пастбищах, не имевших, как известно, столь четких границ, как вспаханное поле. «В любом скотоводческом гвоне, в тех местах, куда будет пригнан государев скот, заранее [новая] опись земель не составляется (?), а если государевы и частные земли станут мешать друг другу, то отныне в данном гвоне государевы и частные земли необходимо строго разграничить. Государевы земли должны быть зарегистрированы с указанием имен тех, кто надзирает [за ними] или же является держателем земли. Ежегодно при составлении списков скота в конце [таковых] должна представляться и опись земель, [на которых этот скот пасется]. Перемежать государевы и частные земли запрещается. Если закон будет нарушен, то [виновным] — 1 год каторжных работ» (ст. 1398). В статье 445 говорится о выделении богатых скотоводов, которые лично владели большим количеством скота и заставляли своих старших пастухов и отроков «захватывать у каких-либо людей места ночлега у колодцев и поить и пасти [там свой] скот». Итак, не было беспредельных и несчетных пастбищ. Они принадлежали либо государю, либо частным лицам, разграничивались, и нежелательно было, чтобы они перемежались между собой. Запрет на перемежение государевых и частных пастбищ возник сравнительно поздно, и давние собственники пастбищ оставались на своих местах: «Если в пределах государевых земель, приписанных к любому скотоводческому гвону, прежде имелись частные земли, [принадлежащие] кому-либо из живущих там хозяев, то селиться [таковым] в пределах государевых земель запрещается. Хотя и нельзя в пределах [государевых] земель иметь [землю], но если окажется, что кто-то может [ее] иметь, или же кто-то не может покинуть хороших пастбищ, или же, не имея воды, не в состоянии получить [ее в другом месте], или же обнаружатся старые, издавна [живущие здесь] семьи, то [все таковые лица и семьи] могут быть там, где [они уже] живут. Всем прочим хозяевам этого скотоводческого гвона там, где пасется государев скот, запрещается пользоваться водой и травой и пахать землю. Там, где имеются давно распаханные земли, [они] должны распахиваться [и далее] и в соответствии с законом наравне с прочими [обрабатываемыми землями] входить в число земель, облагаемых поставками зерна». В экстренных случаях государевыми пастбищами могли пользоваться и частные

[20] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность, с. 62.

хозяева: «Если наступит засуха и в государев скотоводческий гвон явятся какие-либо хозяева, которые разыскивают траву для выпаса скота, то [таковым] разрешается в течение одного года селиться [на государевых землях], но пахать [государеву] землю запрещается. Если по прошествии года [они] не уйдут с [государевой земли], то об [этом] следует сообщить должностному лицу, и если окажется, что [нарушители] в течение года имели возможность откочевать, но год прошел и [они] не откочевали, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1399). Кочевникам, особенно на границах, предписывалось находиться в пределах отведенной им территории: «На всех границах за подчинившимися [тангутскому государству] семьями и скотоводами-кочевниками должны следить караульные и военачальники, с тем чтобы они были в пределах отведенной им территории, и если они сами уйдут за ее пределы или, кочуя, уйдут за расположение караулов, то владельцам стад и хозяевам домов — 3 года [каторжных работ], а чиновники должны возвратить откочевавших» [21].

В том случае, когда государство в своих интересах вынуждено было использовать частную землю, оно компенсировало изъятый участок равноценным. Такой порядок действовал при постройке ям-зернохранилищ, вокруг которых создавалась зона отчуждения. При создании этой зоны, если оказывалось, что рядом «земля частная и у нее есть владелец, то ему вместо земли, находящейся подле ямы-зернохранилища, должна быть дана земля в другом месте» [22]. Закон также охранял и дороги: «Если через какие-либо податные земли идет большая государева дорога, то перерезать ее, превращать в обрабатываемую землю и пускать на дорогу воду запрещается. Если закон будет нарушен, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 2 лошади, простому человеку — 3 месяца каторжных работ. Дорога должна быть исправлена в соответствии с законом» (ст. 1135). Строго отграничивались территории больших оросительных каналов, и по их берегам создавались зоны отчуждения — «на всех больших каналах, длина (ширина?) которых достигает тысячи шагов, должны быть установлены межи-границы [их] участков, поставлены межевые знаки» (ст. 1122).

При династии Сун в Китае появился кадастр. И в Си Ся в XII в. практически все земли, в особенности земли обрабатываемые, были зарегистрированы и описаны, с указанием для государевых земель ответственных за их эксплуатацию чиновников или держателей земли, для частных земель — собственника земли: «Государевы земли должны быть зарегистрированы, с указанием имен тех, кто надзирает [за ними] или же является держа-

[21] «Новые законы», гл. IV, инв. № 5584, с. 4–5.
[22] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 33.

телем земли» (ст. 1398). Собственники частных земель получали от государства документы, свидетельства на право владения землей. «Власть (воля) должна быть признана за собственником законом как выражение воли господствующего класса» [23].

«Если какой-то человек подаст официальное прошение и в качестве частного лица будет просить свидетельство на право владения пахотными землями и постройками, то посредством расспросов следует выяснить, действительно ли [проситель] является частным лицом и какое он имеет отношение к [этим] пахотным землям и постройкам. Посланный [от управления] человек обязан осмотреть [эти пахотные земли и постройки], установить границы земельных участков и расставить межевые знаки. И если [в результате такой проверки] не выяснится ничего нового, что свидетельствовало об отклонении от существующих порядков, и если не окажется оспаривающих права [просителя] людей, скрывшихся с документами или находящихся [в данный момент] на службе в армии, то [просителю] может быть выдано свидетельство на право владения. Если [проситель] потерял имевшийся [у него] ранее государев указ или старое свидетельство на право владения, то в соответствии с законом ему может быть повторно выдан государев указ и свидетельство на право владения [землей и постройками]» (ст. 1411). Итак, при отсутствии претензий на право владения других лиц собственник получал в качестве удостоверения своего права владения государев указ и свидетельство (документ) на право владения землей. Границы участка определялись по четырем его углам, сторонам света (кит. «сы чжи»), и, что важно, отмечались межевыми знаками. Земля бралась на учет с установлением ее качества, «в зависимости от того, хорошая или плохая земля», участок заносился в опись земель, определялись его границы, и эти официальные сведения о границах участка и размерах причитающегося с него налога вручались владельцу.

Мы ничего не знаем о садовых и огородных участках у тангутов. Статья 1112 — «Устройство садов и огородных участков по соседству с жильем и возделывание полей под чумизу» — не сохранилась. Если тангутские порядки были аналогичны китайским, что очень вероятно, то огороды не регистрировались и с них не взимался налог, они могли быть проданы и переданы по наследству без фиксирования этих актов властями [24].

Наконец, помимо государевой и частной земли закон признавал наличие ничейной земли, «пустующей земли, не принадлежащей ни государю, ни частному лицу» (ст. 1090). Статья 803

---

[23] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность, с. 32.

[24] *Eberhard W.* Settlement and Social Change in Asia. Hongkong, 1967, c. 3.

кодекса гласила: «В любом гвоне всякий хозяин может косить траву и собирать плоды совместно с другими там, где эта трава и эти плоды произрастают на землях, не являющихся государевыми или частными. [Должностным лицам] вводить [кого-либо] во владение [этими землями] запрещается». Присвоение брошенного участка и ничейной земли и вложенный в нее труд становились условием законного приобретения такой земли в собственность. «Если какой-либо человек не приобрел обрабатываемой и облагаемой податью земли, а [где-то] есть брошенный и на протяжении трех лет никем не обрабатываемый [участок], с которого никто не платит подати, или если имеется пустующая земля, не принадлежащая ни государю, ни частному лицу, и кто-либо фактически захватит [эту землю] и заявит: „[Я] обработаю [ее]!“, то [об этом] следует доложить в управление транспорта, допросить хозяев соседних участков земли, тщательно проверить и рассмотреть дело. Если сведения о том, что владелец брошенного участка не обнаружен, окажутся достоверными, то [новому хозяину] должны выдать распоряжение на право обработки участка. Его следует взять на учет, занести в списки [землепашцев], и он обязан обрабатывать землю. По прошествии трех лет [к данному землепашцу] необходимо направить человека, который должен обмерить участок и в соответствии с законом определить размер налагаемой подати, в зависимости от величины участка и высеваемых культур. В зависимости от качества каждого ндзвон (му) земли устанавливаются пять разных (букв. „низших и высших“) категорий поземельного налога. В соответствии с законом, определяющим порядок выплаты налога, поземельный налог должен аккуратно выплачиваться по каждой из установленных категорий. В том же году [новый хозяин] должен быть взят на учет и занесен в старые списки земель, а [данные] о размерах налога и границах обрабатываемого участка, изложенные в соответствии с законом, следует вручить землепашцу». Тайная обработка целины или брошенной кем-то земли, преднамеренное уменьшение в подаваемых сведениях размера участка наказывались на одну степень меньше, чем тайная кража на сумму не выплаченного государству налога (ст. 1090). Если владелец земли, сам перестав обрабатывать землю, доверит это другому или если будет захвачен брошенный участок, когда еще не прошло трех лет, необходимых для розысков прежнего владельца, то захват таких участков признавался незаконным и был наказуем (ст. 1091).

К возделанному целинному участку, если воды было достаточно и орошение его из действующей ирригационной системы не наносило ущерба другим землепашцам, могла быть подведена вода. Подведение воды осуществлялось только с ведома властей. Самоуправство, подведение воды ко вновь возделанному участку, если это наносило ущерб другим землепашцам, или сопротивле-

ние других землепашцев подводу воды к новому соседу там, где это не причиняло им ущерба, были наказуемы (ст. 1125).

Земледелец, возделавший дополнительно к пашне ранее принадлежавший ему лично участок целины — солончак, болото, участок, «заросший деревьями и травами», если площадь этого участка не превышала одного ндзие (цин), не платил с него налога. В случае обработки участка площадью более чем в один ндзие и способности обрабатывать его в течение трех лет с той новой площади, которая была сверх необлагаемого одного ндзие, начинали брать налог в размере трех шие (шэн) зерна. Сокрытие таких земель наказывалось уже не как тайная кража, а как подлог (ст. 1101).

Тангутский закон о захвате и обработке целины копировал сунский указ 990 г., касавшийся районов среднего и нижнего течения Янцзы. По этому указу «людям было дозволено представлять просьбы о разрешении обрабатывать пустопорожнюю землю, которая затем становилась их постоянной собственностью. Кроме того, на три года они освобождались от налогов с нее»[25]. Такой порядок сохранился и при Минах: по указу 1368 г. «заброшенные земли населению... разрешается возделывать и превращать в собственность с освобождением этих хозяйств на три года от трудовых повинностей»[26]. В Японии в VIII в. по указу 743 г. человек, возделавший и оросивший целинные земли («кондэн»), приобретал их в «личную частную собственность» («сидзай»)[27].

Земля была объектом купли-продажи, контролируемой государством, заботящимся о поступлении налога. Государство разрешало продавать излишки земли, но при этом ограждало продавца от излишних претензий соседей, которые имели на покупку право первой руки и свидетельствовали акт купли-продажи. «Если кто-либо решит продать лично ему принадлежащую частную землю, то продажа [земли] может производиться только там, где есть ее излишки. Соседям по участку заявлять: „Я сосед!“, предъявлять права [на продаваемую землю], добиваться того, чтобы [продающий ее] не продал ее без их согласия, и вымогать таким путем взятку запрещается» (ст. 1100). Эта оговорка — «там, где есть излишки» — идет от законодательства Тан, регулировавшего надельную систему, отмененную еще в 780 г. как «противоречащую самому ходу развития китайского

---

[25] *Франке О.* Земельные правоотношения в Китае.— Известия Восточного института. Владивосток, 1908, т. 23, вып. 1, с. 49.

[26] *Свистунова Н. П.* Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV века. М., 1966, с. 73.

[27] *Kiley C. J.* Konden Eitai Shizai-Ho: Private Property in Landed Estates in Ancient Japan.— Transactions of the International Conference of Orientalists in Japan. 1975, 20, с. 30.

общества»[28]. Неясно только, какова была норма, тот минимум земли, свыше которого начинали считаться излишки. Для государства акт купли-продажи земли означал замену в реестре имени продавца на имя покупателя. «Если какой-либо человек купит облагаемую податью землю у другого, то продавец земли должен быть исключен из списка землевладельцев. Если покупатель заявит: „Я прошу включить в списки [землевладельцев] мое имя“, то [о его заявлении] следует доложить в управление транспорта и включить [его] в списки [землевладельцев]. В соответствии с законом покупатель обязан платить налог, ходить на отработки и поставлять сено. Если продавец будет исключен из числа [владельцев] земли, а покупатель не будет внесен [в эти списки], то приговор [виновным] выносится по закону о тайной краже, в зависимости от размера поземельной подати, отработок и поставок травы [с проданной земли]» (ст. 1152). Покупатель мог обратиться к властям с просьбой произвести новый перемер участка. Это было необходимо для того, чтобы фактические размеры участка совпадали с теми, которые были зарегистрированы в списках земель. Хозяин мог продать меньший участок, записав его как большой, или, продавая землю частями и совершая каждый раз приписки к величине продаваемого участка, мог утаить подлинные размеры оставшихся у него полей и тем самым скрыть часть земли от налогообложения. Чтобы таких и подобных им злоупотреблений не было, управление транспорта было ответственно за перемер продаваемых земель (ст. 1153).

Купля-продажа земли оформлялась соответствующим документом, купчей. Образец такого документа имеется в небольшой коллекции тангутских документов, хранящейся в Тангутском фонде ЛО ИВ АН СССР[29].

Законом допускался и обмен землями. Он производился под надзором местной администрации. Обменивающий землю не мог выбрать сам, «сам привести» человека, с которым он хотел бы обменяться, а таковой человек должен был «быть подыскан старостой кочевий и землепашцев или старшим». Собственно, такие ограничения существовали и на куплю-продажу земли. Об обмене давались объявления, начиная с 1-го дня 2-го месяца, обмениваемые участки описывались, и описи их рассылались по инстанциям. Документы обмена оформляли интенданты («тицзюй»). Обмен и продажа совершались, по-видимому, чаще всего весной,

---

[28] *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1970, с. 11.

[29] Подробное описание документа, текст и перевод см.: *Кычанов Е. И.* Тангутский документ 1170 г. о продаже земли.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1971. М., 1974, с. 193–203; см. также: *Хуан Чжэньхуа.* Си Ся Тянь-шэн нянь эр нянь май ди вэньце као и.— Си Ся ши луньвэнь цзи. Иньчуань, 1984, с. 313—319.

до начала полевых работ, ибо местные власти о всех переменах должны были доложить в управление транспорта, ведавшее сбором налогов, в 10-й день 4-го месяца. В 1-й день 5-го месяца все сведения об имеющихся сделках и переменах поступали в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, где подписывались и заверялись печатью лично начальником Главного секретариата (ст. 1165).

Закон определял порядок списания оказавшихся почему-либо вне обложения земель: «Если облагаемая податью земля, принадлежащая хозяину податного двора, будет смыта водой, засыпана песком, превратится в солончак, будет завалена камнями или участок поднимется, до него не станет доходить вода и обрабатывать землю будет невозможно, а также если [участок] окажется застроенным и [хозяин] заявит: „Я прошу [эту землю] списать", то должен быть отправлен начальник или „передающий приказы" управления транспорта, [лично все] осмотреть, выяснить суть дела у соседей по участку. Если сообщение окажется правильным, то по определении того, сколько ндзие (цин) и ндзвон (му) в данном участке имелось, следует доложить [обо всем] в вышестоящие инстанции, а [пахотную землю] списать» (ст. 1150).

Размеры земельных владений были, разумеется, нестандартны. И хотя закон практически не говорит об этом, он не устанавливает и каких-либо ограничений размеров земельной собственности. Были бедняки, которые имели мало земли, во всяком случае настолько мало, что не могли посеять коноплю на холст для траурного платья по умершим родителям. В статье 1415 говорится: «Если бедный сын разорившегося хозяина не в состоянии приобрести себе траурное платье, а [его] земельный [надел] не позволяет [ему] иметь холст из конопли, [необходимый для траурного платья], то за неношение траурных одежд [таковой] наказанию не подлежит».

Бедность и богатство тангуты рассматривали как естественное состояние человека, определяемое его кармой. «Каким станешь человеком — богатым или бедным... определяется кармой»,— читаем мы в тангутском сочинении «Море значений, установленных святыми» [30]. Поэтому наряду с бедняками были и богачи, имевшие громадные поместья (кит. «юань чжай») [31].

Все пахотные земли, принадлежавшие хозяевам, были «податными землями», землями, облагавшимися поземельным налогом и трудовой повинностью. Хотя налоги и трудовые повинности не связаны прямо с вещным правом, правом собственности, но они в значительной мере были реальностью тех общественных отношений, в которых и существовало это право. Поэтому, прежде

[30] «Море значений, установленных святыми».— Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 145, с. 35б.

[31] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 86.

чем перейти к вопросам, связанным с собственностью на скот и собственностью на людей, мы обратимся к тому, как вопросы налогообложения и трудовых повинностей нашли свое отражение в исследуемом кодексе.

б) Налоги и трудовые повинности

Налог устанавливался государством и должен был взиматься только по установленной норме. «Различные государевы налоги и работы на государя в гвонах должны взиматься и выполняться в соответствии с установленными нормами. Чрезмерное обложение налогами или же взимание налогов по произволу [местных властей] запрещается» (ст. 450). «[Должностным лицам], не имея на то приказа от государя, самовольно облагать налогом хозяев податных дворов, собирать [с них] деньги, имущество, [хлопок сорта] „красные цветы", коноплю, кожи, требовать [от них] исполнения разных трудовых повинностей запрещается». «Сборщики поземельного налога и [их] помощники — старшие должны собирать на местах поземельный налог, исходя из специальных указаний, которые имеются в списках об уплате налога. Производить дополнительные поборы [им] не разрешается». Все взятое сверх нормы обложения, если это не была ошибка, считалось «взяткой с нарушением закона» и подлежало возврату владельцам, а виновные строго наказывались (ст. 450, 1088, 1097).

Нормы обложения могли увеличиваться только в том случае, если «будет заявлено, что установленные ранее нормы обложения... недостаточны», и только на основании письменного распоряжения властей (ст. 452). Запрещено было законом производить поборы на рынках, пользуясь властью и силой: «Держателем пайцзы, начальником „ожидающих приказаний" в любом городе запрещается, проходя по рынку, производить поборы с хозяев, [продающих] коней, продовольствие и фураж, и требовать [с них] угощения». Нарушение приравнивалось к «взятке с нарушением закона» (ст. 980).

Земля облагалась налогом в зависимости от ее качества: «В зависимости от качества каждого ндзвон (му) земли устанавливаются пять разных (букв. „низших и высших") категорий поземельного налога» (ст. 1090). Нормы обложения были строго определенными и зависели от качества земли, как только что говорилось, и ее количества. Хозяин земли извещался о размерах требуемого с него налога и границах обрабатываемого участка, эти сведения, «изложенные в соответствии с законом», должны были быть «вручены» землепашцу (ст. 1090). Существовали определенные виды документов, которые имел хозяин на руках и на основании которых он платил налог. Одним из таких документов были деревянные бирки: «Хозяевам податных дворов,

которые сами обрабатывают какое-то количество земли и имеют какое-то количество быков, должен быть определен налог [зерном] в нджиа (ху), ну (доу), шие (шэн) и па (пригоршнях), а также поставки хвороста и сена. Каждый [хозяин] обязан иметь деревянную бирку, на которой записываются сведения (о налоге, который он должен платить]. На каждый двор должно быть выдано по одной бирке» (ст. 1164).

Но были не только бирки. Статья 1147 свидетельствует о том, что хозяева получали от ведающего сбором налогов управления транспорта документы, в котором были записаны сведения о его земле и причитающемся с него налоге. «До сведения всех хозяев податных дворов доводится распоряжение о том, какой и в каком количестве, выраженном в ну (доу), шие (шэн) и [вязанках] травы, с них лично требуется налог в соответствии с закрепленным [за ними] в ндзие (цин) и ндзвон (му) [участком] земли, указанным в описях земель. Управлению транспорта надлежит выдать владельцам документ, который хозяева обязаны проверить, и налоги выплачиваются в том объеме, который указан в документе» (ст. 1147). Возможно, эти документы и бирки сосуществовали, ибо в бирке была фиксирована только ставка налога, а документ управления транспорта содержал сведения о количестве земли и количестве требуемого с нее налога. Обо всех изменениях в размерах участка хозяин обязан был спешно доложить властям. Это могли быть стихийные бедствия (затопление поля, поле засыпало песком и т. п.), или же часть земли не засевалась из-за хозяйственных нужд хозяина — он обсадил участок деревьями, застроил его и т. д. Во всех случаях, если хозяин не заявлял об исключении земли из-под посева, он платил с нее налог как с засеянной. Если же он подавал ложное заявление о причинах незасева земли, то нес ответственность как за тайную кражу на сумму причитавшегося с этой земли налога (ст. 1150, 1151).

Хозяин-налогоплательщик сверял имеющиеся у него сведения о требуемом с него налоге с теми, которые были у прибывшего сборщика налога. Сборщики налога имели при себе так называемые «белые» списки. «Сборщики поземельного налога, совершающие свои объезды на лошади, обязаны иметь при себе выданные им их управлением транспорта „белые“ списки, каждый цзюань которых должен быть заверен печатью, и в [этих] „белых“ списках должна быть вписана норма налога, которую следует взять с хозяина. По прибытии на место сборщик налога должен лично показать [эту запись] владельцу, обязанному внести [данный налог]. Каждые пятнадцать дней [эти записи] ревизуются управлением транспорта. Допускать какие-либо нарушения, притеснять хозяев, брать с них взятки [сборщикам налога] запрещается. Если закон будет нарушен и [налоговые ставки] не будут занесены в списки или [сборщик налогов] не

будет иметь [таких] списков при себе, то (виновному] — 13 палок» (ст. 1145).

Для гарантии уплаты поземельного налога хозяева податных дворов объединялись в десятки, по десять семей в каждом десятке. Над каждыми десятью семьями ставился один «младший ка» («ка-цай»), пять десятидворок объединялись в группу из пятидесяти дворов, которую возглавлял «старший» («гху-кха»), две группы по пятьдесят дворов объединялись в более крупное объединение из ста дворов, которое возглавлял управляющий кочевьем («чивэ-ре»). Такой порядок существовал по крайней мере до начала XIII в. Эта система порождала излишнее число начальников, или, как говорили сами тангуты, «на десять баранов оказывалось девять пастухов». Поэтому в начале XIII в. должности десятских были упразднены, но старшие над пятьюдесятью и ста семьями остались по-прежнему [32].

Поземельный налог в тангутском государстве собирался трех видов: зерном (иногда мукой), сеном (иногда соломой) и хворостом.

В статье 1146 упоминается сбор налога весной и осенью, «проверка обложения весенними и осенними налогами» (ст. 1146). Система «лян шуй фа» — сбор налога летом («ся шуй») и осенью («цю шуй») — впервые в Китае упоминается в 769 г., а окончательно эта система была узаконена в 780 г. и сохранялась в Китае последующие семь веков [33]. Может быть, тангуты, как и в Китае, какое-то время собирали налог дважды в год, осенью и весной (летом), но, кроме данного упоминания, мы других сведений об этом не имеем, а это упоминание, возможно, было данью первоисточнику существующего порядка. В «Новых законах» точно указано, что поземельный налог собирался с 1-го дня 10-го месяца, т. е. с конца осени, с ноября, по 1-й день 2-го месяца, т. е. до начала весны, до марта [34]. Возможно, поэтому сбор налога трактовался как осенне-весенний. Фактически же налоги взимались зимой, когда весь урожай был уже собран.

Текст статьи 1162 кодекса сообщает о назначении каких-то индивидуальных сроков уплаты налога: «Хозяевам податных дворов в районах с орошаемым земледелием, в пограничных и внутренних областях страны, за каждым из которых лично закреплено определенное количество упряжек быков и пахотной земли, перечень подлежащего сдаче зерна и время поставок поземельного налога, сена и хвороста определяются чиновником и закрепляются [за налогоплательщиком]» (ст. 1162).

---

[32] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 46–47.

[33] *Twitchett D. C.* Finacial Administration under the T'ang Dynasty, с. 39—42.

[34] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 28—29.

Неясно, что собой представляли пять высших и низших категорий поземельного налога, упоминаемые в статье 1090. Других же сведений о делении налога по категориям в зависимости от качества земли мы не имеем.

Тангуты, как уже говорилось выше, взимали налог зерном, сеном и хворостом. Это было общее положение. На практике в каждом районе поземельный налог взимался теми культурами, которые здесь лучше всего произрастали. Сбор некоторых видов зерновых с определенных областей Си Ся был даже закреплен в кодексе. «Сдавать пшеницу должна область Линъу. Сдавать ячмень должен уезд Баоцзин. Сдавать коноплю и зеленый горох должны хозяева уезда Хуаюн. Сдавать клейкое просо должен уезд Линхун. Сдавать просо обязан уезд Чиюань. Сдавать просо ко («деканскую траву») должны два уезда — Динъюань и Хуайюань» (ст. 1081). Зерно должно было поступать на склады только в хорошо обработанном виде. «В пограничных областях и во внутренних районах орошаемого земледелия различное зерно, поставляемое государю, должно быть тщательно провеяно и просушено. Оно должно поступать на склады в хорошем состоянии» (ст. 1154). Иногда налог собирали мукой. Несохранившаяся статья 1180 содержала сведения «об обложении землепашцев налогом пшеничной соломой и мукой». Уплата налога пшеничной мукой упоминается также в статье 1083. Можно думать, что основными культурами, которыми взимался налог, были пшеница и различные виды проса. Рис как культура, которой требовалось бы уплачивать налог, не упоминается, хотя известно, что рис вызревал в южных районах Си Ся. О том, что рис выращивают, свидетельствует и текст статьи 1082, предостерегающей власти от необоснованной замены сбора налога просом сбором налога рисом. «При уплате поземельного налога зерном бывают случаи, когда ведающие сбором налога должностные лица заставляют хозяев платить налог рисом вместо клейкого проса и проса. И хотя требования, предъявляемые законом, неодинаковы и кто-то платит налог рисом, а кто-то — иным зерном, не следует заставлять хозяев, [которые платят налог иным зерном], платить налог рисом. Они, как и положено, должны платить налог клейким просом и просом... Если закон будет нарушен и те, кто платит [поземельный] налог, будут принуждаться к уплате [его] рисом, то [виновным в том] старшим и младшим должностным лицам — 2 года каторжных работ» (ст. 1082).

Поземельный налог взимался травой (сеном) и пшеничной или просяной соломой там, где сеяли пшеницу и просо, а также хворостом. «Управление транспорта генерал-губернаторства в соответствии с законом должно получать со всех подведомственных ему хозяев податных дворов сено и хворост и создавать склады для [их] хранения» (ст. 1128). На сено («зимнюю траву», «траву на зиму») заготовлялись травы цау и сяпан, а если

их не было, взамен мог пойти камыш, тальник и ветки кустарника, называвшегося муло (ст. 1129). Специальных указаний о том, какие виды кустарников и деревьев предпочитались для заготовки хвороста, в кодексе нет. Очевидно, принималось все, что могло гореть и давать тепло.

В кодексе упоминаются и нормы обложения. Статья 1083 гласит: «Хозяева дворов, выплачивающие [поземельный налог] со всех принадлежащих им лично земель, кроме участков, заросших кустарником и многолетними травами, в соответствии с законом об обложении поземельным налогом лично принадлежащих [им] земель должны сдавать в пользу государя в качестве уплаты натурального поземельного налога (фуди) с каждого участка земли площадью в один ндзие (цин) пятьдесят ндзвон (му) пшеничной соломы 7 вязанок, просяной соломы 30 вязанок, считая, что каждая вязанка вяжется размером в четыре чиау (чи) пять цхивэнь (цунь), и пшеничной муки 2 мешка по три нджиа (ху) муки в каждом мешке. [Все это] необходимо доставить на склады финансово-налогового управления [саньсы]. Если срок [уплаты налога] будет пропущен, то [с виновными] следует поступать в соответствии с теми же указаниями, которые существуют относительно взимания процента за задержку уплаты [поземельного] налога зерном» (ст. 1083). Таким образом, при взимании налога пшеничной мукой и пшеничной и просяной соломой примерно с каждых 9 га земли брали ≈ 312 л муки, 7 вязанок пшеничной соломы и 30 просяной, при этом каждая вязанка в перехвате, месте завязки, должна была быть 1,4 м, так как длина вязанки пшеничной и просяной соломы в полтора метра вряд ли была возможна.

С возделанного целинного участка, который становился собственностью распахавшего его лица, по прошествии трех лет брали налог с одного ндзвон (му) три шие (шэн) любого зерна (ст. 1101), т. е. с каждых 6 соток земли 2,1 л зерна, или 35 л зерна с 1 га. Итак, если проанализировать эти ставки налога мукой или зерном, то получится, что в среднем с 1 га пахотной земли в тангутском государстве брали при засеве поля пшеницей 40 л пшеничной муки, при засеве поля прочими культурами — 28,3 л зерна.

Более точно в кодексе описаны стандартные вязанки травы, камыша или тальника: «Хозяева податных дворов вместо хвороста и сена из травы цау и сяпан могут сдавать сено из других трав — одну вязанку сена размером в пять чиау (чи) с каждого ндзвон (му) земли, а также камыш, тальник, [кустарник] муло — по одной вязанке размером в четыре чиау (чи) с каждых пятнадцати ндзвон (му) земли. Вязанки обоих вышеуказанных видов должны быть по пяти цхивэнь (цунь) в обхвате каждая, и [нестандартные] вязанки не должны приниматься» (ст. 1129). Таким образом, вязанки травы шли в уплату нало-

га из следующего расчета: с 0,06 га земли одна вязанка травы длиной 1,55 м и окружностью 15,55 см и с каждых 0,9 га по одной вязанке камыша, тальника и веток кустарника муло длиной 1,24 м и окружностью 15,55 см.

Мы не имеем материала для суждений о тяжести поземельного налога, так как не знаем урожаев зерновых в Си Ся с 1 га. Полагают, что в сунском Китае у собственника земли изымалось в качестве уплаты поземельного налога около 20% урожая [35]. Если эти подсчеты достаточно достоверны, то очень вероятно, что и в Си Ся поземельный налог равнялся $^1/_5$ урожая с данного участка земли.

В экстренных случаях государство могло изымать у хозяев на законных основаниях траву и хворост в нужных ему количествах, но засчитывая все это в счет будущей уплаты налога. «Если в магистральном канале поднялась вода из-за дождей или из-за того, что он засорился, и причинены повреждения и если для [ремонта канала] на ближайших складах не хватает заготовленной для государя травы, то там, где трава есть у частных лиц — живущих поблизости хозяев,— [она] должна быть взята у [них] и использована, а количество взятой травы должно быть учтено. Если владелец травы имеет пахотные земли, то [взятая у него трава] должна быть зачтена [ему] в счет поставок сена. Если будет [взято травы] больше того количества сена, какое [этот хозяин] обязан сдать за год, то [излишки] должны быть зачтены в счет [будущих] поставок сена» (ст. 1144).

Крестьянин сам вез зерно, траву и хворост на государственный склад. В сунском Китае налогоплательщик также был обязан доставлять налог к месту его сдачи [36]. Чиновники следили за добросовестной уплатой налога. «Когда хозяева податных дворов поставляют сено и хворост, то один человек из числа начальников или „передающих приказы“ управления транспорта должен быть назначен эмиссаром на склады. [Он] обязан строго спрашивать с должностных лиц складов и заставлять их определять размеры вязанок, прочность вязанок — вязанки должны вязаться добротно и быть полноценными в соответствии с установленным законом стандартом... Если вязанки не будут соответствовать указанному стандарту, то недостачу должны возместить должностные лица складов» (ст. 1131).

Основным сборщиком налога было управление транспорта, как и в соседнем с Си Ся Китае. В центральных областях страны, районах орошаемого земледелия и больших каналов «при сборе поземельного налога с орошаемых земель, начиная с Минша и генерал-губернаторства, во все районы особого назна-

---

[35] *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. М., 1974, с. 116.

[36] *Maspero H., Balazs Et.* Histoire et institutions de la Chine ancienne. P., 1967, с. 278.

чения» областные и уездные управления транспорта ежегодно выделяли одного «способного человека» — самого ли начальника управления или следующего за ним по должности «передающего приказы» — и направляли его для сбора налога (ст. 1092, 1126). Налог чиновники уездов и областей были обязаны собирать «в установленный срок... быстро и в соответствии с данными, имеющимися в описи земель» (ст. 1093). Закон предусматривал ответственность чиновника за быстрый и неукоснительный сбор налога. Налог, который следовало собрать с уезда или округа, делили на десять частей, и начальник управления транспорта за несбор двух частей из десяти получал 6 месяцев каторжных работ, а за несбор девяти частей из десяти — 8 лет каторжных работ. Несбор налога полностью наказывался 10 годами каторги. Успешный сбор налога в срок влек за собой награду — повышение в ранге на один ранг, получение пяти ливу (лан) серебра и одной парчовой накидки. В распоряжении чиновника — сборщика налога были рядовые сборщики, которые собирали налог, «объезжая на лошади вверенные им лично податные дворы». Их ответственность за сбор налога была соответственно меньшей, чем их начальника (ст. 1093). Начальники и «передающие приказы» главного управления транспорта сборщиками налога не назначались. Главное управление транспорта для сбора налога высылало на год в находящиеся непосредственно в его ведении районы интендантов («тицзюй») (ст. 1094). В отдельных случаях для сбора налога в пограничные районы или районы орошаемого земледелия мог быть командирован чиновник с пайцзой (ст. 979).

Мы уже упоминали о том, что сборщики налога имели при себе «белые» списки, в которых была обозначена сумма требуемого с каждого хозяина налога. Сборщики налога ежемесячно подводили итоги и сообщали эти сведения в управление транспорта (ст. 1146).

Понуждаемый сборщиками налога землевладелец доставлял зерно, отдаваемое им в качестве уплаты налога, на склад. У входа на склад сидел старший весовщик-мерщик, подле него сидели инспектора. Приемщики зерна поименно, по списку выкликали плательщиков налога, принимали у них зерно и выдавали каждому документ (квитанцию) с указанием количества сданного им зерна. При этом запись в квитанции производил сам старший весовщик-мерщик. Контроль за правильностью взимания налога был обязан вести и правитель округа («цыши») (ст. 1160).

Старший весовщик, выдавая квитанции, одновременно производил также записи о поступлении зерна. После окончания приемки зерна эти записи отсылали в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, где их проверяли и оставляли на хранение (ст. 1161).

Ежегодно в 11-м месяце списки налогоплательщиков со сведениями об уплате налога и документы учета управления транспорта передавались управлению ревизии и контроля (ст. 1085). Управление транспорта готовило все данные о поступлении налога именно к 1-му числу 11-го месяца (ст. 1084). Управление ревизии и контроля имело месячный срок (последний, 12-й месяц года) для производства ревизии документов управления транспорта. Ревизоры выявляли все сведения о недоимках и возвращали документы управлению транспорта, а последнее, в свою очередь, вновь высылало сборщиков налога для взыскания недоимок (ст. 1086, 1087).

Недоимки взыскивались весь остаток зимы, «в течение первого весеннего месяца». Если и после этого чиновникам управления транспорта не удавалось взыскать полную сумму налога, то сведения об оставшихся недоимках сообщались в Главный императорский секретариат. Главный секретариат отправлял на место своего человека, «способного выполнять работу по взиманию [недоимок]». На неплательщиков налагался штраф, и с них по закону «за то, что [они] нарушили сроки уплаты налога, должна быть потребована половина урожая» (ст. 1081). Непокорных ожидало и более суровое наказание: «Если кто-либо из хозяев податных дворов, с которого взыскивались положенные поземельный налог, отработки и сено, не уплатил налогов в срок и допустил нарушение своих обязанностей, то тот, кто пашет землю, или кто-либо из членов [его] семьи должен быть арестован и в зависимости от его общественного положения его следует бить палками. Налоги должны быть незамедлительно уплачены, а повинности отработаны» (ст. 1148). Член семьи мог быть привлечен к ответственности наряду с главой семьи, потому что налогом облагалась вся семья.

Судебные дела о неуплате налогов и дела, связанные с налогообложением, подлежали расследованию и рассматривались прямо на местах (ст. 554).

Сородичи не только имели право, но и были обязаны помочь своему родственнику, неспособному расплатиться с государством (ст. 337). Однако такую помощь было запрещено оказывать всем гражданским и военным чиновникам, ибо под видом помощи могла быть дана обыкновенная взятка (ст. 338).

Никаких сведений о том, чтобы поземельный налог уплачивался деньгами, в кодексе нет. В XIII в. известны лишь факты денежного обложения земель, принадлежавших буддийским общинам, о чем подробно будет сказано ниже.

Хозяин-собственник земли был обязан государству не только поземельным налогом, но и отработками. Налог и трудовая повинность были неразделимы, они в основном и рассматривались вместе в одной главе кодекса. Считать трудовую повинность своего рода государственной барщиной и реализацией верхов-

ной собственности государства на землю нам кажется неправомерным. Это была регламентированная обязанность граждан в отношении государства для удовлетворения его нужд, нужд общественных, следовательно, одного из условий его существования. Трудовые повинности являлись своеобразной формой уплаты поземельного налога, его составной частью. «Счет дней, [подлежащих отработке],— говорится в статье 1104 кодекса,— должен вестись в зависимости от количества ндзие и ндзвон земли». Хозяин земли должен был в соответствии с законом «платить налог, ходить на отработки и поставлять сено» (ст. 1151). Как и при уплате налога, должностные лица на местах без приказа государя не могли «требовать [от хозяев исполнения разных трудовых повинностей... Если же в государстве возникнет потребность срочно построить пагоду, храм, отремонтировать городскую стену или могилу государя, то о том, имеют ли право [местные власти] назначать на трудовую повинность хозяев, платящих подворную подать, или нет, необходимо запросить Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или Главное управление военных дел и поступать в соответствии с полученными указаниями» (ст. 1088). Закон требовал, чтобы разные государевы налоги и работы на государя взимались и выполнялись в соответствии с установленными нормами (ст. 450).

Трудовую повинность не следует приравнивать к государственной барщине еще и потому, что она была связана не только с землей. К трудовой повинности привлекался каждый взрослый трудоспособный член семьи, ставший совершеннолетним. Трудовая повинность была связана с «подворным налогом» (кит. «шуйху цянь», «хушуй»), который вносился в зависимости от размеров собственности семьи и уплачивался всеми без исключения [37]. Наконец, был еще такой вид трудовой повинности, как отработка военнообязанными стоимости полученных ими от властей коня и доспехов.

Местные власти имели право в случае нужды мобилизовать на дополнительные работы до ста человек, доложив об этом вышестоящим властям. Большее число людей могло быть призвано на работы только по приказу свыше. «Если возникла потребность произвести дополнительные работы для государя и можно призвать на строительные работы хозяев, платящих подворную подать, то управлению транспорта производить мобилизацию на работу по своему собственному решению запрещается. Текст приказа [о мобилизации на работы] следует доложить в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, а характер предстоящих работ — прове-

---

[37] *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty, с. 31—40.

рить. Если [на месте] будет установлено, что для производства работ следует мобилизовать какое-то количество людей в пределах ста человек, то [такое количество] людей можно мобилизовать. В том же случае, когда речь идет о мобилизации более чем ста человек, необходимо доложить о деле в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями (ст. 1089). Статья 452 также устанавливала, что в случае нужды привлечение на дополнительные работы возможно только «на основании имеющегося письменного постановления властей».

Сверхнормативное, незаконное привлечение к работам каралось как «взятка с нарушением закона»: «Если кто-либо уже привлекался на строительные работы в пользу государя, [но затем] теми, кто распределяет повинности и устанавливает количество [рабочих дней], за взятку или из-за предвзятого отношения будет назначен на строительные работы сверх нормы, то в соответствии с законом должна быть подсчитана стоимость проработанных сверх нормы дней, в зависимости от того, выполнялась ли работа мужчиной или женщиной, и приговор [виновным] выносится как за „взятку с нарушением закона“» (ст. 451). Закон запрещал привлекать к выполнению трудовых повинностей старых и слабых людей взамен молодых и здоровых (ст. 808].

Обычно работающих по трудовой повинности людей мобилизовали на ирригационные работы, строительство, в том числе и оборонных сооружений, для работы на складах, для ухода за государевым скотом, для заготовки сена. Мобилизация на работы, если не было чрезвычайных обстоятельств, осуществлялась местными властями, тем же управлением транспорта, с ведения Главного императорского секретариата после оценки объема предстоящих работ (ст. 1105), а если возникала какая-то срочная нужда, то по приказу вышестоящих властей через прибывшего с пайцзой гонца (ст. 979). Неявка на работы приравнивалась к неявке на военную службу (ст. 447). Работали, очевидно, не только мужчины, но и женщины (ст. 451).

Чиновник, ответственный за мобилизацию людей на работы по трудовой повинности, считался старшим сбора. Он отвечал за привлечение к работам и распределение работ. Допущенные им злоупотребления (непривлечение к работам, назначение на легкие работы вместо тяжелых и т. п.) рассматривались как «взятка с нарушением закона» (ст. 448). «В случае мобилизации на большие весенние работы по рытью каналов из каждых двадцати работников должен быть выбран один хэчжун и один туаньтоу (начальник группы)» (ст. 1106). Людей, направляемых на работу на большие магистральные каналы На, Ла, Хань и Янь или на рытье новых каналов, предлагалось «объединять в пары. [Всю их] работу следует распределить между ними, и [они]

обязаны производить ремонт [канала], старательно копая землю на нужную глубину и ширину. Если [они] будут копать неаккуратно, не соблюдая [установленную] ширину и глубину, то [они подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1149).

Отметим, что за плохую работу наказывали палками и, что очень важно, на работу привлекались и лица, имеющие ранги. Возможно, работы на магистральных каналах носили чрезвычайный характер; мы не знаем, привлекались ли в Си Ся чиновники к обычным работам по трудовой повинности и платили ли они поземельный налог. В кодексе сведений об этом нет. В Китае в разные периоды его истории чиновники также облагались налогом и выполняли трудовые повинности[38]. Но освобождение чиновников, монахов, мужчин и женщин моложе 20 лет, инвалидов, частных лично несвободных от трудовой повинности было давней китайской традицией, берущей, как показал Согабэ Сидзуо, начало от постулатов, изложенных в «Чжоу ли»[39]. Злонамеренное уклонение от выхода на работу по трудовой повинности, во всяком случае в первой четверти XIII в., наказывалось тремя годами каторжных работ: «В [нашем] государстве жителям (букв. «хозяевам-народу»), которых можно привлечь на строительные работы в городах, уклоняться от работ — откочевывать и уходить в деревни — запрещается. Если закон будет нарушен, то [виновным] — 3 года каторжных работ. Награду в размере пятидесяти связок медных монет тому, кто поймал [уклонившегося от работ], следовало взыскать с преступника»[40].

Лица, отбывавшие трудовую повинность, при некоторых обстоятельствах получали от государства пропитание пшеном. В тексте несохранившейся статьи 1316 речь шла о том, что «назначенные на очередные работы получают пшено». Финансово-налоговое управление ежегодно выделяло двадцать тысяч нджиа (ху) зерна «для прокормления мобилизованных на очередные работы [этого] года» (ст. 1317). В абсолютном прокормлении всех посланных на отработки нас заставляют сомневаться данные Д. С. Твичета по Китаю, восстанавливаемые им по японскому источнику «Рё-но сугэ»: «За исключением продуктов питания, требуемых на время проезда [к месту работ], каждый работающий весь срок, который он должен работать, живет за собственный счет»[41].

---

[38] *McKnight B. E.* Fiscal Privileges and the Social Order in Sung China.— Crisis and Prosperity in Sung China. Tuson-Arizona, 1975, c. 86—88 (отд. отт.).

[41] *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty, c. 25—26, 144, 145; *Согабэ Сидзуо.* Рицурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй сино кэнкю, с. 156—160.

[40] «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 28.

[41] *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty, c. 142.

По окончании работ тот, кто работал, получал документ-квитанцию от управления, с печатью, удостоверяющий, что он отработал положенный ему срок (ст. 722).

Трудовые повинности были нормированы. Важно подчеркнуть, что сроки работы часто прямо зависели от того количества земли, которое было в собственности у отбывающего повинность. «Что касается большой мобилизации на работы по рытью каналов весной [людей] со всех податных дворов районов особого назначения, то люди, имеющие участки земли от одного до десяти ндзвон включительно, работают 5 дней, от одиннадцати до сорока ндзвон включительно — 15 дней, от сорока одного до семидесяти пяти ндзвон включительно — 20 дней, свыше семидесяти пяти до ста ндзвон включительно — 30 дней, свыше ста ндзвон до одного ндзие двадцати ндзвон включительно — 35 дней, свыше одного ндзие двадцати ндзвон до одного ндзие пятидесяти ндзвон — по законной таксе (чжэнфу) (?) — 40 дней. Счет дней, [подлежащих отработке], должен вестись в зависимости от количества ндзие и ндзвон земли, и [тот, кто] первым закончит работу, первым должен быть и отпущен. Если кто-либо из таковых отработает [свои] дни, но не будет отпущен, то ответственные за организацию работ и старшие [подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1104). Сорок дней был максимальный срок работы на ирригационных сооружениях весной. Задержать работающих на больший срок можно было только в случае неоконченных и важных работ и с разрешения высших властей (ст. 1105). Отсчет срока работ велся с момента определения на работу. Между временем прибытия на место сбора и временем назначения на работу должно было пройти не более трех дней. За промедление с назначением на работу на срок свыше трех дней виновные в том организаторы работ подлежали наказанию (ст. 1107). Если для работы требовались люди на срок от месяца и больший, чем предусмотрено законом (40 дней), то организаторы работ обязаны были ввести сменные работы разных групп работающих (ст. 1159).

По некоторым данным, норма отработок в сунском Китае составляла 30 дней в году, но могла достигать и 50—60 дней [42].

Не явившиеся на отработки или не отработавшие положенное наказывались палками (ст. 1148). Не прибывшие на место работ в наказание вместо одного дня работы позднее отрабатывали два, тех, кто ушел домой, «надлежало бить палками, а та работа, [которую они выполняли], должна была быть ими компенсирована» (ст. 447).

---

[42] *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае, с. 124.

Если работы были завершены досрочно, то местные власти с разрешения вышестоящих инстанций могли распустить работников по домам. Держать их без дела запрещалось, и за это организаторам работ полагалось наказание (ст. 449).

Судебное разбирательство дел, связанных с трудовыми повинностями, осуществлялось на местах, местными властями (ст. 554).

в) Собственность на скот. Налоги со скота. Законы о скоте

Законодательство о скоте, возможно, наиболее интересная часть тангутского права, поскольку оно меньше находит себе аналогий в праве китайском. Тангуты являлись древними скотоводами, хотя, вопреки первым впечатлениям [43], в XII в. основной отраслью хозяйства Си Ся было уже не скотоводство, а земледелие. Само понятие имущества у тангутов выражалось понятием «скот и имущество».

Как и любой объект собственности в тангутском государстве, скот делился на скот, принадлежавший частным лицам, и скот, принадлежавший государю (ст. 158). «Если при проверке будет обнаружено, что взамен государева коня представлен конь, принадлежащий частному лицу, то [этот] конь, принадлежащий частному лицу, должен быть изъят в качестве штрафа и стать государевым» (ст. 298). В кодексе упоминаются «пастухи, которые пасут государев и частный скот», которые «самовольно... дали в долг... скот, принадлежащий государю или частному лицу» (ст. 1360, 1361). Существовал запрет «любому человеку... подменять частным животным или имуществом что-либо из государева имущества или верблюдов и лошадей» (ст. 1367). И последняя цитата: «Пастухам государевых скотоводческих гвонов, старшим и младшим чиновникам запрещается ловить и клеймить отбившийся от стада скот хозяев. Если закон будет нарушен, то приговор [виновным] выносится как за тайную кражу. На уже клейменное животное должно быть поставлено клеймо [о его] пожертвовании, и [его] возвращают владельцу. В особых случаях в качестве компенсации может быть выдано государево животное» (ст. 1389).

Тангуты делили весь скот на четыре вида: 1) верблюды, 2) лошади, 3) коровы и быки, 4) овцы и козы (ст. 1364). Одновременно с этим существовало подразделение скота на крупный (боевой, транспортный и мясо-молочный) — это лошади, верблюды, ослы, мулы, быки, коровы — и мелкий: овцы, козы, свиньи. Особняком рассматриваются в кодексе яки — животные, разводившиеся в горных районах Си Ся.

---

[43] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 104.

Судя по косвенным данным, соотношение ценности четырех видов скота было следующим: верблюд и лошадь рассматривались как примерно равноценные животные, а одному верблюду или одной лошади по ценности были равны пять коров или быков и двадцать овец или коз (ст. 1394).

В кодексе имеются сведения, правда незначительные, о содержании скота. Были стада скота, где самцы и самки паслись и содержались вместе, а были стада, где они содержались отдельно (ст. 1343). С самками вместе содержались старые животные, выхолощенные жеребцы и новорожденные и годовалые ягнята и телята. Молодых, сильных самцов-верблюдов, жеребцов, быков, баранов, козлов объединяли в отдельные стада (ст. 1344). Отделялись нередко старые и больные животные (ст. 1347). Закон предписывал не пасти вместе жеребят и жеребцов, молодые жеребята паслись вместе с кобылицами (ст. 1350).

На каждом животном ставилось клеймо, знак собственника. Клеймили скот «огненными клеймами», т. е. раскаленным железом. «Приплод от четырех видов домашнего скота — верблюжата, жеребята, телята, ягнята и козлята — все, сколько их появилось с первого дня четвертого месяца (май) и до первого дня десятого месяца (ноябрь), должны быть заклеймены на глазах [учетчиков]. Верблюжатам, жеребятам и телятам клеймо ставят на ухо, а ягнятам и козлятам — на щеку... Что касается порядка клеймения [молодняка], то по прибытии в первый день десятого месяца учетчиков [они] лично должны осмотреть [молодняк] и на самцах и самках в соответствии с узаконенным порядком следует выжечь клейма» (ст. 1396). То, что клеймение государева скота производилось примерно с мая по ноябрь включительно, подтверждается и текстом статьи 1395.

Клеймился не только государев скот, но и скот, принадлежащий частным лицам (ст. 1369). «Новые законы» в случае находки животного предписывали установить клеймо, которым оно заклеймено, а затем дать объявление на рынке, указав клеймо и внешние приметы животного[44]. Государевым пастухам запрещалось «ловить и клеймить отбившийся от стада скот хозяев» (ст. 1389). Для клеймения казенного (государева) скота существовали специальные стандартные государевы печати-клейма (ст. 1371).

Клеймо было символом правомочий собственника. Поэтому, когда казенный государев скот передавали кому-либо в собственность, на животное ставили второе клеймо, «клеймо о пожертвовании» — знак отказа казны от прав собственности на данное животное. По китайским источникам, казенный скот в Китае, в частности кони, имел два клейма. На правом плече ставился знак «гуань», «казенный», у хвоста на крупе — клеймо

---

[44] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 38.

с обозначением места приписки[45]. Овцам клеймо о пожертвовании ставилось на правой щеке (ст. 1345, 1346).

К сожалению, законы о скоте — возможно, одна из самых оригинальных частей кодекса — посвящены больше государеву скоту и возможным злоупотреблениям с ним. Сведения общего порядка, касающиеся частного скота и скотоводческого хозяйства, крайне скудны. Тем не менее кое-что можно извлечь и из имеющегося материала. Это сведения о минимальных или нормативных для тех лет количествах скота в хозяйстве, охране стад, правах на пастбища и колодцы. Скотовод мог вести рентабельное, жизнеспособное хозяйство, позволяющее переживать мелкие бедствия со скотом, если у него было пятнадцать-двадцать голов крупного скота (верблюдов, лошадей, коров, быков) и семьдесят овец и коз (ст. 1401).

В зависимости от количества скота в семье хозяева-военнообязанные делились на три категории. Скотовод, который имел 200 овец и 20 коров, был обязан явиться на военную службу в полном собственном снаряжении — с конем и доспехами для себя и своего коня. Имевший 100 овец и 10 коров оплачивал коня и один из видов доспехов — для себя или для защиты коня. Тот, у кого было 50 овец и 5 коров, оплачивал только коня. Это была граница обеспеченности и платежеспособности при явке на военную службу (ст. 296).

Скот принадлежал семье. Член семьи не имел права выделить для себя какое-то количество скота. Очевидно, пасли скот группами семей или родо-племенными коллективами. Тексты, которые говорят об этом, неясны. В статье 446 сказано: «Всем чиновникам, взрослым мужчинам и женщинам — всем людям, которые не имеют права числиться хозяевами,— запрещается захватывать [у подчиненных] коров, овец, топливо, сено, траву и прочее имущество». Текст этой статьи связан с текстом предыдущей статьи, 445-й: «Если кто-либо, пользуясь своим положением в целях обмана, заявит, что он владеет большим количеством скота, а [его] старшие пастухи и отроки захватят у какого-либо человека место ночлега у колодцев и будут там поить и пасти [скот], или же если, не участвуя [в общей] охране [скота], он выделит принадлежащий ему скот и пошлет людей стеречь [принадлежащий ему скот отдельно], то допускать такой произвол над хозяевами запрещается».

Таким образом, хозяева скота пасли скот, охраняли его совместно, в рамках определенных кочевых общин, но неясно, кровнородственных или соседских. Социального равенства в этих общинах не было. Те, кто имел много скота, стремился, пользуясь своим богатством и связанным с ним социальным положением, выделиться из общины, пасти скот отдельно, не участво-

[45] *Ван Пу*. Тан хуй яо. Пекин, 1955, гл. 72, с. 1305.

вать в охране скота. Возможно, само по себе такое выделение и не было деянием противозаконным, если оно не соединялось с побочными действиями. Во-первых, хозяин, если он должностное лицо, чиновник, выделяясь, использовал служебное положение и обирал своих сообщников или сородичей. Поэтому такое выделение в обеих статьях наказуется как «взятка с нарушением закона». Во-вторых, он захватывал удобные колодцы, места ночлега у них и близлежащие пастбища, чем ставил свой скот и своих пастухов в лучшие условия. Но эти колодцы и места ночлега не были общинными, ибо их захватывали у «какого-либо человека». Колодцы, видимо, являлись источником дохода того, кто их выкопал. Пастухи были обязаны следить за колодцами и ремонтировать их. Очевидно, на своей земле каждый был волен вырыть колодец. Но и на государевой земле, пастбищах это разрешалось сделать, если не вредило государеву скоту и если против рытья колодца не возражали государевы пастухи. «Пастухи обязаны ремонтировать колодцы. Если колодец придет в запустение, то [виновному] — 13 палок. Если в пределах государевых земель обнаружится увлажненное место (букв. „водяной глаз“) и найдется человек, который мог бы выкопать колодец, то там, где это не повредит государеву скоту, колодец должен быть выкопан. Если колодец будет выкопан там, где [он] вредит [государеву скоту], или же если пастухи воспротивятся тому, чтобы вырыть колодец там, где [он] не вредит государеву скоту, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1400).

Скот, как и земля, подлежал учету. Составлялись списки скота, как государева, так и частного. При этом в списки входила и опись тех пастбищ, на которых скот пасся. «Ежегодно при составлении списков скота в конце [таковых] должна быть представлена и опись земель» (ст. 1398). Государевы и частные пастбища были разграничены. «Если в пределах государевых земель, приписанных к любому скотоводческому гвону, прежде имелись частные земли, [принадлежащие] кому-либо из живущих там хозяев, то селиться [таковым] в пределах государевых земель запрещается. Хотя и нельзя в пределах [государевых] земель иметь [землю], но если окажется, что кто-то может [ее] иметь, или же не может покинуть хороших пастбищ, или же, не имея воды, не в состоянии получить [ее в другом месте], или же обнаружатся старые, издавна [живущие здесь] семьи, то [все таковые лица и семьи] могут жить там, где [они] живут. Всем прочим хозяевам этого скотоводческого гвона там, где пасется государев скот, запрещается пользоваться водой и травой и пахать землю... Если наступит засуха и в государев скотоводческий гвон явятся какие-либо хозяева, которые разыскивают траву для выпаса скота, то [таковым] разрешается в течение одного года селиться [на государевых землях], но па-

хать государеву землю запрещается. Если по прошествии года [они] не уйдут [с государевой земли], то [об этом] следует сообщить должностному лицу, и если окажется, что [нарушители] в течение года имели возможность откочевать, но год прошел и [они] не откочевали, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1399). Закон указывал, что в скотоводческих районах «государевы и частные земли необходимо строго разграничить» (ст. 1398).

С владельца скота, как и с владельца пахотной земли, требовался натуральный налог продуктами скотоводства и трудовые повинности. К сожалению, статьи 1340—1342, в которых шла речь о трудовых повинностях скотоводов, не сохранились. Судя по оглавлению-индексу к статье 1342, эти повинности были нормированы, что естественно, а к статье 1341 — в число трудовых обязанностей скотоводов входили поставки веников, метелок и древков для стрел. Порядок налогообложения скота был, в сущности, аналогичен порядку обложения пахотной земли: «Что касается молочных продуктов и шерсти, которые ежегодно должны поступать от четырех видов животных — коров, верблюдов, овец и коз,— то [нормы поставок этих продуктов] должны определяться заранее по спискам скота, хранящимся в управлении скотоводства, и при этом должно быть точно указано имя человека, [обязанного поставлять молочные продукты и шерсть] и [требуемое с него] количество [этих продуктов] в лдиэ (цзинь) и ливу (лан). На каждого [поставщика] заводится отдельный документ, который заранее следует передать [чиновнику] управления столичного департамента, финансово-налогового управления (саньсы), управления, ведающего загородными дворцами, или же другому чиновнику. Управляющие пастбищами производят расчет по имеющимся у них своим спискам и вносят дополнения. В каждом гвоне из имеющихся там старших и младших управляющих пастбищами назначается старший [по поставкам молочных продуктов и шерсти]. [Они] в соответствии с официальными документами и донесениями и должны присылать столько [молочных продуктов и шерсти], сколько их имеется в наличии. Запрещается совершать упущения по службе и не досылать хотя бы один лдиэ (цзинь) или один ливу (лан).... Шерсть и молочные продукты, которые следует поставлять, через управление скотоводства передаются должностным лицам финансово-налогового управления (саньсы), которые, в свою очередь, обязаны выдать [на принятые продукты] квитанции. Пастухи, [получив квитанции], разъезжаются на места по своим гвонам. Когда же прибудет большая ревизия, то все квитанции следует собрать вместе и проверить в соответствии с законом» (ст. 1353). Поставок шерсти и молочных продуктов не требовалось с лошадей и вьючных верблюдов. Сохранились некоторые сведе-

ния о нормах выплаты шерстью. Верблюжья шерсть стриглась с передних ног и шеи животного. С взрослых верблюдов-самцов, не ходящих под вьюками, требовалось 8 ливу ($\approx$300 г) шерсти, с молодых верблюдиц — 3 ливу ($\approx$112 г), со старых верблюдов и верблюдиц — по 2 ливу (75 г) шерсти. С овцы или козы требовалось платить шерсти весенней стрижки около 260 г, а шерсти осенней стрижки — 150 г; с ягнят шерсти весенней стрижки — 75 г, шерсти осенней стрижки — 150 г; со взрослых яков шерсти весенней стрижки сдавали 375 г, с годовалых телят яков — примерно 300 г, с сосунков — 185 г. Молочных продуктов с верблюдицы следовало поставить 1,2 кг, с овцы и козы — примерно 112 г с каждой (ст. 1353). Что входило в понятие «молочные продукты», неясно; возможно, частично налог взимался сыром и маслом.

В государственных хозяйствах отбирались и распределялись среди пастухов дойные коровы, овцы и козы, молоко которых и приготовленные из этого молока сливки, масло, сыр шли непосредственно к столу государя. Нормы этих поставок не указаны; по-видимому, все молоко этих животных шло к столу государя. С дойных овцематок и коз не требовались поставки шерсти. Дойные коровы, овцы и козы находились в обозе государя и во время его поездок по стране. Если не все, то по крайней мере часть пастухов ухаживала за молочными стадами государя в порядке отбывания трудовой повинности (ст. 1354).

Излишки молочных продуктов и шерсти казна закупала у скотоводов «за деньги по реально существующим на данный момент продажным ценам» (ст. 1353).

Законом устанавливались нормы сохранения приплода. Эти нормы касались только государевых казенных стад и вряд ли распространялись на стада частных хозяев. Ежегодно от каждых 100 верблюдиц должно было быть сохранено 30 верблюжат, от 100 кобыл — 50 жеребят, от 100 дойных коров — 60 телят, от 100 овец или коз — 60 ягнят. Ежегодный требуемый приплод яков в горах Яньчжишань составлял пять ячат с десяти ячих. В горах Хэланьшань, где условия для содержания яков считались недостаточно удовлетворительными, норм сохранения приплода не было установлено. Закон только предусматривал, что погибшие ячата должны были «быть компенсированы дойными коровами» (ст. 1350). С вьючных верблюдов приплод требовался «в том количестве, в каком [он] имеется» (ст. 1351). При оценке приплода с какого-либо стада во внимание не принимались яловые верблюдицы, кобылы и коровы и несуягные овцы и козы (ст. 1352).

Государев скот был закреплен за государевыми пастухами, лично за каждым конкретные животные, и пастух отвечал за их сохранность, был в нашем современном понимании материально ответственным лицом (ст. 1363). Мы не знаем точно, сколько

голов скота было на попечении одного тангутского пастуха. В танском Китае на десять коней полагался один погонщик, на десять коров — один пастух. Один пастух отвечал за шесть верблюдов, ослов или мулов или за семьдесят овец [46].

Пастух имел право на часть приплода от государева скота, и такой скот клеймился «клеймом-пожертвованием» (ст. 1346). Это и другие косвенные свидетельства (например, пастух отвечал за гибель государева скота по его вине своим личным скотом) говорят о том, что и государевы пастухи — те, которые работали в казенных хозяйствах постоянно, а не по трудовой повинности, и даже те, кто были лично несвободными людьми,— имели свой, принадлежавший им лично скот. Пастух мог взять себе мясо (законы свидетельствуют, что мясо павших животных регулярно шло в пищу) одного из каждых десяти погибших животных его стада, если гибель животного произошла не по его вине и он не отвечал за падеж скота своим имуществом (ст. 1343—1345).

Мы не знаем точно, сколько в среднем в каждом тангутском государственном скотоводческом хозяйстве (гвоне) было скота. Это, видимо, зависело от того, какой был в хозяйстве скот. В Китае танские конные дворы имели на своем попечении около 5 тыс. лошадей каждый. Средние размеры табуна коней определялись в 120 голов, стада верблюдов — в 70 голов [47]. Китайский опыт был сориентирован на опыт кочевников пограничных районов северо-запада, и эти цифры могут быть с должной степенью вероятности приняты и для рассмотрения вопроса о количестве стад в тангутских скотоводческих гвонах.

Довольно много статей кодекса отведено пресечению возможных злоупотреблений при уходе за государевым скотом и правилам возмещения убытков казне. Мы уже писали о том, что были списки скота. Более того, в управлении скотоводства имелись в числе сведений о государевом скоте документы «с достоверным описанием примет животных», второй экземпляр этих документов находился в управлении ревизии и контроля. Документы о выдаче скота тоже содержали подробные описания животных. Они подписывались начальниками управлений, а по истечении года сброшюровывались в единую тетрадь. Управление ревизии и контроля использовало хранящиеся у него документы при ежегодных проверках состояния стад (ст. 1358). Ревизоры получали продукты на жизнь от государя и не имели права ничего брать в ревизуемом хозяйстве (ст. 1370). Ревизоры получали бумагу для составления списков скота (ст. 1372), а также медную печать с надписью: «финансово-налоговое уп-

---

[46] Да Тан лю дянь. Тайбэй, 1974, гл. 22, с. 30а.

[47] *Ван Пу.* Тан хуй яо, гл. 72, с. 1305; Да Тан лю дянь, гл. 17, с. 24б—25а.

равление», клеймо для клеймения скота и главу 19 «Измененного и заново утвержденного кодекса», текстом которого они были обязаны руководствоваться в своих действиях (ст. 1371). Учет государева скота производился на месте, «там, где он находится» (ст. 1373). Вместе с ревизорами и учетчиками выезжал экзекутор, имевший при себе стандартные палки для наказаний и на месте же творивший суд и расправу (ст. 1374). 15 человек из числа сыновей и братьев управляющих пастбищами обслуживали ревизоров и учетчиков в качестве рассыльных (ст. 1375).

Пастухи должны были предъявить ревизорам и учетчикам наличный скот безо всяких нарушений и ухищрений. Нельзя было предъявлять учетчикам и ревизорам одно животное в разных местах дважды. Если пастух взял у соседа какое-то количество скота и предъявил вместо своего, то за такой подлог, если было подменено более 21 верблюда или коня, он подлежал смертной казни (ст. 1376). Наказывался и тот, кто дал свой скот ревизуемому, будь это другой пастух государева скота или частное лицо, давшее своих животных.

Учетчики и ревизоры действовали не совместно, а параллельно. «В том случае, когда в скотоводческий гвон, подчиненный управлению скотоводства, прибудут учетчики государева скота и ревизоры-оценщики управления ревизии и контроля, те из них, кто первым закончит работу, должен первым представить [ее результаты] в вышестоящие инстанции. Те и другие не имеют права сами сравнивать [итоги своей работы]» (ст. 1384). Результаты проверки, новые «списки скота, составленные постадно, здесь же, на месте, в гвоне, где проводилась большая проверка и учет, должны быть заверены печатью того управляющего пастбищами, в ведении которого [проверявшийся скот] находился ранее [и находится теперь]» (ст. 1385).

В кодексе большое внимание уделено правилам компенсации убытков, причиненных казне.

Нельзя было в возмещение ущерба сдавать в казну яловых самок и тем самым лишать казну будущего приплода и дохода с него (ст. 1388). Убытки взыскивали вначале с пастухов, затем, если те были не в состоянии платить, со старших и младших управляющих пастбищами, а если и эти лица оказывались неспособными возместить потери, к ответу привлекали низовую местную администрацию — направляющих и замыкающих, ведающих скотоводством в данном районе. В случае, когда все эти лица окажутся несостоятельными, виновные за причиненный государю ущерб «должны были поплатиться жизнью». Смертной казни подлежали пастухи, не возместившие казне потерю свыше 25 коней или верблюдов, свыше 35 коров, свыше 50 овец или коз (ст. 1390).

Практика, в соответствии с которой ущерб частично возме-

щали пастухи, а частично — управляющие пастбищами, вела к тому, что управляющий освобождался от наказания, а пастух за недоплату своей доли подлежал уголовному наказанию палками или каторжными работами (ст. 1391). Если не расплачивался частично и управляющий, то он получал срок каторжных работ и отстранялся от должности, которую, правда, во время отбывания им наказания мог исполнять его сын или брат (ст. 1392). Учетчикам и ревизорам, взыскивающим убытки, запрещалось «вступать в личный контакт с человеком, обязанным выплачивать компенсацию, брать у него взятку и позволять благополучно здравствовать тому, кто не заплатил за причиненные им убытки». Если учетчики и ревизоры незаконно списывали с пастухов скот, то они несли наказание как за тайную кражу на сумму, равную стоимости незаконно списанного скота (ст. 1394).

Закон довольно сурово наказывал за подмены скота, могущие сулить те или иные выгоды (ст. 1404). Например, менее упитанный и худшей породы скот частных лиц мог быть заменен на хороший государев скот. Виновные наказывались в таких случаях как за тайную кражу на сумму разницы в рыночной стоимости подмененных животных (ст. 1367). Наказывалась и подмена равноценных животных. Должностные лица за подмену получали более строгое наказание, так как таковая справедливо рассматривалась законом как должностное преступление (ст. 1367—1369).

О тех, в чьем ведении находился скот, в кодексе имеется немало сведений. Низовой ячейкой, рабочей силой были пастухи, о которых известно не так много. Это были или люди, работавшие по трудовой повинности, или лично несвободные государевы люди из числа «государевых пастухов и земледельцев», в том числе и каторжане, осужденные за уголовные и иные преступления, и, наконец, что не исключено, люди, просто работавшие на казну. Каждым стадом, хозяйством или группой хозяйств управляли старшие и младшие управляющие пастбищами. Над ними стояли представители местной низовой администрации — направляющие и замыкающие данного региона. Одновременно они также могли назначаться и управляющими пастбищами и в делах, связанных с государевым скотом, непосредственно подчинялись управлению скотоводства. Управление скотоводства — центральная организация с функциями своего рода министерства животноводства — ведало не только государевым скотом, но и сбором налога с частного скота, передавая его затем финансово-налоговому управлению.

Если поземельный налог поступал в управление транспорта, то налог со скота шерстью и молочными продуктами — в финансово-налоговое управление. Управление скотоводства вместе с управлением ревизии и контроля ведало также учетом и ре-

визией казенных стад. Чиновники управления скотоводства на местах должны были размещать свои канцелярии поблизости от пастбищ. На их содержание выделяли из казенных стад слабый и выбракованный скот. Мы уже указывали ранее, что любое потребление государева скота оформлялось документами, выдачей пастухам квитанций. Скот мог выдаваться по приказу государя, по распоряжению управления скотоводства и, видимо, в незначительных количествах даже по распоряжению низовой администрации. Все зависело от масштабов и целей расходования скота.

Управление скотоводства не вмешивалось в проверку стад, принадлежавших частным лицам (ст. 1359). Учет скота, принадлежащего частным лицам, был под контролем управления ревизии и контроля. Часть казенного скота была также в распоряжении управления, ведающего загородными дворцами государя, а некоторые хозяйства были подчинены военным комиссариатам (ст. 1347, 1364).

Все тяжбы, связанные со скотом и скотоводческими хозяйствами, подлежали расследованию на местах (ст. 554).

Можно указать на основные каналы расходования государева скота, кроме прямого потребления мясо-молочных продуктов на нужды двора и в качестве средства уплаты жалованья чиновникам. В тангутском государстве существовал запрет на продажу за границу кем-либо из частных лиц, кроме казны, верблюдов, коров, быков, мулов и ослов. «Если кому-либо из чужеземцев будут проданы верблюд, корова или лошадь — безразлично, взрослое животное или молодое... то, если [виновен] простой человек, зачинщик подлежит смертной казни путем обезглавливания, а пособники наказываются пожизненными каторжными работами... Имеющим ранг мера наказания определяется в соответствии со степенью ранга». Продажа мелкого скота (овцы, козы, свиньи) наказывалась как ограбление без использования оружия (ст. 440). Ограбленными в том и другом случае были казна, государь. Тангуты, как мы знаем из китайских источников, много торговали скотом, но эта торговля и право на доходы с нее были монополией казны, государя. Тангуты отправляли скот за границу в качестве подарков и уплаты дани соседям — киданям, китайцам и чжурчжэням. Верблюды и лошади, предназначенные для передачи в другие государства, выделялись особыми правительственными постановлениями (ст. 1357).

Существенную часть казенного скота составляли боевые кони для армии. Не все военнообязанные были в состоянии явиться на службу с конем. Те, у кого своего коня не было, получали государева коня из казенных табунов. Те, кто мог явиться с конем или расплачивался конем за причиненный казне убыток, должны были для армии «клеймить коня здорового от копыт до зубов. Запрещается клеймить ожиревшего или отощав-

шего [коня], а также коня с неровной спиной или не имеющего всех зубов либо слишком старого» (ст. 297).

Государевы кони, переданные военнообязанным, закреплялись за ними лично. «Что касается государева коня, который находится в пользовании военнослужащего, то... запрещается использовать [его] для верховой езды и охоты. Если закон будет нарушен, то следует подсчитать, сколько дней [государева коня] использовали для охоты и верховой езды, и определить стоимость произведенной [им] работы из расчета семьдесят [монет] в день. Приговор [виновному] должен быть вынесен по закону о наказаниях за „взятку с нарушением закона“» (ст. 332). Конюхи, пастухи табунов государевых коней также несли за их сохранность особую ответственность: «Если у одного из государевых верховых коней из-за причиненных [ему] побоев или нечаянно будет поврежден глаз или сломана нога, то [виновному] — 3 месяца каторжных работ. Если [животное из-за этой травмы] погибнет, то стоимость [его] должна быть возмещена [виновным]» (ст. 1356). Если государевы кони ослабевали из-за кражи кормов, то виновных наказывали на одну степень строже, чем за тайную кражу. Халатное исполнение обязанностей пастухами и конюхами могло быть наказано годом каторги (ст. 1355).

Объектом особой заботы казны были и транспортные животные, прежде всего верблюды. Государевы караваны верблюдов составлялись из верблюдов (в основном самцов), принадлежащих казне и бывших в распоряжении управления скотоводства или управления, ведавшего загородными дворцами государя. Если самцов не хватало, то использовали и верблюдиц, но уже не требуя за них поставок шерсти и приплода (ст. 1347). Кроме управления скотоводства и управления, ведавшего загородными дворцами государя, вьючные верблюды были еще в ведении столичного департамента и финансово-налогового управления. В хозяйства, связанные с вьючными верблюдами, назначались старшие начальники, а во время работы к верблюду был приставлен погонщик. Эти лица отвечали за сохранность верблюда, а «если окажется, что у животных повреждены глаза, спина или нос, то должностные лица... могут быть наказаны палками» (ст. 1348). Для ведения внешней торговли управление столичного департамента и финансово-налоговое управление получали верблюдов от управления скотоводства. Если верблюд погибал от болезни, то его шкура и мясо должны были быть представлены должностному лицу, после чего погибшее животное могло быть списано. В случае отсутствия доказательств гибели верблюда от болезни должностные лица, ответственные за уход за ним, возмещали его стоимость и несли наказание (ст. 1349).

Гибель животных от болезни была делом естественным, закон всегда стоял только на страже интересов государства

в одном — животное действительно должно было погибнуть от болезни и после того, как были приняты меры к его лечению. Ветеринар или шаман, взявшиеся лечить больное животное, но не вылечившие его, не получали вознаграждения за свой труд (ст. 456). Ветеринары имели даже узкую специализацию. Коней непременно должен был лечить «специалист по коневодству». За лечением следил особый чиновник, и, если оно не было успешным, коня списывали. Мясо погибшего животного продавалось. Есть упоминания и о ценах на мясо павших животных. Конина в зависимости от возраста коня стоила 500—1000 монет, стоимость мяса верблюда, коровы, быка была 500 монет, верблюжонка, жеребенка, взрослой овцы и козы — 100 монет, ягнят и козлят — 50 монет за тушу (ст. 1363, 1365). В случае возникновения эпидемий закон предписывал немедленно выявить количество заболевших животных и доложить обо всем по инстанции. Пастухи обязаны были приводить мясо павших животных в негодность, а шкуру и уши их сохранять до прибытия властей. Власти выясняли причину эпидемии — «должны обследовать колодцы, заросли трав, больных той же болезнью [животных] в окрестных государевых хозяйствах и у хозяев, живущих по соседству, и должны проверить, что приобретали люди, старшие или младшие управляющие пастбищами того же самого гвона и других [гвонов]» (ст. 1364). Затем освидетельствовали шкуры и уши погибших животных. С ушей срезали клейма, а уши сжигали. Шкура животных могла быть использована и уничтожению не подлежала (ст. 1364). Зафиксированное законом употребление мяса погибших от болезней животных в пищу, а их шкур в дело не могло не способствовать распространению болезней.

Стоит еще упомянуть и о принесении домашних животных в жертву. У тангутов были три вида священных животных — жеребцы, быки и дойные коровы. Ежегодно, «на грани зимы и лета, в третий день четвертого месяца» (в мае) в старом императорском дворце их приносили в жертву духам Неба. При принесении в жертву коней совершалось возлияние чая и вина. На теле приносимого в жертву животного писали священные знаки. Если жертвенное животное внезапно погибало, на место его гибели выезжал шаман и после возлияния ароматов и масла и рассыпания на земле зерна труп животного сжигался. Если у погибшего жертвенного животного было потомство, то производился какой-то обряд очищения у них ушей и совершалось поклонение богам (ст. 1362). Выделялся скот для принесения жертв и устройства пиров в честь духов-хранителей, к которым обращались с просьбой даровать силу и избавить от бедствий.

Это были официально поощряемые государственные культы, но государство ограничивало отдельных лиц в их желаниях

приносить в жертву скот. «Всякому, за кем лично закреплен государев конь, запрещается приносить его в жертву в память умерших» (ст. 329). «Что касается [крупного тяглового животного], которого намеревались связать и зарезать [для принесения в жертву] при захоронении какого-либо человека, то оно должно быть отпущено на свободу». Если закон нарушался, то виновный отвечал как за забой скота на мясо (ст. 80).

Закон, запрещающий частным лицам забивать принадлежащих им животных на мясо,— любопытная черта тангутского права. Если кто-либо зарежет на мясо принадлежащих ему лично корову, верблюда или лошадь, то за одно [зарезанное животное], будь оно молодое или взрослое, виновному — 4 года, за двух — 5 лет, за трех и более — 6 лет каторжных работ. Если имел место сговор и были пособники, то мера наказания [таковым] должна быть уменьшена на одну степень по сравнению с мерой наказания зачинщику» (ст. 71). Если животное было украдено у родственника, то мера наказания увеличивалась до 8 лет каторги (ст. 72). Если же было украдено и зарезано на мясо животное, принадлежащее чужому человеку, то мера наказания еще более возрастала: 10 лет каторжных работ и наказание за кражу скота, исходя из его стоимости в денежном выражении (ст. 73, 74). Забивший на мясо государева коня наказывался как за его кражу (ст. 328).

Запрет резать скот на мясо распространялся также на ослов и мулов, но со значительно меньшими сроками наказания (ст. 77). Совершенно ясно, что эти законы были призваны сохранять стада тяглового и молочного крупного скота, а также коней для армии. Специально на мясо разводили только овец, коз и свиней.

В XIII в. в некоторых ситуациях была запрещена охота и рыбная ловля: «В [нашем] государстве запрещается чиновникам и народу резать на мясо коров, верблюдов, лошадей, мулов и ослов, а для уплаты налогов и при выполнении трудовых повинностей — стрелять диких животных, ловить рыбу и ставить силки на птиц» [48]. Объяснить запрет охоты и рыбной ловли можно только желанием властей помешать выполняющим повинности отклоняться от своих прямых обязанностей и, возможно, стремлением сохранить охотничьи угодья и рыбные водоемы от покушения на их богатства.

Убийство животного военнослужащим при проходе войск через данную местность, нечаянное убийство проезжим животного на дороге не были наказуемы (ст. 76).

Мы уже упоминали, что все эти запреты не могли быть религиозными, буддийскими, это была охранительная экономическая политика — стремление уберечь боевых коней, транспортный, рабочий и дойный скот от забоя на мясо. То, что такие

---

[48] «Новые законы», гл. II, инв. № 8183, без пагинации.

запреты носили экономический характер, говорят и примеры из чжурчжэньской практики [49].

О забое коров, лошадей, верблюдов на мясо следовало доносить властям, за донос давали награду, а власти обязаны были расследовать дело и наказать преступника (ст. 75, 78, 81). Наказуемо было сознательное участие в съедении мяса незаконно забитого животного, будь оно краденое или некраденое (ст. 130, 75). Не освобождало от наказания и добровольное признание в совершенном преступлении (ст. 139).

Убийство чужого животного и потрава посевов, совершенные из мести, в кодексе рассматриваются вместе. «Если кто-либо из ненависти или в гневе ножом, мечом, используя лук и стрелы либо иное режущее или колющее орудие, пронзит, пристрелит, зарежет, [то есть] убьет чужое домашнее животное... или если зайдет в посевы зерновых или волокнистых культур, в чужие травы и, пользуясь ножом, мечом, луком и стрелами, колющим или режущим орудием, уничтожит [посевы или траву]», то за убийство домашнего животного виновный получает наказание на одну степень большее, чем если бы он зарезал такое же лично принадлежавшее ему животное на мясо, а за потраву посевов — наказание на две степени меньшее, чем за убийство животного на мясо, стоящего столько, сколько стоят загубленные посевы. Туша убитого животного доставалась преступнику, но он был обязан возместить стоимость загубленного им животного (ст. 736). Если животное было ранено или искалечено, но не погибло, то виновный получал его себе за полную стоимость, и если он имел ранг, то отдавал в качестве штрафа 1 лошадь, а если был простым человеком, то получал 13 палок. «Если раненое животное было хорошей породы и его можно было вылечить и если владелец не согласен отдать [его], то это животное следует оценить дважды — определить [его] стоимость до того, как [оно] было покалечено, и после того, как [оно] было покалечено,— и из стоимости [его] до того, как оно было ранено, надо вычесть то, сколько [оно] стоит в данный момент, а само животное следует отдать [его] хозяину» (ст. 737). То же правило действовало и в отношении мелких домашних животных: «Если человек заколет, подстрелит или зарубит овцу, козу, собаку или свинью, то [он подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 5 связок монет, простому человеку — 10 палок. Стоимость убитой овцы, козы, собаки или свиньи должна быть выплачена [хозяину], а труп животного следует отдать тому, кто выплатил [его] стоимость» (ст. 739).

«Если кто-либо, не заметив находящееся за изгородью чужое животное, нечаянно бросит [что-либо за изгородь], или отско-

---

[49] *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975, с. 224—225.

чившей от препятствия стрелой, или, поднимаясь на гору с тяжелым грузом, сорвется и погубит [чужое животное]», то виновный возмещает половину стоимости загубленного животного, труп которого делится поровну между владельцем животного и нечаянно загубившим его человеком. Нечаянное причинение ранения скоту каралось для имеющего ранг штрафом в 5 связок монет, а для не имеющего ранга — 10 ударами палкой (ст. 738). Собственно, такие же наказания были предусмотрены для хозяина поля, выгонявшего из посевов чужой скот, если он при этом убивал или калечил его, с той только разницей, что он платил полную стоимость животного, ибо в его действиях мог быть элемент преднамеренности, умысла, и соответственно получал труп животного (ст. 742).

Ущерб мог быть причинен и скотом, особенно если имели место потравы посевов и чужих пастбищных угодий. Потрава бывала умышленной и нечаянной. При умышленной потраве («если кто-либо при выпасе скота по своей воле пустит скот на посевы другого») виновный наказывался как за тайную кражу на сумму причиненного его скотом ущерба. Виновный, однако, не мог наказываться смертной казнью. Помимо наказания он возмещал стоимость причиненных его скотом убытков. При незначительной потраве, если стоимость ущерба предусматривала наказание каторжными работами на срок до 6 месяцев, мера наказания была более строгой и единой — год каторжных работ (ст. 740).

При нечаянной потраве полагалось возместить стоимость потравленных посевов, а пастух за недосмотр наказывался 8 ударами палкой (ст. 743).

Скот мог быть опасен и для людей. Злые собаки и домашние животные свирепого нрава должны были иметь на себе знаки, оповещающие о том, что они опасны, и содержаться на привязи. Взбесившееся животное срочно изолировалось. За несоблюдение этих правил, даже если животное никому не причинило вреда, с имеющего ранг предусматривался штраф в 5 связок монет, простому человеку полагалось 10 палок. «Если животное искусает, затопчет или забодает человека и человек умрет, то владелец [животного] наказывается 6 месяцами каторжных работ. Домашнее животное независимо от того, принадлежало ли оно государю или частному лицу, должно быть отдано хозяину погибшего». Преднамеренное натравливание собаки или другого животного на человека в случае причинения ранения последнему или его гибели наказывалось на одну степень меньше, чем причинение ранения или убийство человека в драке. «Если посторонний человек сам, не имея на то права, забрался туда, где находилось животное, дразнил [животное] или бил [его] и в результате был ранен или убит [тем животным], а [на животном] имелся предупреж-

дающий [об опасности] знак, то владелец [животного] наказанию не подлежит и животное не может быть конфисковано» (ст. 473).

Наконец, одно животное могло убить или ранить другое. Случаи причинения ранений одним животным другому законом не рассматривались вообще. А «если собаки или другие животные, принадлежащие государю или частным лицам, убьют себе подобных, то компенсация [за погибшее животное] не взимается» (ст. 473).

Если кто-либо покупал краденое животное, не зная, что оно краденое, тем более самку, которая затем принесла приплод, то владелец получал обратно не только свое животное, но и приплод от него (ст. 157). Кража чужого мяса и шкур забитых животных на бойне каралась штрафом в 1 лошадь или 13 палками. Украденное подлежало возврату, а если мясо уже было съедено, за него платили (ст. 112). Пастухи, пасшие государев и частный скот, не могли давать его другим людям для перевозки грузов, верховой езды или вспашки земли. Незаконная дача в долг верблюда или коня на срок от одного до десяти дней наказывалась 10 палками, а на срок свыше ста дней — 8 годами каторжных работ. За незаконную дачу в долг коровы или осла на срок свыше ста дней полагалось 2 года каторжных работ (ст. 1360). Соответственно и пастух не имел права брать взаймы чужой скот, особенно если он хотел представить его во время проверки. За незаконное получение в долг свыше 21 верблюда или коня пастух-заемщик подлежал смертной казни. Смертная казнь грозила ему и за получение в долг свыше 26 коров (ст. 1376).

В кодексе немало места уделено такой житейски, очевидно, частой ситуации, как находка чужого, отбившегося от стада животного и задержание его в целях использования для своих нужд. Потеря частного скота его владельцем, естественно, была ненаказуема. При потере государева коня, верблюда и т. п. с пастухов снимался допрос, на основании которого составлялся официальный документ со сведениями о потерянном животном. Пастух, потерявший животное, получал за небрежность 13 палок, а если оно не было найдено, то возмещал казне его стоимость (ст. 1366). Нашедший животное в пустынной, дикой местности — здоровое, больное или даже погибшее — должен был известить об этом ближайшее управление или местные власти. Если нашедший животное резал его для себя на мясо, то имеющий ранг платил штраф в размере 1 лошади, простой человек получал 13 палок. Если кто-то намеренно загонял животное в пустынную, дикую местность, то он отвечал так же, как если бы он забил на мясо чужое животное (ст. 76).

Нашедшему домашнее животное, птицу или любое чужое имущество устанавливался месячный срок для заявления о на-

ходке властям. Находка оставалась у нашедшего на весь срок, установленный для обнаружения владельца. Для государева имущества это был трехмесячный срок, для частного — годичный. Если по истечении срока владельца не обнаруживали, то на находку составляли документы и она отходила в казну. Необъявление о найденном скоте или имуществе или потребление таковых рассматривались как тайная кража.

Власти, получив сведения о находке, должны были лично осмотреть найденное, в частности определить возраст и упитанность скота. Предписывалось в первую очередь определить принадлежность лошадей. Если лошади не имели клейма, то их клеймили государевым клеймом и отдавали солдатам, не имевшим коней (ст. 158). Нашедший домашнее животное должен был ухаживать за ним. Если животное заболевало, то тот, у кого оно находилось, обязан был срочно донести о его болезни чиновнику. В противном случае, если животное погибало или же если у нашедшего животное оно погибало от истощения или от тяжелой работы, «тот, кто нашел [его], обязан уплатить компенсацию, которая должна поступить государю или частному лицу, в зависимости от того, кто имеет на нее право» (ст. 159). «Новые законы» несколько уточняли процедуру оповещения о найденном животном и порядок его содержания. Нашедший был обязан не только в течение месяца доложить властям о своей находке, но и в трехмесячный срок установить клеймо, описать найденное животное и вывесить на рынке объявление о своей находке. Если хозяин не обнаруживался, то животное изымали у нашедшего и передавали во временное пользование в ближайшее государево скотоводческое хозяйство [50].

Задержавший и эксплуатировавший чужое животное, естественно, должен был понести наказание за свои действия и возместить хозяину животного стоимость его работы. Человек, злонамеренно задержавший чужое животное, знал он хозяина животного или нет, обязан был в пятидневный срок известить «других людей» или хозяина о своем поступке. Сам факт задержания наказывался штрафом (1 лошадь) или 13 палками, в зависимости от социального статуса виновного. Если о животном не давалось никому никаких сведений, то это была кража (ст. 123). «Любому человеку запрещалось без ведома пастуха, тайком ловить государево или частное животное и использовать [его] для верховой езды или пахоты земли. Если кто-либо поймает отбившееся от стада животное и использует его для перевозки грузов, верховой езды или пахоты, то он получает наказание на одну степень большее того пастуха, который самовольно дал в долг на какой-то срок другому человеку мелкий или крупный скот, принадлежащий государю или частному лицу» (ст. 1361).

[50] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 37.

Тангутские законы о скоте имеют некоторые аналогии в более позднем монгольском праве. По монголо-ойратскому уставу 1640 г. нашедший животное обязан был объявить о находке, а за пользование им платил хозяину. Умышленное убийство чужого скота рассматривалось как кража его. Туша павшего животного принадлежала всегда хозяину, ибо «падаль... идет в пищу и присвоение ее наказывается штрафом» [51]. Хозяин отвечал за причинение его скотом ранений или смерти какому-то лицу, особенно если скот был под присмотром [52]. Позднее по «Халха-Джиром» (XVIII в.) смерть от скота «возмещалась человеком», т. е. выдачей лично несвободного [53]. По законам хоринских бурят всякий должен был доложить о заболевании скота начальству, иначе он отвечал за урон, причиненный чужому скоту [54]. Наконец, по «Уложению Палаты Внешних сношений» (1789 г.) для Монголии «монголы обязаны были кочевать в пределах отведенных им земель, не заходя на кочевья соседей». У простых монголов, «как виновных в нарушении чужих кочевий, так и знавших про то, но не донесших, отбирался весь скот в пользу владельца земли» [55].

Эти близкие по духу (не обязательно букве закона) совпадения отнюдь не плод заимствования, а отражение регламентации реальных нужд скотоводческого хозяйства.

г) Служба складов

Служба складов не имеет прямого отношения к вещному праву. Однако складам, службе складов, хранению и учету того, что поступало в качестве дохода с государевой собственности и в качестве налога с пахотных земель и скота, принадлежавших частным лицам, в «Измененном и заново утвержденном кодексе» отведено значительное место. Поскольку наше исследование не носит характера чисто юридического, мы позволяем себе еще и это отступление и помещаем сводные сведения о службе складов в Си Ся сразу после рассмотрения законов о земле и скоте.

В тангутском государстве имелась развитая служба складов. Были склады зерна, военного снаряжения, склады различного имущества (одежд и т. п.), склады кож и шерсти, склады скобяных изделий, склады шелка, чая, вина, денег, масла, мяса, сена, тростника и камыша, древесного угля, кирпича, древесины, строительных материалов, соли, дровяные склады, склады палаток

[51] *Рязановский В. А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Харбин, 1931, с. 48.

[52] Там же, с. 59.

[53] Там же, с. 74.

[54] Там же, с. 158.

[55] Там же, с. 87.

(юрт), склады вещей, которые выдавались в качестве наград (ст. 1226, 1231) [56].

Склады сооружались по приказу военно-полицейских управлений из тех материалов, которые были наиболее доступны в данной местности. Там, где было достаточно леса (очевидно, в горных и прилегающих к ним районах), складские помещения рекомендовалось делать деревянные. Там, где производили кирпичи, склады строились из кирпича. В степных, полупустынных и иных районах зерно, например, рекомендовалось хранить в ямах. Ямы рыли на сухом месте там, где земля была плотной и не осыпалась. Вырытую яму изнутри обжигали, хорошо просушивали и затем выкладывали широкими, толстыми и плотными матами, сплетенными из соломы или травы. По краям ямы, примерно метровым слоем, насыпался песок (ст. 1158). Сверху яма прикрывалась вязанками соломы (ветвей). В складских помещениях, построенных из дерева или кирпича, особое внимание обращалось на состояние полов и крыш, на то, чтобы в склад не попадали дождь и грунтовые воды. Служащие складов должны были систематически проверять состояние складских помещений и производить их просушку. Если по их вине помещение не было вовремя просушено и это привело к порче хранимого имущества, то стоимость причиненных убытков взыскивалась со служащих склада, а сами они и их вышестоящие начальники, допустившие недосмотр, подлежали наказанию (ст. 1325). Соль хранили прямо на открытом воздухе, в буртах (ст. 1231).

Ямы-зернохранилища, как уже отмечалось, укрывались сверху соломой и травой. Слой соломы допускался до 5 чи (160 см), а слой травы сверху — до 3 чи (около 1 м). Предполагалось, что трава защитит зерно от огня в случае возникновения пожара. На расстоянии ста шагов вокруг ямы (1 шаг $\approx$ 1,54 м) запрещалось вскапывать и обрабатывать землю. Если рядом с ямой-складом была частная земля, то владелец ее лишался этой земли и получал взамен ее землю в другом месте. Ямы сооружались на 500 нджиа (ху) зерна (29 700 л), 600 нджиа (35 640 л), 700 нджиа (41 580 л) и 1000 нджиа (59 400 л) зерна. Определялись следующие сроки хранения и возможной порчи зерна: для пшена — 10 лет, для ячменя в орошаемых районах — 5 лет, в сухих районах — 7 лет, для пшеницы в орошаемых районах — 3 года, в сухих районах — 5 лет. Подпорченное зерно из ям-складов обычно шло на продажу [57]. Были склады-гиганты, в зернохранилищах которых хранилось 100 тыс. нджиа или более, т. е. около 6 млн. л зерна (ст. 1226). Для передачи одним должностным лицом другому такого количества зерна требовалось 180 дней (ст. 1154).

---

[56] «Новые законы», гл. XVI—XVII, инв. № 2623, с. 12—13.
[57] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 28—34.

Непосредственно каждым складом ведали заведующий складом, кладовщик (лицо, занимавшееся приемом и выдачей хранимого имущества), складские надзиратели (сторожа). Кроме того, в штатах продуктовых складов числились весовщики и мерщики (хранители мер). На некоторых складах были специальные должностные лица, ведавшие «открыванием замков» (ключники), а также постоянный штат рабочих-«чантоу». Нередко при складах были военные коменданты («чжихуй») и экзекуторы. Число служащих отдельных складов достигало 50 человек. Обычно служащие складов назначались из числа низших чиновников управления, людей обязательно грамотных (ст. 1226, 1231). Заведующий складом и все остальные служащие склада должны были являться на службу с восходом солнца, весь день находиться на складе и покидать его только поздно вечером. Причинами, уважительными для неявки на работу, считались болезнь, выполнение поручений каких-либо вышестоящих инстанций или передача дел. Во всех остальных случаях виновные за неявку на службу сурово наказывались (ст. 1228). Опоздание на работу или преждевременный уход карались или штрафом (1 лошадь) или 13 палками (ст. 1237). Ключники дворцовых складов вечером приносили замки и запирали склады, а утром открывали их и замки уносили. Местные склады на ночь закрывали чиновники того управления, которому принадлежал склад, а замки на главном входе на территорию складов запирал и открывал лично заведующий складом (ст. 1227).

Есть в кодексе и кое-какие сведения о размерах оплаты труда служащих складов в денежном выражении. Заведующие складами и интенданты налогового управления и управления по изготовлению и продаже вина в столичном департаменте получали 300 связок монет, кладовщики — 200, ключники — 100, а приказные, военные коменданты и рабочие складов — 70 связок монет (ст. 1264). За какой срок службы выдавалась эта сумма, неизвестно. Служащие складов должны были отвечать двум требованиям — заботливо обращаться с государевым имуществом и тщательно оформлять документацию на него (ст. 1229). Потребителям со складов зерна всегда в первую очередь выдавали старое зерно, а не новое (ст. 1155, 1156).

Склады могли быть ведомственными, т. е. принадлежать одному из управлений административного аппарата тангутского государства, или находиться в ведении местной администрации — военно-полицейских управлений, департаментов («фу»), армий («цзюнь»), областей («цзюнь»), округов («чжоу») и уездов («сянь»). На складах велся строгий учет имущества и оформлялись документы на наличное имущество, акты выдачи и поступлений. Контроль за работой складов и сохранностью имущества осуществляли ведавшие складом вышестоящие инстанции и управление ревизии и контроля, регулярно проверявшее склады.

Законом предусматривались и соответствующие сроки ревизий (ст. 1253–1255).

Служащие складов могли занимать свои должности только три года. По прошествии трех лет служащих склада после передачи дел преемнику, на что отводилось 15 дней, освобождали от занимаемой должности, и вышестоящие инстанции обязаны были выслать чиновника для проведения ревизии на складе.

Учет хранимого имущества велся в так называемых «красных» списках. Из-за постоянной подвижности хранимого — выдачи, поступлений, изъятий порченого зерна — сведения о наличии имущества на складе регулярно подновлялись. «Красные» списки из внутренних орошаемых районов в порядке очереди подавались по начальству раз в три месяца, из других внутренних районов страны — раз в полгода, а из пограничных районов — раз в год. «Красные» списки вместе с текущей документацией были основой для проведения ревизий, и экземпляр их всегда поступал в управление ревизии и контроля. Все документы складов хранились в архивах и должны были быть подписаны, заверены печатью и подшиты (ст. 1219, 1230). С 1212 г. на армейских складах, учитывая, что «провиант для армии — дело первостепенной важности в государстве», служащие складов стали сменяться не раз в три года, а раз в шесть лет[58]. Смена служащих на складах — процедура обычная в административном аппарате Си Ся — проводилась и для предотвращения хищений. Закон строго карал за хищение имущества, его потребление или ссужение другому лицу без соответствующего разрешения. За хищение или потребление хранимого имущества как за должностное преступление виновным полагалось наказание на одну степень большее, чем за тайную кражу, а за отдачу в долг или временное пользование — на одну степень меньшее, чем за тайную кражу. «Должностным лицам складов запрещается самовольно, тайком брать что-либо из государева имущества и затем давать кому-либо в долг... Если старшие или младшие должностные лица, должностные лица складов тайком, самовольно съедят [что-либо] или используют какое-либо государево имущество, отдадут или продадут [его] кому-либо и не оформят это в документах либо воспользуются государевым имуществом в своих личных целях, то начальник управления, «передающий приказы», «выносящий решения» и командир войсковой части получают наказание на две степени большее, а прочие должностные лица — столоначальники, делопроизводители, приказные, должностные лица склада — на одну степень большее, чем за тайную кражу [на такую же сумму]... Если старшие и младшие должностные лица, в ведении которых находится государево имущество — скот, зерно, деньги, построй-

[58] Там же, с. 26—27.

ки, пахотные земли и разного рода дворцовое имущество, доспехи для воинов и прочее воинское снаряжение,— самовольно похитят и потребят [из него] чрезвычайно много и тем самым совершат действительно тяжкое преступление и [виновным] могут быть вынесены суровые меры наказания, то о том, какие [меры наказания] они могут получить, надлежит доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями. Если старшие и младшие чиновники, действуя в личных интересах, дадут в долг другому человеку что-либо из государева имущества и оформят на него документы или не оформят [на него] документов, но по делу будут найдены свидетели и обнаружены доказательства, то тому, кто дал [государево имущество] в долг, и тому старшему или младшему должностному лицу, которое просило [его] в долг, выносится наказание на одну степень меньшее, чем за тайную кражу [на ту же сумму]. Если по прошествии трехмесячного срока [имущество] не будет возвращено, то приговор [виновным] выносится как за тайную кражу» (ст. 1233).

Таким образом, законом предусматривалось, что лица, в чьем ведении находились склады — главы управлений и высшие чиновники — получали самое суровое наказание за хищение вверенного им имущества — на одну степень большее, чем непосредственные хранители имущества, служащие складов. Такой порядок вряд ли можно признать несправедливым. Принцип феодального права — разная ответственность за одно и то же преступление, в зависимости от общественного положения преступника — в данном случае применялся вполне разумно, исходя из того, что тот, кому доверено хранение основ богатства страны, должен нести особую ответственность за их сохранность.

Служащие складов не имели права закладывать казенное имущество. За заклад казенного имущества и служащий склада, и держатель заклада (если он знал, что взял казенное имущество) получали по полгода каторжных работ, причем держатель заклада должен был также отдать полученные им проценты (ст. 1241). Ссужать в долг или отдавать во временное пользование государево имущество можно было только по распоряжению государя и от его имени (ст. 1234).

При поступлении на склады зерна и разного имущества их прием следовало завершить в пятидневный срок и оформить актом. Если было допущено промедление, то виновным в задержке на срок от шести до десяти дней полагалось 3 месяца, свыше десяти до пятнадцати — 6 месяцев и свыше пятнадцати дней — 1 год каторжных работ (ст. 1236).

При выдаче имущества со склада лицам, прибывшим за ним, запрещалось торопить служащих склада с выдачей, самим выбирать, не имея на то права, предназначенное для получения имущество, оскорблять служащих склада и наносить им побои.

Виновные в нарушении этих правил наказывались 3 годами каторжных работ (ст. 1235).

Законодательством предусматривались и нормы неизбежных потерь при хранении имущества и операциях с ним. В первую очередь это касалось зерна. Считались нормальными потери зерна в пять шие (шэн) с одного нджиа (ху) (3 л с 59,4 л), а при веянии — семи шие с одного нджиа (4,2 л с 59,4 л). Риса и муки допускались потери трех шие с одного нджиа (1,8 л с 59,4 л) (ст. 1256).

При хранении медной монеты на шнурках в связках по тысяче монет в каждой допускалась при поломке монет или обрыве шнурка потеря двух монет на одну связку. Листов бумаги большого и малого форматов допускались потери десяти листов из каждых ста, посуды в случае поломки — десяти из ста единиц, вина при хранении его на складе — одного шие из каждого ну (доу) (0,594 л из 5,94 л), а при перевозках — двух шие из каждого ну. Допускались также потери: шерсти двух лдиэ (цзинь) (ок. 1,2 кг) из каждых десяти (5,96 кг), соломы и камыша — десяти вязанок из ста, масла — двух лдиэ из десяти, конопли — одного лдиэ из десяти, кож — одного лдиэ из десяти, древесного угля — двух лдиэ из десяти и т. д. (ст. 1256).

Если служащий склада умирал, а после его смерти была обнаружена растрата, то возмещать убытки должны были сын или брат покойного, если они жили с ним одной семьей или были кандидатами на замещение должности умершего. При этом их обязывали занять эту должность. В том случае, когда они не могли возместить ущерба, все имущество семьи умершего подлежало конфискации (ст. 1257).

При перевозке зерна и вина со склада на место назначения эти продукты в целях их сохранности должен был сопровождать служащий того склада, где они хранились ранее. Если во время перевозки были допущены потери, превышающие установленную норму, то эти излишние потери должны были быть компенсированы сопровождавшими эти продукты служащими склада (ст. 1258).

Любопытны условия хранения серебряной и золотой посуды. «Что касается золотой и серебряной утвари, то вес [этих предметов] в ливу (лан) должен быть установлен хранителями [этой утвари] и выгравирован [на предметах]. У тех [предметов], которые изнашиваются от употребления, мытья и чистки, если на них ранее был записан [их] вес в ливу, [их] нынешний вес должен быть сопоставлен с [их] прежним весом; если окажется, что сколько-то ливу недостает, то [они] могут быть списаны. В том случае, когда ранее выгравированная надпись неразличима, она не должна приниматься во внимание» (ст. 1260). На окрашенных сосудах с тою же целью ставилась печать с указанием веса сосуда (ст. 1261).

Законы довольно подробно регламентировали порядок, сроки и контроль за оформлением документации складов, строгому учету подлежали все операции с хранимым имуществом, а обо всех происшествиях на складе требовалось немедленно доложить начальству. «Всякий раз, когда появляется необходимость в пограничных и внутренних районах [страны] распределять зерно из государевых запасов по приказу, поступившему в военно-полицейское управление, следует установить в нджиа (ху) и ну (доу) [меры выдачи зерна] и определить тех, кто будет вызван [его получать]. Дело должно осуществляться при свидетелях, высланных от префекта (цыши), [а для выдачи зерна] поочередно, по одному человеку, должны выезжать старший весовщик-мерщик, армейский командир, „выносящий решение" и старший караульный охраны (дабань). Если место выдачи зерна находится недалеко, то префект (цыши) обязан лично выехать для проверки дела. Если же [место выдачи зерна] находится далеко, то [ему] надлежит выделить в нужном количестве способных людей и отправить их в качестве инспекторов. Необходимо полностью взять на учет то, кому выдано зерно и в каком количестве. Когда [выдача зерна] будет завершена, то подлинные документы по делу, [а не копии] должны быть представлены префекту (цыши) и проверены ревизорами, а уже затем переданы должностным лицам склада и тем, кто осуществлял инспекторский надзор. Если не будет вскрыто никаких злоупотреблений, документы учета будут соответствовать приказу [о выдаче зерна] и по делу не будет никаких сомнений, то [документация о произведенной выдаче зерна] возвращается в военно-полицейское управление и [служащие склада] обязаны доложить о том, что сделано по приказу, должностному лицу и просить [разрешение] на списание [выданного со склада] зерна» (ст. 1157).

Сеть складов продовольствия, фуража, оружия, доспехов, одежд, строительных материалов и т. п. широко охватывала всю страну, от императорского дворца до отдаленных пограничных районов. Склады иногда представляли собой не просто помещения для хранения имущества, они были связаны и со сбором хранимого (налоги), его продажей (например, с государственной монополией на вино и соль) или с обработкой сырья и ремесленным производством (прежде всего на дворцовых складах). Думать так заставляет раздел о допустимых потерях, в котором имеются косвенные свидетельства вышесказанному: «Плавление самородного золота. При [обработке] самородного золотого песка допускаются потери в один ни с одного ливу (лан). При [обработке] самородного кускового золота, добываемого из раздробленной породы, допускаются потери в два ни с одного ливу... На складах продажи вина допускаются потери на каждые сто лдиэ (цзинь): в городах всех рангов, расположенных в районах орошаемого земледелия,— полтора лдиэ, в пограничных районах

страны — два лдиэ... Потери при разматывании и разрезании шелка-сырца и при тканье тонких шелковых тканей. При перематывании ста лдиэ (цзинь) шелка-сырца на полученные девяносто восемь ливу (лан) шелку должно приходиться девяносто один с половиной ливу [шелка] хорошего качества, четыре ливу [шелка] с тем или иным браком, два с половиной ливу спутанных [шелковых нитей] и допускаются потери в два ливу (лан). При тканье ста ливу (лан) тонких шелковых тканей допускаются потери в два ливу и наличие одного ливу спутанных ниток... В тех случаях, когда шелк непригоден для тканья и бракованными, спутанными нитями и очесами набивают конские седла, то допускаются потери [материала] в семь ливу на каждые сто ливу». «Тем, кто изготовляет [ткани] кэсы, разрешаются потери пряжи в пять ливу на каждые сто ливу пряжи» (ст. 1256).

В случае экстренной необходимости выдать что-либо при отсутствии данного имущества или данных продуктов на складе служащие склада обязаны были срочно закупить необходимое у частных лиц (ст. 1250).

В регламентации службы складов в тангутском государстве мы прослеживаем определенное влияние китайского, танского и сунского законодательства. Китайское законодательство определяло меры наказания за невозвращение взятой казенной вещи (по прошествии десяти дней 30 палок и т. д.), за пользование служащими склада вверенным им имуществом, за незаконную дачу в долг казенной вещи, за порчу казенного имущества[59]. Однако этим сходство и ограничивается. В тангутском кодексе мы не находим статьи китайских кодексов, которая предусматривала обыск охраной всех лиц, покидавших помещение склада[60]. Кроме того, тангутский кодекс содержит гораздо более полную регламентацию службы складов. Склады, в особенности зерна, связанные со службой поступления и хранения поземельного налога, были гарантией силы и благополучия страны на случай войны и стихийных бедствий. Наконец, бóльшая подробность тангутского кодекса объясняется стремлением свести в его пределах те формы законодательства, которые в Китае не входили в состав законов группы «люй».

Безусловно, изучение службы складов только по кодексу, без исследования документов и иных источников о конкретных фактах их деятельности, не составит полную и абсолютно достоверную картину, но можно надеяться, что данная информация прольет дополнительный свет на этот сложный и весьма существенный институт в жизни средневековых государств Дальнего Востока.

---

[59] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 15, с. 338—341; Сун син тун. Пекин, 1918, гл. 15, с. 13а — 17б.

[60] Тан люй шу и, гл. 15, с. 338; Сун син тун, гл. 15, с. 13б.

д) Собственность на людей. Пхинга и нини — лично несвободные люди в тангутском государстве, принадлежавшие частным лицам

В тангутском государстве лично несвободные люди входили в стандартный перечень собственности любого лично свободного человека — «скот, зерно, ценности, имущество, земля, люди» (ст. 1) — и совершенно недвусмысленно приравнивались в данном случае к вещам и скоту владельца. В «Новых законах» мы встречаем и более конкретные формулировки, где понятие «люди» уточняется, например «постройки, пахотные земли, пхинга, нини и прочий скот и имущество, принадлежащие любому человеку» [61]. Следовательно, пхинга и нини входили в число «людей», лиц подневольных, лично несвободных, возможно составляя значительную часть последних. Помимо отдельных частных лиц владельцем пхинга и нини была и буддийская сангха (община) [62].

Людьми в тангутском государстве свободно торговали, и не только хозяева могли продавать тех людей, которые принадлежали им, но и в определенной ситуации лично свободные главы семей — хозяева, по тангутской терминологии — могли продать члена семьи, хотя это и не одобрялось законом. «Если родственник низшей степени родства продаст кого-либо из родственников высшей степени родства: деда, бабку, отца или мать,— то зачинщик подлежит смертной казни путем обезглавливания» (ст. 33). «Особых указаний, [кроме имеющихся в главе первой кодекса], о мерах наказания родственников низшей степени родства, продавших кого-то из кровных родственников высшей степени родства — деда, бабку, родителей, не имеется. Когда же продан родственник высшей степени родства, по которому [продавший его] должен носить траур, то зачинщик подлежит смертной казни путем удавления, пособникам — 12 лет каторжных работ» (ст. 355). Людей можно было на практике продавать, не считаясь с их статусом в системе кровнородственных отношений: раз младшие продавали старших, то уж старшие младших тем более. Категорически запрещалась лишь продажа людей за границу. Это наносило ущерб своей стране и поэтому приравнивалось к умышленному убийству. Добровольное согласие лично несвободного на продажу его за границу приравнивалось к побегу (ст. 440).

Продажа главой семьи ее членов в неволю, как свидетельствуют тангутские материалы, являлась и одним из источников пополнения рядов пхинга и нини. В тангутской рукописи есть упоминавшаяся нами запись о том, что лето 1164 г. в северных округах страны выдалось дождливое, хлеба вымокли и гибли, народ бедствовал и «люди своих жен, дочерей, сыновей и прочих род-

[61] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 53.
[62] Там же, с. 43—44.

ственников в соответствии с законом продают другим людям в пхинга и нини» [63]. Таким образом, одним известным нам источником появления людей статуса пхинга и нини была купля-продажа сограждан, надо думать, всех основных народностей Си Ся — тангутов, тибетцев, китайцев и уйгуров.

Вторым постоянно действующим источником нового пополнения рядов пхинга и нини, о котором мы тоже знаем из тангутских источников, был захват военнопленных. В «Яшмовом зеркале» мы читаем: «Если в сражении с противником захвачены доспехи, кони, знамена, барабаны, золото, люди... дети и женщины, то они входят в счет общей награды командирам марша и командирам строя» [64]. «Если наш человек,— сказано в исследуемом кодексе,— взял в плен врага, сделал [его] пхинга или нини, а затем родственники [этого пленного] покорились государству Ми (тангутов)... то в соответствии с законом [они] должны быть соединены [со своим пленным родственником], а владельцу человека в соответствии с законом для возмещения убытков из находящегося поблизости государева скота, зерна и имущества должна быть выдана стоимость [пленного]» (ст. 404), т. е. тех порабощенных военнопленных, родственники которых добровольно явились за ними в плен, государь (казна) выкупали у лиц, взявших этих людей в плен. Это было выгодно, так как государство приобретало не одного подневольного, а целую семью. Прочие военнопленные, чьи родственники не захотели или не могли переехать, скажем, из государства чжурчжэней Цзинь в тангутское Си Ся, оставались собственностью своего хозяина. Купить человека, не подданного тангутского государства, было нельзя. «Любому человеку запрещается покупать чужеземца»,— гласил закон. За незаконную покупку полагалось 2 года каторжных работ. Купить чужеземца можно было только с разрешения властей (ст. 1420).

Итак, пхинга и нини были лично несвободными людьми, купленными или захваченными в плен и принадлежавшими хозяину, свободному человеку, не имеющему рангов, либо чиновнику или военнослужащему, имеющему ранг. Из текста кодекса совершенно очевидно следует, что как юридически все формы собственности в тангутском государстве подразделялись на две главные — государеву и частную,— так и люди, лишенные личной свободы, делились на государевых и частных: «Если государев или принадлежащий частному лицу человек, женщина или мужчина, бежал, а какой-то человек задержал [его], то [он] должен отправить его туда, откуда [этот беглец] бежал» (ст. 949). Пхинга и нини как раз и отличались от государевых людей тем, что они принадлежали частным лицам: «Если кто-либо, кого вынудили

[63] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 4189, с. 4.

[64] «Яшмовое зеркало командования войсками [девиза царствования] Чжэнь-гуань», гл. II, инв. № 2617, л. 11а.

сменить гвон, знал о том, что посредник, ведший переговоры, и писец, оформлявший документ, получили взятки, то независимо от размера взятки, если [вынудили сменить гвон] государева человека, то [этому государеву человеку] выносится наказание на две степени меньшее, чем пособнику преступника, а если [вынудили сменить гвон] пхинга, то [ему] выносится наказание на одну степень меньшее, чем пособнику. Если [человек, которого вынудили сменить гвон], не знал [о взятке], то наказанию не подлежит» (ст. 813). Государев человек зависел только от администрации, а пхинга и нини имели хозяина, к защите которого они должны были прибегнуть, поэтому они строже и наказывались за свою осведомленность о переводе их из одного гвона в другой за взятку.

Государев человек мог по своей собственной воле выдать замуж за пхинга тетку по отцу, сестру или дочь (ст. 812). Правда, при этом появившиеся на свет от такого брака дети обоего пола, во всяком случае при выходе замуж за пхинга государевых девушек-мастериц, становились государевыми людьми. «Если девушки, принадлежащие государю и не имеющие права иметь мужей,— девушки, следящие за порядком в жилых покоях [государя], девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу,— сговорившись [с мужчиной], самовольно заведут семью и нарожают детей, то дочери остаются с матерью и могут быть проданы [замуж] по [ее] желанию. Что же касается сыновей [таких лиц], то если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, [его сыновья] должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если [он] пхинга, то [его сыновьям] становиться тоже пхинга не разрешается и [они] при желании могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках» (ст. 521). Приплод оставался с самкой, и сын от брака государевой девушки и лично несвободного, принадлежащего частному лицу пхинга мог стать тоже только государевым человеком, а не собственностью хозяина отца. Этот закон — приплод принадлежит тому, кому принадлежит мать,— был общим и равно распространялся на скот и на лично несвободных женщин. «Если кто-либо купил самку животного или женщину, не зная, что они краденые, а у купленной самки животного родился детеныш и он не погиб и находится с ней или если у купленной женщины родился ребенок, то [и детеныш животного, и ребенок вместе с матерями] подлежат возврату владельцу» (ст. 157).

Пхинга и нини упоминаются то в паре, то отдельно. Чем они отличались друг от друга? Ключ к решению проблемы мы находим в обстоятельствах, уже упоминавшихся только что. Государев человек мог выдать женщину, члена своей семьи, только за пхинга, а не за нини; государевы девушки могли выйти замуж за пхинга, нини снова в данном тексте не упоминаются. Только

пхинга упоминаются в статьях кодекса, связанных с армией: «Пхинга, принадлежащий любому человеку, может обратиться с [просьбой] к хозяину. Если обращение его [с просьбой] искренне и добровольно, то, если [он] желает стать служащим вспомогательных войск при [лицах] любой категории, [он] может стать [таковым]. Если кто-либо из таковых добровольно пожелает стать солдатом регулярной армии и выполнять в армии тяжелые работы, то [ему] это также должно быть дозволено и [такой пхинга] должен быть списан [со своего хозяина]» (ст. 377). «Если хозяин добровольно включил в число служащих вспомогательных войск принадлежащих ему пхинга, или если хозяин добровольно отпустил [пхинга], дал им вольную и [они] добровольно стали служащими вспомогательных войск при лицах любой категории, или же если [среди пхинга] есть желающие стать солдатами регулярной армии и выполнять в армии тяжелые работы, то [все это] делать дозволяется и [такие пхинга] должны быть списаны [с их хозяев]» (ст. 378). И еще: «Если пхинга, насильно сорвав [с женщины] одежды, изнасилует жену хозяина или кого-либо из женщин, живущих с ним в одной семье — тетку по отцу, сестру, дочь, невестку, племянницу, мать, внучку [хозяина],— или кого-либо из женщин, не живущих в этой семье, [но родственниц хозяина], по которой ему положено носить годичный траур, то [виновный] подлежит смертной казни путем обезглавливания. Женщина наказанию не подлежит. Если женщина добровольно вступила в половую связь [с пхинга], то пхинга подлежит смертной казни путем удавления, а женщина должна быть наказана пожизненными каторжными работами» (ст. 495). Таким образом, пхинга предстает перед нами как солдат, насильник и совратитель, т. е. мужчина. В некоторых других статьях кодекса пхинга выступает как глава семьи, каковым мог быть тоже только мужчина. Эти статьи мы процитируем ниже.

Итак, пхинга мог быть мужем, главой семьи, служить в армии, т. е. являлся мужчиной. Подчеркнуть это обстоятельство мы вынуждены потому, что исследованные тексты свидетельствуют о том, что пхинга и нини противостоят друг другу не как две разные по социальному статусу категории лично несвободных людей в Си Ся (не как, например, рабы и буцюй в Китае), а как несвободные мужчины (пхинга) несвободным женщинам (нини). Цитируемые ниже статьи кодекса говорят о том, что нини — это лично несвободные женщины, принадлежавшие частным лицам.

«Если какой-либо человек, украв чужую женщину, уведет [ее] вместе с детьми или, похитив чужую нини, сбежит на территорию врага и если [такая] женщина не пожелает добровольно [принадлежать] тому мужчине или [тот] мужчина погибнет, то, если женщина или нини, сговорившись с другими людьми, сбежит и

покорится государству Ми (тангутов), [она] должна принадлежать тому мужчине, который ее привел» (ст. 398). Если же «женщина или нини, пожелав возвратиться к своему прежнему мужу или хозяину, вместе с [каким-либо] другим человеком придет и подчинится государству Ми (тангутов) и будут иметься свидетели и доказательства того, что [она] действительно с самого начала не желала принадлежать тому, с кем она вместе пришла, то тот, кто привел [ее], не имеет права [ее] получить и [она] должна быть возвращена своему прежнему мужу или владельцу» (ст. 399). Если пхинга мог выступать как насильник, то нини — объект насилия. В тюрьме, если тюремный надзиратель изнасилует заключенную из числа нини или проститутку, то виновному полагалось наказание в 6 лет каторжных работ. Если же надзиратель вступал в тюрьме в половую связь с нини, с которой у него такая связь существовала еще до ее ареста, то мера наказания уменьшалась до 6 месяцев каторжных работ (ст. 608, 609). Наказуема была половая связь любого должностного лица тюрьмы с арестованной нини. «Любой женщине запрещается становиться монахиней, если она не получила на то дозволения. Если закон будет нарушен, то в том случае, когда [у виновной] есть хозяин или она является нини другого человека, [ей] 4 года каторжных работ» (ст. 785). Наконец, хозяин мог вступить в половую связь с нини, иметь от нее детей и пожелать, чтобы их считали законными. В рукописи из Тангутского фонда (инв. № 4189) под 1168 г. записан следующий случай. Некий Жэнь Ахоу, начальник управления хранения прошений и петиций к государю («гуйсясы»), прижил двух детей от своей нини по имени Нанджике и заявил, что он желает сделать ее своей женой, а сына и дочь объявить законными детьми. Но власти запретили Жэнь Ахоу брак с его нини. Мотивировка была такая: данный брак ведет к смешению «благородных и подлых» — отец у детей благородный, а мать из презираемых. «Как же дети в семье будут почитать свою мать?» Кроме того, было сочтено, что все родственники Жэнь Ахоу попадут в неловкое положение, так как презираемая, подлая станет их ближайшей родственницей [65]. Вместе с тем такие браки буквально через год были разрешены «Измененным и заново утвержденным кодексом»: «Если кто-либо распорядится считать принадлежащую ему нини его женой и [у него от нее] родятся дети и если он, сделав эту нини женой и народив от нее детей, преподнесет небесному духу-хранителю треножник, пришлет мешок с дарами и совершит поклонение с просьбой об избавлении от бед, то эта нини и рожденные от нее дети могут считаться как бы [его] женой и детьми. Если же он [не принесет даров] небесному духу-хранителю и не совершит поклонения с просьбой об избавлении от бед,

[65] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 4189, с. 40—46.

то [эти дети] не могут считаться [его законными] детьми» (ст. 1421). Итак, мы можем установить следующее: упоминаемые тангутскими источниками пхинга и нини были людьми лично несвободными, они принадлежали частным лицам, чем отличались от государевых (казенных) людей, они не представляли собой две разные социальные группы с разным правовым статусом, а являлись лично несвободными, принадлежащими частным лицам мужчинами, пхинга, и женщинами, нини. Лично несвободные различались в тангутском государстве по полу, как «ну» — «рабы-мужчины» и «бэй» — «рабыни» в Китае [66], как холоп — несвободный мужчина и раба — несвободная женщина в текстах времен Киевской Руси [67]. Именно поэтому пхинга и нини часто упоминаются в паре там, где их противопоставление по полу не имеет существенного значения, ибо социальный статус их вне этого естественного различия во многом совпадал. К выяснению его мы и приступим.

Общее положение пхинга и нини по отношению к хозяину теоретически, насколько это отражено в нашем кодексе, носило в определенной мере двойственный характер. Эта двойственность выражалась в том, что, с одной стороны, пхинга и нини приравнивались к скоту и имуществу, входя, как мы уже показывали выше, в стандартный перечень объектов собственности — скот, зерно, имущество, земля, люди. В данном перечне они были ближе к скоту, во всяком случае нини, так как на них распространялось правило, гласящее, что приплод от самки животного всегда принадлежит ее владельцу. Соответствующие статьи мы цитировали ранее, можно привести еще одну, в общей форме подтверждающую это правило. «Если женщина и мужчина, принадлежащие государю или частному лицу, сговорятся и вместе убегут, то те дети, которые родятся у беглецов, остаются с матерью, а сама женщина должна быть отдана своему хозяину. Оставлять детей с отцом не разрешается» (ст. 518). Если пхинга без разрешения хозяина выдавал замуж женщину из своей семьи, то «дети, родившиеся у проданных женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу» (ст. 809). Это было характерно для многих обществ той поры. В Киевской Руси «плод от челяди (рабыни) подобно тому, как и плод от скота», являлся собственностью господина, передаваемой по наследству [68]. В Корее «установили для презираемых следовать по закону за матерью» [69].

[66] *Pulleyblank E. G.* Origins and Nature of Chattel Slavery in China.— Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1958, vol. 1, pt 2, April, c. 203.

[67] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 6. М., 1959, с. 154.

[68] *Новосельцев А. П., Пашуто В. П., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 171.

[69] *Ниида Нобору.* То-Со-но хо-то Корё хо.— Тохо гаку. 1965, № 30, с. 14.

С другой стороны, пхинга и нини приравнивались в некоторых ситуациях к членам семьи хозяина, в частности к жене, невестке и т. п. «Если кто-либо в доносе сообщил, что члены семьи, родственники, а также пхинга или нини преступника были в числе тех, кто обсуждал [замысел этого преступления] или знал [о нем], то...» (ст. 918). В «Новых законах» говорится, что если жена, невестка, пхинга или нини оговорят в доносе мужа или хозяина, то виновных клеймят, бьют палками, надевают на них железный ошейник и осуждают на 8 лет каторжных работ, а после отбытия наказания возвращают мужу или хозяину[70]. Статья о наказании пхинга за изнасилование им жены или какой-либо родственницы хозяина, «по которой ему положено носить годичный траур» (ст. 495), свидетельствует о том, что пхинга был обязан носить траур в случае смерти хозяина или члена его семьи, т. е. рассматривался не просто как собственность хозяина, а как лицо, состоящее с ним в отношениях, носящих характер родственных. В случае убийства хозяина пхинга и нини приравнивались к жене, убившей мужа. «Если женщина убьет мужа, а пхинга или нини убьет хозяина», то виновные наказывались смертной казнью путем обезглавливания (ст. 17). При этом в отступление от правил ведения следствия донос об убийстве пхинга или нини хозяина принимался и при отсутствии свидетелей, а рассмотрение дела велось даже при отсутствии доказательств (ст. 899).

По закону хозяин не имел над своими пхинга или нини абсолютной власти вплоть до физического уничтожения своей собственности по своей воле. За умышленное убийство пхинга или нини их хозяин подвергался наказанию. «Если пхинга или нини, не имея права доносить на своего хозяина, скажут постороннему человеку о том, что их хозяин задумал совершить преступление, и посторонний человек донесет о том, а [хозяин], независимо от того, совершил он преступление или нет, умышленно убьет [пхинга или нини], то [виновному] за одного убитого — 8 лет, за двух и более — 10 лет каторжных работ» (ст. 46). Сурово наказывался хозяин и за умышленное причинение пхинга или нини ранения или увечья: «Если [хозяин] поранит пхинга или нини глаз, ухо, нос, ногу, руку, палец и сделает их инвалидами, то [виновному] — 5 лет каторжных работ. Если он отрежет руку или ногу по суставу, перережет сухожилия, то 6 лет, если выколет оба глаза, отрежет обе ноги или обе руки, перережет [на них] сухожилия, то 8 лет. Если же от причиненных ему ранений [пхинга или нини] умрут, то 10 лет каторжных работ» (ст. 470). Если по приказу хозяина посторонний человек увечил пхинга или нини, то хозяин наказывался как пособник преступника (ст. 471). Надо сказать, что данные статьи наказывали хозяев лишь за очевидно преднамеренное или изуверское причи-

[70] «Новые законы», гл. XIII, инв. № 827, с. 14а.

нение пхинга или нини увечья и их убийство. Совсем иначе действовал закон в случае «нечаянного» причинения ранения пхинга или нини их хозяином или даже их смерти от побоев хозяина, особенно когда имело место неподчинение пхинга или нини своему хозяину. Если хозяин наказывал пхинга или нини за непослушание и причинял своей жертве ранение, т. е. попросту калечил ее, то имеющий ранг штрафовался одной лошадью, а простой человек наказывался 13 ударами палкой. Если же избитые пхинга или нини умирали от побоев, то хозяин мог получить всего 6 месяцев каторжных работ (ст. 470). В то же время пхинга только за отказ явиться на зов хозяина получал год каторжных работ: «Если принадлежащий любому человеку пхинга не явится на его зов или откажется служить [ему], то [виновному] — 1 год каторжных работ» (ст. 1422). В принципе за отказ служить это было не столь высокое наказание.

Заметим, что, строго преследуя умышленное убийство хозяином пхинга и нини, государство в известной мере заботилось о своем благосостоянии, точно так же как в том случае, когда оно в законодательном порядке преследовало немотивированный убой крупного скота хозяевами на мясо. Несмотря на защиту со стороны закона, в определенных ситуациях жизнь пхинга и нини целиком зависела от воли хозяина, ибо последний всегда мог обвинить их в непослушании. Если речь шла о хозяевах — крупных чиновниках и военачальниках, то они, убив своих пхинга и нини, могли остаться совершенно безнаказанными, так как то легкое наказание, которое предусматривалось законом за неумышленное убийство хозяином пхинга или нини, на основании действующего законодательства снималось с них совершенно благодаря их рангу. В крайнем случае они имели возможность откупиться от наказания.

Мы не знаем, как конкретно наказывался пхинга, если он нападал на хозяина, так как статья 1009 («Пхинга поднял руку на хозяина»), а также статьи 1012 («Бросив [что-либо] из-за изгороди, попасть в хозяина») и 1013 («Затеять драку с родственником хозяина») не сохранились. Очевидно, в этих случаях пхинга наказывался различными видами смертной казни. Неясно, как наказывался посторонний человек, не хозяин пхинга, за избиение чужих пхинга или нини (ст. 1056).

Тангутское правосудие, приравнивая в чем-то лично несвободных пхинга или нини к скоту, чаще включало их в состав хоть и находящихся на особом положении, но членов семьи хозяина. Наказание хозяину за умышленное убийство пхинга или нини было лишь на два года меньшим, чем за убийство кого-то из его детей или невестки. Приравнивание в определенных сферах правового положения пхинга или нини к младшим членам семьи хозяина особенно четко видно из законов о кражах и праве доноса на хозяина.

Мы уже подробно говорили о том, что тангутское право вслед за китайским рассматривало кражу имущества одним кровным родственником у другого как дело семейное, а не государственной важности и потому не рассматривало этих дел в суде. По указу 1166 г., если пхинга обкрадет хозяина, то он передается хозяину и приговор ему по закону может быть вынесен только по просьбе хозяина. Как в семье кража имущества одним из ее членов у другого есть лишь перемещение объекта общесемейной собственности, которую представлял перед властями глава семьи, из одних рук в другие в пределах одной сферы действия прав собственности, так и в тех случаях, когда пхинга обкрадывал хозяина, он тоже переносил вещь из одного места в другое в пределах одной сферы прав собственности — собственности хозяина, который владел им и его достоянием. Именно поэтому, когда пхинга обворовывал человека, постороннего для семьи хозяина, его уже нельзя было передавать хозяину, а следовало наказать по закону [71]. Данный указ нашел отражение и в исследуемом кодексе законов, правда в измененном виде, в статье, в которой говорилось, что если пхинга или нини обкрадут хозяина, то хозяин обязан доложить о краже в управление. Управление проводило расследование дела, и, если оказывалось, что похищенное имущество действительно хозяйское, имущество возвращали хозяину, а пхинга и нини не получали от властей наказание. Наказывал ли их сам хозяин и если наказывал, то как, закон об этом умалчивает. Если же хозяин повторно заявлял о деле и просил власти вынести виновным приговор по закону, то виновных наказывали в соответствии с законом (ст. 109), выполняя его волю. Возможно, такая ситуация осмыслялась как передача хозяином государству его прав на наказание принадлежащих ему людей.

Хозяин, приказавший пхинга или нини украсть что-либо у другого человека или даже сделать это, прибегая к насилию, считался зачинщиком преступления. Но и пхинга или нини, действовавшие по его приказу или под угрозой насилия с его стороны, не освобождались от ответственности. Они получали наказание как пособники, т. е. в данной ситуации рассматривались законом как лица, вольные исполнять или не исполнять хозяйскую волю или даже обязанные не исполнять преступную волю хозяина. Если хозяин не понуждал пхинга или нини совершить кражу, но взял долю из краденого имущества, зная, что оно краденое, то он становился пособником ограбления. Если речь шла об ограблении, хозяин получал наказание как обычный пособник, а если это была тайная кража, то на одну степень меньшее, чем пособник (ст. 105).

---

[71] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 4189, с. 11.

В вопросе о праве на донос мы сталкиваемся с тем же взглядом на пхинга и нини как на родственников хозяина, членов его семьи. Пхинга и нини, как и младшие родственники хозяина, могли доносить на него в случае совершения им одного из преступлений, относящихся к категории «десяти зол», или иных тяжких преступлений, наказуемых смертной казнью или пожизненными каторжными работами (ст. 892). О таких преступлениях хозяина, как государственная измена, пхинга и нини обязаны были донести, даже если узнали о них не сами, а от посторонних лиц (ст. 919). Но пхинга и нини не имели права доносить о преступлениях хозяина, наказуемых меньшими мерами наказания, чем смертная казнь и пожизненные каторжные работы. В случае доноса о преступлениях, наказуемых каторжными работами на срок свыше 2 лет, доносчик или доносчица получали наказание на одну степень меньшее, чем преступник, а за донос о преступлении, наказуемом каторжными работами на срок до 2 лет, то же самое наказание, что и их хозяин-преступник (ст. 898). За ложный донос на хозяина пхинга и нини наказывались абсолютно так же, как жена или невестка хозяина: виновных клеймили, били палками, надевали на них железный ошейник и ссылали на 8 лет на каторжные работы. После отбытия срока наказания их возвращали хозяину [72].

Точно так же выступать в качестве свидетелей против своего хозяина пхинга и нини могли только в тех случаях, когда он обвинялся в преступлениях, о которых они имели право официально донести. Выступать свидетелями против хозяина по другим делам им воспрещалось (ст. 900).

Правовая дееспособность пхинга и нини в сфере предъявления доноса и дачи свидетельских показаний была ограничена в тех же пределах, что и дееспособность младших родственников обвиняемого: «Не разрешается доносить друг на друга родственникам высших и низших степеней родства, которые обязаны носить друг по другу траур в течение девяти месяцев и более. Если родственник низшей степени родства донесет на родственника высшей степени родства и если преступник должен получить наказание в пределах двух лет [каторжных работ], то независимо от меры наказания, полагающейся преступнику, доносчик наказывается 2 годами каторжных работ. Если по доносу [преступнику] полагается более суровое наказание, чем это, то [доносчик] получает наказание на одну степень меньшее, чем преступник» (ст. 896).

Позднее, в первой четверти XIII в., права пхинга и нини на донос и дачу свидетельских показаний были расширены. Пхинга и нини получили право доносить на хозяина, если он являлся участником ограбления, наказуемого 4 годами каторжных работ,

[72] «Новые законы», гл. XIII, инв. № 4795, с. 14а.

или же совершил тайную кражу имущества на ту сумму, за которую полагалось 6 лет каторжных работ [73]. Они могли выступать свидетелями в тех случаях, когда кто-то похитил жену их хозяина [74]. Показаний только пхинга или нини стало достаточно, чтобы начать следствие по делу о похищении жены другого человека, не их хозяина [75]. Ограниченность или отсутствие правовой дееспособности — свойство, общее для многих обществ той эпохи. В Киевской Руси было правилом «холопу на правду не вылазити», что означало, что свидетельские показания холопа не имели «юридической цены», холоп не мог быть свидетелем [76].

Хотя пхинга и нини являлись собственностью своих хозяев, они имели семьи и свое имущество, существование которого признавалось законом. «Если пхинга или нини должны выплатить вознаграждение за донос и компенсацию за украденное ими у чужого человека [имущество], то для этих выплат следует использовать их собственный скот и имущество» (ст. 134). Только тогда, когда они были не в состоянии платить, за них платил хозяин (ст. 109). Если пхинга или нини обокрали хозяина, а донес об этом посторонний человек, то награда за донос также взималась с преступника — пхинга или нини. Более того, пхинга, если он украл и продал или заложил имущество хозяина, был обязан возместить ущерб своим достоянием: «Что касается выплаты стоимости [краденого], то, если пхинга сам имеет скот и имущество и в состоянии выплатить компенсацию, он должен заплатить» (ст. 135). Пхинга и нини могли брать что-либо в долг у других людей, как при гарантии оплаты их долга хозяином, так и без этого. Если они оказывались несостоятельными, то платил поручитель, а хозяин лишь штрафовался за самовольные проступки его людей, но «отдать долг за счет скота и имущества, принадлежащего хозяину», не разрешалось (ст. 182). В определенных ситуациях, когда хозяин отвечал своим имуществом, он не должен был делать это за счет имущества пхинга и нини. Так, например, если хозяин оказывался виновным в совершении поджога по небрежности, то при возмещении ущерба он платил из той части своего имущества, которая «не является [имуществом] его жены, детей, невесток, пхинга или нини» (ст. 459). Хозяин был заинтересован в сохранности имущества своих пхинга и нини, поскольку ущерб, причиненный им, означал убытки и для него. Об этом говорится в «Новых законах»: «В кодексе законов не указаны меры наказания в том случае, когда пхинга и нини одного и того же хозяина обкрадут друг друга. Поскольку похищение имущества пхинга есть причинение

---

[73] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 8—9.

[74] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 35–36.

[75] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 57—58.

[76] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 6, с. 215; *Новосельцев А. П., Пашуто В. П., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма, с. 187.

ущерба хозяину, то следует поступать исходя из закона об ограблении [пхинга и нини] своего хозяина»[77].

Таким образом, пхинга и нини имели собственность, о которой даже говорится, что она «частная», и которая в некоторых ситуациях юридически четко отличалась от имущества их хозяина. Так, в случае совершения пхинга или нини государственной измены хозяин за них не отвечал, а имущество преступников не подлежало конфискации: оно отдавалось их хозяину. Но хотя имущество пхинга и нини выделялось из хозяйского, на нем оставался знак хозяйского права собственности — иначе в случае совершения пхинга или нини измены оно шло бы в пользу государства. Очевидно, мы вправе в данном случае говорить о так называемой разделенной собственности — явлении, характерном для средневековья. Наказывая пхинга и нини за государственную измену, государство вторгалось в сферу иной, частной собственности. Поэтому имущество преступников получал их хозяин, а сами они, если их не казнили, ссылались, и сколько пхинга и нини изымали у данного хозяина и отправляли на каторгу, столько же людей государство давало ему в возмещение ущерба. Если у государства не было людей, то оно платило за наказуемых им объектов чужой собственности по рыночной цене человека в данной местности (ст. 1). Пхинга-изменники приравнивались к наложницам (тех и других закон именовал «предателями из предателей») и по отбытии наказания каторжными работами возвращались хозяину (ст. 11). Возмещение хозяину убытка от ссылки на каторгу его пхинга или нини в случае совершения ими государственной измены объясняется и тем фактом, что за большинство прочих преступлений, исключая кражи, преступления, наказуемые пожизненными каторжными работами, пхинга и нини никуда не высылали, а по-прежнему оставляли работать у хозяина. Законом предусматривалось, что пхинга, нини, а также пастухов, земледельцев, лодочников, возчиков в случае наказания их пожизненными каторжными работами или за кражу следует отправлять на тяжелые работы в железном ошейнике весом около 3 кг. Если же их приговаривали не к пожизненным каторжным работам и наказывали не за кражу, то их били палками, на них надевали железный ошейник весом около 1,5 кг и передавали обратно их владельцу. Государство при этом делало одну оговорку: если в данной местности обнаружится нехватка рабочей силы, то она «должна быть восполнена в первую очередь за счет вышеуказанных пхинга, чей срок отбывания наказания за совершенное преступление еще не кончился» (ст. 83, 84). Государство присущей ему властью карало виновных пхинга и нини, но в случае совершения ими нетяжких преступлений, наказав их (палки, ошейник), не изымало их из собственности хозяина, ибо

---

[77] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 12—13.

это наносило ущерб собственнику — лицу, неповинному в совершении преступления. Но если хозяин вторгался в права государства, то его наказывали. Так, хозяин, снявший до срока с пхинга ошейник, мог получить за это до года каторжных работ (ст. 87).

Итак, мы имеем следующую картину. Закон признавал наличие у лично несвободных людей, принадлежащих частным лицам, собственности, отличной от хозяйского имущества, собственности, которая в определенных случаях не могла быть затронута хозяином (например, при выплате им компенсации за поджог) и которой пхинга в некоторых ситуациях мог распоряжаться самостоятельно (например, гарантируя ею оплату своего долга). Пхинга своим имуществом отвечал за совершенную им кражу, сам платил награду за донос на него. Таким образом, он выступал собственником, который мог извлекать выгоду из своей собственности и пользоваться ею. Вместе с тем закон считал причинение ущерба собственности пхинга (кража ее) причинением ущерба хозяину, а в крайней ситуации (изымание у хозяина его пхинга) всю собственность пхинга признавал хозяйской. Мы уже говорили, что собственность пхинга и нини можно характеризовать как разделенную собственность, но более подробно рассмотрим вопрос о разделенной собственности ниже.

Помимо собственности лично несвободные имели свои семьи. Так, когда пхинга совершал кражу и был не в состоянии платить за донос о ней и возместить причиненный им ущерб, то, «если хозяин [пхинга] дорожит [этим человеком], он, если в состоянии заплатить деньгами, выплачивает компенсацию либо по определении стоимости труда виновного сам выделяет человека [для отработки стоимости краденого]. Члены семьи пхинга не должны включаться в число лиц, направляемых для отработки вознаграждения за донос и компенсации [за украденное имущество]» (ст. 134). Доказательство наличия у пхинга и нини своих семей мы находим и в другой статье. В ней говорится, что если пхинга или нини предприняли попытку к бегству, то из увезенного ими с собой скота и имущества получали долю те, кто донес на них или поймал их. Остальное имущество конфисковалось. Если же пхинга и нини только задумали бежать, то при конфискации их имущества и скота какая-то доля его, «если у [них] есть семья, должна быть отдана этой семье, а если семьи нет, то [их] хозяину» (ст. 406). Семья лично несвободных людей, принадлежащих частным лицам, упоминается также и в статье 426: если члены семьи человека, принадлежавшего частному лицу, не бежали вместе с ним, то они «не подлежат ссылке за беглеца и должны оставаться у хозяина».

Итак, пхинга имели семьи. Неясно только, были ли терминологически все мужчины такой семьи — пхинга, а все женщины — нини.

Пхинга, глава семьи, не был полноправным хозяином над ее членами. Как и он сам, они принадлежали его хозяину и поэтому без его волеизъявления не могли покинуть семьи (женщины, например, не могли выйти замуж). «Если пхинга не спросил хозяина и не взял у него отпускного свидетельства, то ему запрещается передавать другому человеку или выдавать замуж за любого человека [своих] дочерей, сестер и теток по отцу. Если закон будет нарушен и [женщина незаконно] будет выдана замуж, то [виновному] — 4 года каторжных работ. Женщина вместе с родившимися у нее детьми должна быть возвращена ее владельцу» (ст. 810). Точно так же, в отличие от свободных людей, пхинга не мог продать другому человеку женщину, члена его семьи: «Если пхинга, принадлежащий какому-либо человеку, не спросил разрешения у хозяина и не получил у него отпускного свидетельства, то ему запрещается по своей воле продавать другому человеку женщин [из своей семьи]: дочерей, невесток, теток по отцу, сестер. Если же [таковой] нарушит закон и продаст без разрешения хозяина [женщину из своей семьи], то [виновный] получает наказание на одну степень меньшее, чем положено за тайную кражу на [такую же] сумму... Дети, родившиеся у проданных женщин, вместе с ними должны быть возвращены владельцу» (ст. 809).

Выдача замуж пхинга женщины из его семьи и тем более продажа ее рассматривались как посягательство на имущество его хозяина. В этом случае продажу квалифицировали как кражу, хотя юристы Си Ся и принимали во внимание известные права главы семьи распоряжаться ее членами: наказание было все-таки на одну степень меньшим, чем за кражу. Пхинга мог действовать только с разрешения хозяина, который давал отпускную — документ, удостоверяющий его отказ от прав собственника. «Если вышеназванный пхинга спросит позволения у своего хозяина и тот добровольно даст отпускное свидетельство, то [ему] разрешается выдать замуж за любого человека или продать другому человеку женщину [из своей семьи] — дочь, невестку, тетку по отцу или сестру» (ст. 811).

У нас нет никаких документальных свидетельств, кроме упомянутых выше, но думается, что и свободу пхинга мог получить только с согласия хозяина, имея на то официальный документ — вольную. Лишь одна статья кодекса не очень определенно свидетельствует о том, что бывали случаи, когда государство вмешивалось в права собственности хозяина и во имя высших государственных интересов давало, возможно, свободу пхинга. Если пхинга, попав в руки врага, «стойко держались на территории врага, а затем вернулись, то... в порядке исключения [они] могут оставаться там, где они добровольно подчинились [нам]» (ст. 395), т. е. если пхинга бежал из страны, а потом возвращался, то его отдавали прежнему владельцу, если же пхинга был захвачен вра-

гом и стойко держался в плену, а затем бежал обратно в Си Ся, то его в отличие от прочих не обязательно было отдавать старому хозяину: он мог остаться в другом месте. Статус его на новом месте неясен.

Закон требовал любого беглого пхинга возвращать его хозяину. Хозяева, укрывавшие беглых пхинга и эксплуатировавшие их труд, обязаны были оплатить их настоящему хозяину их труд по твердой таксе. Судя по материалам исследуемого кодекса, за труд мужчины в возрасте 10 лет и старше платили 70 монет, за труд женщины в возрасте 15 лет и старше — 50 монет (ст. 946). В начале XIII в. стоимость одного дня работы пхинга — взрослого мужчины равнялась 200 монетам, взрослой женщины-нини и подростка — 150 монетам [78].

В отличие от женщин-нини, мужчины-пхинга по достижении ими совершеннолетия подлежали регистрации в том гвоне, где они жили и работали. Они были потенциальными работниками и даже солдатами, и хозяевам запрещалось скрывать их от учета, а возможно, и от налогообложения. «Если совершеннолетний пхинга, принадлежащий любому человеку, не будет занесен в списки гвона и будет сокрыт, то любой человек обязан донести об этом». Хозяин, скрывший от учета совершеннолетнего пхинга, наказывался, например, за сокрытие десяти человек и более 2 годами каторжных работ (ст. 376). Кстати, этот текст свидетельствует о том, что во владении одного хозяина могло быть десять лично несвободных людей и более.

Пхинга, как мы уже говорили, был потенциальной рабочей силой и служащим вспомогательных войск. Тангутское государство нуждалось в людях, о чем косвенно свидетельствуют многие статьи кодекса, такие, как запрет продажи людей за рубеж, законы о беглых из Си Ся и о приеме людей, подчинившихся Си Ся. Нехватка людей, видимо, постепенно росла. В начале XIII в. в связи с реальной угрозой татаро-монгольского завоевания пхинга получают большие льготы в случае поступления на военную службу. Богатые чиновники и армейские командиры, имевшие много людей, получили право «десять своих пхинга по двое объединить в пары и отобрать [из этого десятка] пятерых кандидатов на [военную] службу, дав каждому из них по жене» [79]. Пхинга считались потенциальными солдатами, и на них предусматривались конь и доспехи. Правда, этот конь, доспехи и, видимо, оружие на руки им не выдавались, а должны были «оставаться у командиров подразделений». Когда же пхинга направлялся на службу в регулярную армию, то он получал государева коня, поножи и поручи, лук, тридцать стрел, копье, меч, боевую палицу (ст. 273). До XIII в. перевод пхинга в регулярную

---

[78] «Новые законы», гл. XIII, инв. № 4795, с. 16б.

[79] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 22.

армию был ограничен и производился в случаях крайней нужды. Пхинга мог быть переведен из одного подразделения вспомогательных войск в другое, но не в регулярную армию (ст. 364). В XIII в. пхинга, пожелавший служить в пограничных войсках, мог получить чин направляющего — командира над пятью кандидатами на армейскую службу — и, более того, получить ранг, что фактически означало превращение данного пхинга из человека лично несвободного в свободного, имеющего даже привилегии, связанные с наличием у него ранга. Затем он мог перейти на службу в регулярную армию, что являлось также льготой и давало преимущества перед военнослужащими вспомогательных войск [80].

В сфере своих личных имущественных интересов хозяин довольно широко мог распоряжаться своими пхинга и нини. Как и любой объект владения, их отдавали в приданое: «Если стороны, [заключающие брак], не пришли к обоюдному согласию, то силой забирать в счет приданого дом, постройки, землю, пхинга и нини запрещается» (ст. 522). Хозяева свободно продавали пхинга и нини и оставляли их в залог: «Если кто-либо заложит или продаст пхинга, нини, пахотные земли, постройки, то если договор уже составлен, а деньги за залог или стоимость проданного еще не взяты, а тот, кто продавал или закладывал [свое имущество], изменил [своему] слову, то с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 732). Без разрешения хозяина пхинга и нини не могли принять монашество: «Пхинга, принадлежащему любому человеку, без представления [свидетельства] о добровольном [на то] согласии [его] хозяина... становиться монахом, ищущим спасения в дхарме, запрещается» (ст. 773). Пхинга, обманом, без разрешения хозяина ставший монахом, подлежал смертной казни или наказывался каторжными работами на большой срок (ст. 785).

Поскольку пхинга были лично несвободными и презираемыми, государство также ограничивало их использование в определенных целях. Мы знаем, что те пхинга, которые служили в армии, не должны были в большом числе использоваться для охраны внутренних дворцовых покоев и мест пребывания государя (ст. 832), детей пхинга запрещалось посылать на учебу (ст. 662).

Если пхинга или нини, «человек, [принадлежащий] какому-либо частному лицу», бежал от хозяина, то любой приютивший или поймавший их хозяин в течение месяца был обязан доложить о них властям, власти принимали меры по розыску их хозяина, а тот человек, у которого находились беглые, не платил за то, что заставлял беглых пхинга или нини работать на себя. Если человек, приютивший беглых, сам не сообщил о них, а донос поступил от постороннего человека, то он оплачивал работу беглых

[80] Там же.

их хозяину «из расчета за каждого мужчину в возрасте десяти лет и старше — 70 монет, а за каждую женщину в возрасте пятнадцати лет и старше — 50 монет [за день]» (ст. 946). Укрывательство беглых пхинга и нини в течение шести месяцев и долее было уже уголовно наказуемо, хотя меры наказания за укрывательство человека, принадлежащего частному лицу, были на две степени меньше, чем за укрывательство беглого государева человека (ст. 946). Казенное имущество ценилось дороже.

Мы установили, что в тангутском обществе существовала группа лично несвободных людей, принадлежавших не государству, а частным лицам. Эта группа подразделялась на лично несвободных мужчин — пхинга и лично несвободных женщин — нини. Кроме различий, продиктованных полом человека, а также положением в семье, где старшинство принадлежало мужчине, мы не знаем разницы между статусом пхинга и статусом нини. Хозяин имел полное право контроля над личной свободой пхинга и нини (мог их продать, заложить и т. п.), право на часть плодов их труда (хотя данный вопрос не отражен в кодексе), мог наказывать их за непослушание его приказам. Но хозяину не позволялось по своей воле лишить пхинга или нини жизни, сокрыть пхинга от государственного учета. И пхинга и нини имели свой скот и имущество. У пхинга была семья, членами которой он не мог распоряжаться только по своему усмотрению. Пхинга и нини имели право доносить на хозяина, если он замыслил совершить или совершил особо тяжкое преступление, и выступали свидетелями при расследовании таких преступлений. Пхинга, получив вольную от хозяина, имели возможность служить во вспомогательных войсках или исполнять тяжелые работы в регулярной армии. Позднее они могли получить младший офицерский чин и ранг, что, очевидно, значило, что они становились полноправными солдатами регулярной армии Си Ся и свободными людьми. В середине XII в. детей пхинга не посылали учиться, а сами пхинга лишь в ограниченном числе могли нести караульную службу при особе государя.

Пхинга и нини, безусловно, относились к категории «презираемых», известных в дальневосточном праве как «цзяньминь», «подлый народ» (яп. «сэммин»), хотя данный термин в тангутском кодексе не употребляется (он встречается лишь в рукописи № 4189). Статус этих людей был ниже статуса простого лично свободного человека, не имеющего рангов и чиновничьей должности. В формулах, описывающих имущество, они приравнивались к скоту и прочему движимому и недвижимому имуществу, т. е. фактически к вещам, хотя, конечно, тангутское право не рассматривало пхинга и нини как вещь и их хозяин не имел над ними такого же права собственности, как над вещью. Это вполне соответствовало позиции старого китайского права в отношении лично несвободных, про которых в кодексе Тан говорится, что

они «то же самое, что и имущество» [81], «то же самое, что домашний скот и имущество» [82], «их [можно] сравнить с имуществом» [83] и т. д., но одновременно в определенных ситуациях они признаются людьми. Ниида Нобору считал, что в Китае, Японии, Корее, Вьетнаме рабы рассматривались как «полулюди, полувещи» [84].

Лично несвободные и в тангутских представлениях, как и чужеземцы (по тангутской терминологии, «дикие животные»), в отличие от соплеменников были неполноценными людьми и помещались где-то между животными, скотом и полноправными, лично свободными людьми, ибо закон о приплоде трактовал нини абсолютно так же, как самку животного. Вместе с тем по многим социальным категориям пхинга и нини приравнивались к жене хозяина, его невесткам и т. п. Пхинга (думается, что и нини тоже) обязаны были носить траур в случае смерти хозяина, как и его родня, их правовой статус в общественном представительстве (донос, свидетельские показания) был идентичен правам младших родственников хозяина. В этом сказалась присущая дальневосточному праву патриархальность, идущая из глубин веков, когда несвободный нередко рассматривался еще как член семьи, хотя и лично несвободный, неполноправный.

К сожалению, мы ничего не знаем о том, в какой сфере производства в основном трудились пхинга и нини: обрабатывали ли они хозяйскую землю, пасли ли его скот или же были в первую очередь ремесленниками, слугами, домашними работниками и т. п. Единственное, что мы знаем,—это то, что пхинга могли нести караульную службу, в том числе и во дворце. Но думается, что труд пхинга и нини использовался очень широко, во всех сферах хозяйственной деятельности, в том числе и в земледелии. Известно, что рабский труд достаточно широко применялся в хозяйствах землевладельцев в сунском Китае наряду с трудом арендаторов [85].

В заключение хочется добавить следующее. Пхинга и нини — возможно, термины, заимствованные из китайского права и китайской социальной структуры. Термин «пхинга» буквально значит «посланный служить в армию», хотя он явно не солдат. Это генетически связывает его с китайским термином «буцюй». Здесь вполне допустимо и чисто фонетическое заимствование [86]. Именно этот термин был заимствован вместе с китайским правом для

---

[81] Тан люй шу и, гл. 14, с. 304.
[82] Тан люй шу и, гл. 20, с. 435.
[83] Тан люй шу и, гл. 18, с. 411.
[84] *Ниида Нобору*. Тюгоку-но хо-то сякай-то рэкиси. Киото, 1974, с. 121.
[85] *Тан Кёдзи*. Со дай-но дзинуси «добоку» канкэй.— Тоё гакухо. 1971, т. 53, № 3–4, с. 83, 89–100.
[86] *Chang Chi-yun*. Military Administration and Command.— Chinese Culture. 1968, vol. 9, № 1, с. 15.

наименования лично несвободных мужчин Японией («букёку»), позднее стал писаться и читаться в обратном порядке — «какибэ») и Кореей («пугок»). В этот же ряд: буцюй — букёку (какибэ) — пугок — становятся и тангутские пхинга, а также, что очень вероятно, и монгольские богол.

Наименование лично несвободных женщин — нини, очень вероятно, происходит от одного из средневековых, главным образом сунских, китайских наименований рабыни — «ни» [87]. Произошла только редупликация термина.

е) Люди, принадлежавшие государю (государству). «Постоянно живущие» («чанчжу»). Отроки

Мы уже отмечали, что люди, лишенные личной свободы, как любая собственность в тангутском государстве, делились на государевых (казенных) и частных. Люди, принадлежащие государю (государству), именовались «государевы люди», точно так же как были «государева земля», «государев скот», «государево имущество» и т. п. Мы уже также упоминали, что такое деление лично несвободных на принадлежащих частным лицам и казне было характерно для средневекового Китая и закреплено в кодексе Тан, который четко различает «гуань нуби», «казенных рабов и рабынь», и «сы нуби», «рабов и рабынь, принадлежащих частным лицам», а также различные группы лично несвободных людей, принадлежащих казне,— «гуаньху», «фаньху», «цзаху» — и лично несвободных, принадлежащих частным лицам,— «буцюй» (лично несвободные мужчины) и «кэнюй» (лично несвободные женщины) [88].

Если пхинга и нини достаточно легко выделяются и могут быть сравнительно подробно описаны, то выделить и описать группы государевых людей значительно сложнее. Они упоминаются в кодексе редко, и тексты статей, в которых о них говорится, не всегда достаточно четки.

Государевых лично несвободных людей условно можно разделить на две группы: тех, кто был занят в хозяйстве, и тех, кто служил в армии. Государевыми людьми становились или военнопленные, или люди, которые утрачивали личную свободу и переходили в казну за преступления, совершенные их родственниками. Обычно это были государственные преступления (измена, мятеж и т. п.), при наказании за которые вступал в силу принцип общесемейной ответственности. «Дети, жены, внуки, правнуки и невестки мятежника, совершившего или еще не совершившего

[87] *Ниида Нобору*. То-Со хорицу бунсё-но кэнкю. Токио, 1937, с. 185.

[88] Подробнее см.: *Козина Е. М.* Правовое положение лично несвободных людей в Китае при династии Тан (619—907) по кодексу династии Тан «Тан люй шу и». Автореф. канд. дис. Л., 1983.

преступление, независимо от того, живут ли они с ним одной семьей или не живут, а также [его] родители, деды и бабки, братья и сестры, еще не выданные замуж, если эти [родственники] живут в одной семье [с мятежником], все подлежат наказанию — должны быть сосланы и включены в число пастухов и земледельцев» (ст. 1). То, что эти люди становились казенными лично несвободными, ясно, во-первых, из китайской аналогии — по кодексу Тан члены семьи мятежника «конфисковались», переходили в казну,— а во-вторых, из текста предшествовавшего «Измененному и заново утвержденному кодексу» «Яшмового зеркала», в котором указывалось, что в случае гибели в бою командира четыре человека из его охраны должны быть казнены, а их родственники обращены в «государевых пастухов и земледельцев» [89]. В публикуемом кодексе есть сведения о принадлежащих казне женщинах: «Если женщина в наказание [должна работать] в государевом скотоводческом гвоне и уже отправлена в [этот] скотоводческий гвон, то сбывать [ее] в иное место запрещается. Если закон будет нарушен, то продавец получает наказание как за тайную кражу, а покупатель, если [он] знал, [что покупает преступницу, осужденную на работы в государевом скотоводческом гвоне], получает наказание как пособник в совершении такой кражи. Плата, [полученная продавцом за женщину], должна быть взыскана в качестве штрафа и поступает в пользу государя. Если покупатель не знал [о незаконности сделки], то наказанию не подлежит, но сумма, [которую он уплатил за женщину], должна быть у него изъята. Женщине за то, что она сама не донесла о ее продаже,— 13 палок. В соответствии с первым решением [она] должна быть возвращена в скотоводческий гвон. Если [она] донесла [о незаконной ее продаже], то наказанию не подлежит и может быть отдана на то пастбище гвона, на которое [она] пожелает» (ст. 1403). В кодексе упоминаются 80 семей из скотоводов, принадлежащих Северному двору, и 20 семей из скотоводов, принадлежащих Восточному двору, которых ежегодно выделяли для «передачи в другие государства» верблюдов и лошадей, т. е. для перегона скота, который шел в качестве уплаты дани Сун и Цзинь, а также для продажи государева скота за границу (ст. 1357).

Характер занятости этой группы государевых людей в целом очевиден. Они занимались различными сельскохозяйственными работами и пасли скот.

Государевы люди не могли изыматься из казны: «Запрещается всем старшим и младшим чиновникам просить [для себя] в качестве лично принадлежащего ему человека кого-либо из государевых людей или просить и делать людьми, принадлежащими частным лицам, тех, кто совершил тяжкое преступление, при-

---

[89] «Яшмовое зеркало», гл. III, инв. № 3481, л. 14а.

говоренных к смертной казни, которым потом дарована жизнь и которые должны войти в число пастухов и земледельцев в пограничных городах. Если закон нарушен, то просителю и тому, кто передал его просьбу в вышестоящие инстанции,— 12 лет каторжных работ» (ст. 344).

Список тангутских государевых людей по профессиям сохранился в статье 393 кодекса. Он достаточно обширен. В него входят «пастухи и земледельцы, смотрители ворот и башен, прислуга жилых покоев [государя], паромщики и лодочники, конюхи, посыльные всех управлений (ср. с кит. «цюйшу»), подавальщики блюд... дворцовые рассыльные, птичники, [рабочие] тележного гвона, раздатчики еды, [рабочие] гвона по производству шелка, цветоводы, [рабочие] гвона по производству украшений — кистей, лент, бахромы,— караванщики караванов верблюдов... музыканты, держатели государева стяга, наблюдатели за содержанием в соответствующем порядке рвов и укреплений, разные мастеровые, [рабочие] гвона императорских конюшен, дворовые, ночные караульные, барабанщики при ночных барабанах, ткачи холста, мастера, работающие с золотом, суконщики, ткачи тканей из растительных волокон, добытчики соли [из озер] У и Цзе». Таким образом, помимо пастухов и земледельцев государевы люди использовались в основном как обслуга и в качестве рабочих и мастеровых различных мастерских, вероятно в основном сосредоточенных при дворе или в столице. Все это были лица, выполнявшие, как сказано в этой же статье, прежде всего «тяжелые работы».

На государева человека накладывались разные работы и повинности, и он находился в ведении определенного чиновника (ст. 945, 1402), представлявшего какое-либо управление, например управление земледелия и др. В «Новых законах» упомянуты «приписанные к управлениям государевы земледельцы» [90].

Государевы люди, «тяглые, записанные за государем», как и пхинга, имели свои семьи (ст. 945) и свое имущество, в том числе и недвижимость. «Если посторонний человек похитит что-либо из [имущества] тяглых, записанных за государем, из дома, принадлежащего беглому, или [из того, что беглец взял] в дорогу, то [виновному] определяется то же наказание, какое положено за кражу государева или частного скота и имущества с применением или без применения насилия» (ст. 417). Государевы люди наделялись землей, которую обязаны были обрабатывать полностью. «Государевы и принадлежащие частным лицам землепашцы прежде всего должны сохранять свои участки земли (букв. „ндзие и ндзвон“) в тех размерах, в каких [они их] получили. Нарушать границы первоначально установленных участков пахотных земель, облагаемых налогом, мест соединения оросительных

[90] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 13.

ных каналов, увеличивать [свой участок] за счет чужих земель, уменьшать размеры участка земли и сокращать посевы запрещается. Если в нарушение закона посевы будут сокращены, то [виновные получают наказание] по закону о тайной краже в зависимости от стоимости похищенного имущества. Если [кто-либо] увеличит свой участок за счет чужой земли и будут нарушены границы участков, то [виновный] получает наказание на одну степень меньшее, чем за тайную кражу, в зависимости от стоимости [незаконно] приобретенной земли. Награда за донос выплачивается в размере одной десятой стоимости [присвоенной земли], но не должна превышать ста связок монет» (ст. 1099). В первой четверти XIII в. приписанные к управлениям государевы люди платили налог, начисляемый с участка величиной 1 цин 50 му (примерно 9,8 га), деньгами — 10 связок монет, пшеницей — 4 ху (237,6 л), горохом —5 ху 5 доу (326,7 л). Если налог взимался хлопком или коноплей, то нормы обложения устанавливались чиновниками, как сказано, в соответствии с законом» [91].

Наряду с прочими лично несвободными людьми землепашцы государя назначались на работы на оросительных каналах. «Что касается назначений „наблюдающих за водой" и „обслуживающих канал" на больших магистральных каналах, то [таковые] должны назначаться из года в год в порядке очереди из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также [землепашцев], принадлежащих родственникам [государя], советникам, старшим и младшим [чиновникам], хозяевам податных дворов и всем храмам. Назначать на эту службу людей вне очереди запрещается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если же имела место взятка, то [таковая] должна считаться „взяткой с нарушением закона"» (ст. 1120). Государевы люди, «наблюдающие за водой» и «обслуживающие канал», несли уголовную ответственность за состояние канала и в случае его прорыва — за ущерб, причиненный хлынувшей на поля и постройки водой (ст. 1121).

Государев пастух имел право на какую-то долю приплода от скота, однако он должен был дождаться клеймения скота и получить «то, что ему дают». Если он, даже имея право на часть приплода, брал ягнят, жеребят или телят самовольно, то это расценивалось как тайная кража (ст. 1346). За гибель государева скота и некомпенсацию причиненных убытков «под угрозу должна была быть поставлена жизнь» государевых людей — пастухов (ст. 1395). Закон предусматривал и те случаи, когда государевы пастухи «в деле ухода за скотом проявят непокорство, откажутся работать, не станут слушать приказаний». Такие пастухи наказывались особо, на основании специальных указаний, полученных от вышестоящих властей (ст. 1402).

[91] Там же, с. 13—14.

На государевых людей распространялось общее правило для лично несвободных, одинаковое с законом о скоте — приплод следует за самкой (ст. 157). «Если женщина и мужчина, принадлежащие государю или частному лицу сговорятся и вместе убегут, то те дети, которые родятся у беглецов, остаются с матерью, а сама женщина должна быть отдана [своему] хозяину. Оставлять детей с отцом не разрешается» (ст. 518).

В управлениях составлялись списки государевых людей (ст. 720), и менять место их приписки было строжайше запрещено (ст. 813). Любому человеку запрещалось произвольно вычеркивать людей из этих списков. Вычеркивание государевых людей из списка, так же как необоснованное привлечение их к работе, которую они не должны были делать, рассматривалось как тайная кража человека (ст. 720). Использование государева человека в личных целях, как слуги на посылках, квалифицировалось законом как укрывательство беглого (ст. 947).

Государев человек мог по своей воле отдать замуж за принадлежащего частному лицу мужчину (пхинга) члена своей семьи — дочь, сестру, тетку по отцу (ст. 812). Судя по статьям 812 и 521 (о государевых девушках), лично несвободные государевы люди могли вступать в брак или с государевыми людьми, или с лично несвободными людьми, принадлежавшими частным лицам, т. е. только в пределах своей и родственной социальной группы.

Итак, первая группа государевых людей работала на казну, государство, в земледелии, скотоводческих хозяйствах и ремесленных мастерских.

Вторая, возможно даже не менее многочисленная, группа государевых лично несвободных людей служила в армии, во вспомогательных войсках. В «Яшмовом зеркале» прямо указывается, что родственники солдат, казненных за военные преступления, наказываемые по принципу общесемейной ответственности, отдавались в казенное рабство на службу в армию. Так, если солдат был казнен за подачу с целью получения награды ложных сведений о количестве убитых им врагов, то его «родственники должны были быть включены в армию» [92]. Если военный инспектор допускал обман и все дело переворачивал с ног на голову (по-тангутски букв. «голову и хвост поменяет местами») и о командире, который участвовал в сражении, скажет, что тот в сражении не участвовал, а о командире, который в сражении не участвовал, заявит, что тот в сражении участвовал, то он подлежал смертной казни, а его «семья включалась в армию» [93]. Таким образом, люди, которых на основании принципа общесемейной ответственности обращали в казенное рабство, не только станови-

[92] «Яшмовое зеркало», гл. III, инв. № 3481, с. 15а.
[93] Там же, л. 15б.

лись государевыми пастухами, земледельцами, ремесленниками, прислугою, но и отправлялись в армию для выполнения при ней тяжелых вспомогательных работ. Это обстоятельство проясняет и следующее сообщение «Сун ши» о судьбах пленных китайцев: «Когда тангуты брали в плен китайцев, то храбрых они назначали на военную службу в передовые части и называли их чжуанлинлан, а слабых, трусливых, не обладавших никакими способностями отсылали за реку заниматься земледелием или же использовали для обороны города Сучжоу»[94]. Этот текст «Сун ши» крайне важен, так как он, во-первых, свидетельствует о том, что одним из источников пополнения рядов государственных людей, как и частных лично несвободных, были военнопленные, а во-вторых, подтверждает то, что использовались эти люди двояко: как землепашцы и вообще на хозяйственных работах и в армии, будь то в передовых частях, т. е. на границах с сунским Китаем, или в тылу, в городе Сучжоу.

Во вспомогательные войска, как на каторгу, отправляли лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам, если они при допросе признавались в причастности к измене. Эти люди, осужденные на каторжные работы в пограничных городах, «должны стать [людьми, работающими на] регулярную армию» (ст. 11). Сын женщины (чужой жены, похищенной кем-то ранее), рожденный на чужбине от похитителя, если его не признавал муж его матери и он оказывался вне семьи, «по желанию мог быть зачислен в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках» (ст. 397). Во вспомогательные войска отправляли сыновей государевых девушек, рожденных как от государевых людей, так и от пхинга. «Если девушки, принадлежащие государю и не имеющие права иметь мужей — девушки, следящие за порядком в жилых покоях [государя], девушки, вышивающие шелком, ткущие сукна и холсты, девушки из Шачжоу,— сговорившись с [мужчиной], самовольно заведут семью и нарожают детей, то дочери остаются с матерью и могут быть проданы [замуж] по [ее] желанию. Что же касается сыновей [таких лиц], то если мужчина, создавший семью, был искони государев человек, [его сыновья] должны быть зачислены во вспомогательные войска, а если [он] пхинга, то [его сыновьям] становиться пхинга не разрешается и [они] при желании могут войти в число государевых людей, служащих во вспомогательных войсках. Если же [по чьей-либо вине такие люди] не будут взяты на учет, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 521).

Служащие вспомогательных войск, как и все государевы люди, имели семьи. Те лица, которым был придан служащий вспомогательных войск или иной государев человек, могли отдать в

[94] Сун ши. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), гл. 486, с. 3797.

залог жену служащего вспомогательных войск, жену государева человека. Правда, при том данная женщина должна была добровольно согласиться на то, чтобы ее отдали в залог (ст. 726).

Государевы и частные лично несвободные люди, очевидно, нередко бежали со своего места приписки или от своего хозяина, о чем свидетельствует наличие в кодексе ряда статей о беглых людях и их поимке. «Направляющие, армейские командиры, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники, ведающие государевыми людьми, должны выяснить фамилию и имя бежавшего государева человека, кто он, сколько человек в его семье и перечень имен [членов его семьи], почему и куда [он] мог сбежать и известно или неизвестно его местопребывание. В течение десяти месяцев [все это] необходимо сообщить должностному лицу. Если местонахождение [беглого] известно, то следует организовать [его] преследование, [поймав], наказать и препроводить к тому, в чьем ведении [он] находился» (ст. 945). «Если государев или принадлежащий частному лицу человек, женщина или мужчина, бежал, а какой-то человек задержал [его], то [он] должен отправить его туда, откуда [этот беглый]бежал. Если кто-либо со слов беглого знал, что [он беглец], но взятки [с него] не брал, то [с такового] не взыскивается стоимость работы [на него] беглого в течение шести месяцев. В том случае, когда кто-либо, встретившись в дороге с беглым, ехал вместе с ним, но не знал, [что его спутник — беглый], он наказанию не подлежит, а если знал, то [подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если же кто-либо из таковых получит [с беглого] взятку, то [ее] следует считать „взяткой с нарушением закона“» (ст. 949).

Счет беглых велся на семьи, причем семьей могли считаться от одного до трех человек, бежавших в одиночку, а также муж и жена или любых два человека из одной семьи. За укрывательство одной-двух семей виновному полагалось 3 года, трех семей — 4 года каторжных работ, а за укрывательство десяти семей и более — смертная казнь путем удавления (ст. 941). Меры наказания за укрывательство родственников были значительно более низкими — от 6 месяцев до 3 лет каторжных работ (ст. 942).

«Если о побеге людей, принадлежащих государю или частным людям, были оповещены старшие и младшие направляющие по принадлежности, [лица], относящиеся к регулярной армии, старшие кочевий, эмиссары, пограничные чиновники, ближайшие соседи [беглецов], но [они] не начали преследования [убегавших], или отправились в погоню, могли настичь [беглецов], однако при погоне не проявили усердия и не догнали [их], или догнали, но из-за своей немощи и дорожа жизнью, не уничтожили [беглецов], то[виновным] — 1 год каторжных работ» (ст. 423).

Пойманных беглых собирали в ближайших местных управлениях и группами с сопроводительными документами и охраной

отсылали по этапу на прежнее место (ст. 944). Донесшие о беглых получали награду за донос (ст. 405) из расчета десять связок монет за одну семью, но не более ста связок монет (ст. 944). Поимщик мог получить пятнадцать связок монет (ст. 405). «Если убегут люди, принадлежащие государю или частным лицам и укроются в пределах нашего государства и если среди людей, донесших на [таких беглых] в ближайшей округе, окажутся женщины, отбывающие наказания за совершенные ими преступления в качестве ткущих сукна, ткани из растительных волокон, белошвеек или отданные в жены пастухам и земледельцам, то [они] могут получить вознаграждение за донос в соответствии с законом. Можно позволить [таковым] сменить [их] место пребывания, [однако] менять гвон [им] не дозволяется» (ст. 940).

Иногда государевы люди и люди, принадлежащие частным лицам, бежали из Си Ся за границу. Если они после этого добровольно возвращались обратно, то им запрещалось свободно передвигаться по территории страны. Их не наказывали, но их статус не менялся. Исполнявшие ранее тяжелые работы вновь возвращались на тяжелые работы, но могли в качестве награды за верность отечеству сменить хозяйство или место приписки. Если это были люди, ранее работавшие во внутренних дворцовых покоях, то они после возвращения в Си Ся к работе во внутренних дворцовых покоях отныне не допускались. Таковые должны были стать служащими вспомогательных войск (ст. 393).

Собственно, этим исчерпываются имеющиеся у нас сведения о лично несвободных людях в тангутском государстве, принадлежавших казне. В целом их статус не отличался от статуса лично несвободных людей, принадлежавших частным лицам.

Поскольку нет никаких данных о сроках несвободного состояния, но есть материалы о том, что дети несвободных тоже становились несвободными людьми, служащими вспомогательных войск, можно утверждать, что описанные выше формы зависимости были наследственными. Очевидно, это чаще всего касалось ремесленников, в чьих семьях ремесло передавалось от родителей к детям.

Источниками пополнения людей этого сословия кроме естественного прироста были уголовное бессрочное казенное рабство, распространявшееся и на потомков — привлечение к ответственности родственников государственных преступников,— и военнопленные — та их часть, которая не становилась собственностью частных лиц, а отходила в долю государя (государства).

Особую группу лично несвободных людей в тангутском государстве составляли «постоянно живущие», «чанчжу»,— люди, находившиеся в ведении буддийской общины и получившие свое наименование от термина «чанчжу» — «постоянно пребывающее» (по-китайски «пребывающее» и «живущие» передается одним знаком) при буддийской общине имущество. Этот термин встреча-

ется в старых китайских текстах для обозначения имущества буддийской общины. Санскритский оригинал термина неизвестен [95]. В одном из старых китайских документов из Дуньхуана институт «чанчжу» — лиц, прикрепленных к общине,— имеет такое объяснение: «Жилые строения и поля, которые находятся как на территории [монастырей], так и за ее пределами, получены в дар от верующих и предназначены для [обеспечения] пищей и имуществом монахов. Все [прикрепленные к монастырям] дворы (хукоу) вместе с их домочадцами (цзяжэнь), которых почтительно пожаловали [монастырям] дарители, навечно предназначены служить при монастырских подворьях и заниматься поддержанием (накоплением) имущества... называются „чанчжу"... Отныне и впредь ни один из предметов, которые относятся к „чанчжу", начиная с иголки и кончая былинкой, включая сюда и людей (жэньху) от младенцев и до стариков, не разрешается никому [ни под каким предлогом], даже прикрываясь чьей-либо властью или авторитетом, отчуждать, а также брать [или отдавать] в залог или продавать... „Чанчжу байсинам" разрешается заключать браки только в своем роду (було). [Им] запрещается вступать в связь с „сянсы байсин" (крестьянами, подпадающими под юрисдикцию гражданской власти). Если найдутся такие, кто нарушит этот закон, и мужчина, [находящийся на положении] „чанчжу", вступит в связь с женщиной, находящейся под юрисдикцией гражданской власти (сянсы нюйжэнь), то дети, которые родятся [у них], будут оприходованы как „чанчжу"» [96].

Тангутские тексты также свидетельствуют о том, что «постоянно живущие» «прикреплены» к буддийской общине. Закон допускал использование для вновь выстроенного храма «прислужников общины и „постоянно живущих", прикрепленных к общине». «Постоянно живущие» давались храму в зависимости от его богатства, той суммы пожертвований, которые получил храм. Если пожертвования составляли тысячу связок монет, храм получал двух человек «постоянно живущих», две тысячи — трех человек, более трех тысяч — пять человек (ст. 777). Жертвователями могли быть государь (государство) и частные лица. На «постоянно живущих», очевидно, мог сохраняться как бы знак их пожертвователя. В «Новых законах» упоминаются «государевы и частные „постоянно живущие" всех общин», «государевы и частные „постоянно живущие"» [97].

---

[95] *Gernet J.* Les aspects economiques du Buddhisme dans la société chinoise du V aux Xe siècle. Saigon, 1956, с. 63.

[96] *Чугуевский Л. И.* Материалы к характеристике непосредственных производителей, работавших в монастырских хозяйствах в Дуньхуане.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1973, с. 41—42.

[97] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 1; гл. III, инв. № 2819, с. 53.

Пожертвованные кем-либо храму люди переходили полностью в ведение храма. «Имущество и „постоянно живущие", пожертвованные каким-либо человеком построенному храму, передаются храму полностью» (ст. 778). Этот текст, как и цитированный выше китайский, показывает, что «постоянно живущие» приравнивались к любому прочему храмовому, общинному имуществу и в данном случае прямо рассматривались как вещь. Закон настаивал на подлинной, а не мнимой передаче людей, ибо, переданные сангхе, они изымались из государева учета и поступали на особый учет сангхи. «Постоянно живущие» работали на общину и ее храм, причем, очевидно, делали самую разную работу. В тексте Лянчжоуской стелы, датированной 1094 г., говорится о пожаловании, очевидно сделанном государем, отремонтированной пагоде Благодарения: «Выделены сангхе: „постоянно живущие" — четыре семьи землепашцев и [мастеров по изготовлению] стрел» [98]. Эти люди обрабатывали земли пагоды Благодарения и приносили доходы сгруппировавшейся вокруг нее общине изготовлением и продажей стрел. «Постоянно живущие» могли быть интендантами («тицзюй») общих трапез общины (ст. 776).

«Постоянно живущие» не переставали быть налогоплательщиками государства, но платили налог в ограниченном размере, ибо часть их труда и доходов шла той общине, которой их пожертвовали. Требования к «постоянно живущим» со стороны государства, судя по «Новым законам», были непостоянны. Иногда они полностью освобождались от поставок сена или от трудовых повинностей, иногда они год платили поземельный налог, год поставляли сено. Любопытно, что текст закона отмечает, что освобождение «постоянно живущих» от части повинностей увеличивало бремя тех же повинностей для «хозяев семей», ибо на них «налагали более тяжелый налог» [99].

Между «постоянно живущими» и общиной, которой они принадлежали, не было той «родственной» близости, каковая была между хозяином и его собственностью, его людьми. Имущество сангхи приравнивалось законом к государеву [100]. Похищение «постоянно живущим» чего-либо из имущества сангхи, того имущества, частью которого он сам являлся, каралось как хищение государева, т. е. казенного, имущества (ст. 98), и приговор виновным выносился «как чужим людям, обокравшим государя или частное лицо» [101].

Можно полагать, что институт «постоянно живущих» («чанчжу») был полностью унаследован тангутами от буддийских монастырей эпохи Тан, в частности Дуньхуанского комплекса монастырей, который вошел в состав тангутского государства.

---

[98] *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэнкю. Т. 1. Токио, 1964, с. 169.
[99] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 3.
[100] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 5—6.
[101] Там же, с. 43—44.

Весьма интересным представляется вопрос о социальной группе отроков. Известно, что отроками, представителями младшего поколения, как бы естественно обязанного прислуживать старшему, нередко именовались группы зависимых и лично несвободных людей. Вспомним отроков и «детских» старорусских летописей — «термины, самым значением своим указывающие на членов младшей дружины» [102]. В Китае во времена южных и северных династий при чиновниках были люди, именовавшиеся отроками («ганьтун», или «тунгань»). Отроков раздавали. В «Сун шу» упоминаются «отроки (ганьтун), раздаваемые (гэй) чиновникам пяти палат (у шэн)» [103]. Существо службы отроков объясняется в «Цзы чжи тун цзянь»: «Отроки (тунгань) — это те, кто даются для того, чтобы служить на посылках (ши) и исполнять приказы (лин)» [104]. «При династии Южная Ци (473—501) существовали отроки (тунгань). Они выполняли обязанности, одинаковые с современными (VIII в. — *Е. К.*) рассыльными (цюйши) и привратниками (мэнлу)» [105].

В тангутском государстве отроки тоже были при лицах знатных и влиятельных. В статье 445, где они упоминаются впервые, говорится: «Если кто-либо, пользуясь своим положением в целях обмана, заявит, что он лично владеет большим количеством скота, а [его] старшие пастухи и отроки захватят у какого-либо человека места ночлега у колодцев и будут там поить и пасти скот...» и т. д. Отроки-пастухи упоминаются и в статье 964. Отроки работали на своего хозяина, они «поили и пасли» его скот. Отроки также работали на посылках. Человек, при котором были отроки, мог послать их на переговоры с третьими лицами об оказании помощи в похищении чужой жены (ст. 501). Отроки были на посылках у должностных лиц. Чиновник, желающий получить отпуск по семейным обстоятельствам и не могущий, ввиду занимаемого им положения, испросить его на месте, должен был «послать отрока[-прислужника] к военному комиссару, которому он подчинен, с прошением об освобождении от службы на какой-то срок» (ст. 635). Отроки-прислужники сопровождали чиновников-ревизоров и следователей и указаны в числе лиц, получающих довольствие на время выезда к месту ревизии или проведения следствия. У начальника группы ревизоров было, например, три отрока-прислужника. Любопытно, что в списках получающих довольствие на время выезда отроки указаны после лошадей чиновника: «Главным проверяющим на семь дней режут одно животное [на мясо], рис и мука в зависимости от числа дней выдаются

---

[102] *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 6, с. 148.

[103] Сун шу. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), гл. 63, биография Чэнь Яня, с. 530.

[104] Цзы чжи тун цзянь, цз. 125 (217 г., 11-й месяц).

[105] *Ду Ю.* Тун дянь. Шанхай, 1935, цз. 5, с. 30.

из того расчета, чтобы на каждые четыре шие(шэн) [риса и муки] приходился один шие риса. Фураж на двух коней выдается из расчета семь шие одному коню, пять шие другому. На одного отрока-прислужника выдается по одному шие риса» (ст. 1449, 1370).

Отроки были и при родственниках государя, при обслуге его двора: «Родственникам государя, советникам, старшим и младшим сановникам, „ожидающим приказаний", а также отрокам [-прислужникам при них] и всяким прочим лицам, не имеющим пайцзы и железных стрел, запрещается [во время поездок] брать [у населения] транспортных животных» (ст. 985). Отроки сопровождали посыльных с пайцзой (ст. 977].

Таким образом, мы можем четко выделить две группы отроков по роду их занятий: отроки — пастухи скота (при пастухах, при владельцах стад) и отроки-прислужники при должностных лицах, видимо чаще всего исполняющих экстраординарные поручения (при ревизорах, учетчиках скота, воинского снаряжения, имущества, гонцах с пайцзой и т. п.).

Особо следует выделить третью группу отроков — при буддийских общинах. Юноши, состоявшие при монашеской общине, изучали учение Будды и могли быть выдвинуты при наличии у них успехов в ознакомлении с буддийскими текстами на разные должности при сангхе (ст. 771, 772). Юноши, состоявшие при общинах, могли быть произведены в монахи (ст. 777). Лишь одна строка статьи 777 говорит о зависимом, несвободном состоянии отроков при буддийских общинах. При образовании при новых храмах новых общин в монахи могли производиться юноши из старых общин. Закон при этом подчеркивает, что в результате этой операции человек не должен исчезать из поля зрения властей. Эти производимые в монахи отроки «должны находиться в ведении (гуань) новой общины, а продавать [их] какому-либо человеку запрещается» (ст. 777).

Итак, отроки — юноши при общинах, возможно, не были людьми свободными, раз их можно было продать. Находились ли в таком же состоянии ограничения личной свободы отроки-пастухи и отроки-прислужники, мы не знаем, так как никаких данных об этом у нас пока нет. Отроки в Китае до танского времени, очевидно, были людьми зависимыми, несвободными — их раздавали, танским авторам они напоминали посыльных («цюйши»), лиц, которые при Тан были из казенных лично несвободных людей [106]. В танское время при чиновниках были люди, именуемые «фангэ», «чжаншэнь», «байчжи», «циньши», «шоудан» и др., задача которых, по сообщению сунского автора Чэн Дачана, состояла в том, чтобы «быть у них (чиновников.— *Е. К.*) на посылках и испол-

---

[106] Тан люй шу и, гл. 3, с. 66.

нять работы по их обеспечению» [107]. Возможно, тангутские отроки, по крайней мере часть их, были близки по своему статусу к этим людям. Не утверждая, что все отроки были людьми лично несвободными или зависимыми, отметим одно — любой переход в услужение, в положение работающего на хозяина, даже работа по найму, влекли за собой определенную потерю прав и даже личной свободы.

Работать по найму шел «бедный сын разорившегося хозяина». При найме «обе стороны с взаимного согласия должны договориться о плате за работу, [о чем] необходимо составить документ и доложить в управление», а если нанимающийся на работу был солдат, то «старшему или младшему армейскому направляющему». Нанявшийся таким образом на службу военнообязанный становился лицом, зависимым от хозяина, ибо он уже не ходил во все походы, а «должен был покинуть [хозяина]» только в том случае, «когда поднята в поход большая армия» (ст. 343). Нанявшийся на работу считался лицом, стоящим ниже простого свободного человека. Если при расчете за работу с хозяином он был убит последним, то хозяин получал наказание на одну степень меньшее, чем за убийство человека в драке (ст. 735).

Помимо вышеуказанных социальных групп в памятниках тангутского законодательства, насколько нами это обнаружено, встречаются еще некие ндзема и люди, названные просто рабами. В ндзема мог быть обращен беглый, этот акт в тексте статьи приравнивается к купле-продаже человека [108]. Рабы упоминаются в статье 900 кодекса. В этой же статье упоминаются пхинга и нини. В статье говорится, что родственники преступника, его пхинга и нини, если они имеют право донести об этом преступлении, вправе давать свидетельские показания. Тем же родственникам преступника, которые не имеют права на донос, и «его рабам и прислуге... давать свидетельские показания ради любых сведений, какими бы [они] ни располагали, запрещается». Трудно сказать, являлись ли рабы в данном случае самостоятельной социальной категорией, или речь идет о тех же пхинга и нини, не имевших права на донос. Китайские источники, содержащие сведения о тангутском государстве, не упоминают о пхинга и нини, а говорят о рабах («ну»), домашних рабах («цзяну») и т. п. Но в тангутском языке существовало слово «раб». В тангутской энциклопедии «Море значений, установленных святыми», изданной государственным ведомством печати Си Ся 1 июня 1183 г., есть раздел «О рабах и слугах». Здесь кое-что говорится об обязанностях рабов и слуг. Общая их задача состояла в том, чтобы «прислуживать знатным»: «Рабы и слуги должны прислуживать знатным. Изречение гласит: „Если нет слуг, то кто будет при-

[107] *Согабэ Сидзуо.* Рипурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но кэнкю. Токио, 1967, с. 117.

[108] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 47.

служивать благородным? Если не будет людей, облеченных властью, то разве в государстве не произойдут беспорядки?"». «Рабы работают в деревне (т. е., очевидно, на сельских работах.— *Е. К.*) и выполняют самые различные работы». «Если рабы и слуги чистосердечны и искусны в работе, то хозяин дорожит ими». Отличившийся раб мог получить свободу и даже должность: «Некогда прежде среди живущих в доме четырех или пяти рабов был раб преклонных лет. Он трижды говорил одному из этих рабов: „Судя по твоей тени, ты добьешься высокого поста!" Тот раб отвечал: „Разве я не смогу пожертвовать своей жизнью?"... После этого войска государя выступили в поход и сразились с врагом. Во время сражения этот раб сумел взять в плен командующего вражеской армией и представил его государю. Этому рабу дали высокую должность» [109].

В обыденных представлениях тангутов, отраженных в их изречениях, раб, как и бык, был создан самой природой для тяжелой работы: «Хорошо, когда короткие: ноги у птицы, шея у быка и шея у раба» [110] — и должен был связывать свое личное благополучие только с благополучием своего хозяина: «Счастье раба зависит от благополучия его хозяина» [111].

Состояние зависимости или независимости, свободы или несвободы в тангутском обществе зависело от категории, статуса, сословия, к которому искони принадлежал человек. Само понятие статуса, очевидно, шло из китайского права и было связано с китайским понятием «сэ». Каждая социальная группа имела свой статус, свой облик, свое «сэ». Понятие «сэ» не было идентично нашему понятию «класс», как считает Дай Яньхуэй [112]. Оно означало и «сословие». «Сэ» объединяло людей не столько по роду занятий, сколько по правовому статусу. Понятие «статус», «сэ», в тангутском кодексе определяло принадлежность человека к той или иной категории, его приписку к данной категории. Списки людей составлялись по категориям, при этом переписывать лиц по какой-либо категории могло тоже только лицо, само принадлежащее к данной категории: «Что касается тех, кто ведает составлением списков [лиц] разных категорий, то приказные, ведающие составлением списков, посылаются для [составления списков только тех лиц], которые относятся к той же самой категории, что и они сами. Запрещается смешивать лиц разных категорий, и не разрешается принуждать составлять списки человека, не состоящего на службе» (ст. 351). Категории были у людей знатных, свободных, например категория дворцовых служащих,

[109] «Море значений, установленных святыми», инв. № 145, л. 32б—34а.
[110] Вновь собранные драгоценные парные изречения. Факсимиле ксилографа. Изд. текста, пер с тангутского, вступ. статья и коммент. Е. И. Кычанова. М., 1974, № 192.
[111] Там же, № 58.
[112] *Дай Яньхуэй.* Тан люй тун лунь, с. 72.

лиц, «ожидающих приказаний», лиц «для особых поручений» (ст. 497, 720), и у лично несвободных — пхинга, «исполняющие тяжелые работы», «служащие вспомогательных войск» и т. п. (ст. 640, 497). Статья 662 упоминает разные категории групп населения Си Ся следующим образом: «В пределах нашего государства... за исключением [сыновей] пхинга и лиц, занимающих важные должности, [дети] прочих лиц разных категорий в возрасте от семи до двадцати лет должны быть отобраны и направлены на учебу». Пхинга (лично несвободные люди) и сановники (лица, занимающие высокие должности) были как бы противоположными полюсами категорий — групп, имеющих свой социально-правовой статус, между которыми размещались прочие лица разных категорий. При определенных условиях в связи с переменой службы, освобождением, усыновлением допускался переход из одной категории в другую, смена статуса (ст. 640, 428). Вместе с тем любое произвольное изменение категории было сурово наказуемо (ст. 720). Слуги, лица для особых поручений, служащие вспомогательных войск не имели права на уход в монашество (ст. 781).

Собственно, этим исчерпываются сведения о делении населения тангутского государства на категории. Вопрос этот, безусловно, должен быть доисследован, если будут обнаружены новые материалы. К сожалению, незначительны сведения и китайских источников о существе социального термина «сэ» в средневековом Китае, а исследование и этих сведений по-настоящему, насколько известно автору этих строк, до сих пор не произведено. Думается, что непреклонный принцип китайского права «гэ цун бэнь сэ», «каждый должен жить в соответствии со своим исконным социальным статусом», действовал и в государстве тангутов. Этот принцип особенно строго соблюдался тогда, когда речь шла о лично несвободных и зависимых членах общества.

ж) О праве собственности у тангутов. Разделенная собственность

Право собственности, будь то на землю, скот, движимое и недвижимое имущество, людей, тангутское право признавало только за государем (государством, казной) и частными лицами. Однако положение государя и частных лиц, равноправное формально, было неравноправным даже юридически в процессе реализации, осуществления прав собственности. Если право собственности государя было абсолютным, т. е. не подверженным никаким ограничениям его полномочий как собственника, то правомочия частных собственников имели ряд конкретных ограничений. Так, хозяин, собственник участка земли, не имел правомочия распоряжаться им по своему усмотрению, «своей волей и в своем интересе». Во-первых, отчуждать, продавать можно было только

«излишки земли». Во-вторых, он был ограничен в праве выбора покупателя своей земли интересами соседей, и хотя закон ограждал его от их вымогательств, но право первой руки при покупке оставалось за ними, и продавец вынужден был считаться с их интересами. Собственник скота не мог забить по своей воле принадлежащее ему крупное животное — верблюда, лошадь, быка, корову, осла, мула — на мясо. С позиций современных представлений о праве собственности это было безусловным ограничением правомочий собственника. Скотовладелец не имел права продать более выгодно свой скот в другую страну, где на скот был повышенный спрос. Наконец, эти ограничения распространялись и на собственников, владельцев людей. Совершенно очевидно, что в ряде ситуаций пхинга, нини, государевы люди рассматривались как собственность, как скот и имущество. Так бывало в тех случаях, когда имело место нарушение прав собственности у их хозяина со стороны третьего лица, когда третье лицо калечило (как ломало инструмент, орудие), убивало, похищало и т. п. пхинга или нини. Но хозяин не имел права убить принадлежащего ему человека, не имел права продать его в другую страну. Во всех указанных ситуациях имело место ущемление прав собственника. Однако это происходило только с современных позиций понимания содержания права собственности. В тангутском обществе, как и в других докапиталистических обществах, само понятие права собственности, правомочий собственника было не идентично нашему. «Системы имущественных отношений,— по выражению М. В. Калганова,— характеризовались в докапиталистических формациях различными формами пользования, владения и полной собственности, различной ролью и удельным весом каждого из этих видов имущественных отношений, различными сочетаниями их друг с другом» [113]. Иначе говоря, то, что сегодня воспринимается нами как ограничение правомочий собственника, в то время, когда действовало тангутское право, совсем не обязательно могло восприниматься за таковое. Несколько иным было наполнение, содержание понятия права собственности, которое так же исторически развивалось, как и все иные общественные институты.

В тангутском праве почти не отражено пожалование земель или других видов собственности за службу, во временное или пожизненное владение, с правом наследования или без такового, хотя пожалование земли имело место.

Неясны права хозяина на имущество, принадлежащих ему пхинга и нини. С одной стороны, причинение ущерба имуществу пхинга рассматривалось как причинение ущерба хозяину, с другой — при всех сделках с ответственностью имуществом пхинга

---

[113] *Калганов М. В.* Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962, с. 20.

выступал как хозяин, как лицо самостоятельное. Если пхинга оказывался несостоятелен, то его хозяин все равно не рассчитывался своим имуществом, а мог быть только оштрафован за самовольные поступки его людей. Таким образом, правомочия хозяина на имущество принадлежащего ему человека было лишь правомочием контроля над распоряжением пхинга своим имуществом в рамках закона и возможностей нести материальную ответственность.

Время существования Си Ся было временем быстрого развития арендных отношений в Китае. Арендаторы делились на тех, кто платили строго фиксированную ренту, и тех, кто являлся издольщиками. Арендаторы, платившие фиксированную ренту, сами лично несли все расходы по обработке земли, а издольщики получали все необходимое — быков, семена, орудия — от владельца земли. Положение арендатора в его отношениях с хозяином в правовом отношении было ниже статуса простого свободного человека. Арендатор, ударивший или ранивший хозяина арендуемого им участка, получал наказание на две степени большее по сравнению с наказанием, предусмотренным за причинение ранения одним простым человеком другому или за драку между ними. Арендаторы, платившие фиксированную ренту, первыми были прикреплены к земле — им было запрещено в одностороннем порядке разрывать контракт с хозяином и покидать землю. Если закон 1027 г. разрешал арендаторам уход от хозяина, то указ 1052 г. предписывал возвращать беглых арендаторов на прежнее место, а закон 1184 г. вообще запрещал арендаторам покидать землю и ее хозяина [114].

Не обошел этот процесс и тангутское государство. Вероятно, те законы, которые были связаны с арендными отношениями, с держателями чужой земли, были заложены в главе 16 кодекса, которая не сохранилась. Можно по оглавлению назвать такие статьи, как 1171 и 1172, которые устанавливали процент арендной платы с «держащихся за соху и [обрабатывающих] землю в районах орошаемого земледелия» и «в пограничных районах». Арендаторы, вполне возможно, обрабатывали казенную землю, так как упоминается «выплата рисом для стола государя и включение [таких выплат] в счет уплаты процентов [за аренду земли]» (ст. 1177). Арендаторы находились под управлением чиновников, именовавшихся «ведающие хлебопашеством». Как и старшие и младшие управляющие пастбищами, «ведающий хлебопашеством» отвечал материально (платил компенсацию) в случае причинения убытка казне подчинявшимися ему землепашцами (ст. 1192, 1194). Арендатор за неуплату отвечал «изъятием его доли прожиточных средств» (ст. 1193), на неплательщика про-

[114] *Ясуси Кусано.* Со дай-но «ваньдянь канцзу»-то цукудако-но хомибун.– Сигаку дзасси. 1969, т. 78, № 11, с. 21–30.

цента за аренду надевали железный ошейник (ст. 1195), возможно даже, у неплательщика в счет уплаты аренды могли продать дочь или невестку (ст. 1168). Можно предположить (ст. 1187), что арендаторы работали в поместьях («юаньцзы»?). Они получали от казны соху и семена для посева (ст. 1176). Помимо уплаты доли урожая арендаторы обязаны были ходить на отработки (ст. 1173, 1174), в частности на заготовку сена (ст. 1179) или даже для работы в мастерских (ст. 1183). Жизнь арендаторов, как и их собратьев по положению в Китае— «кэху», была несладкой — три статьи говорят о беглых арендаторах, в том числе и о тех, которые бросили уже засеянное поле (ст. 1202, 1203, 1204). Ни о каких правах арендаторов на землю мы говорить не можем. Отсутствие текста главы 16 — большой урон для науки. Возможно, что арендаторы были главной силой, обрабатывающей казенные поля. Даже можно думать, что отсутствие этой главы есть результат частого пользования ею в практике администрации Эдзина.

Наличие понятия о свойственных феодальной эпохе верховной (dominium directum) и подчиненной (dominium utile) собственности, а также разделенной собственности (domnium divisum)[115] мы в тангутском праве имеем только в тех случаях, когда речь идет о землях и людях, пожалованных казной или частными лицами буддийским общинам или казной чиновникам. Буддийская община, монастырь или чиновник получали с этой земли или с труда таких людей доход, имели право распоряжения землей, могли продать ее, но на такой земле или на таких людях сохранялся знак собственника-жертвователя: «Если кто-либо купил обрабатываемую землю, пожалованную монахам или каким-либо старшим или младшим чиновникам государем и принадлежащую управлению сельского хозяйства, или же землю, принадлежащую родственникам [государя] и относящуюся к числу „внутренних“ земель, то в течение одного года, начиная со дня покупки, [он] обязан доложить об этом в управление транспорта, а [данные] земли должны быть включены в списки земель и в соответствии с законом обрабатываться, засеваться и облагаться налогом» (ст. 1102). Из данной статьи мы видим, что на землях, пожалованных буддийской сангхе или чиновникам, отчетливо сохранялся знак первособственника — государя. В Японии XII в. земли, пожалованные монастырям, прежде всего розпились по своему источнику. От того, кто был жертвователем, зависели и права собственности монастыря на землю. Если земля была пожертвована государством (императором) или высшими сановниками, то монастырь мог распоряжаться ею по своему усмотрению. Если земля была пожалована простым крестьянином,

---

[115] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность, с. 65, 107.

то последний терял с этой земли какую-то часть доходов и какие-то права на нее, но оставался ее собственником [116]. В соответствии с цитированной выше статьей 1102 кодекса монастыри и чиновники могли продавать только землю, пожалованную им государем или его родственниками. Это позволяет предполагать наличие в тангутском государстве положения, сходного с тем, которое было в современной ему Японии. Собственно, и государь в тангутском государстве не терял полностью прав на жалованную им землю, он только отказывался от доходов с нее в пользу буддийской общины или чиновника, ибо такая земля, будучи проданной монахами или чиновником, сразу же вносилась в налоговые реестры и вновь облагалась налогом и повинностями в пользу государя.

Определить юридический характер такой земельной собственности (земель, пожалованных буддийским общинам, чиновникам) в тангутском государстве, а также в Китае и Японии тех лет чрезвычайно непросто. Объем власти (право использовать землю по своему свободному волеизъявлению) и интереса (доходов с земли) у получившего пожалованную землю был большим, но неполным, ибо мы знаем, что монастыри платили со своей земли налог, думается, что и чиновники тоже. Просто его размеры были иными и доля интереса (дохода) получившего пожалование была большей, чем у обычного налогоплательщика. Тем не менее государь (казна) тоже сохранял свой интерес, хотя и поступался частью его.

Вероятно, наиболее перспективным было бы исследование таких прав с позиций учения о «разделенной собственности». Римские юристы говорили о недопустимости двух прав собственности на одну и ту же вещь. Феодальная эпоха остро поставила проблему нескольких собственников, лиц, имеющих права на одну и ту же землю, на одного и того же человека. Тогда-то глоссаторы и создали учение о разделенной собственности, «dominium divisum» [117]. «Именно под углом зрения разделенной собственности,— писал видный советский юрист А. В. Венедиктов,— может быть правильнее всего понят ряд земельных отношений... в частности ряд переходных форм землевладения, при которых держатель земельного участка, полученного от государства, из временного или пожизненного пользователя превращался в наследственного его владельца и приобретал права распорядителя или с согласия или под контролем верховного собственника — государства» [118]. Именно такую картину рисует нам текст статьи 1102. Землей буддийская община могла пользоваться много

---

[116] *Asakawa K.* The Life of a Monastic Sho Medieval Japan.— Report of the American Historical Association. 1916, № 10, с. 313—342.

[117] *Венедиктов А. В.* Государственная социалистическая собственность, с. 107.

[118] Там же, с. 72.

десятков лет, так сказать «наследственно», а дети чиновников наверняка могли наследовать пожалованную отцу землю вместе с его должностью. «Феодальное право,— писал А. В. Венедиктов,— признавало за сеньором не только право на определенную долю прибавочного продукта, непосредственно присваиваемого вассалом, но и определенные правомочия по распоряжению леном, определенную долю власти над выделенной в лен землей. В условиях натурального хозяйства — этот раздел власти и дохода (интереса) между сеньором и вассалом означал —с точки зрения феодального права — раздел права собственности на землю между ними» [119].

В свете всего вышеизложенного мы должны сказать, что наряду с частной и государевой (государственной) собственностью в тангутском государстве, как и во многих средневековых обществах, существовала на практике разделенная собственность. Возможно, такой собственностью помимо вышеуказанных жалованных буддийской сангхе или чиновникам земель было и имущество пхинга, хотя никаких прямых свидетельств тому у нас нет. М. А. Дандамаев, детальным образом исследовавший рабство в Вавилонии, пишет, что «не известен еще ни один документ, который свидетельствовал бы, что раба лишили его пекулия. Очевидно, хозяин при желании юридически мог забрать себе имущество своего раба, но практически это имело место в очень редких случаях, так как раб использовал пекулий не только в своих собственных интересах, но и в интересах своего господина» [120]. Видимо, раб и продавался или закладывался вместе со своим имуществом [121].

Наш кодекс тоже не дает прямого ответа на эти вопросы. Тем не менее загадочная для нашего ума дилемма — хозяин имел права на человека, как на имущество, но не имел абсолютных юридических (для тангутов оформленных законом) прав на его имущество (имущество своего имущества) — практически решалась в докапиталистических обществах бесчисленное количество раз. Понять ее можно только с позиций разделенной собственности: как бы ни трактовался личный несвободный как скот или имущество, однако, имея имущество сам, он рассматривался как собственник, имеющий над своей собственностью свою долю власти и интереса. Не случайно по этому труднейшему вопросу мало материалов. Они не отражены в юридических документах, ибо с позиций юристов той эпохи трудно было четко и определенно зафиксировать права собственности на собственность вещи на вещь. И хотя данные проблемы мало исследованы, думается, что теория разделенной собственности, учитывая ее гибкий характер, может быть перспективным решением этой сложной проблемы.

---

[119] Там же, с. 176.
[120] *Дандамаев М. А.* Рабство в Вавилонии. М., 1974, с. 232.
[121] Там же.

2. Залог

Залог — способ обеспечения обязательства. Залогодатель должен быть собственником закладываемого имущества. Залогодержатель имел право в случае неисполнения обязательства должником продать заложенную вещь и из вырученной суммы покрыть свое требование к должнику. Договор залога обеспечивал возвращение заложенной вещи залогодателю в случае уплаты им долга. В дальнейшем изложении мы не делаем никакой разницы между залогом и закладом, кроме чисто терминологической, и употребляем оба термина равноправно.

Тангутское право различало залог движимого и недвижимого имущества. Залог всегда брался залогодержателем за выдачу им залогодателю определенной суммы денег (или иных ценностей и потребительских товаров: зерна, сена и т. п., оцениваемых в денежном выражении) под проценты. Определялась стоимость закладываемой вещи, с суммы долга под залог взимался процент, который в итоге не должен был превышать капитал, т. е. взятую в долг сумму. Обычно движимость закладывалась в закладные лавки, ломбарды. Соглашение залогодателя и залогодержателя было добровольным, совершаемым в рамках закона. Если стоимость заложенной вещи значительно превышала сумму долга и причитающихся с нее процентов, то договор сторон мог не иметь установленного срока. Однако при такой сделке необходим был свидетель, а залогодержатель давал заверения в том, что, когда «проценты и капитал сравняются», т. е. сумма процентов станет равной сумме, взятой в долг, он не станет продавать взятую им в залог вещь. Если же за большую сумму денег закладывалось малое количество вещей, то обязательно назначался срок выкупа залога, возврата и уплаты процентов, и если срок проходил, а вещи не были выкуплены, то залогодержатель мог продать их, чтобы возместить свои затраты. Естественно, что стоимость заложенных вещей и в данном случае должна была быть как минимум равна двойной сумме долга, т. е. количеству денег, взятых в долг, и такой же сумме процентов на них: «В том случае, когда вещи отдаются в залог и владелец вещи и держатель ломбарда, обе стороны, заключают добровольное соглашение — [если] отдается в залог за небольшую сумму денег большое количество вещей и [держатель ломбарда] заявляет: „Даже когда капитал и проценты на этот капитал сравняются, я не буду иметь права продать [заложенные вещи]“ и [этой договоренности] имеются свидетели или если отдается в залог за большую сумму денег мало вещей, устанавливается срок [выкупа заложенных вещей], заключается контракт и [держатель ломбарда] заявляет: „Когда срок пройдет, а [вещи] не будут выкуплены, то я их продам“, — обе стороны должны соблюдать тот договор, который они добровольно заключили. Если заложены вещи, а условия заклада и

срок [их выкупа] не были оговорены, то, если капитал и проценты на этот капитал уже уравнялись, а владелец вещей не явился и не выкупил [их], держатель ломбарда по своему усмотрению может продать вещи. Если же владелец [вещей] в нарушение закона предъявит претензии к [держателю ломбарда], то [владелец вещей подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 168).

Таким образом, заклад движимости делился на срочный и без указания срока. С обязательным указанием срока был залог в тех случаях, когда обеспечение долга было неизбыточным, т. е. стоимость вещей незначительно превышала сумму долга и проценты на нее. В остальных случаях, когда стоимость заложенного имущества надежно гарантировала интересы залогодержателя, срок в контракте мог указываться и не указываться. Автоматическим указанием срока ликвидации соглашения в таких случаях был момент, когда проценты становились равными сумме долга. Если залогодатель не расплачивался, то права собственности на его вещи переходили к залогодержателю. Последний мог продать вещи, а претензии к нему залогодателя уже рассматривались как незаконные. Даже если в договоре величина процента не была оговорена и залогодатель еще не расплатился, то, пока капитал не сравнялся с процентами, залогодержатель не имел права самовольно продать данную ему в залог вещь. Если незаконно проданная им вещь стоила больше десяти связок монет, то он получал за ее продажу год каторжных работ. Залогодержатель возмещал залогодателю убытки, но последний также должен был расплатиться с долгами полностью (ст. 173).

Позднее «Новые законы» допускали выкуп заложенного имущества третьим лицом с разрешения властей округа. Похоже, что такое третье лицо становилось совладельцем вещи, «делило [право на вещь?] с рукой владельца». Эта же статья предусматривает сложные проценты, когда залогодатель уплачивал долг, а проценты на него снова брал в долг под проценты. Однако текст этой статьи нам не очень ясен, и, кроме указания на данные факты, мы ничего дополнительного сказать не можем [122].

Заклад движимого имущества имел еще одну особенность. Залогодержатель должен был быть уверен, что закладываемые вещи не краденые, что залогодатель действительно является собственником вещей и залогодержатель будет гарантирован от претензий третьей стороны, истинного собственника. С этой целью тангутское право ввело разделение залогов на имеющих стоимость в десять связок монет и менее и в десять связок монет и более. Если закладываемая вещь стоила меньше десяти связок монет, то залогодержатель не обязательно должен был знать лично залогодателя и не нес ответственности, если взял в залог ворован-

[122] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 53—57.

ное имущество. Если подлинный собственник вещи предъявлял свои претензии, то он получал свою вещь, а у залогодателя отбирали данные за нее деньги. Залогодержатель в данном случае шел на определенный риск, ибо закон предписывал «все равно залог принять». Если же закладываемая вещь стоила больше десяти связок монет, то залогодержатель мог принять залог только в том случае, если он лично знал залогодателя. Если залогодержатель не знал лично залогодателя, то залогодатель должен был представить поручителя. Если поручителя не было, а вещь оказалась краденой, то ее следовало в трехмесячный срок отдать владельцу, а вора разыскать. Владелец ломбарда, если он не знал, что принял в залог краденое, не наказывался за это, но терял проценты до тех пор, пока не находили вора и не взыскивали их с него (ст. 167).

Отдавать в залог можно было и свои частные, и государевы вещи. Запрещено было только закладывать государево воинское снаряжение: «Никому не разрешается закладывать три вида [воинского снаряжения] — коня и доспехи для воина и для коня. Когда же закон будет нарушен, то [полученные под заклад] деньги должны быть изъяты в качестве штрафа в пользу государя. Коня и доспехи для воина и для коня надлежит отдать владельцу, а принявшему заклад, если [он] имеет ранг, то с [него] — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если [он] не знал, [что это имущество государево], то наказанию не подлежит» (ст. 330).

Владелец ломбарда отвечал за сохранность заложенных вещей. Если принятые им в залог постельные принадлежности или одежда приходили в негодность, то он получал только сумму долга, терял в качестве штрафа за плохое хранение проценты, а испорченные вещи возвращал залогодателю (ст. 169). Если вещи были украдены или сгорели, то залогодержатель возмещал залогодателю убыток такими же вещами или деньгами. Если он преднамеренно, с целью присвоить заложенную вещь, заявлял о ней как об украденной или загубленной, то виновный получал наказание на две степени меньшее, чем полагалось за тайную кражу вещи такой же стоимости (ст. 171).

Ломбарды были частные и казенные (государевы). В государев ломбард категорически запрещалось принимать вещи без их оценки. Делалось это для того, чтобы служащие ломбарда не принимали в залог вещей, стоимость которых была ниже суммы долга. Если при таких незаконных сделках служащий казенного ломбарда брал с залогодателя взятку, то таковая считалась «взяткой с нарушением закона». В любом случае принятие в государев ломбард вещи без ее оценки было делом наказуемым. Разницу между действительной стоимостью вещи и суммой долга и процентов на него возмещал казне служащий ломбарда. Существовала должность начальника ломбарда. Если знатный человек си-

лой вынуждал служащих государева ломбарда дать ему сумму денег, превышающую стоимость залога, то убытки взыскивались с него (ст. 1252). По своему социальному статусу служащие крупных ломбардов приравнивались к должностным лицам складов.

Залог недвижимого имущества включал в себя залог земли и построек. К залогу недвижимого имущества фактически был приравнен и залог людей и скота (ст. 732, 171). «При закладе каким-либо человеком за деньги построек и пахотных земель та и другая сторона особо указывают, пойдут или нет в зачет процентов доходы, полученные [за это время от заложенных] построек и того, что посеяно на полях. В закладной указывается, должны или же не должны быть отданы доходы, [полученные за это время с земли и построек], заложившему [постройки и земли] после того, как он вернет деньги. В том случае, когда при заключении таких [сделок] процент будет взиматься [только со взятых] денег, а постройки и земля по-прежнему будут приносить доход их владельцу и поступление процентов [взявшему в заклад эти постройки и земли] будет зарегистрировано, процент со [взятых] денег и урожай с [заложенных] земель должны учитываться каждые сами по себе. Когда капитал (сумма взятых под залог денег) и проценты [на него] сравняются, то после этого насчитывать проценты запрещается. Если закон будет нарушен — проценты и капитал выплачены, а пахотные земли и постройки не отданы их владельцу,— то [виновный] подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку— 13 палок» (ст. 170).

Таким образом, при залоге недвижимости тангутское право различало два случая: когда доходы с этой недвижимости продолжали поступать ее собственнику-залогодателю, который возвращал лишь долг и проценты на полученные в долг деньги, и тот случай, когда доход от заложенных земель и построек получал залогодержатель и доход этот шел в уплату процентов (антихреза). Это должно было быть четко оговорено в контракте. Вероятно, в первом случае залог земли, когда она служила лишь обеспечением уплаты долга и процентов, но продолжала оставаться у залогодателя и он получал доход от нее, можно рассматривать как ипотеку — залог земли с оставлением ее во владении должника и с предоставлением кредитору права распоряжаться землей в случае неуплаты долга в срок. Сроком сделок на недвижимость тоже считалось то время, «когда капитал и проценты сравняются». Начислять проценты после этого запрещалось. Если земля и постройки переходили к залогодержателю вместе с доходами от них, то при выплате должником долга и процентов залогодержатель обязан был вернуть их хозяину. Залогодатель не имел права продавать заложенные земли и постройки третьему лицу, если он не заплатил долга и процентов.

Продажа заложенной недвижимости была наказуема, а заложенные земли и постройки, даже если залогодатель продал их третьему лицу, оставались у залогодержателя до тех пор, пока должник не рассчитается с ним полностью (ст. 801).

Залогодержатель отвечал за сохранность взятых в залог построек и скота. Если они, например, из-за неосторожного обращения с ними погибали в результате пожара или если скот был похищен, то залогодержатель-кредитор возмещал после оценки размеров ущерба этот ущерб залогодателю скотом, схожими постройками или деньгами. Ложные заявления о гибели взятой в залог вещи или же преднамеренное завышение залогодателем-должником стоимости погубленной залогодержателем вещи карались как тайная кража с уменьшением меры наказания на две или три степени соответственно, т. е. справедливо квалифицировались как получение наживы нечестным путем (ст. 171).

Сделка о займе под залог считалась совершенной в тот момент, когда составлялся договор на нее: «Если кто-либо заложит или продаст пхинга, нини, пахотные земли, постройки, то если договор уже составлен, а деньги за залог или стоимость проданного еще не взяты и тот, кто продавал или закладывал [свое имущество], изменит своему слову, то с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 732). Если залогодатель брал часть денег, а потом заявлял, что он ничего не брал, или если залогодержатель, взяв вещь в залог, не давал денег и заявлял, что он деньги якобы дал, то виновные наказывались как за отказ вернуть взятое в долг (ст. 732).

Обычно сделки мог совершать полноправный взрослый человек, представлявший интересы своей семьи. Об этом свидетельствует статья в «Новых законах», согласно которой в случае смерти родителей оставшимся старым и малолетним членам семьи отныне разрешалось пользоваться советами близких родственников при закладе имущества. Если при этом близкий родственник давал неправильный совет, который вовлекал семью в излишние затраты, то такой родственник возмещал убытки и получал стандартное наказание «или 13 палок или штраф 1 лошадью» [123].

Особо следует сказать об отдаче в залог людей или отдаче члена семьи на отработку взятого в долг под залог. Отдача в залог лично несвободного пхинга или нини была равнозначна отдаче в залог недвижимости, вещи, приносящей доход. Отдача в залог члена семьи тоже, вероятно, была делом нередким (ст. 400). Например, в XIII в. в залог могли быть отданы члены семьи вора для отработки ущерба, причиненного чужеземцу [124]. Законом допускалась отдача в залог всех прочих людей,

[123] «Новые законы», гл. XI, инв. № 2842, без пагинации.
[124] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 28.

за исключением своих родителей: «Любому человеку запрещается за взятое в долг у государя или частного лица отдавать в залог родителей» (ст. 733). Если родители были отданы в залог с их согласия, то виновный подлежал смертной казни путем удавления; если без их согласия, силой, то это преступление относили к категории «десяти зол», виновного обезглавливали, а его семья попадала в уголовное рабство (ст. 733).

Отдавать человека в залог следовало с его согласия; во всяком случае, таково было требование закона. Отдать в залог можно было свою жену, жену служащего вспомогательных войск или жену государева человека. Важно было, чтобы отдаваемая в залог женщина жила в той же семье, к которой принадлежал тот, кто ее закладывал. «Любому человеку... разрешается отдавать в залог свою жену, жену служащего вспомогательных войск или жену государева человека. [Женщину] можно отдать в залог другому, если она живет в одной семье [с лицом, отдающим ее в залог], и если она добровольно согласилась [на то, чтобы ее отдали в залог]».

Без личного согласия в залог можно было отдать одинокого мужчину, «не имеющего женщины и не состоящего на службе в регулярной армии», и сыновей бедняков, отбывших государеву трудовую повинность, в компенсацию стоимости данных им от государя коня и доспехов. Залог человека имел ту особенность, что ежедневно с каждой связки монет долга, который отрабатывал заложник, вычиталась одна монета в пользу суммы, подлежащей отработке, и когда при сокращении таким образом «суммы стоимости отработок взятые под залог деньги будут полностью отработаны, [находящийся в залоге человек] должен возвратиться на свое прежнее место». Если заложника призывали в армию, то залогодержатель должен был отпустить его, а остаток неотработанного долга с него списать (ст. 726). Если с заложником случалось нечто непредвиденное — он «или пострадал при тушении пожара, или был искусан собакой, затоптан животным, порезался чем-либо, заболел или умер»,— то залогодержатель был обязан в однодневный срок доложить о случившемся супругу заложника или в ближайшее управление. Соседи залогодержателя должны были засвидетельствовать правдивость случившегося. За промедление с уведомлением о случившемся залогодержатель подлежал наказанию. Однако неспособность заложника работать дальше не спасала залогодателя от необходимости расплатиться полностью. Он обязан был внести оставшуюся неотработанной сумму или «кто-либо другой должен быть послан [для отработки долга], а если нет никого, кого можно было бы оставить [в заложниках], то [взявший деньги под залог] должен быть сам отправлен для отработки долга» (ст. 727).

Самым существенным было то обстоятельство, что находящийся в залоге человек терпел поражение в правах и по своему по-

ложению приравнивался фактически к лично несвободным людям. Если заложник отказывался выйти на работу и хозяин за это руками забивал его до смерти, то хозяин получал за убийство только год каторжных работ, т. е. наказание лишь на шесть месяцев большее того, что получал хозяин за убийство своего пхинга, если тот проявлял непослушание. Убийство заложника залогодержателем с помощью какого-либо орудия наказывалось всего 3 годами каторги. Лишь преднамеренное убийство заложника каралось как умышленное убийство. Во всех случаях залогодержатель лишался своих денег — они изымались в качестве штрафа (ст. 728).

Поражение в правах заложника видно и из того, что за изнасилование жены, дочери или другой женщины из семьи залогодержателя он наказывался на три степени строже, чем свободный человек за такое же преступление, а если залогодержатель изнасиловал заложницу, то его наказывали на одну степень меньше, чем должностное лицо за изнасилование приведенной в управление женщины, на которую еще не надели кангу (ст. 729). Заложенный человек был лишен права ругать и тем более бить хозяина. Если заложник поднял руку на хозяина, то ему полагался год каторжных работ: «В том случае, когда [он] ранил [хозяина], мера наказания [ему] должна быть увеличена на три степени по сравнению с мерами наказания, предусмотренными за ранение в драке постороннего человека. Если [заложник] убьет хозяина, то [он] подлежит смертной казни путем удавления». Если хозяин был лицом, имеющим ранг, все меры наказания были еще более строгими (за ранение хозяина мера наказания увеличивалась не на три, а на пять степеней по сравнению с ординарной). Что касается оскорблений, то наказуемы были только те случаи, когда бранные слова были сказаны хозяину в лицо: «Принимать официальную жалобу и производить следствие по делу о поношении [заложником хозяина] в [его] отсутствие запрещается» (ст. 730). Сбежавшего заложника следовало заменить другим человеком, а если такового не оказывалось, то в залог должен был пойти на отработку долга сам залогодатель, т. е. он закладывал уже сам себя. Когда же залогодатель почему-либо работать не мог, залогодержатель «может сам отыскать [беглеца] и, если поймает [его], наказать пятнадцатью ударами палкой... а прежний срок [отработки] увеличивается на время, прошедшее с момента бегства до поимки [бежавшего]» (ст. 731). Как мы видим, в ряде аспектов положение заложенного человека было близко к положению людей лично несвободных.

Заложенного человека до окончания срока отработки долга нельзя было изъять у одного залогодержателя и передать другому: «За нахождение [для отработки долгов] в двух местах сразу тому, кто находится [на отработке],— 15 палок, а тому,

у кого [он] находится,— 10 палок». Интересно, что лица, имеющие ранг и занимающие должности, должны были отрабатывать свои долги лично, а не посылать других (имелось в виду, что они не должны были злоупотреблять служебным положением), а в случае бегства таковых от залогодержателя их разрешалось, в отступление от действующего законодательства, бить палками (ст. 731).

Таким образом, отработка займа под залог и, как мы увидим ниже, обычного долга, без залога, а также работа по найму были связаны с определенными поражениями в правах отрабатывающего или работающего, положение которых, как следствие их экономического закабаления, в ряде ситуаций становилось близким к положению лично несвободных государевых и частных людей.

Форма контракта, составляемого между держателем залога и залогодателем, в Китае обычно включала сведения о сумме займа и объекте заклада, о судьбе дохода с заложенного (земли, скота, построек и т. п.), сроке залога (в Китае мог быть до 10 лет), заявление о возможности продажи заложенного, гарантии. Документ завершали фамилии собственника закладываемого, поручителей, свидетелей и других имеющих отношение к делу лиц [125]. Подлинный тангутский документ о займе под залог известен нам из тангутской коллекции ЛО ИВ АН (№ 954) [126].

3. Обязательственное право

«Сущность обязательства состоит не в том, чтобы сделать нашим какой-нибудь телесный предмет или какой-нибудь сервитут, но чтобы связать перед нами другого в том отношении, чтобы он нам что-нибудь дал, сделал или предоставил» [127]. Обязательственное право — совокупность юридических норм, заключающихся в праве одного лица требовать от другого лица совершения определенного действия или воздержания от действий. Действие обязательства рассчитано на будущее, обязательственное отношение основано на доверии. «Поэтому сторона в обязательстве, имеющая право требовать, именуется кредитором, сторона, на которой лежит обязанность исполнить требование кредитора, называется должником» [128]. От права собственности, установленного на длительное время, обязательственные отношения отли-

[125] *Ниида Нобору.* То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 356.

[126] См.: *Кычанов Е. И.* Тангутский документ о займе под залог из Хара-Хото.— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977, с. 146—152, 311 (текст).

[127] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права. М., 1972, с. 140.

[128] Там же, с. 142.

чаются тем, что они сравнительно кратковременны и прекращаются путем исполнения обязательства. Обязательственные отношения — отношения договора двух сторон. Договоры делятся на односторонние и двусторонние, в зависимости от того, является ли в результате договора обязанной одна сторона или же обе стороны.

а) Договор займа

Договор займа — односторонний договор, обязанной стороной при договоре займа является только заемщик. Заимодавец требует от заемщика возврата долга с процентами, но никакой обязанности на нем самом не лежит.

Вслед за китайским тангутское право различало беспроцентный заем и заем под проценты.

При беспроцентном займе государство гарантировало права заимодавца: «Всякий человек, взявший в долг у другого, обязан вернуть [этот долг]. Если кто-либо долг не отдает, то [об этом] необходимо доложить должностному лицу. [Должника] силою следует доставить [в присутственное место] и допросить. За неуплату долга в пределах десяти связок монет с [виновного], имеющего ранг,— штраф 5 связок монет, простому человеку — 10 палок. [За неуплату долга на сумму] свыше десяти связок монет с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Долг с [должника] должен быть взыскан и отдан [заимодавцу]» (ст. 174).

Если должник, отбыв уже наказание за неуплату долга, долга все равно не отдавал, то властями ему назначался двух-трехдневный срок, «в течение которого он должен изыскать способ вернуть долг или обязан выделить кого-либо для [его] отработки». Если и на этот раз должник не платил, то «старшему начальнику надлежит решить, какое количество ударов палкой в зависимости от суммы [долга] должен получить [должник]». Нового срока для уплаты долга по закону не полагалось (ст. 175).

Кредитор не имел права самовольно силой забирать имущество должника в счет уплаты долга. Если он поступал так, то он получал такое же наказание, как должник за неуплату долга: забранное у должника имущество возвращалось ему обратно, а сам должник обязан был долг уплатить (ст. 174).

В отличие от китайского права, тангутское право терминологически не различало заем без процентов (кит. «у лиси фучжай») и заем под проценты (кит. «лиси фучжай»). Все определялось содержанием договора займа.

Судя по тангутскому кодексу (ст. 174), заем без процентов был возможен только у частного лица. Заем же под проценты был возможен как у частного лица, так и у государя (государ-

ства). Процент назначался «с добровольного согласия сторон»: «Если кто-либо, занимаясь торговлей, берет ссуду, то при оформлении взятых на себя обязательств по отношению к другому [лицу] в официальном документе, составленном добровольно обеими сторонами, должны быть указаны полученная для торговли сумма денег и условия, [на которых она взята]. Сумма [процента] может быть установлена любой в пределах [суммы капитала]» (ст. 179). «Если кому-либо в пределах [нашего] государства будет дан от государя или частного лица заем (капитал) деньгами или зерном, то с добровольного согласия сторон должен быть определен процент на [этот капитал] из расчета: с одной связки монет 5 монет и меньше и с одного нджиа (ху) зерна 1 нджиа и меньше. Брать процент больший, чем этот, запрещается. Когда сумма процента и сумма долга сравняются, а требования [заимодавца об уплате долга] окажутся бесполезными и [долг] не будет отдан, то [заимодавцу] надлежит доложить об этом в управление и того, кто взял в долг, следует заставить [этот долг] вернуть. Если же взявший в долг отдать долг не в состоянии, то [долг] должен быть взыскан с посредника. Если и посредник не в состоянии уплатить [этот долг], то брать у этих двух лиц (должника и посредника) жен, наложниц и еще не выданных замуж дочерей в счет погашения долга запрещается, но [они] могут быть отправлены в качестве заложников к заимодавцу для отработки долга. Если стоимость оставленных в заложниках жены или наложницы [должника] меньше [суммы долга] в денежном выражении или если должнику действительно некого оставить в заложниках, то [долг] должны отдать те, кто поручился за [заемщика]. Если и поручитель не в состоянии [уплатить долг] и если поручитель получал угощение от заемщика, то члены его семьи могут быть посланы для отработки долга. Если же [он] никогда не получал угощение от заемщика, то члены [его] семьи не могут быть включены в число лиц, оставляемых в заложниках [у заимодавца]. Если все [вышеозначенные лица] не в состоянии [уплатить долг] и это правда, то [сам] должник должен быть отправлен для отработки долга. Как только капитал и проценты [на него] сравняются, насчитывать проценты и требовать больше того, что было взято в долг деньгами или зерном, запрещается. Если закон будет нарушен, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок, а [полученные заимодавцем] излишки следует отдать [должнику]. Те суммы, которые выделили посредник и поручитель для уплаты его долга, должен отдать [им] сам должник, когда [он] будет в состоянии это сделать» (ст. 176).

Проследим еще раз всю процедуру, отметив важные моменты. Узаконенный процент на деньги и зерно резко рознился. На деньги он был крайне низок: пять монет и меньше с тысячи,

т. е. равен 0,5 и ниже, а с зерна крайне высок: от одного нджиа и меньше с одного нджиа зерна, т. е. был равен 100 и ниже. Суть такого различия состояла в том, что срок выплаты долга законом не назначался. Этот срок, как и при займе под залог, был равен наступлению того момента, когда сумма долга и сумма процентов на него становились равными, т. е. долг попросту удваивался. Для денег такой срок мог быть обусловлен когда угодно, практически в идеале требовалось при выплате 0,5% в месяц почти семнадцать лет, чтобы капитал и проценты сравнялись, но сроки, конечно, были более жесткими. Для зерна он определялся сезоном: зимой или весной взял, а осенью отдай. Неопределенность процента (месячный, годовой) — особенность китайского средневекового права. В сунских указах есть слова: «каждый месяц взимают проценты». Как полагает Ниида Нобору, при династиях Тан и Сун были в ходу и месячный и годовой процент. По его мнению, чаще всего на заем деньгами устанавливался месячный процент, а на заем зерна — годовой [129]. Фактически в условиях, когда главным требованием закона было ограничение процента суммой долга, процент вообще мог не назначаться. Это признавалось и особой статьей тангутского кодекса, допускавшего заем «без точного определения процента», а выплату долга и процентов — в то количество дней, месяцев или лет, в которое по решению договаривающихся сторон, заимодавца и заемщика, процент сравняется с капиталом (ст. 177). То, что проценты не должны были превышать капитал, несмотря на срок займа, стремление ограничить процент при займе было примечательной особенностью средневекового китайского права [130].

Правило удвоения распространялось и на любую иную взятую в долг вещь: «При установлении процента на взятые в долг скот и вещи в соответствии с законом за одно [взятое в долг животное или за одну вещь] в каждом конкретном случае [в уплату процента] должны быть отданы [тоже] одно [животное или одна вещь]. Если в долг была взята самка животного, то по прошествии года в уплату процента с приплода берется один детеныш» (ст. 178).

Правило отдачи долга тем, что было взято (за зерно зерном, за скот скотом), характерно для всех средневековых договоров займа Дальнего Востока и Центральной Азии [131]. Точно так же в китайских, уйгурских и других документах о займе мы встречаем действие правила, которое устанавливало, что процент на

[129] *Ниида Нобору.* То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 267.

[130] *Peake C. H.* Recent Studies on Chinese Law.– Political Science Quarterly. 1937, vol. 52, № 3, с. 122.

[131] *Masao Mori.* A Study on Uygur Documents of Loan for Consumption.— Memories of the Reseach Department of the Toyo Bunko. 1960, № 20, с. 119.

взятое в долг не должен превышать 100[132], т. е. сумма долга могла возрасти только вдвое (кит. «пэй», «пэйчэн»)[133]. Заем под проценты без указания срока имел свои неудобства, так как заемщик мог платить долг и проценты большой промежуток времени, ничем не рискуя, до тех пор, пока сумма долга и процента не сравняются. Особенно это было допустимо, судя по закону, при денежном займе. В первой половине XIII в. заключение долговых обязательств без указания срока уплаты долга в Си Ся было запрещено[134]. Стало возможным, отдав основную сумму долга, проценты снова взять в долг[135] и т. д., т. е. условия выплаты долгов были ужесточены и должник-заемщик мог фактически попасть в вечную кабалу к заимодавцу, как это и было нередко в сунском Китае, когда, по свидетельству одной эпитафии, «бедняки, заключив контракт и взяв заем под проценты, не могли расплатиться всю жизнь и, надеясь спастись от долгов, сжигали долговые обязательства»[136].

Закон требовал, чтобы долговое обязательство было составлено по всей форме, предусмотренной действующим законодательством. Основными пунктами такого рода документов были дата займа, сведения о сторонах, заключающих контракт, указание причины займа, объекта займа и его стоимости (суммы, количества), процента, срока займа, указание поручителей, свидетелей, а в тангутских документах, судя по статье 176, посредника сторон при заключении долгового обязательства. Статья 179 кодекса подчеркивала обязательное указание в контракте того, кто брал заем. За внесение изменений в текст документа после его составления виновные штрафовались. Закон требовал, чтобы объект займа был передан именно тому лицу, которое было указано в документе, и никому иному. Передача объекта займа другому лицу была наказуема (ст. 179). Категорически запрещалось вносить в контракт имя человека, который при заключении долгового обязательства не присутствовал, поскольку любое лицо, указанное в контракте, могло быть в случае несостоятельности заемщика привлечено к уплате долга. Внесение отсутствовавших при заключении договора займа лиц в текст договора было наказуемо (ст. 184). Посредник, поручитель и свидетели были обязательны, хотя бы для того, чтобы в случае смерти престарелых родителей малолетние дети, наследники, на которых переходил долг, могли быть уверены в том, что заем имел место. Свидетелями являлись «домашние люди» — слуги, пхинга, нини заемщика — и чужие для данной семьи люди. При возникновении любого конфликта сторон разыскивали и расспраши-

---

132 Там же, с. 125.
133 *Ниида Нобору.* Тюкоку хосэй си кэнкю. Тоти то, торихики хо, с. 575.
134 «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 149.
135 Там же, с. 53—57.
136 *Ниида Нобору.* То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 246.

вали свидетеля, подписавшего контракт. Ложные показания свидетеля были наказуемы [137].

Подлинным, полноправным заемщиком мог быть только глава семьи, лицо, имевшее власть распоряжаться имуществом, а потому кредитоспособное. Закон упоминает людей, которые брали в долг у других лиц, «не имея на то права». К числу таких лиц, «не имеющих права» делать долги, относились младшие члены семьи: «Если дети, невестки, внуки, младшие братья сами, по своей воле, без ведома главы той семьи, в которой они живут, отца, матери или старшего брата, не имея на то права, возьмут в долг под проценты у государя или частного лица скот, зерно, деньги, имущество и растратят [взятое], то, если глава семьи добровольно согласится отдать долг, долг может быть отдан [им]. Если же [он] не захочет расплатиться, то может долга не отдавать, а отдать долг обязан сам должник». Если должник был некредитоспособен, то платили посредник и поручитель, а если и они не платили, должника отдавали на отработку долга. Но окончательно за поступки членов своей семьи все-таки расплачивался глава семьи: «Если со всех участников сделки уже взыскано все, что можно, то, хотя глава [их] семьи и не знал о том, что [кто-то из членов его семьи взял в долг], и не имел [от этого займа] никакой пользы, [он] должен вернуть долг. Если закон будет нарушен, то [виновному] выносится то же наказание, что и другим лицам за неуплату долга» (ст. 185). Лично несвободные люди также могли брать что-либо в долг, но только с разрешения своего хозяина. Если долг был сделан без ведома хозяина, то хозяин не отвечал за его уплату своим имуществом, но подлежал штрафу, т. е. нес материальный ущерб за плохой надзор за своими людьми: «Если частное лицо, принадлежащее какому-либо человеку, взяло в долг у другого лица и если отдавать долг будет не хозяин заемщика, то [при составлении долгового обязательства] должен быть найден надежный поручитель. Если же данное частное лицо само способно вернуть долг, то долг должен быть отдан [им]. Если же [заемщик] не в состоянии вернуть долг, то его должен уплатить поручитель. В том случае, когда поручителя не окажется, следует оштрафовать хозяина заемщика, но отдавать долг за счет скота и имущества, принадлежащего хозяину этого частного лица, не разрешается. Частному лицу за взятое в долг без ведома [своего хозяина] — 13 палок» (ст. 182).

Закон запрещал давать в долг, оформлять долговое обязательство, а затем отказываться от получения долга и процентов, справедливо расценивая такие действия как «взятку без нарушения закона» (ст. 181).

---

[137] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 44—46.

Если заемщик в установленный срок расплачивался с кредитором, вернув ему сумму долга и проценты, то договор займа между ними прекращал свое действие. В тех же случаях, когда сроки истекали, а должник или уклонялся от уплаты долга, или оказывался несостоятельным, закон обеспечивал интересы кредитора. Кредитор обращался к властям и просил у них защиты. Закон требовал верности обязательствам в частных делах, о чем, судя по оглавлению, шла речь в несохранившейся статье 622. Власти были обязаны принять меры к тому, чтобы заставить заемщика вернуть взятое в долг с процентами. Если заемщик скрылся, то его следовало разыскать. Кодекс не устанавливал сроков розыска и не называет того, кто обязан был производить розыск. «Новые законы» свидетельствуют о том, что искать беглого должника обязан был посредник и в зависимости от расстояния до предполагаемого местонахождения должника посреднику могли быть даны три срока розыска беглого, но какие точно, не указано [138]. Если посредник в эти сроки должника не изловил или если пойманный должник был не в состоянии платить, то уплатить долг обязан был посредник. Наличие посредника и его первенствующая роль в ответственности за уплату долга после самого должника — это те положения тангутского права о договорах займа, которые нам неизвестны из права китайского. Если и посредник оказывался не в состоянии вернуть долг за должника, то наступал следующий этап взыскания долга — жена, наложница, дочь должника или посредника отправлялись к заимодавцу в качестве заложников и для отработки долга. При отработке долга «при подсчете стоимости труда мужчины или женщины и определении количества дней, [необходимых для того, чтобы полностью отработать долг], следует руководствоваться теми же расценками, которые указаны выше для определения стоимости труда [лиц, направляемых на работы] с целью возмещения стоимости краденого [имущества]» (ст. 180). Один день труда взрослого мужчины стоил 70 монет, подростка или взрослой женщины — 50 монет, девочки-подростка — 30 монет (ст. 136, 400). «Новые законы» устанавливали, что лица, имеющие высокие ранги, а также родственники государя и члены их семей «не могут быть уравнены с простым народом» и поэтому «не посылаются для отработки долгов». Знатный «должник обязан был отдать долг тогда, когда он в состоянии» [139]. Это была существенная льгота, ибо за знатных должников должны были платить или работать посредник и поручитель либо члены их семей или кредитор мог лишиться своих денег и своего имущества. Такие льготы прежде всего объяснялись тем, что, как мы уже писали ранее, посланный

---

[138] Там же, с. 51—52.
[139] Там же, с. 49—50.

на отработки терпел поражение в правах как личность и его состояние становилось близким к лично несвободным.

Если ни у заемщика, ни у посредника не было женщин, членов их семей, которых можно было бы посылать на отработку долга, или если кредитор не брал их в залог, ибо они стоили меньше, чем сумма долга в денежном выражении, то наступала очередь поручителя. Он должен был платить долг за должника, за которого он поручился. Если и поручитель был несостоятелен, то членов его семьи отправляли на отработку долга лишь в том случае, когда он имел корысть (например, получал угощение от заемщика). Наконец, наступала очередь и самого должника. Если все указанные лица не платили и не работали за него, то он лично отправлялся к кредитору отрабатывать долг. В тех случаях, когда долг за него возвратили или отработали посредник и поручитель, заемщик был обязан возместить их расходы, «когда он будет в состоянии это сделать» (ст. 176).

Кредитор не мог только своей властью силой забрать в счет уплаты долга имущество должника: «Если какой-либо человек взял в долг у другого и хочет долг вернуть, а [тот] не берет, то [заимодавцу] запрещается, полагаясь на силу и [свою] власть, надевать [на должника] кангу и забирать у него в уплату долга скот, имущество, дом и пахотные земли. Если же закон будет нарушен, то [виновному] — 1 год каторжных работ. Постройки, пахотные земли, скот, имущество — все, что было взято, должно быть возвращено владельцу, а долг [с него] надлежит взять отдельно» (ст. 186).

Мы не знаем, были ли в тангутском государстве ростовщики, для которых раздача в долг денег и имущества была главным источником дохода. Известно только, что в долг брали и у частных лиц, и у казны. На раздачу в долг государева имущества существовали свои правила и ряд ограничений. Государево имущество можно было брать в долг только по государеву приказу: «Когда какой-либо человек получает в долг от государя государево имущество, то в том случае, когда [на то] имеется государев приказ, нужное количество [государева имущества] должно быть выделено и дано [такому человеку] в долг. Если государева приказа нет, то следует снова подать прошение на высочайшее имя. Если повторное прошение не будет послано, то и тем, кто просил [государево имущество] в долг, и тем, кто дал [его], а также должностным лицам, которые проявили нерадивость в этом деле, за то, что было дано в долг государево имущество без уведомления о том вышестоящих инстанций,— 1 год каторжных работ» (ст. 1234).

Должностные лица, состоящие при государевом имуществе, не должны были самовольно давать его в долг. Если служащий склада отдавал в долг что-либо из казенного имущества, то он получал 6 месяцев каторжных работ. Столько же получал заем-

щик, если он знал, что берет в долг казенное имущество (ст. 1241). Если должностное лицо давало в долг казенное имущество, «действуя в личных интересах», то это, если в трехмесячный срок имущество не было возвращено в казну, приравнивалось к тайной краже и наказывалось на одну-две степени строже, чем тайная кража на ту же сумму (ст. 1233).

б) Договор хранения

Договор хранения, или поклажи,— реальный контракт, по которому поклажеприниматель, лицо, получившее от другого лица индивидуально определенную вещь, обязуется хранить ее в течение определенного срока или до востребования, возмездно или безвозмездно. Договор хранения существовал в практике тангутской жизни: «Если кто-либо... другим лицам... доверит на сохранение скот, зерно, деньги, имущество» (ст. 181). Тот, кто отдавал на хранение имущество, платил за хранение депозитарию (хранителю) определенную плату (ст. 797). Депозитарий был обязан хранить вверенное ему на хранение имущество. Если депозитарий бросал имущество на произвол судьбы в том случае, когда он не получал плату за его хранение, то он возмещал собственнику имущества половину его стоимости, а вторая половина стоимости имущества взималась казной в качестве штрафа с его хозяина. Если депозитарий уже получил плату за хранение, то он обязан был возместить убытки полностью, но к ответственности за оставление имущества не привлекался: «Если какой-либо человек оставит на хранение другому скот, зерно или имущество, а тот бросит или погубит их, то, если сведения о том, что [имущество] было брошено, окажутся достоверными, заслуживающие доверия контролеры должны [это имущество] забрать и тот, кому это имущество было оставлено на хранение, должен полностью возместить [владельцу] эти скот, зерно и имущество, а наказанию он не подлежит. Если же [владелец имущества] еще не отдал [хранившему имущество] плату за хранение, то [хранитель, бросивший его имущество], должен возместить владельцу только половину стоимости [имущества], а другая половина должна быть взята с [его] владельца в качестве штрафа» (ст. 797).

Поклажеприниматель не имел права, «не спросив позволения владельца, в тайне от него, продавать, использовать или делить» скот, зерно и имущество, полученные им на хранение. «Если закон будет нарушен и [имущество] будет продано, использовано или поделено, то производится оценка стоимости [растраченных] скота, зерна и имущества и за [растрату] на сумму меньшую десяти связок монет [виновный подлежит наказанию]: простому человеку — 13 палок, с имеющего ранг —

штраф 1 лошадь. [За растрату] на сумму свыше десяти связок монет [виновному] — 1 год каторжных работ. Стоимость [растраченных] скота и имущества должна быть возмещена [виновным] владельцу» (ст. 796).

Договор хранения (поклажи) был двусторонним обязательством. О том, как он оформляется тангутами, у нас данных нет.

в) Договор товарищества

По договору товарищества двое или несколько лиц (товарищей) соединяют свои силы и имущество для совместного займа, покупки и достижения других дозволенных законом общих целей. Договор товарищества был известен тангутскому праву и имел правовую защиту. Естественно, что это был двусторонний договор. Статья 795 кодекса предусматривала возмещение убытков между партнерами-товарищами и наказание нарушителей договора: «Если кто-либо, соединив с другим [свой] капитал и получая [со своим партнером] совместную прибыль, не спросив партнера, в тайне от него использует или выделит какую-либо долю из [совместно] принадлежащего [им] скота и имущества, то [за трату] на сумму менее пяти связок монет [виновный] наказанию не подлежит. [За трату] на сумму свыше пяти связок монет [виновный подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Из выделенного и использованного [одним из партнеров] скота, зерна и имущества должна быть вычтена доля того, кто выделил и использовал [скот и имущество]. Если [его доля будет меньше того, что использовано им], то разницу он должен возвратить партнеру-совладельцу».

г) Договор купли-продажи. Законы о торговле

Купля-продажа — это договор, в силу которого одна сторона, продавец, обязуется передать в собственность другой стороне, покупателю, вещь, товар, а другая сторона, покупатель, обязуется принять эту вещь, этот товар, и уплатить за нее условленную цену. Существенными элементами договора купли-продажи являются товар и цена.

В самой общей форме основные принципы купли-продажи движимого и недвижимого имущества по тангутскому праву были следующими. Сделка оформлялась контрактом, составленным по всей форме. А при заключении сделки должны были быть посредник и свидетели. В случае продажи не своего, например краденого, имущества допускалась эвикция вещи — лишение «покупателя владения полученной от продавца вещью вследствие отсуждения ее третьим лицом на основании права,

возникшего до передачи вещи продавцом покупателю» [140]. Продавец был обязан возвратить покупателю покупную вещь.

Сделки на особо ценное имущество — землю, постройки, скот, людей — обязательно составлялись под наблюдением или при участии властей. Писец, составлявший купчую, должен был расписываться на ней (ст. 322). «В том случае, когда кто-либо покупает скот и имущество, движимое и недвижимое (букв. „живое и мертвое“), ему необходимо найти свидетеля для удостоверения [сделки], а на покупку должна быть составлена купчая. Если о купленном имуществе [кто-то] заявит: „[Эти] скот и имущество [от] пойманного вора“ — и если будет установлено место, где оно ранее было куплено, [той] торговой сделке есть свидетели и посредник, а на покупку была оформлена купчая, то скот и имущество должны быть возвращены их действительному владельцу, а их стоимость следует взыскать с того, у кого [их] купили. Приговор вору выносится по закону. Если же место, где [ранее] были куплены [эти] скот и имущество, не будет установлено, посредник и свидетели [той] торговой сделки неизвестны, купчей нет, а краденое не отдано [его владельцу], то стоимость [краденого имущества] изымается в качестве штрафа» (ст. 172). Если писец, составитель купчей, посредник, свидетели знали, что продавец продает краденое, и получили взятку, то они наказывались как участники дележа имущества, о котором известно, что оно краденое (ст. 322).

Если контракт был уже составлен, то отказ от сделки, даже если покупная цена еще не была вручена продавцу, считался делом наказуемым: «Если кто-либо... продаст другому пхинга, нини, пахотные земли, постройки, то если договор будет уже составлен, а... стоимость проданного еще не взята и тот, кто продавал, изменит своему слову, то с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. В том случае, когда какая-то часть платы уже будет взята, а [взявший] заявит: „Разве я брал?“ — и изменит [прежнему договору], то за то, что было [им] взято, исчислив [это] в денежном выражении, приговор [виновному] выносится по закону [о наказаниях] за отказ [возвратить] взятое в долг. Если же о чем-то из того, что еще не было [им] куплено... [кто-то] обманом заявит, что его принудили [это] купить... или заявит, что он уже заплатил за купленное... и ничего больше уплатить не желает, то [виновному] определяется то же наказание, что и за отказ [возвратить] взятое в долг» (ст. 732). Таким образом, любое преднамеренное несоблюдение договора купли-продажи одной из сторон влекло за собой ту же ответственность, которая возлагалась на должника в случае неуплаты долга.

---

[140] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права, с. 216.

Закон запрещал и продажу чего-либо одного двум лицам одновременно: «Если какой-либо человек продаст дом, [другие] постройки, пахотные земли, скот, людей или прочее имущество двум лицам одновременно, между которыми и возникнет спор, то следует сопоставить между собой купчие и [имущество] становится [собственностью] первого покупателя, а второму покупателю должна быть возвращена [данная им] цена. Приговор тому, кто продал одно и то же имущество двум лицам одновременно, выносится по закону [о наказании] за сознательное введение [других лиц] в заблуждение. Если [покупателем, купившим имущество] первым, купчая еще не составлена, то имущество должно быть продано тому, кто уплатил более высокую цену» (ст. 799).

На Дальнем Востоке торговля традиционно находилась под контролем государства. Государство устанавливало и контролировало меры веса, длины и объема. Статьи с описанием таковых есть в китайских кодексах [141].

У тангутов, судя по некоторым косвенным данным, была принята танская система мер объема, веса и длины. К сожалению, статьи 1213—1215, в которых шла речь о мерах, в кодексе не сохранились, как и весь раздел «Установленные [меры веса] в ну (доу) и [меры длины] в чиау (чи) при обмене и торговле». Поскольку в статье 1213 упоминаются новые и старые меры длины и веса, можно думать, что в середине XII в. в тангутском государстве была проведена реформа мер и весов. Суть ее остается неизвестной. В принципе система мер, принятая в Си Ся, копировала китайскую.

Торговые сделки внутри страны облагались пошлиной. К сожалению, раздел «Уплата торговой пошлины» главы 18 сохранился плохо. Если кто-либо хотел открыть лавку, то он, судя по оглавлению к статье 1272, платил налог до и после ее открытия. Рыночная торговля разрешалась только на признанных властями и контролируемых ими рынках. В статье 1218, тоже несохранившейся, говорилось о «диких» пригородных рынках и о закрытии доступа к ним. Система официально контролируемых рынков — важная черта китайской экономической истории. Обычно рынки были во всех городах, окружных и уездных центрах. Они подчинялись местным властям. На рынке одинаковые товары продавались в одном ряду («хан»). Была должность начальника рынка и при нем, особенно на крупных рынках, административный аппарат, ибо часть сделок (продажа скота, людей) обязательно регистрировалась в конторе рынка. Администрация рынка контролировала цены, которые в танском Китае устанавливались каждые 10 дней и сообщались властям, что было важно не только для казенных закупок, но и для оценок при конфискациях и наложе-

[141] Тан люй шу и, гл. 26, с. 620.

ниях штрафов, при возмещении убытков [142]. На больших рынках при крупных торговых сделках было распространено маклерство. Продажа «недоброкачественных товаров» была наказуемой [143]. На некоторых товарах (мечи, луки и т. п.) следовало писать фамилию и имя мастера, который отвечал за качество своего товара [144].

Торговля у тангутов, по-видимому, частью была меновой, так как в статье 1217 кодекса говорилось о нехватке монеты, находящейся в обращении. Судя по статье 442, можно думать, что в тангутском государстве были в обращении два вида монеты — медная на севере и железная в южных районах страны. Перевоз железной монеты на север, медной на юг почему-то был запрещен: «Любому человеку запрещается привозить из южных районов черную железную монету всех достоинств и вывозить в южные районы медную монету всех достоинств. Если закон будет нарушен, то независимо от количества [перевозимой монеты виновным] — 2 года каторжных работ. Награда доносчику выдается на основании закона, определяющего правила выдачи награды за донос о разных преступлениях (ст. 442). Правда, не исключено, что север и юг — иносказания для наименования соседей Си Ся, даже самого Си Ся. Югом могла быть Сычуань, соседняя провинция Китая, севером — само государство Ся и т. п.

Как и многое в тангутском государстве, торговля была государевой и частной. Именно так: «Государева и частная торговля» — определено в оглавлении содержание статьи 1289. Статья 179 устанавливала, что торговец мог получить для ведения дела ссуду от государя и частного лица.

Оформление сделок на продажу земли, скота, людей, недвижимости имело свои определенные особенности. При продаже земли важно было указать размеры участка и перерегистрировать собственников земли. При продаже людей власти должны были быть убеждены, что продается действительно лично несвободный человек, а не какой-то родственник, продажа которого запрещена законом. Мы уже выше говорили о купле-продаже земли. Добавим только, что закон преследовал продажу чужой земли под видом своей собственной. Виновные наказывались на одну степень мягче, чем за тайную кражу на сумму стоимости земли. Проданная таким образом земля или ее стоимость возвращались владельцу: «Что касается наказания знавших о [незаконности сделки] посредника при продаже и того [должностного лица], которое составляло документ, то в зависимости от того, получили ли они взятку или нет, приговор им выносится по закону,

---

[142] *Twitchett D.* The T'ang Market System.— Asia Major. 1966, vol. 12, pt 2, № 1, c. 213.

[143] Тан люй шу и, гл. 26, с. 620.

[144] *Twitchett D.* The T'ang Market System, c. 245.

предусматривающему меры наказания [лицам], знавшим о покупке краденых вещей, в зависимости от того, брали [они при этом] взятку или нет» (ст. 1098).

Выше мы говорили о торговле людьми — деле вполне обычном и для тангутского государства, и для Китая тех лет. Закон запрещал продажу родственником родственника. Лицо, купившее у родственника родственника и знавшее об этом, наказывалось как пособник продавца: «Если родственники высшей или низшей степени родства продали родственника и если покупатель знал о [том, что они состоят в родстве друг с другом], то [он] по закону является пособником продавца, а если не знал, то наказанию не подлежит». Пособничество могло караться очень сурово: купивший у сына его отца получал 12 лет каторги (ст. 355). «Если же зачинщиком [продажи] являлся посторонний человек, покупатель, то полную меру наказания должен получить покупатель, а приговор продавцу выносится по закону о пособничестве» (ст. 359).

Незаконной считалась и продажа в рабство свободного человека, рассматривавшаяся как хищение. Если кто-либо из участвовавших в сделке сторон знал, что продается свободный человек, то он получал соответствующее наказание: «Если кто-либо купит лично свободного (букв. „чистого“) человека... то [виновный должен быть наказан] по закону о тайной краже, в зависимости от стоимости [купленного человека] в денежном выражении. Если покупатель при встрече первым сказал: „Продай мне [этого человека]“, то покупатель наказывается по закону как зачинщик, а продавец — как пособник. Если покупатель знал, [что покупает свободного человека], то [он] наказывается по закону как пособник. Если тот, кому причинен ущерб, был продан с его согласия, то тому, кто продал... или купил [его], наказание должно быть уменьшено на одну степень по сравнению с мерой наказания зачинщику [такой сделки]. Если посредник, участвовавший в составлении купчей, и писец, написавший купчую, знали, что [продан свободный человек], то независимо от того, получили [они взятку или нет], им полагается то же наказание, какое предусмотрено за недоносительство [о преступлении] и за соучастие в дележе краденого имущества» (ст. 360). Незаконно мог быть продан человек, которого уговорили бежать или похитили,— «схватят беглеца, спрячут, продадут другому» (ст. 430). Это могли быть подчинившиеся тангутам перебежчики из других стран, вынужденные явиться к властям и затем, в нарушение закона, проданные должностными лицами в рабство. Такие хищения и продажи людей приравнивались к тайной краже: «Если в течение ста дней донесение [о перебежчиках] не будет подано, а [они сами] будут сокрыты, проданы, использованы [на работах], поделены и станут [людьми, принадлежащими] частным лицам, то приговор [виновным] выносится по закону [о наказаниях] за

тайную кражу с учетом стоимости [похищенного человека]» (ст. 785).

Поскольку купля-продажа людей носила особый характер, то она была под более строгим контролем и обязательно требовала составления купчей. Это было в строгом соответствии с требованиями китайского права. В Китае купчие на торговые сделки при продаже рабов и крупного рогатого скота составлялись в управлении рынка [145]. В одном из танских указов об амнистии процедура продажи людей была изложена довольно подробно. Власти, к которым обращались продавец и покупатель, должны были осмотреть продаваемого человека и выяснить, является ли он искони «подлым» («цзянь») или нет, а также выяснить местожительство его родителей. Сведения о продаваемом человеке сообщались в тайфусы (управление императорского казначейства) на случай возможных розысков продаваемого человека. Контракты на продажу людей подписывались киноварью. Сделки на продажу людей контролировал цензорат («юйшитай») [146]. Те же порядки действовали и в сунском Китае, для того чтобы не были проданы «свободный мужчина или женщина, похищенные каким-либо человеком» [147]. Купчие на людей (их сохранилось мало) включали дату, сведения о продавце и покупателе, об обстоятельствах сделки (например, нужда семьи и т. п.), сведения о рабе (рабыне) как объектах сделки (возраст и т. п.), покупную цену, ручательство за здоровье раба (рабыни), поручительства, подписи продавца, продаваемого, покупателя, посредника, свидетелей [148].

В Си Ся в торговых делах довольно активной была роль государства. Существовал контингент купцов, действовавших от казны. Закон устанавливал, что «торговать могут торговцы, посланные от государя, которые обязаны ежегодно представлять ссуду и полученную с нее прибыль, а недостача должна взыскиваться(?)». Не допускалась дача ссуды от казны для ведения торговых операций с предоставлением казне твердо установленной суммы от доходов, что давало бы ловкому купцу дополнительный неконтролируемый доход. «Любому человеку, кто занимается торговлей, просить ссуду [у казны], заявляя: „Я буду ежегодно вносить требуемый с меня доход!“, запрещается». Присвоение купцом чего-либо из дохода от торговли сверх правил рассматривалось как кража должностным лицом имущества на государевом складе. Должностные лица, следившие за деятельностью таких купцов, и виновные в нерадении или злоупотреблении сурово наказывались (ст. 1245).

---

[145] Тан люй шу и, гл. 26, с. 622–623.
[146] *Ниида Нобору*. То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 176—177.
[147] Там же, с. 180.
[148] Там же, с. 186.

Кодекс свидетельствует о том, что казна закупала много товаров для нужд государя и государства по рыночным ценам. С этой целью управления направляли особого чиновника-закупщика. При этом такой закупщик был обязан именно закупать товары для казны по рыночным ценам, а не отбирать их силой или скупать за полцены: «Если какое-либо управление направляет человека закупить для государя имущество — вещи, древесину, сено, уголь — или если в неурочное время появится необходимость произвести закупки скота... то производить закупки товаров силой или забирать [их] в качестве принудительной повинности запрещается» (ст. 1243). Любые злоупотребления были наказуемы.

Закон требовал, чтобы продукты для казны закупались своевременно, когда на них на рынках держатся самые низкие цены (ст. 1247). Закупка чиновниками продуктов по низким ценам с целью их перепродажи казне по ценам более высоким наказывалась на одну степень меньше, чем тайная кража (ст. 1248). Из текстов разных статей мы узнаем, что казна посредством закупок у населения заготовляла скот, мясо, масло (ст. 1226, 1231). шерсть, кожи, лыко, деревянные седла и т. п. (ст. 1314). Часть продуктов, если они были в избытке, закупалась казной после сбора налогов: «В любом скотоводческом гвоне в том случае. когда там, кроме сданных по поставкам молочных продуктов и шерсти от четырех видов скота — верблюдов, коров, яков и овец и коз — останутся непотребленные излишки [этих продуктов]. то [эти излишки] в соответствии с законом своевременно должны быть закуплены за деньги по реально существующим на данный момент продажным ценам» (ст. 1353).

Особо следует остановиться на внешней торговле, на ее правовом регулировании. Внешняя торговля отчасти была монопольным правом государства. Но допускалась и частная торговля в тех случаях, когда казна не была заинтересована в доходах от торговли данным товаром. Торговыми агентами тангутского государя могли быть тангутские купцы и купцы иных стран («знающие дело люди»). Это могли быть и чиновники «из числа служащих [управления] церемониала и обрядов или дворцовых служилых людей» (ст. 1318, 1319). Во всех случаях особое внимание обращалось на недопустимость смешения купцами и должностными лицами товаров, полученных от казны для продажи, и своих личных: «Если купец отправляется в чужое государство и с ним вместе посылают разные государевы вещи, которые должны быть проданы, и составляются списки на них, то количество [государева имущества] устанавливается в момент отъезда [купца] и оформляется соответствующими документами. [Купец], прибывший в чужое государство, обязан продавать государево имущество отдельно [от своего]» (ст. 1320). Купцы или члены посольств и миссий, отправляемых за рубеж, даже везли государевы

и личные товары отдельно. Людям, посланным с государевым караваном, запрещалось пользоваться государевым обозом для перевозки принадлежащих лично им товаров. Однако это разрешалось лицам, обслуживавшим государев торговый обоз по найму (ст. 1319). Государевы товары тщательно упаковывались в тюки, и каждый тюк опечатывался государевой печатью. Если печать почему-либо оказывалась разрушенной, то следовало доложить о порче печати и товар снова опечатать (ст. 1322). Естественно, что, продавая государев товар, купец не должен был делать это по завышенной цене и присваивать себе разницу между обусловленной ранее ценой и фактически полученными деньгами (ст. 1323). Недопустимы были и любые подмены: «Если какие-либо люди заменят государеву вещь на ей подобную, то независимо от стоимости вещи тому человеку, который нес личную ответственность [за государеву вещь], и тому, кто подменил [ее],— 1 год каторжных работ». Если подмена была связана с извлечением выгоды, то это уже наказывалось на одну степень меньше, чем тайная кража (ст. 1321). Выручка, будь то в деньгах или товарах, строго учитывалась. Учет велся в специальных списках. Причем если это были вещи как результат меновой торговли, то вещи описывали и списки заверяли государевой печатью, которая была в распоряжении служащих внутренних дворцовых покоев: «Когда же купцы возвратятся и прибудут в государство [народа] ми (тангутов), то они обязаны передать [эти вещи и документы на них] должностным лицам. Эти [документы] должны быть просмотрены, и одновременно должно быть проверено внешнее состояние вещей и их количество. Никому из купцов не разрешается смешивать государевы и частные вещи, продавать государевы вещи не отдельно от других, подменять добротные государевы вещи плохими частными». Наказание — независимо от положения и ранга виновного — 2 года каторжных работ, а за всю прибыль от подмены и злоупотреблений, реальную или даже возможную,— наказание как за тайную кражу (ст. 1320). Вьючный скот кормили сами купцы: «Когда управление столичного департамента или финансово-налоговое управление (саньсы) отправляют закупщиков в Китай или к киданям, то вьючных верблюдов, ранее выделенных для них управлением скотоводства, [они] обязаны кормить сами, а когда используют [их], то должны пользоваться ими только для перевозок» (ст. 1349) [149].

Существовали списки товаров, разумеется для частных лиц, запрещенных для продажи за границей. Нельзя было продавать

[149] В этой и некоторых других статьях упоминание киданей может означать или перенесение статьи в «Измененный и заново утвержденный кодекс» из предшествовавшего ему кодекса без редактирования (без замены «кидане» на «чжурчжэни»), или в данном конкретном случае — торговлю с киданями из Западного Ляо (с кара-китаями).

за рубеж рис, муку, зерно, крупы. «Хозяевам... запрещается продавать кому-либо из [народов] северной границы, чжурчжэням и уйгурам рис, муку и зерно. Старшие кочевий и военачальники (да цзюнь) должны пресекать [незаконную продажу]. Если окажется тот, кто нарушит запрет, то таковому — 3 года каторжных работ. Если донесет посторонний человек, то то, что предназначалось к продаже, следует поделить на две части и доносчику из зерна хозяина должна быть дана одна часть»[150]. К продаже запретного товара было приравнено изготовление тангутским мастером посуды и прочей утвари для татар и других чужеземцев: «Людям, посланным или направленным прямо к татарам и другим чужеземцам, запрещается изготовлять для них посуду и утварь. Если закон будет нарушен, то мастеру — 3 года каторжных работ, а сопровождающим его лицам и посредникам приговор выносится как пособникам. Награда доносчику в размере сорока связок монет должна быть взыскана с преступника»[151]. «Высочайше запрещено продавать в другие государства людей, коней, доспехи для воинов и для коней, коров, верблюдов и другое имущество» (ст. 440). Продажа человека приравнивалась к умышленному убийству. Продажа коней, доспехов, крупного скота каралась смертной казнью. Продажа войлоков, зерна, мулов, ослов, денег, шкур коров, верблюдов, лошадей наказывалась как ограбление без применения оружия, а продажа оружия: луков и стрел, копий, ножен и т. п. — как ограбление с применением силы и с использованием оружия (ст. 440). «Любому человеку запрещается продавать в другое государство монету, а мастерам — переплавлять монету или портить [ее]». За продажу или порчу более десяти связок монет уже полагалась смертная казнь (ст. 441). Все эти запреты имели назначение не только пресечь снабжение возможных противников продовольствием, оружием, деньгами и т. п., тем, что мы в наши дни именуем «стратегическими товарами», но и обеспечить монопольную торговлю этими товарами казне.

Естественно, что не только тангутские караваны и посольства отправлялись в Китай, Монголию, Восточный Туркестан и Тибет. В Си Ся приезжали и купцы из этих стран. Их торговая деятельность, их сделки с тангутскими купцами и хозяевами также регламентировались действующим правом. Гости должны были уплатить пошлину, размеры которой в кодексе не указаны (т. е., возможно, пошлины были неодинаковыми для разных товаров, в разное время и даже для купцов из разных стран), и вести торг под контролем должностных лиц, прежде всего с казной и государевыми купцами: «Когда прибудут послы другого государства и разместятся на каком-либо подворье, то при отсутствии

---

150 «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 26.

151 Там же, с. 26—27.

там государевых купцов и [должностных лиц, взимающих] торговую [пошлину], кому-либо торговать за спиной [властей] не разрешается. Если закон будет нарушен и торговая пошлина не будет уплачена, то [виновные] получают то же наказание, что и любой человек за уклонение от уплаты торговой пошлины, а донесший [о том] должен получить положенную по закону награду за донос. Если торговая пошлина была уплачена в соответствии с законом, то [виновным] за совершение незаконной торговой сделки — 2 года каторжных работ» (ст. 756).

По китайским сведениям, торговая пошлина, накладываемая на иностранных купцов тангутами, могла составлять десятую часть стоимости товара. С уйгуров тангуты «из десяти частей взимали одну и обязательно брали у них самые лучшие товары. Купцы страдали от этого, позднее хорошие и плохие товары складывали вместе в шерстяные вьючные мешки. Однако взимаемые налоги были бесчисленными. Когда они мало-помалу освоились, то стали давать большие взятки налоговым чиновникам, тайно условившись, что они будут указывать на товары низшего качества» [152].

Система запретов предусматривала, что то, чего нельзя было покупать у чужеземцев, нельзя было им и продавать в пределах Си Ся. Запрещено было ввозить и продавать все то, что нарушало или подрывало монополию казны, т. е. вино, чай и т. п.: «Если кто-либо купит вино у чужеземца и лично воспользуется [им], то получает наказание на одну степень меньшее, чем за изготовление вина частным образом. [Купленное] вино должно было быть изъято в качестве штрафа и поступает в пользу государя» (ст. 1301). Список товаров, запрещенных к продаже внутри своей страны иноземным купцам, был аналогичен списку товаров, запрещенных к вывозу. Это были в основном зерно, скот, лошади, оружие, люди, монета — все то, что входило в число товаров. «высочайше запрещенных» для торговли с заграницей. Чужеземные купцы, закупившие то, что было не положено, подлежали наказанию штрафом: «Если высочайше запрещенная торговая сделка была заключена с послами или купцами, прибывшими из другого государства, и если в числе тех, с кем [была заключена эта сделка], будут послы или купцы из государств Даши (Иран и Средняя Азия) и Сичжоу (Турфан), а высочайше запрещенная сделка уже совершена и [проданный товар] уже переправлен в чужеземные пределы, то приговор [виновным] выносится по закону о наказаниях за совершение высочайше запрещенных торговых сделок на территории другого государства. Если была только предпринята попытка [совершить высочайше запрещенную торговую сделку], но поступил донос и [виновный] был схвачен другими людьми, то наказание [ему]

[152] *Хун Хао*. Сунмо цзивэнь. Пекин, 1923, с. 6—8.

должно быть уменьшено на одну степень, а если [он] еще не предпринимал попытки [совершить высочайше запрещенную торговую сделку], то на две степени. Награда доносчику выдается в соответствии с законом, определяющим, какая доля [стоимости продававшегося товара] должна пойти на выплату награды за донос, в зависимости от того, была совершена попытка [вступить в высочайше запрещенную торговую сделку] или нет. Что же касается послов и купцов из государств Даши и Сичжоу, то, поскольку [они] являются гостями, [они] наказываются наложением на них штрафа, размеры которого [законом] не установлены, а та сумма, которую [они] дали за товар, должна быть возвращена [им]. Если прибудут послы или купцы из других государств и если проданный товар уже передан [им, то виновным] выносится тот же приговор, что и за продажу [высочайше запрещенных к продаже товаров] на территории другого государства. Если же покупающая и продающая стороны лишь договорились о цене, а товар еще не передан [покупателю], то [виновные] получают наказание на одну степень меньшее, чем в том случае, когда попытка [совершить торговую сделку] еще не была предпринята» (ст. 440).

Эти запреты не означали, что «высочайше запрещенные товары» не могли быть проданы за границу абсолютно во всех случаях. Если караван купца понес потери в людях и животных и купец озабочен сохранением товара, то он с разрешения властей мог купить не только зерно, другие продукты и корм скоту, но и оружие для охраны каравана. Устанавливался только тот максимум, который купец мог приобрести. Тангуты, продавшие ему сверх разрешенного, карались как за высочайше запрещенную торговлю. Должностные лица, виновные в высочайше запрещенной торговле, наказывались как за должностное преступление на две степени строже обычного норматива, вплоть до наказания смертной казнью. Пограничники, допустившие недосмотр или за взятку разрешившие незаконные торговые сделки, также подлежали наказанию. Наказывались даже паромщики, если сделка совершалась на тангутском пароме на пограничной реке (ст. 443). В целях борьбы с контрабандой поощрялись доносы. Если один из членов шайки контрабандистов доносил на остальных и самого себя, то он полностью освобождался от наказания. Донос на себя в том случае, когда незаконная продажа еще не состоялась, тоже освобождал от наказания (ст. 440).

Когда запреты снимались, то на границе на расстоянии 20 ли (10 км) от пограничной линии, считая в глубь территории Си Ся, создавалась зона свободной торговли, «где высочайший запрет не действует». Караульные в таких случаях могли следить за торговыми сделками, но не препятствовали им. Так, в первые 10—15 лет XIII в. разрешалась свободная закупка зерна и других видов продовольственных товаров, привозимых из-за рубежа, по-

скольку из-за частых стихийных бедствий и нашествий монголов у тангутов образовалась хроническая нехватка продовольствия [153].

Таковы сведения кодекса о договорах купли-продажи в тангутском государстве. К сожалению, из текста тангутских законов, как и из китайских источников, мы мало узнаем о внутренней торговле в Си Ся. Сведения китайских источников о тангутской торговле в настоящее время обобщены и опубликованы [154]. Повторять их здесь еще раз нет нужды. Тангутские законы о договоре купли-продажи были полностью аналогичны соответствующим китайским установлениям.

д) Договоры мены, найма, аренды

Эти договорные обязательства определенно существовали в практике тангутской жизни, хотя наши сведения о них крайне ограниченны.

Тангутская торговля была частью меновой. Сделки меновой торговли напоминали договор мены, по которому производится взаимная передача сторонами в собственность одного имущества в обмен на другое. Каждый из участвующих в мене считается одновременно продавцом того, что дает в обмен, и покупателем того, что выменивает.

Договор мены упоминается в статье 1165 кодекса, где речь идет, среди прочего, и об обмене земли: «Что касается... тех хозяев податных дворов... которые... продадут землю другому или обменяют [ее]... то при составлении „чистых" списков [хозяев дворов]... каждый раз заводится тетрадь, в которую вносится самый новый список [хозяев]... Должностные лица лично обязаны отыскивать среди хозяев тех, кто намеревается продать или обменять землю. Если обнаружится хозяин, который хочет продать или обменять землю, то он не имеет права привести человека, [с которым он решил совершить такую сделку]. Подходящий [человек] должен быть подыскан старостой кочевий или старшим. В области или уезде по принадлежности начиная с первого дня второго месяца дается объявление [о продаже или обмене]. Уполномоченный решать дела (паньбу) составляет опись земли в пяти экземплярах, из которых [один] оставляет для себя, а [четыре других] передает в управление столичного департамента, финансово-налоговое управление, управление транспорта и Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами. Управления обязаны составить перечень лиц, [которые хотят продать, купить или обменять землю]. Если обмен до-

---

[153] «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 27—28.

[154] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 92—99; *Чжун Кань и др.* Си Ся цзянь ши. Иньчуань, 1979, с. 127—133.

пустим, то он должен быть произведен по правилам. Документы на такие сделки составляют интенданты („тицзюй“)».

Таким образом, мена оформлялась специальным документом. По-видимому, столь строгий контроль был установлен только над обменом земли. Прочие договоры мены заключались более свободно. Китайских документов, оформляющих договоры мены, не сохранилось. Ниида Нобору полагал, что при обмене земли, построек, скота, рабов составлялся такой же контракт, как и при купле-продаже [155].

По китайскому и тангутскому праву был недопустим любой обмен частной вещи на казенную. Даже если частная вещь оценивалась дороже, такие действия всегда рассматривались как подмена, подлог. Дальневосточное право не хотело создавать даже прецедента для подобных действий.

Мы уже упоминали о том, что в тангутском государстве существовала работа по найму, а следовательно, существовал и договор найма. Наличие договоров найма подтверждается текстом статьи 343: «Если кто-либо из солдат в [нашем] государстве, бедный сын разорившегося хозяина, будет квартировать в доме человека того же самого или другого гвона и добровольно наймется на работу к кому-то из хозяев, то [он] может наняться на работу. Обе стороны с взаимного согласия должны договориться о плате за работу, [о чем] необходимо составить документ и доложить в управление и находящемуся поблизости старшему или младшему армейскому направляющему. Если поднята в поход большая армия по важному делу, то в соответствии с законом этот нанявшийся на работу человек должен покинуть [хозяина]. В остальных случаях, когда по государеву делу поднимается армия, вынуждать [его] быть в числе [выступивших в поход] не разрешается. Если закон будет нарушен, то с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок». Хотя в данном случае мы, возможно, имеем дело со специфическим видом работы по найму солдата или военнообязанного, для нас важно то, что обе стороны с взаимного согласия договаривались о плате за работу и оформляли свои отношения официальным документом. Отрывочные сведения из других статей кодекса позволяют уточнить, что договором найма устанавливался определенный срок работы (человек бывал «нанят на работу на какое-то количество дней» — ст. 735) и размеры оплаты труда нанятого человека (например, для людей, «нанятых за установленную за перевозки плату» в государев обоз — ст. 1319). Работа по найму была связана для нанявшегося на такую работу с определенным поражением в правах в его отношениях с хозяином. Работа по найму и в Китае была связана с поражением нанявшегося в правах. К числу наемных работников в танском Китае Ниида Нобо-

[155] *Ниида Нобору.* То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 194.

ру относит группы лиц, именуемых «суйшэнь», статус которых был близок к статусу лично несвободных. Он приводит текст из сочинения «Юань ши ши фань», который свидетельствует о том, что положение нанятых на работу женщин было фактически рабским: «Если жен людей делают рабынями, то, когда истекает срок [их работы, они] возвращаются к своему мужу. Если дочерей людей делают рабынями, то, когда истекает срок [их работы], они возвращаются к своим родителям. Если женщин из других волостей („сян") делают рабынями, то, когда истекает срок [их] работы, они возвращаются в свою волость» [156]. Уже после гибели тангутского государства, при династии Юань, предельный срок найма на работу для свободных людей был определен в пять лет [157].

В современном тангутскому государству сунском Китае наем на работу производился через специальных маклеров, выступавших в качестве поручителей при заключении договора найма. Мужчина получал за день работы 45 монет [158]. При найме всегда оговаривался вопрос о питании наемного рабочего и об одежде для него. Ниида Нобору полагал, что китайское право не различало договоры найма на производство каких-либо работ и найма на службу, в услужение [159]. В общем виде текст договора найма в Китае включал следующие разделы: дату, сведения о сторонах, заключающих договор, указание причин найма на работу, условия найма (плата, предоставление или непредоставление питания и одежды нанятому), срок найма, при выполнении некоторых работ предоставление нанятому сырья для работы, подписи сторон, поручителя, свидетелей [160]. Учитывая тот факт, что все документы Си Ся составлялись по типу соответствующих китайских, можно не сомневаться, что и договор найма в тангутском государстве включал в себя вышеперечисленные разделы с различными вариациями таковых в конкретных случаях.

У нас нет сведений о договоре аренды из тангутских источников. Мы только предполагаем, что правовому регулированию арендных отношений были отведены многие статьи несохранившейся главы 16.

Аренда оформлялась договором аренды, который в Китае включал дату, сведения об объекте аренды, сроке аренды, условиях договора и возможных его нарушениях, подписи сторон, поручителей, свидетелей [161].

Поручение — это договор, по которому одна сторона, поверенный, обязуется совершать от имени и за счет другой стороны, до-

---

[156] Там же, с. 431.
[157] Там же.
[158] Там же, с. 433.
[159] Там же, с. 5.
[160] Там же, с. 441.
[161] Там же, с. 411.

верителя, порученные доверителем поверенному действия. Договор поручения имел место в тангутской правовой практике. Единственным свидетельством этого являются приведенные уже выше сведения о купцах, которые вели торговлю от имени и по поручению казны (государя). Поручения определенно оформлялись документами, но как они оформлялись, мы не знаем.

Знало тангутское право и договор дарения, договор о безвозмездной передаче имущества одним лицом (дарителем) в собственность другого лица (одаряемого). Дарение — односторонний договор, характерная особенность которого — безвозмездность.

Дарителями были многочисленные донаторы, лица, дарившие деньги, вещи, землю, людей буддийской сангхе. Статьи, в которых они упоминаются, будут процитированы в разделе о правовом положении буддийских общин в тангутском государстве. Судя по сведениям китайских источников, дарение всегда (если речь шла о значительных ценностях) оформлялось дарственными. По данным Ниида Нобору, в дарственных обычно указывались дата дарения, даритель, причина дарения, описание объекта дарения, упоминание об условиях дарения, если таковые имелись, сведения о монастыре, принимавшем дарение [162]. Вместе с тем есть мнение, что по китайским законам дарение не было формальным актом [163].

Таковы наши сведения об обязательственном праве тангутов. Мы видим, что это была развитая область права, отражающая сложную многообразность общественных отношений в тангутском государстве.

4. *Находка*

Находка — институт гражданского права, определяющий судьбу утерянных или кем-то найденных вещей.

Тангутское право требовало от любого лица, нашедшего имущество или домашнее животное, заявить о своей находке властям. Сокрытие, потребление или раздел несколькими лицами найденного считались наказуемым преступлением. Закон, в зависимости от объекта и места находки, устанавливал сроки сообщения о ней и меры наказания за присвоение в той или иной форме найденного. Закон также определял права подлинного владельца вещи и судьбу ее, если она не была востребована: «Если кто-либо нашел потерянные скот, птицу, имущество, то [он] в течение одного месяца обязан заявить об этом в ближайшее управление, а скот [и имущество] должны находиться у того, кто его нашел. Если в течение трех месяцев, когда скот и имущество государевы, или в течение одного года, когда скот

162 Там же, с. 213.
163 *Bryan R. T.* An Outline of Chinese Civil Law. Shanghai, 1927, c. 49.

и имущество частные, обнаружится владелец или должностное лицо, [ведающее государевым скотом и имуществом], то [найденные скот и имущество] надлежит отдать [им]. Если же срок пройдет, а владельца [скота и имущества] не окажется, то на [найденные скот и имущество] должны быть составлены документы и [скот и имущество] становятся [собственностью] государя». Сокрытие находки или даже потребление ее после объявления о ней властям приравнивалось к тайной краже (ст. 158). Нашедший был обязан компенсировать стоимость найденного собственнику имущества, частному лицу или казне.

Должностные лица были обязаны лично освидетельствовать найденное и составить его опись: «Найденные [кем-либо] государевы или частные скот и имущество должны быть лично осмотрены находящимися поблизости чиновниками управления при дворце или [чиновниками] области (цзюнь), уезда (сянь) или военно-полицейского управления пограничных или внутренних [земель]. Необходимо выяснить, кто сообщил [о находке] и в каком состоянии находится скот — его возраст и упитанность. [Чиновники], начиная с уполномоченных решать дела (паньбу), должны составить опись [найденного], а затем доложить о [находке] и представить [опись] в военно-полицейское управление или военный комиссариат (цзинлюесы). После того как пройдет срок и объявится владелец [скота и имущества], то, что [государево], должно стать государевым, а то, что следует передать, должно быть передано тому, кто имеет [на это] право» (ст. 158).

Особое внимание требовалось проявлять при находке лошадей. Если лошадь была с клеймом, то ее следовало передать по принадлежности, которую можно было определить благодаря клейму. Если на лошади не было клейма, то она фактически становилась государевой, так как ее надлежало заклеймить, после чего «следует вызвать солдат или людей, не имеющих лошадей, и они должны подать прошение о предоставлении [им этих лошадей]» (ст. 158).

Прочий скот, если владелец его не обнаруживался, поступал в ближайшее скотоводческое казенное хозяйство. Найденные животные раздавались чиновникам, служилым людям, отсылались в отдаленные горные районы страны (ст. 158).

5. Законы о браке и семье

а) Брак

Семейное право — отрасль права, регулирующая отношения брака, родства, усыновления и т. п. У многих народов брак происходил из договора купли-продажи. Тангутский письменный знак со значением «бракосочетание», по истолкованию самих тан-

гутов, был идеограммой, образованной из двух других знаков, имевших значения «дочь» и «торговать» соответственно [164].

В древности тангутские роды были экзогамны и каждый из них имел определенных брачных партнеров. В какой-то мере это отразилось в кодексе в статье, предписывавшей мужчинам рода Сими иметь одновременно не менее пяти женщин, взятых в жены из правящего императорского рода Нгвеми: «Если пять сыновей и более из рода Сими уже перешли в [государев] род Нгвеми, то остальным разрешается брать себе [девушек] из других родов и вступать с ними в брак. Если менее пяти сыновей [рода] Сими в соответствии с законами родства перешли в [государев] род, то остальным брать [невест] из [других] родов и вступать с ними в брак запрещается. Если закон будет нарушен, то [виновным] выносится тот же приговор, что и за вступление в брак с представителем того же рода, к которому принадлежишь сам» (ст. 506). Из того факта, что юноши рода Сими «переходили» в род Нгвеми, совсем не обязательно делать вывод о матрилокальности брака у тангутов в прошлом. К моменту создания тангутского государства брак давно был патрилокальным.

Брак между представителями одного и того же рода, однофамильцами, был запрещен. Нарушение запрета наказывалось 3 годами каторги. Сваты, сосватавшие однофамильцев, получали год каторжных работ; такой брак в течение года должен был быть расторгнут (ст. 503, 504). По существу, запрет браков между однофамильцами означал перенос принципов экзогамии, принципов родового строя уже не на действительных сородичей, а на всех однофамильцев вообще.

Брачный возраст определялся законом для девушек с тринадцати лет (ст. 507). Выдавать замуж малолетних девушек запрещалось: «Если будет заключен брачный контракт о выдаче замуж малолетней девочки, то нельзя допустить, чтобы то, что еще не созрело, подлежало косьбе. Лишь тогда, когда [невесте] исполнится тринадцать лет, [ее] следует передать в семью [мужа] в полном соответствии с тем, что указано выше» (ст. 507). Отметим, что в законах средневекового Китая нет никаких положений, предусматривающих брачный возраст [165].

Родители могли договориться о будущем вступлении в брак своих малолетних детей. При этом сваты передавали семье девочки в качестве даров только коня и пояс. Завершать сделку, а именно покупать невесту, передавать родителям ее стоимость, запрещалось, очевидно, до достижения ею двенадцатилетнего

[164] Море письмен. Факс. тангутских ксилографов. Перевод с тангутского, вступительные статьи и указатель К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. Ч. 1. М., 1969, с. 342, № 2077.

[165] *Valk M. H. van der.* Conservatism in Modern Chinese Family Law.— Studia et Documenta ad jura orientis anyique pertinentia. Leiden, 1956, vol. 4, c. 52; *Eberhard W.* Settlement and Social Change in Asia, c. 79.

возраста, ибо «лишь когда приблизится время передачи невесты в семью жениха, в течение одного года производится выплата стоимости [невесты] и только после этого невеста должна быть передана в семью жениха» (ст. 508).

Родители девушки имели право продать, выдать замуж свою дочь. Родители юноши или сам жених имели право купить девушку у ее родителей. С согласия желающих породниться сторон, посредством сватовства, устанавливалась плата за девушку. Сговор, естественно, проходил за совместной трапезой. Но он независимо от того, сколько было выпито и съедено, не считался окончательным, если родители жениха не давали, а родители невесты не брали хотя бы ничтожную часть платы за девушку. При этом плату — коней, одежды и т. п.— давать насильно запрещалось. Для обнаружения недобровольного характера сговора с любой стороны законом устанавливался стодневный срок (ст. 516). «При заключении брачного договора пояса с украшениями, надеваемые во время сватовства, угощение, устраиваемое во время сватовства, угощение, устраиваемое дома для чиновников, и передаваемые при этом друг другу подарки не засчитываются в счет приданого и платы [за невесту]» (ст. 528). Позднее, с 26 апреля 1212 г., закон разрешал «угощение мясом и вином включать в счет платы за невесту» [166].

Если при заключении брачного договора вся плата за невесту не передавалась, то оставшаяся невыплаченной часть в течение трех лет должна была быть отдана или отработана будущим мужем в семье девушки у ее родителей. Если жених платил частями, а затем в последний момент отказывался от невесты, то та часть платы, которую он уже внес, изымалась у него в качестве штрафа за нарушение сговора, а договор о браке расторгался. Закон специально подчеркивает, что в этом случае «родители девушки могут продать девушку другому». Если сговор нарушался с обоюдного согласия сторон, то стороны обязаны были полностью возместить друг другу расходы, произведенные за время сватовства. Однако важно подчеркнуть, что односторонний отказ родителей девушки от выдачи замуж дочери, если жених после сватовства и сговора выполнил все взятые на себя обязательства, не имел силы. Если родители после того, как дочери исполнилось тринадцать лет, не отдавали ее жениху, то они наказывались годом каторжных работ. Жениху, не сумевшему в течение трех лет рассчитаться за невесту, закон предоставлял еще годичный срок, и если он в течение этого четвертого года выполнял все требуемое, то, даже если за это время родители девушки передумали, они обязаны были принять плату за дочь, а ее выдать замуж (ст. 509).

---

[166] «Новые законы», гл. VIII, инв. № 827, с. 37—38.

Обычно год, месяц и день свадьбы назначались заранее. Поводом для их переноса могло быть привлечение родителей жениха и невесты, самого жениха к службе на благо государства или своей семьи — призыв в армию, командирование по служебным делам, уход за больными родственниками и т. п. В случае невозможности окончательного заключения брака по указанным причинам в течение трех лет брачный договор мог быть расторгнут (ст. 507).

Брачный договор заключали только старшие. Если юноша и девушка, не имея на то права, т. е. при наличии родителей, сами заключали брачный договор, то они наказывались годом каторжных работ. В Китае жених и невеста тоже никогда сами брачного контракта не подписывали[167]. В тангутском государстве должностные лица, оформившие брак без ведома родителей жениха и невесты, получали 6 месяцев, а сваты — 3 месяца каторжных работ. Но существовал полугодовой срок давности для таких браков. Если проходило шесть месяцев и дело не было раскрыто, то брак оставался в силе. В течение полугода молодые супруги имели право добиваться согласия родителей на брак (ст. 514).

Тангутский брак не был в нашем понимании церковным, т. е. исключал обязательные религиозные обряды в присутствии представителей, например, буддийской сангхи. Скорее его можно было бы назвать браком гражданским, так как он оформлялся должностными лицами местных управлений. Этим он отличался от брака китайского, где участие властей, регистрация, фиксирование брачных отношений не требовались.

В законах о браке четко прослеживается идея, что девушка в первую очередь покупалась, а следовательно, и принадлежала родителям жениха (мужа). При заключении брачного договора «плата за девушку должна быть внесена родителями жениха» (ст. 513). При наличии у жениха родителей платить за невесту деду, бабке, дядьям, теткам и особенно свойственникам запрещалось. Если родителей не было в живых, то право на заключение брачного договора со стороны жениха принадлежало деду, бабке и тетке по матери. При этом в переговорах определенно отражался какой-то старый ритуал — дед, бабка, тетка по матери (сестра матери) жениха вели переговоры с матерью невесты, а его дядя по матери (брат матери) и женская родня со стороны братьев (жены братьев и т. п.) — с дядей по отцу (братом отца) и теткой по матери (сестрой матери) невесты. То есть в переговорах участвовали представители четырех роднящихся семей (родов), но в них не участвовал отец невесты (ст. 513). Каких-либо объ-

---

[167] *Möllendorf P. G.* The Family Law of Chinese and its Comparative Relations with that of Other Nations.— Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. N. S. 1879, vol. 13, c. 108.

яснений этому не дано. Но, безусловно, за этим крылись какие-то древние тангутские обычаи и представления. Во всяком случае, роль матери при выдаче дочери замуж когда-то явно могла быть большей, чем отца.

До середины XII в. брачный договор и оформлялся, как покупка, купчей. Лишь после введения в силу исследуемого кодекса составлять купчие на покупку сыну невесты было запрещено (ст. 520). Тот факт, что женщина, жена сына, в известной мере рассматривалась как собственность, приобретенная родителями ее мужа, хорошо отражен и в законах, определяющих ее положение в случае смерти мужа или при разводе.

Закон и обычай требовали, чтобы девушка не являлась в семью мужа с пустыми руками. Ее жизнь должна была обеспечиваться какой-то долей ее имущества, приданым. Претензии на приданое можно было предъявлять только в том случае, когда за невесту было заплачено более 20 связок монет (ст. 522). Надо сказать, что цены на невест были социально детерминированы. Родственники государя, беря невесту из семей, равных по положению или стоящих ниже на социальной лестнице, давали плату в 300 единиц. В числе этих 300 единиц «верблюды, лошади, одежды, золото, шкуры тигров и барсов не должны были превышать 150 [единиц]». Соответственно чиновники платили 200 единиц (доля вышеуказанных вещей и скота — 100 единиц), простые люди — 100 единиц, а число верблюдов, лошадей, комплектов одежд, изделий из золота, шкур тигров и барсов не должно было превышать 20 единиц (ст. 523).

Приданое допускалось давать из расчета до двух монет на одну монету стоимости девушки (ст. 524), т. е. по закону его стоимость могла быть лишь вдвое больше стоимости невесты. Излишки, если о них становилось известно, подлежали возврату, а сам факт чрезмерного увлечения размерами приданого был наказуем. «Тому, кто даст в качестве платы [за невесту] при заключении брачного договора 300 [единиц], в приданое могут быть даны три дома, тому, кто даст 200 [единиц],— два дома, и тому, кто даст 100 [единиц],— один дом» (ст. 525). Дома могли ставиться только из 60—70 бревен (ст. 526). Родителям невесты запрещалось также давать все приданое одними одеждами. Регламентировано было и количество одежд, которые могли быть даны в качестве приданого или надеты на гостей стороной жениха при проводах невесты. Тот, кто платил за девушку 300 единиц, получал 70 комплектов одежды, тот, кто платил 200 единиц,— 50 комплектов, и тот, кто платил 100 единиц,— до 10 комплектов одежды (ст. 527). Все эти ограничения — при строительстве домов и передаче вещей — распространялись и на приготовления к свадьбе со стороны жениха (ст. 529). Как для получения полностью платы за дочь, так и для получения приданого устанавливался, как уже говорилось, годичный срок, ко-

торый исчислялся со времени перехода невесты в дом жениха и фактического установления брачных отношений. В течение года обе стороны могли заявить свои претензии через органы администрации, которая обеспечивала взыскивание требуемого (ст. 530, 522). Со стороны жениха сумма должна была быть выплачена или отработана полностью. Если же речь шла о приданом и родители невесты (теперь уже жены) оказывались несостоятельными, то они могли вернуть зятю в качестве приданого половину суммы, полученной ими в уплату за дочь. Если и этого они не могли сделать, то приданое не давалось совсем, а «забирать [у родителей жены] в счет приданого дом, постройки, землю, пхинга и нини» запрещалось (ст. 522).

Если родители умудрялись продать дочь одновременно двум женихам, то главу семьи, в зависимости от обстоятельств, ожидали каторжные работы на срок от 1 года до 4 лет. Наказывались также и тот жених и сваты, которые знали, что они сватают уже сосватанную девушку. Во всех случаях «жена должна быть отдана своему первому, подлинному мужу, а полученную [за нее вторично] плату следует возвратить. Если же у женщины от второго мужа уже родились дети, то [она] должна быть оставлена [у него]» (ст. 531).

Итак, тангутский брак не был волеизъявлением, личным делом брачащихся, а заключался их старшими родственниками, главным образом родителями, отцами по преимуществу, и представлял собой акт покупки жены сыну, хотя и отдариваемый значительным приданым, сумма которого вдвое могла превышать стоимость женщины. Самостоятельное юридическое значение сговора в процессе заключения брака было отличительной чертой, характерной и для китайского брака [168]. В старом Китае после сговора даже обнаружение физических недостатков у невесты, кроме проказы, не позволяло жениху отказаться от брака [169]. Как и в старом китайском браке, в браке тангутском родители, продав дочь, теряли над ней практически всякий контроль [170]. По мнению некоторых исследователей, старый китайский брак не создавал никаких родственных отношений между мужем и семьей его жены [171].

Закон считал семьей «супругов, мужа и жену» (ст. 941). Главенство в семье принадлежало мужу. Закон в случае совершения преступлений между мужем и женой не рассматривал их положение как равное. Муж приравнивался к старшему родственнику, жена — к младшему.

---

[168] *Рязановский В. А.* Основные институты китайского гражданского права. Харбин, 1926, с. 44.

[169] *Parker E. H.* Comparative Chinese Family Law.— The China Review. 1880, vol. 13, c. 70.

[170] *G. J.* Validity of Chinese Marriages.— The China Review. 1877, vol. 5, c. 205.

[171] *Bryan R. T.* An Outline of Chinese Civil Law, c. 15.

Когда-то в глубокой древности у цянских племен существовал левират. Кодекс уже запрещает этот обычай: «Если после того как женщина вошла в семью мужа, [ее] муж умрет, то старшим и младшим отцам племянников [ее мужа, т. е. его братьям], становиться [ее] покровителями не разрешается. Если же [таковые] станут [ее] покровителями, то [виновным] — 2 года каторжных работ». Три года вдова носила по мужу траур, а затем ее судьба оказывалась в руках свекра и свекрови. Самовольно покинуть семью покойного мужа ей не разрешалось. «Если [у вдовы] нет ни свекра, ни свекрови, то, если [она] желает остаться [в семье покойного мужа], она может остаться, а если пожелает уйти, то может уйти, но при этом [она] не имеет права забирать скот и имущество мужа» (ст. 510). Женщина, договорившаяся с кем-то о том, чтобы он увез ее до окончания траура по мужу, строго наказывалась. Фактически такое преступление приравнивалось к супружеской измене (ст. 498). Даже если покойный муж жил в зятьях в семье жены, то после его смерти его родители имели все права на его жену и она «должна была быть передана свекру и свекрови» (ст. 511). Если жених умирал до фактического вступления в брак, но после сговора и внесения платы, то невеста три года носила по нему траур и только после этого родители могли продать свою дочь другому (ст. 511). В случае смерти жениха или невесты после заключения брачного договора с платы за невесту брали штраф (ст. 535). Если вдовой оказывалась мачеха, то закон запрещал ей производить излишние траты имущества семьи. В случае, когда такие траты признавались излишними, закон обязывал ее возместить их [172].

б) Развод

Право дать развод принадлежало мужу и его родителям. Основания для развода были заимствованы в тангутском праве из китайского. Это были знаменитые «ци чу», «семь законных условий для развода со стороны мужа». В тангутском кодексе они названы «семью недостатками» жены: «В число семи недостатков, имеющихся у женщины, кроме прелюбодеяния — в этом случае родители или муж независимо от того, решили ли они это совместно или нет, одинаково имеют право дать [ей] развод, и [никому] не разрешается преследовать [их] и доносить [на них] — также входят: первое — отсутствие детей, второе — неумение услужить свекру и свекрови, третье — болтливость, четвертое — совершение кражи, пятое — ревность и шестое — тяжелое хроническое заболевание» (ст. 512) [173].

[172] «Новые законы», гл. XI, инв. № 2842, без пагинации.
[173] Ср.: Тан люй шу и, гл. 14, с. 301.

«Семь оснований для развода» не имели силы при трех условиях: «Если [жена] хотя и имеет один из шести недостатков (тангуты перечисляют шесть условий развода, выделяя отдельно супружескую неверность), но, во-первых, она почтительно относится к свекру и свекрови, во-вторых, когда просили [ее] в жены, то семья [мужа] была бедной, слабой и занимала ничтожное положение, а потом, благодаря заключению брачного договора, разбогатела, стала сильной и возвысилась и, в-третьих, если в то время, когда [ее] принимали в семью мужа, тот, кто принимал, не отказался от нее из-за ее недостатков, то в этих трех случаях развода быть не должно» (ст. 512). Это был также принцип китайского права, называемый «ю сань бу цюй» — «есть три основания, запрещающих разводиться с женой». Однако он не получил полного соответствия в тангутском праве. Три основания, в соответствии с которыми по китайскому праву нельзя было дать развод жене, следующие: 1) ношение траура женой по свекру и свекрови; 2) семья, взявшая в дом данную женщину, до брака с ней была ничтожной, бедной («цзянь»), а после брака с ней и именно в результате его стала знатной и богатой («гуй»); 3) у жены не было родственников, к которым она могла бы вернуться [174]. Как мы видим, здесь налицо несовпадение условий, правда, при сохранении центрального — материального положения семьи, проистекающего из самого факта заключения брака.

Тангуты отделили от «семи недостатков» супружескую неверность как непреложное основание для развода, при этом, что важно, как развода по инициативе родителей мужа, так и самого мужа, независимо от того, «решили ли они это совместно или нет». Что касается прочих «шести недостатков», то муж мог дать жене развод на основании одного из них только после совета с родителями. Если же развод давался без обоюдного согласия родителей и мужа, а лишь по инициативе одной из этих сторон, то развод, даже будучи совершенным, мог быть аннулирован в шестимесячный срок и жена не имела права «добровольно покинуть [своего мужа]». При этом, если жене сына дали развод его родители, то они за самоуправство наказанию не подлежали, но если муж давал развод жене сам, без согласования этого дела с родителями, т. е. покушаясь в какой-то мере на их права собственников, покупателей жены сыну, то он подлежал наказанию: имеющий ранг платил в качестве штрафа 1 лошадь, простой человек получал 13 палок.

Женщина, получив развод, остригала волосы на голове. Если жена, не получив еще распоряжения о разводе, стригла волосы на голове, то ее наказывали годом каторжных работ.

---

[174] Там же.

Развод был допустим с согласия сторон — мужа и родителей женщины, при условии, что последние возвращали мужу все то, что он уплатил за жену. Муж, давший жене развод против воли ее родителей, платил штраф в размере суммы, уплаченной его родителями за женщину, и возвращал все полученное приданое. При этом родители жены в течение шести месяцев могли подать на своего зятя жалобу в суд (ст. 512).

Судьбой разведенной жены или невесты, если сговор аннулировался, распоряжались родители женщины или муж. Фактически муж мог перепродать жену другому мужчине (ст. 533, 534). Такое же право было дано мужу и в старом Китае [175].

Таким образом, право развода по тангутским законам принадлежало родителям мужа и мужу данной женщины. Это вполне соответствовало и китайской традиции. «Традиционное китайское право не давало жене никаких возможностей для развода» [176]. В сочинении «Цин мин цзи», посвященном казусам средневекового китайского права, говорится: «Муж имеет моральные основания (ли), чтобы развестись с женой, но нет статей закона, на основании которых жена могла бы развестись с мужем» [177].

В тангутском государстве акты сговора (сватовства), внесения платы за жену (покупка жены) и развода были подконтрольны властям. В кодексе была статья 1285, в которой специально шла речь «о необложении налогом стоимости сватовства, развода и жены».

Если жена бежала от мужа, то ее родители и родственники не имели права принимать ее, если же отец принимал дочь, то он получал 6 месяцев каторжных работ. Такое же наказание ожидало и прочих родственников. Любой домохозяин, приютивший беглянку, был обязан в течение трех месяцев донести о ней. Если он этого не делал, то его наказывали 3 годами каторжных работ (ст. 502).

Если жена бежала с любовником и муж сам решал, как поступить с ней, то на нее надевали железный ошейник и передавали мужу. Если же муж желал передать жену в руки властей, то ту били палками и отправляли на каторгу на 3 года, на самые тяжелые работы. После отбытия срока каторжных работ ее возвращали обратно к мужу (ст. 481, 474). Любовник получал 3 года каторги. Родители или иные родственники, знавшие о готовящемся побеге своей дочери с любовником, также подлежали наказанию (ст. 479).

Если муж попадал в плен и не возвращался, то устанавливались возможные сроки ожидания, после которых допускался вто-

---

[175] *Hoang P.* Le mariage chinois au point de vue légal.— Variétés sinologiques. 1893, № 14, с. 137.

[176] *Buxbaum D. C.* Chinese Family Law: a Common Law Setting.– Journal of Asian Studies. 1966, № 25, с. 635.

[177] *Ниида Нобору.* То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 485.

рой брак. Если у женщины были дети, то второй брак разрешался через десять лет после исчезновения мужа, а если детей не было, то через пять лет. Невеста была обязана ждать пропавшего жениха три года. Но и в данных случаях второй брак мог иметь место только с согласия родителей жениха. Если у жениха не было родителей, то женщине о своем намерении вторично выйти замуж следовало доложить властям (ст. 515). По китайскому праву, если муж пропадал и о нем три года не было никаких вестей, то жена могла получить от властей «чжи чжао». «право на второй брак», и выйти вторично замуж [178].

Если женщина и ее дети попали в плен, а затем получали возможность с кем-то вернуться в Си Ся, то, если они не желали принадлежать тому, с кем пришли обратно, данный человек не имел права получить их и женщину с детьми отдавали прежнему мужу (ст. 399). Если же женщина выражала желание принадлежать тому, кто помог ей вернуться на родину, то она передавалась официально этому человеку, а прежний муж терял на нее свои права (ст. 398). Героическое поведение в стане врага, «стойкость и непреклонность», награждались тем, что бежавшая из плена женщина могла «находиться там, где пожелает», и муж лишался прав силой вернуть ее себе (ст. 396).

Закон также наказывал за ложные заявления о состоянии в браке: «Если [какого-либо человека] спросят, состоит ли он в браке, и не состоящий в браке скажет: „Я состою в браке“, то за ложные показания» виновный получал 4 года каторжных работ (ст. 519).

И брак, и расторжение брака оформлялись документами. У тангутов документом, удостоверяющим вступление в брак, был «брачный контракт». «Брачные контракты» именовались в Китае «хунь шу», но, поскольку они не являлись официально утвержденными документами, они таковыми и не признавались. Современными исследователями «хунь шу» рассматриваются как письма с предложениями вступить в родство посредством брака [179]. При династии Юань указом 1272 г. предписывалась регистрация брака в местном управлении, установление срока заключения брака и подача сведений о количестве подарков (цены девушки) и приданого. Нарушение брачного договора считалось нарушением закона [180]. Нам кажется, что это было близко к той форме административного контроля заключения браков, которая существовала и в тангутском государстве менее чем за пятьдесят лет до этого.

---

[178] *Hoang P.* Le mariage chinois au point de vue légal, c. 143.

[179] *Чжао Сунянь.* Тан дай хуньинь лису каолюе.— Вэнь ши. 1963. № 3, с. 185—186.

[180] *Тао Сишэн.* Ши и шицзи чжи ши сы шицзи-ды гэ чжун хуньинь чжиду.— Шихо. 1935, т. 3, вып. 3, с. 141.

Мы не знаем, как точно выглядел текст брачного контракта, как тангутский, так и китайский. Дошли до нас лишь китайские документы о разводе. Они считались официальными, поэтому тексты их сохранились. Поскольку тангутская официальная документация в основном копировала соответствующую китайскую, можно предположить, что и тангутские документы о разводе составлялись по образцу соответствующих китайских. Китайский документ о разводе обычно имел такое содержание: сведения о составителях документа, изложение причин и обстоятельств развода, разрешение и согласие на повторный брак, если таковой предусматривался, данное в формулах типа: «стороны согласны на допущение повторного брака и не станут предъявлять претензий друг к другу». Далее подробно излагались условия развода. Документ завершался датой и подписями [181].

Тангутское право не знало запретов на браки с иноплеменниками — тангутов с китайцами, с тибетцами, уйгурами и т. п., и это несмотря на то, что такие запреты существовали в современном Си Ся сунском Китае для пограничных с Си Ся областей. Так, по указу 995 г. в пограничных северо-западных округах населению запрещалось вступать в браки с иноплеменниками-некитайцами («жун»). Соседи Китая таких запретов не вводили. Киданям и чжурчжэням, как и тангутам, были разрешены браки с китайцами [182].

В отличие от китайских тангутские законы только лишь упоминают об институте наложниц. В наложницы в порядке наказания отдавались незамужние сестры и дочери мятежников (ст. 1). Статья 41 устанавливала, что «сроки ношения траура по наложнице должны быть те же, что и [сроки ношения траура] по жене». Из текста § 2 статьи 42 — «не разрешается уменьшать наказание наложнице за ранги мужа, свекра, племянника, отца, если она уже вступила в сговор о сожительстве с другим [мужчиной]» — мы можем заключить, что взятию в дом наложницы предшествовал сговор, сватовство и что на наложниц распространялось право «тени», право в случае совершения ею преступления пользоваться смягчением наказания за ранги ее мужских родственников — мужа, свекра, отца, племянника.

Мы не можем объяснить, почему положению наложниц в тангутском кодексе не отведено специальных статей. Может быть, это связано с тем, что институт наложниц был более характерен для китайцев, живущих в Си Ся, чем для тангутов, уйгуров, тибетцев. Не совпадало с китайским правом, согласно которому муж не носил траура по наложнице [183], требование тангутского права носить по наложнице тот же траур, что и по жене.

---

[181] *Ниида Нобору*. То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 507—510.

[182] *Тао Сишэн*. Ши и шицзи чжи ши сы шицзи-ды гэ чжун хуньинь чжиду, с. 142.

[183] *Дай Яньхуэй*. Тан люй тун лунь, с. 62.

Китайское право признавало только одну жену. По установившейся традиции супругов сравнивали по своей избранности и неповторимости с солнцем и луной, и поэтому считалось, что «один муж, одна жена — [это] нерушимый порядок» [184]. Совершенно очевидно, что тангуты тоже исходили из этого принципа. Высказанное нами ранее мнение (опиравшееся на сведения Марко Поло) о том, что у тангутов было многоженство, ошибочно [185]. Сведения Марко Поло относятся к тому периоду, когда область Тангут уже была подвергнута сильной исламизации, что и породило институт многоженства.

По китайскому праву муж, не имея возможности брать вторую законную жену, мог при наличии законной жены иметь наложниц. Число наложниц законом не лимитировалось.

в) Семья

Большая тангутская семья состояла из мужа, жены, детей, родителей мужа, его братьев, сестер, членов их семей, наложниц мужа и т. д. В такой семье, связанной разными отношениями подлинного родства, правовые отношения родства определялись сроками ношения траура одним родственником в случае смерти другого. Основы этих отношений описаны в кодексе и уже были изложены нами выше. Глава такой семьи был хозяин, домовладыка, близкий по своему положению к домовладыке римского права. О хозяине как основной социальной фигуре тангутского общества подробнее будет сказано ниже. В такой семье все права принадлежали мужу, мужчине, в том числе и право сексуальной свободы (наложницы); супружеская верность требовалась только от женщин, жены и наложниц. В XII в. в тангутском обществе шел процесс деления больших семей, но большая семья охранялась законом. Закон запрещал молодым против воли родителей отделяться от семьи: «Запрещается любому человеку без добровольного согласия родителей силой выделить [их] и заставить жить отдельно или заявить: „Я ухожу!“. Если закон будет нарушен, то [виновному] — 1 год каторжных работ. Если же родители [выделятся] добровольно, то [дети] наказанию не подлежат» (ст. 734). «Любому человеку запрещается, не имея на то согласия родителей, действуя силой, заявлять: „Я ухожу [от них] и буду жить отдельно!“ Если закон будет нарушен, то [виновному] — 1 год каторжных работ. Если родители дают согласие [на раздел], то [отделившийся] наказанию не подлежит» (ст. 1436). Живут ли родственники вместе или нет, имело большое правовое значение.

---

[184] Тан люй шу и, гл. 13, с. 292.
[185] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 73.

Члены семьи были связаны общесемейной ответственностью («юань цзо») в случае совершения кем-либо из них государственного преступления и пользовались правом «тени» главы семьи или членов семьи, имеющих ранги и должности. Имущество семьи в некоторых случаях полагалось общесемейной собственностью — это видно хотя бы из того, что хищение имущества одним членом семьи у другого не считалось кражей. При всех сделках фактическим распорядителем имущества семьи был ее глава. Как и в римском праве, в тангутском было недопустимо принятие каких-либо обязательств внутри семьи, между ее главой и подвластными ему членами семьи или между членами семьи. Сын не мог взять в долг у отца, а брат у брата, если они жили одной семьей. Закон охранял права сыновей на «обязательные доли» при получении наследства. Распоряжение имуществом семьи ее главой и признание «долевого пая» сыновей хорошо видно из ряда статей, прежде всего из статьи 794: «Если в семье, в которой человек живет совместно с родным отцом и братьями, [кто-либо из членов семьи] — дети, внуки, сыновья, братья, жена или невестка,— не спросив [позволения] главы семьи, за [его] спиной использует или поделит что-либо из общего скота или имущества, то там, где [это] произошло, [виновный] подлежит наказанию за то [количество скота или имущества], которое [он] использовал или разделил, а взыскание с [виновного] компенсации [за использованные или поделенные скот и имущество] не производится. Если [кто-либо из членов семьи], не имея на то права, потребит или поделит [общие скот и имущество], то [за потребление скота или имущества] на сумму менее пяти связок монет [виновный] наказанию не подлежит. [За потребление скота и имущества] на сумму свыше пяти связок монет [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Использованные или разделенные скот и имущество должны быть возвращены владельцу. Если дети и внуки еще не живут отдельно [от родителей], то [принадлежащие всей семье] скот и имущество должны быть оценены и [из общей суммы] вычитается доля тех, кто [намеревается] жить отдельно. В том случае, когда родители используют или поделят [скот и имущество, принадлежащие всей семье], [они] наказанию не подлежат». После 1212 г. любой член семьи, потребивший незаконно имущество семьи на сумму свыше пяти связок монет, в любой ситуации подлежал наказанию, предусмотренному кодексом,— получал 13 палок или платил в качестве штрафа 1 лошадь [186].

Таким образом, в большой семье, если что-то потребили или выделили родители, глава семьи, то они наказанию не подлежа-

---

[186] «Новые законы», гл. XI, инв. № 2842, без пагинации.

ли, хотя это и не одобрялось, ибо ссылка на то, что родители наказанию не подлежат, уже служила косвенным указанием на неправомерность их действий. После 1212 г., судя по «Новым законам», согласно которым наказанию подвергался «любой член семьи», наказуемы были и действия родителей. Прочие члены семьи, взявшие лишнее с общего стола, наказывались в семье и, естественно, не имея своей личной собственности, не компенсировали убыток, причиненный семье. Даже там, где глава семьи сам (в силу неясных причин: подготовка к разделу, уже совершенный раздел, фактическое проживание отдельно) не мог наказать виновного, тот за потребление из общественного имущества на сумму до пяти связок монет наказанию не подлежал, а за потребление на бóльшую, практически бóльшую на сколько угодно, сумму отделывался минимальным наказанием.

Необходимость учета долей имущества членов семьи возникала в критических для семьи ситуациях. При общесемейной ответственности за измену, если деды, бабки, отец или мать, братья, сестры преступника выделялись в отдельные семьи, то их имущество не подлежало конфискации: «Если же есть родственник, который хотя и должен был бы жить одной семьей [с мятежником], но уже ушел [из семьи] и поэтому не подлежит наказанию, то он может получить долю [имущества], равную той доле, которую получает живущий отдельно [родственник]». Престарелые члены семьи, не подлежащие наказанию, также получали свою долю из конфискуемого имущества мятежника (ст. 1). Родители виновных в разрушении храма предков государя не наказывались по «юань цзо», поэтому «если [преступник] имеет один дом с родителями и другими родственниками, то, поскольку они не должны входить в число лиц, подлежащих наказанию, им должна быть выделена и выдана доля для независимого проживания из имеющихся скота, зерна, ценностей, имущества, земли и людей» (ст. 7). Родители предателей, практически беглецов из Си Ся, независимо от того, наказывались ли они по принципу общесемейной ответственности или нет, не теряли своего имущества. Поэтому «если [родители] жили в одном доме с сыном-преступником и имели с ним общие скот и имущество, то они должны по закону получить свою долю» (ст. 9). Юридические права членов большой семьи на долю имущества очевидны из того, что они, как и подобные им лица в Китае [187], подписывали акты продажи семейного имущества. Однако проблема существования общесемейной собственности в странах дальневосточной семьи права во многом остается спорной. Серьезные аргументы в пользу того, что правомочным владельцем имущества семьи

---

[187] *Eberhard W.* Settlement and Social Change in Asia, c. 32.

являлся только ее глава, были выдвинуты японским правоведом Сига Сюдзо [188].

В некоторых случаях закон учитывал доли жены, невесток, детей и даже людей, являющихся собственностью семьи. Так, при поджоге виновник пожара возмещал причиненный им ущерб «из той части скота и имущества, которая не является [имуществом] его жены, детей, невесток, пхинга и нини» (ст. 459).

Таким образом, представление о долях имущества отдельных членов или отдельных групп членов большой семьи было реальным при некоторых видах уголовной ответственности и признавалось законом. Оно реализовалось при разделе семьи, ответственности семьи или части ее членов имуществом за некоторые преступления, при наследовании. В остальном глава семьи являлся полноправным хозяином ее имущества.

Глава семьи мог даже в определенной ситуации продать младшего члена семьи в рабство. В 1164 г., когда в северных округах страны был голод, «люди своих жен, дочерей, сыновей и прочих родственников продавали в соответствии с законом другим людям в пхинга и нини» [189]. Кодекс запрещал под страхом смертной казни продавать родителей и старших родственников (ст. 33, 355), а за продажу родственником старшей степени родства родственника младшей степени родства, в зависимости от близости родственных отношений, полагалось от 5 до 12 лет каторжных работ (ст. 356). Если младшего родственника продавали с его согласия, то мера наказания уменьшалась на одну степень (ст. 357).

Если муж продавал жену против ее воли, то ему полагалось 6 лет, а с ее согласия — 5 лет каторжных работ (ст. 358). Коль скоро после 1164 г. существовали запреты на продажу родственников, значит, такие случаи нередко имели место в жизни, иначе их не было бы нужды запрещать законом. Закон запрещал детям под страхом смертной казни закладывать родителей (ст. 733).

Закон обязывал родственников оказывать помощь бедному или престарелому человеку, запрещая оставлять его на произвол судьбы (ст. 806). Размеры единовременной помощи родственнику были регламентированы в зависимости от социального положения жертвователя. Равным себе по положению родственники государя и его советники могли дать 30 связок монет, чиновники высших рангов — 20 связок монет, любое лицо, имеющее ранг,— 10 связок монет и простой человек, не имеющий ранга,— 5 связок монет. Если в силу каких-то обстоятельств жертвовали лицу, занимающему более высокое положение, чем жертвователь, то следовало исходить из статуса жертвователя, а не того, кому

---

[188] *Shiga Shuzo.* Family Property and the Law of Inheritance in Traditional China.— Chinese Family Law and Social Change in Historical and Comparative Perspective. Seattle, 1978.

[189] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 4189, с. 4.

жертвовали. Вместе с тем, если родственник помогал родственнику заплатить за невесту для сына, дать приданое дочери или уплатить налоги, то данные ограничения сумм пожертвований не принимались во внимание (ст. 337). Но даже родственники не имели права щедро помогать должностным лицам при похоронах, свадьбах, разделе семьи, праздновании рождений, строить для них разные сооружения, брать в долг быка и соху, зерно, шерсть, давать им своего коня и т. п., платить за них налоги. Если должностное лицо принуждало к такой «помощи» родственника, то это считалось «взяткой с нарушением закона», если же родственник сам, по своей инициативе, задумал задобрить занимающего должность сородича — «взяткой без нарушения закона». Такая «помощь» рассматривалась как злоупотребление служебным положением или средством принуждения к неисполнению служебного долга (ст. 338).

Таковой предстает перед нами тангутская семья. Для середины XII в., когда создавался кодекс, возможно, был характерен активный распад больших семей. Закон уделяет этому моменту достаточно много внимания. Для Китая время династии Сун также было временем определенных изменений в семье. Именно с сунской династии и далее «глава семьи начал рассматривать семейную собственность как свое частное владение, которое он мог даже продать без письменного согласия других членов семьи» [190].

В заключение заметим, что при некоторых назначениях на службу будущее должностное лицо обязательно должно было иметь жену. Это касалось, скажем, начальников караулов на почтовых станциях, которых следовало набирать из «людей, имеющих семью и опыт работы» (ст. 1450).

г) Внебрачные дети и усыновление

В целом тангутская мораль требовала от невесты целомудрия. Женщина, не имеющая мужа и родившая ребенка, нарушала тем самым правила приличия, хотя и не подлежала никакому наказанию. Закон защищал внебрачного ребенка от порабощения. Если «женщина, не имеющая мужа... в нарушение [правил] вступит в связь с каким-то человеком и [потом] будет воспитывать ребенка, не имеющего отца, то отдавать [этого ребенка] в пхинга запрещается. [Ребенок] с согласия матери в числе лиц прочих категорий может быть отдан в служащие вспомогательных войск и занесен в их списки» (ст. 497). Таким образом, закон запрещал делать ребенка, родившегося вне брака, лично несвободным человеком, принадлежащим частному лицу, но с согласия мате-

[190] *Eberhard W.* Settlement and Social Change in Asia, c. 32.

ри он мог стать казенным человеком. Социальный статус человека, рожденного вне брака, был невысок.

Если законная жена была похищена чужим человеком, увезена за рубеж и затем возвратилась обратно с рожденными от похитителя детьми, то эти дети, когда жену возвращали законному супругу, оставались с матерью. Если муж уже женился вторично, то женщину вместе с детьми отдавали ее родителям. Сыновья таких матерей, фактически лишенные отца, тоже рассматривались как внебрачные дети и могли стать «государевыми людьми, которые служат во вспомогательных войсках» (ст. 397). Статус их тоже был невысок: становясь государевыми людьми, они утрачивали личную свободу. Столь же неполноправным было положение и сыновей женщины от первого брака, если она выходила замуж во второй раз: «В том случае, когда жена какого-либо человека имеет сына от [более раннего] брака, [ее сыну] наследовать кандидатство на должность [ее] мужа запрещается. Получить [в наследство принадлежащие отчиму] скот, зерно, ценности и [иное] имущество [он также] не может. Что касается этих [сыновей], то [они] должны быть приписаны к вспомогательным войскам». Наследование неродным сыном ранга и должности отчима грозило смертной казнью (ст. 642).

Таким образом, судьба внебрачных или лишенных отца детей мужского пола была довольно определенна (служба во вспомогательных войсках) и не очень завидна, так как фактически это могло означать для них потерю личной свободы. О девочках в законах нет и речи; очевидно, их просто продавали замуж.

Усыновление – юридический акт, устанавливающий между усыновителями и усыновляемыми такие правоотношения, которые существуют между родителями и детьми. Усыновление диктовалось отсутствием мужского потомка, продолжателя рода, наследника имени, рангов, должности, престижа семьи и желанием иметь сына, который приносил бы жертвы в память покойного отца в храме предков. Усыновляемый должен был быть хорошо известного происхождения: «Любому человеку, нашедшему брошенного в поле ребенка, взявшему и воспитавшему [его], делать [этого ребенка] своим сыном запрещается. Если закон будет нарушен, то приговор [виновному] выносится по закону [о наказании за] перемену гвона» (ст. 641).

Тангутский закон рекомендовал усыновление мальчика из своего рода, но усыновление было допустимо только при условии отсутствия своего сына. Если усыновленный сородич был даже из другого гвона или иного социального статуса (категории), то он мог становиться наследником имени, должности и рангов усыновителя. Усыновление было также недопустимо и при наличии внука. Если после усыновления у усыновителя рождался собственный сын, то наследником становился родной ребенок, а приемному сыну, если он мог «претендовать на какую-то долю

скота и имущества... должна быть отдана его доля». Должностные лица, служащие при особе государя, «ожидающие приказаний», лица для особых поручений могли брать в приемные сыновья только близких родственников, в том числе братьев, родных и двоюродных, и двоюродных племянников, внуков дяди по отцу (ст. 640).

Возможно, когда речь идет о братьях, здесь мы имеем дело с некоторым отступлением от положений китайского права, согласно которому усыновляемый должен был относиться к следующему, нисходящему поколению, ибо только члены младшего поколения могли приносить жертвы членам старшего поколения: сын приносил жертвы отцу, внук — деду, но брат брату — никогда[191]. По римскому праву усыновитель тоже должен был быть старше усыновляемого не менее чем на 18 лет, ибо «усыновление подражает природе»[192]. Тангуты, вероятно, не столь чтили суть усыновления по-китайски, где главным было не наследование должности и имущества, а происхождение и принесение жертв предкам.

Приемный сын приравнивался в значительной степени к родному и терял связь с прежней, родной семьей. Он носил трехгодичный траур по своим приемным родителям и только годичный по своим подлинным отцу и матери (ст. 41). Если приемный сын совершал государственное преступление, то общесемейная ответственность распространялась на усыновивших его родителей; и наоборот, усыновленный отвечал за преступление усыновившего его лица. Родственники усыновителей и родственники кровных родителей в случае совершения мятежа усыновленным наказанию не подлежали. Исключением был тот случай, когда подлинные родители и усыновители были в близком родстве и вся родня преступника подлежала наказанию. Если усыновление было совершено, но приемный сын остался в списках кандидатов на должность своих родных родителей, то они и его кровные родственники подлежали наказанию, а усыновившие преступника люди наказанию не подлежали (ст. 1). Отсюда очевидно, что главным, по крайней мере для чиновничества, при установлении факта общесемейной ответственности были права на наследование должности.

Усыновление оформлялось договором. Китайский договор усыновления времен существования Си Ся включал дату, сведения об усыновителе-отце, о решении усыновить чьего-либо сына, об усыновляемом мальчике, заверения сторон — усыновителей и родных родителей во взаимном почтении друг к другу и о почтительном отношении сына к тем и другим на основании принципа

---

[191] *Jamieson G.* The History of Adoption and its Relation to Modern Wills.— The China Review. 1890, vol. 18, c. 141.

[192] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права, с. 85.

сыновней почтительности («сяо»). Далее от документа об усыновлении требовалось достаточно точное определение имущественных прав усыновляемого. В документе фиксировался факт передачи ребенка родными родителями усыновителям. Документ подписывали усыновитель (отец), родные родители (отец и мать) и свидетели [193].

6. Наследование

Наследование — переход имущества умершего лица к одному или нескольким другим лицам. Наследник получал все имущество или долю имущества покойного (наследодателя). Наследование — преемство универсальное, ибо к наследнику «переходят сразу права и обязанности, входящие в состав наследства, даже такие права и обязанности, о существовании которых он и не знал» [194].

Различаются наследование по закону и наследование по завещанию. Средневековое китайское право практически не знало наследования по завещанию. Главным основанием наследственного преемства на Дальнем Востоке в прошлом являлся закон [195]. На наследника переходили все долги и обязательства умершего.

Тангутские законы о наследовании предельно кратки. Нет статей, в которых четко и прямо говорилось бы о наследовании имущества, в основном закон уделяет внимание наследованию должностей. Тем не менее можно составить общее представление о некоторых сторонах процедуры наследования, принятой в Си Ся. Тангуты тоже не знали наследования по завещанию. Наследниками умершего хозяина, главы семьи, становились равно все сыновья. Старший сын имел ту привилегию, что был наследником рангов отца и кандидатом на его должность (ст. 638).

Если семья продолжала жить вместе, никто не выделялся, то и речи не было о долях наследства. Закон оговаривал лишь тех лиц, которые на наследство не имели права. Не мог быть наследником имущества умершего сын его жены от первого брака (ст. 642). Собственные же сыновья умершего все имели право на наследство. Сложности возникали тогда, когда в семье умершего не было мужского потомства — сына, внука или приемного сына, имеющих право возглавить семью и стать наследниками имущества наравне со всеми и рангов и должности покойного лично. Если у покойного оставались вдова и дочери, то закон определял, что «скотом, зерном, ценностями и имуществом [покойного] владеет [его] жена». Вдова распоряжалась имуществом семьи, но

[193] *Ниида Нобору*. То-Со хорицу бунсё-но кэнкю, с. 535.

[194] *Новицкий И. Б.* Основы римского гражданского права, с. 269—270.

[195] *Рязановский В. А.* Основные институты китайского гражданского права, с. 57.

была обязана беречь его, ибо закон предусматривал, что «скот, зерно, ценности и имущество жене [умершего] делить и тратить понапрасну запрещается». Если дочерей покойного выдавали замуж, продавали в наложницы, то им выделяли долю из имущества семьи. За скотом семьи вместе с вдовой были обязаны присматривать и дальние кровные родственники покойного. Когда вдова умирала, имущество семьи делилось на две части — одну отдавали сестрам и дочерям покойного, жившим в его семье, а вторую половину получали родственники, «близкие к роду [умершего] человека, из числа тех, которые не жили [с покойным] одной семьей и не имели общего с ним скота и имущества», т. е. его дед, бабка, отец, мать, дядья по отцу, тетки по матери, братья, племянники, внуки и т. п. Если дочь покойного была на выданье, а приданое являлось недостаточным, точнее, если ее доли из части, полученной дочерьми и сестрами покойного не хватало на приданое, то доля, отходившая кровным родственникам покойного, не жившим с ним одной семьей, в свою очередь, делилась на три части и одну треть отдавали выходящей замуж дочери покойного. «Если [у покойного] нет вышеуказанных [родственников] — деда, бабки, отца, матери, дяди по отцу, тетки по матери, [братьев], племянников и внуков,— то имеющиеся скот, зерно, ценности, имущество могут взять дочери [покойного], остающиеся в семье, и [его] дочери, уже сосватанные, но еще не выданные замуж. Если нет и оставшихся в семье [покойного] дочерей, то имущество получают вышедшие замуж дочери». Обратим внимание на этот момент. Родные выданные замуж дочери умершего становились наследницами имущества семьи в предпоследнюю очередь и не могли требовать доли наследства от братьев, матери и незамужних сестер. Если не было у покойного и замужних дочерей, то его имущество наследовали любые родственники, с которыми он был связан отношениями траура, и они обязаны были похоронить покойного. «Если [у покойного] и таких [родственников] не окажется, то после этого [его имущество] поступает государю» (ст. 644).

Тангутское право допускало больше наследников из числа лиц старшего по отношению к умершему поколения. В Китае незамужние дочери могли быть наследницами лишь при полном отсутствии наследников по мужской линии. В отличие от тангутского права, китайское не признавало прав на наследство у замужней дочери. Если у покойного не было незамужней дочери, то его имущество отходило в казну [196]. Родовые отношения у тангутов были сильней, и круг возможных наследников был шире.

[196] *Valk M. H. van der.* The Law of Seccession in Chinese Law, c. 116—118. В иных случаях брат выделял своим сестрам $1/2$ своей доли на замужество. См.: *Alabaster Ch.* The Law of Inheritance.— The China Review. 1877, vol. 5, c. 194.

В тангутском, как и в китайском, праве нет сведений о возможном отказе от наследства [197].

Тангутское право допускало нечто похожее на завещание в том случае, когда речь шла об оставлении знатным лицом имущества монастырю: «Если умрет (букв, „сменит тело“) какой-либо знатный мужчина или какая-либо знатная женщина и по окончании сорокадевятидневного поста (букв. „семь раз по семь“) [их имущество] может оказаться полезным для государя, то при выделении той доли [имущества], которая должна быть отдана монахам, следует исходить из указанного в распоряжении, а то, что не вошло туда, просить самим монахам не разрешается» (ст. 789). Завещание именно как распоряжение («и мин», «и янь», «и шу») появилось в Китае при династии Сун.

Таковы те немногие сведения, которые мы имеем о тангутском праве наследования в сопоставлении их с китайским старым правом. Речь о кандидатстве на должности и о наследовании должностей пойдет ниже.

[197] *Alabaster Ch.* The Law of Inheritance, c. 194.

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ

По авторитетному мнению известного специалиста по средневековому китайскому праву Карла Бюнгера, «административное право составляет основную часть китайских законов и является для нас, вероятно, их важнейшей и интереснейшей частью» [1]. «Личность чиновника — самая важная в кодексе»,— вторит ему Дай Яньхуэй [2].

Административное право — та отрасль права, нормы которой регулируют общественные отношения, складывающиеся в процессе управления, в ходе исполнительско-распорядительской деятельности. Они определяют порядок и организацию деятельности органов государственного управления, компетенцию центральных и местных органов управления, права и обязанности должностных лиц, взаимоотношения между органами управления и гражданами страны.

Тангутский кодекс уделяет много внимания проблемам административного права. Помимо должностных преступлений, о которых в общей форме мы уже говорили в разделе об уголовном праве, в кодексе имеются сведения о субординации управлений тангутских административных органов, типовой численности ос-

[1] *Bünger K.* Gedanken über das Studium der chinesischen Rechtsgeschichte.— Oriens Extremus. 1969, 16. Jg., H. 1, c. 113.

[2] *Дай Яньхуэй.* Тан люй туп лунь. Тайбэй, 1964, с. 92.

новных должностных лиц, порядке замещения должностей, функционировании отдельных звеньев сложного механизма управления и т. д.

1. «Ожидающие приказаний»

Император был единственным и неограниченным законодателем и высшим судьей. Он же был средоточием всей административной деятельности, хотя природа его власти, ее истоки были сакральными, связанными с мироустроительной миссией императора, сына Неба, и тем «мандатом», «повелением», который он «получал» от Неба на право управления подданными. Император был «стержнем государства», вокруг которого группировались высшие сановники, советники, те, «кто находился поблизости от стержня государства» [3].

Сыновья тангутского императора имели княжеские титулы, заимствованные из Китая. Наследник престола именовался вначале «гован» (князь государства), а затем «тайцзы» (наследник престола). Его младшие братья в зависимости от их возраста и положения могли получить титул «гована» или «саньгунов» (трех гунов, трех князей, принцев) или титул «вана» (ст. 685).

Среди высших сановников, советников императора, первыми среди равных были его родственники, в особенности члены одного с ним рода Нгвеми. На них возлагалась миссия консультантов, людей, действовавших по особому поручению (ст. 700). Это были, по тангутскому определению, «занимающие важные должности и пользующиеся почетом люди» (ст. 1123). Они же в основном были и советниками при особе государя. В Тибете лонпо — советники тибетского государя (цэнпо) — обычно принадлежали к высшей аристократии страны, к семьям, тесно связанным брачными узами с родом цэнпо [4].

У императора, наследника престола, великих князей имелись наставники: верховный наставник («шанши»), государственный наставник («гоши») и добродетельный наставник («дэши») — лично при государе, гуманный наставник («жэньши») — при наследнике престола, преданные наставники («чжунши») — у великих князей (ст. 686). Государевы наставники по-своему статусу приравнивались к управлениям первого (высшего) класса, наставник наследника престола — к управлениям второго (следующего) класса и наставники великих князей — к управлениям третьего (среднего) класса (ст. 687). При императоре служили также чиновники «увещевающие императора» («ляньгуань»), их статус равнялся статусу управлений второго класса (ст. 688).

[3] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 62.

[4] *Tucci G.* The Tombs of the Tibetan Kings. Roma, 1950 (Serie Oriental Roma), с. 61.

и чиновники личной канцелярии императора, «те, кто ведет переписку [государя], составляет и редактирует документы, сочиняет тексты государевых указов», их статус приравнивался к статусу управлений третьего класса (ст. 689). Приравнение статуса отдельных должностных лиц к статусу органов администрации, учреждений — характерная особенность дальневосточного права.

Все люди, состоящие при особе государя и несшие при нем самую разную службу, будь то слуги в полном смысле этого слова или же чиновники и сановники высокого ранга, назывались общим термином «ожидающие приказаний», что являлось точной калькой соответствующего китайского термина «дай чжао». Это были люди, назначение которых состояло в постоянном ожидании приказа императора и готовности выполнить его незамедлительно[5]. «Ожидающими приказаний» могли быть как лица, имеющие чиновничий ранг, так и «простые люди», не имеющие такого ранга. Это были прежде всего люди, состоявшие на службе во внутренних, жилых, спальных покоях государя. Все дворцовые помещения и службы делились на внутренние и внешние покои. Из перечней лиц, относящихся к категории «ожидающий приказаний», можно конкретно назвать чиновников в довольно высокой должности «передающих приказы» при особе государя, его постельничих, прислугу внутренних жилых покоев, государевых посыльных, государевых врачей, шаманов, церемониймейстеров, караульных, поваров, лиц, ведавших чайной посудой, посудой для вина, дровосеков и водоносов, портных, служителей Императорской библиотеки и т. п. (ст. 825)[6].

Существовали иные, более дробные классификации служащих двора. Отголоски этого есть в кодексе. Постельничие государя, например, что естественно, относились к разряду тех, кто служил во внутренних спальных дворцовых покоях, а чиновники — устроители аудиенций были отнесены к числу государевых посыльных, служащих внешних дворцовых покоев (ст. 362). В число служащих внутренних дворцовых покоев допускались буддийские монахи (ст. 865). Запрещалось делать караульными внутренних дворцовых покоев иноплеменников: китайцев, тибетцев, уйгуров и т. п. (ст. 832).

Круг лиц, относящихся к числу «ожидающих приказаний», был довольно широк и, повторяем, что вообще характерно для придворной службы всех времен и народов, очень смешанным, включавшим как должностных лиц (администрацию в нашем современном понимании), так и людей, занятых элементарной об-

---

[5] В Китае при династиях Хань и Тан термином «дай чжао», «ожидающие приказа», именовались чиновники, действительно ожидавшие приказа о назначении на должность. При династии Сун «дай чжао» именовались клерки в Академии («Сюешиюань»). См.: *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, 1985, с. 475, № 6127.

[6] «Новые законы», гл. II, инв. № 749, с. 29.

слугой особы государя. Всей работой «ожидающих приказаний» руководило управление внутренних, жилых покоев государя.

«Ожидающие приказаний» были привилегированной группой служащих. Они пользовались правом «восьми суждений» в случае совершения ряда уголовных преступлений и относились к группе «ветеранов» (ст. 40). «Ожидающие приказаний» могли брать себе помощников: «Дозволяется старшим и младшим чиновникам, „ожидающим приказаний“ по докладу, поданному должностному лицу, брать себе в помощники людей достойных, знающих, владеющих каким-либо мастерством; (такие) доклады разрешается доводить до сведения государя. Прочим военнослужащим брать себе в помощники пастухов и земледельцев, людей, занятых на тяжелых работах, людей, принадлежащих частным лицам, подавать доклады с просьбами об этом государю, а также, добиваясь благосклонности у вышестоящих начальников, стремиться к получению выгоды запрещается» (ст. 345).

«Ожидающие приказаний» в случае совершения какого-либо уголовного преступления, не относящегося к категории «десяти зол», если они были на дежурстве, не подлежали немедленному аресту (ст. 878), а будучи арестованными, независимо от того, был у них ранг или нет, автоматически получали смягчение меры наказания на одну степень. Если даже таковые осуждались на каторжные работы, то клеймить их запрещалось. Лишь в случае получения 5 лет каторжных работ «ожидающий приказаний» терял свою должность. Точнее, его переводили на другую, удаленную от особы государя службу. Так уволенный из числа слуг внутренних дворцовых покоев переводился в число слуг внешних дворцовых покоев, постельничий государя — в число слуг внутренних дворцовых покоев, церемониймейстер — в число низших чиновников, государевы посыльные, прислуга внешних покоев — в служащие вспомогательных войск и т. д. (ст. 363). У тех из «ожидающих приказаний», которые имели во дворце при себе личное оружие, на оружии гравировались или вырезались имя владельца этого оружия и его должность. Менять надпись на оружии, особенно наименование должности, можно было только с позволения высшего начальства (ст. 831).

«Ожидающие приказаний» служили государю и охраняли его, поэтому прежде всего на них распространялись правила и требования, предусматривающие обеспечение безопасности сына Неба.

Резиденция государя именовалась китайским словом «чжун» — «центр», «дворец», «внутренний двор» (ст. 874. 888) [7]. Она делилась на внутренние помещения — жилые помещения государя и членов его семьи, официальные покои, место «служебного» пребывания государя, залы приемов — и внешние

[7] *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles, с. 188, № 1530.

помещения для ряда учреждений — охраны, приемов посетителей, подачи докладов и прошений на высочайшее имя и т. п. Внутренние покои отделялись от внешних рядом линий караулов, которых было по меньшей мере две (ст. 822). Внешние покои тоже были окружены несколькими линиями караулов, располагавшихся концентрически. Снаружи дворцовый комплекс дополнительно охранялся патрулями: «Вокруг внутренних дворцовых покоев, где пребывает государь, должны патрулировать разъездные инспектора, которым надлежит нести службу по одному человеку с каждой из четырех сторон. Каждые десять дней они сменяются другими инспекторами. День и ночь [эти люди] должны патрулировать вокруг [дворца] Чжун и задерживать воров и мошенников. К остальным внутренним дворцовым покоям, где нет государя, и [иным] жилым помещениям также можно выслать какое-то число разъездных инспекторов» (ст. 874). Входить во дворец разрешалось только днем. На ночь вход в дворцовые покои прекращался вообще (ст. 888).

К середине XII в., ко времени составления кодекса, во внутренних покоях было два дворца, старый и новый (ст. 822). Извне в дворцовые покои вело много ворот. Первыми были просто ворота для проезда экипажей и телег. Далее были ворота, именовавшиеся «Приглашение мудрых», считавшиеся уже средними воротами, но, очевидно, между ними и первыми воротами, ведущими снаружи внутрь дворца, располагался ряд (или несколько рядов) «кольцевых ворот с башней», точнее, видимо, ряд концентрических стен, окружавших внутренние покои, с воротами и башнями при воротах. Дошедший до ворот «Приглашение мудрых» считался прошедшим линию внешних караулов. Через ворота «Приглашение мудрых» был проход в тронный павильон и резиденцию государя. Непосредственно в резиденцию государя вели южные и северные ворота. Аудиенции государь давал в Западном дворце. Личная резиденция государя называлась «Глубоководный гусь» (ст. 822).

Прежде всего любому человеку, кроме имеющего на то право по государеву указу, запрещалось быть в дворцовых покоях с оружием (ст. 820). Любое незаконное появление с оружием в пределах дворцового комплекса, признанное злоумышленным, приравнивалось к мятежу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Повара были обязаны следить за сохранностью закрепленных за ними ножей и не терять их (ст. 881). К оружию приравнивался любой колющий и режущий предмет или инструмент. Мастера, работающие во дворце, сдавали инструмент охране внутренних дворцовых покоев, а работали они только под надзором. «Если мастер будет держать [свой инструмент] при себе, либо оставит [его] у другого человека, или, явившись во внутренние покои, не отнесет [свой инструмент] в особо отведенное для его хранения место, а принесет прямо туда, где производятся ра-

боты, то и тому, кто заставлял держать инструмент, и тому, кто держал [этот инструмент], определяется наказание на две степени меньшее, чем любому человеку за явку во внутренние дворцовые покои с оружием» (ст. 880).

Нельзя было входить во дворец с палкой. Виновный подлежал штрафу в размере 3 связок монет (ст. 1424). При входе к государю чиновники отдавали служащим внутренних дворцовых покоев свои железные стрелы и пайцзы (ст. 648). В пределах дворца нельзя было стрелять из лука, неосторожно бросать камни и что-либо другое (ст. 824).

«Ожидающий приказаний» не имел права опоздать на службу, не явиться на свое место или покинуть свой пост (ст. 826, 827, 829). В случае неявки на дежурство он не только подлежал наказанию, но и не имел права на смягчение наказания на основании «восьми суждений» или за счет ранга своего отца или брата. Он получал меру наказания лишь с учетом своего личного ранга (ст. 830).

Для входа в дворцовый комплекс, особенно во внутренние жилые покои императора, требовалось знать пароль и иметь при себе пропуск (ст. 828, 865). Служащие внешнего дворцового комплекса без специального разрешения не могли входить во внутренние покои государя (ст. 864). Даже продукты для стола государя из внешних дворцовых помещений передавались во внутренние поэтапно, через караульных, девушек-служанок и старших должностных лиц, которые уже несли их к кухне (ст. 870).

Границу, отделявшую внутренние покои от внешних дворцовых служб, охраняли караульные, именовавшиеся «держащие железные стрелы» (ст. 834). Это была гвардия государя. «Ожидающий приказаний» не имел права оскорбить словом «держащего железные стрелы», тем более причинить ему телесное повреждение. Любое причинение ранения «держателю железных стрел» наказывалось на одну степень строже, чем причинение ранения постороннему человеку (ст. 882). В свою очередь, «держащие железные стрелы» должны были хранить корпоративную замкнутость — «держателям железных стрел» запрещалось заводить знакомства с должностными лицами, несущими службу во внутренних дворцовых покоях (ст. 884), они были обязаны ничего не выносить из внутренних дворцовых покоев (наказание — смертная казнь) (ст. 884), не покидать своего поста (наказание— год каторжных работ) (ст. 885).

Прошедший через линию караулов «держащих железные стрелы» служащий из числа «ожидающих приказаний» оказывался во внутренних дворцовых покоях как бы под временным арестом. Он не мог «покидать свой пост и выходить за пределы (внутренних дворцовых покоев)» (ст. 834). Внутренняя служебная дисциплина тоже была строгой. Являться на службу надлежало оде-

тому по форме (ст. 838, 839, 840). Служащие жилых покоев государя не имели права носить поясов и сапоги с двойными подошвами (голенищами?) (ст. 856).

Любому человеку запрещалось «вступать в половую связь с женщиной во внутренних дворцовых покоях», если закон нарушался, то «мужчине и женщине — 6 лет каторжных работ» (ст. 837). «Если в то время, когда государь сидит на троне, те, кто [допущены] в [Тронный зал], вблизи от трона будут пить вино, не будут стоять в должном порядке или без всякой нужды будут ходить взад-вперед перед государем, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 5 связок монет, простому человеку — 8 палок» (ст. 843). «Запрещается проникать в Тронный зал и влезать на трон», наказание — смертная казнь (ст. 848). «Запрещается делать на стенах внутренних дворцовых покоев непристойные надписи. Если закон будет нарушен, то в том случае, когда это было сделано без умысла, [виновным] — 1 год каторжных работ (ст. 849). Меры наказания за проступки, связанные с обслуживанием государя, были суровыми. Плохо вымыта посуда — 2 года каторги (ст. 852), а если кто-то сам воспользовался ею для себя — 3 года (ст. 851). Государь должен был своевременно получать качественную пищу (ст. 850), а его паланкин, экипажи, лодки — предварительно пройти испытание на прочность и быть всегда в полном порядке (ст. 845, 846). Тот, кто нес государев зонт, должен был «прикрывать [государя этим] зонтом своевременно и выполнять свою работу старательно», не задерживаясь в проходах (ст. 841). Категорически запрещалось загромождать чем-либо проходы во дворце (ст. 855), приводить во дворец домашних животных (ст. 857), появляться во дворце со знаками ношения траура — распущенными волосами и белой повязкой на голове (ст. 858), въезжать во внутренние дворцовые покои верхом на коне или входить туда с раскрытым зонтом (ст. 886).

Срок дежурства «ожидающих приказаний» во дворце был продолжительным: «постельничие спальных жилых покоев [государя], охрана внутренних дворцовых покоев, государевы посыльные и прислуживающие во внешних и внутренних дворцовых покоях находятся на очередном дежурстве месяц, а привратники и интенданты Тронного зала распределяются по трем сменам, каждая из которых находится на очередном дежурстве пятнадцать дней. Все они день и ночь должны находиться на своих постах». «Ожидающие приказаний», таким образом, жили на своих постах по месяцу или по полмесяца. Поэтому им «в нужном количестве» выдавали котлы, посуду, топливо и соломенные матрацы (ст. 868). «Находящиеся на очередном дежурстве повара, прислуга жилых помещений [государя], ведающие гардеробом [государя], официанты, дровосеки, водоносы — каждый обязан находиться только в том месте, которое определено лично ему»

(ст. 870). Мастера работали в специально отведенных помещениях, а если мастер что-то должен был осмотреть лично в других частях внутренних покоев, то он докладывал об этом по начальству и получал соответствующий пропуск (ст. 871). Это же правило касалось и должностных лиц, «находящихся на службе в складах при жилых помещениях [государя]» (ст. 872).

«Ожидающие приказаний» во время дежурства не имели права пить вино, затевать между собой драки (ст. 825, 823), поднимать шум, особенно вблизи того места, где находится государь, оставлять свой пост, отсутствовать во время ночной проверки «ожидающих приказаний» (ст. 888).

Отпущенный со службы «ожидающий приказаний» должен был покинуть дворец или хотя бы внутренние жилые покои государя и не болтаться во дворце без дела. Закон требовал одного — «ожидающий приказаний» не должен был «выходить из-под надзора» (ст. 828).

Отлучиться с дежурства «ожидающему приказаний» можно было только при чрезвычайных обстоятельствах и после их проверки: «Если у кого-либо из „ожидающих приказаний“, находящихся на очередном дежурстве, умрет отец, мать, сын, брат или жена и присланная дочь либо невестка попросят отпустить его на похороны или столь же настойчиво они будут говорить о другом, но схожем с этим [событии], то чиновник обязан доложить [об этом] в управление, ведающее прислугой спальных жилых покоев государя, или в управление внутренних дворцовых покоев. Если сказанное выше верно, то следует уточнить обстоятельства дела. Кроме того, в тех случаях, когда [кто-либо из „ожидающих приказаний“] заболеет, [больного] должен осмотреть врач, и если человек действительно болен, то [его] надлежит передать врачам и в соответствии [с их заключением], доложенным в вышестоящие инстанции, освободить от работы на определенный срок» (ст. 890).

Кодекс в отдельных случаях предусматривает процедуру смены дежурств «ожидающих приказаний». Производили смену служащих и прислуги чиновники двора в должности «передающих приказы»: «Когда производится смена находящихся на очередном дежурстве государевых посыльных из Тронного зала, прислуги жилых покоев государя, ведающих гардеробом государя, поваров, библиотекарей Императорской библиотеки, несущих службу в башнях на стенах, то [старые и новые дежурные] обязаны лично явиться к „передающему приказы“ во внутренних дворцовых покоях по их принадлежности и [те] должны произвести смену дежурств» (ст. 859). Сменяющийся с дежурства «ожидающий приказаний» должен был лично явиться к «передающему приказы» с пропуском на руках и покинуть внутренние дворцовые покои только с его ведома. Самовольный, незафиксированный уход был наказуем. Точно так же и его сменщик обя-

зан был явиться с пропуском только после доклада о своем прибытии на дежурство (ст. 860).

Все «ожидающие приказаний», все «лица, выполняющие какую-либо работу во внутренних помещениях, все смены, сколько их есть, должны быть зарегистрированы управлением внутренних жилых дворцовых покоев, которое обязано знать каждого, его фамилию и имя, составить на него документ и передать [документ] караульным, для того чтобы [те] могли опознавать [этих людей] при допуске [их во внутренние жилые покои государя]» (ст. 873). Все сменившиеся с дежурства, все посторонние не могли находиться во внутренних дворцовых покоях, тем более оставаться там на ночь, «располагаться на ночлег во внутренних дворцовых покоях или же укрываться ночью в проходах [дворца]» (ст. 876). Все «ожидающие приказаний», а также родственники государя и его советники, не имея пайцзы или железных стрел, не должны были во время поездок по стране забирать у населения транспортных животных (ст. 985).

Все эти законы, относящиеся к деятельности «ожидающих приказаний», с нашей современной точки зрения не более как правила внутреннего распорядка или какой-либо дисциплинарный устав. Но они были связаны с важнейшей фигурой средневекового государства — его императором, с обеспечением жизнедеятельности государя и его охраной. Поэтому в средневековом праве, в частности в тангутском, они были столь же важны, как и иные разделы права, содержащие нормы права, уголовного или гражданского. Не случайно именно этим правилам и связанным с их нарушением мерам наказания отведена целиком 12-я глава кодекса.

Итак, государь правил страной через своих сановников и дворцовых служащих, которые имели прямой контакт с центральным аппаратом управления. Наиболее частыми формами этих контактов помимо личных бесед и обсуждений дел были подачи снизу вверх государю докладов, донесений, жалоб, прошений и сверху вниз — издание государевых указов.

Поступление докладов регулировалось специальными чиновниками — «ведающими докладами». Если доклад принимался в Тронном зале и государь восседал на троне, то докладывающего вводил в зал церемониймейстер. Государь мог принять докладывающего и не в Тронном зале. В этих случаях докладывающий «должен был вступить в контакт с „передающим приказы“ во внутренних дворцовых покоях и только после этого препровожден [для доклада]». Ожидать пропуска и аудиенции приходилось долго, иногда «несколько дней [докладывающий] должен был сидеть в помещении управления [аудиенций]... Кто и в какое время сможет быть допущен во внутренние [покои], определяется „ведающим докладами“ [управления] аудиенций. [Подателей докладов] следует перечислить поименно, [после чего они] и могут

быть допущены [к государю]. Запрещается входить во внутренние [покои государя] не вовремя и в нарушение существующего порядка» (ст. 863). «Во время докладов государю должностные лица любого управления, подающие доклад — непременно те, кого вызвали,— должны находиться в Средних дверях. [Они] обязаны [сначала] согласовать дело с „ведающими докладами" государю, а [затем] пункт за пунктом изложить [свой] доклад [государю]. Если же закон будет нарушен, то [виновные подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 866).

Подача жалоб непосредственно государю была привилегией немногих. Это были «мудрые и сильные из хозяев, несправедливо обиженные высшими чиновниками», начальники управлений, «передающие приказания», «ожидающие приказаний», близкие к особе государя. Прочие в соответствии с законом должны были подавать жалобы только чиновникам [8].

Податель жалобы чиновнику не имел права входить вслед за должностным лицом в дворцовую приемную документов и тем более «стоять у резиденции государя». За нарушение этого правила наказывался как податель бумаги, так и должностное лицо, которое вело его дело. «Если должностное лицо предупреждало [подателя бумаг]: „Ты не имеешь права приходить!" — и не заметило, что [податель бумаг] пришел, то [оно] наказанию не подлежит» (ст. 615).

Приказы и предписания государя, переданные любому управлению, незамедлительно должны были быть доставлены туда, куда они были адресованы и где их следовало ввести в действие. Любые задержки были наказуемы в зависимости от важности, срочности приказа и сроков его задержки (ст. 557).

Вся исполнительная власть была рассредоточена по управлениям, описание правил деятельности которых также занимает большое место в «Измененном и заново утвержденном кодексе».

2. Центральный аппарат управления

Аппарат управления тангутского государства был организован по китайскому образцу. Об этом нам уже приходилось писать [9]. Полный перевод кодекса существенно пополняет наши сведения об организации государственной власти у тангутов, об их аппарате экономического, идеологического и физического принуждения, подчинения воли подвластного воле властвующего [10].

[8] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 53.

[9] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 108—115.

[10] *Королев А. И., Мушкин А. Е.* Государство и власть.— Правоведение. 1963, № 2, с. 18.

В центральном аппарате Си Ся было принято разделение на гражданские и военные органы управления. Высшая исполнительная гражданская власть возглавлялась Главным императорским секретариатом по управлению гражданскими делами (кит. «чжуншу» [11]), высшая исполнительная военная власть — Главным управлением военных дел (кит. «шуми» [12]). Только эти два управления, что естественно, по субординации управлений относились к управлениям первого (высшего) класса (ст. 675). Оба эти управления были созданы по образцу соответствующих северосунских Чжуншумынся и Шумиюань. В Китае главы этих управлений были членами Государственного совета и именовались представителями «двух властей», «лян фу». Чжуншушэн был какое-то время высшим органом гражданской власти при династии Тан.

Основной задачей Главного императорского секретариата в танском Китае было составлять и редактировать императорские указы о назначениях на должности, о смещениях с должностей, амнистиях и т. п. Делом чиновников (скорее, сановников) Чжуншу было «помогать сыну Неба руководить великими правительственными делами» [13]). Как мы видим из предисловия к кодексу, в тангутском государстве главой Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами в середине XII в. был северный ван Нгвеми Тхиндзиву, один из великих князей, а высшими чиновниками секретариата были еще три члена императорской фамилии.

Штат высших чиновников Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и Главного управления военных дел был невелик. В секретариате было шесть главных начальников, именовавшихся «совершенномудрый», «сведущий во всех делах», «способный наблюдатель», «умеющий решать дела», «помощник», «уведомляющий», и шесть чиновников в должности «передающий приказы» [14]. В Главном управлении военных дел также было шесть главных начальников, именовавшихся «дающий отпор врагу на юге», «прочная опора севера», «призывающий [к покорности жителей] запада», «отражающий врага на востоке», «помощник» и «ведущий учет», и шесть «передающих приказы» (ст. 690). Столоначальников [15] в секретариате было семь, в военном управлении — четырнадцать; делопроизводителей [16] в секретариате — сорок два, в военном управле-

[11] См.: *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles, с. 192, № 1606.

[12] Там же, с. 436, № 5447.

[13] *Maspero H., Balazs Et.* Histoire et institutions de la Chine ancienne. P., 1967, c. 182.

[14] О кит. «чэн чжи» см.: *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles, с. 126, № 463.

[15] О кит. «дуань», «начальник стола», см.: *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэйкю. Т. 1. Токио, 1964, с. 215.

[16] О кит. «аньтоу» («аньшоу»), «тот, кто сидит за столом», см. там же.

нии —сорок восемь (ст. 692). В Главном императорском секретариате и Главном управлении военных дел все старшие начальники сидели отдельно друг от друга, каждый в своем помещении (ст. 703).

Эти два управления находились при дворце. Часть их штата размещалась во внутренних дворцовых покоях, т. е. прямо при императоре, часть тоже при дворце, но вне внутренних дворцовых покоев. «Что касается Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и Главного управления военных дел, то, кроме тех должностных лиц [этих управлений], которые имеют дела во внутренних дворцовых покоях и находятся там в соответствии с существующими правилами, прочие [должностные лица этих управлений], те, через которых проходят документы, должны находиться за теми воротами, которые служат для проезда экипажей, и [им] запрещается заходить внутрь дворцовых покоев. Тот, кто заявил, что [его] призывают явиться с докладом или что [он] должен получить какие-то разъяснения либо произвести допрос, обязан обратиться к старшему должностному лицу охраны. Если [таковой] может получить пропуск и имеет право входить [во внутренние дворцовые покои], то [он] должен быть допущен [туда], а когда [он] закончит допрос или разговор, то обязан выйти обратно» (ст. 869). За явкой на службу чиновников Главного императорского секретариата и Главного управления военных дел следило управление аудиенций (ст. 842). Оба высших правительственных исполнительных органа страны обязаны были систематически обмениваться информацией (ст. 678).

Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами и Главное управление военных дел осуществляли конкретное руководство механизмом государственного управления через специальные органы, именуемые управлениями — термином, который для названия аналогичных органов власти был известен в Китае при династиях Тан и Сун [17]. По их назначению эти управления можно объединить в несколько групп (ст. 675, 676).

А. Дворцовые управления, связанные с обслуживанием дворца, лично государя. Аппарат управления при императоре:

1. управление императорской гвардии
2. управление императорского города
3. управление внутренних спальных покоев императорского дворца
4. управление императорской кухни

---

[17] *Maspero H., Balazs Et.* Histoire et institutions de la Chine ancienne, c. 185–187; *Kracke E. W.* Civil Service in Early Sung China. 960—1067. Cambridge, Mass., 1953, c. 39—40; *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles, c. 440—441, № 5533.

5. управление хранения документов и донесений
6. управление церемониалов
7. управление докладов
8. управление, ведающее прислугой императорского дворца
9. управление загородных императорских резиденций и походных ставок
10. финансовое управление загородных резиденций императора и его походных ставок Южного двора
11. управление финансовой администрации Западного двора
12. бюро медицины.

Б. Управления, ведавшие делами культов:

1. управление доблестных и заслуженных, ведающее делами буддийской сангхи
2. управление доблестных и заслуженных, ведающее делами покинувших семью (т. е. ставших монахами)
3. управление доблестных и заслуженных, ищущих спасения в дхарме.

В. Управления, связанные с руководством экономикой страны:

1. финансово-налоговое управление
2. единое транспортное управление
3. управление транспортных перевозок на границах и внутри страны
4. управление скотоводства
5. управление земледелия
6. управление приема и хранения государственных запасов
7. бюро управления мастерскими всех классов
8. управление коневодства
9. управление финансовой администрации Шачжоу
10. управление строительных работ
11. управление мастерских по обработке золота
12. управление шелкоткачества
13. управление, ведающее производством украшений
14. управление железоделательных мастерских
15. управление мастерских по обработке дерева
16. управление мастерских по изготовлению бумаги
17. управление гончарных мастерских
18. управление мастерских по изготовлению экипажей.

Г. Военно-полицейская служба:

1. военно-полицейские управления в пограничных и внутренних районах страны.

Д. Подбор и подготовка кадров чиновников:

1. управление, ведающее отбором людей [на службу].

Е. Верховные судебные органы:

1. управление юстиции.

Ж. Культурно-просветительские органы:

1. бюро по составлению исторических хроник
2. управление книгопечатания
3. управление музыкантов — исполнителей тангутской и китайской музыки
4. управление тангутской и китайской высших школ.

З. Управления особо важных районов страны:

1. управление столичного департамента
2. управление генерал-губернаторства («дадудуфу»)
3. управление города и области Силян
4. управление города и области Ганьчжоу
5. управление пограничных городов.

И. Управления ревизии и контроля:

1. цензорат («юйшитай»)
2. единое управление ревизии и контроля.

Цензорату и его органам принадлежала важная и особая роль в управлении страной. Они проводили все ревизии материально-финансового учета, продвижения дел и т. п., следили за деятельностью чиновников, изучали состояние дел на местах. Наличие цензората и связанных с ним контрольных органов. Е. Кракке расценивал как «очень близкую китайскую параллель конституционному разделению властей» [18], т. е. как особое выделение власти контрольной, отделение ее от власти законодательной и исполнительной, хотя на деле это было и не совсем так, ибо контролю подлежали только органы власти исполнительной.

Тангутские управления по их значимости были разделены на пять классов: высший (первый), следующий (второй), средний (третий), низший (четвертый) и последний (пятый) (ст. 675).

В данном перечне нет управлений, прямо связанных с армией, за исключением военно-полицейских. Главное управление военных дел осуществляло свою деятельность через военные комиссариаты («цзинлюе»), во главе которых стояли военные комиссары («цзинлюеши»). Военные комиссариаты занимали особое положение в системе управлений — они считались «стоящими на одну ступень ниже Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и Главного управления военных дел, но более важными, чем все прочие управления» (ст. 677), т. е. были фактически выше по статусу и важнее любого управления вообще. Военные комиссариаты также имели в своем ведении разные управления. Сам институт комиссаров

[18] *Kracke E. W.* Civil Service in Early Sung China, c. 33.

(«ши») появился в танском Китае. Вначале это были чиновники, которые высылались как представители императора для разового инспектирования района, обычно неблагополучного. Комиссары принимали экстренные меры по наведению порядка и докладывали о них императору. От их назначения «умиротворить», «успокоить», «инспектировать» в период тяжелых для династии Тан войн с тибетцами (VIII в.) и возник институт комиссаров, одними из которых и были «цзинлюеши», «комиссары по руководству военными делами», «военные комиссары» [19].

Военные комиссары были обязаны постоянно информировать Главное управление военных дел и Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами о состоянии вверенных им районов, а также регулярно обмениваться информацией и между собой (ст. 679). Правило обмена сведениями в ходе текущей работы касалось всех управлений вообще: управления низшего класса сообщали о своей деятельности в управления высшего класса, управления одного класса ставили в известность друг друга о всех наиболее важных делах.

Все управления имели определенный установленный штат чиновников и служащих, должности которых были стандартны для всех управлений, но число которых в разных управлениях было неодинаково.

В управлениях все чиновники — начальники и подчиненные — сидели вместе (ст. 703). По субординации, сверху вниз, в любом управлении имелись следующие должности: начальник управления (его глава), «передающий приказы», «выносящий решения», столоначальник, делопроизводитель, приказный [20], тюремный надзиратель, рассыльный. Должности от начальника управления до столоначальника были чиновничьи. Начальнику управления принадлежала высшая власть. Если он был неграмотен, то при нем возрастала роль «передающего приказы». Вообще в повседневной работе управления те или иные дела часто решал как раз «передающий приказы», и только когда его не было на месте, это делал лично начальник управления [21].

Делопроизводители и приказные должны были всегда быть в управлении: «В любом управлении, в зависимости от общего числа приказных, [они] по одному или по двое должны поочередно находиться в управлении, быть всегда в курсе разных гражданских и военных дел, принимать и распределять государевы скот, зерно и имущество, ожидать прибытия документов со срочными распоряжениями, а когда такие документы поступят, то передавать [их] должностным лицам и незамедлительно обращать

---

[19] *Maspero H., Balazs Et.* Histoire et institutions de la Chine ancienne, с. 246—247.

[20] Кит. «сыли». См.: *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles, с. 451, № 5691.

[21] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 45—46.

[на эти документы] их внимание, наблюдать за смотрителями управления, теми, кто обслуживает помещения управления, и юаньцзы [22] и распределять между ними работу, а также охранять [управление]» (ст. 1439). За упущения по службе приказные наказывались палками или каторжными работами на срок до 3 месяцев. То, что в тексте статьи нет обычной дилеммы «имеющий ранг получает такое-то наказание, а не имеющий ранг — такое-то», свидетельствует о том, что приказные, как «сыли» или «ли» в Китае, не имели рангов. Решение по делу, бывшему в компетенции данного управления, мог в зависимости от важности дела принять начальник управления, «передающий приказы», «принимающий решения». Столоначальники (они оформляли документ с решением), делопроизводители и приказные не имели права принимать решения (ст. 562). Срочные сообщения передавались начальнику управления, а в его отсутствие — «передающему приказы» и «выносящему решения» (ст. 636).

Приказные, клерки в западноевропейских переводах, в эпоху Сун были «посредниками между чиновниками и народом» [23]. Приказные не принимали, как чиновники, решений, но были знатоками деталей административного дела, в частности законов и их применения. В Китае, например, высшие чиновники в ведении дел нередко даже зависели от клерков [24]. Сила клерков-приказных часто заключалась в том, что они были местными уроженцами, знали местные условия и сидели на одном месте, тогда как чиновников перемещали с одной должности на другую, из одного района в другой, поэтому, как писал один автор тех лет, «их посты — гостиницы на большой дороге». В глазах простых просителей «клерки были сильны, а чиновники слабы» [25].

Управления имели свои помещения — здания или комплекс зданий. Их строили за счет налоговых поступлений, ремонтировали и расширяли за счет штрафов за взятки и доходов от подведомственного управлению скота или за счет средств, отпускавшихся сверху (ст. 1425). Здания управлений круглосуточно охранялись. «Если смотрители в управлениях и те, кто обслуживают постройки и дворы в управлении, в порядке очередности в каком-то числе находятся на дежурстве в управлении, то ночами [они] обязаны следить за надписями, имеющимися на зданиях управления, и за прочим, представляющим ценность

[22] Возможно, «юаньцзо» — служащие, имевшие низкие ранги или не имевшие ранга. См.: *Hucker Ch. O.* Dictionary of Official Titles, с. 595, № 8219, с. 597, № 8247.

[23] *Liu Y. T. C.* The Sung Views on the Control of Government Clerks.— Journal of Economic and Social History of the Orient. 1967, vol. 10, pt II–III, с. 317.

[24] Там же, с. 332.

[25] Там же, с. 336—337.

[имуществом], которое там имеется» (ст. 1438). За каждым управлением было закреплено определенное казенное имущество, при многих управлениях были тюрьмы для содержания арестованных (ст. 1224, 1225). Управление могло в целях получения дохода вести торговлю казенным имуществом, закрепленным за ним, или давать его в долг под проценты (ст. 1222). Это же имущество и доходы с него шли на нужды чиновников, «подлежало использованию чиновниками». Имуществом управляли интенданты, назначенные начальником управления в различные хозяйства. Непосредственное распределение имущества и доходов с него было обязанностью «передающего приказы» управления (ст. 1223). Все имущественные операции управления контролировались вышестоящими инстанциями.

При поступлении в управление имущества или зерна в больших количествах начальник управления и «передающий приказы» были обязаны лично осмотреть его. Если имущество или зерно передавалось на склады, то управление, его чиновники несли за него материальную ответственность вплоть до полной его передачи администрации склада, которая уже затем принимала всю ответственность на себя (ст. 1246).

Для каждого управления был утвержден законом штат должностных лиц. Больше всего высших чиновников — главных начальников и чиновников в должности «передающий приказы» — было в управлении столичного департамента и управлении императорской гвардии — по 8 человек; в прочих управлениях — по 6 человек и менее (ст. 690). Столоначальников в разных управлениях было от 10 до 1, делопроизводителей — от 60 человек до 2 (ст. 692). Таким образом, штат чиновников в управлении, где было много служащих, в таком, как, например, управление столичного департамента, был равен 50 человекам. Это были лица, имеющие ранги и, возможно, частью державшие экзамены. Отбор на службу лиц, выдержавших экзамены, упоминается для тангутского государства в китайских источниках [26]. В исследуемом кодексе сведений о действии в Си Ся экзаменационной системы нет. Возможно, она была введена позже середины XII в. и не играла большой роли при назначении на службу. В идеале чиновник должен был быть грамотен и уметь владеть оружием — например, столоначальников назначали «из числа людей способных, умеющих обращаться с оружием, грамотных и знающих законы» (ст. 693). При прочих равных условиях на должность назначался тот, кто был крепче физически и имел привилегии по происхождению (ст. 294).

Принцип продвижения по службе был таков: на вакантную должность (в данном случае мы не принимаем во внимание ин-

---

[26] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 113.

ституты наследования должностей и кандидатства на должность, о которых будет сказано ниже) назначался или способный и справляющийся с делом чиновник того же самого управления, в котором открылась вакансия, или чиновник, занимающий ту же должность, что и вакантная, но в управлении более низкого класса, либо более низкую должность, чем вакантная, но в управлении более высокого класса. Например, если была вакантная должность столоначальника в управлении внутренних дворцовых покоев (управление второго класса), то на нее мог быть назначен делопроизводитель этого же управления, делопроизводитель из вышестоящего управления (в данном случае Главного секретариата) и столоначальник из какого-либо управления третьего класса. «При появлении необходимости назначить столоначальника... в военный комиссариат... по выяснении [сути] дела [на эту должность] следует назначить [человека], способного справиться с делами данного управления, которые связаны с деньгами, зерном и военной службой» (ст. 693). В соответствии с указанным порядком могли быть назначения и через должность в управлениях разных классов: при такой последовательности должностей от высших к низшим — столоначальник, делопроизводитель, приказный — приказный управления первого класса мог быть назначен столоначальником управления третьего класса (ст. 693). «Столоначальники управлений пятого (последнего) класса назначаются из старших делопроизводителей своего управления и управлений четвертого (низшего) класса, приказных управлений второго (следующего) класса, временно исполняющих обязанности делопроизводителей и старших столоначальников, из приказных управлений третьего (среднего) класса, временно исполняющих обязанности столоначальников» (ст. 693). То же правило действовало и при замещении других, более низких должностей (ст. 494, 495). Всякое назначение производилось только с ведома вышестоящих инстанций: «Лицу, состоящему на службе в любом управлении, запрещается без доклада в вышестоящие инстанции, не руководствуясь законом, самовольно назначать любого человека на должность в управление» (ст. 1418). Таким образом, чиновник двигался вверх, переходя с должности на должность или в пределах своего управления либо управлений своего класса, или из управления более низкого класса в управление более высокого класса. Фактическое его положение зависело от класса управления, в котором чиновник служил, и от занимаемой должности. Столоначальник управления четвертого класса и делопроизводитель управления третьего класса, имея разные должности, фактически были равны по своему служебному положению. Отметим попутно, что наличие понятия «класс» управления, как правило, не учитывается в работах по китайской средневековой администрации.

Среди чиновников, равных по должности, старшим считался тот, чей ранг был выше, при равенстве рангов и должностей — тот, кто имел ранг гражданский, а не военный, а при абсолютном равенстве рангов и должностей — тот, кто был старшим по возрасту. При равенстве в служебном положении, если один из двух чиновников оказывался родственником государя, то он считался старшим по положению (ст. 705). Примат гражданской службы над военной был характерен и для сунского Китая [27].

В таком многоплеменном обществе, как тангутское, важно было и соподчинение по национальному признаку. При неравенстве должностей, независимо от национальности, старшим считался тот, кто был старше по должности: «Если тангут, китаец, тибетец, уйгур служат вместе и если [они] занимают неодинаковые должности и исполняют разные поручения, то их субординация (букв. „сидение") определяется в соответствии с установленными правилами: в зависимости от занимаемого каждым положения». При равенстве должностей, даже в случае разницы в имеющихся рангах, старшим считался тангут: «Когда [они] исполняют одинаковое дело и занимают равные должности, независимо от величины рангов [этих должностных лиц] тангут должен считаться старшим. Если закон будет нарушен, то [виновный подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 704). Чиновники-китайцы были обязаны носить на службе головные повязки по китайскому образцу (ст. 844). За соблюдением этих правил субординации следили специальные чиновники, инспектора церемониалов: «Если же [инспектора церемониала] обращали внимание [должностных лиц] на необходимость [соблюдать] правила, а [должностное лицо], тангут или же имеющее высокий ранг, само отказалось [соблюдать установленный порядок], то [с виновного], имеющего ранг,— штраф 5 связок монет, а простому человеку — 10 палок» (ст. 704).

Чиновники получали за службу жалованье, чаще всего натурой. Мы не имеем в кодексе сведений о пожаловании за службу в кормление земель. Это в определенной мере отражало и порядок, установленный в Китае. С середины царствования династии Тан (VIII в.) раздача земель в качестве жалованья за службу стала утрачивать свое значение.

Тангутский чиновник (будь он тангут или иноплеменник) получал жалованье натурой (кормовые) и жалованье деньгами. Само понятие «жалованье» по-тангутски так и выражалось двумя словами — «жалованье-кормовые» [28]. Не сохранилась, к со-

[27] *Franke H.* Neue Staatengründungen in Ostasien, 906–1206. Basel — Wien, 1966 (Saeculum Weltgeschichte. 4), с. 512; *Fairbank J. K.* Wen and Wu: the Role of the Military in the Social Order.— Chinese Ways in Warfare. Harvard, 1974, с. 2—9.

[28] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 46.

жалению, статья 1265 главы 17, в которой, судя по оглавлению, речь шла «о хлебе, отпускаемом в качестве уплаты жалованья людям со складов». Жалованье давалось из «государева зерна, скота и денег», из имущества управления скотоводства и финансово-налогового управления, а также других управлений. Так мы имеем сведения о составе и размерах жалованья учетчикам-ревизорам и следователям: «Жалованье старшим и младшим должностным лицам — тем, кто ведет учет и проверку [имущества] в больших армиях, учет и проверку скота, ведет следствия в случаях нарушения порядка и выполняет обязанности ревизоров,— назначается исходя из нижеустановленного. Включаемый в это жалованье скот, предназначенный на убой, выдается управлением скотоводства; остальная часть жалованья выдается финансово-налоговым управлением (саньсы). Если направляемый [для выполнения какого-либо дела] человек не имеет надобности отправляться в путь незамедлительно и не спеша получает пропуск и предписания, то то управление, которое его отправляет, заранее, в положенные сроки должно подготовить [все необходимое ему] из вверенного управлению государева скота, зерна, денег и иного имущества... Средства на сбор и хранение топлива и ламповое масло тем, кто ведет учет скота, проводит ревизию и расследует случаи нарушения закона, и средства на бумагу ревизорам, ведущим учет армейского [имущества], должны быть выданы должностными лицами финансово-налогового управления в соответствии с законом о выдаче жалованья». Ревизоры и следователи получали: начальники групп — одну тушу мяса на десять дней, риса и муки четыре шие (2,4 л) в день. Инспектор и прочие должностные лица получали одну тушу мяса на пятнадцать дней и один шие (0,594 л) риса в день. Учетчики получали: начальник группы — одну тушу мяса на семь дней и четыре шие риса и муки в день, в том числе риса один шие. Инспектора и прочие учетчики получали то же жалованье, что и ревизоры и следователи. Прислуга этих лиц и мелкие служащие — отроки, экзекуторы, оруженосцы и т. п.— мяса не получали, а получали по одному шие риса в день (ст. 1449). Собственно, все это было в нашем современном понимании не жалованье, не зарплата, а командировочные, вероятно, действительно дополнительное содержание на время поездок в отдаленные районы страны.

Есть в кодексе сведения и о размерах жалованья деньгами служащим складов. Интенданты и старшие начальники складов получали по 300, кладовщики — по 200, ключники — по 100, приказные и рабочие складов — по 70, неясно только, монет в день или связок монет в какой-то срок (месяц, год?) (ст. 1264).

Неявка по назначению на должность или отсутствие на службе по неуважительным причинам карались штрафом, выплачиваемым железом, а также палками и каторжными работа-

ми. Старшие чиновники за 3—4 дня отсутствия на службе платили штраф в размере 10 лдиэ (около 6 кг) железа, за отсутствие на службе в течение месяца получали 3 года каторжных работ, за неявку на службу на срок более месяца лишались должности (ст. 629). Для неявки на службу на любой срок нужно было разрешение. На срок до 10 дней его давало старшим чиновникам любого управления управление аудиенций, а на срок свыше 10 дней — только Главный секретариат. Низшие чиновники могли просить отпуск у начальника своего управления на срок до 20 дней. Если речь шла об освобождении от службы на срок больший чем 20 дней, то следовало обращаться в Главный секретариат (ст. 632). В любых случаях старшие начальники обязаны были выяснить, в чем дело, и определить допустимый срок освобождения от работы (ст. 632). В случае явного тяжелого заболевания чиновника или смерти его родителей или близких родственников дело об отпуске на срок в пределах 5 дней решалось на месте в управлении, а отпуск в пределах 15—20 дней чиновнику, не имеющему в управлении равных ему по должности, предоставлялся вышестоящими начальниками (ст. 635).

По китайскому образцу в тангутском государстве существовало правило сменяемости чиновника в данной должности раз в три года, хотя, естественно, такое правило не было универсальным. «После завершения полных трех лет службы подлежат замене: „передающие приказы" в Главном императорском секретариате по управлению гражданскими делами и в Главном управлении военных дел; начальники и „передающие приказы" всех управлений; префекты (цыши) армейские командиры... столоначальники всех управлений» (ст. 624). Не подлежали замене по истечении трехлетнего срока службы начальники Главного секретариата и Главного управления военных дел, делопроизводители и приказные всех управлений, чиновники бюро по составлению исторических хроник, бюро медицины, управления, ведающего музыкантами, все мастера. Всегда обсуждался вопрос о замене столоначальников любых управлений. Допускались и повторные назначения на ту же должность (ст. 624, 696, 697, 627).

Если чиновник в течение трех лет службы не совершал служебных проступков, не участвовал в разных предосудительных делах и проявлял преданность делу, то смена должности сопровождалась выдачей награды — серебром, чаем, шелком, повышением в ранге (ст. 625), в должности (ст. 693). Соответственно при наличии проступков награда могла быть уменьшена или ее не давали совсем (ст. 626).

Аттестация чиновников раз в три года преследовала не только выявление личных качеств чиновника; она была задумана и как преграда сложению стойких групп бюрократии, связанных

круговой порукой. Однако можно полагать, что эффективность этой системы резко снижалась не только невозможностью заменить специалистов, сопротивлением тех, кто сидел на хороших местах, но и таким институтом, как наследование должностей и кандидатство на должность.

3. Наследование должностей и кандидатство на должность

Передача должностей по наследству существовала в практике тангутской бюрократии, гражданской и военной, еще до введения в силу «Измененного и заново утвержденного кодекса». Уже в «Яшмовом зеркале» говорится о передаче должностей и рангов по наследству [29]. Наследование должности покойного его прямыми потомками по мужской линии, его сыновьями, или братьями было настолько само собой разумеющимся делом, что оно даже не декларировалось в кодексе как таковое. Речь шла лишь о случаях, связанных с возможным ограничением наследования или отсутствием прямых наследников.

Наследовать должность был обязан прямой наследник, старший в роде: «В [нашем] государстве среди сыновей ранги и кандидатство на должность [30] должны наследовать старшие в роде. Передавать по наследству [ранг и должность] младшим в роде запрещается. Если закон будет нарушен и [ранг и должность] наследует младший в роде, то [виновный подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Ранг и кандидатство на должность должны были быть переданы старшему в роде. Если же старший в роде добровольно согласен [уступить свое право на наследство ранга и должности другому], то ему разрешается передать [их] кому-либо из пятерых кровных родственников — отцу, дяде по отцу, брату, сыну-племяннику или внуку, [независимо] от того, имеет кто-либо из них или нет такое же кандидатство на замещение должности» (ст. 638).

Если умирал служащий склада, запустивший до этого руку в казну, то в том случае, когда «сыновья и братья умершего преступника жили с ним одной семьей, [им] разрешалось наследовать [покойному] и занять его должность», возместив, однако, при этом причиненный казне ущерб. Более того, если сыновья умершего жили отдельно от отца и не желали занимать его

---

[29] «Яшмовое зеркало», гл. III, инв. № 3481, с. 10б.

[30] Тангутский термин, который мы переводим как «кандидатство на должность», возможно, передает китайское слово «чао», «копировать», «дублировать», употребленное в китайских источниках при описании набора в армию Си Ся.

должность, то их нельзя было «заставить занять должность на складе и возместить причиненный ущерб» (ст. 1257).

Если кто-либо из «ожидающих приказаний», например постельничий, был переведен в число чиновников, то его «наследникам, сыновьям и братьям, запрещается оставаться в числе кандидатов на должности прислуживающих во внутренних покоях государя и [они] [тоже] должны войти в число чиновников» (ст. 645). «Что касается [должностных лиц] всех категорий, умерших бездетными, чей род пресекся, у которых нет наследников [их] ранга и кандидатов на [их] должность, то в таких случаях... следует поступать на основании нижеустановленного»: лицу из числа «ожидающих приказаний», умершему бездетным, могли наследовать его отец, дядя по отцу, братья, племянники и внуки, если они принадлежали к той же категории населения и к тому же гвону, что и умерший. Более отдаленные родственники не могли стать наследниками умершего бездетным «ожидающего приказаний», но им взамен давали кандидатство на другую должность (ст. 643).

В тексте статьи 1266, которая, к сожалению, не сохранилась, судя по указателю, речь шла о взимании налога за право наследования сыновьями и братьями умерших чиновников важных должностей. Наследование влекло за собой и обязанность не только возмещать убытки, причиненные казне умершим чиновником, но и в некоторых случаях исполнять его должность тогда, когда он был осужден на каторжные работы. Так, если управляющий пастбищами получал какой-то срок каторжных работ, но не был при этом лишен должности, «временно вместо него его обязанности должен исполнять [его] сын или брат» (ст. 1392).

С порядком наследования должностей был тесно связан институт кандидатства на должность — принцип, согласно которому на каждую должность, занятую кем-либо, существовал гласный кандидат, готовый занять ее в случае образовавшейся по разным причинам вакансии. Возможно, по своему происхождению кандидатство на должность было связано с порядком набора в армию, когда военнообязанные составляли пары, из которых один шел на действительную службу, а другой был запасным. Этот институт дублерства с армейской службы был, вероятно, перенесен на гражданскую, и прежде всего в сфере обслуги императора, где функции охраны государя и государственного управления были переплетены тесным и неразрывным образом. Кандидатство отличалось от наследования должностей тем, что кандидат совсем не обязательно был связан родственными узами с тем, на чью должность и службу он на всякий случай готовился. Кандидаты сами могли занимать другие, более низкие должности и нести свою службу. «Тех, кого готовят на должность постельничих в жилых покоях, включают в число служа-

щих внутренних спальных дворцовых покоев; тех, кого готовят на должность устроителей аудиенций, включают в число государевых посыльных, служащих внешних дворцовых покоев» (ст. 362). Механизм кандидатства действовал так: если был наследник или близкий кровный родственник, то он получал вакантную должность, если его не было, то кандидат — неродственник. Малолетний наследник, неспособный занять должность, назывался «лежачим» кандидатом на должность. Пока он подрастал, за него служил другой. Принцип пригодности к выполнению данной работы мог быть предпочтительнее прямого родства: «Когда [„лежачий“ кандидат на должность] вырастет, он должен занять свою должность. Если в числе таких [кандидатов] есть сыновья делопроизводителей и приказных, старшие в роде, но неграмотные, и если имеются такие же кандидаты на должность, младшие в роде по степени родства, но грамотные, то [именно] грамотные должны наследовать ранг и кандидатство на должность делопроизводителя или приказного. Если же закон будет нарушен и тот, кто мог наследовать ранг и кандидатство на должность [делопроизводителя и приказного], не наследует [их], то тот, кто наследовал, и тот, кто должен был наследовать, [подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Наследовать кандидатство на должность может только тот, кто должен [его] наследовать» (ст. 365).

Будущих кандидатов предписывалось учить. Детей чиновников в возрасте от 7 до 20 лет, не всех, а по выбору, направляли на учебу. Такое обучение было бесплатным. Способные ученики, «независимо от величины ранга, должны быть занесены в подаваемые по начальству списки. Они все входят в число кандидатов на чиновничьи должности и зачисляются на службу» (ст. 662).

Кандидатом на должность, если кандидатство совпадало с наследованием должности, был в первую очередь старший в роде. Если прямого наследника не было, то им становился отец, дядя по отцу, брат, племянник (сын брата), внук, независимо от того, «имеет кто-либо из них или нет такое же кандидатство на замещение должности» (ст. 638), т. е. одно лицо юридически могло числиться кандидатом по меньшей мере на две должности. Передача права на кандидатство на должность старшим в роде младшему могла быть добровольной (ст. 638).

Кандидат-наследник на должность во внутренние дворцовые покои подлежал проверке. «Если кто-либо наследует кандидатство на должность прислуживающего во внутренних покоях государя, [должностного лица] в управлении аудиенций, то чиновник официальным документом должен засвидетельствовать, что перемещается действительно тот человек. [Кандидат] обязан явиться к чиновнику Главного императорского секретариата по

управлению гражданскими делами или Главного управления военных дел, в зависимости от его принадлежности к гражданскому или военному ведомству, и если советник лично убедится в том, что данный человек грамотен, умеет стрелять из лука, знает церемониал, физически здоров, чистого происхождения, умеет владеть оружием, способен и может наследовать кандидатство на должность, то [дело] передается знающим и преданным [людям], затем следует назначить контролера, который произведет проверку дела и доложит [ее результаты] в вышестоящие инстанции. [Только после этого] кандидатство на должность может быть наследовано. Если же [кандидат на должность] неграмотен, не умеет стрелять из лука и не знает церемониала, глуп, нечистого происхождения или уродлив, то в случае открывающейся вакансии на должность [он] в соответствии с утвержденными правилами должностей должен быть лишен права на ее замещение» (ст. 646).

В случае большого числа мужских потомков у чиновников, занимающих важные должности,— восьми человек совершеннолетних и более — они разбивались на четыре группы по два человека, «после чего один из них должен быть оставлен в качестве кандидата на занятие важной должности». На лиц, которые могли бы получить право кандидатства на важную должность, давались характеристики, «внутренние и внешние отзывы», проверялись их деловые качества и устанавливалось, имеют ли они заслуги. Только после этого их утверждали кандидатами на важную должность (ст. 660). Случалось, что на одну чиновничью должность претендовали два кандидата. В таких случаях преимущественное право получал тот, кто был оформлен первым, особенно если уже прошел год с момента оформления его прав, или тот, кто уже фактически приступил к работе в унаследованной и занятой по праву кандидатства должности (ст. 661). Дела всех кандидатов на должности «ожидающих приказаний» проходили еще дополнительное оформление в управлении императорской гвардии (ст. 891).

Обычно кандидат занимал должность в случае смерти чиновника, кандидатом на должность которого он являлся. Кандидатство, как мы видели, было тесно связано с наследованием должности, по существу оно являлось формой, определявшей процедуру наследования чиновничьей должности. Судя по некоторым косвенным данным, кандидатство в каких-то случаях могло быть не связано с родством. Так, «ожидающий приказаний», дважды не явившийся без уважительной причины на дежурство, отстранялся от службы. После наказания палками такие люди переводились «в ближайшие воинские отряды, [где они пребывают] на одном положении с кандидатами [на должность], и только когда для равных им по положению кандидатов на должность и для служащих вспомогательных войск откроется

вакансия, [таковые] по особому распоряжению [снова] могут быть введены в число [служащих]» (ст. 826). Но такие случаи приравнивания к кандидатству, возможно, были исключением. Правилом скорее было то, что кандидатство на чиновничью должность получал тот, кто имел права наследника чиновника, занимающего ее.

Кандидат мог временно занять должность чиновника, если тот покушался на самоубийство (ст. 467).

У определенных категорий чиновников в случае совершения этими чиновниками преступлений их кандидаты лишались прав. Так, если совершал преступление и был осужден «ожидающий приказаний», то кандидат на его должность также лишался прав быть в числе «ожидающих приказаний» и входить во внутренние дворцовые покои (ст. 394). Это была своеобразная форма общесемейной ответственности, если учесть, что кандидатами на должность были прежде всего родственники. Возможно, это правило касалось только высших и важных должностей. Кандидат на должность тюремного надзирателя не терял прав на должность, даже если тюремный надзиратель из надзирающего за преступниками превращался в заключенного (ст. 582).

Наследование должностей и кандидатство на должности были институтом, хотя, очевидно, и бытовавшим в Китае, но не в столь ярко выраженных формах. Этот институт противостоял известной в Китае экзаменационной системе подбора чиновников, по самой сути которой знание должно было заменить родство или иные критерии подбора кадров. Мы уже писали выше, что система экзаменов не упоминается в кодексе. Поэтому наследование должностей мы вправе считать главным способом замещения чиновничьих должностей в тангутском государстве в XII в. Наследование и кандидатство на должность формировали замкнутое сословие чиновников, связанное родством и круговой порукой, что открывало путь бюрократической коррупции.

4. Гонцы с пайцзами и железными стрелами. Почтовые станции, мосты, дороги, переправы

В осуществлении управления страной из центра большую роль играла служба гонцов с пайцзами и железными стрелами. Все срочные дела и приказы передавались на места через этих гонцов, все особые полномочия и права сопровождались вручением пайцзы. Гонцы с пайцзой, пользующиеся почтовой службой или мчащиеся по бездорожью, были теми живыми нитями, которые постоянно связывали центр и окраины государства. Не случайно во дворце были специальные склады пайцз и железных стрел, этих символов власти, «слова и дела государя». Местонахождение таких складов держалось в тайне, и расспрос о том,

где хранятся пайцзы и железные стрелы, мог быть вполне квалифицирован как государственная измена (ст. 853).

Обычно пайцзы хорошо известны широкому читателю прежде всего по монгольской эпохе [31]. Именно тогда с ними впервые познакомились европейцы. Однако пайцзы — верительные бирки из разного материала, удостоверяющие личность гонца или дающие ему права, или бирки-свидетельства определенной власти — были известны на Дальнем Востоке с глубокой древности.

Гонец с пайцзой очень часто вез государев указ, а не только передавал устное распоряжение. По одному и тому же делу могла быть отправлена группа людей, и тогда, особенно если дело готовилось не спеша, пайцзу получал только один человек (ст. 961). Достоверность пайцзы подтверждалась старшим начальником или местным военно-полицейским управлением (ст. 993). Население тех районов, по которым проезжали гонец с пайцзой и сопровождавшие его лица, обязано было предоставлять ему средства передвижения. Даже должностное лицо, едущее по другому делу без пайцзы, в случае нужды обязано было отдать своего коня или верблюда тому, кто ехал с пайцзой (ст. 992). Личность гонца считалась неприкосновенной: «Если кто-либо, встретившись с держателем пайцзы, побьет [его] и откажется предоставить [ему] средства передвижения, то [виновный] подлежит смертной казни путем удавления» (ст. 962). Простой отказ дать средства передвижения — коня, верблюда, мула, осла и т. п.— карался 12 годами каторжных работ (ст. 963). За отказ дать транспортных животных лицам, сопровождавшим держателя пайцзы, которых он отправил с поручением, грозило наказание от 2 до 4 лет каторжных работ. Мера наказания зависела от активности сопротивления приказу (ст. 964, 974). Но в любом случае гонцу с пайцзой запрещалось первому поднимать руку на хозяина животных (ст. 974). Гонец с пайцзой не имел права за взятку или действуя лицеприятно не взять коня или иное транспортное животное у одного человека и заставлять другого отдать своего коня (ст. 977). Проходя по рынку, держатель пайцзы не должен был отбирать у хозяев коней, фураж, продовольствие, требовать, чтобы они выставили ему угощение. Любые такие поборы наказывались как «взятка с нарушением закона» (ст. 980).

Гонцу не давали хорошего казенного коня, которого он мог бы загнать до смерти. По закону гонцу «по мере надобности должны были предоставляться животные, принадлежащие любым частным лицам — [хозяевам] семей из народа, и принадлежащие государю животные из управления скотоводства. Выделять специально [для держателя пайцзы] государевых коней запре-

---

[31] *Банзаров Д.* Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов.— Собрание сочинений. М., 1955, с. 140–160.

щается». Только в случае крайней нужды гонец с пайцзой мог поймать и использовать боевого коня из государевых табунов. Для населения появление держателя пайцзы было бедствием и потому, что изъятые для его нужд и погубленные животные не оплачивались казной: «Если отправленный по делу держатель пайцзы, находясь в пути, загубит либо покалечит то транспортное животное, на котором [он] ехал, и оставит [его] пастуху либо другому человеку или сообщит, что [животное] пало и сведения об этом будут достоверны, то выплата компенсации [за загубленное или покалеченное животное] не производится. В том случае, когда среди этих [загубленных или покалеченных] животных окажется государево, [оно] должно быть списано» (ст. 965). Хозяин животного, если оно пало, имел только право на выручку от продажи мяса и шкуры, но если держатель пайцзы отклонился от указанного ему маршрута или поехал по своим частным делам и загубил животное, то он возмещал его стоимость (ст. 966, 973).

Гонцу с пайцзой определялся маршрут движения и время нахождения в пути. Время движения гонца определяло должностное лицо, которое его посылало. Оно «обязано было определить расстояние до места назначения и только тогда, если это возможно, установить срок». За проявленную в этом деле нерадивость или ошибку следовало наказание (ст. 991).

Гонец, получив приказ о выезде, не имел права задерживаться дома (ст. 979). Оправданным считалось лишь опоздание в случае засвидетельствованного властями заболевания гонца или травмы по причине падения с лошади (ст. 970). Расчет, особенно едущего со срочным поручением, велся на часы, и опоздание только на один час уже было наказуемо палками (ст. 967). Поэтому гонец мчался, не щадя себя и других. Если гонец вез приказ о срочном выступлении войск или мчался по делу, связанному с государственной изменой, то он за опоздание на один день (а опоздание на одиннадцать часов рассматривалось как опоздание на полный день — ст. 967) получал год каторжных работ, а за опоздание на пять дней подлежал смертной казни путем удавления (ст. 968). За опоздание с менее срочными приказами, например с приказом о мобилизации людей на строительные работы, были и другие меры наказания и за иные сроки опозданий. При дальних поездках могло быть опоздание на сорок дней и более, что наказывалось пожизненными каторжными работами (ст. 969).

В подорожной, выдаваемой гонцу, указывалось количество животных, которое он мог взять для выполнения задания, и количество людей, которых он мог требовать себе в помощь. Любые неоправданные конфискации скота и имущества держателем пайцзы рассматривались как «взятка с нарушением закона» (ст. 971), а за отвлеченных без основания от дела людей карали

более сурово, вплоть до смертной казни (ст. 972). Гонец с пайцзой наказывался за поломку пайцзы, потерю узды от коня, подорожной — документа на право брать транспортных животных (ст. 975, 976). За утерю пайцзы он подлежал смертной казни. Если пайцза была найдена до вынесения ему приговора, то он получал 5 лет каторги, а если после вынесения приговора, то 6 лет (ст. 995, 996). Пайцза по положению привязывалась к поясу гонца, чтобы было видно, какая у него пайцза — бронзовая или серебряная — и каковы его полномочия. Поэтому гонцу запрещалось намеренно скрывать пайцзу, «завязывать во что-либо пайцзу, закрывать лицевую сторону пайцзы бумагой, прятать пайцзу за пазуху». Наказание за сокрытие пайцзы — год каторжных работ, а если посыльный, «завязав во что-либо бронзовую пайцзу, заявит: „Я послан с серебряной пайцзой“ — и окажется, что [она] к поясу, [как положено], не привязана или оставлена дома, то [виновному]... 3 года каторжных работ» (ст. 978). Гонец с пайцзой не имел права во время поездки принуждать к сожительству жен хозяев тех мест, где он проезжал, хотя в случае совершения насилия он получал лишь 3 года каторги, а не больше, как простой насильник (ст. 987).

Смертная казнь ожидала гонца с пайцзой, если он потерял оповещение о выступлении войск и войска не прибыли к месту сбора в срок (ст. 997). Утрата пайцзы и приложенного к ней приказа или документа при столкновении с противником или грабителями, а также в случае наводнения или пожара каралась годом каторжных работ (ст. 999).

Пайцзы имели не все управления. Посылать гонца с пайцзой можно было только в экстренных случаях, таких, как нашествие противника, государственная измена, мобилизация и т. п., и лица, без нужды выславшие гонца с пайцзой, особенно имевшего большие полномочия, или лица, пославшие гонца с пайцзой, вообще не имея на то права, подлежали наказанию.

Из местных властей, гражданских и военных, гонца с пайцзой мог послать командующий армией, правитель округа («чжоу») или департамента («фу»), военно-полицейское управление (ст. 983). Уездные власти не имели права посылать гонца с пайцзой. Посылка гонца с пайцзой высокопоставленным чиновником по его личному делу наказывалась смертной казнью. При этом большой срок каторжных работ получали как сам гонец, согласившийся поехать по личным делам начальника, так и то лицо, которое оформило документы на поездку (ст. 984). Нельзя было давать гонцу документ на право брать в пути транспортных животных, если ему не давали одновременно и пайцзу. Только эти два документа — ибо пайцза тоже была документом, только из металла,— давали право на пользование в пути любыми транспортными средствами, частными и казенными, в особенности лошадьми и верблюдами (ст. 986).

Все чиновники и офицеры, кроме армейских командующих, не имели права угощать держателя пайцзы вином (ст. 990).

Любой человек, нашедший пайцзу и приложенные к ней документы, в течение десяти дней был обязан представить найденное государю. В награду он получал пять ливу (лан) серебра и парчовую накидку. Промедление, приведшее к тому, что пайцза и документы были отданы властям позже чем через десять дней, каралось годом каторги. Утайка находки означала хищение пайцзы и наказывалась смертной казнью (ст. 1000).

Гонцы посылались и с железной стрелой. Держатель железной стрелы упомянут в кодексе трижды (ст. 975, 976, 985). Во всех указанных случаях права и обязанности лиц, имевших при себе пайцзу, и лиц, имевших при себе железную стрелу, были одинаковы. Поэтому мы не в состоянии сказать, чем держатель пайцзы отличался от держателя железной стрелы и каково было специальное назначение вестников с железными стрелами. Стрела как символ объявления войны или извещения о начале военных действий была известна у многих народов. Из китайских источников мы знаем, что тангуты посылали стрелу тому, кого хотели получить в союзники в предстоящей войне. Стрелу ломали при заключении мирного договора [32]. Возможно, что рассылка гонцов с железными стрелами была связана именно с военными делами.

Вернемся к тангутским пайцзам. У тангутов были в употреблении те же серебряные пайцзы, которые известны и у киданей, и у чжурчжэней, а в Китае вошли в практику при династии Тан. Серебряные пайцзы у тангутов упоминаются в китайских источниках [33]. Были и золотые пайцзы. Держатель золотой пайцзы, правитель области Сучжоу, упомянут в тангутском документе из Хара-Хото [34].

До наших дней сохранилось около десятка тангутских пайцз. Часть их опубликована [35]. Все известные нам тангутские пайцзы бронзовые. Большая бронзовая пайцза имеет следующий вид. Основу пайцзы составляет правильный полированный бронзовый круг с возвышающимися округлыми бортами. Сверху к кругу прикреплена квадратная дужка с округлыми внешними краями и квадратным отверстием внутри, за которую пайцзу можно было прикреплять к ремню или поясу. На лицевой стороне пайцзы —

---

[32] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 77.

[33] *Дай Сичжан.* Си Ся цзи. Пекин, 1924, гл. 11, л. 7б.

[34] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 8185. Публикацию и исследование см.: *Кычанов Е. И.* Докладная записка помощника командующего Хара-Хото (март 1925).— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1972. М., 1977, с. 139—145, ил.

[35] *Ван Цзинжу.* Си Ся яньцзю. Ч. 1. Пекин, 1932, табл. 1. и сл.; *он же.* Си Ся вэнь му хо цзы бань фо цзин юй тун пай.— Си Ся ши луньвэнь цзи. Иньчуань, 1984, с. 374—382; *Чжан Кань и др.* Си Ся цзянь ши. Иньчуань, 1979, с. 32.

четкая надпись, точно копирующая тот текст, который был на китайских пайцзах в эпоху Тан и позднее на пайцзах киданей: «Пайцза гонца, едущего с высочайшим повелением на резвом скакуне».

Пайцзы указанного типа были разных размеров. Известны также тангутские пайцзы лопатовидной формы с отверстием вверху для привязывания их к поясу. В 1972 г. такая пайцза была опубликована проф. Ван Цзинжу. Текст надписи на пайцзе хорошо сохранился: «Ожидающий приказаний, постельничий во внутренних спальных жилых покоях [государя]» [36]. На оборотной стороне пайцзы — имя владельца. Эти пайцзы, вероятно, были своеобразными удостоверениями на право занятия должности; в кодексе они не упоминаются.

Основной тракт с почтовыми станциями у тангутов был проложен из центра страны в северо-восточный угол Ордоса, к границам киданьского государства, а позднее, с середины XII в., к чжурчжэням. Эта дорога и 10 почтовых станций на ней (по тангутским данным, в середине XII в. их было 15) указаны на старинной карте Си Ся, составленной китайцами, как нам представляется, между 1066 и 1081 гг.[37]. На каждой станции были размещены караулы. Статья 1451 кодекса определяла правила назначения начальников караулов: «Что касается назначения начальников караулов на посты, размещенные на пятнадцати почтовых станциях, начинающихся от границы орошаемых районов и достигающих уезда Фуциньсянь на севере, то [таковые] должны назначаться после доклада в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами по два человека на каждый пост из людей, имеющих семьи и опыт работы,— из младших чиновников и чиновников, из государевых посыльных, которые служат во внешних и внутренних дворцовых покоях, из служащих управления, ведающего обрядами и церемониалом, из служащих регулярной армии и вспомогательных войск».

Административное право в той мере, в какой оно отражено в кодексе, не регулировало собственно работу почтовых станций. Мы не знаем, были ли иные линии почтовой связи, кроме выше-

[36] *Ван Цзинжу.* Си Ся вэнь бэнь хо цзы бань фо цзин юй тун пай.— Вэнь у. 1972, № 11, с. 10—11.

[37] *Кычанов Е. И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Си Ся, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.— Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959, с. 204—212, с картами. На карте указаны границы Си Ся и Сун. Это вызывает у некоторых современных китайских авторов желание доказать, что карта не древняя, не сунской эпохи (см.: *Цю Ши.* Лунь совэй фучжи Сун бэнь Си Ся диту вэньти.— Си Ся ши луньвэнь цзи, с. 652—659). Чэнь Биньин, соглашаясь с тем, что карта составлена на сунских источниках, хотя и после Сун, например при Юань, предполагает, что она отражает состояние границ Си Ся на 1119—1120 гг. (*Чэнь Биньин.* Си Ся вэньу яньцзю. Иньчуань, 1985, с. 433—453).

указанной. Мы можем только утверждать со всей определенностью, что служба почтовых станций в тангутском государстве существовала и что она, наверное, была создана по традиционному китайскому образцу.

Обычно по китайским правилам одну почтовую станцию обслуживали начальник станции («ичжан») и несколько ее служащих («ифу»). Уездные станции были в ведении начальника уезда, окружные — военной администрации округа. В целом служба почт была в ведении военной администрации. Связано это было с тем, что первоначальным назначением почтовой службы было скорейшее уведомление о военной опасности [38]. Подчинение почт военному ведомству было, очевидно, характерно и для тангутского государства, ибо наш кодекс упоминает почтовые станции в связи с назначением на них начальников караулов, командовавших отрядом караульных, солдат, хотя и после доклада в Главный императорский секретариат. Суть почтовой службы состояла в предоставлении курьерам казенных перекладных лошадей [39]. По танским правилам почтовые станции учреждались регулярно через каждые 30 ли (15 км) [40]. На право пользования перекладными требовалось иметь подорожную. Незаконное пользование почтовыми лошадьми было делом наказуемым [41].

Трудно точно сказать, на каком расстоянии одна от другой создавались почтовые станции в государстве тангутов, но можно быть почти уверенным, что существо почтовой службы в Си Ся совпадало с танским и преследовало те же цели оповещения и связи.

С почтовым делом была связана и служба надзора за состоянием мостов, дорог и переправ. Мосты, особенно большие, содержались и ремонтировались «на средства государя». К каждому мосту назначался «надзирающий» из местного населения — «способные и преданные люди из расчета [один] человек от десяти дворов». Их главной задачей было слежение за состоянием мостов «днем и ночью» и своевременный доклад властям о необходимости произвести ремонт моста. «Надзирающие» за мостами находились в ведении управления транспорта. Ремонт мостов, проложенных через оросительные каналы, вода из которых шла на орошение полей хозяев земли, мог производиться за счет частных лиц, тех, кто пользовался водой из канала (ст. 1133). Если «надзирающий» за мостом был невнимателен и мост снесло

---

[38] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 25, с. 586.

[39] Там же. См. также: *Рыбаков В. М.* Правовые нормы, регулировавшие пользование государственными почтовыми коммуникациями при Тан (по материалам «Тан люй шу и»).— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН. М., 1982, с. 133.

[40] *Бай Шоуи.* Чжунго цзяотун ши. Шанхай, 1937, с. 145.

[41] Тан люй шу и, гл. 26, с. 615—616.

водой или кто-то разрушил его, то он обязан был возместить причиненный ущерб и сам отремонтировать мост. Если ему это оказывалось не под силу, то он подлежал наказанию (ст. 1133). Любое злостное повреждение моста рассматривалось законом как тайная кража и соответственно наказывалось, при этом виновный оплачивал ремонт или восстановление моста (ст. 1132). Небольшие мосты через каналы и речки, там, где их пересекали дороги, строили местные жители всем миром, и они же следили за их состоянием. Поломка моста и его несвоевременный ремонт также требовали восстановления моста или ремонта повреждений и наказывались: с имеющих ранг штраф — 5 связок монет, а простым людям — 10 палок (ст. 1134).

Дороги, особенно большие тракты, считались государевыми (государственными); во всяком случае, мы встречаем в кодексе термин «большая государева дорога» (ст. 1135). За дорогой надлежало следить, и, возможно, это входило в обязанности местных властей. Местным жителям закон запрещал запахивать дороги, пересекать их каналами или пускать на них воду. В случае любого нарушения закона дорогу следовало восстановить, а виновные в порче дороги наказывались — имеющий ранг штрафовался 2 лошадьми, простые люди получали 3 месяца каторжных работ (ст. 1135).

Переправы через реки тоже являлись предметом государственной заботы. Наиболее важные переправы были казенными, и их обслуживали паромщики. К сожалению, детали организации работы переправ неизвестны, ибо не сохранились тексты статей 1290—1297, в которых шла речь о регулировании законом работы переправ. Там, где была казенная переправа, никому не разрешалось переправляться самому в пределах 5 км вверх и вниз от переправы. Связано это было с тем, что за перевоз бралась плата в размере от пятидесяти монет до двух связок монет, в зависимости от числа перевозимых людей и грузов. Самовольно переправляющиеся, пойманные с поличным, платили штраф в сумме тройной стоимости платы за перевоз (ст. 744). Если же кто-то не желал пользоваться казенной переправой и переправлялся через реку вне пределов 5-километровой зоны, то принуждать его переправляться, пользуясь казенной переправой, или взимать с него плату за переправу воспрещалось (ст. 745).

Паромщики и те, кто сторожил лодки и паромы, были ответственны за сохранность переправляемого груза и людей (ст. 1292—1296). Добротная постройка лодок вознаграждалась (ст. 1297). Уничтожать средства переправы было допустимо только тогда, когда это преследовало цель воспрепятствовать своим войскам иметь возможность покинуть поле боя (ст. 1291).

5. Встречи и проводы посольств. Иноплеменники в Си Ся

Организация службы оповещения и связи имела прямое отношение к встречам и проводам посольств других государств и к посылке собственных за рубеж. Вполне естественно, что эти дела входили в компетенцию центральной администрации страны. Некоторые правила приема и отправки посольств регулировались кодексом. Посольства из других государств встречали и провожали должностные лица — «пограничные армейские командующие», «должностные лица, которые отвечают за подготовку [встреч и проводов] посольств» (ст. 768). В назначенный день эти чиновники и офицеры были обязаны явиться в указанное место сбора. Неявка или опоздание были наказуемы (ст. 769, 770). Непосредственно обеспечением нужд посольства в пути по территории тангутского государства ведали местные власти — военно-полицейские управления через администрацию существующей сети постоялых дворов. Управляющие казенными постоялыми дворами должны «выделить из государевых запасов продовольствие и фураж, коней и людей, передать [все это] посольству и обязать [людей] заботливо обслуживать посольство» (ст. 982).

Послы могли быть зваными и незваными, желанными и нежеланными. Званые и желанные заранее получали позволение явиться в любые инстанции тангутского административного аппарата. Те, кто прибыл неожиданно и был не очень желаем, обязаны были оставаться там, где они пересекли границу, быть в ведении местной администрации и ждать приказа, ехать или не ехать дальше.

Наконец, важна была срочность прибытия посольств. Ею определялись скорость и способ их передвижения. Если это было посольство, которое должно было незамедлительно прибыть в столицу, то его сопровождал чиновник с пайцзой и оно двигалось по всем правилам, предписанным для держателя пайцзы и сопровождающих его лиц. Если такой спешки не было, то оно пользовалось вышеуказанной системой постоялых дворов, часть которых, вероятно, совпадала со службой ямских почтовых станций, и двигалось, меняя лошадей, верблюдов и других транспортных животных из числа тех, которые были в ведении военно-полицейского управления (ст. 982).

Тангутское посольство обычно состояло из главы посольства, его официальных помощников и прочих членов посольства, в том числе и отроков — «надежных и знающих свое дело людей». Отроки нередко сопровождали посольства вместе со своим скотом. Посол и его помощники могли за незначительные проступки наказывать членов посольства прямо на месте. Требовалось только обязательно объяснить виновному, в чем состояла его вина (ст. 761, 763, 764).

Тангутский посол тоже должен был ехать, пользуясь вышеуказанными способами, и не имел права «ехать, минуя те места, где есть должностные лица, и брать с собой слишком много людей и большой обоз» (ст. 757). Послы были обязаны «блюсти закон и дело государя» (ст. 761), хранить государственную тайну. «Если кто-либо [из таковых] без всякого дурного умысла, разболтавшись, в беседе с иноземцами очернит государя, отзовется непочтительно о всех великих [людях нашей страны], то [виновному] определяется та же мера наказания, что и тем, кто не увещевал государя в его присутствии, а за глаза говорил о нем дурное. [За выдачу врагу] сведений о том, что приведена в готовность какая-либо армия для вторжения в пределы вражеской территории, что есть местные жители, получившие и принявшие предложение [поддержать нас], за выдачу сведений о людях врага, которые подадут [нам] сигнал, о кочевниках, которые подчинились [нам], и тому подобных сведений [виновные] независимо от ранга подлежат смертной казни путем обезглавливания. Что касается разглашения тех внутридворцовых дел, которые следовало скрывать, то после установления путем допроса неясностей относительно разглашения каких-либо сведений, подлежащих сокрытию, и времени происходившего разговора обо всем необходимо сообщить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями. Что касается разговоров о состоянии армии, то тому, кто начал этот разговор,— 12 лет, участникам разговора — 10 лет каторжных работ. Если же [послы, находясь за рубежом], будут вести [там] разговоры о тайных делах, замыслах и слабостях [наших] мудрых сановников, то тому, кто начал этот разговор,— 6 лет, участникам разговора — 5 лет каторжных работ. В случае ведения [нашими людьми аналогичных] разговоров с послами других государств меры наказания устанавливаются в зависимости от того, что было сказано, и [при вынесении виновным приговоров] следует поступать в соответствии с вышеизложенными законами». Посол, прямой изменник, в зависимости от характера его поступка приравнивался или к мятежнику или к беглецу (ст. 758).

Ни тангутским послам за границей, ни тангутским должностным лицам в тангутском государстве не разрешались частные, «тайные» встречи с иностранцами, совместные застолья, пение песен, обмен подарками. Встречи с чужеземцами обязательно должны были быть официальными, и представителям тангутского государства следовало быть одетыми в официальное, положенное по должности и рангу платье (ст. 759). Послы не должны были просить ничего лишнего, «кроме еды, вина, дров, фруктов и лекарств», ибо чрезмерные просьбы и полученные дары могли походить на взятку. Члены иностранных посольств в Си Ся также могли получить что-либо только с письменного разрешения властей (ст. 760). Членам посольства запрещалось, «забросив служ-

бу, заниматься торговлей» (ст. 764). Наконец, члены посольства не имели права затевать друг с другом драки, оскорблять и ругать друг друга, доносить друг на друга (ст. 722).

До наших дней сохранился один документ о тангутском посольстве. Послом был сучжоуский управляющий пограничными делами, и ему была дана золотая пайцза. Этот посол, судя по тексту документа, был отправлен управлением, ведающим иноземцами — своеобразным тангутским министерством иностранных дел и ведомством по делам иностранцев,— о существовании которого мы знаем только из данного документа и которого не было в Си Ся в XII в., ибо в исследуемом кодексе это управление не упоминается. Заместителем посла, его помощником, по терминологии кодекса, было лицо, получившее серебряную пайцзу. Это посольство двигалось «вместе со скотом и людьми» к северным соседям Си Ся, вероятно к Чингисхану, в период с 11 марта по 9 апреля 1225 г. Поскольку путь посольства лежал через Эдзина (Хара-Хото), то администрация города подготовила в соответствии с законом сменных лошадей [42].

Мы не знаем, чем конкретно ведало упомянутое управление, созданное, вероятно, в самом конце XII в. (оно не упоминается и в словаре «Жемчужина в руке», 1190 г.) или в XIII в. Было ли оно только «министерством иностранных дел» [43] или же ведало иноплеменниками внутри страны, во всяком случае, здесь будет, на наш взгляд, уместно сказать несколько слов и о правовом положении иноплеменников в тангутском государстве. Си Ся в нашем современном понимании являлось многонациональным государством с компактными группами иноплеменного населения, прежде всего уйгуров в западных областях (Шачжоу и Гуачжоу) и тибетцев на юге страны (район озера Куку-Нор). Китайцы, повидимому, жили преимущественно в восточных районах тангутского государства, главным образом в городах, занимаясь ремеслами, торговлей, земледелием в пригородах и составляя заметный по влиянию элемент в государственном аппарате тангутов. Часть уйгуров, живших вдоль западных границ Си Ся, даже не рассматривалась в качестве подданных Си Ся. Это видно из того, что закон трактовал их «как подчинившимися, так и непокорными». Для наказания такого уйгура всегда требовалось особое решение властей. Если в числе преступников-иноплеменников, говорится в кодексе, «окажутся перешедшие [нашу] западную границу и живущие вдоль границы уйгуры, которые хотя и считаются подведомственными нам, но о которых говорят, что [они] являются

---

[42] См.: *Кычанов Е. И.* Докладная записка помощника командующего Хара-Хото, с. 139—145.

[43] В администрации сунского Китая не было специального управления, ведавшего связями с другими государствами. См.: *Franke H.* Diplomatic Mission of the Sung State (960—1276). Canberra, 1981.

как подчинившимися, так и непокорными, то [о совершивших преступление таких уйгурах] необходимо своевременно доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии [с полученными указаниями]» (ст. 1409). Компактность проживания тибетцев в Си Ся подтверждается тангутскими источниками. В годы Небесного процветания тибетцы подняли мятеж. Только одна из групп восставших, укрывшихся в лесу, состояла из 195 семей, насчитывающих 2790 человек[44]. В этом же тексте упоминаются тангутские и тибетские хозяева. В перечне 54 буддийских общин, встречающемся в главе 15 «Новых законов», названы отдельно тибетские буддийские общины, а также смешанные тангуто-китайские общины[45].

Тангутский кодекс не предусматривал правового неравенства иноплеменников по сравнению с тангутами. Право на смягчение меры наказания или даже на освобождение от наказания имели и чужеземцы, например вражеские полководцы, которые добровольно сдались тангутам вместе со своей армией, и так называемые «гости», о которых говорилось ранее (ст. 40). О некоторых других льготах для лиц, добровольно подчинившихся тангутам, мы упомянем ниже. Положение чиновников-иноплеменников в государственном аппарате Си Ся определялось прежде всего занимаемой ими должностью, а не племенной принадлежностью. Только при равных должностях тангут должен был считаться старшим. Если он сам отказывался соблюдать установленный законом порядок, то штрафовался на 5 связок монет. В соответствии с законом настоятелями буддийских общин могли быть одинаково тангуты, китайцы или тибетцы, если они обладали установленным уровнем знания канона и знали языки веры, в том числе обязательно тибетский (ст. 704, 705, 772). Чиновниками по делам буддийских общин в Главном императорском секретариате тоже одинаково могли быть тангуты, китайцы и тибетцы (ст. 779). Единственным исключением, о котором мы уже упоминали, являлся запрет иноплеменникам служить в охране, несущей караульную службу непосредственно при тангутском государе: «Не должны использоваться для охраны внутренних дворцовых покоев и того места, где находится государь, в большом числе пхинга, [а также] отобранные для охраны люди из покорившихся нам китайцев, шаньгхо[46], тибетцев и уйгуров. Взамен этих [людей] сторожевую службу должна нести охрана внутренних дворцовых покоев, а те из [иноплеменников], кто отобран в качестве охранников, должны охранять те места, которые не являются местопребыванием государя, а также охранять дальние дворцовые

---

[44] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 4189, с. 20.

[45] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 24.

[46] О шаньгхо см.: *Кычанов Е. И.* Тангуты и Запад.— Страны и народы Востока. Вып. 10. М., 1970, с. 157—158. Может быть, имелись в виду монголоязычные шарайголы?

склады и прочие места, в которых [им] позволено находиться» (ст. 832).

От охраны особы государя, как ни от кого, требовалась приверженность охраняющих правящему дому, лично императору. Это в общем-то естественное требование закона тем не менее отражало известное недоверие, которое все-таки испытывали тангуты прежде всего к служившим в их армии и государственном аппарате иноплеменникам, или отражало хотя бы то трезвое понимание действительности, в которой любой нетангут потенциально мог быстрее стать врагом, чем соплеменник государя.

Тангутское государство, по крайней мере на востоке и юге, имело точно демаркированные и постоянно охраняемые границы. Местное население пограничных районов, земледельцы и скотоводы-кочевники, обязаны были селиться и передвигаться только в отведенных для этого местах (ст. 233). Однако разграничение не везде было строгим: «На отдаленных границах с другими государствами, где строгого разграничения [территорий] нет и [наша сторона] полагается на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами и чжурчжэнями, наши дальние и ближние караулы, если к границе с обеих сторон подойдут кочующие [семьи], двигающиеся в поисках воды и травы для прокормления скота, или охотники, должны возвращать [их] обратно, задерживать и не позволять [им] переходить границу» (ст. 235). Таким образом, тангутские пограничники были обязаны не пускать на территорию Си Ся соседей.

Перебежчиков принимали только в том случае, если они изъявляли желание подчиниться Си Ся, жить и работать в государстве тангутов. «Если какие-либо чужеземцы придут и подчинятся (нам), то там, где [они] добровольно изъявили покорность, [они] должны быть включены в число солдат пограничных войск либо войск внутренних районов страны или в число служащих вспомогательных войск... Если среди таковых имеются лица, которые в чужеземных пределах занимали важный пост или, подчинившись нам, привели с собой большое число кочевавших [с ними] семей, а также передали [нам] достоверные секретные сведения, то по определении характера заслуг [данного] человека необходимо своевременно доложить о том, какой ранг, какую награду или какую должность может получить [данное лицо], кем [оно] в зависимости от его категории может стать, и поступать следует в соответствии с полученными указаниями» (ст. 387).

Присвоение имущества беглых чужеземцев, подчинившихся Си Ся, сокрытие их и использование принудительно в качестве работников, а также продажа беглых другим лицам рассматривались как ограбление и наказывались в зависимости от суммы незаконно приобретенного дохода (ст. 388, 389). Судя по оглавлению к статье 621 («Клятва верности того, кто прибыл подчиниться [нам]»), добровольно подчинявшиеся тангутам иноземцы

давали клятву верности государству Си Ся. Мы уже упоминали о том, что если пленный, ставший лично несвободным человеком, выписывал свою семью и члены его семьи, желая соединиться с ним, покорялись добровольно «государству Ми (тангутов)», то пленный получал свободу и право жить в Си Ся вместе со своими близкими, а человеку, пленившему его, в соответствии с законом выплачивалась от казны стоимость пленного (ст. 404). Тангуты не имели права продавать или покупать пленного иноземца без разрешения властей (ст. 1420), а также торговать с прибывшими из-за границы послами (ст. 440).

Добровольно подчинившиеся тангутам чужеземцы в случае совершения ими преступлений, наказуемых смертной казнью, могли получить смягчение наказания. Чужеземцу, который подчинился Си Ся и прожил там «пять лет, считая со дня прибытия, за преступление, совершенное в первый раз, мера наказания уменьшалась на две степени, за преступление, совершенное вторично,— на одну степень. От наказания палками [таковые] освобождаются полностью... Если [подчинившиеся нам чужеземцы] живут [в нашей стране] менее пяти лет или же совершили преступление в третий раз и более, то по отношению [к таковым] уменьшение меры наказания не применяется и приговор [им] выносится по закону» (ст. 1409).

Подчинившиеся тангутам буддийские монахи из других государств экзаменовались в знании учения Будды, и о них в течение 100 дней следовало доложить властям. За ограбление чужеземного посла полагалось наказание на одну степень большее, чем за ограбление соплеменника на ту же сумму (ст. 99). Общение с чужеземцами — официальными представителями было ограничено официальными рамками (ст. 759).

Имеющиеся в кодексе немногочисленные сведения о чужеземцах в Си Ся и отношениях тангутов с ними являют собой любопытный пример, во всяком случае для средневековья, юридического равноправия народностей в рамках одного государства, равноправия, даже не декларированного обязательным единством религиозных взглядов. Напомним, что через пятьдесят лет после гибели Си Ся монгольская политика в том же регионе по тому же вопросу была совсем иной. Иначе решалась эта проблема и в современных Си Ся государствах киданей и чжурчжэней, в которых существовал ряд узаконенных преимуществ для господствующей народности. Возможно, тангуты не ввели никаких особых ограничений для иноплеменников в своей стране потому, что ощущали себя стойким большинством в своей стране, чего не могли думать о себе кидане, чжурчжэни, монголы. Тангуты в отличие от киданей, чжурчжэней, монголов создали свое государство не в процессе завоевания. И хотя они не были чужды того, что акад. В. М. Алексеев применительно к ним называл «квасным патриотизмом», они не боялись ассимиляции и рассчитывали на

силу своей молодой культуры. Мы имеем все основания думать, что чиновники-иноплеменники на тангутской службе были двуязычны и владели тангутским разговорным и письменным языком. Возможно, имела место постепенная тангутизация большинства иноплеменников, проживавших в границах Си Ся. Гибель государства тангутов прервала этот процесс, а Великая История распорядилась так, что большинство тех, кто уцелел от пожара войны, в конце XIV в. превратились, приобретя новую религию и новый язык, в этноконфессиональную группу китайцев-мусульман,— предков нынешнего населения Нинся-хуэйского автономного района КНР[47].

6. Повседневная деятельность управлений: подача прошений, делопроизводство, типы документов, чиновники с особыми полномочиями

Любое донесение или прошение в тангутском государстве подавалось по инстанции через должностное лицо: «Действовать не через должностное лицо, а самому за взятку подать донесение в вышестоящие инстанции не разрешается». Обращаться прямо в вышестоящие инстанции имели право только родственники государя. За подачу бумаг не по инстанции полагался год каторжных работ. Прошение или донесение, поступившее в управление, если дело не могло быть решено на месте, передавалось в вышестоящую инстанцию лично начальником управления, которого при этом обязательно должен был сопровождать чиновник управления — столоначальник, делопроизводитель или приказный (ст. 613, 614). Сам податель бумаг присутствовать при передаче его прошения в вышестоящие инстанции не имел права (ст. 615).

В случае необходимости вызвать кого-либо в управление управление действовало через штат своих посыльных. Списки посыльных по данному делу визировались чиновниками управления — «передающими приказы» и «выносящими решения» (ст. 950). «В том случае, когда в любом управлении возникает потребность вызвать [туда кого-либо], следует отправить человека, который действительно служит посыльным. Если человек не является посыльным, то [о нем] надлежит доложить начальнику своего управления, который и должен принять решение и послать особо осведомленного и заслуживающего доверия человека. Если же, не имея решения начальника, должностное лицо без его ведома пошлет [человека], неспособного справиться с делом, то [это должностное лицо подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок»

---

[47] См.: *Кычанов Е. И.* Новые материалы об этногенезе дунган.— Советская этнография. 1978, № 2, с. 95—99.

(ст. 952). Если вызываемый через посыльного был чиновником и данное лицо «не явилось туда, куда его вызывали, да еще побило посыльного, то [виновному] — каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги». Если вызываемый являлся по вызову, но побил посыльного, то он получал 5 лет каторжных работ. За неявку без оказания всякого сопротивления полагалось 3 года каторги. Если вызываемый был не должностным лицом, а обыкновенным, не состоящим на службе человеком, то он во всех случаях получал наказание меньшее на одну степень. Мера наказания за неявку зависела и от важности того дела, по которому вызывали человека (ст. 954).

Посыльный, который, не явившись к вызываемому, заявит в управлении: «[Он] не придет туда, куда [он] должен явиться по вызову», получал то же наказание, какое полагалось бы вызванному лицу за преднамеренную неявку в управление (ст. 958).

Практически любое дело в управлении оформлялось в письменной форме, документом. Для составления разных типов документов существовали установленные действующими правилами сроки. Ответственными за ведение документации в управлениях были делопроизводители и приказные. Нарушение срока составления документа влекло за собой необходимость подать письменное объяснение причин задержки. Документ должен был быть составлен по форме, содержащиеся в нем сведения изложены «толково и четко». Составитель документа — делопроизводитель или приказный — ставил на обороте документа свою подпись и отвечал за его правильность. Нарушение формы составления данного документа влекло за собой наказание. В свою очередь. «всякое должностное лицо, получив какой-либо документ, должно проверить [его] законность и соответствие принятым правилам составления документации» (ст. 559, 555, 561, 716, 717).

Оформленный документ должен был быть зарегистрирован в трехдневный срок, показан начальнику и передан должностному лицу для исполнения. Задержка передачи документа исполнителю сроком на месяц влекла за собой наказание годом каторжных работ (ст. 558).

Прошения, поданные в управление, должны были быть рассмотрены в течение пяти дней. Промедление на разные сроки наказывалось поркой тонкими палками, штрафами и даже каторжными работами на срок до одного года (ст. 559).

Существовала определенная классификация документов, часть которой отражена в кодексе. Это были документы, «связанные с тайными делами»: о подчинении тангутам тех или иных соседних племен и лиц из соседних государств, дела военных комиссаров, чиновников, ответственных «за обследование нужд народа», т. е. доклады чиновников об экономическом и политическом положении в тех или иных районах, документы, поступившие из

иноземных государств, документы о приеме и отправке чужеземцев, документы-договоренности о подаче сигналов тангутским войскам, документы о личном составе армии и чиновничьего аппарата. К числу тайных документов относились дипломатическая переписка, тексты договоров, документы об обмене территориями (ст. 815). Были документы следствия и суда, хозяйственные, ревизий, срочные сообщения, переписка и т. п., т. е. существовала классификация документов по их назначению и степени секретности, что было вполне естественно.

Наконец, документы делились по крайней мере на две группы, имевшие свои названия в зависимости от источника их происхождения. Это были документы, именуемые «нуэ» — те, которыми обменивались друг с другом высшие органы центральной администрации. Иногда копии их передавались государю, о чем на документе должна была быть сделана запись. Это могли быть и документы, поступившие из Главного императорского секретариата или Главного управления военных дел в другие управления. Такие документы должны были содержать отметку о прохождении с подписью и датой (ст. 678).

Вторая группа документов именовалась «шо» (возможно, от китайского «шо», «сказать», «известить»). Ими обменивались между собой военные комиссары, управления, относящиеся к одному классу, и управляющие округами. Этими документами оповещали о назначении на должность или выполнении особого задания кем-то из родственников государя. Такие документы также должны были регистрироваться и иметь отметки о прохождении (ст. 679—681, 683, 700). Документами типа «шо» считались сопроводительные документы в Главный императорский секретариат и в Главное управление военных дел (ст. 702). Позднее, в «Новых законах» было еще раз подчеркнуто, что при прохождении документа в управлении его собственноручно должны были подписать все имеющие отношение к данному документу лица[48]. В конце каждого месяца столоначальники, делопроизводители и приказные проверяли документы, поступившие в управление, и передавали их для проверки в управление ревизии и контроля[49].

Любой человек, обнаруживший в документе ошибку, обязан был доложить о ней начальству. Ошибку следовало исправить. Если кто-либо, обнаружив ошибку, исправлял ее сам, по собственному почину, то не имеющий ранга получал 10 палок, а имеющий ранг платил штраф 5 связок монет (ст. 713). Лица, заверившие печатью и подписавшие поддельный документ, наказывались как пособники изготовителя поддельного документа (ст. 714).

---

[48] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 59.
[49] Там же, с. 51—52.

Лицо, ведавшее печатью управления, называлось «хранитель печати» (ст. 714). Печати управлений в зависимости от их класса различались по материалу, из которого они были изготовлены (серебряные, медные, но крытые серебром, просто медные — ст. 656), и размеру (ст. 657).

Помимо штатной администрации центральный аппарат располагал известным количеством людей, выполнявших разные поручения. Это были упоминаемые в кодексе «люди для особых поручений» (ст. 868), социальный статус которых, несмотря на столь ответственное их наименование, возможно, был не очень высок. Они, например, назначались делопроизводителями (ст. 1226) или мерщиками зерна на склады во время поступления больших количеств зерна, и эту работу они исполняли вместе с лицами, потерявшими ранг, или даже с пхинга (ст. 1154). Это были контролеры, «мудрые и заслуживающие доверия люди» (ст. 151), которые тоже не раз упоминаются в кодексе. Возможно, они делали свое дело, по нашим современным понятиям, на общественных началах, просто будучи уважаемыми людьми из средних слоев общества.

Штатные ревизоры действовали от цензората и управления ревизии и контроля. Сохранение государева добра, казенного имущества всех видов было одной из основных функций тангутской администрации. Обычно учетчики и ревизоры получали установленный им рацион, ехали с медной печатью от финансово-налогового управления, кодексом законов и за мелкие проступки могли наказывать виновных на месте (ст. 1370—1372, 1374).

Чиновниками особых поручений с широкими полномочиями были служащие Главного императорского секретариата (ст. 591), так называемые «паньбу», «уполномоченные решать дела». В их функции входили контроль за расследованием дел, вынесением приговоров и отбытием наказаний осужденными (ст. 84, 565, 591, 1437, 1455) и наблюдение за учетом казенного имущества — составление описей найденного бесхозного скота (ст. 158), постановка на учет и списание коней и доспехов (ст. 373), участие в ревизиях казенного имущества (ст. 1219, 1230), составлениях описей земель (ст. 1165). Кроме того, «паньбу» контролировали дела по присвоению рангов (ст. 648).

По определению Ч. О. Хакера, в системе китайской администрации при Сун «паньбу» — это «контролер министерства, обозначение чиновника двора, которому, несмотря на его основную должность, поручалось надзирать за одним из шести министерств („лю бу“) в отсутствие постоянного министра („шаншу“), или, возможно, менее обычно, обозначение чиновника с правами лица, занимающего должность министра»[50]. Может быть, задачи

[50] См.: *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles, с. 364, № 4433.

«паньбу» на тангутской службе были менее ответственны, но тангуты сохранили существо функций должности.

Так функционировал центральный аппарат тангутского государства. Это был хорошо отлаженный бюрократический механизм китайского образца, центральной фигурой которого был чиновник — лицо прежде всего грамотное и умеющее вести дела. Это была мощная социальная сила, в принципе — элита господствующего класса, хотя постоянной прямой зависимости между экономическим господством (владением землей, скотом, людьми и т. д.) и социальным положением в системе бюрократии могло и не быть. Служилое сословие в дальневосточных обществах имело большее значение, чем в современных ему обществах европейских или ближневосточных. Оно обеспечивало высокий уровень грамотности и культуры общества [51]. Но, будучи одновременно и замкнутой автономной системой, базирующейся на определенной идеологии (конфуцианство), оно не могло не быть и силой, тормозящей развитие, ибо его идеалы — служение государю, добропорядочная карьера в рамках господствующей морали и т. п. — по существу не обновлялись.

7. Высочайшие запреты. Регламентация жертвоприношений

Бюрократически оформленная социальная стратификация была тесно связана с оформленными законом предписаниями жить, одеваться, поступать так, как этого требует твое общественное положение. Эти предписания касались самих чиновников и не чиновников, они выражались в серии высочайших запретов, и следить за их соблюдением должны были сами чиновники. Если чиновники, следящие за соблюдением закона, знали о существовании того или иного высочайшего запрета и даже напоминали о нем тем, кто его нарушал, но не пресекали активно его нарушение, то, даже если они не получали взятку, они наказывались 3 годами каторжных работ [52].

Сословная регламентация покроя и цвета одежды, форм и раскраски жилищ и т. п. — характернейшая особенность средневековья. Тангутские правила, предписывавшие ношение тех или иных видов одежды, были тщательно описаны китайцами. Эти правила были важны для определения того, с кем имеешь дело. Общественный статус лица определялся родом его занятий, и родом же его занятий определялся предписанный ему образ жизни. Неслужилое население Си Ся по одежде делилось на две группы: знатные носили зеленые, а незнатные — черные одежды. Служилые люди по одежде делились на гражданских и военных. Граж-

[51] *Мартынов А. С.* [Рец. на:] *Малявин В. В.* Гибель древней империи. М., Наука, 1983.— Народы Азии и Африки. 1986, № 4, с. 189—195.
[52] «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 25.

данские чиновники носили темно-красный (фиолетовый) халат без узоров; военные, администраторы и командиры — тоже темно-красный (фиолетовый) халат, но с узорами [53]. Эти цветовые опознавательные знаки, не говоря уже о самом принципе, во многом шли из Китая. Во времена династии Сун чиновники, не имеющие ранга, и простолюдины носили одежды черного цвета, как и простолюдины в Си Ся. Китайские чиновники, имеющие ранг, при династиях Суй, Тан и Сун носили темно-красные (фиолетовые) халаты (как и чиновники Си Ся), а также халаты зеленого цвета, как тангутская неслужилая знать [54].

Китайское право всегда запрещало простым людям иметь украшения из нефрита, золота, серебра и из «тоуши» (состав из желтой меди с добавлением золота) [55]. Собственно, с известными модификациями эти запреты вошли и в тангутское право: «Всем старшим и младшим чиновникам, монахам, любому человеку высочайше запрещено иметь золотые ножи, золотые мечи, золотые копья, золотые уздечки и седла, как сделанные целиком [из золота], так и покрытые снаружи [позолотой], а также не разрешается отделывать уздечки и седла чистым нефритом. Родственникам [государя], советникам, конникам из внутренних дворцовых покоев, военным комиссарам (цзинлюеши), фума (зятьям государя), а также лицам, отправленным в качестве командующих войсками в пограничные районы, дозволяется делать [для себя] покрытые золотом [оружие, седла и уздечки]. Но как только командующие войсками оставят свои посты, [им] запрещается делать [для себя] и хранить [при себе позолоченные оружие, седла и уздечки]. Если закон будет нарушен, то [виновному] — 1 год каторжных работ. Доносчику в награду за донос должно быть выдано 10 связок монет» (ст. 435).

Запрещалось украшать золотом постройки: «То, что уже украшено [золотом], должно быть разрушено» (ст. 436). «Любой человек [нашей] страны не может иметь воинского снаряжения и регалий, покрытых позолотой или тканных золотыми нитями. Жены, дочери и невестки родственников [государя], жены советников, а также жены фума, всадников внутренних дворцовых покоев и военных комиссаров должны получить специальное разрешение на то, чтобы носить [златотканые и покрытые золотом вещи]. Прочим людям носить [такие вещи] запрещается» (ст. 439).

Эти запреты также целиком отражали сунские порядки. В сунском Китае вышивать одежды золотом, украшать их золотом и жемчугом могли только жены чиновников. И только чи-

---

[53] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 71.

[54] *Ch'ü T'ung-tsu.* Law and Society in Traditional China. P., 1965, c. 136—137.

[55] Там же, с. 140.

новники, имеющие ранги, могли украшать пояса нефритом, золотом, серебром или пластинками из рога носорога[56].

Закон в Си Ся запрещал и мастерам использовать в работе золото и нефрит: «Если мастер использует золото или нефрит для изготовления ножа, копья, седла, уздечки, головного убора, употребит золото для украшения дома, то [он подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 438).

Всем, за исключением женщин и монахов, запрещалось вышивать ткани для платья желтым, абрикосово-желтым и красным, вышивать, ткать, вообще изображать на платье и головных уборах солнце, луну, драконов. Можно с уверенностью сказать, что это были цвета и символы тангутского императора. В Китае дракон — символ силы и добра — имел значение оберега и с династии Хань, со II в. до н. э., был эмблемой императорской власти. Солнце — символ господства над землей и мужского начала, символ добродетельного правления. Луна — символ женского начала[57]. Ношение на своих одеждах этих символов, пользование их могуществом было только прерогативой государя. «Запрещается родственникам [государя], всем старшим и младшим чиновникам, монахам, любому человеку вышивать цветы (узоры) чисто-желтого цвета — по-китайски шихуан, чисто-красного — по-китайски шихун, и абрикосово-желтого — по-китайски синхуан, украшать [ткань] золотом и изображать [на ней] солнце и луну. Кроме того, мужчинам и женщинам запрещается носить головные уборы и одежду из тканей вышеуказанных цветов, а также из тканей, на которых на одном цветном фоне изображены солнце и луна или же на многоцветном фоне изображен большой дракон — по-китайски дашэньлун, а чиновникам, простому народу и женщинам запрещается украшать головные уборы — по-китайски гуаньцзы, изображением множества птиц и драконов, выполненных золотом. Если закон будет нарушен, то [виновному] — 2 года каторжных работ, а доносчику должно быть выдано десять связок монет. Среди тех [перечисленных выше лиц] лишь женщины могут получить дозволение носить одежды чисто-красного или чисто-желтого цвета. Лицам, принявшим обет монашества, тем, кто живет [не в монастыре], а дома, поскольку они надевают одежды особого покроя, можно носить рясы (цзяша) и юбки желтого цвета; монахам, покинувшим семьи, [живущим в монастырях], можно носить юбки и рясы (цзяша) желтого цвета, но носить желтые плащи (накидки, баоцзы) не разрешается. Специальные виды одежды должны быть стандартной формы. Если закон будет нарушен и [кто-либо] наденет одежды желтого цвета, то с [виновным] следует поступать по закону». Недозволен-

[56] Там же, с. 140, 141, 144.

[57] *Williams C. A. S.* Encyclopedia of Chinese Symbolism and Art Motives. N. Y., 1960, с. 131—140, 374–375, 276—279.

ные виды одежды и головных уборов или уничтожались, или подлежали продаже (ст. 433).

Определенные виды головных уборов — цзине (головной платок) и мяньмао (шапка на вате) — могли носить только жены, дочери и невестки чиновников в должности «передающий приказы» и выше, и то только управлений второго и третьего классов. Наказание нарушительницам — штраф 5 связок монет, а головные уборы продавались в казну (ст. 439).

Типы жилищ и их внешнее оформление также были регламентированы. В сунском Китае эта дифференциация даже была закреплена терминологически. Дома знати назывались «фуди», дома чиновников — «гунгуань» или «чжай», дома простых людей — «цзя». В тангутском государстве чиновникам и народу было запрещено окрашивать дома в голубой и белый цвет. «Всем чиновникам и народу высочайше запрещено иметь дома голубого и белого цвета. Некоторым из таковых дозволяется крышу делать голубой, а фундамент (низ) белым. Если же закон будет нарушен и дом будет окрашен только в голубой или белый цвет, то [виновный подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 434).

Только постройки императорского дворца и храмы могли быть крыты красной, синей, зеленой черепицей. «Ни один дом чиновника или простолюдина не должен иметь [украшений в виде] лепестков цветка, и не разрешается украшать дома красной, синей и зеленой черепицей» (ст. 437). Все недозволенное подлежало уничтожению. Очевидно, дома можно было крыть черепицей иного цвета, скажем черной или серой. Китайские источники подтверждают, что тангутские чиновники, «получившие на то особое разрешение», могли крыть свои дома черепицей[58]. В танском Китае тоже были ограничения на пользование черепицей — лишь чиновники могли украшать концевые черепицы изображением животных[59].

Из генеральных запретов следует еще упомянуть запрет на тайное хранение и изготовление оружия: «Любому человеку в пределах страны запрещается тайно хранить и изготовлять оружие. Если закон будет нарушен и [кто-либо] станет изготовлять или хранить [оружие], то тому, кто его хранил,— 12 лет, а мастеру, который выковал [это оружие],— 10 лет каторжных работ» (ст. 431). Социальный смысл этого запрета очевиден, хотя, как мы увидим ниже, за каждым способным носить оружие казна числила определенное количество стрел, лук, меч, боевую палицу и т. п.

Закон запрещал азартные игры на ценности: «Любому человеку запрещается играть на продукты, зерно, разные вещи и

[58] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 68.
[59] *Ch'ü T'ung-Tsu.* Law and Society in Traditional China, c. 43.

ставить на кон вещи и деньги». За ставку на сумму в одну связку монет с имеющего ранг брали в качестве штрафа лошадь, а простому человеку давали 13 палок. С игравших взимали, кроме того, 10 связок монет в награду доносчику, а выигравший возвращал выигрыш проигравшему партнеру (ст. 454). Делать ставки можно было только на состязаниях в стрельбе из лука, при этом разрешалось ставить на кон только то, что действительно ты имеешь и что действительно является твоим (ст. 455). «Новые законы» увеличивали награду за донос об игре на деньги до 50 связок монет, а меры наказания игравшим — до 3 лет каторжных работ [60].

Наконец, тангутское законодательство регламентировало расходы продуктов на праздничных пирах. Надо сказать, что стремление ввести экономию и обязать каждого жить только по чину — очень ощутимая струя в кодексе. Нельзя, например, было жарить мясо целыми тушами и подавать по полтуши сразу. Нарушители запрета штрафовались пятью связками монет, которые шли в качестве награды доносчику. Наказывались и гости, если они требовали от хозяина сразу по полтуши мяса (ст. 1432). На любом пиру, будь то свадьба или поминки, можно было подавать только двадцать четыре блюда или двадцать четыре вида плодов и фруктов. В приготовлении блюд могло быть использовано только пятнадцать видов жиров. В случае нарушения порядка власти могли принять те же меры, что и при подаче на стол полтуши мяса сразу (ст. 1432).

Отметим еще ряд статей, регламентировавших жертвоприношения и похороны. В данном случае речь пойдет не о буддийских обрядах (правовое положение буддийских общин в Си Ся будет рассмотрено нами особо), а об обрядах «принесения жертв духам-хранителям с просьбой даровать силу и избавить от бедствий», как говорится в оглавлении-указателе к статье 1332, которая не сохранилась. Священными животными, которых приносили в жертву, у тангутов считались жеребцы, быки и дойные коровы. «На грани зимы и лета», в 3-й день 4-го месяца, т. е. примерно в мае, в старом императорском дворце совершалось приношение жертв духам Неба (небесным духам). Если приносили в жертву жеребца, то дополнительно производилось возлияние чая и вина. На теле приносимых в жертву животных писали священные законы (ст. 1362). Жертвоприношение совершалось государевыми шаманами. Императорский жертвенник сооружался из земли. Повреждение жертвенника во время жертвоприношения каралось 10 годами каторжных работ. Если жертвенник был поврежден не во время жертвоприношения, то 2 годами каторги. Хищение земли с жертвенника наказывалось как тайная кража (ст. 847).

---

[60] «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 29.

Животных приносили в жертву при захоронениях умерших. Раньше при этом животных связывали и убивали. Кодекс же требовал отныне (во всяком случае, тогда, когда это касалось тягловых животных), чтобы жертвенное животное не губили, а просто отпускали на свободу (ст. 80). Возможно, это произошло не без влияния буддийских идей.

Тангутский врач или шаман, лечивший человека или животное, обязан был возвратить полученное за лечение вознаграждение, если пациент умирал (ст. 456).

Тангуты хоронили умерших в землю или сжигали трупы, а потом хоронили пепел. Сверху насыпался могильный холм и устанавливалось каменное надгробие с надписью, а рядом — каменные изваяния животных. Похоронные обряды как таковые не регламентировались законом. Закон охранял цельность погребального комплекса, меры наказания зависели от того, чья это была могила, и степени причиненного вреда (повреждено надгробие, вскрыта могила, могила ограблена и т. д.) (ст. 161). Как посягательство на захоронение расценивалось взятие земли на месте трупосожжения, если пепел еще не был собран, или с трупа, когда последний был только присыпан землей, а также установка межевого столба на месте захоронения (ст. 162). Наказуемым было осквернение или ограбление еще не погребенного трупа (ст. 163).

Если захоронение было старым и неопознаваемым снаружи, а крестьянин, пахавший землю, разрушил его и откопал труп, то он был обязан не повреждая, зарыть его снова в «удобном месте и не оставлять под солнцем и ветром. Если же кости или труп будут лежать под солнцем и ветром незахороненными или если [кости] будут разбросаны по полю, то независимо от того, будет ли обнаружен владелец [захоронения] или нет, [виновному] — 2 года каторжных работ» (ст. 164). В случае преднамеренного разрушения могил не допускалось частное примирение сторон. Потомок того, чья могила была разрушена, не имел права, получив частное удовлетворение, не привлекать разрушителя могилы предка к суду. Если он не обращался к властям, а стремился решить дело полюбовно, то он сам получал наказание на две степени меньшее, чем то, которое полагалось тому, кто разрушил могилу (ст. 166).

Бродяг и нищих, умерших и оставшихся непогребенными, полагалось зарывать или сжигать «на пустующей государевой или частной земле». Погребать их в чужой земле, на участке другого человека, запрещалось (ст. 165).

В те далекие годы на территории тангутского государства водилось много хищников, причинявших скоту и посевам большой вред. Законом предусматривались награды за убийство хищников — за волчонка 3 связки монет, взрослого волка — 5 связок монет, за убийство барса, тигра или медведя размер на-

грады не был оговорен [61], возможно, он зависел от величины зверя и ущерба, причиненного им данной округе.

[61] «Новые законы», гл. XI, инв. № 2842, без пагинации.

IX. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

1. Административное деление и местная администрация тангутского государства

Система административного контроля на местах в тангутском государстве отличалась сложностью структуры. Сами тангуты признавали, что у них было «на десять баранов девять пастухов» [1]. Другой отличительной чертой местной администрации Си Ся было тесное переплетение местной гражданской и военной администрации.

Точкой отсчета при пространственном членении территории страны служила столица, точнее, дворец, резиденция государя («чжун»). Сама резиденция подразделялась на внутренние и внешние дворцовые покои. В соответствии с этим традиционным для Дальнего Востока делением обитаемого пространства на внутреннее и внешнее тангуты также делили всю территорию Си Ся на внутренние и внешние (пограничные) области. О городе Лянчжоу, находившемся в центре страны, важном культурно-историческом и стратегическом центре государства, в тексте тангутско-китайской надписи 1094 г. говорится, что «это место — основание и опора территории государства» [2].

Деление территории страны на внутренние и внешние районы часто встречается и на страницах кодекса. Более дробное членение включало еще выделение во внутренних районах орошаемых земель. Это были действительно самые плодородные области страны с развитым поливным земледелием, с густой сетью каналов, к тому же области, непосредственно прилегавшие к столице и бывшие историческим центром сложения тангутского государства. Такое деление имело практическое значение в повседневной деятельности администрации, например при подаче списков военнослужащих: «Что касается порядка подачи списков военнослужащих в [нашем) государстве, то эти списки должны подаваться ежегодно в три срока: по [районам], приписанным к управлениям районов орошаемых земель, в первый день третьего месяца, по внутренним районам в первый день четвертого месяца и по пограничным районам в первый день четвертого месяца, и по пограничным районам в первый день шестого месяца» (ст. 347). Область орошаемых земель иначе еще именовалась по-китайски

[1] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 46—47.
[2] *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэнкю. Т. 1. Токио, 1964, с. 164.

«У чжоу» — «Пять округов» (ст. 1223). Термин «у чжоу» был известен со времени династии Тан. Пять округов — Иньчжоу, Сячжоу, Суйчжоу, Ючжоу и Цзинчжоу — составляли территорию Сячжоуского цзедуши. Пост Сячжоуского цзедуши был наследственным в тангутском правящем роде Нгвеми (Тоба) с конца IX в. Эти округа включали в себя территорию центрального Ордоса от современного Суйдэ на востоке до восточных склонов гор Хэланьшань на западе, где находилась территория округа Цзинчжоу[3]. К моменту составления исследуемого нами кодекса округ Суйчжоу (современный г. Суйдэ) уже не входил в состав территории Си Ся. Возможно (у нас для этого нет точных данных), мог измениться состав округов, но сохранилось главное — представление о «Пяти округах» как центре территории государства, тех землях, с которых оно началось. Они были ядром внутренних земель, хотя их подлинное географическое положение и не отвечало полностью этому требованию. Таким образом, в теории территория государства простиралась от центра, резиденции государя, тремя большими зонами: 1) районы орошаемых земель, они же «Пять округов», 2) внутренние районы страны, 3) пограничные районы страны.

Степень удаленности от центра тоже нашла свое отражение в кодексе. Ближе всего к центру, практически совпадая с ним, были орошаемые районы. За ними шла как бы вторая зона удаленности — это район Линъу, Баоцзинсянь, Луньхунсянь, Хуайюаньсянь, Динъюаньсянь. Действительно, это были все внутренние, прилегавшие к центру области Си Ся. Третья зона была обозначена областью Минша на юго-восточной границе Си Ся и генерал-губернаторством («дадудуфу»), четвертая — округом Вэйчжоу на юго-восточной границе Си Ся и Внутренним Южным двором, локализация которого неясна. Пятая зона включала Внутренние Северные земли, Восточный двор и область Цзиши на юге. Шестая зона была обозначена Чжоро (юго-западная граница Си Ся, район Наньшаня), Западным двором, Няньди и округом Шичжоу на востоке. Седьмая зона включала районы еще более удаленные — Западный двор, Черные горы (горы Хэйшань на северо-восточной границе Си Ся). Восьмая и девятая зоны имели только северный и западный ориентиры. Восьмая была обозначена городом Сучжоу на западе и городом Эдзина (Хара-Хото) на севере; девятая и последняя — городами Шачжоу и Гуачжоу на западе (ст. 1254)[4]. Это были как бы малые зоны, на которые

[3] *Чжан Цзянь*. Си Ся цзиши бэньмо. [Б. м.], Гуань-сюй нянь (1875—1908), цз. 1, л. 1а; *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 36.

[4] Детально локализацию см. на картах в книге: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. См. также очень полезную статью: *Чжан Сюнь*. Ся го чжоу као.— Си Ся ши луньвэнь цзи. Иньчуань, 1984, с. 230—247.

дополнительно делились три большие, главные зоны отходящего от центра страны пространства. Если мы примем за точку отсчета, за самостоятельную единицу столицу и ее район, то получим десять зон, на которые не очень строго концентрически (с большим флюсом на запад, где последние «круги» явно не были полными), но четко по степени удаленности от центра по радиусам, делилась территория тангутского государства.

Высшей административной единицей местной администрации были военно-полицейские управления в пограничных районах страны[5]. Они относились к числу управлений третьего (среднего) класса. За ними следовало управление Пяти округов (Учжоу), управление департамента («фу»), армии («цзюнь»), области («цзюнь») и уезда («сянь»). Четыре последние административные единицы — фу, цзюнь (армия), цзюнь (область) и сянь — были прямо заимствованы из административной системы Китая. Такая субординация местной администрации отражена в ряде статей кодекса. «Что касается назначения разъездных инспекторов для поимки воров в гвоны внутренних и пограничных военно-полицейских управлений, в область Пяти округов, а также во все департаменты (фу), армии (цзюнь), области (цзюнь) и уезды (сянь), то...» (ст. 925). «Устанавливается следующий порядок прохождения ревизии [складов]: военно-полицейское управление, департамент (фу), армия (цзюнь), область (цзюнь), уезд (сянь)» (ст. 1251).

Данный порядок был порядком значимости административных единиц, а не обязательного строгого включения одних в другие, начиная с низших, т. е. области не обязательно делились на уезды, армии на области и т. д. Статус департамента («фу») имели всего несколько крупных городов и прилегающих к ним районов. На момент составления кодекса это были: столица тангутского государства, особая административная единица «генерал-губернаторство», о котором подробнее будет сказано ниже, и Силян (современный Лянчжоу, Увэй) — город и область, где находилась одна из периферийных резиденций тангутских государей. Из числа армий («цзюнь») в кодексе названы Минша (юго-восточные границы Си Ся), а также армии Хукун, Вэйди и Сюаньвэй, локализовать которые точно трудно, и армия Дада, судя по названию, находившаяся где-то на севере, на границе с татарами. Кодекс упоминает две области («цзюнь») — Линъу (Линчжоу) и Уюань, которую мы затрудняемся указать на карте Си Ся.

Вышеприведенный перечень включает «Пять округов», но не

---

[5] Кит. «цзяньцзюньсы». Таких управлений не было в системе китайской администрации. «Цзяньцзюнь» — армейский инспектор, поэтому авторы «Краткой истории Си Ся» (Си Ся цзянь ши. Иньчуань, 1979, с. 31) отождествляют «цзяньцзюньсы» с наименованиями армий и трактуют их как центры местных военных округов, что неточно.

упоминает округа («чжоу») как самостоятельной административной единицы, хотя статус «чжоу», «округа» имели и другие районы страны, кроме «Пяти округов». В кодексе упоминаются Фуи(Хуи)чжоу, а также Шачжоу, Сучжоу и Ганьчжоу. Не совпадала и значимость административных единиц. Иногда уездное управление по своему разряду могло быть выше управления области. Например, управление уезда Чиюань было управлением третьего класса, а управление области Линъу — только управлением четвертого класса (ст. 675). Все это приводило к тому, что фактическая значимость той или иной единицы зависела не от ее наименования в номенклатуре субординации, а скорее от закрепленного за ней на данный момент правительственным решением положения.

Населенные пункты помимо «сянь» — уезд и уездный город, «цзюнь» — армия и центр дислокации армии, местонахождение ее командования, «цзюнь» — область и центр области, «чжоу» — округ и центр округа, «фу» — департамент и центр департамента именовались также «нгин» — «село», «деревня», «у» — «укрепление», «по» — «крепость» (от китайского «бао»), «чей» — «укрепление», «крепость» (от китайского «чжай»), «гэу» — «укрепленный пункт», «шэ» — «станция и рынок» и, наконец, «вэ» — «город» [6].

Совершенно очевидно, что все это многообразие местных административных единиц было унаследовано тангутами от Китая. «Фу», «департаментами», как часто переводят на европейские языки название этой административной единицы, фактически были те же округа, только особого, почетного статуса. В Китае так именовались столица и несколько других, признанных особо важными городов [7]. Деление на округа в Китае появилось в 589 г., когда оно заменило введенное еще при Цинь Ши-хуанди деление страны на области («цзюнь»). Округ был центральной низовой единицей и делился на уезды («сянь») [8]. Области («цзюнь») при династии Суй в отличие от округов («чжоу») означали военные округа [9]; позднее, при Сун, это тоже области и командные пункты [10]. Административному делению Сун было присуще и наличие «цзюнь» (армий) [11]. Уезд («сянь») ко времени появления тангутского государства был обычной низовой

---

[6] *Кычанов Е. И.* О некоторых наименованиях городов и местностей бывшей территории тангутского государства.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XI. Ч. 1. М., 1975, с. 47—51.

[7] *Rotours R. des.* Les grands fonctionnaires des provinces en Chine sous la dynastie des T'ang.— T'oung Pao. 1928, vol. 25, № 5, c. 302; *Wright H.* Geographical Names in Sung China. P., 1956, c. 1.

[8] *Rotours R. des.* Les grands fonctionnaires des provinces, c. 262, 271.

[9] Там же, с. 226, 262, 271.

[10] *Wright H.* Geographical Names in Sung China, c. 1.

[11] Там же.

единицей в Китае [12]. Всю эту систему тангуты унаследовали в готовом виде и не очень стремились изменить.

Известную специфику тангутской местной администрации составляли военно-полицейские управления. На время составления кодекса их было двенадцать: Шичжоу, Восточный двор, Цзишоу, Вэйчжоу, Чжоро, Южный двор, Западный двор, Шачжоу, Белые горы, Черные горы Во, Северный двор и Няньцзи (ст. 690). Этот список частично не совпадает с тем, который известен из китайских источников на 1036 г. [13]. С того времени появилось деление на Северный, Восточный, Южный и Западный дворы — четыре локальных административных центра, сориентированных по странам света, местонахождение которых мы не в состоянии указать на карте. Неясно нам местонахождение Цзишоу, Белых гор и Няньцзи. Но пять центров военно-полицейских управлений наносятся на карту достаточно точно: это Шичжоу — восточные районы Си Ся, город Шичжоу был где-то между современными городами Юйлинь и Хэншань (пров. Шэньси); Вэйчжоу — в южных районах Си Ся, в их восточной части, центр управления был в городе Вэйчжоу, находившемся севернее современного уезда Хуаньсянь, провинция Ганьсу; Чжоро — в юго-западном районе Си Ся, центр находился в Чжоро, юго-западнее современного Чжанъе (Ганьчжоу), провинция Ганьсу, в горах Циляньшань. Северо-Западный тибетский автономный округ; Шачжоу — в крайне западных районах Си Ся, современный Дуньхуан, провинция Ганьсу; Черные горы Во — управление находилось на северо-востоке территории Си Ся, а Черных горах (Хэйшань), современные горы Ланшань, Внутренняя Монголия.

Военно-полицейские управления делились на военно-полицейские управления внутренних и пограничных районов страны (ст. 4). В штате пограничного военно-полицейского управления было 50 делопроизводителей и 40 приказных (ст. 706). Делопроизводство военно-полицейских управлений было сориентировано на Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или Главное управление военных дел, в зависимости от характера дела. При ведении военных дел военно-полицейские управления находились в подчинении у военных комиссариатов («цзинлюе») и военных комиссаров («цзинлюеши») (ст. 264, 551). Случаи неподчинения таковых военному комиссариату, например военно-полицейского управления Белых гор, были специально оговорены законом (ст. 551).

Функции военно-полицейского управления были достаточно широки. Оно ведало государевыми складами на вверенной ему

---

[12] *Rotours R. des.* Les grands fonctionnaires des provinces, c. 271; *Eberhard W.* Some Sociological Remarks on the System of Provincial Administration during the Period of the Five Dynasties.— Studia Serica. 1948, vol. 7, c. 1–2.

[13] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 122.

территории, всей деятельностью, персоналом и имуществом этих складов (ст. 1157, 1158), контролировало деятельность нижестоящей администрации, действовало как орган суда на местах и принимало доносы, в том числе и о мятежах (ст. 551, 4), проверяло состояние оборонительных сооружений в городах, ведало учетом, раздачей и обменом государевых боевых коней и доспехов (ст. 264, 325, 336), принимало сведения о находках бесхозного скота и производило осмотр его (ст. 158) и т. д. Короче говоря, военно-полицейское управление достаточно полно контролировало жизнь вверенного региона в сфере гражданских дел, военной и судебной, имея свои прерогативы во всех трех указанных сферах. Неразделенность гражданской, военной и судебной власти была как раз характерна для военно-административной системы управления, принятой в Си Ся на местах.

В ряде случаев военно-полицейские управления не подчинялись непосредственно центральному правительству; между ними была промежуточная инстанция — военные комиссариаты («цзинлюе»), во главе которых стояли военные комиссары («цзинлюеши»). Мы не начали свое изложение с военных комиссариатов потому, что не все военно-полицейские управления подчинялись им (ст. 565). Об институте комиссаров («ши») — особых уполномоченных центрального правительства на местах — мы уже писали раньше. Их функции, так, как они отражены в нашем кодексе, были следующими. Возможно, комиссариатов было четыре: Восточный и Южный — более близкие к столице, Западный и Северный — более удаленные от нее. Закон предписывал, что «начиная с пятого дня первого весеннего месяца Восточный и Южный военные комиссары в течение двадцати дней, а Западный и Северный военные комиссары в течение одного месяца должны представить официальные отчеты [о состоянии оборонительных сооружений] в Главное управление военных дел» (ст. 264). Вполне возможно, что деление территории страны, точнее, выделение на территории страны четырех комиссариатов совпадало с выделением территорий Восточного, Южного, Северного и Западного дворов, хотя прямых доказательств тому у нас нет. Такое выделение местных центров управления не было новшеством для того региона и тех лет. Мы знаем о принципе выделения нескольких столиц, принятом у бохайцев, киданей, чжурчжэней. Это, бесспорно, было общее явление, характерное для многонациональных государств Дальнего Востока и Центральной Азии с наличием на местах групп населения с сохранившимся родоплеменным делением, а скорее четкой памятью о нем. Нестабильность таких групп населения вынуждала центральную власть как бы «делегировать» своих представителей на места для более прочного контроля за подданными. Этим и объясняется промежуточное состояние этих административных единиц между центральным правительством и обычной для всей страны местной адми-

нистрацией. «Что касается управлений военных комиссаров, то [таковые] должны считаться на одну степень ниже Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и Главного управления военных дел, но более важными, чем все прочие управления» (ст. 677).

Военные комиссариаты имели в своем подчинении войска и инспектировали их боеготовность. «Что касается [войск], подчиненных военным комиссариатам, то военные комиссариаты у себя на месте должны направлять для проверки [воинского снаряжения] способных, знающих дело лиц» (ст. 282). Военные комиссариаты собирали и обобщали сведения о состоянии оборонительных сооружений в подчиненных городах (ст. 264), военные комиссары ведали складами на подведомственной им территории (ст. 1219, 1251) и всеми расходами и поступлениями государева зерна, скота и имущества на эти склады (ст. 1223). Собственно управление складами уже приводило к смешению в одном военном комиссариате и в лице одного военного комиссара функций гражданской и военной власти, ибо он ведал не только оружием, воинским снаряжением и запасами для армии, но и запасами продовольствия и казенным имуществом вообще. Военные комиссариаты имели в своем подчинении казенные скотоводческие хозяйства (гвоны) (ст. 1364). Поэтому в военные комиссариаты также подавались сведения о находках скота и имущества (ст. 158). Военные комиссары имели право и судебной власти: они следили за судебной деятельностью подведомственных им местных управлений (ст. 84, 60). Они принимали доносы, в том числе, конечно, и о мятежах (ст. 4). В штате пограничного военного комиссара работало 50 делопроизводителей (ст. 706), т. е. это был крупный по числу служащих административный орган.

Таким образом, военные комиссариаты («цзинлюе»), возглавляемые военными комиссарами («цзинлюеши»), были самыми высшими органами местной администрации на местах, но органами не повсеместными. Они обладали функциями как военной, так и гражданской власти, хотя думается, что их преимущественная подчиненность Главному управлению военных дел и забота о войсках позволяют считать их, хотя бы по происхождению, прежде всего органами военной администрации.

Иррегулярным, исключительным образованием в системе местного управления Си Ся было и генерал-губернаторство («дадудуфу»). Это тоже был орган военной администрации. Генерал-губернаторы в Китае («дуду») являлись воинскими начальниками, обязанными командовать отрядами войск и контролировать один или несколько округов. Вместе с тем, будучи военными, «дуду» и в Китае «фактически... выполняли и функции гражданского управления» [14]. Генерал-губернаторство в тангутском госу-

[14] *Rotours R. des.* Les grands fonctionnaires des provinces, c. 238—240.

дарстве находилось на правом берегу реки Хуанхэ, между столицей Си Ся городом Чжунсин и городом Линъу (между современными городами Иньчуань и Линъу, северная часть Нинся-хуэйского автономного округа, провинция Шэньси) [15]. Это были области интенсивного орошения, прохождения главных оросительных магистральных каналов Си Ся. Возможно, что главной целью организации генерал-губернаторства в Си Ся были не военные дела, а именно управление земледелием на орошаемых землях. Генерал-губернаторство имело свое управление транспорта и подчиненных ему сборщиков налогов (ст. 1126, 1128). Управление транспорта генерал-губернаторства следило за состоянием каналов и «в случае появления как незначительных, так и больших дел — чрезмерного подъема воды в канале или повреждения канала — обязано на месте [силами] управления транспорта определить [размеры бедствия] и произвести ремонт повреждений, а также дать знать о случившемся непосредственному начальнику» (ст. 1127). Таким образом, тангутское генерал-губернаторство ведало основным районом орошаемых земель в Си Ся и получением с этой области устойчивых доходов.

Центральной фигурой в администрации округа или области, низших основных единиц, следовавших за военно-полицейскими управлениями, был правитель округа или области, «цыши». Термин «цыши» в западной синологической литературе обычно переводят словом «префект», и мы следуем этому переводу.

Префект, правитель округа или области, отвечал на вверенной ему в управление территории практически за все. Он был обязан: «соблюдать мир на территории, контролировать чиновников, поощрять добродетель, поддерживать спокойствие в народе, поощрять земледелие... Раз в год он инспектирует вверенные ему уезды. Он следит за нравами, расспрашивает стариков, инспектирует заключенных, утешает вдов и сирот, контролирует жителей. Его информируют о бедах народа... Если же обнаружатся люди, не почитающие родителей и не уважающие старших, нарушающие ритуалы, выступающие против установленных порядков, не подчиняющиеся законам и приказам, то он обязан пресекать их действия и исправлять их» [16]. Префект был обязан также «следить за работой чиновников... должен был быть информирован о проявлениях алчности, лести, заносчивости и погони за личной выгодой со стороны чиновников. Он мог смещать и назначать чиновников в соответствии с их заслугами». Цыши исполнял также функции судьи [17]. Этот перечень обязанностей танского правителя округа целиком был характерен и для цыши периода существования Си Ся, прямого продолжателя дела своего предка.

---

[15] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, старинная китайская карта Си Ся.

[16] *Rotours R. des.* Les grands fonctionnaires des provinces, с. 267—268.

[17] Там же.

Заместителем префекта был «тунпань» (вице-префект). Кроме тунпаня в штате цыши были один столоначальник, два делопроизводителя и три приказных (ст. 1431). Сам цыши мог быть по личной службе или подчиненности гражданским или военным чиновником.

Округ или область обычно имели своим центром город. Город тоже имел свою администрацию, из числа которой мы должны назвать градоначальника и городского инспектора. Правила городом городская управа.

Цыши-префекты были чиновниками высокого ранга. Их положение по закону было равно статусу управлений среднего (третьего) класса. «Что касается префектов (цыши) во всех пограничных и внутренних [районах страны], то [они] по своему положению приравниваются к управлениям третьего (среднего) класса и должны обмениваться информацией посредством [документов] типа „шо"» (ст. 683). Цыши подчинялись или военно-полицейским управлениям, или военным комиссариатам (ст. 1428). Должность цыши была выше должности начальника многих управлений, которые вели дела на территории его округа. Цыши контролировал деятельность чиновников этих управлений. «Если на вверенных [цыши] территориях лица, занимающие должности, и знатные люди не будут слушаться приказов и подчиняться установленным порядкам, не сделают государева дела, станут нарушать законы, затянут и без того затянувшиеся дела, поставят недоброкачественные продукты, сгноят в тюрьме слабого или, злоупотребляя своей властью, станут притеснять слабых, не имея на то права, будут взимать подати или, не продумав как следует сомнительного дела, решат [его] своею властью, то, [если сами префекты еще] не совершили преступления, [с них] взимается штраф. Если [подчиненные префекту лица] служат исправно, то префекты, даже не имея [особых личных] заслуг, получают награды. Если сыновья и братья людей, занимающих должности, и людей знатных и богатых, [люди] властные и сильные, будут досаждать какому-либо должностному лицу или же если [во вверенной префекту] местности будет замечено что-то необычное, будут вестись чуждые недопустимые разговоры, то обо всем, что будет узнано и увидено, [префект] обязан докладывать: если [он] подчинен военному комиссару (цзинлюеши), то в военный комиссариат, а если [он] не подчинен военному комиссариату, то, в зависимости от того, служит ли [он] по гражданской или военной части, в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или Главное управление военных дел. В соответствии с законом между [префектами] должны быть сделаны различия, и те из них, кто имеет право действовать самостоятельно, должны действовать [самостоятельно], а те, кто обязан подавать донесения в вышестоящие инстанции, должны подавать донесения. Если же кто-либо из подчиненных заявит

префекту, что военный комиссар сам творит зло, то префект в течение шести месяцев обязан доложить [об этом] в вышестоящие инстанции» (ст. 1428). Таким образом, цыши имели право доноса даже на военных комиссаров, и, следовательно, власть их была велика.

Цыши ведали государственными складами своих округов и областей и по приказу, полученному из военно-полицейского управления, осуществляли выдачи зерна и имущества: «Если место выдачи [зерна] находится недалеко, то префект (цыши) обязан лично выехать для проверки дела. Если же [место выдачи зерна] находится далеко, то [ему] надлежит выделить в нужном количестве способных людей и отправить их в качестве инспекторов» (ст. 1157). Все документы на выдачу зерна оформлялись через цыши. Цыши ведали раздачей пособий от государства в своих округах (ст. 1242).

Значимыми фигурами местной администрации, особенно в пограничных районах страны и районах с кочевым населением, были разъездной инспектор и пограничный эмиссар.

Разъездные инспектора подразделялись на старших и младших (ст. 81). Это были полицейские чиновники, работавшие не только на окраинах, но и по всей территории страны. Их число в той или иной административно-хозяйственной единице (гвоне) определялось ее величиной и числом случаев воровства в ней. Назначали разъездных инспекторов из «людей волевых и способных, имеющих семью и занимающих должность в [управлении] аудиенций или являющихся государевыми посыльными, служащими внутренних и внешних дворцовых покоев, сановниками и чиновниками, [лицами] для особых поручений» (ст. 925). Более подробно о правах и обязанностях разъездных инспекторов мы уже писали выше, в связи с их ролью в задержании преступников и подозреваемых в совершении преступления.

В пограничных районах, судя по упоминаниям в кодексе, весьма влиятельной в местной администрации была фигура пограничного эмиссара. Из текста «Новых законов» очевидно, что пограничные эмиссары стояли по должности ниже разъездных инспекторов[18]. «Что касается пограничных эмиссаров, то [на эту должность] должны назначаться способные люди из числа военных инспекторов и „выносящих решения“. Если же [эти люди] занимают должности в управлении или много их отправлено в разные иные места и [людей] недостает, то на должность [пограничного эмиссара] могут быть назначены способные, умеющие вести дела, стойкие и отважные, умело выполняющие приказы, способные обучать военному делу, физически крепкие и мыслящие люди из числа командиров марша, [командиров] строя и направляющих» (ст. 236). Пограничный эмиссар имел печать.

[18] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 13.

Если он был в отпуске или в отлучке, назначался временный эмиссар (ст. 658). В первой четверти XIII в. пограничные эмиссары назначались из числа служащих вспомогательных войск [19]. Они несли службу посменно, по полгода каждый: первая смена с 1-го дня 6-го месяца по 11-й месяц включительно, вторая смена с 1-го дня последнего, 12-го месяца по 5-й месяц включительно. В дополнительный месяц служил тот человек, на долю которого он выпадал [20]. По исследуемому кодексу место эмиссара в субординации было третьим после разъездного инспектора и старшего кочевья. Ниже его по положению был пограничный чиновник. Пограничный эмиссар действовал «во вверенном ему гвоне» (ст. 81). Должность пограничного эмиссара была важной, это видно хотя бы из тех цитированных выше требований, которые предъявлялись к людям, получавшим должности пограничных эмиссаров. Он обязан был знать военное дело так, чтобы мог обучать военному делу других (ст. 236). Пограничный эмиссар оценивал личный вклад других военнослужащих в дело разгрома врага: «Если появившиеся вражеские войска или грабители были разгромлены нашими людьми, то эмиссарам следует выяснить обстоятельства дела. Тот, кто стойко исполнял свой долг, взял в плен или убил врага, должен получить ранги и награды в зависимости от той командной должности, которую он занимает» (ст. 239). Вместе с тем, как и многие местные администраторы в Си Ся, эмиссары часто выполняли гражданские обязанности: следили за сохранностью скота, в частности за соблюдением запрета на его убой (ст. 81), контролировали соблюдение порядка при принятиях кем-либо из вверенных им людей монашеского сана (ст. 785) и т. п.

Пограничные эмиссары имели свой штат сыщиков (соглядатаев). Первоначально их назначали из числа служащих внутренних дворцовых покоев, позднее, в XII в.,— из местных чиновников и «способных, умеющих вести дела чиновников внешних дворцовых покоев». Как и сами эмиссары, сыщики служили одну смену продолжительностью шесть месяцев [21].

Администрация пограничных районов страны была тесно связана с армейским командованием. Статья 410 дает приблизительно такую субординацию: полный командующий, его помощник, старшие офицеры, пограничный эмиссар, градоначальник, городской инспектор, тунпань (вице-префект), командир марша, командир строя, направляющий. Не все чиновники в пограничных районах служили постоянно. Это могло быть временное назначение на службу, и тогда оно не считалось очередным перемещени-

---

[19] «Новые законы», гл. IV, инв. № 5584, с. 5—6.
[20] Там же, с. 6.
[21] Там же, с. 3—4.

ем по службе. Если же назначение было постоянным, то чиновник регистрировался не по своей старой должности в центре, а по новой должности на границе (ст. 699).

В тангутском государстве была принята десятеричная система организации населения. В кодексе сказано: «Чиновники обязаны объединять хозяев податных дворов, живущих поблизости друг от друга, в группы и над каждыми десятью дворами назначать одного цзясяо, над каждыми пятью цзясяо — одного старшего, человека, способного вести дела, а над каждыми двумя старшими — одного старосту кочевий и землепашцев из живущих поблизости низших чиновников, чиновников, [лиц] для особых поручений, служащих регулярной армии и вспомогательных войск, людей, способных вести дела и не привлеченных в данный момент к какой-либо работе» (ст. 1163). Главы десяти семей отвечали за все, в частности за борьбу с воровством и за противопожарную безопасность в своем десятке[22]. В начале XIII в. в земледельческих районах должности цзясяо были упразднены[23]. Остались только главы 50 и 100 семей. Но должность главы 10 семей сохранилась в районах кочевого скотоводства. Скотоводы также имели дополнительно начальников над объединениями из 200—250 семей.

Основной должностью низшей местной администрации Си Ся был направляющий. Ему равнозначна и появившаяся в конце XII или начале XIII в. должность «дацзюня». «Дацзюни» наряду с управляющими предместьями и старостами кочевий производили поиск и аресты виновных в возникновении пожара, следили, чтобы во время пожара не было краж, производили мелкие наказания виновных[24]. Возможно, что их должность была ближе к полицейской.

В принципе должность направляющего была воинской должностью, должностью младшего командира. Но одновременно это была универсальная должность — как для военных, так и для гражданских целей, которые, как мы уже не раз подчеркивали, в тангутской местной администрации не разделялись. «В [нашем] государстве,— читаем мы в „Новых законах“,— все отцы и сыновья находятся в подчинении у направляющих. И среди тех из них, кто состоит как в гвонах управления [местным населением], так и в [армейских] солдатских гвонах, нет таких, которые не исполняли бы какой-нибудь работы и находились бы в бегах»[25]. Направляющие были командирами или начальниками гвонов — воинских подразделений или основных низовых производствен-

---

[22] «Новые законы», гл. VIII, инв. № 827, с. 34.
[23] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 46—47.
[24] «Новые законы», гл. VIII, инв. № 827, с. 30—35.
[25] «Новые законы», гл. XII, инв. № 6240, с. 3.

ных и административных единиц Си Ся [26]. Гвон представлял собой сложное и важное явление в хозяйственной и административной организации Ся, и на этом следует остановиться специально.

2. Гвоны. Учет населения. Хозяева

Итак, гвоны были универсальными единицами, по которым было распределено все самодеятельное население Си Ся, «все отцы и сыновья», и, грубо говоря, они делились на гвоны армейские (воинские подразделения, «солдатские гвоны»), гвоны управления гражданским населением («гвоны управления») и хозяйственные гвоны.

Человек был приписан к тому или иному гвону «по приказу», и смена гвона влекла за собой наказание смертной казнью: «[1.] Если указанные [ниже] в [данной] статье [лица], которые принадлежат к категориям [лиц], выполняющих тяжелые работы, уклонятся от тяжелой работы и уйдут с теми, кто исполняет легкую работу, или из пограничных войск перейдут в [войска] внутренних [районов страны], или сменят гвон и окажутся не в том гвоне, в котором [они] должны [находиться] по приказу и в соответствии со [своей] категорией, то [виновные в том] подлежат смертной казни путем удавления. [К числу таковых относятся]: пастухи и земледельцы, смотрители ворот и башен, прислуга внутренних спальных покоев [государя], лодочники и паромщики, конюхи, посыльные всех управлений, официанты... дворцовые рассыльные, птичники, возчики, повара, ткачи шелков, ремесленники, изготовляющие украшения, погонщики караванов верблюдов, личная охрана дверей у покоев государя... барабанщики ночных барабанов, суконщики, ювелиры, тележники, вязальщики травы, добытчики соли из озер У и Цзе, строители оросительных каналов, музыканты, обозники пи-и (?), прислуга в пограничных районах и внутренних областях, государевы знаменосцы, те, кто проверяет размеры рвов и окопов, установленные законом, разные мастеровые, [работники] управления коневодства.

[2.] Если [люди], не входившие в число занятых на тяжелых работах и числящиеся в рядах тех, кто выполняет легкие работы, по своему желанию, ради собственной выгоды или с какой-либо иной целью, уйдут с ранее указанных им [легких работ] на тяжелые работы и сменят гвон, то [виновные] наказываются пожизненными каторжными работами. [К числу таковых отно-

[26] Мы уже упоминали о том, что сохранилось немало печатей направляющих. Ли Фаньвэнь переводит значение этой должности в администрации Си Ся как «шоулин» — «глава», «главарь», «предводитель» — или как «цюжан» — «вождь», «главарь» — и правильно указывает, что это были «местные чиновники (правители) различных уровней». *Ли Фаньвэнь.* Си Ся яньцзю лунь цзи. Иньчуань, 1983, с. 103.

сятся]: чиновники, старшие чиновники, составители и хранители списков, состоящие при деле отроки из простых людей, прислуга личных спальных покоев государя, [служащие управления] аудиенций, слуги внутренних спальных покоев в [государевом] доме, врачи, [лица] для особых поручений, знатоки земли, передающие приказы уйгурам, торговцы, историографы, государевы колдуны, делопроизводители и приказные, постельничие в семье и доме [государя], государевы посыльные, [прислуга] спальных покоев, [солдаты и офицеры] наружной охраны государя, прислуга спальных покоев государя, находящихся за пределами [дворца].

[3.] Если те, кто не вошел в число [лиц], для которых выше указаны наказания за смену гвона, уход с тяжелых работ на легкие или переход с легких работ на тяжелые работы, [то есть] люди, которые при назначении их в порядке очередности на легкие или тяжелые работы сменят направляющего, принадлежащего к той же категории, что и они сами, или сменят гвон, перейдя в другой, но близкий по типу, или из войск, расквартированных во внутренних областях страны, уйдут в пограничные войска, то [виновным] — 12 лет каторжных работ...

[7.] Если в вышеуказанных случаях, когда произошла замена гвона, старшие и младшие направляющие и ответственные за размещение и замыкающие знали [об этом] и получили взятку, то направляющие получают наказание на одну степень меньшее, чем пособники преступника, а младшие направляющие, ответственные за размещение и замыкающие — на три степени меньшее, чем наказание направляющим» (ст. 720).

Гвон прежде всего был производственной единицей. Гвоны создавались из людей одной или нескольких профессий, которые в зависимости от своего социального статуса (категории) делились на исполняющих тяжелые и исполняющих легкие работы. Гвоны были и армейскими подразделениями, как в регулярной армии, так и во вспомогательных войсках. «Если беглые бежали из гвонов [своих] хозяев — армейских направляющих регулярной армии дирам... из кочевых гвонов от разных должностных лиц, служащих вспомогательных войск, то [таковые] немедленно должны быть задержаны главами семей, в которых [они] находятся, главами кочевий и эмиссарами и в десятимесячный срок отосланы назад» (ст. 944). Руководили гвонами направляющие, армейские и неармейские, старшие и младшие, и их штат — ответственные за размещение и замыкающие.

Гвон был не только производственной, но и фискальной единицей. «Деньги, поступающие в счет уплаты налогов из гвонов... и поземельный налог со всех гвонов Пяти округов (Учжоу)... ежемесячно... подсчитываются, [и об итогах подсчета] подается доклад» (ст. 1220). Особо расследовали дела, связанные со «сбором местными гвонами подлежащего уплате зерном поземельного налога с орошаемых и неорошаемых земель» (ст. 554). При сбо-

ре молочных продуктов и шерсти «в каждом гвоне из имеющихся там старших и младших управляющих пастбищами назначается старший. [Они] в соответствии с официальными документами и донесениями и должны присылать столько [молочных продуктов и шерсти], сколько их имеется в наличии» (ст. 1353). Скотоводческие хозяйства, в обязанность которым вменялось «снабжать государя сливками... молоком, маслом и сыром, в отличие от всех скотоводческих гвонов освобождаются от поставок шерсти овец и коз» (ст. 1354).

Гвон был и единицей назначения на трудовые повинности, что видно из указателя к тексту несохранившейся статьи 1342 («Об установлении [норм] трудовых повинностей для скотоводческих гвонов, которые не работают ни на какое управление»). Закон требовал, чтобы «различные государевы налоги и работы на государя в гвонах взимались и выполнялись в соответствии с установленными нормами» (ст. 450). Статья 808 тоже упоминает о людях, «выставляемых» гвоном для работ по трудовой повинности. Функции фискальная и организации отработок, возможно, являлись центральными для гвона помимо связанной с ними функции учета населения, о чем подробнее будет сказано ниже. Любопытно, что излишние поборы или неверное назначение на работы в кодексе нередко приравниваются к смене гвона и соответственно строго наказываются (ст. 1097, 1119).

Человек, даже лично свободный, не принадлежавший частному лицу или государю, был прикреплен к своему гвону, к месту своего труда. Люди тяжелого труда, прежде всего пастухи и земледельцы, если они почему-либо без позволения властей, самовольно, за взятку и т. п. оказывались не в том гвоне, в котором они должны были бы трудиться по приказу, подлежали смертной казни путем удавления. Люди легкого труда — чиновники, делопроизводители и приказные, врачи, личная прислуга государя — за самовольную смену гвона наказывались пожизненными каторжными работами. Даже переход в одной сфере труда от одного направляющего к другому, смена гвона в пределах одного производства и своей социальной категории влекли за собой наказание 12 годами каторжных работ. К смене гвона приравнивался незаконный уход в монашество (ст. 781, 785). Подлежали наказанию и все должностные лица, которые за взятку, или из личной симпатии, или по другим побуждениям, а то и по небрежению способствовали смене гвона. Меняли гвоны только по приказу свыше (ст. 363, 755, 813).

Лицо, отбывшее наказание, в первую очередь, пастух или земледелец, снова возвращалось в свой гвон (ст. 18). Это не касалось лишь тех, кого наказывали каторжными работами без права возвращения в свой гвон или пожизненно поселяли по месту отбывания каторги. Во многих случаях «четыре категории людей — пастухи, земледельцы, лодочники и возчики», приговорен-

ные к каторжным работам на определенный срок, на каторгу не отсылались. Так как они постоянно были заняты на тяжелых работах, то после битья палками и клеймения на них надевали железный ошейник и передавали «чиновнику, к которому [они] были приписаны в своем гвоне» (ст. 83). Таким образом, за гвон отвечал, гвоном руководил чиновник (направляющий и выше), и люди считались приписанными и к гвону, и к руководящему гвоном чиновнику. Для определенной категории людей, лиц, занятых на тяжелых работах, прикрепление к гвону трактуется одинаково с личной несвободой людей, принадлежащих какому-либо владельцу. Так, закон предписывал: «Если [преступника] в дополнение [к прежнему наказанию] клеймят и бьют палками, то [после этого] он снова должен быть передан [своему] владельцу или в [свой] гвон» (ст. 86).

Социальное положение членов одного и того же гвона отнюдь не было одинаковым. Если, например, какой-то хозяин из данного гвона разорился и оказывался «не в состоянии кормить [государева] коня и ремонтировать доспехи», то он должен был «передать [государева коня и доспехи] кому-либо из [того же] гвона» (ст. 333), кто мог, будучи военнообязанным, сам содержать государева боевого коня и сохранять в порядке оружие и доспехи. Только в том случае, когда в том же гвоне не оказывалось лица, которому можно было передать коня и доспехи, их передавали в другой гвон (ст. 334). Один член гвона мог работать на другого: «Если кто-либо из солдат в [нашем] государстве, бедный сын разорившегося хозяина, будет квартировать в доме человека того же самого или другого гвона и добровольно наймется на работу к кому-то из хозяев, то [он] может наняться на работу» (ст. 343).

В гвоне брались на учет и лично несвободные, принадлежавшие частным лицам. Списки членов гвона составляли приказные гвона (ст. 350). В армейских гвонах велся строгий учет всех мальчиков из категории лиц для особых поручений (ст. 368, 374). В списки гвона должны были быть включены все совершеннолетние: «Если совершеннолетний пхинга, принадлежащий любому человеку, не будет занесен в списки гвона и будет сокрыт, то любой человек должен донести об этом» — требовал закон и обещал награду за донос и наказание виновным за сокрытие их пхинга (ст. 376). Пхинга и государевы люди как члены гвона упоминаются в статье 813. В скотоводческие гвоны направляли работать осужденных (ст. 1403).

Гвон не меняли человеку даже после того, как он был в бегах. Если он был нужен или раскаивался в своем поступке, то его возвращали в прежний гвон. Людей, бежавших из пограничных районов, селили на границе (ст. 392, 393). Когда бывший беглец возвращался «в другой гвон», «иную категорию, то в том случае, когда [у него] есть семья, [он] должен быть соединен с

ней. Прочим же — кандидатам [на его] должность, сыновьям и братьям — менять гвон и объединяться с ним не разрешается» (ст. 428). Менять гвон нельзя было даже при наследовании армейской должности: «Тот, кто наследует, и тот, [чья должность] наследуется, не имеют права перейти из числа лиц одной категории и одного гвона в число лиц другой категории и другого гвона» (ст. 412).

Родственники «ожидающих приказаний» или лиц для особых поручений наследовали должности в пределах одной категории и одного гвона. Если у умершего не было прямых наследников, то наследовать должность могли и родственники из другого гвона, но относящиеся к той же социальной категории. Дальний родственник, будь он одного гвона с лицом, умершим без прямых наследников, не мог наследовать должности умершего, связанной с обслуживанием государя (ст. 463).

Гвоны армейские совпадали с воинскими частями («регулярные войска любого гвона») (ст. 296) или с теми территориальными и производственными единицами, которые образовывали соответствующий армейский гвон, обязанный выставить определенное число военнослужащих (ст. 362, 364).

«Местный» гвон являлся низшей административной единицей, нечто вроде волости. Это были гвоны высших административных единиц, «гвоны департаментов, армий, областей и уездов внутренних и пограничных районов страны» (ст. 1227). Государевы посланцы нередко ехали в конкретный гвон, названный в предписании (ст. 35). Эти гвоны имели разные размеры (ст. 925). Основным их населением были хозяева (ст. 803, 1122), о которых мы подробнее скажем чуть ниже. Эти гвоны имели «ничейные» (не государевы и не частные) земли общего пользования (выпасы, лес, кустарники и т. п.) (ст. 803). Думается, что функции этих гвонов больше всего совпадали с задачами налогообложения и организации отработок по трудовой повинности. Для хранения собранного в качестве налогов зерна эти гвоны имели склады (ст. 1219). Вместе с тем они выполняли ряд социальных функций, таких, например, как наблюдение за тем, чтобы близкие родственники кормили слабых, престарелых и малолетних родственников, членов того же гвона (ст. 806). Гвон защищал. Уход из гвона (не смена гвона, а как бы отделение от него), повлекший ущерб для члена гвона, был наказуем. Если скотовод кочевал отдельно, а не в составе гвона и был в результате этого, оставшись беззащитным, ограблен, то, если даже похищенное имущество удавалось спасти, оно изымалось у отступника в качестве штрафа за то, что он отбился от гвона (ст. 232).

Третью группу гвонов составляли гвоны — специализированные хозяйства и мастерские. Часть этих гвонов была при управлениях. Для надзора за имуществом управления в таких гвонах «начальник [управления] по принадлежности направляет упол-

номоченных в каждый гвон и назначает [их] интендантами» (ст. 1223). Свои гвоны имели управления ревизии и контроля имущества (ст. 1229). Из производственных гвонов стоит указать на скотоводческие гвоны, которые были в ведении управления скотоводства, как об этом, например, сказано в оглавлении-указателе к статье 1328. Скотоводческие гвоны не раз упоминаются в главе 19 (ст. 1358). Скотоводческие гвоны подчинялись не только управлению скотоводства, но и военным комиссариатам (ст. 1364). Скотоводческие гвоны были хозяйствами, в которых содержался казенный скот, поэтому в кодексе они иногда именуются «государевыми скотоводческими гвонами» (ст. 1389). Скотоводческий гвон имел зимние и летние пастбища скота и четко определенные ему земли (ст. 1373, 1398). Государев скотоводческий гвон управлялся в порядке субординации старшими управляющими пастбищ, направляющими, замыкающими и младшими управляющими пастбищ. Ниже начальства уже не было, а были только рядовые пастухи (ст. 1390).

В кодексе упоминаются и другие производственные гвоны. Это гвоны по добыче соли (ст. 1307), гвоны вышивания тканей нитями из драгоценных металлов (ст. 1256), гвоны по производству шелка, конные дворы, монетный двор (гвон) и другие (ст. 273). Мастера, работавшие в производственных гвонах,— а думается, что гвоны объединяли мастеров всего казенного производства,— в отличие от чиновников не подлежали замене каждые три года: «При очередных перемещениях [должностных лиц] в управлениях начальники-мастера в управлениях, ведающих производством высокохудожественных работ, не могут подлежать замене... [Управления, в которых не производится замена начальников-мастеров, следующие:] управление железоделательных мастерских, управление строительных работ, управление мастерских по обработке золота, управление, ведающее производством украшений, управление гончарных мастерских, управление мастерских по изготовлению бумаги» (ст. 697).

Можно указать на возможную аналогию тангутским производственным гвонам в Японии. В кодексе Ёро (718 г.), который иногда считают «пиком японских культурных заимствований из Китая», перечислены «управления», фактически объединявшие людей по профессиональному признаку: изготовителей стрел, луков, щитов, мечей, тележников, гончаров, ювелиров, птичников, охотников и т. п.[27], т. е. мы имеем примерно тот же перечень, который неоднократно встречаем и на страницах кодекса Си Ся.

Можно высказать предположение, что тангутское слово «гвон» (в реконструкции М. В. Софронова — won, Нисида Тацуо — γō) было заимствованным китайским словом «юань», «поместье»,

---

[27] *Crump J. J.* «Borrowed» T'ang Titles and Offices in the Yoro Code.— Occasional Paper. Center for Japanese Studies. Ann Arbor, 1952, № 2, с. 47.

«подворье», «управление». В административной практике Си Ся это слово приобрело то значение, которое мы знаем из кодекса: армейский гвон, местный гвон (хозяйственно-административная единица), производственный гвон (определенная мастерская, отрасль производства).

Не исключена связь между гвонами и киданьскими военно-административными единицами «шиле». «Шиле», изначально часть «бу» (племени, а точнее, административно-хозяйственной единицы), отождествлялись с китайскими низовыми административными единицами «сян» (волостями). «Шиле» правящего «бу» киданей Ила были преобразованы в начале X в. как раз в «юани» [28].

С гвонами теснейшим образом был связан учет и составление списков населения. Тангутское государство и право не допускали неучтенных граждан: «Если кто-либо официально заявит: „Найден человек, про которого неизвестно, кому он подчинен“, то [найденного человека] можно трижды допросить с применением битья тонкими палками. Если выяснится, кому он подчинен, то [он] должен быть отправлен туда, где обязан находиться. Если же место, где [он] обязан находиться, окажется неясным, то с [его] согласия [он] должен быть отправлен в ближайшее [место] пастухом или земледельцем либо включен в ученое сословие и [там] взят на учет. Если после того, как место [его] будет определено, кто-то заявит: „Мне известно, кому он подчинен!“, то приговор [виновному] выносится по законам о семье и гвоне» (ст. 380).

Учет велся в конкретных целях налогообложения, привлечения к трудовой повинности или к воинской службе. Дети значились в тех списках, в которые были занесены их родители, родные или усыновители (ст. 1). В списках обязательно указывался возраст и физические достоинства и недостатки человека: «Если кто-либо из ненависти к другому слабого [человека] отнесет к числу сильных, а старого и слабого действительно не включит в число старых и слабых, не снимет с учета умершего человека, то направляющим, составителям и хранителям списков, армейским командирам там, где были допущены [подобные] нарушения,— 2 года каторжных работ» (ст. 808).

Списки составлялись направляющими, низовой местной администрацией и армейскими командирами. Судя по тексту статьи 1165, списки составлялись каждые три года заново по распоряжению центральных управлений и Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами. Совершеннолетними считались юноши, достигшие 15 лет (ст. 370). Сыновья лиц для особых поручений брались на учет с 10 лет (ст. 368).

---

[28] *Wittfogel K., Fêng Ch'ia-sheng*. History of Chinese Society Liao. Philadelphia, 1949, с. 444—445.

Сокрытие мальчиков от учета было делом наказуемым, как и внесение в списки как несовершеннолетних лиц, на самом деле уже достигших совершеннолетия (ст. 369). «Если кто-либо, в действительности имеющийся налицо, вместе с умершими будет исключен из списков и если он достиг совершеннолетия, то [виновный в исключении его из списков] подлежит смертной казни путем удавления» (ст. 372). «Если совершеннолетний человек любой категории не занесен в списки [своего] гвона, то награда за донос об одном-двух [таких людях] —.20 связок монет, о трех-пяти — 30 связок монет, о шести-девяти — 40 связок монет; [за донос] о десяти [человеках] и более — 50 связок монет. Награда за донос о тех людях, которых следовало бы взять на учет, но не взяли, и о совершеннолетних, которых внесли в списки малолетних, должна составлять 1/2 награды за донос о сокрытии и невнесении в списки совершеннолетнего» (ст. 374).

В списки заносились люди «любых», т. е. всех, категорий — лично свободные, лично несвободные, пастухи и землепашцы, ремесленники, чиновники,— но главной фигурой в списках был хозяин, а главная их цель — налоговая, трудовая и воинская повинность.

В Си Ся дело учета населения было организовано по китайскому образцу [29]. Китайских списков населения немало найдено в Дуньхуане. Приведем один пример: «Хозяйство (ху) Дэн Шоуцуня. Супруга, младшая госпожа (сяо нян) из рода Чэнь. Сын (по имени) Лю. Раб Юань Чэн, раб Цзицянь, рабыня Мэй, рабыня Юань Си, рабыня Чжу Тай, рабыня... Совместно держат поле [площадью] 2 цин» [30]. Уплата налога зависела от времени занесения налогоплательщика в списки. Занесенные в списки весной платили налог полностью, занесенные в списки летом от налога освобождались, но привлекались к трудовой повинности. Внесение в списки осенью освобождало и от налога, и от трудовой повинности [31].

Д. Твичет правильно указывает, что нельзя думать, будто в списки населения включались только налогоплательщики [32] (на монахов и казенных лично несвободных людей составлялись отдельные списки).

Итак, целью учета были налоги и повинности, главным объектом учета, но не единственным — хозяева (термин, очевидно, является заимствованием китайского «хучжу»). Каковой пред-

---

[29] См.: *Рыбаков В. М.* Наказание правонарушений в сфере контроля над сельским хозяйством в период Тан.— Производительные силы и социальные проблемы старого Китая. М., 1984, с. 172—189.

[30] *Thilo Th.* Fragmente chinesischer Haushaltregister aus Dunhuang in der Berliner Turfan Sammlung.— Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. 1968, Bd. 14, H. 2, с. 305—306, 311.

[31] *Twitchett D. C.* Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, 1963, с. 204.

[32] Там же, с. 204.

стает перед нами эта социально-юридически центральная фигура общества из исследуемого кодекса и дополнений к нему? Хозяева — это составная часть народа. В «Новых законах» мы встречаем любопытный термин «хозяева-народ»[33]. Хозяева — это не только тангуты, а все население Си Ся, в том числе и нетангутское. Мы встречаем в текстах упоминание, например, о «тангутских и тибетских хозяевах»[34]. Хозяин — это собственник или держатель земли и скота, а не бедняк (ст. 1415, 1401). На то, чтобы быть хозяином, надо было иметь права. «Всем чиновникам, взрослым мужчинам и женщинам, всем людям, которые не имеют права числиться „хозяевами", запрещается захватывать [у подчиненных] коров, овец, топливо, сено, траву и другое имущество» (ст. 446). Из текста этой статьи также очевидно, что хозяин — это всегда глава семьи (в тексте «Новых законов» встречается термин «хозяева семей»[35]), что хозяином могла быть и женщина — глава семьи.

Хозяева имели землю, они пахали ее (не случайно хозяева именуются иногда «хозяевами-землепашцами») (ст. 1093, 1083), платили налоги (прежде всего поземельный) (ст. 1128, 1147) и отбывали трудовые повинности (ст. 722). Хозяева, их податные дворы составляли гвон. В помощь надзирающему за каналом назначали «государева или частного хозяина из ближайшего податного двора, входящего в местный гвон» (ст. 1122). Из числа хозяев назначались и надзирающие за мостами (ст. 1133), в обязанности хозяев, живущих в данной местности, входил ремонт мелких мостов (ст. 1134), хозяева следили за состоянием каналов, особенно у стыков каналов и у плотин (ст. 1137, 1142), за зелеными насаждениями по берегам каналов (ст. 1138, 1140). Хозяева сторожили бурты соли в местах соледобычи (ст. 1231).

Хозяева могли кому-то принадлежать. В тексте упоминаются «государевы и частные хозяева податных дворов», «хозяева, [принадлежащие] как государю, так и частным лицам» (ст. 1138, 1103, 1121, 1122).

Хозяев делили также на «имеющих какое-то количество быков» и на тех, «за которыми лично закреплено определенное количество упряжек быков» (ст. 1162).

В свою очередь, хозяева сами владели землепашцами: «Что касается назначений „наблюдающих за водой" и „обслуживающих канал" на больших магистральных каналах, то [таковые] должны назначаться из года в год в порядке очереди из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также [землепашцев], принадлежавших родственникам [государя],

---

[33] «Новые законы», гл. VII, инв. № 827, с. 26.

[34] Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 4189, с. 20.

[35] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 3.

советникам, старшим и младшим [чиновникам], хозяевам податных дворов и всем храмам» (ст. 1120). Хозяева были собственниками несвободных людей, пхинга и нини, которые «жили в семьях у любых хозяев»[36].

Власти объединяли хозяев в десятки, о чем мы писали выше, именно хозяева были основным населением данной административной единицы, они — объект домогательств и злоупотреблений местной администрации (ст. 934), и именно местные власти — объект возможного непочтения и нападения со стороны хозяев (ст. 1072, 1073).

Хозяевами были и скотоводы-кочевники (ст. 1399). Причем, как и у землепашцев, хозяином считался тот, кто имел свое хозяйство, свой скот. В статье 1401 речь идет о «бедном сыне разорившегося хозяина», т. е. человеке, не имеющим своего скота, неспособном платить налог. Закон устанавливал, что «бедные сыновья разорившихся хозяев должны быть отданы для ухода за скотом в помощники к пастухам».

Наконец, важно отметить следующее: как и в Китае, хозяева в Си Ся делились на несколько категорий в зависимости от получаемого ими дохода. Указаний на это нет в «Измененном и заново утвержденном кодексе», но упоминание о таком делении есть в «Новых законах». В одном из дополнений в главе 6 речь идет о «хозяевах всех категорий, имеющих доход от двухсот до трехсот связок монет»[37]. Это был незначительный доход, вероятно годовой, ибо он позволял являться на военную службу без коня. Поскольку категории хозяев с данной суммой дохода упоминаются в тексте как само собой разумеющиеся, можно предполагать, что деление хозяев на категории по доходности хозяйства было в Си Ся и в XII в. Богатые хозяева принадлежали к числу «мудрых и сильных хозяев», они в случае притеснения их чиновниками могли обращаться с жалобами прямо к государю[38].

Итак, хозяева были главами семей. Они были и основными налогоплательщиками. Хозяином считался как имевший несколько соток, так и имевший несколько десятков, а то и сотен гектаров земли — такова была особенность китайских средневековых правовых представлений, что и крестьяне, и крупные землевладельцы, помещики, представляли собой единую социально-правовую группу хозяев[39]. Хозяевами были и чиновники, в том числе и крупные, занимавшие высокие посты в государстве и армии. Есть мнение, что в Китае они не облагались налога-

---

[36] «Новые законы», гл. XIII, инв. № 4795, с. 12б.

[37] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 1—2.

[38] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 53.

[39] *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае. М., 1974, с. 108, 110—112.

ми[40]. В тангутском кодексе эти привилегии законодательно не закреплены.

Чиновники-хозяева известны нам из тангутских источников, в частности из документа 1224 г. Составитель этого документа Мбэнин Ндживува, ответственный за оборону города Хара-Хото, держатель серебряной пайцзы, числился одновременно и хозяином в области Минша[41], на другом конце страны. Списки хозяев из Дуньхуана также показывают, что хозяевами числились чиновники, имевшие должности и титулы. Так, в одном из списков значится «хозяин двора Ту Хуайфэн, записанный возраст 65 лет, „высокая опора государства"»[42]. Титул «высокая опора государства» был действительно очень высоким и давался лишь крупным сановникам.

Социальная стратификация европейских обществ была иной, и в проведении юридических, социальных границ роль земельной собственности была там решающей. В Европе феодал-помещик и крестьянин не составляли одну социальную группу, как это было в Китае и в ряде сопредельных с ним стран.

Спецификой тангутского общества являлся гвон. Гвон вносит значительные дополнительные моменты в понятие личной свободы и личной несвободы в тангутском обществе. Если были люди, почти как вещь, как скот принадлежавшие другим людям и государю (государству), то те, кто владел этими людьми или осуществлял над ними надзор, сами были разверстаны по гвонам. Гвон был своеобразной формой закрепощения, ибо для низших слоев общества смена гвона влекла за собой смертную казнь, а для средних и высших — тяжкое наказание многолетней каторгой. Человек, родившись и поступив на службу, не был свободен лично выбирать место приложения своих сил. Суровая государственная необходимость, властная сила приковывала его к месту его труда, будь то скотоводческий гвон, т. е. административная единица и пастбища района скотоводства, будь то район орошаемого земледелия, будь то его собственный участок земли и тот административный местный гвон, к которому он принадлежал. Человека, производителя и служилого чиновника, могли перевести в другое место, но именно перевести, ибо он не мог сделать этого сам, по своей воле. Он мог только бежать и стать беглым со всеми вытекающими из состояния беглого последствиями. Гвон в известной мере являл собой тотальное крепостничество. Мы, несмотря на китайское происхождение термина, не найдем гвону широкой аналогии в Китае. Нечто близ-

---

[40] Там же, с. 105.

[41] *Kycanov E. I.* A Tangut Document of 1224 from Khara-Khoto.— Acta Orientalia Hungarica. 1971, t. 24, fasc. 2, c. 190—193.

[42] *Согабэ Сидзуо.* Рицурё-о тюсин-тосита Ни-Тю канкэй си-но кэнкю. Токио, 1967, с. 222.

кое к гвону было в раннем общемонгольском государстве. Пожаловав Хорчи лесные народы, Чингисхан сказал: «Без разрешения Хорчи лесные народы не должны иметь право свободных передвижений. По поводу самовольных передвижений нечего задумываться!»[43]. Очевидно, это правило распространялось и на население всей Монголии, разверстанное по «тысячам» — основным военно-административным единицам страны. Личная несвобода, стремление прикрепить работника к месту производства — характерная черта древних и средневековых обществ, отражавшая уровень развития производительных сил той эпохи и соответствующие ему способы организации производства. Формы закрепощения и степень его, однако, были различны в разных обществах даже одной эпохи. Для тангутского государства специфической формой закрепощения был гвон. Более высокий, скажем, по сравнению с соседним Китаем уровень закрепощения населения объяснялся специфическими условиями Си Ся и уровнем развития его экономики, необходимостью повышенной нормы эксплуатации для обеспечения жизнедеятельности государства. Как и понятие «хозяин», гвон обладал определенной спецификой. Он также в какой-то мере стирал грани между лично свободными и лично несвободными, приписанными к одному гвону, между состоятельными и несостоятельными его членами. Гвон по производству шелка мог состоять преимущественно из ткачих и ткачей — людей государевых и лично несвободных. А гвон земледельцев, например в районе Линъу, включал главным образом свободных людей — крестьян, обрабатывавших свою, принадлежавшую им землю и плативших поземельный налог в казну. Но и те и другие не могли просто так, по собственному волеизъявлению сменить место своей приписки. И хотя между этими двумя социальными группами была принципиальная разница (первые были собственностью государя, а вторые — его подданными) и в общественном сознании это были люди разного социального статуса и уважения (одни — презираемые, другие — добропорядочные, «чистые», основа общества), прикрепление к гвону резко приближало добропорядочных хозяев к презираемым государевым людям. Гвон как бы социально уравнивал их, включая и тех и других в ту гигантскую машину тотального закрепощения, которая довлела над всеми непосредственными производителями тангутского государства.

---

[43] *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.— Л., 1941, с. 161.

3. Беглые

Итак, всякий человек был куда-то приписан. Люди были «основой государства», и каждый «обязан был быть там, в том месте, к которому он приписан»[44]. Как уже говорилось, тот, кто покидал место своей приписки, становился беглым. Мы уже имели возможность говорить о беглых в разделе о государевых людях. В данном разделе мы изложим общие принципы тангутских законов о беглых.

Бегство было естественным следствием личной несвободы и закрепощения. Бежали крестьяне — несохранившаяся статья 1204 была посвящена «бегству землепашцев, оставивших засеянные поля». Бежали мастеровые: «Если кто-либо из мастеровых самовольно бросит работу и скроется, то [за отсутствие на срок] от одного до десяти дней включительно [виновному] — 40 тонких палок... свыше ста дней — 3 года каторжных работ» (ст. 1446). Откочевывали от своего гвона пастухи (ст. 415).

Столь же естественным было стремление властей и хозяев поймать беглого. «Если беглые бежали из гвонов [своих] хозяев — армейских направляющих регулярной армии, глав кочевий, эмиссаров, пограничных чиновников (бяньгуань), из кочевых гвонов от разных должностных лиц, служащих вспомогательных войск, то [таковые] немедленно должны быть задержаны главами семей, в которых [они] находятся, главами кочевий и эмиссарами и в десятимесячный срок отосланы назад» (ст. 944).

Беглые приравнивались к врагу, ибо награда за поимку беглого давалась на основании закона о пленении и убийстве врага (ст. 405). Размер награды не должен был превышать ста связок монет (ст. 944). Поимщик имел право на имущество, принадлежавшее лично беглому. Награда за поимку беглого или взималась с него самого, или, если он был несостоятелен, давалась от государя (государства) (ст. 405). Глава семьи беглых получал 3 года каторжных работ (ст. 941).

Необходимо было доносить о самом умысле бегства. Родственники беглого, если они знали о его намерении бежать и не донесли, подлежали наказанию (ст. 411). Так, родной брат беглого не подлежал наказанию за побег своего брата только в том случае, если он «не знал о разговорах о побеге» (ст. 409). Родственники беглого, знавшие о побеге, подлежали изоляции, высылке, и «там, куда [они] будут отправлены, [они] в соответствии с законом должны привлекаться к каторжным работам» (ст. 411). Неродственник беглого, знавший о готовящемся побеге и не донесший о нем, получал 6 лет каторги (ст. 413). Для родственников беглых прекращал свое действие принцип «гуаньдан» (расплата чином). Лишение рангов не искупало вины.

---

[44] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 58.

Лишь лица, имевшие высокие ранги, в порядке наказания только понижались в должности (ст. 411). За одни разговоры о побеге виновные лишались рангов, а их родственники – права на наследование рангов (ст. 412).

Если кто-то лишь подозревался в намерении совершить побег, а когда являлись поимщики, оказывал им вооруженное сопротивление и был убит, то поимщики не отвечали за убийство подозреваемого (ст. 418). Поскольку за попытку к бегству или бегство карали сурово, то и ложное обвинение в намерении бежать каралось смертной казнью путем обезглавливания (ст. 420). За укрывательство беглых, в зависимости от их числа, полагалось наказание от 3 лет каторжных работ вплоть до смертной казни (ст. 941). Но мера наказания резко уменьшалась (максимум 3 года каторги), если укрывателями оказывались близкие родственники беглых (ст. 942). Если укрыватель заставлял работать беглых на себя, то с него взыскивалась плата из расчета «за каждого мужчину в возрасте десяти лет и старше – 70 монет, за каждую женщину в возрасте пятнадцати лет и старше – 50 монет [за день]» (ст. 946). Весьма любопытно, что эти оценки стоимости для работы мужчины или женщины совпадают со стоимостью одного рабочего дня крупных домашних животных. В середине XII в. в тангутском государстве стоимость дня работы взрослого мужчины приравнивалась к использованию в течение дня для работы верблюда или лошади и оценивалась в 70 монет, а работа женщины за день приравнивалась к использованию для работы в течение дня вола для пахоты земли или осла и оценивалась в 50 монет (ст. 338). Продажа беглого была тоже наказуема [45].

Люди нередко бежали за границу. Добровольное возвращение обратно в Си Ся освобождало от наказания, но беглые должны были быть возвращены в свой прежний гвон, а тем, кто жил ранее на границе, запрещалось селиться во внутренних районах страны: «Что касается изменников – хозяев и солдат пограничных районов, которые [вначале] ушли в чужеземные пределы, а затем вернулись и подчинились [нам], то размещать [их] во внутренних землях, не в том же самом гвоне и не при том же самом управлении, [за которыми они числились ранее], запрещается. [Этих людей] по их желанию надлежит включать в число хозяев пограничных районов того же самого управления» (ст. 391). Если беглый был из гвона, находившегося во внутренних землях, то его судьба решалась в зависимости от того, «насколько искренне [он] покорился» (ст. 392). Вернувшимся из-за рубежа беглым прощали долги, точнее, их выплату могла взять на себя казна (ст. 400).

---

[45] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 47.

На наш взгляд, есть известное противоречие между суровостью наказания за смену гвона и за попытку или совершение бегства (2—3 года каторжных работ). Мы не можем удовлетворительно объяснить это противоречие. Людей, которые, по формуле «Новых законов», были «основой государства», безусловно, ценили. Возможно, пойманный беглый не выпадал из той системы повинностей и служб, которые он нес, ибо его всегда возвращали обратно. Быть может, бегство в силу каких-то причин оценивалось иначе, чем смена гвона. Наконец, вполне вероятно, что мы не знаем всех мер наказания беглым. Исследуемые нами законы, как правило, предусматривают бегство, имеющее целью уход за рубеж. И если законодатели прощали вернувшихся беглых, то они соответственно не предусматривали и слишком суровых мер для тех, кто пытался бежать и был пойман.

4. Некоторые правовые аспекты хозяйственной деятельности администрации Си Ся

В данном разделе будут кратко охарактеризованы правила, регламентировавшие управление ирригационным хозяйством, государственные монополии на соль и вино, некоторые местные налоги.

Пожалуй, только из исследуемого нами памятника со всей очевидностью стало ясно, что сельское хозяйство Си Ся в значительной степени базировалось на ирригации. В стране имелась мощная, разветвленная сеть ирригационных сооружений, особенно в центральных районах. Тангуты не только унаследовали эти ирригационные сооружения, но, бесспорно, развили и расширили систему ирригации. Часть больших магистральных каналов, видимо, была построена в первой половине или в середине XII в., ибо в кодексе крупнейшие каналы страны На, Ла, Хань и Янь неоднократно именуются «новыми каналами» (ст. 1122, 1137). Все крупные каналы являлись «государевыми каналами» (ст. 1138, 1140), т. е. принадлежали государству. В определенных ситуациях каналы имели и оборонительное значение: закон предписывает в случае подхода войск противника поднять уровень воды в вышеуказанных каналах и вообще во всех «других больших оросительных каналах» (ст. 983).

Каналы подразделялись на магистральные и отведенные от рек (ст. 1119). Каналы На, Ла, Хань и Янь и другие большие каналы имели зону отчуждения, отграниченную межевыми знаками (ст. 1122). В отдельных случаях, если это не наносило ущерба каналу, разрешалось обрабатывать землю на расстоянии 40 шагов от канала [46].

---

[46] «Новые законы», гл. XV, инв. № 2890, без пагинации.

Строительство новых и ремонт действующих оросительных каналов являлись делом большой государственной важности. Руководители работ утверждались лично государем, это были люди, «хорошо владеющие искусством рыть каналы» (ст. 1095). Работы предписывалось начинать весной. Работали люди, мобилизованные по трудовой повинности, срок работ не должен был превышать 40 дней в году (ст. 1105), а для каждого данного лица он зависел от того количества земли, которым оно владело (ст. 1104). Если требовалось задержать рабочих сверх указанных законом сроков, то для этого нужно было испросить разрешение властей. Самовольная задержка работающих местными властями была наказуема (ст. 1105). Организаторы работ несли ответственность за простои рабочих (ст. 1107). В отдельных случаях отработки могли быть заменены поставкой жердей для ремонта каналов. Нормой была поставка 350 тонких жердей длиной 7 чиау (чи) (ст. 1130).

При возникновении экстренных, опасных ситуаций, таких, как прорыв канала из-за затяжных дождей, засоренность канала и др., для работ мобилизовалось все окрестное население, все «живущие поблизости хозяева, [принадлежащие] как государю, так и частным лицам. [Эти хозяева] обязаны срочно принять участие в спасательных работах и оказать помощь в ремонте канала» (ст. 1103). В таких случаях власти имели также право изымать у частных лиц вязанки травы (сена) для заделки промоин и сооружения дамб. Позднее изъятое засчитывалось в счет уплаты поземельного налога (ст. 1144).

При регулярных отработках на ирригационных сооружениях отбывающие трудовую повинность разбивались на группы по 20 человек, в каждой группе выбирались два начальника — «хэчжун» (смысл должности нам неясен, возможно, «ответственный за объединение людей в группу») и «туаньтоу», «начальник группы». Рабочие работали парами, и работа распределялась на двоих. Работающие были обязаны «производить ремонт [канала], старательно копая землю на нужную глубину и ширину» (ст. 1149).

Администрация каналов делилась на государственную и работавшую на общественных началах. Все это должны были быть люди, «знающие порядок использования земли и воды». В число государственных служащих входили управляющие каналов и разъездные инспектора (при этом должность разъездного инспектора была выше). На каналах в районе генерал-губернаторство — Динъюань их было 150 человек (ст. 1119, 1121). Две другие должности, вводимые на больших магистральных каналах,— «наблюдавшего за водой» и «обслуживающего канал»,— замещались «из года в год в порядке очередности [людьми] из семей, потребляющих воду, из числа землепашцев государя, а также [землепашцев], принадлежащих родственникам [государя],

советникам, старшим и младшим [чиновникам], хозяевам податных дворов и всем храмам» (ст. 1120). Свои обязанности они должны были исполнять день и ночь, независимо от времени суток (ст. 1121). Управление транспорта периодически выделяло «способного человека», который следил за посадками и состоянием зеленых насаждений вдоль канала. Те хозяева, чьи земли граничили с каналом, были обязаны «высаживать иву, тополь, вяз и другие деревья», создавать изгороди из кустарников, «ухаживать за старыми посадками, оберегать [их], своевременно подрезать молодые побеги и не вырубать что-либо, не посадив другого» (ст. 1138). На больших каналах на отдельные участки канала назначались старшие (ст. 1121).

Круг обязанностей администрации каналов также очерчен законом: «На всех магистральных каналах „наблюдающие за водой“, „обслуживающие канал“, управляющие канала, разъездные инспектора, [следящие] за водой в каналах, ответственные за работу и старшие на вверенных им участках должны обходить свои посты на всем их протяжении, посылать [людей] с опросом, проверять [состояние канала], следить за выпасом скота [в зоне канала] и [все это] делать тщательно. При обнаружении разрушений берегов у стыков каналов или выходов арыков там, где есть возможность [своими силами] произвести ремонт, он должен быть произведен. А если это невозможно, то [об имеющихся повреждениях канала] следует срочно доложить должностному лицу и произвести ремонт и укрепление [поврежденных мест]» (ст. 1121). Кроме того, обслуживающие канал лица должны были «тщательно следить за деревьями, кустарниками и травами, растущими вдоль канала», где «никому не разрешалось вырубать [кусты и деревья] и скашивать [траву]» (ст. 1122, 1137). Сдирание коры с дерева, растущего у канала, или порча дерева (зарубки и т. п.) расценивались и наказывались как полное уничтожение дерева. Соответственно в зоне канала запрещалось «добывать песок и заготовлять топливо» (ст. 1138, 1139, 1141). Запрещалось ходить и ездить в зоне канала там, где нет дорог. Любой браконьер должен был быть задержан и доставлен должностному лицу. Службы канала следили и за состоянием мостов (ст. 1137, 1132, 1136).

Служащие четырех главных каналов, если они прослужили год и на вверенных им участках не было никаких упущений, по докладу в Главный императорский секретариат могли награждаться рангами[47]. В случае недосмотра и прорыва канала виновные в том должностные лица несли наказание «в зависимости от стоимости [причиненного ущерба] — загубленных хлебов, засеянных полей, домов и построек, принадлежащих государевым и частным хозяевам и храмовым „постоянно живущим“

[47] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 41.

(чанчжу),— а также стоимости [восстановительных] работ и [нового] засева полей» (ст. 1121). Гибель людей в таких случаях наказывалась как неумышленное убийство. Преднамеренное разрушение плотин и берегов канала, вызвавшее наводнение, наказывалось как поджог (ст. 1121).

Закон обязывал пастухов следить за имеющимися колодцами, местами водопоев скота и там, где это возможно, рыть новые колодцы: «...пастухи обязаны ремонтировать колодцы. Если колодец придет в запустение, то (виновному) — 13 палок. Если в пределах государевых земель обнаружится увлажненное место (букв. „водяной глаз“) и найдется человек, который мог бы выкопать колодец, то там, где это не повредит государеву скоту, колодец должен быть выкопан» (ст. 1400).

Безусловно, очень большой интерес представляло бы детальное описание системы водопользования. Однако имеющиеся в нашем распоряжении сведения носят недостаточно конкретный характер. Воду из каналов с ранней весны до поздней осени распределяли по округам в порядке установленной очередности: «Воду из каналов следует потреблять с начала весенних работ и до зимних холодов, и эта вода должна своевременно распределяться по округам (чжоу). Когда бывает трудно с водой и возникает много забот, то там, где можно назначить особого человека, который будет распределять воду, [такой] человек должен быть назначен, а разъездным инспекторам, следящим за водой в канале, и служащим канала должно быть строго приказано распределять воду по округам в порядке очередности. Если закон будет нарушен и кому-то с наступлением его очереди вода не будет дана, а кому-то она будет дана вне очереди, то, если имела место взятка, [таковая] должна считаться „взяткой с нарушением закона“, а если взятки не было, [с виновных], имеющих ранг,— штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1095).

Вода подавалась на поля по просьбе хозяина, и сам хозяин был обязан тщательно наблюдать за поливом, за тем, чтобы вода не попала на чужие поля и тем более не причинила никому ущерба. Ущерб, причиненный по недосмотру хозяина, в период еще не оконченных весенних полевых работ восполнялся повторной вспашкой и засевом затопленного поля виновным. Если дело было осенью, то виновный оплачивал стоимость загубленного водой урожая. За рухнувшую постройку тот, кто недосмотрел за водой, платил половину стоимости строения (ст. 1142).

Подвод воды к вновь осваиваемому участку зависел от того, «причинит ли это ущерб [другим], кормящимся от государевой или частной земли, или нет». То есть все зависело от количества подлежащей распределению воды: «Если арык будет подведен там, где это причинит ущерб [другим], кормящимся от земли,

или же если из-за сопротивления владельцев [он] не будет проведен там, где это не причинит ущерба [другим, кормящимся от земли], то [виновные в этом подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 1125).

Закон предусматривал пресечение злоупотреблений, допускаемых теми, кто распределял воду, или теми, кто мог оказать давление на их действия. Если какой-то человек заявлял: «Распределитель воды не дал [мне] в порядке очереди воды, и [я] воды еще не получал!», то дело подлежало разбирательству, а если за распределителем воды и ранее замечались подобного рода действия, то он подлежал допросу. Справедливое распределение воды должно было быть восстановлено. Старшие должностные лица, на которых лежал контроль за распределением воды, в случае непринятия мер к распределителю воды, особенно если тому будут предъявлены обвинения в лицеприятных действиях или получении взятки, также подлежали наказанию (ст. 1096).

Законом запрещалось родственникам государя и высоким должностным лицам, «избив „обслуживающего канал“ или запугав его, силой вынуждать [его] вне очереди пустить воду [на их поля и сады]» (ст. 1123). Виновные оплачивали половину причиненного их действиями ущерба. Служителя канала избавлял от наказания лишь немедленный донос о незаконно произведенном поливе. Если имела место кража воды в отсутствие должностного лица, то, «если это произошло в течение одного дня, основное наказание должен получить тот, кто пустил воду [на свои поля], а „обслуживающему канал“ приговор выносится как пособнику. Если же [для незаконного получения воды нарушителю] потребовалось более дня, то основное наказание должен получить „обслуживающий канал“» (ст. 1123).

К сожалению, мы не знаем тех материальных условий, на которых потребители получали воду из казенных каналов, не знаем и того, были ли частные каналы и частная вода.

Судя по упоминаниям в текстах статей, администрация каналов в конечном счете подчинялась Главному императорскому секретариату по управлению гражданскими делами, как это и было в танском Китае [48], опыт которого, несомненно, использовали тангуты. Происходящим из китайской практики было и правило, гласящее, что все, кто пользовался водой, были обязаны так или иначе работать на канале [49]. Организация работающих в группы по 20 человек известна из дуньхуанских материалов [50], и можно смело утверждать, что она была заимствована

---

[48] *Twitchett D.* Some Remarks on Irrigation under the T'ang.— T'oung Pao. 1960, vol. 48, livr. 1—3, c. 177.

[49] Там же, с. 183—184.

[50] Там же, с. 186.

тангутами из практики этого региона, вошедшего позднее в территорию Си Ся. Из китайской практики управления каналами тангуты заимствовали должность «цзюйчжана», «управляющего каналом», и, возможно, «цюйтоу» [51], «старшего на канале», которую мы полагаем идентичной должности старшего в Си Ся (лица, ведавшего каким-то отрезком канала). Но если в танском Китае главным лицом при распределении воды был правитель округа, цыши [52], то роль цыши в организации водоснабжения и орошения полей в Си Ся в нашем кодексе никак не оговорена. Поочередное и беспристрастное орошение полей — таково требование и китайских законов: «Первым долгом [властей] является обеспечение того, чтобы [вода] равно распределялась повсюду, и они не должны проявлять пристрастия» [53]. Танский кодекс предусматривал меры по своевременному ремонту плотин и возмещение убытков в том случае, если ремонт был произведен несвоевременно. Закон освобождал должностных лиц от ответственности за сохранность каналов и дамб только в том случае, если «дожди лили беспрерывно и не было уже человеческих сил, чтобы удержать воду» [54]. За кражу воды полагалось 100 палок, независимо от того, была ли вода взята в личных, частных или даже общественных целях. Если при этом незаконное взятие привело к причинению ущерба или жертвам, то ответственность соответственно усугублялась [55].

По примеру Китая, где монополии на соль и железо существовали с династии Цинь, а на соль, железо и вино — с династии Хань, в тангутском государстве существовали по крайней мере две казенные монополии — монополия на изготовление и продажу спиртных напитков и монополия на соль. В XI в. соль играла огромную роль во внешней торговле Си Ся, а внутри страны, возможно, была даже расчетной единицей вместо денег [56]. Особенно много соли в Си Ся добывали из озер Ордоса, где соль отличалась высокими вкусовыми качествами. Судя по кодексу, запрет на добычу соли в середине XII в. касался только соледобыток из озер У и Цзе в Ордосе: «В [нашем] государстве существует запрет на [частную] добычу соли из [озер] Цзе и У. Если такой запрет может быть наложен, то он должен быть наложен. Что же касается прочей соли, не из озер Цзе и У, то накладывать запрет [на ее разработку и продажу] запрещается. Если запрещенная [для разработок] соль из озер Цзе и У будет добыта воровски, то, в зависимости от того, сколько ее

---

[51] Там же, с. 184.
[52] Там же, с. 182.
[53] *Twitchett D. C.* The Fragment of the T'ang Ordinances of the Department of Waterways Discovered at Tun-Huang.– Asia Major. N. S. 1957, vol. 6, pt 1, с. 40.
[54] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 27, с. 625.
[55] Там же, с. 626.
[56] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 89, 93, 94.

воровски будет добыто, в ближайшем местном гвоне, в котором добывается соль, на соль [из озер Цзе и У] должна быть начислена пошлина, а приговор [виновным] выносится по закону [о наказании] за тайную кражу» (ст. 1307). При продаже соли из озер У и Цзе с одного ну (доу) взималась пошлина в 150 монет, при продаже прочей соли — в 100 монет (ст. 1306). Запрещалось, по-видимому, добывать соль беспошлинно даже там, где государство не имело своих особых интересов и разрешало соледобычу: «Тайно, воровски добывать соль запрещается. Если закон будет нарушен, то на тайно добытую соль должна быть начислена пошлина, а приговор [виновному] выносится на основании закона о наказаниях за тайную кражу, в зависимости от той суммы пошлины, которая не была уплачена» (ст. 1306). Судя по оглавлению к несохранившейся статье 1313 — «Об освобождении от разных работ тех, кто поставляет соль к государеву столу»,— добыча соли для казны (возможно, как раз из озер У и Цзе) осуществлялась специальными рабочими, освобожденными от других работ. Эти люди могли работать и по трудовой повинности.

В местах соледобычи, даже там, где она добывалась не казной, а частными лицами, за процессом работы, а главное, за тем, чтобы ни один доу соли не остался не обложенным налогом, наблюдали специальные должностные лица. «Что касается смотрителей в местах соледобычи, где соль лежит открыто, то там, где соли много, назначаются два разъездных инспектора, а там, где соли мало,— один. [Они] обязаны наблюдать за сохранностью соли совместно с должностными лицами управления, ведающего налогом с соли. Что касается тех мест, где соль хранят закрытой, то [там она] должна быть собрана в кучи, находящиеся на близком расстоянии друг от друга, и [для охраны] каждых трех-четырех куч назначается один разъездной инспектор. В качестве смотрителей не назначаются лица из числа хозяев» (ст. 1231). В статье 1231 перечислены основные склады соли. В данном перечне, кроме складов у озера У и складов в районе гор Хэлань и округе Хун(чжоу), остальные места расположения складов соли не поддаются локализации.

По существу своему монополия на соль была фискальной, своеобразной формой взимания налога на потребление соли. При династии Тан налог с соли составлял $^{1}/_{10}$ ее стоимости. За добычу соли воровским путем полагалась смертная казнь. Деньги от налога на соль поступали в управление финансов [57]. Существо монополии на соль при Тан состояло в следующем. В места соледобычи назначались контролеры (кит. «цзянь», ср. танг. «разъездные инспектора»), которые скупали всю соль. Продажа соли иным лицам или неконтролируемая соледобыча были на-

[57] *Чэнь Гуюань.* Чжунго фачжи ши. Шанхай, 1935, с. 360.

казуемы. Соледобытчики являлись своего рода предпринимателями, работавшими от имени контролера. Участие в добыче соли освобождало от трудовой повинности, что, по-видимому, было и в Си Ся. Контролер и его аппарат продавали соль розничным и оптовым торговцам, но уже с высоким налогом на нее [58]. При династии Сун в каждой провинции Китая были управления чая и соли. Весь доход от соли шел в уездную казну [59]. Существо монополии на соль со стороны казны в Китае и в Си Ся было единым — получение государственного дохода с такого необходимого в жизни человека продукта, как соль. Однако способы извлечения дохода были неодинаковы, и тангутская монополия в своей значительной части сводилась к обязательному обложению налогом добываемой соли.

Пожалуй, более строгой, чем в современном Си Ся Китае, была у тангутов монополия на изготовление вина. Монополия казны на вино, точнее, на изготовление и продажу вина была известна в Китае с династии Хань. В те далекие времена, если 3 человека и более беспричинно пили в одной компании, то их штрафовали на 4 лана. В VI в. династия Суй отменила запрет на частное изготовление вина. Не было этого запрета и при династии Тан до голодных лет середины VIII в., когда возникла проблема экономии зерна. До этого государство только взимало налог с производства вина — с каждого доу 150 монет. Монополия была введена в 782 г. В современном Си Ся сунском Китае частное винокурение было разрешено в сельской местности и облагалось ежегодным налогом. Параллельно производила вино и торговала вином казна [60].

Тангуты установили монополию казны как на изготовление, так и на продажу спиртных напитков. Это, конечно, не означало, что все спиртные напитки производила казна и торговала ими только казна. Изготовлять вино и продавать его можно было, купив лицензию. Получивший лицензию платил налог с продажи вина. Пойманный нарушитель закона мог получить до 6 месяцев каторжных работ, его пособники, а также покупатели незаконно изготовленного вина получали до 3 месяцев каторги (ст. 1298, 1220). Если человек производил вино в большом количестве, то меры наказания резко возрастали: «Любому человеку запрещается изготовлять вино частным образом. Если закон будет нарушен, то должно быть сосчитано, сколько лдиэ (цзинь) вина было изготовлено за все время [его незаконного производства]. Если стоимость вина будет в пределах одной связки монет, то зачинщику — 13 палок, пособникам — 10 палок... При незаконном производстве вина [на сумму] свыше двадцати

[58] *Twitchett D.* The Salt Commissioners after An Lu-shan's Rebellion.— Asia Major. 1954, vol. 4, pt 1, c. 62—63.
[59] *Чэнь Гуюань.* Чжунго фачжи ши, с. 360.
[60] Там же, с. 363.

связок монет зачинщику — каторжные работы сроком на 13 лет с последующим пожизненным поселением по месту отбывания каторги, пособникам — 12 лет каторжных работ». Если покупатель знал, что покупает незаконно изготовленное вино, то получал наказание на одну степень меньшее, чем пособник. Государство устанавливало высокие награды за донос о нарушениях его монополии на производство вина. За донос о производстве вина на 1—2 связки монет выдавалась награда в 5 связок монет, а за донос о производстве вина больше чем на 20 связок монет — в 100 связок монет (ст. 1299, 1302). Награда за донос целиком взималась с преступника и его пособников. Собственно, это было в данном случае своеобразное дополнительное наказание, ибо если даже доносчика не было, а преступник признавался во всем сам во время допроса, то с него все равно взимали «награду за донос», но уже в пользу казны. За производство высокосортных вин меры наказания были строже. По-видимому, это прежде всего относилось к водкам, которые гнали из зерна (ст. 1300, 1302), хотя касалось и вин виноградных (ст. 1304). Равным образом нарушением монополии казны на производство вина считалась покупка вина за рубежом, у чужеземца. Данное преступление наказывалось на одну степень меньше, чем незаконное производство вина (ст. 1301).

Кодекс устанавливал нормы расхода зерна на производство вина казной. «Что касается любого хлебного вина, то следует исходить из того, что его получается пятнадцать лдиэ (цзинь) из каждых двух ну (доу) ячменя или пшеницы. Каждое лдиэ (цзинь) вина следует продавать по цене триста монет» (ст. 1303). Вино производилось «на складах», т. е. в местах его будущего хранения. Закон требовал, чтобы при производстве вина «зерно было тщательно размолото», а вино получалось крепкое. Нарушение технологии винокурения каралось каторжными работами на срок до 2 лет (ст. 1305).

Тангутские монополии на соль и вино с известными модификациями копировали китайские. Тангуты ввели всего два вида монополий, у чжурчжэней в Цзинь их было десять. Из традиционного китайского набора четырех видов монополий — на соль, чай, вино и железо — тангуты не имели монополий на чай и железо. С чаем все ясно — в Си Ся чай не произрастал и не производился. Закупки чая подпадали под монополию казны на внешнюю торговлю. Объяснить отсутствие монополии на производство железа мы не в состоянии.

X. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БУДДИЙСКИХ ОБЩИН И ДАОССКИХ МОНАХОВ В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Тангутское государство возникло в областях с многовековой традицией исповедания буддизма[1]. И буддизм утвердился в нем как религиозное мировоззрение с определенной социальной заданностью. «Благородный человек или низкий, свободный (букв. „чистый") или раб — обусловлено прошлыми причинами (кармой). В этой жизни получаем воздаяние [за прошлые поступки], и если мало накоплено выгод (заслуг), то станешь рабом или слугой» [2]. Кармой определялось и то, богат ли был человек в этой жизни или беден: «Каким станешь человеком — богатым или бедным... определяется кармой» [3]. Надежным оружием социального воздействия было и хорошо развитое к этому времени в северном буддизме учение о рае и аде. В тексте Лянчжоуской стелы (1094 г.) тангутские вероучители разъясняли:

В мир высший величайшего блаженства
Продвигаются по одному,
И мало тех, кто его достигает.
В ад на тягчайшие муки
Миллионы спешат,
И туда попадающих много [4].

В ксилографированном, а значит, и изданном массовом тиражом, плакатике с изображением сфер перерождений и пояснительным к нему текстом (без даты) указывается, что в сфере животных перероднтся тот, кто «не любит слушать добрых наставлений чиновников», «не исполняет приказов», «не соблюдает законов». В ад попадет тот, кто «не склоняется перед высшими», «не отличает высших от низших», «не сохраняет верность своему государству». В мир вечно голодных демонов Прета должен попасть тот, кто «был непочтителен», «не верил в будд и дхарму», «видя, как делают пожертвования другие, не следовал их примеру». Короче говоря, буддизм, как и любая мировая религия, выступал в качестве учения, объяснявшего и оправдывавшего социальное неравенство, как учение, объективно отражавшее интересы господствующего класса и его государства.

Тангутский правящий дом Нгвеми, как, по-видимому, и большинство тангутской правящей элиты, был постоянным и усердным приверженцем буддизма, хотя, как это и было принято в те века на Дальнем Востоке, проявлял полную веротерпимость и в равной мере известный интерес и к культу предков, и к дао-

[1] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1969, с. 283—294.

[2] «Море значений, установленных святыми». 1183 г.— Тангутский фонд ЛО ИВ АН, инв. № 145, с. 32б.

[3] Там же, с. 35б.

[4] *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэнкю. Т. 1. Токио, 1964, с. 162.

сизму, и к конфуцианству. Н. А. Невский полагал, что все тангутские императоры, «во всяком случае во времена императора Жэнь-сяо (1139—1194), были, по-видимому, полудуховными правителями, ибо придворные оды величают своего императора „гуманным царем бодисатвой" и даже „буддой— сыном Неба"»[5]. Хорошо известны по материалам из Хара-Хото издательская деятельность тангутских императоров, их личное участие в переводах канона на тангутский язык, их щедрые пожертвования тангутским храмам и общинам. Но сразу заметим, что в документах, относящихся к государственно-правовой сфере, упоминаний о высших духовных санах тангутских императоров, тем более о принадлежности их к известному позже институту «живых будд» нам пока неизвестно. Император контролировал и направлял деятельность буддийских общин (сангхи), но не как высший духовный иерарх, а как «государь милостью божьей», «сын Неба», верховный правитель и законодатель, мироустроительным заботам и воле которого было подчинено все, что находилось на территории его государства.

Как мы установили выше, тангутский государственный механизм копировал в целом китайский. Китайское государство и китайская эталитарная доктрина к XI в. уже давно не допускали бесконтрольной буддийской проповеди и деятельности сангхи. Термин «сы», которым с династии Суй (VI в.) по-китайски назывались буддийский храм или монастырь, должен был означать, что данный храм или монастырь был сооружен именно с ведома правительства[6]. Так, в 718 г. был издан приказ разрушить все буддийские монастыри и храмы, выстроенные без разрешения, без приказа императора («у чи сыюань»). Такой же указ был обнародован в 955 г.[7].

Монастыри находились в ведении одного из государственных управлений (при Тан вначале «сы бу» — «управление жертвоприношений», позднее «гун дэ сы» — «управление достойных и заслуженных»), вступление в монашество контролировалось властями, и нарушение формальностей строго наказывалось[8]. Новопосвященному монаху выдавалось удостоверение о посвящении («дуде»), благодаря чему он лично получал освобождение от налогов, обычных для мирян, трудовой повинности и воинской службы, т. е. обычных обязанностей перед государством совершеннолетнего мирянина. Уход в монастырь означал именно

[5] *Невский Н. А.* Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960, с. 62. Цитированный выше плакатик хранится в Отделе зарубежного Востока Государственного Эрмитажа.

[6] *Yoshio Saeki.* The Nestorian Documents and Relics in China. Tokyo, 1951, c. 81.

[7] *Gernet J.* Les aspects économiques du Buddhisme dans la société chinoise du V au Xe siècle. Saigon, 1956, c. 6,42.

[8] *Twitchett D. C.* Monastic estates in T'ang China.— Asia Major. N. S. 1956, vol. 5, pt 2, c. 125.

выход из системы государственных повинностей, монах вычеркивался из списков учета его семьи («хуцзи») и заносился в другие списки, «списки монахов» («сэнцзи»), которые, так же как и подворные списки людей светских, велись уездными властями. Дубликаты списков монахов пересылались из уезда в округ, а оттуда в государственное управление, ведавшее делами буддийской общины [9]. Освобождались ли в танском Китае монастыри от уплаты налогов вообще, пока точно не установлено [10]. По мнению Д. С. Твичета, привилегия буддийской церкви в сфере финансов заключалась в том, что она стояла вне обычных фискальных отношений с администрацией, а в каких — это для танского времени еще необходимо выяснить [11].

Легальная жизнь бродячих монахов исключалась. Еще в указе 472 г. говорилось: «Некоторые бикшу не живут в монастырях, а многие годы бродят из деревни в деревню и совершают различные поступки, несовместимые с законом и добрыми нравственными порядками. Предписывается группам, состоящим из пяти семей и несущим общую ответственность, отказывать в приюте незарегистрированным монахам» [12].

Тангутское государство имело одну особенность — оно было неоднородным по этническому составу. Это отразилось и на организации сангхи. Общины верующих создавались по принципу этнической принадлежности. В уже упоминавшейся Лянчжоуской стеле есть сведения о существовании при пагоде Благодарения по крайней мере двух общин — китайской и тибетской. В тексте названы «инспектор двух, китайской и тибетской, общин при пагоде Благодарения, монах-чиновник, носящий красные одежды Ванндон Нджиейнгий», «младший надзиратель за мастерами, [ремонтировавшими пагоду], глава китайской общины при пагоде Благодарения, носящий красные одежды монах Цзю Цинчжи» и «младший надзиратель за мастерами, ремонтировавшими пагоду, заместитель главы китайской общины при пагоде Благодарения, носящий красные одежды Бай Чжии» [13]. В «Новых законах» мы встречаем упоминания о «тангутских общинах», «тибетских общинах» и смешанных «тангутско-китайских общинах» [14]. Мы пока не знаем, были ли тангутско-тибетские смешанные общины, отразилось ли в создании общин по этническому признаку наличие различных школ буддизма (для Тибета XI—XII вв. — время сформирования основных сект)? Возможно, но не обязательно, ибо известные нам тексты нигде не подчерки-

[9] Там же, с. 134.
[10] Там же, с. 144.
[11] *Twitchett D. C.* The Monasteries and China Economy in Medieval Times.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1957, vol. 19, pt 3, c. 546.
[12] *Gernet J.* Les aspects économiques du Buddhisme, c. 17.
[13] *Нисида Тацуо.* Сэйка го-но кэнкю. Т. 1, с. 274—275.
[14] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 72; гл. XV, инв. № 748, с. 24.

вают антагонизма или противоречий между различными школами толкования учения. Перевод буддийского канона на тангутский язык был начат в 1038 г. по приказу императора Юаньхао группой монахов из 32 человек во главе с «го ши» — «государственными наставниками» — Бай Фасинем и Чжи Гуаном [15].

В Си Ся закон, так же как и в Китае, не допускал бесконтрольную проповедь учения. Буддистам, прибывавшим из Тибета и Индии, запрещалось, не доложившись властям, без их санкции толковать закон [16]. Более того, законом не дозволялось говорить в проповеди все то, что «вводило бы народ в заблуждение и не соответствовало закону, не способствовало бы поддержанию истинного спокойствия» [17]. Власти были обязаны подвергать аресту любого проповедника, нарушившего этот закон, и осуждать виновного на 3 года каторжных работ за то, что он действовал вразрез с учением (дхармой) [18].

Закон преследовал и верующих-ясновидцев, а также шарлатанов, пытавшихся показной святостью извлекать выгоду для себя: «Запрещается любому человеку вести подстрекательские речи и заявлять: „[Я] вижу лучи божественного света, исходящие от Будды!“ — и [тем самым] вводить в заблуждение своих домочадцев и простой народ и требовать: „Желаю получить воздаяние за [свои] заслуги!“ Если закон будет нарушен, то в том случае, когда [подстрекательские] речи [виновного] будут носить особо вредный характер и вызовут тяжкие сомнения [у людей], о том, какую меру наказания может получить [виновный], необходимо запросить вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями. Если же [подстрекательские] высказывания [виновного] несерьезны и не вызывают вредных сомнений [у людей], то [виновному] — 1 год каторжных работ. В том случае, когда [виновный] не остановится и снова заведет такие же разговоры, по рассмотрении того, что [он] говорит, [а также того], какую меру наказания дать [виновному], и можно или нельзя сослать [его], [обо всем этом] необходимо своевременно доложить в вышестоящие инстанции и следует поступать в соответствии с полученными указаниями» (ст. 814).

Следует заметить, что не нужно, как это иногда бывает, путать подобные запреты с борьбой с ересью, ибо буддизм в Китае, на Дальнем Востоке и в Центральной Азии существовал во множестве сект, ни одна из которых не отрицала существа доктрины и при разнообразии признаваемых лучшими путей к спасению не объявляла другие злостными заблуждениями, под-

[15] *Ши Цзиньбо.* Си Ся вэнь «Го цюй чжуан янь це цянь фо мин цзин» фа юань вэнь.— Си Ся ши луньвэнь цзи. Иньчуань, 1984, с. 355.

[16] «Новые законы», гл. XI, инв. № 6420, с. 4а.

[17] Там же, с. 6а.

[18] Там же.

лежащими искоренению. Законы, подобные вышеуказанным, означали факт отношения буддизма с государством вообще, а не поддержку государством исключительно одного направления в развитии учения. Тангутское государство равно признавало и китайские общины с преобладанием учений школы чань и амитаизма, и тибетские, где преобладали тантристские идеи.

Наряду с существованием общин, сформированных по этническому признаку, закон различал монахов, носящих желтые, черные, красные (фиолетовые) одежды. Хотя, как говорилось выше, в тангутском государстве населению вообще было запрещено носить одежды из тканей желтого и красного цвета, для монахов было сделано исключение: «Лицам, принявшим обет монашества, тем, кто живет [не в монастырях] (кит. „цзай цзя“), а дома, поскольку они надевают одежды особого покроя, можно носить рясы (цзяша) и юбки желтого цвета; монахам, покинувшим семьи и [живущим в монастырях] (кит. „чу цзя“), можно носить юбки и рясы желтого цвета, но носить желтые плащи (накидки, баоцзы) не разрешается» (ст. 433).

Все святые места, храмы, культовая скульптура и иконы, буддийские и небуддийские, культа небесных светил, Конфуция, древнего тангутского культа духов-хранителей равно оберегались законом: «Любому человеку запрещается красть, портить и разрушать изображения и изваяния будд, изображения и изваяния святых в храмах, полотна с изображениями Конфуция и почитаемых небесных [духов]. Если же закон будет нарушен, то зачинщику — 6 лет, пособникам — 3 года каторжных работ. Если среди тех, кто произвел разрушения, [окажутся] монахи или приписанная [к храму] прислуга, то мера наказания таковым должна быть увеличена на одну степень по сравнению с мерой наказания, определяемой [по закону за то же преступление] постороннему человеку. Если [кто-либо] ничего не сломал, а [только что-то] украл [в храме] и, принеся жертву [божествам], ушел, то [он подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Если же стоимость [похищенного и причиненного ущерба] велика, то [виновному] выносится более суровый приговор: с учетом наказания за то, как была совершена кража — без применения или с применением насилия,— наказания в зависимости от стоимости [краденого] в денежном выражении и наказания за те разрушения, которые были произведены [в храме]» (ст. 160).

В тангутском государстве только храмы и императорский дворец могли быть украшены лепкой и крыты цветной черепицей: «Кроме буддийских храмов, храмов божеств небесных светил, храмов духов-хранителей и императорского дворца, ни один дом чиновника или простолюдина не должен иметь украшений [в виде] лепестков цветка и не разрешается украшать дома красной, синей и зеленой черепицей» (ст. 437).

Уголовные и гражданские дела, связанные с монастырями, храмами и монахами, подлежали не местному и не ведомственному, а особому государеву расследованию (ст. 554).

Управления, ведавшие делами буддийской церкви, относились ко второму, высокому классу управлений тангутского государства, управлений, непосредственно следовавших за Главным императорским секретариатом по управлению гражданскими делами и Главным управлением военных дел. Таких управлений было три: управление доблестных и заслуженных, ведающее делами буддийской сангхи, управление доблестных и заслуженных, ведающее делами покинувших семью, и управление доблестных и заслуженных, ищущих спасения в дхарме (ст. 675). Думается, что эти управления вели соответственно дела буддийской общины (сангхи), дела монахов и дела буддистов вообще. Руководство управления доблестных и заслуженных, ведающее делами ищущих спасения в дхарме, состояло из одного главного начальника, его помощника, одного чиновника в должности «принимающий решения» и двух в должности «передающий приказы». Управление доблестных и заслуженных, ведающее делами покинувших семью, имело штат из шести «государственных наставников», двух «следящих за дисциплиной» («вэйгуань»)[19], шести чиновников в звании «проповедники» («бяньда») и шести «передающих приказы». Управление доблестных и заслуженных, ведающее делами буддийской сангхи (оно же управление доблестных и заслуженных, ведающее делами оставшихся в семье), имело в составе своего руководства шесть «государственных наставников», двух «следящих за дисциплиной», четырех помощников, шесть «принимающих решения» и шесть «передающих приказы» (ст. 690).

Стать монахом в тангутском государстве можно было только с позволения властей, пройдя определенную подготовку. Пострижение в монашество в обход закона строго каралось — вплоть до наказания смертной казнью. В кодексе говорится: «Когда в благоприятное время производится пострижение в монахи [людей] различных категорий, то монахами могут стать юноши двух групп[20] — юноши, [состоящие] при монашеской общине, и юноши из „постоянно живущих“, а также юноши из числа „ищущих спасения в дхарме“. Посвящение в монахи лиц прочих категорий запрещается. Если закон будет нарушен, то из тех, кто посвящал в монахи, и тех, кто был посвящен в монахи, зачинщик подлежит смертной казни путем удавления, а пособникам — 12 лет каторжных работ. Если тот, кого посвятили в монахи, еще не достиг совершеннолетия, то [он] нака-

[19] Очевидно, администраторы сангхи, которые при Тан назывались «вэйна».

[20] Термин, очевидно соответствующий китайскому «тунсин», «ученик», «новичок».

занию не подлежит; тому же, кто сделал [его] монахом, приговор выносится в соответствии с законом. Что касается наставников, находившихся там, где происходило [незаконное] посвящение в монахи, то [им] определяется то же наказание, что и зачинщикам. Если [о совершавшемся беззаконии] знали ревизоры, то [им] выносится наказание на одну степень меньшее, чем пособникам. Если кто-либо из них получил взятку, то [ему] выносится более суровый приговор: как [за нарушение настоящего закона], так и за „взятку с нарушением закона“» (ст. 783).

Таким образом, монахом не мог стать взрослый или пожилой крестьянин, скотовод, ремесленник или чиновник и т. п., если он в юношеские годы не сделал этого. В полном соответствии с тем, о чем говорилось выше, человек, судьба которого, место которого в системе государственной службы уже определилось ранее, был не волен изменить его, покинуть мирскую жизнь в угоду служения вере: «Запрещается входить в общину и становиться монахами слугам, [лицам] категории лиц для особых поручений, служащим вспомогательных войск... старым и слабым» (ст. 781). Наказание — смертная казнь. Не могли стать монахами пхинга без позволения хозяина и служащий вспомогательных войск без особого на то предписания. «Пхинга, принадлежащему любому человеку, без представления [свидетельства] о добровольном согласии [на то] его хозяина, а служащему вспомогательных войск без особого на то предписания становиться монахами, ищущими спасения в дхарме, запрещается» (ст. 773). Ограничение прав пострижения в монахи распространялось также на лиц некоторых дефицитных профессий, в частности резчиков досок для печатания книг способом ксилографии: «Без особого [позволения] запрещается уходить [в монахи] тем, кто принадлежит к категории резчиков знаков [на досках для печатания книг]. Если кто-либо из таковых стал монахом, то [он] должен оставаться и в списках резчиков знаков [на досках для печатания книг]» (ст. 774).

Монахиней могла стать только вдова или девушка, на которую никто не предъявлял своих прав, не выданная замуж: «Если вдова или девушка, еще не выданная замуж, преданно, с душой исполняющая законы Будды, на которую никто не предъявляет своих прав, желает стать монахиней, то о ней должны быть поданы сведения, проверенные ревизором. [После этого она] может стать монахиней „остающейся дома“ или монахиней „покинувшей семью“. При этом матери и жены „передающих приказы“ управлений третьего класса, столоначальников Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами и Главного управления военных дел и всех лиц, занимающих еще более высокое положение, должны надеть красные одежды, а все прочие — желтые» (ст. 784). Пока мы не в состоянии объяснить, что скрывалось за ношением одежд

разного цвета — различие ли сект (школ) буддизма или же разница в социальном статусе монаха или монахини. Судя по только что цитированному тексту, можно предположить и последнее.

В Си Ся действовала общая формула запрета: никому не разрешается «становиться монахом по своему личному усмотрению» (ст. 785). Последствия, вытекающие из его нарушения, изложены в пространной 785-й статье кодекса. Процитируем отрывки из этой статьи: «Любому человеку, не вошедшему в число тех, кому официально дозволено стать монахом, становиться монахом по своему личному усмотрению запрещается». Если виновному не было еще 15 лет, то он наказанию не подлежал. Прочие наказывались так: «Если человек, достигший совершеннолетия, обманным путем стал монахом и если, будучи совершеннолетним, он обманным путем добился на то позволения, то о том, кто незаконно получил государев указ, [позволяющий стать монахом], следует сообщить в вышестоящие инстанции и приговор [таковым] выносится как [лицам], действовавшим [по добытому обманом] государеву указу. Что касается тех, кто не имел позволения [стать монахом] и исключил себя из [податных] списков, то [таковые] подлежат смертной казни путем удавления. Прочим, кто не исключил себя из [податных] списков и не добивался обманом позволения [стать монахом], а просто выдавал себя за монаха,— 6 лет каторжных работ». Знавшие об обмане получали наказание, уменьшенное на две степени. Разрешалось не доносить только на родных отца и мать. Чиновники и руководители общины, даже если они не знали лично об обмане, «за то, что [они] не несли службу исправно и не воспротивились беззаконию, [подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок». «Монахам — юношам простого звания запрещается не вносить [свое] имя в [податные] списки или исключать [свое] имя из [податных] списков и тем самым уклоняться от трудовой повинности и уплаты налогов». «На юношей простого звания, ставших монахами, а также на имущество буддийской общины (чанчжу) и на принадлежащих ей земледельцев... должны быть поданы списки в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами, а списки юношей простого звания и земледельцев — в управление императорской гвардии, в каждое [из указанных учреждений] отдельно, и [эти списки] подлежат ревизии». «Монахам, получившим дозволение стать „покинувшими семью“, запрещается не регистрироваться в списках общины и тем самым пребывать неизвестно где. Монах начиная с того дня, когда [он] стал [таковым], в течение ста дней обязан доложить [о себе] должностному лицу и стать на учет в списках той общины, к которой [он] принадлежит». За нарушение сроков — год каторжных работ. «Юношам из простых людей, став-

шим монахами, не находиться в той общине, к которой они принадлежат, подавать официальные прошения о переводе в другие [общины], менять общину запрещается. Если закон будет нарушен и кто-либо сменит общину, то [виновному] — 12 лет каторжных работ в соответствии с законом о наказаниях [лиц], выполнявших легкую работу и перешедших на такую же работу в другой гвон». «Любой женщине запрещается становиться монахиней, если она не получила на то дозволения. Если закон будет нарушен, то в том случае, когда у [виновной] есть хозяин или она является нини другого человека, [ей] — 4 года каторжных работ. Если же у нее не было хозяина и никто не мог воспрепятствовать [ее поступку], то [ей] — 2 года каторжных работ». Наказывался и парикмахер, который, зная обстоятельства дела, стриг голову человеку, пытавшемуся стать монахом. Он наказывался на три степени меньше, чем преступник, если знал, что его клиент обманным путем хочет стать монахом (ст. 788).

Итак, очевидно, что стать монахом в тангутском государстве по собственному волеизъявлению, без позволения властей было просто невозможно, за это полагалось строгое наказание, как и за попытку стать монахом обманным путем, в обход закона. Мы не раз подчеркивали ранее, что государство было заинтересовано в полном учете всего, а особенно мужского, самодеятельного населения, тех, кто платил поземельный налог и прочие налоги и отбывал трудовую повинность, а также служил в армии. Уход взрослого мужчины в монашество означал для государства потерю полноценного тяглого. Поэтому самовольное исключение себя из списка тяглых каралось смертной казнью. Именно по этой причине юноши-послушники простого звания не исключались из общих податных списков населения и привлекались к трудовой повинности. На них, на «постоянно живущих» и крестьян, очевидно приданных храму или монастырю, подавались списки в Главный императорский секретариат, а на юношей-послушников простого звания и крестьян, как на потенциальных солдат, еще и в управление императорской гвардии, при этом такие списки проверялись. Полноправные монахи, уже прошедшие обряд посвящения и перешедшие из учеников, юношей-послушников, в число монахов «покинувших семью», тоже не исчезали из-под контроля государства. Они заносились отныне не в подворные списки, а в списки общины. Монах был лишен права лично, по своему усмотрению сменить общину. За это полагалось тяжкое наказание — 12 лет каторжных работ. Общая для тангутского государства система разверстки самодеятельного населения по административно-хозяйственным единицам, территориальным, производственным или иным и строгого контроля над ним, выражавшаяся в запрете под страхом смертной казни менять место приписки, была распространена и на

буддийские общины. Двенадцать лет каторги вместо смертной казни означали реализацию общего положения о смягчении для монахов наказания за любое преступление на одну степень. После отбытия наказания «монахи, носящие желтые или черные одежды, должны быть удалены из монашеской общины на пять лет, а монахи, носящие красные или фиолетовые одежды... на 6 лет. При наказании каторжными работами с монахами, имеющими ранг, следует поступать в соответствии со степенью их ранга. Если монах ранга не имеет, то должен отбывать каторгу по закону; по истечении срока наказания [отбывший каторгу монах] должен быть передан в качестве отрока-прислужника в тот монастырь, к которому он был ранее приписан» (ст. 42).

Государству, действующему уголовному кодексу были подсудны уголовные преступления монахов, совершенные ими по отношению друг к другу.

Освобождение от повинностей, налогов и отработок — в Китае буддийские монахи сами не работали на земле, они в лучшем случае были надсмотрщиками и организаторами работ[21] — и смягчение в случае совершения преступления меры наказания на одну степень — вот те правовые привилегии монахам, о которых мы знаем из тангутского права.

Если лица, ставшие в соответствии с законом монахами, выпадали из списка тяглых, то это еще не означало, как правильно отметил для танской эпохи Д. Твичет, что государство не контролировало хозяйственную деятельность буддийских общин. Храмы и монастыри подавали властям сведения об имуществе храма, «постоянно живущих» и крестьянах, приписанных к монастырю, была ограничена самодеятельность храма и общины в самообеспечении, хотя бы и за счет пожертвований верующих. Так, число «постоянно живущих» при храме зависело от суммы пожертвований, получаемых им. После перестройки храма или для храма, выстроенного заново, прежде всего рекомендовалось изыскивать монахов из числа уже состоящих в общине. Такие храмы могли получить «при пожертвованиях в одну тысячу связок монет двух „постоянно живущих“ и одного монаха, носящего красные одежды, при [пожертвованиях] в две тысячи связок монет — трех [„постоянно живущих“] и одного монаха, носящего красные одежды; при пожертвованиях, оцениваемых начиная от трех тысяч связок монет и выше, [храм может получить] пять [„постоянно живущих“] и двух монахов, носящих красные одежды. В монахи следует переводить юношей из других старых общин. [Они] должны находиться в ведении новой общины, а продавать [их] какому-либо человеку запрещается» (ст. 777). Возможно, государство регламентировало

---

[21] *Gernet J.* Les aspects économiques du Buddhisme, c. 92.

только число людей, непосредственно обслуживающих храм, «постоянно живущих» и монахов, ставя их количество при храме в зависимость от пожертвований верующих, которые сами по себе не ограничивались.

Государство поддерживало храмы и монастыри экономически, выделяя им «постоянно живущих» из числа государевых людей. В «Новых законах» ясно сказано об этом: «государевы и частные всех общин „постоянно живущие“». В XII в. «постоянно живущие» при храмах были частично освобождены от налогов в пользу государства. Они не несли всех трех видов повинностей, связанных с работой на земле (уплаты поземельного налога, поставок сена и трудовой повинности), одновременно и постоянно, а один год платили поземельный налог, следующий год поставляли сено и отрабатывали трудовую повинность. Это было естественно, так как часть своего труда и дохода они обязаны были отдавать храму или монастырю. С 1212 г. эти привилегии «постоянно живущих» были отменены[22], безусловно, в прямой связи с угрозой монгольского завоевания.

«Постоянно живущие» храмов, монастырей буддийских общин обрабатывали землю, с которой монастыри платили неполный налог, что очевидно из постановлений о частичном освобождении от него. Мы имеем некоторые сведения о размерах земельных владений (пахотные земли) буддийских монастырей в тангутском государстве. В монастырях «Помощь государству» и «Повсеместная святость» «постоянно живущие» обрабатывали 131 цин 59 му земли (примерно 800 га), из которых 67 цин 28 му принадлежали монастырю «Помощь государству» и 64 цин 31 му — монастырю «Повсеместная святость», т. е. каждый из монастырей имел примерно более 400 га земли. Из этих земель в монастыре «Помощь государству» 47 цин 67 му (286 га), которые ранее были освобождены от отработок и поставок сена, в начале XIII в. были обложены денежным налогом в сумме 584 связок 950 монет, из расчета 2 связки монет с 1,5 цин (9,15 га) земли. В монастыре «Повсеместная святость» денежный налог взимался с 46 цин 66 му (≈280 га) земли в сумме 624 связок 850 монет. Оставшиеся земли заново были обложены поставками сена и отработками. Монастырь «Сокровищница моря» имел 50 цин 71 му (≈305 га) земли, из которых 21 цин 4 му (130 га) были освобождены от отработок по трудовой повинности и поставок сена. С прочих земель взимался денежный налог в размере 257 связок 500 монет[23].

Можно подсчитать, что три упомянутых монастыря имели в среднем каждый по 370 га земли, 2/3 которой в начале XIII в.

[22] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 1—5.
[23] Там же, с. 5—12.

облагалась денежным налогом. Много земли было у этих монастырей или мало — судить трудно. Мы не имеем сведений ни об общей площади обрабатываемых земель в тангутском государстве, ни о размерах частного землевладения. Отметим только, что размеры земельных владений этих монастырей были близки к тем, которыми реально располагали монастыри в танском Китае, где они имели в среднем по 40, реже по 50 цин земли[24]. Для нашей темы важно, что государство облагало налогом, хотя и не по полной таксе, земли, принадлежащие или данные в пользование монастырям, взимая с них натуральный (поставки сена) и денежный налоги, а также привлекая людей, приписанных к монастырю, к несению трудовой повинности. В данном случае очень любопытно то, что нормы отработки определялись не количеством тяглых людей, а количеством земель, за которые государство требовало отработки, т. е. обложение осуществлялось на общих для всей страны традиционных основаниях.

Мы уже указывали, что освобождение от налога земель, принадлежащих монастырям, с «постоянно живущими» на них не было постоянным. Оно носило периодический характер и определялось или указом императора, или документом, именуемым «юйчжацзы», «императорским предписанием», или же решением властей, принятым по докладу, поданному на имя государя. С 1181 г. с этой целью стали использоваться только «юйчжацзы», при этом полное освобождение монашеской общины («чжун») от поставок сена и отработок даже на время отныне было запрещено[25].

Таким образом, государство контролировало не только личный состав буддийской общины, но и ее экономическую деятельность. Контроль этот, очевидно, производился специальными инспекторами. «Что касается назначения инспекторов в общины [монахов] „покинувших семью", то в [общине], имеющей „постоянно живущих" и доход от одной тысячи до тридцати тысяч связок монет включительно, назначается инспектором один человек; [в общине] с доходом свыше тридцати тысяч до пятидесяти тысяч связок монет включительно, назначаются [инспекторами] два человека, а [в общинах] с доходом свыше пятидесяти тысяч связок монет — три человека. Что касается тех людей, которых следует назначить на должности [инспекторов в монашеских общинах], то это должны быть пожилые и способные люди, не распоряжающиеся „постоянно живущими", почитаемые и на службе, и в [своей] семье, обладающие твердой волей, ясными намерениями и умеющие вести дела в соответствии с законом» (ст. 780). Мы видим, что доходы разных

[24] *Gernet J.* Les aspects économiques du Buddhisme, с. 135.

[25] «Новые законы», гл. XV, инв. № 748, с. 20–25.

общин сильно рознились. Они были и довольно высокими, и если за пятьдесят лет — с середины XII до начала XIII в.— цены и денежный курс в Си Ся существенно не изменились, то упомянутый выше денежный налог с монастырских земель был невысоким.

Буддийские общины создавались при храмах и монастырях с ведома государства, как, собственно, строились и сами храмы и монастыри. Процесс создания новой общины при новом храме также регламентировался, хотя храм мог быть выстроен или отремонтирован на частные пожертвования. Как мы уже отмечали выше, для начала предписывалось выделить для нового храма монахов из старых общин, и только в случае их нехватки допускалось пострижение в монахи новых людей. Таким образом, ядро будущей новой общины составляли храм и выделенные ему монахи и «постоянно живущие», причем число тех и других было прямо связано с пожертвованиями, полученными храмом и оцениваемыми в денежном выражении, т. е. экономическим потенциалом храма (ст. 777).

Община буддистов-мирян создавалась вокруг храма и вероучителей-монахов, которые были при нем, и процветание храма зависело от его благосостояния, ибо только наличие у общины средств на приличное содержание храма и монахов могло гарантировать по закону их достаточное число.

Община, группировавшаяся около монастыря или храма и, возможно, объединявшая вокруг крупного монастыря верующих ряда мелких храмов, имела свою, определенную законом администрацию. Возглавлял ее глава общины, у которого были помощники (заместители). Далее в руководство общины входили инспектора общины и администраторы в должности «решающих дела». Община делилась на группы, каждая из которых возглавлялась старшим группы. Очевидно, только в крупных группах было еще более дробное деление на группы, возглавляемые лицами, должности которых именовались «направляющие». Мы уже отмечали выше, что должность «направляющий» была низшей административной и командной должностью в тангутском государственном аппарате и тангутской армии вообще.

Существовал также Совет великой сангхи. Очевидно, он ведал делами общин, но был ли он организацией общей для всей страны или органом региональным, остается неясным. Упоминается Совет великой сангхи в статье 775: «Если откроются вакансии на должности главы общины, [его] помощников, „выносящих решения“, старшего в сангхе и на прочие [должности], относящиеся к высшей администрации общины (чжун-гуань-да?), и если Совет великой сангхи сделает выбор, то [избранное лицо] должно быть повышено в должности, а [его должность] может занять новый человек, назначенный снизу. Если в данной общине нет человека, который мог бы быть повышен [в долж-

ности], то на [вакантную] должность назначается способный человек из другой общины».

Кроме вышеназванных должностных лиц в каждой общине назначались два интенданта («тицзюй»)[26]: «Что касается совместных священных трапез («шэнъян») в общинах [нашего] государства, то из „постоянно живущих“ [при общине], прикрепленных к общине, два человека назначаются интендантами: [один] главным, а [другой] помощником. Прочих членов общины назначать интендантами запрещается. Если закон будет нарушен и назначат [интендантом то лицо, которое] не имело [на это] права, то и тот, кто назначил, и тот, кого назначили, [подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 776). Назначение интендантов из числа «постоянно живущих», а не монахов, возможно, было связано с представлением о том, что монахи должны заниматься делами духовными и не иметь прямого контакта с миром корысти и наживы. Мы знаем, что закон запрещал монахам собирать налоги и брать в долг что бы то ни было[27]. Монахам запрещалось иметь дорогие вещи и оружие — золотые и золоченые ножи, мечи, копья, уздечки, седла, украшать уздечки и седла чистым нефритом и т. п. (ст. 435). Монах рассматривался как лицо, удалившееся от мира и семьи. В этом смысле с правовой точки зрения примечательно, что монахи были освобождены от коллективной ответственности по принципу «юань цзо». Если мятежниками оказывались родители монаха, то он, вопреки общему правилу, не привлекался к ответственности за их поступок, а если мятежником был сам монах, то за совершенное им преступление не отвечали его родители (ст. 1). Как лицам, заботящимся исключительно о духовных интересах людей, монахам наряду с тюремными надзирателями и врачами был разрешен доступ к больным заключенным (ст. 589).

Должностные лица сангхи, монахи, рассматривались как государственные служащие, а не как администрация общественного организма, независимого от государственного аппарата, поэтому они, как и представители всего прочего служилого сословия, гражданского и военного, имели ранги: «Управление глав монашеских общин может приглашать за печатями [лиц, получающих ранги]. Вызывать для получения ранговых печатей [монахов] из пограничных больших общин (бяньдачжун?) не разрешается. Если закон будет нарушен, то [виновный подлежит наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому че-

---

[26] «Тицзюй» — в общем смысле лицо, ответственное за что-либо, контролер, надзиратель. См.: *Hucker Ch. O.* A Dictionary of Official Titles. Stanford, 1985, с. 493, № 6395. В тексте кодекса «тицзюй» — обычно должностное лицо, ведавшее хозяйством, отсюда наш перевод наименования этой должности как «интендант», «эконом».

[27] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 73.

ловеку — 13 палок» (ст. 655). Не только монах, занимающий должность в государственном управлении, но и монах — должностное лицо в сангхе не имел право получать временное освобождение от службы (отпуск) без разрешения соответствующих органов государственной власти. «Что касается предоставления освобождения от службы государственным наставникам (гоши), наставникам в (буддийской) вере (фаши) и наставникам в медитации (динши), начальнику, [его] помощникам и „передающим приказы" управления доблестных и заслуженных, ищущих спасения в дхарме, а также кому-либо из чиновников, состоящих на службе в [этих] управлениях, то [они в случае просьбы об отпуске на срок] от одного до десяти дней, а инспектора буддийской общины (чжанши) и главы монашеских общин [в случае просьбы об отпуске на срок] в пределах двадцати дней обязаны обращаться с докладом в управление достойных и заслуженных по принадлежности и [управление] должно предоставить [им] освобождение от службы. Если же [потребуется освобождение от службы на срок] больший, чем этот, то донесение должно быть передано в иную инстанцию. Государственные наставники, наставники в (буддийской) вере и наставники в медитации, не состоящие на службе в управлениях, обязаны обращаться с донесениями прямо в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами или соответственно довести свою просьбу до вышестоящих инстанций, а [те, в свою очередь], должны предоставить им освобождение от службы на срок, который им положен» (ст. 634).

Грамотность и определенная степень буддийской образованности были наиважнейшими условиями как посвящения в монашеский сан, так и получения какой-либо должности в администрации общины и управлениях по делам религии: «Если кто-либо из юношей, принадлежащих к монашеской общине ищущих спасения в дхарме, читает две сутры — „Лотосовую сутру" и „Праджняпарамита-сутру о человеколюбивом князе, защищающем государство",— умеет при чтении [священных] текстов совершать ритуальные поклоны, чисто и отчетливо произносит звуки [языка] санскрита, то [таковые] должны быть представлены главе общины и инспектору общины и [о них] следует доложить в управление доблестных и заслуженных, [ведающее делами религии], и в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами. [По этому делу] должны быть опрошены направляющие [этих] юношей, инспектора общины, глава общины, [его] помощники, „принимающие решения", а также имеющиеся налицо люди [из данной общины]. Затем вызывают контролеров, которые передают дела, и они наводят справки по спискам [населения]. Если [окажется], что эти юноши действительно [хорошего] рода, то [им] должен быть определен устав поведения. Если они усвоили этот

устав поведения, то после доклада о том в вышестоящие инстанции [они] становятся монахами, остающимися дома. Прочие юноши, придерживающиеся устава поведения простых людей или относящиеся к [лицам] иных категорий, обязаны [также] знать ранее упоминавшийся устав, хотя [им] и не разрешается становиться монахами» (ст. 771).

«Если в нашем государстве среди тангутов, китайцев, тибетцев окажутся юноши, которые придерживаются устава поведения простых людей и принадлежат к общине ищущих спасения в дхарме, или юноши, которые давно принадлежат к общине ищущих спасения в дхарме, и если их можно назначить настоятелями, то в том случае, когда [среди них] имеются знающие от начала до конца и способные толковать [доктрину] мадхья и [ее учение] о ста видах всех качеств разума и его агентах[28], сутру Хуа-янь[29], [шастру] Ци-синь[30] и постигшие требующие повседневного выполнения обряды „видхи“ (фа-ши), государственный наставник, [лица], ранее занимавшие посты настоятелей, учителя специальных дисциплин и знатоки тибетского языка обязаны тщательно изучить их деяния и поведение. Если [данные юноши] действительно постигли [все это], то, что касается юношей, придерживающихся устава поведения простых людей, [они] могут стать монахами, носить красные одежды и быть назначены настоятелями. [Однако таковые] получать ранги не могут. Если [кто-либо из таких юношей] уже давно состоит в общине ищущих спасения в дхарме, то в том случае когда [они] ищут спасения в дхарме, [они] могут стать монахами и те, кто ранее носил желтое, [теперь] обязан носить красное и может быть назначен настоятелем. Преданные чиновники могут получить ранг. Монахов-тангутов и монахов-китайцев, не знающих [вышеуказанного], запрещается назначать настоятелями» (ст. 772).

Более высокие официальные требования предъявлялись к буддийской образованности тех монахов, которые должны были перейти на государственную службу и стать чиновниками Главного императорского секретариата по управлению гражданскими делами. Это равно касалось тангутов, китайцев, тибетцев:

[28] Китайское «вэй ши чжун дао», или «бай фа», или «у вэй бай фа» — доктрина школы Дхармалакшана, согласно которой все вещи являются эволюцией разума и не содержат сами в себе ничего ни реального, ни нереального. Учение школы Дхармалакшана о ста образах, или «вещах», делит их на пять групп: 1) «синь фа» — «восемь восприятий»: глазами, ушами, телом, разумом и т. п.; 2) «синь со ю фа» — «пятьдесят одно состояние духа»: докука, жадность, ненависть, раскаяние и т. п.; 3) «сэ фа» — «пять физических органов и их шесть способов чувствования»: ухо слышит, нос обоняет и т. п.; 4) «бу сян ин син» — «двадцать четыре неопределенных или не ограниченных условиями элемента»: непостоянство, текучесть, время и т. п.; 5) «у вэй» — «шесть бедствий»: пустота, недвижение и т. п.

[29] «Да-фан-гуан-фо-хуа-янь-цзин».

[30] «Да-чэн-ци-синь-лунь».

«Если среди тангутских, китайских и тибетских юношей есть такие, которые хорошо знают и могут читать сутры и гаты, то те из них, которым определен устав поведения, по одному или попарно [31], могут быть назначены на должности начальников и „передающих приказы" в Главный императорский секретариат по управлению гражданскими делами. Каждая из одиннадцати сутр и гат, которые обязаны уметь читать [означенные лица], указана ниже и должна читаться [ими] в соответствии с установленными правилами. [Кандидатам на эти должности] следует определить устав поведения, и если у знающего [эти сутры и гаты] и умеющего читать [их] нет возражений [против его назначения на должность], то [о нем] следует доложить в вышестоящие инстанции и [он] должен стать монахом „покинувшим семью".

Сутры на тангутском и тибетском [языках], которые должен уметь читать [кандидат на должность]:

[1.] Праджняпарамита-сутра о человеколюбивом князе, защищающем государство [32].

[2.] Истинный смысл имени Маньчжушри [33].

[3.] [Глава] о деятельности, молитвах и обетах бодхисаттвы Самантабхадры [34].

[4.] Тридцать пять будд [35].

[5.] Мать святого Будды [36].

[6.] Гата о счастье, процветании и защите государства [37].

[7.] Глава о пуса Гуаньинь [38].

[8.] Поклонение Великой Праджне [39].

[9.] Всепобеждающая [дхарани] о макушке Будды [40].

[10.] [Великая дхарани-сутра] о незапятнанной чистоте и блеске [41].

[11.] Ваджрачхедикапраджня[парамита-сутра], полный текст с гатами.

Сутры и гаты на китайском [языке], которые должен уметь читать [кандидат на должность]:

[1.] Праджняпарамита-сутра о человеколюбивом князе, защищающем государство.

---

[31] Один действительно состоящий на службе, другой — кандидат на эту должность.

[32] «Жэнь ван ху го божо боломидо цзин».

[33] «Вэньчжу пуса цзуй шэн чжэньши мин и цзин».

[34] «Да фан гуан фо хуа янь цзин пусянь пуса син юань пин».

[35] «Фо шо сань ши у фо мин ли чань вэнь».

[36] «Фо шо шэн фо му божо боломидо цзин».

[37] Может быть, «Цзисянь цзе гата». См.: *Горбачева З. И., Кычанов Е. И.* Тангутские рукописи и ксилографы. М., 1963, № 74.

[38] Из «Мяо фа ляньхуа цзин».

[39] Возможно, какой-либо обрядовый текст, связанный с «Да божо боломидо цзин».

[40] Возможно, сама сутра «Цзуй шэн фо дин толони цзин» или часть ее.

[41] «У хоу цзин гуан да толони цзин».

[2.] [Глава] о деятельности, молитвах и обетах бодхисаттвы Самантабхадры.

[3.] Тридцать пять будд.

[4.] Гата о счастье, процветании и защите государства.

[5.] Всепобеждающая (дхарани о) макушке Будды.

[6.] Мать святого Будды.

[7.] О великом молении [42].

[8.] Глава о пуса Гуаньинь.

[9.] Сутра павлина [43].

[10.] Гуан-да-фа-юань-сун.

[11.] Шицзя-цзань [44]» (ст. 779).

Не оценивая этого списка в плане доктринальном, укажем только, что два сочинения из него были тесно связаны с идеей защиты и способствования процветанию государства. Включение их в списки на всех трех языках вряд ли является случайным.

Мы не знаем точно, для какой службы использовались чиновники-монахи. Можно только полагать, что из их числа назначались должностные лица, связанные с делами религии. Упоминания о монахах, занимающих чисто светские по своему назначению должности, нам неизвестны. Монах отличался от чиновника, светского лица, тем, что не мог передать заслуженные им ранги по наследству: «Если в [нашем] государстве кто-либо из монахов, имеющих ранг и получивших дозволение стать [монахом] „покинувшим семью", заявит: „Прошу передать [мой ранг] по наследству сыну или брату!", то принимать [от него] официальное прошение и передавать [его ранг] по наследству не разрешается. Если закон будет нарушен, то тот, кто принял официальное прошение, и тот, кто подавал [его], [подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 787).

Монах мог покинуть общину и снова стать мирянином только с позволения самой общины, ни о каком вмешательстве администрации в эти дела не известно, кроме перенесения данного лица из списков общины в подворные списки. Выход из общины означал для человека известное поражение в правах в светской жизни. Бывшим монахам запрещалось служить при особе государя, и они могли рассчитывать только на низкие должности и тяжелую работу. «Если кто-либо в (нашем) государстве, получив дозволение общины, добровольно решил стать мирянином, то [таковому] запрещается быть в числе чиновников, которые занесены в списки [лиц], прислуживающих в государевых покоях, на аудиенциях или являющихся постельничими в [спальных] покоях [государя]. Если же [такой человек] пожелает войти в число [лиц],

---

[42] Нам не удалось отождествить это название сочинения ни с одним из буддийских произведений на китайском языке.

[43] «Фо шо да кунцюе чжу ван цзин».

[44] «Шицзя фо цзань».

служащих в армии, „ожидающих приказаний“, [лиц] для особых поручений, исполняющих тяжелую работу, то [об этом] следует доложить в вышестоящие инстанции, снять с учета [в общине] и назначить на службу туда, куда [он] пожелал. Если среди таковых окажутся те, кого сопровождают юноши-послушники, то [этих юношей] делать служащими вспомогательных войск запрещается. [Они] должны получить другое кандидатство на должность» (ст. 786).

Суды по кодексу, государство ограничивало претензии общины на наследство умершего верующего. Хотя тангутское право не признавало при распределении наследства завещательную волю покойного, при выделении доли из наследства общине принималось во внимание именно волеизъявление умершего, правда только в тех случаях, когда не было законных наследников и имущество покойного должно было отойти государству: «Если умрет (букв. „сменит тело“) какой-либо знатный мужчина или какая-либо знатная женщина и по окончании сорокадевятидневного поста (букв. „семь раз по семь“) [их имущество] может оказаться полезным для государя, то при выделении той доли [имущества], которая должна быть отдана монахам, следует исходить из указанного в распоряжении, а то, что не вошло туда, просить самим монахам не разрешается. Если закон будет нарушен и [они что-либо] попросят, то тот, кто подал официальную просьбу, и тот, кто ее принял, [подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Получать [имущество] монахи не должны» (ст. 789).

В обмен на вышеуказанные права контроля над буддийскими общинами государство брало на себя правовую защиту храмов от всяких третьих лиц, посягающих на целостность храмов или их имущество извне. Данное положение отражено в нескольких статьях кодекса: «Любому человеку запрещается резать скот в храме, убивать животных и ловить птиц. Если закон будет нарушен, то [виновному] — 6 месяцев каторжных работ» (ст. 790). «Государевым гонцам и тем, кто едет по важным делам, всем прочим людям запрещается располагаться на ночлег в любом [буддийском] храме или [даосском] храме (гуаньдавэньмяо), въезжать туда верхом, привязывать там любое домашнее животное и испражняться [в храме], а служкам и монахам запрещается приводить [в тот храм], к которому они принадлежат, и оставлять там женщин из [своей] семьи. Если закон будет нарушен, то [с виновного], имеющего ранг,— штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок. Что касается [храмовых] служек, то они должны жить за пределами [храма]» (ст. 791). «Любому человеку запрещается жить в [буддийском] храме и в даосском храме (гуаньдавэньмяо). Если закон будет нарушен, то [виновному] определяется наказание на одну степень меньшее, чем за убийство в храме животного. Если юноша простого происхожде-

ния, принадлежащий к общине, должен прислуживать [в храме] и имеет право жить в общине, то [о нем] следует доложить тому, кто ведает [этими делами], и если [он] имеет право жить там, то [его] можно поселить [в храме]. Если [о нем] не доложат и [он] самовольно поселится [там], то [ему] определяется наказание как постороннему человеку» (ст. 792). «Если какой-либо человек сочтет необходимым в [буддийском] храме или даосском храме (гуаньдавэньмяо) пробить стену, вырыть колодец или добывать глину, то [обо всем этом] необходимо доложить чиновнику, ведающему [этими] делами, испросив у него письменное позволение, и следует поступать в соответствии с тем, что позволено. Если закон будет нарушен и [кто-либо], не испросив письменного разрешения, самовольно пробьет стену, выроет колодец или добудет глину, то [виновному] выносится приговор по закону [о наказании] любого человека за проживание в храме» (ст. 793).

Тангутские законы, касающиеся правового положения буддийских общин, были во многом аналогичны соответствующим им по времени сунским, но не идентичны им[45].

Итак, жизнь буддийских общин в Си Ся протекала под постоянным контролем государства. Странствующий монах, вольно проповедующий учение, монастырь или храм, возведенные в укромном месте только по желанию верующих мирян и монахов, мирянин, внезапно захотевший стать монахом и простым принятием монашеского обета осуществивший свое стремление жить жизнью духовной,— явления, с позиций действовавшего законодательства немыслимые в тангутском государстве, да и в Китае тоже. Вспомним, что человек, самовольно исключивший себя из податных списков, подлежал смертной казни, а монах, сменивший без разрешения властей общину, наказывался 12 годами каторжных работ.

Государство держало под постоянным контролем личный состав сангхи и ее экономическую деятельность. Оно взимало налоги с доходов сангхи. Те льготы, которые сангха получала по сравнению с мирянами, оплачивались тем, что она должна была идеологически оправдывать интересы государства и в проповеди учения добиваться от верующих мирян неукоснительного выполнения тех обязанностей, которые государство на них возлагало. Соответствующие тексты были цитированы выше.

В тангутском государстве, как мы уже подчеркивали не раз, каждый занимал отведенное ему место и был прикреплен к нему. Сила, которая удерживала данное лицо на его месте, была обратно пропорциональна высоте его положения — чем выше стоял

[45] См.: *Кычанов Е. И.* Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве.— Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982, с. 52—59.

человек на социальной лестнице, тем слабее был он прикреплен только к данному месту, тем бо́льшими возможностями социальной мобильности он обладал. Сангха тоже была вписана в эту гигантскую пирамиду, в основании которой находились лично несвободные люди, частные и государственные, а на вершине — тангутский государь с титулом «сына Неба». Монах был лишен прав перемещаться из общины в общину по своей воле, и уход от светской жизни означал для человека свободу духовной жизни в рамках ограниченных буддийским вероучением, где он мог подняться до высот буддийской философии и логики, но не полную личную свободу жить там и жить так, как бы ему хотелось.

Поскольку кодекс не предусматривает никаких особых прав или обязанностей для даосских монахов и даосских храмов, мы с полным на то основанием можем полагать, что разобранные выше нормы тангутского права регулировали также и деятельность даосских общин Си Ся. Даосские проповедники именуются в кодексе «бяньда». Термин «ищущий спасения в законе» в равной мере относится к монахам-даосам и, очевидно, не всегда может пониматься как обозначение только буддийского монаха. Тангутское слово «цие», «закон», в данном случае, очевидно, было полисемантично и выступало в значении, близком к тибетскому «чой» — «религия», «вера», «учение» вообще. Кодекс предусматривал минимум текстов даосского канона, который должны были знать желающие стать даосскими монахами: «Что касается „ищущих спасения в законе", то, если среди юношей есть такие, кто знает четырнадцать нижеуказанных цзюаней канона, их устав поведения должен быть определен на основании законов о „бяньда", „покинувших дом". Если окажется, что [это люди], знающие [канонические даосские тексты] и неопасные, то [о них] следует доложить в вышестоящие инстанции и [они] могут стать „ищущими спасения в законе".

[Канонические даосские тексты, которые необходимо знать юношам, желающим стать монахами, суть следующие]:

[1.] Тай-шан-хуан-ди-син-дао-цзин, два цзюаня.

[2.] Тай-шан цзюнь-цзы-сяо-цзай-цзин, один цзюань» (ст. 782) и т. д.

В кодексе есть упоминания о собственно тангутских верованиях, связанных с культом Неба, но никакого правового регулирования деятельности жрецов этих культов и храмов, если они существовали, нет. Вероятнее всего, здесь господствовал обычай и деятельность жрецов (шаманов) не регламентировалась строго государством.

XI. ВОЕННОЕ ПРАВО

1. Общие положения

Китайская правовая традиция еще с доханьских времен взяла на вооружение принцип «бин син и ти», «военный поход и уголовное наказание — одно и то же». Многие китайские теоретики права видели истоки уголовных наказаний в применении оружия. В древности чиновники-юристы именовались воинскими званиями («ши», «сыку», «тинвэй»)[1]. Позже часть военных законов (правила набора в армию и т. п.) включалась в обычные своды законов[2], а такие военные законы, как установления о наградах и наказаниях, законы о мерах поддержания дисциплины в армии, часто составляли один из разделов военных трактатов, за исключением трактата Сунь-цзы. Суть учения о наградах и наказаниях в армии, по мнению Г. Франке, изложена в трактате «Лю тао»: «Если командующий наказывает человека, занимающего высокое положение, он должен обладать властью. Если он награждает человека, занимающего низкое положение, об этом должно быть широко известно... Поэтому если посредством убийства одного человека можно поднять в поход три армии, то он должен быть убит, если благодаря награждению одного человека десять тысяч других людей будут радоваться, то его следует наградить. Прибегая к казням, следует предпочесть казнь одного человека, занимающего высокое положение, раздавая награды, следует предпочитать награждение людей, занимающих низкое положение. Казнить того, кто занимает высокий пост, знатного и уважаемого, означает, что смертная казнь угрожает и высшим. Награждать таких людей, как пастухи и конюхи,— значит показать, что награды доступны и низшим»[3]. По наблюдениям Г. Франке, из 24 статей военных законов (законов о мобилизации) в кодексах династий Тан и Сун, которые он распределяет по 9 темам, лишь одна тема (три статьи) связана непосредственно с ведением боевых действий. Танские законы группы «лин» (так, как они были восстановлены Ниида Нобору) также касались больше военной администрации, чем военных законов в строгом смысле этого слова[4]. Короче говоря, законы, касавшиеся непосредственно дисциплинарных взысканий в армии, ведения боевых действий, наград и наказаний, были вне уголовного кодекса. Известна попытка собрать эти законы воедино в сунском военном трактате «У цзин цзун яо» (1044 г.). По мнению Г. Франке, в главу XIV

[1] *Ян Хунле.* Чжунго фалюй сысян ши. Шанхай, 1937, с. 88—92.
[2] Там же, с. 92.
[3] *Franke H.* Zum Militärstrafrecht im chinesischen Mittelalter.— Sitzungsberichte der Philosophisch-historischen Classe der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1970, Jg. 1970, H. 3, с. 14.
[4] Там же, с. 7.

этого свода материалов из классических книг по военному искусству вошли все или почти все военные законы династии Тан. Это был пересмотренный свод военных законов Китая на 1041 год [5]. Своды военных законов при династии Сун были приняты по меньшей мере трижды — в 1004 г., во время войны с киданями, в 1041 г., во время войны с Си Ся, и в 1127 г., во время войны с чжурржэнями. Общим для всех них были драконовские по своей суровости меры наказания [6].

Таким образом, в самом общем виде военное законодательство средневекового Китая бытовало в двух частях: в части общей, излагающей общие принципы мобилизации и военного администрирования, и части, скажем, более конкретной, в которой речь шла о наградах и наказаниях военнослужащих в ходе военных действий. Первая, общая часть помещалась в качестве особого раздела в уголовных кодексах, вторая объединялась в отдельных сборниках.

Собственно, эту конкретную часть военного права представлял уже упоминавшийся нами ранее свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зеркало командования войсками [девиза царствования] Чжэнь-гуань (1101—1113 гг.)» [7]. «Измененный и заново утвержденный кодекс» был составлен позднее «Яшмового зеркала» и как кодекс вообще всех законов тангутского государства. Поэтому в нем есть большой раздел военного права, который охватывает три главы (главы 4—6). Дошедшее до нас китайское военное право было систематизировано и обработано под влиянием войн сунского Китая с киданями, тангутами и чжурчжэнями. Очевидно, что и другая сторона нуждалась в четких военных законах. Какие же нормы военного права попали в «Измененный и заново утвержденный кодекс»?

В принципе тангуты не отступили от основного правила деления военного законодательства на две части, принятого в средневековом китайском праве. В кодекс вошли самые общие положения, связанные с воинской повинностью, снабжением военнослужащих конями и доспехами, военной администрацией и т. п. Законов, предусматривавших правовую ответственность за проступки в ходе военных действий или награды за подвиги, в кодексе нет. Исключение составляет группа законов, относящаяся к правилам несения пограничной службы.

Кодекс содержит статьи, относящиеся к общему порядку воинской повинности и составления списков военнообязанных. В плане теоретическом тангуты исходили из того принципа, что

[5] Там же, с. 7–8.

[6] Там же, с. 10.

[7] *Кычанов Е. И.* Свод военных законов тангутского государства «Яшмовое зерцало управления лет царствования Чжэнь-гуань».— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1969. М., 1972.

«люди — основа государства и неотделимы от службы в армии»[8]. Военнообязанным в тангутском государстве признавался всякий здоровый мужчина в возрасте с 15 до 70 лет. Закон предписывал, что людей из категории лиц для особых поручений «в возрасте пятнадцати лет следует считать совершеннолетними, а в возрасте семидесяти лет — стариками» (ст. 370). То, что призывной возраст начинался с 15 лет, подтверждается и китайскими источниками[9]. Списки мальчиков, чьи отцы входили в число лиц для особых поручений, составлялись по достижении ими десятилетнего возраста по армейским гвонам. За сокрытие, невнесение в списки десяти и более мальчиков в возрасте от 10 до 14 лет полагалось 2 года каторги. За укрытие от учета подростков в возрасте 15 лет и старше — 8 лет каторжных работ. С 15 лет подростков подвергали медицинскому освидетельствованию, и все физически здоровые подлежали уже специальному воинскому учету. От воинской повинности освобождались лишь больные и калеки: «Те совершеннолетние, кто немощен, болен, калека, глух или слеп, должны быть представлены для проверки человеку, занимающему высокий пост, и на освидетельствование врачу. Если сведения [о том, что эти люди непригодны к военной службе], окажутся достоверными, то эти материалы следует передать ревизорам и эти люди должны быть признаны непригодными [к несению военной службы]» (ст. 368, 369, 371). Средства на бумагу для составления списков военнообязанных взимались с самих военнообязанных, «оценивая стоимость [необходимой] бумаги в двадцать монет с каждого» (ст. 350).

Списки военнообязанных подавались ежегодно: в районах орошаемого земледелия — в 1-й день 3-го месяца, по всем прочим внутренним районам страны — в 1-й день 4-го месяца и по пограничным районам — в 1-й день 6-го месяца. Естественно, что приказные, составлявшие списки, готовили их раньше сроков представления. Списки сверялись с общими списками населения. За составление списков отвечали военно-полицейские управления, на местах их заверяли и подписывали армейские направляющие. Промедления с подачей списков были наказуемы. Для направляющих опоздание с подачей списков могло привести к наказанию каторжными работами на срок до 2 лет, высшим чиновникам военно-полицейского управления оно угрожало штрафом (ст. 347). Закон подчеркивал непреложность подачи списков. В случае отсутствия составителя списков по уважительной причине, даже в случае его смерти, дело были обязаны довести до конца ближайшие сослуживцы или родственники (сыновья и братья) составителя списков, а в крайнем случае — даже сами военнообязанные (ст. 347, 348). Поданные списки подлежали проверке «в орошае-

[8] «Новые законы», гл. III, инв. № 2819, с. 58.

[9] См.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 117.

мых районах в течение сорока, во внутренних районах — пятидесяти дней и в пограничных районах — в течение двух месяцев». Задержки с проверкой или непроверка списков также были наказуемы (ст. 349). Важно отметить, что закон предъявлял еще два существенных требования к составлению списков: не разрешалось «принуждать составлять списки человека, не состоящего на службе»: составлять списки были обязаны приказные, относящиеся к той же самой категории, к которой относились и военнообязанные (ст. 351). А это означало, что составлять списки военнообязанных, людей данного социального статуса, могли только чиновники, имеющие тот же социальный статус.

Число составителей списков зависело от числа военнообязанных. Если их было менее ста, то списки составлял один чиновник, более ста — два (ст. 352). Списки военнообязанных являлись секретным документом. За незаконный просмотр списков тому, кто их просмотрел, и лицу, ответственному за хранение, грозило наказание каторжными работами на срок до одного года (ст. 354). Если человек, достигший совершеннолетия, был сочтен умершим и не попал в списки военнообязанных, то виновный в том подлежал смертной казни путем удавления. Если это был подросток, еще не достигший совершеннолетия, то виновный нес ответственность как за тайную кражу (ст. 372). Законом предусматривались награды за донос о сокрытии военнообязанных и вообще людей от учета. Максимальный размер награды определялся в пятьдесят связок монет за донос о десяти человеках и более, не внесенных в списки (ст. 374).

Основанием для исключения из списков военнообязанных были инвалидность, старость и смерть. Исключение из списков осуществлялось чиновниками-контролерами управления императорской гвардии и уполномоченными решать дела («паньбу») (ст. 367, 373), а если речь шла о людях, приписанных к управлениям скотоводства, земледелия или к управлению доблестных и заслуженных, то этими управлениями и затем уже управлением императорской гвардии. Трем перечисленным выше управлениям для подачи сведений в управление императорской гвардии об исключении военнообязанных из списков давался трехмесячный срок (ст. 375).

Однако не все совершеннолетние здоровые мужчины служили или числились в регулярной армии. Это и понятно. Военнообязанные составляли пары, и из каждых двух человек на службу в армию, особенно в мирное время, брался один, о чем нам было известно еще из китайских источников [10]. Из двух военнообязанных один зачислялся в регулярную армию, другой оставался запасным, кандидатом на его место: «По закону о наборе в армию [лиц], относящихся к категории „ожидающих приказаний“ и лиц

[10] Там же, с. 117—118.

для особых [поручений], при наличии восьми или более физически крепких [мужчин], даже если [среди них окажутся лица], не желающие добровольно служить в регулярной армии, [их] по сопоставлении [их достоинств] следует соединить в четыре пары, определив кандидатов на службу. Если кто-либо окажется лишним, [не имеющим пары], то [он] может быть оставлен кандидатом на службу [в пару] к старому [военнослужащему]... По закону о наборе [в армию] при наличии менее восьми, [то есть] шести-семи, физически крепких [мужчин], желающих служить в регулярной армии, им также разрешается становиться кандидатами. Что касается делопроизводителей и приказных, то по закону о наборе [в армию], если [среди них] имеются четыре и более физически крепких [человека], изъявивших добровольное желание служить в регулярной армии, [они] должны образовать две пары и [затем] следует определить кандидатов» (ст. 361). «Солдат, не имеющих пары и добровольно пожелавших служить в регулярной армии, следует объединять в пары. Одному [из них] должно быть позволено стать кандидатом на службу, а тот из них, кто физически крепче, должен поступить на службу в регулярную армию» (ст. 366).

Служба в регулярной армии, очевидно, была престижна и обеспечивала известное материальное благополучие, иначе закон не настаивал бы на добровольности поступления на службу в регулярную армию и на соблюдении определенной ее численности. «Людей, которые оказались лишними и не желают [служить в регулярной армии], объединять [в пары] и делать кандидатами на службу не разрешается». Направляющим за нарушение принципа добровольности полагался 1 год каторги, а за привлечение лишних людей – 2 года (ст. 366). Закон требовал, чтобы в регулярную армию был «принят тот из пяти реальных [кандидатов] одного рода, чья очередь подошла» (ст. 364). Шестьдесят военнообязанных выделяли в подчинение одному направляющему. Из них тридцать были кандидатами на службу в регулярную армию («люди одного и того же рода и той же категории») (ст. 381). Над двадцатью кандидатами на службу назначался один младший направляющий, а над десятью кандидатами – один «ответственный за размещение» (ст. 385).

Позднее «Новые законы» установили, что в списки военнообязанных не должны вноситься воры, совершившие особо тяжкие преступления, и лица, по роду службы связанные с приемами иностранных посольств [11]. Далее, по «Новым законам», людям богатым, не желающим служить в армии, разрешалось по желанию меняться местами с людьми бедными, но здоровыми и сильными, ибо, как сказано в тексте, «это было выгодно» [12].

---

[11] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 20.
[12] Там же, с. 7.

Военнообязанными были и перебежчики из соседних стран, если они оказывались призывного возраста (ст. 386).

Кандидатами на службу в регулярную армию из числа лиц привилегированных социальных слоев — «ожидающих приказаний», лиц для особых поручений и других чиновников — должны были быть их родственники, «один из сыновей, старший в роде. Если кандидат на должность еще мал, то он может считаться „лежачим“ кандидатом на должность и служащий вспомогательных войск должен временно стать военнослужащим регулярной армии, чтобы заменить на этой [службе] того, кто еще физически не дорос до службы в регулярной армии. Когда же [„лежачий“ кандидат на должность] вырастет, он должен занять свою должность» (ст. 365).

Закон трактует воинскую службу как обычную повинность, похожую на трудовую повинность: «Если не отправляют в поход большую армию, а начинают посылать [людей] для отбывания воинской повинности, то следует направлять в армию людей, действительно имеющихся на месте и в нужном количестве. Собирать их следует там, где они могут быть использованы по назначению. Запрещается включать в число лиц, направляемых на службу в армию, имеющихся в списках беглых, людей, оспаривающих [свою очередность], и тех, кто уже отбыл воинскую повинность» (ст. 318). И солдаты, и младший командный состав иногда вообще не являлись по вызову к месту службы. Младшим командирам, не имеющим ранга, за это полагался год каторжных работ, солдатам регулярной армии — 6 месяцев, а служащим вспомогательных войск — 3 месяца каторги (ст. 320). Наказуемы, естественно, были и опоздания.

Таким образом, тангутская практика знала три типа военнообязанных — те, кто проходил действительную службу в регулярной армии, их дублеры, кандидаты (последние, очевидно, призывались в армию не только в случае необходимости заменить служащего регулярной армии, но и при массовых мобилизациях, во время войн, когда в армию брали всех, способных носить оружие); наконец, это были служащие вспомогательных войск.

Не все могли служить во вспомогательных войсках: «Люди сильные и отважные, наносившие поражение врагу, имеющие большие заслуги, лично известные полному командующему или его помощнику, в подчинении которых они находились, [те, кто] умеет подчинять себе людей, или те, кого посылали проверяющими... не могут участвовать в образовании группы служащих вспомогательных войск» (ст. 382). Служащие вспомогательных войск обслуживали военнослужащих регулярной армии, и часть из них была людьми лично несвободными. Закон запрещал офицерам регулярной армии использовать для разной работы на них солдат регулярной армии и недвусмысленно считал это делом служащих вспомогательных войск. «Старшим и младшим чиновникам, ар-

мейским направляющим запрещается назначать на работы. заставлять прислуживать себе, участвовать в облавных охотах и стрелять диких зверей солдат, которые не являются служащими вспомогательных войск. Если закон будет нарушен, то стоимость добытых на охоте диких зверей должна быть определена в денежном выражении; если [она] составит десять связок монет и менее, то [виновный] наказанию не подлежит. Если же [она составит] от одиннадцати до двадцати связок монет включительно, то [виновному] — 13 палок, свыше двадцати до тридцати связок монет включительно — 3 месяца, свыше тридцати до сорока связок монет включительно — 6 месяцев. свыше сорока связок монет — 1 год каторжных работ. Если кто-либо из таковых заставит [солдат] ставить сети и ловить рыбу, то, если стоимость [улова] составит двадцать связок монет и менее, независимо от количества [пойманной рыбы виновному] — 6 месяцев, а если свыше двадцати связок монет — 1 год каторжных работ» (ст. 339). «Новые законы» открывали для служащего вспомогательных войск возможность перейти на службу в регулярную армию [13].

В кодексе упоминаются ополченцы («фу»), если мы правильно поняли этот термин. Ополчение предполагало поголовное вооружение всех, способных носить оружие в случае чрезвычайной опасности. Конкретных сведений об ополченцах, кроме сведений о том оружии, которое они имели, в кодексе нет.

Материалы кодекса помогают интерпретировать китайские сведения о наборе в армию Си Ся. По сведениям «Сун ши», «мужчина, достигший возраста 15 лет, считался военнообязанным („дин"). Из каждых двух военнообязанных брали в регулярную армию одного человека. Каждый „несущий тяготы" считался одним „чао". „Несущие тяготы" сопровождали армию и выполняли при ней разные работы. Четыре военнообязанных выставляли двух „чао", остальные являлись „пустыми военнообязанными" („кун дин")» [14]. Этот текст малопонятен. У Тяньчи, чувствуя затруднение в понимании текста, отождествляет «чао» со служащими вспомогательных войск и пишет, что солдат регулярной армии и «несущий тяготы» (т. е. служащий вспомогательных войск), которого он отождествляет с «чао», образовывали «минимальную организационную единицу армии Си Ся» [15]. Авторы «Краткой истории Си Ся» полагают, что из каждых четырех военнообязанных («динов») один шел на службу в регулярную армию, а два «дина» являлись «чао» (служащими вспомогательных войск) при нем [16]. Нам на материале кодекса и китайских текстов представляется, что реально картина была такова. «Чао» не являлся слу-

[13] Там же, с. 23.
[14] Сун ши. Шанхай, 1935 (Сыбу бэйяо), цз. 486, с. 3796.
[15] *У Тяньчи.* Си Ся ши гао. Чэнду, 1980, с. 218.
[16] *Чжун Кань У Фэньюнь, Ли Фаньвэнь.* Си Ся цзянь ши. Иньчуань, 1979, с. 31.

жащим вспомогательных войск, он был «дублером», «кандидатом на службу» в регулярную армию. Служащий вспомогательных войск — это «несущий тяготы». В каждой четверке военнообязанных были: 1) тот, кто шел служить в регулярную армию; 2) кандидат на его место («чао»); 3) служащий вспомогательных войск («несущий тяготы»); 4) «пустой» («кун дин»), т. е. лицо, которое в данный момент по тем или иным причинам вообще освобождалось от службы в армии. Возможны и иные трактовки. Соответствующие тексты в кодексе тоже не отличаются четкостью.

Командный состав тангутской армии (в порядке от высшего к низшему) состоял из командующих армиями и их заместителей (помощников), командиров марша (и их заместителей), командиров строя (и их заместителей), направляющих, младших направляющих, «ответственных за размещение» (квартирмейстеров) и замыкающих.

В основу формирования воинских частей была положена бытовавшая в Центральной Азии с глубокой древности десятеричная система: низовой ячейкой для конца XII — начала XIII в. являлся пяток, который возглавлял командир пятка («цзя»). Соотношение этой командной должности с должностями «ответственных за размещение» и замыкающих неясно. Направляющий был командиром над пятьюдесятью всадниками; командир марша — командиром над сотней всадников [17]. Командиры пятков были в тангутской армии и в середине XII в., они также упоминаются и в кодексе (ст. 268), хотя их статус не определен. В статье 268 кодекса командиры пятка идут в перечислении после старших кочевий, должность которых, очевидно, не являлась чисто военной. Следовательно, в XII в. командир пятка мог являться главой пяти дворов, хозяйств, или такого количества дворов (семей), которые обязаны были выставить пять воинов. Как и у других народов Центральной Азии (например, монголов), это была военно-административная должность: в мирное время командир пятка — глава пяти дворов (какого-то числа дворов, выставляющих пять воинов), на границе он и в мирное время имеет военные обязанности (передает сигналы о приближении врага, ст. 268), а во время войны он — командир пяти воинов в армии.

Мы уже писали выше об универсальности должности направляющего в Си Ся. И в армии среди младших командиров это была центральная фигура. Предполагалось, что направляющими должны быть «известные воинским мастерством и имеющие большие заслуги [люди], проходившие ранее службу в городах, или ветераны армейской службы». Этим людям полагалось иметь ранги 7—10-го разряда и выше. Кандидатами на замещение должностей направляющих были младшие направляющие, «ответст-

---

[17] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 13.

венные за размещение» и замыкающие. При равенстве шансов у претендентов на должность выбирался тот, кто «отважнее и крепче физически или имеет привилегию по происхождению». Наряду с этим предпочтение отдавалось также людям, «владеющим [каким-либо] мастерством». Кандидатом в армейские направляющие следовало назначать человека из того же гвона (ст. 294, 362).

Помощники командиров строя назначались «из направляющих того же самого гвона», «людей, прославившихся в качестве хороших воинов, смелых, из родов, имеющих особые заслуги, [людей], неуклонно исполняющих приказы, умеющих держать в подчинении [других людей]». Назначение производилось военно-полицейским управлением и военными комиссариатами по согласованию с Главным управлением военных дел (ст. 383). Специальной статьи о назначении командиров строя в кодексе нет. Можно думать, что их назначали так же, как помощников командиров строя.

Командиры марша назначались из числа направляющих и командиров строя того же гвона по тем же признакам — «из числа людей, известных в качестве хороших воинов, отважных и крепких физически, имеющих заслуги и умеющих держать в подчинении людей», из людей «знающих, сильных и стойких». При наличии нескольких претендентов конкурент назначаемого имел право подать официальное заявление с утверждением: «Я более способный, заслуженный и сильный человек, чем тот, кто выбран для назначения на эту должность командира марша, и я мог бы быть назначен командиром марша!», и таким заявлениям давался ход. Вопрос рассматривался по инстанциям, и при наличии равных возможностей должность получал тот, кто был «из знатного рода» (ст. 384).

Командира в его поездках могли сопровождать не более трех солдат (ст. 341). Если был необходим большой эскорт, то требовалось получить разрешение вышестоящего начальства.

Порядок назначения командующих армиями в нашем кодексе не указан. Возможно, что это являлось государственной тайной. При командующих была охрана, их сопровождали служащие вспомогательных войск [18].

Закон запрещал переводить военачальников в число чиновников, т. е. с военной службы на гражданскую, а также назначать гражданскими направляющими людей из армейских гвонов. Вместе с тем любой чиновник, имевший опыт военной службы, мог или сам в случае всеобщего призыва явиться на службу в армию вновь, или прислать за себя сына или брата. Прочие чиновники, в особенности высшие, видимо, хотя бы в определенных случаях были свободны от исполнения воинской повинности, ибо закон

[18] «Яшмовое зеркало», гл. III, инв. № 3481, л. 13б.

предписывал, что «просить от государя в армию прочих, [не имеющих военного опыта] чиновников и отдавать [их] на армейскую службу запрещается» (ст. 1448).

Тангутский воин имел на вооружении лук со стрелами, меч, копье, боевую палицу, обоюдоострую секиру, топор. Из вспомогательных средств у него были колчан, железное шило, заступ (мотыга), одеяло. На пять солдат выдавалась одна палатка[19]. Минимальная длина копья устанавливалась законом в 11 чиау (около 3,5 м) (ст. 279). На голове у воина был шлем — деревянный с войлочным назатыльником (подкладкой) или деревянный, черный. Руки его защищали поручи, ноги — поножи, чаще всего войлочные, обшитые шерстяной тканью, кожей, на них крепились и железные пластины. Тело защищал пластинчатый панцирь. Доспехи связывались из отдельных пластин. «При изготовлении доспехов накладываемые на войлок грубая и мягкая шерстяная ткань, кожа животных и прочее, что требуется, должно быть стандартной формы, нежестким, добротным и хорошо защищающим» (ст. 278). Доспехи были тангутского образца, так как в тексте законов они названы не раз как «тангутские доспехи», очевидно, в противоположность прежде всего китайским. Доспехи отличались количеством составлявших их пластин; у занимавших более высокие посты нагрудные и наспинные части панциря были шире. Размеры доспехов разных типов устанавливались законом (ст. 281, 273). Пластинчатые доспехи были распространены и в современном Си Ся сунском Китае, их образцы можно видеть на рисунках известного трактата «У цзин цзун яо» и в более поздних изданиях[20].

И в сунском Китае, и у тангутов пластинчатые доспехи надевались и на боевых коней.

Оружие, доспехи и конь или давались военнослужащему от казны, или готовились военнообязанными лично. Все зависело от материального уровня призывника, его социального положения. Кстати, именно отсюда происходят противоречивые сведения китайских источников о том, кто вооружал тангутских солдат — казна или их собственные семьи[21]. Требования закона были таковы. Если военнообязанные «имеют [имущество], оцениваемое в 50 овец и 5 коров, то [они] обязаны заклеймить [для армии] одного коня. Если [таковые] имеют [имущество, равное стоимости] 100 овец и 10 коров, то [с них] должны быть востребованы один конь и один из типов доспехов стандартной формы. Если [таковые] имеют [имущество, равное стоимости] 200 овец и 20 коров, то [с таких] частных лиц должны быть востребованы

[19] Ср. сведения китайских источников: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 120.

[20] *Чжоу Вэй.* Чжунго бинци шигао. Пекин, 1957, с. 239—244, табл. 70—72.

[21] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 120.

все три вида [важнейшего воинского снаряжения] — конь, доспехи для воина и для коня — и включены в списки. Если закон будет нарушен и чья-либо имущественная категория (букв. „категория скота") будет занижена и [с него] не востребуют [положенное по закону воинское снаряжение], то [за непоставку] одного вида [воинского снаряжения виновному] — 6 месяцев, двух видов — 1 год, трех видов — 3 года каторжных работ... Если с кого-либо, чье [имущество оценивается] поголовьем скота, не требуются доспехи для воина, то он должен поставить для регулярной армии любого гвона один комплект войлочных доспехов стандартной формы и [выполнение этой поставки] должно быть проверено» (ст. 296). Последняя фраза статьи заставляет думать, что поставка коня и доспехов была прежде всего делом тех состоятельных семей, члены которых считались военнообязанными или действительно служили в армии. Формой же налога или повинности со скотоводов менее состоятельных были «войлочные доспехи стандартной формы».

В конце XII — начале XIII в. доход семей исчислялся уже в деньгах, а главное требование к военнообязанным — являться по призыву с конем или верблюдом. Хозяева, имевшие доход (за какой срок, неясно, возможно годовой) от 200 до 300 связок монет, могли являться на военную службу без коня. Вместе с тем, если предпринимался большой поход с вторжением на территорию чужого государства, то таким воинам полагалось выдать от 10 до 700 связок монет и эти деньги «должны были быть употреблены на покупку коней в нужное время». Хозяева с доходом от 300 до 500 связок монет обязаны были явиться в армию с одним верблюдом или одним конем, а с доходом от 500 связок монет и выше — с двумя верблюдами или двумя конями[22]. Таким образом, состоятельные призывники являлись в армию со своими конем и доспехами.

Для того чтобы получить от казны коня и доспехи, военнообязанный тоже должен был иметь определенный уровень материальной обеспеченности, позволяющий прокормить государева коня и ремонтировать казенные доспехи: «Если какой-либо сын разорившегося хозяина, который имеет государева коня и доспехи, окажется не в состоянии кормить [государева] коня и ремонтировать доспехи, то [об этом] надлежит доложить направляющему по принадлежности, а [несостоятельный человек] должен передать [государева коня и доспехи] кому-либо из [того же] гвона в соответствии с порядком [передачи государева коня и доспехов], установленным для тех, чей род прервался, а у них остались на руках [государевы] конь и доспехи для воина и для коня. [Для получения коня и доспехов] должен быть призван человек, способный прокормить [государева] коня и ремонтировать

[22] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 1—2.

доспехи, или человек, способный, отважный и крепкий, [даже если его] категория имущества, (скота) не позволяет ему [еще получить государева коня и доспехи]. Если среди бедных сыновей разорившихся хозяев, которые должны передать другому [государева коня и доспехи], окажутся люди сильные и отважные, способные воины, то они могут не передавать другому [государева коня и доспехи]. Из ближайшего местного управления, из имеющихся там запасов государева зерна и фуража [таковым] следует дать вспомоществование в необходимом количестве, чтобы [они] смогли прокормить [коня] и отремонтировать [доспехи]» (ст. 333). Казенные конь и доспехи передавались другому лицу в пределах гвона или даже в другой гвон. Если их некому было передать, то они возвращались в казну. «Если бедный сын разорившегося хозяина не в состоянии кормить коня и ремонтировать доспехи для воина и коня и если [он] не доложил [об этом] направляющему, а бросил или загубил [коня и доспехи], то тому, кто владел [этими доспехами и конем],— 13 палок и он сам должен возместить [казне] убытки» (ст. 334). Казна в ряде обстоятельств требовала отработки за предоставленное ею воинское снаряжение. Способом отработки была, очевидно, трудовая повинность. Так, закон, например, разрешал без добровольного на то их согласия отдавать в залог бедных сыновей разорившихся хозяев, «которые должны были выплатить компенсацию за государева коня и доспехи для воина и для коня, но, будучи посланными на отработку, на государеву трудовую повинность, оказались не в состоянии сделать это» (ст. 726). Чиновники, по крайней мере в начале XIII в., были освобождены от обязанности являться на воинскую службу с конем и направлялись для обороны городов. Родственники государя подлежали специальному осмотру для заключения о том, способны ли они быть кавалеристами или нет [23].

Оружие получали все: служившие в регулярной армии, ополченцы, служившие во вспомогательных войсках. Список лиц, имевших право владеть оружием, был обширен и помимо непосредственно солдат включал всех чиновников, всю обслугу двора, ремесленников, врачей, резчиков досок для ксилографии, торговцев, ученых, шаманов государя и т. д. (ст. 273). Разница заключалась в видах оружия и в том количестве стрел, которое полагалось тому или иному лицу. Так, приписанные к регулярной армии имели коня, доспехи для воина и для коня, один лук, 30 стрел, копье, меч, длинную боевую палицу. Соответственно служащие вспомогательных войск — один лук, 20 стрел и длинную боевую палицу, т. е. в отличие от солдата регулярной армии не имели ни коня, ни доспехов, ни меча, ни копья и стрел получали на 10 штук меньше. Скотоводы, приписанные к регулярной

[23] Там же, с. 2—3.

армии, имели государева коня, лук, 60 стрел, копье, меч. Приписанные к вспомогательным войскам — лук, 30 стрел, боевую палицу. Земледельцы, приписанные к регулярной армии, имели государева коня, меч, лук, тридцать стрел, копье, боевую палицу, а приписанные к вспомогательным войскам — лук, 20 стрел и боевую палицу (ст. 273).

Если мы правильно толкуем текст статьи 273, то оружие скотоводов и земледельцев, основной массы потенциальных воинов, хотя и было закреплено за ними лично, в мирное время хранилось у старших, их начальников и командиров. При мобилизации в армию и выступлении в поход оружие раздавали воинам и производилась проверка его наличия. Вот как говорится об этом в кодексе: «На основании решения о том, что скотоводам и земледельцам требуется два вида доспехов — для воина и для коня — и прочее воинское снаряжение, [оно] выдается [им] во временное пользование командирами подразделений и закрепляется лично за каждым, о чем делается запись в списках [военнообязанных]. В мирное время скотоводы и земледельцы этим не пользуются. Когда же армия подымается в поход и командиры выдадут [доспехи и оружие], командиры подразделений должны произвести их учет и проверку. Если окажется, что что-либо потеряно или загублено и [виновные в том] не в состоянии выплатить компенсацию, то с такового компенсацию и не требовать. Государевы кони, [выдаваемые скотоводам и земледельцам], должны быть одного качества, заклеймены в соответствии с законом и занесены в списки» (ст. 273). При утере оружия в походе, в том случае, когда оно во время боев было загублено, выплату компенсации за него с воинов не требовали. Любопытно, что скотоводы, приписанные к регулярной армии, получали в отличие от земледельцев, также приписанных к регулярной армии, вдвое больше стрел (60 и 30 соответственно), что можно расценивать как прямое признание более высоких воинских достоинств кочевника-скотовода перед оседлым земледельцем, а также большую социальную значимость скотоводов, ибо число стрел у данного лица являлось мерилом знатности и высоты занимаемого положения (ст. 273).

Чиновники получали те же лук, меч, копье, но значительно большее количество стрел. Последнее прямо зависело от их ранга и могло быть от 50 у «[командира] десятки всадников» до 500 у имевших ранги «добившийся процветания» и выше. Направляющие имели по 150 стрел, люди из обслуги и окружения государя — по 100 (ст. 273, 274). Закон категорически запрещал иметь при себе воинское снаряжение пьяным (ст. 277). Естественно вполне, что законом также запрещалось ломать оружие и доспехи (наказание как за тайную кражу на сумму их стоимости) (ст. 331), продавать (покупатель наказывался как пособник совершения тайной кражи — ст. 321, 322,— а командир, если

свыше двадцати его солдат продали воинское снаряжение, подлежал смертной казни путем удавления — ст. 326), отдавать в заклад(принявший заклад освобождался от наказания только в том случае, если он не знал, что принял государево имущество, полученные под заклад деньги конфисковались в пользу государя — ст. 330). Командир не имел права заставить солдата обменять хорошие солдатские доспехи и коня на его командирские, худшего качества (наказание — 4 года каторги). Даже добровольный обмен наказывался на срок до 6 месяцев каторжных работ (ст. 323, 324). Любой обмен был действительным только в том случае, когда он совершался официально, через государственные учреждения (ст. 325).

Особое внимание уделялось содержанию боевых коней. Те, кто являлся в армию с лошадью, должны были «клеймить коня, здорового от копыт и до зубов. Запрещается клеймить ожиревшего или отощавшего [коня], а также [коня] с неровной спиной или не имеющего еще всех зубов либо слишком старого» (ст. 297). «Если отцы и сыновья получили государевых коней, то те, кто владеют ими, должны их кормить. Ежегодно, начиная с первого дня первого весеннего месяца, в каждый из четырех времен года, ведающие такими делами командиры марша, командиры строя, старшие и младшие направляющие должны [этих] коней осматривать. Если окажется, что государев конь зажирел или отощал, но спина у него еще не прогнулась, то [виновным] — 20 тонких палок. Если же [конь] так отощал, что спина у него прогнулась, то [виновному] — 30 тонких палок и направляющие [также] должны получить наказание. [Коня] следует откормить на государевых или частных пастбищах местного гвона, там, где есть вода и трава. Если конь непозволительно зажирел, то [его] надлежит привести в норму. Направляющие, если они промедлили с проверкой [коней, подлежат наказанию]: с имеющего ранг — штраф 1 лошадь, простому человеку — 13 палок» (ст. 346). Закон запрещал использовать боевых коней для езды и требовал старательно ухаживать за ними. Слой жира у коня мог быть только в пределах от семи до десяти фэнь (от 2,1 до 3 см), каждую осень специалист-коневод должен был проверять состояние коней[24]. Нельзя было использовать коня и для охоты. День незаконного использования коня оценивался в 70 монет, и виновный подлежал наказанию как за «взятку с нарушением закона» (ст. 332). По «Новым законам», за использование в личных целях государева коня полагалось 3 года каторги, а если был взят не один конь, а больше, то за второго и каждого следующего коня добавлялся один год, и так наказание могло увеличиваться до 12 лет каторжных работ[25]. Загубивший коня компенсировал

[24] Там же, с. 20.
[25] Там же, с. 18—19.

казне его стоимость (ст. 322). Коня нельзя было приносить в жертву умершим (ст. 329), забивать на мясо (наказание как за тайную кражу) (ст. 328), подменять своим конем (ст. 298) и т. д. Только в том случае, «если государев конь состарился, болен и нельзя ездить на нем верхом и надевать на него доспехи, а армия выступает в поход и нет времени для его замены», то можно «взамен непригодного [государева] коня... привести своего, здорового и сильного» (ст. 327).

Проверяли не только коней, проверки наличия и сохранности всего боевого снаряжения были регулярными и строго регламентированными. «Командиры и солдаты должны иметь положенных [им] по закону коня и полный комплект доспехов для воина и для коня, оружия и прочего воинского снаряжения. Все это им следует иметь при себе» (ст. 286). «Государевы кони и доспехи для воинов и для коней [у лиц, служащих] в регулярной армии, вспомогательных войсках и ополчении, должны проверяться по описям в присутствии [их пользователей]. Что касается государевых коней и доспехов для воинов и для коней, предназначенных для призванных на службу в регулярную армию или во вспомогательные войска новобранцев и не внесенных в опись воинского снаряжения, то, если часть [этого снаряжения] взята на учет, она должна быть проверена, а если часть его не была взята на учет, следует проверить все документы, связанные с ней» (ст. 303). Если солдата не было на месте и он находился в отлучке по службе, например в карауле, то за него отчитывался направляющий (ст. 304).

При проверках из центра вопрос о производстве или непроизводстве проверки возбуждался управлением императорской гвардии, а при проверках на местах — военными комиссарами. «Малую проверку» воинского снаряжения проводили сами командиры марша, командиры строя и направляющие. Отсутствие проверки из центра могло допускаться на срок не более трех лет. Обычным сроком начала ежегодной проверки считался 1-й день 10-го месяца (ст. 282). «Для того чтобы военнослужащие, подлежащие проверке, были проверены добросовестно, [проверяющим] запрещается незаконно брать продовольствие и имущество с проверяемых и налагать какие-либо поборы на солдат, старших и младших армейских направляющих» (ст. 306). Наказания за такие действия полагались те же, что и за «взятку с нарушением закона». За мелкие недостачи виновных наказывали палками. За недостачу у приписанных к регулярной армии одного или двух видов воинского снаряжения из пяти нижеследующих — колчан, лук, стрелы, копье, меч (10 стрел считались за один предмет) — полагалось 8 палок, трех видов — 13 палок. Минимальное наказание (за продажу шила, топора) определялось в 10 тонких палок, максимальное — в 17 толстых палок (ст. 283, 293). Недостача подлежала компенсации. Командирам за недосмотр грозило

лишение ранга и должности в армии или, при отсутствии ранга, до 2 лет каторжных работ (ст. 284). Если солдат одолжил у товарища что-либо из воинского снаряжения для представления на проверке и подлог был раскрыт, то и тот, кто просил об одолжении, и тот, кто одолжил что-либо из своего воинского снаряжения, получали одинаково по 6 месяцев каторжных работ. Доносчик получал по 15 связок монет с каждого виновного (ст. 286). При обнаружении недостачи для выплаты компенсации устанавливался срок в пределах от 50 до 100 дней (ст. 289). Некомпенсация вела к увеличению меры наказания, которая могла достигать 3 лет каторжных работ (ст. 288). Неявка на проверку влекла за собой наказание на срок до 2 лет каторжных работ, опоздание — наказание от 13 палок до 6 месяцев каторжных работ (ст. 299). Наказания были дифференцированы в зависимости от должности виновных (ст. 300—302). Если за проверкой следовал поход, то виновных за разные обнаруженные неполадки били не толстыми, а тонкими палками из расчета пять ударов тонкой палкой взамен одного удара толстой палкой (ст. 305). Это была мера предосторожности, принятая для того, чтобы сильно не травмировать или не покалечить солдата перед походом. Строго наказывались ревизоры за взятку, за подачу ложных сведений, за учет устаревшего или испорченного снаряжения как доброкачественного, за «включение не имеющихся в действительности коня, доспехов для воина и для коня в число якобы имеющихся». За сокрытие недостачи более 20 единиц важного воинского снаряжения (конь и доспехи) ревизор подлежал смертной казни, а за сокрытие недостачи более 50 единиц менее важного воинского снаряжения (копье, меч, стрелы, палочки для еды и т. п.) он получал 2 года каторги. Соответствующие сроки каторжных работ были предусмотрены для ревизоров, если они «зачли нестандартные доспехи и оружие, грязные и засаленные, и государевых коней с неровной спиной, ожиревших или отощавших» (ст. 309).

Кодекс много внимания уделял учету материальных ценностей, принадлежавших казне, будь то люди, оружие, скот, зерно и другие ценности. Закон предусматривал конкретные формы взятия их на учет, регулярной проверки их наличия и состояния, списания загубленного или пришедшего в негодность.

Основанием для списания загубленного воинского снаряжения служили гибель или пленение воина. Гибель воина и воинского снаряжения должна была быть засвидетельствована тремя свидетелями, о случившемся полагалось донести до инстанции в течение года, и только тогда воинское снаряжение, включая коня, могло быть списано. Бегство из плена без коня и доспехов не влекло за собой их компенсации, и конь и доспехи также списывались (ст. 336). Добровольная (не вынужденная обстоятельствами) сдача в плен или утрата коня и доспехов «в воде или огне» влекли за собой их списание только в том случае, если у загу-

бившего воинское снаряжение не было родственников и преемников, которые могли бы выплатить компенсацию. При этом также было необходимо иметь показания трех свидетелей, и с каждого свидетеля показания должны были быть взяты отдельно (ст. 335).

В X—XIII вв. в обороне территории государств Дальнего Востока большое значение приобрели укрепленные поселения — города, обнесенные стенами и окруженные рвами, различные крепости и укрепленные пункты. Судя по упоминаниям в кодексе, любое укрепленное поселение с воинским гарнизоном было обнесено рвом и стенами, в том числе и оштукатуренными. Дополнительно к этому ставились проволочные заграждения. Сооружались заслоны для защиты от камнеметов противника, в стенах устраивались потайные ворота для вылазок отрядов из крепости и т. д. В статьях кодекса прямо говорится «о системе оборонительных сооружений» (ст. 263). Закон настаивал на поддержании этих сооружений в порядке. В крепостях сосредоточивались запасы продовольствия, фуража и топлива.

Городские стены были предметом особой заботы, и порча их влекла за собой самые суровые наказания: «Если какой-либо человек [в нашем] государстве влезет на городскую стену большого укрепленного города любого разряда или [города], находящегося в пограничной зоне, откроет или снимет с городских ворот разные запоры или, сделав пролом в стене, замаскирует его и будет через этот пролом входить и выходить из города, то [зачинщик] подлежит смертной казни путем удавления, пособникам — 12 лет каторжных работ. Если же кто-либо не за взятку и не из преступных намерений, в пьяном виде влезет на стену или откроет ворота, то зачинщику — 2 года, пособникам — 1 год каторжных работ» (ст. 444).

Обычно администрация города состояла из градоначальника, городского инспектора и вице-префекта (тунпаня). Должность градоначальника и должность управляющего округом иногда совпадали. Мы не можем точно судить, каково было положение в больших городах, расположенных в центре, но в пограничных городах и крепостях градоначальник был одновременно и командующим гарнизоном (ст. 207), и комендантом крепости. Города подчинялись военно-полицейским управлениям (ст. 205). Население пограничных городов и крепостей состояло из солдат регулярной армии, служащих вспомогательных войск и так называемых «женщин, проживающих в крепостях», часть из которых, несомненно, являлась ссыльнокаторжными. Эти женщины были приписаны как к регулярной армии, так и к вспомогательным войскам (ст. 198). «Те, кто несут службу в большом городе — солдаты регулярной армии, служащие вспомогательных войск, женщины, [проживающие] в крепостях,— в установленном числе должны быть налицо и находиться там, где [им] положено. Городская управа сама должна периодически производить провер-

ку, и если окажется, что кто-либо отсутствует, то она должна заставлять [их вернуться в положенное место] и в зависимости от [их] положения наказывать [виновных] и принуждать [их] служить в городе» (ст. 205). Население и гарнизон города заносились в специальные списки (ст. 209).

Задача городской администрации и одновременно командования гарнизона в ее лице состояла в том, чтобы следить за наличием людей в крепости (городе) и исправным состоянием оборонительных сооружений. Во всяком случае, именно в таком аспекте она отражена в кодексе. За отсутствие у начальника, получившего взятку, от одного до двадцати подчиненных он получал 10 палок, свыше ста человек и более — лишался должности и наказывался 2 годами каторжных работ. При обычном недосмотре за отсутствие на месте более тридцати человек начальник, имеющий ранг, отдавал в качестве штрафа 1 лошадь, а не имеющий ранга получал 13 палок (ст. 194).

Солдатам регулярной армии и женщинам, проживающим в крепостях, указывались места сбора (ст. 196). Неявка наказывалась палками и каторжными работами сроком до 6 месяцев. Если какой-либо военачальник «не доставит [проживающих] в крепостях женщин в укрепленные пункты и города регулярной армии, где они должны находиться, то [виновные] получают наказание палками по закону... Владельцам [людей] за то, что они не доставили мужчин и [проживающих] в крепостях женщин,— 10 палок» (ст. 198).

Администрация крепостей не имела права покинуть места службы: «Военачальники укрепленных пограничных поселений должны находиться в пределах указанного [им] места несения службы. Когда же [таковые] изменят место [своего] пребывания, то зачинщик, который заявил: «Переместимся!», а также пограничный эмиссар, начальник укрепленного поселения, полные командиры и их заместители лишаются должности, отстраняются от службы в армии и наказываются 12 годами каторжных работ». Неизвинительной была даже опасность вторжения противника (ст. 200). Данная норма права составлена вполне в духе упоминавшегося уже ранее всеохватывающего по своему характеру закона о запрещении смены гвона.

Военно-полицейское управление раз в год было обязано проверять состояние крепостей, городов и их гарнизонов. При этом проверку проводил «кто-либо из начальников военно-полицейского управления». Все сведения о городах и крепостях в течение первых пяти дней первого весеннего месяца докладывались военным комиссарам («цзинлюеши»), а военный комиссар был обязан обобщить все поступившие к нему сведения и переслать их в центр. «Начиная с пятого дня первого весеннего месяца Восточный и Южный военные комиссары в течение двадцати дней, а Западный и Северный военные комиссары в течение одного месяца

должны представить официальные отчеты в Главное управление военных дел» (ст. 264).

«Если те, кто служит в больших городах, сдадут города, город за городом, то градоначальники, городские инспектора, тунпани (вице-префекты) и зачинщики сдачи, как имеющие ранг, так и не имеющие ранга, а также не имеющие ранга полные командиры строя и их помощники, находившиеся в городе, одинаково подлежат смертной казни путем обезглавливания. Если кто-либо из командиров строя и их помощников имеет ранг, то он лишается ранга, должности, отстраняется от службы в армии и наказывается 12 годами каторжных работ. Полные направляющие и лица, исполнявшие обязанности эмиссаров, лишаются должности, отстраняются от службы в армии и наказываются 6 годами каторжных работ. Младшие направляющие, ответственные за размещение и замыкающие лишаются должности и наказываются 2 годами каторжных работ. Если в их числе окажутся [лица], имеющие ранг, то приговор [им] выносится в соответствии со степенью их ранга. Находившимся в их подчинении солдатам регулярной армии — 13 палок. Служащие вспомогательных войск и женщины, [проживающие] в крепостях, наказанию не подлежат» (ст. 203). Долг подчиненных, предписанный им законом, состоял в том, чтобы убеждать начальника не сдавать крепость (ст. 204) и драться до последней стрелы, последнего солдата. Командующий, отдавший приказ сдать крепость врагу, отвечал за это перед «вышестоящими инстанциями» (ст. 202), т. е. практически лично перед государем.

Ряд статей кодекса раскрывает правовые нормы, регулировавшие мобилизацию войск и призыв резервистов в случае возможных или уже наступивших военных действий. Подъем войск и призыв резервистов совершались по приказу сверху, в первую очередь по приказу государя. Средством передачи приказа и оповещения о местах сбора служили гонцы с пайцзой и приложенными к ней документами. Потеря или хищение пайцзы с приложенным к ней оповещением о выступлении войск обычно каралась смертью (ст. 996—998). По «Новым законам», в пограничных районах для мобилизации войск гонец с пайцзой не посылался, а местные власти были обязаны выслать своих служащих для срочного и безотлагательного созыва людей в указанные места[26]. Командиры среднего звена оповещались о мобилизации специальным документом, мобилизационным предписанием (ст. 1001). Приказ мог иметь лаконичную форму — «был отдан приказ: „Поднять войска!“» (ст. 1004) — или более развернутую, с указанием дислокаций. Приказы надлежало выполнять, следуя ранее разработанным планам дислокации войск, с которыми они сопоставлялись, или вместе с приказом посылался новый план

[26] Там же, с. 9.

дислокации. Командованию на местах предписывалось сличать приказы и в случае мелких несоответствий скреплять приказ своими подписями (ст. 1003); если несоответствия были велики, то доставившего приказ следовало забить в кангу, а причины несоответствий выяснить для выявления возможного предательства и преступной дезинформации (ст. 1004). Армейские направляющие, получив предписание поднять войска, «должны разослать оповещающих, чтобы передать предписание другим» (ст. 319). «Когда армия выступает в поход, то старшие и младшие направляющие регулярной армии и вспомогательных войск отправляются [вместе] с имеющимися налицо людьми, которые должны иметь при себе положенных по закону государева коня и доспехи [для себя и для коня]» (ст. 313). По «Новым законам», если можно было установить сроки мобилизации, то их предлагалось установить. Мобилизованные на войну прежде всего сосредоточивались в своем местном гвоне и там на месте получали первые инструкции[27].

Солдат регулярной армии, опоздавший к месту сбора и из-за своего опоздания не участвовавший в сражении, наказывался 6 годами каторги (ст. 310). Отлучка в походе без разрешения или потеря снаряжения грозили солдату 2 годами каторги (ст. 311, 312). Направляющий, своею волею освободивший от явки по приказу о мобилизации одного человека, получал 3 года каторги, за незаконное освобождение от службы десяти человек и более он подлежал смертной казни. Старшие командиры, знавшие о таких незаконных действиях, получали наказание на одну-две степени меньшее, чем направляющий (ст. 314).

Были категории лиц, могущих не являться, но не при всеобщей, а при частичной мобилизации местного значения. К таковым, например, относились неимущие солдаты, работавшие по найму у состоятельных хозяев (ст. 343), а также очередники-землепашцы, прикрепленные к тангутской монашеской общине, и чиновники, состоявшие при монашеских общинах[28].

Приказ о демобилизации войск доставлял гонец с пайцзой. Командир, самовольно распустивший войска до получения приказа, наказывался 8 годами каторги. Солдат, покинувший войска без разрешения, зная, что гонец с пайцзой и приказом о демобилизации уже прибыл, получал 6 месяцев каторги (ст. 317).

Солдат, не исполнивший приказ командира, мог быть наказан тонкими палками и получить до 50 ударов. В том случае, когда речь шла не о рядовом, обычном распоряжении старшего начальника, а о деле важном, о не подчинившемся приказу докладывалось вышестоящему начальнику и судьба виновного решалась особо, в порядке, не предусмотренном кодексом (ст. 342).

---

[27] Там же, с. 3—4.

[28] «Новые законы», гл. IX, инв. № 827, с. 72.

В кодексе нет сведений о дезертирах. Возможно, к ним было применимо законодательство о беглых вообще. «Новые законы» предписывали местным властям всякого дезертира, явившегося в свое селение или свое кочевье, немедленно передать в военно-полицейское управление или управление военного комиссариата. Дезертир подлежал смертной казни [29].

Как уже говорилось, кодекс не содержит норм права, регулировавших сам процесс ведения боевых действий и поведения солдат и командиров в бою. Это была специальная отрасль права. Но «Новые законы» уже устанавливали ответственность командиров за бегство их солдат с поля боя. Комануюший и командиры марша в таких случаях подлежали смертной казни [30]. По «Новым законам» устанавливались также для младших командиров новые размеры наград за убитых врагов в денежном выражении: за одного убитого врага казна давала 100 связок монет, двух — 200, а трех и более — 300 связок монет [31].

2. Пограничная служба

Исследуемый нами кодекс уделяет значительное внимание тем нормам права, которыми регламентировалась деятельность караульных постов на границе. Границы тангутского государства достаточно строго охранялись. Во всяком случае, можно не сомневаться, что сплошная охраняемая граница существовала между Си Ся и Ляо, Си Ся и Сун и Си Ся и Цзинь. Так же очевидно, что сплошная охраняемая граница была и на всех достаточно населенных участках, где тангутское государство граничило с тибетцами на юге и татаро-монгольскими племенами на севере. В спорных местах тангутско-китайской границы стороны, например, соглашались даже на создание нейтральных, ничейных зон, где люди с той или с другой стороны могли пасти скот и заготовлять топливо, но где нельзя было возводить никаких построек и пахать землю [32]. Однако были и такие участки границы, о которых говорилось, что там «строгого разграничения нет» (ст. 235).

На границу высылались два вида караулов — караулы ближние и караулы дальние. Каждому караулу отводился для охраны определенный участок границы (ст. 229). Линия караулов могла быть сплошной, когда участки, охраняемые караулами, соприкасались друг с другом. «Повсюду дальние и ближние караулы должны иметь контакт с соседними дальними и ближними караулами и установить с ними связь. Караул, отправленный для

[29] «Новые законы», гл. VI, инв. № 827, с. 13.
[30] Там же, с. 12.
[31] Там же, с. 14—15.
[32] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства, с. 176.

несения караульной службы на [указанную ему] территорию, обязан срочно доложить об установлении связи с соседними караулами должностному лицу... Если караульный, отправленный [к соседям], не встретит того, кто был послан для установления связи от соседа, и вернется, не дойдя до границы [своего] участка, а [начальнику караула] доложит: „Я встретился с караульным [из соседнего караула]!“, то караульному, который вернулся, [не установив контакта с соседом], приговор выносится по вышеуказанному закону о наказании оповещающих, которые были отправлены, но не доставили сообщения, а начальник караула наказанию не подлежит» (ст. 220). Иногда караулы ставились не сплошной линией, между ними были «территории, на которые не высылались дальние и ближние караулы» (ст. 225).

На границе имелись проходы, через которые осуществлялось реальное или возможное движение через границу. «Если на границе караулам отдан приказ закрыть ночью [все] проходы, то начальники [караулов] и прочие должностные лица должны отправиться на дальние посты и срочно распорядиться, какому количеству людей и в каком месте надлежит находиться» (ст. 229). Начальник караула не имел права самовольно менять расположение постов (ст. 229). Как между караулами, так и внутри караулов между караульными и их начальниками существовала система передачи приказов через оповещающих (ст. 238). В экстренных случаях использовалась система оповещения сигнальными огнями, нередко со сторожевых вышек (ст. 268). Обслуживали такие сигнальные вышки ответственные за подачу сигналов огнем со сторожевых вышек: «Если на границе ответственные за подачу сигналов огнем со сторожевых вышек обнаружат внезапное появление вражеских войск, то, если [они] допустят перерыв в подаче огнем сигналов оповещения в порядке [установленной] очередности находящимся поблизости скотоводам, кочующим [в данном районе] со своими семьями, соседним сигнальным вышкам и военачальникам, [виновным] выносится тот же приговор, что и караульным дальних и ближних караулов за недосмотр, в зависимости от того, сколько вражеских солдат и на какую глубину вторглось на [нашу] территорию» (ст. 269). В те времена это был международный способ оповещения об опасности, принятый, в частности, и в танском Китае. Кодекс Тан предусматривал наказание 3 годами каторжных работ за то, что сигнальные огни не были зажжены или их зажгли мало, а нужно было зажечь много огней, в результате чего была допущена дезинформация [33].

Караул состоял из начальника караула и караульных. Закон определял, что «на службу в дальние и ближние караулы долж-

---

[33] Тан люй шу и. Шанхай, 1935 (Цуншу цзичэн), гл. 8, с. 185—186.

ны направляться в необходимом числе стойкие, волевые и честные люди. Собравшись, [они] должны прибыть на место в назначенный срок и находиться точно на отведенном [им] участке» (ст. 210). Пограничную караульную службу несли солдаты (за недосмотр при несении службы те караульные, которые могли быть отстранены от службы в армии, отстранялись от службы в армии — ст. 210) и мужчины-военнообязанные по трудовой повинности. «Если направляющие, ответственные за трудовые повинности, отправляют караульных и начальников караулов и если в списки будут включены люди, которых нет на месте, или не будут отправлены люди из числа тех, кто действительно имеется налицо, или оповещение не дойдет до [нужных лиц] и тех людей, которые пошли бы в караул, не окажется и будут или не будут совершены упущения по службе, то, если оповещение не было доведено до сведения караульных, [они] наказанию не подлежат. Направляющие, ответственные за трудовые повинности, те, которые направляли [людей в караулы], получают то же наказание, которое указано выше для начальников караулов и караульных в том случае, когда они самовольно не явились на пост, и в зависимости от того, были или не были совершены упущения по службе» (ст. 219). Представляется естественным, что нести караульную службу на границе в порядке выполнения трудовой повинности могли прежде всего военнообязанные мужчины, живущие в пограничных районах или близких к ним областях. Этот факт примечателен и тем, что воинская повинность (служба кровью) и трудовая повинность (служба трудом) рассматривались как повинности фактически равные и взаимозаменяемые. Универсальным был сам принцип повинности — всеобщего долга подданных служить государю (государству) кровью, трудом, плодами своего труда (налоги).

Подчинялись караулы местным воинским начальникам, часто комендантам крепостей (ст. 221). Обычно это были младшие армейские командиры. Над ними стояли пограничные эмиссары, чиновники местной администрации, командиры марша и, наконец, командующие войсками региона (ст. 211). В экстренных случаях, «если караулам отдан приказ закрыть ночью проходы через границу, то начальниками караулов должны быть назначены способные и умеющие вести дела люди из числа низших чиновников, чиновников, устроителей аудиенций у государя, государевых посыльных, прислуги внешних дворцовых покоев и [лиц] для особых поручений» (ст. 237).

Пограничными эмиссарами назначались способные люди из числа военных инспекторов и чиновников в должности «выносящий решения». При недостатке этих лиц на должность пограничного эмиссара могли «быть назначены способные, умеющие вести дела, стойкие и отважные, умело выполняющие приказы, способные обучать военному делу, физически крепкие и мыслящие

люди из числа командиров марша, [командиров] строя и направляющих» (ст. 236).

Не явившийся на службу караульный, независимо от того, дал он взятку начальнику или нет, если его неявка не повлекла за собой серьезных происшествий на границе, получал год каторжных работ (ст. 216). В противном случае мера наказания зависела от тяжести последствий его неявки. Если караульный отбыл свое дежурство, но ушел раньше, чем пришла смена, и в этот момент «на вверенную караулу территорию вторглись вражеские войска либо грабители или перешли границу перебежчики», то не явившийся вовремя караульный получал наказание как за неявку, а сменившийся караульный — на одну степень меньше (ст. 218). Соответственно начальник караула получал наказание за то, что распустил людей по недосмотру или за взятки, и в зависимости от ущерба, причиненного грабителями или напавшим врагом» (ст. 217).

Первостепенными задачами пограничных караулов были недопущение вторжения противника, проникновения банд грабителей из-за рубежа, преследование и задержание перебежчиков и вообще любых лиц, переходящих самовольно границу, а в степных, полупустынных и горных районах и наблюдение за скотоводами-кочевниками данной местности.

«Обнаружив [врага], караульный о том, что появилась вражеская армия или грабители, в первую очередь должен оповестить воинского начальника того укрепленного поселения, которому он сам подчинен, а также крепость, город и соседние караулы. Караульные [вместе с] солдатами [ближайшего гарнизона] должны вести наблюдение [за противником], и если вражеская армия изменит [свой] маршрут и пойдет в другом направлении, то оттуда, где за ней наблюдают солдаты, снова должны быть высланы оповещающие. Если же оповещающие не будут высланы или солдаты не станут вести наблюдение [за противником] и нарушат свой служебный долг, то в том случае, когда [противник] был заранее обнаружен, а соседние караулы и воинский начальник оповещены [о нем], начальнику караула, если он простой человек, [не имеющий ранга], за то, что солдаты нетщательно вели наблюдение за противником, а оповещающие не были посланы повторно,— 13 палок. Караульные, [обнаружившие противника], наказанию не подлежат» (ст. 222).

Если вражеские войска или грабители прошли цепь караулов незамеченными, а затем, изменив маршрут, также незамеченными ушли обратно, то «наказание караульным того поста, где [они] прошли во второй раз, должно быть на одну степень меньшим по сравнению с наказанием караульных того [участка границы], который [войска противника или грабители] перешли в первый раз» (ст. 224). Если караул обнаружил противника или грабителей уже на своей территории, на вверенном ему участке,

начал преследование нарушителей границы, но не смог разгромить врага, то за допущенный ранее недосмотр начальнику караула полагалось 3 месяца каторжных работ, а караульным — 10 палок (ст. 228).

Безусловно, наибольшую опасность представляло нападение вражеской армии. Законом (который в известной мере в данном случае выполнял функции современных уставов пограничной и караульной службы) предусматривался в такой ситуации следующий порядок действий. (При этом по степени опасности для страны к вражеской армии приравнивались и большие, хорошо организованные шайки грабителей, видимо нередкие по тем временам.)

Прежде всего, обязанностью караулов было посредством личных наблюдений или через перебежчиков устанавливать районы, в которых враг предположительно мог атаковать пограничные города и крепости (ст. 267). Затем, если караул обнаружил подход противника и доложил о его появлении куда следует, караульные наряду с вышестоящими командирами и администраторами оповещали находившихся поблизости в зоне угрозы хозяев, с тем чтобы «наши скот и люди были собраны и не могли попасть в руки противника». Далее, «если местных сил для сражения с напавшими вражескими войсками достаточно, то [неприятеля] следует разгромить. Если же сил недостаточно, то солдаты, которые ведут наблюдение за противником, должны предостеречь оседлое население и кочевников, продолжая следить [за врагом]» (ст. 238). Наблюдению за врагом отводилась важная роль, и на все «предполагаемые пункты следования [противника] по воде и по суше высылались солдаты для ведения наблюдения» (ст. 240). Таким образом, было необходимо, во-первых, не допустить, чтобы в руки врага попали скот, люди, ценности, во-вторых, если хватало сил, разгромить врага своими силами и, в-третьих, если своих сил недоставало, не упускать врага из виду, постоянно наблюдать за ним с целью прежде всего выполнения первой задачи — сохранения своих людей и своего имущества.

Если у караулов и местных военачальников было достаточно сил, чтобы организовать преследование противника и разгромить его, а они не решились сделать это, то наказание военачальникам определялось в 5, а солдатам в 1 год каторжных работ (ст. 243). Старшие военачальники вплоть до командующих должны были сами решать, выступать ли им с войсками или послать кого-то из подчиненных. Командующий армией, который должен был бы лично возглавить преследование и разгром вторгшейся группы вражеских войск, но не сделавший этого, получал 1 год каторжных работ, а его заместитель или командиры марша — 2 года (ст. 244). Если это была большая армия, вместе с которой шли перебежчики и изменники и которая «вклинилась в глубь нашей терри-

тории и появилась там, где [наши] пахотные земли, вода и пастбища», то определялось расстояние до района вторжения, в большие оросительные каналы, которые могли стать преградой на пути продвижения противника, пускалась вода (ст. 983) и принимались прочие меры к отражению и разгрому врага.

Общими критериями при вынесении наказаний караульным и местным гарнизонам за недосмотр, пропуск противника или грабителей на свою территорию и непринятие мер к их разгрому, что привело к тому, что отряды противника или грабители благополучно ушли за рубеж, были количество вторгшихся на территорию тангутского государства людей и количество и стоимость захваченных врагом или грабителями людей, скота и имущества. Счет меры ответственности по численности вторгшихся на территорию страны людей велся только в том случае, если «наши скот и люди не попали в руки врага и не были допущены [иные] нарушения служебного долга», т. е. недосмотр, неоповещение, неявка, опоздание и т. п. Эти меры наказания не распространялись на караульных и рядовых солдат и были своеобразной «привилегией» воинских начальников. Для всех мелких военачальников — от начальника караула до пограничного эмиссара, не включая последнего,— предусматривались наказания от 10 палок (за пропуск на территорию страны от 1 до 10 человек) до 6 лет каторжных работ (за пропуск свыше 1000 человек). Соответственно пограничные эмиссары за пропуск от 11 до 30 человек получали 13 палок, за пропуск свыше 1000 человек — 5 лет каторжных работ. Командиры марша за пропуск от 30 до 70 человек наказывались штрафом в 1 лошадь, а за пропуск свыше 1000 человек — 4 годами каторжных работ. Полные командующие за пропуск от 70 до 100 человек штрафовались 1 лошадью, за пропуск свыше 1000 человек наказывались 3 годами каторжных работ (ст. 242).

Если враг или грабители завладевали материальными ценностями, убытки «надлежало определить в денежном выражении». В число материальных ценностей, стоимость которых определялась, входили «скот, люди и имущество». Точкой отсчета мер наказания служили максимальные меры наказания, предписывавшиеся законом начальнику караула. «По сравнению с мерой наказания, определяемой начальнику караула, наказание должно быть уменьшено: караульным на одну степень, армейским командирам на две степени, пограничному эмиссару на три степени, чиновникам, находившимся на границе, и помощнику командира марша на четыре степени. Что касается полных командующих, то, если [они] находились поблизости и им был дан приказ прогнать и разгромить [противника], а они промедлили, не изгнали [противника] и не разбили [его] или если приказа отдано не было, но [они] совершили упущения по службе, [виновным] определяется наказание на одну степень меньшее по

сравнению с наказанием, определяемым помощнику командира марша». Итак, если ущерб исчислялся в сумме от одной до пятидесяти связок монет, то начальник караула получал 3 месяца каторги, свыше ста пятидесяти связок монет — 1 год, свыше двух тысяч пятисот до трех тысяч связок монет — 6 лет, свыше четырех тысяч до пяти тысяч связок монет — 12 лет каторжных работ. Если причиненный ущерб превышал пять тысяч связок монет, то виновный подлежал смертной казни путем удавления (ст. 211). Ясно, что смертная казнь в данном случае не грозила ни караульным, ни командованию начальника караула.

Второй задачей караульных было задержание перебежчиков. Судя по тону кодекса, по частым возвращениям к данной проблеме, переход границы, единичный и групповой, бегство людей в ту и другую сторону были обычным явлением. Социальные аспекты проблемы беглых в тангутском государстве, так, как они отражены в кодексе, уже освещались нами дважды. Пропуск перебежчиков в ту или другую сторону по недосмотру наказывался для начальника караула и караульных на две степени, а для пограничных военачальников и чиновников на одну степень меньше, чем наказание за вторжение противника при условии, что скот и имущество не попали в руки врага. Мера наказания увеличивалась, если перебежчиком оказывался человек важный, степень ее увеличения кодексом не оговаривается, она определялась высшими инстанциями в зависимости от значимости перебежчика (ст. 212). Если караул преследовал перебежчиков и не смог уничтожить их, то, когда таковых «было в пределах до десяти человек и только меньшая часть [их] была уничтожена, старшему начальнику, имеющему ранг,— штраф 1 лошадь, а солдатам — 13 палок. Если же [перебежчики] не были уничтожены, а все перешли границу, то [виновным]— 3 месяца каторжных работ». Если перебежчиков было более десяти человек, то их количество делили на десять частей и в зависимости от числа убитых или задержанных наказание начальнику могло быть до 3 лет каторги (за уход девяти десятых общего числа перебежчиков). Если в бою с перебежчиками караул терял людей, коней, оружие, то мера наказания увеличивалась в прямой зависимости от общей суммы потерь (ст. 241). Закон предусматривал конкретные меры наказания начальникам караулов за проход перебежчиков в ночное время, когда такой переход ожидался и был отдан приказ закрыть проходы на границе: «Если караулам отдан приказ ночью закрыть проходы через границу и начальник караула выполнил его, но беглецы прошли через [границу к врагу], то [виновному] выносятся нижеустановленные наказания. [В случае бегства] от одного до тридцати человек включительно [виновный] наказанию не подлежит; [при бегстве] свыше тридцати до семидесяти человек включительно — 13 палок, свыше семидесяти до ста человек включи-

тельно — 6 месяцев, свыше ста до пятисот человек включительно — 1 год, свыше пятисот до тысячи человек включительно — 2 года и свыше тысячи [человек] — 4 года каторжных работ» (ст. 230).

Третьей задачей пограничных караулов являлось наблюдение за кочевниками, живущими в пограничной зоне. Во-первых, и караульные, и местная администрация, гражданская и военная, не должны были допускать распада объединений кочевников, кочевания отдельными семьями. Если глава семьи отбивался от объединения кочевников, кочевого гвона, кочевал один и был ограблен, то начальники, если они просто недосмотрели за ним и не брали взятки, получали по 13 палок, а если была взятка — 6 месяцев каторги. Караульные наказывались по закону в зависимости от причиненного грабителями ущерба (ст. 232). Мы уже указывали, что кочевники жили и кочевали в пределах точно указанной им территории. Переходить границу или удаляться от нее им запрещалось. За соблюдением этого правила тоже следили караулы. Если кочевники уходили и были в результате этого ограблены, угнаны за рубеж, убиты и т. п., то пограничное начальство наказывалось по закону, т. е. в зависимости от размера причиненного ущерба. Если кочевники не покидали указанной им территории и попали в руки врага, находясь в ее пределах, то за это пограничные начальники непосредственно ответственности не несли (ст. 233, 234). Караулы были обязаны оповещать кочевников об опасности, в том числе и огнем с сигнальных вышек (ст. 269).

Наконец, пограничные караулы не должны были допускать перехода границы кочевниками из соседних стран и кочевания их на территории Си Ся. Такие переходы легко могли стать источником конфликтов. «На отдаленных границах с другими государствами, где строгого разграничения [территорий] нет и [наша страна] полагается на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами и чжурчжэнями, наши дальние и ближние караулы, если к границе с обеих сторон подойдут кочующие семьи, двигающиеся в поисках воды и травы для прокормления скота, или охотники, должны возвращать [их] обратно, задерживать и не позволять им переходить границу». Нарушение этого порядка влекло за собой наказание для начальников караулов 6 годами, а караульных — 3 годами каторжных работ. Штрафовались лошадьми и лишались одного-двух рангов также все пограничные военачальники и чиновники, вплоть до командующих (ст. 235).

Раздел о пограничной службе содержит несколько статей, регламентировавших награждение караульных и пограничной администрации за безупречную и инициативную службу. Награды выдавались шелком, серебром, чаем, накидками из дорогих тканей, а также осуществлялись повышением в ранге. Например,

караульные, обнаружившие появление вражеских войск или грабителей не на территории своего охраняемого участка, а там, куда «не высылались дальние и ближние караулы», получали за своевременное оповещение властей об опасности следующие награды: «за известие о появлении от одного до десяти [человек] начальнику караула — 1 кусок шелка, караульным — 1 кусок шелка на двоих... за обнаружение свыше семидесяти до ста человек включительно начальнику караула — 1 [платок?] с шитьем по „смешанной парче", 3 ливу серебра, по 7 [мер] чая и шелка, караульным — по 2 ливу серебра, чая и шелка по 5 [мер] каждому... за обнаружение свыше тысячи человек начальнику караула—повышение на три ранга, 7 ливу серебра, 1 [платок?] с шитьем по „смешанной парче", чая и шелка по 15 [мер], караульным — 5 ливу серебра, 1 [платок?] с шитьем по тонкому шелку, чая и шелка по 7 мер каждому» (ст. 225).

Закон допускал для караульных взаимный зачет наград и наказаний. Если караульные преследовали беглецов, но не поймали их, то они не получали ни наград, ни наказаний. Если стольких-то поймали, а стольких-то упустили — «пять десятых из них попали в [наши] руки, а пять десятых перешли границу, то [положенные] награды и наказания покрывают одно другое» и т. п. (ст. 241, 226). За поимку беглецов существовала другая шкала наград, более низких, чем за обнаружение врага. Если, скажем, за обнаружение от одного до десяти врагов начальник получал кусок шелка, а караульные — кусок шелка на двоих, то за поимку от одного до десяти беглых начальник караула получал также кусок шелка, а караульные — только 1 ндзи чая на двоих. Соответственно обнаружение вражеского отряда числом свыше тысячи человек вознаграждалось 5 ливу серебра, 1 [платком?] с шитьем по тонкому шелку и 7 мерами чая и шелка для каждого караульного, а за поимку свыше тысячи беглых караульные получали только по 5 мер чая и шелка (ст. 225, 226). Если караулы были высланы экстренно, ночью и караульные обнаружили подходящего противника или грабителей, то награды за исправную службу были выше, чем за обнаружение противника в обычных условиях. Караульные за обнаружение от одного до десяти человек получали по куску шелка (в нормальных условиях по полкуска) и за обнаружение свыше тысячи человек — повышение на два ранга, 7 ливу серебра, 1 [платок?] с шитьем по «смешанной парче» и по 10 мер чая и шелка (ст. 229). Точно так же в ночных и экстренных условиях давались более высокие награды за поимку беглецов (ст. 231).

Статью 239 о разгроме вторгшегося противника можно рассматривать как ссылку на параллельно действующее военное законодательство: «Если появившиеся вражеские войска или грабители были разгромлены нашими людьми, то эмиссарам следует выяснить обстоятельства дела. Тот, кто стойко исполнял свой

долг, взял в плен или убил врага, должен получить ранги и награды в зависимости от той командной должности, которую он занимает». Как и система наград, зафиксированная в «Яшмовом зеркале», награды «Измененного и заново утвержденного кодекса» носят вещественно-конкретный характер. В отличие от китайского права тангутское право все еще не знало денежных наград, хотя вознаграждения за донос исчислялись уже в денежном выражении. Ассортимент конкретно-вещественных наград кодекса беднее, чем тот, который встречается в «Яшмовом зеркале». Нет золота, нет комплектов одежды, упряжи, седел, поясов с набором дорогих украшений и т. п. Мы уже говорили, что «Измененный и заново утвержденный кодекс», видимо, не отменил «Яшмового зеркала», которое осталось собранием чисто военных законов, применяющихся в обстановке боевых действий.

Совершенно очевидно, что, как и все прочие разделы тангутского права, военное право Си Ся сформировалось под воздействием китайского права. В самых общих чертах проблему рецепции средневекового китайского права соседними народами мы рассмотрим в заключительной части нашего исследования. Кодекс дал нам много новых материалов о тангутском обществе и тангутском государстве, материалов, не сохранившихся в других источниках. Без сомнения, это источник первостепенного значения для изучения Си Ся. Но вместе с тем, указывая на определенные самобытные черты тангутского общества и государства, на инициативу и стремление к самостоятельности юристов Си Ся, мы в конечном счете вынуждены повторить в адрес тангутов слова выдающегося китаеведа-медиевиста середины нашего столетия Этьена Балаша, сказанные им о некитайских государствах и династиях, существовавших на территории современного Китая в период Сун: они «не создали в корне отличных (от Китая.— *Е. К.*) социальных образований. Это были китайские институты — продолжение или копирование таковых при Тан» [34].

Исследователь, бравший хоть раз в руки неведомый, нерасшифрованный и никем ранее не прочитанный текст, да и просто вдумчивый читатель, поймет, насколько горько автору этих строк повторять слова, сказанные Э. Балашем. Хотелось, чтобы за плохо изученным языком, непонятными строками, сквозь которые нередко приходилось буквально прорываться, действуя и напролом, и в обход, проявляя адское терпение, было скрыто что-то новое, абсолютно оригинальное, способное удивить, привлечь всеобщий жгучий интерес. Через пять лет работы надежды потускнели, через десять лет стало ясно, что они напрасны. Наука служит только одному — истине. Эта истина может нравиться или не нравиться, но она — единственное данное, она и только она явля-

[34] *Maspero H., Balazs Et.* Histoire et institutions de la Chine ancienne. P., 1967, c. 263.

ется плодом, созревшим на древе исследования. И результат нашего исследования, наша истина, добытая нами, такова, что тангутское право и тангутская государственность развивались в русле права и государственности китайской.

Есть еще один вопрос, который поставила действительность последних двух десятилетий: было ли тангутское государство Великое Ся (Си Ся — только китайское его название) государством или «местной феодальной отколовшейся политической властью» [35], «многонациональной политической властью, в которой главными были дансянские цяны» [36]? Основываясь на том, что тангутское государство, его административный аппарат, право и т. п. были организованы по китайскому образцу, на факте признания императором Си Ся своего младшего («чэнь») положения в отношении императоров Сун, Ляо и Цзинь, на неоспоримом сильном идеологическом и культурном влиянии Китая, некоторые китайские исследователи, забывая, что доктрина императорской власти Китая не признавала иных отношений между государствами, кроме иерархических, отказываются признать тангутское государство не только независимым государством, но и государством вообще. Хуан Чжэньхуа, критикуя автора этой работы, полагает, что я не прав, когда вместе с ним, не отрицая глубокого культурного влияния Китая на Си Ся, того, что оно признавало себя «чэнь» в отношениях с Сун, Ляо и Цзинь, тем не менее считаю, что Си Ся было независимым государством. Хуан Чжэньхуа, исходя из появившейся на рубеже 60—70-х годов концепции наличия центральной политической власти (собственно Китая) и «местных отколовшихся политических властей» (некитайских государств на территории современного Китая), делает вывод, что, поскольку тангутское государство постоянно «находилось под влиянием центральной политической власти нашего государства», оно было «средневековой китайской местной отколовшейся политической властью и не являлось независимым государством» [37]. Это не старая точка зрения. Она повторена в «Сборнике статей по изучению истории Си Ся» (1984 г.). В этом же сборнике другой китайский тангутовед, Ши Цзиньбо, пишет: «Некоторые люди упорно продолжают говорить о Си Ся, что оно было независимым, внешним по отношению к Китаю государством. Такая позиция целиком построена на песке» [38].

Концепция «центральной» и «местных» политических властей в начале 80-х годов вылилась в официально принятое истолкова-

---

[35] *Чжун Кань и др.* Си Ся цзянь ши, с. 1; *Ли Фаньвэнь.* Си Ся яньцзю луньцзи. Иньчуань, 1983, с. 1.

[36] *У Тяньчи.* Си Ся ши гао, с. 284.

[37] *Хуан Чжэньхуа.* Пин Сулянь цзинь сань ши няньды Си Ся сюе яньцзю.– Си Ся ши луньвэнь цзи. Иньчуань, 1984, с. 628.

[38] *Ши Цзиньбо.* Си Ся вэнь «Го цюй чжуан яньцө цянь фо мин цзин» фа юань вэнь.– Си Ся ши луньвэнь цзи, с. 354.

ние понятия «Чжунго» (Китая) с древнейших времен как обозначения некоего культурно-исторического региона (не конкретного государства), охватывавшего всю или почти всю Восточную и Центральную Азию. Эти концепции не только служат поводом для абсурдных обвинений в адрес научных оппонентов [39], но они могут быть и являются основанием практической деятельности. Все аргументы в пользу признания не существующего уже 750 лет тангутского государства лишь «китайской местной отколовшейся политической властью» полностью могут быть отнесены и к прошлому многих государств, находившихся на территории современной КНР или по соседству с ней. Поэтому столь важна публикация тангутских первоисточников. Не навязывая коллегам из разных стран, изучающим Си Ся, своих выводов, заранее сознавая и определенное несовершенство первого перевода памятника, автор полагает, что публикация памятника позволит им беспристрастно, именно с научных позиций разобраться и в той дискуссии, в которую автор, сам того не подозревая, был вовлечен.

---

[39] *Кычанов Е. И.* По поводу одной исторической истины.— Проблемы Дальнего Востока. 1983, № 3, с. 167—168.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тангутском государстве Си Ся, как мы, надеюсь, сумели показать выше, были восприняты, хотя и с определенными видоизменениями, все основные принципы средневекового китайского права, так, как они в первую очередь были отражены в кодексах династий Тан и Сун. Административный аппарат Си Ся тоже в основных своих чертах копировал китайский.

Как известно, право разных народов мира сформировалось в несколько правовых систем. Так, европейское право подразделяется на романо-германскую правовую семью, сложившуюся на основе римского права, и семью общего права (common law), в основе которой лежит право английское. Точно так же на Дальнем Востоке сложилась система дальневосточного права, основу которого составило средневековое китайское право династии Тан. «Понятие правовой семьи предполагает главным образом сходство структуры права» [1]. На примере тангутского права мы видели, что структура тангутского и китайского права и основные нормы права, образующие эти структуры, совпадали. Точно так же совпадали структуры права средневековых Китая и Японии, Китая и государств Корейского полуострова, Китая и Вьетнама [2]. Играя активную роль, реципированное право влияло затем и на формирование структур социальных, приближая социальную организацию Си Ся и других сопредельных с Китаем стран, прежде всего господствующего класса, бюрократии, к соответствующей китайской. Это было влияние китайской системы права, это была ее рецепция, но рецепция добровольная, совсем не означавшая, что император Си Ся или японский император и органы власти Си Ся или Японии были лишь «отколовшейся местной китайской политической властью».

Первыми известными нам заимствованиями китайской административной организации и рецепциями права были таковые в Бохае, государствах Корейского полуострова — Когурё, Силла и Пэкче, а также в Японии. Ниида Нобору разобрал подробно сохранившиеся сведения о законах Корё (Гаоли, 918—1392) и до-

[1] *Рене Давид*. Основные правовые системы современности. М., 1967, с. 98.

[2] См. подробнее: *Ян Хунле*. Чжунго фалюй цзай Дун-я чжу го чжи инсян. Шанхай, 1937.

казал их совпадение с теми или иными положениями законодательств династий Тан, Сун и Цзинь [3]. Весьма основательно проделал эту работу для всех стран, реципировавших китайское право. Ян Хунле в уже упоминавшейся нами работе. Он приходит к выводу, что рецепция права и основ административной системы была относительно полной, хотя и не абсолютной, что подтверждается и неизвестным Ян Хунле тангутским правом. Каждая из реципирующих стран допускала изменения образца, вызванные разными соображениями. По заключению Ян Хунле, японцы, например, слегка упростили и в чем-то сократили танский образец. Вместо «десяти зол» они ввели «восемь жестокостей» — «хати гяку», не изменив существо этого института, и вместо «восьми суждений» — шесть. Вся система танских наказаний была облегчена на одну степень, была сокращена сфера привлечения чиновников к общеслужебной ответственности («лянь цзо») [4].

По-разному заимствовались и различные составные части структуры права. Если большинство законов группы «люй» были заимствованы почти прямо, то при заимствовании законов группы «лин», т. е. той сферы, где наиболее полно могли проявляться местные особенности, возрастало число изменений и отличий [5]. Специфика обнаруживалась в сфере социальной, где были сильны традиции. Если китайское право не признавало наследования по женской линии, то корейское, например, устанавливало, что «если не было внука, то [наследовала] внучка» [6]. В той же Корее мужчина (очевидно, знатный), виновный в похищении детей, при совершении преступления в первый раз ссылался в отдаленную местность, а при рецидиве обращался в «санъхо», простолюдина [7]. Такое наказание (если речь не идет о лишении рангов и должности) и порядок наказания не были известны в Китае. Японские «лины» точно так же, в отличие от китайских, позволяли дочерям, наложницам и незаконнорожденным детям получать половинную долю наследуемого имущества [8]. Вообще, как отмечает Симада Масао, японское право — «лины Ёро» («Ёро рицу») — свидетельствует о более высоком общественном положении женщины в Японии, чем в Китае [9].

---

[3] *Ниида Нобору.* То-Со-но хо-то Корё хо.— Тахо гаку. 1965, т. 30, с. 3—21.

[4] *Ян Хунле.* Чжунго фалюй цзай Дун-я чжу го чжи инсян, с. 6.

[5] Там же, с. 201.

[6] Там же, с. 5.

[7] *Ниида Нобору.* То-Со-но хо-то Корё хо, с. 5.

[8] *Симада Масао.* Тоё хоси. Киото, 1974, с. 176.

[9] Там же, с. 177. Недавно на русском языке появились две важные публикации материалов по японскому праву: см.: *Попов К. А.* Законодательные акты средневековой Японии. М., 1984; *он же.* Свод законов «Тайхорё» 702—718. Вступ. статья, перевод с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. М., 1985.

Рецепция права предполагает наличие центра с высокоразвитой правовой культурой или центра с высоким уровнем социального и культурного развития и большой политической мощью, способного влиять на те страны, которые заимствуют право. Таким центром — одновременно высококультурным, политически мощным и с развитой правовой культурой — был на Дальнем Востоке для I и начала II тысячелетия н. э. Китай. Рецепцию права его соседями мы должны прежде всего рассматривать как составную часть общего культурного и политического влияния Китая на соседей. Немаловажными условиями рецепции китайского права соседями Китая на Дальнем Востоке были, во-первых, заимствование письменности (Япония, Корея, Вьетнам) или создание своих систем письма под влиянем китайского письма (тангуты, кидане, чжурчжэни) и, во-вторых, создание административных органов по образцу китайских. Это, как мы уже говорили выше, не означало слепого копирования. Дж. Крамп, исследователь «линов», по его терминологии, «кодекса Ёро», очень остроумно заметил, что японское «синизированное правительство, представленное кодексом Ёро, является таким прекрасным примером японской способности импровизировать на основе иностранной идеи, что термин „заимствование“, когда он применяется к формам бюрократии Ёро, является почти бесполезным» [10]. В целом это замечание относится и ко всем соседям Китая, хотя и в разной степени.

Теоретически рецепция права предполагает одинаковый или близкий уровень социально-экономического развития. Это условие в общей форме было налицо при заимствовании китайского права Кореей, Японией, Вьетнамом, тангутами Си Ся. Будучи воспринятым, право, в свою очередь, влияло на формирование общественных отношений стран, заимствовавших его.

Не только фактом публикации текста «Измененного и заново утвержденного кодекса», перевода его на русский язык, но и в определенной мере прилагаемым к нему исследованием, в котором тангутское право часто сопоставлялось с китайским, мы показали в общих чертах характер рецепции тангутами китайского права. Она происходила в тех же условиях и на тех же основах, что и рецепция китайского средневекового права другими соседями Китая. Тангутский материал, естественно, не мог быть учтен исследователями, прежде всего в таких фундаментальных работах по этому поводу, как «Влияние китайских законов на государства Восточной Азии» Ян Хунле и «История законов Восточной Азии» Симада Масао. Ни тот, ни другой автор, ни один из известных нам прочих исследователей, касавшихся данной проблемы, не ставили знака равенства между рецепцией

[10] *Crump J. J.* «Borrowed» T'ang Titles and Offices in the Yoro Code.— Occasional Papers. Center for Japanese Studies. 1952. № 2, с. 47.

права и отрицанием независимости страны, это право воспринявшей. Рецепция средневекового китайского права Японией или Кореей совсем не означала для них потери независимости и превращения этих стран в «местную политическую власть», получающую влияние из центра (читай: от власти центральной). Точно так же и рецепция тангутами китайского права, административной системы, определенных сторон чисто китайской идеологии и культуры, создание своего письма по китайскому образцу не означали, что тангутское государство Си Ся не являлось независимым государством.

Тангуты и их государство Си Ся — прошлое Дальнего Востока и Центральной Азии, и то, что сохранилось от их цивилизации до наших дней, должно быть изучено и оценено подлинно научно, беспристрастно.

Тангутское право — составная часть этой исчезнувшей цивилизации. Благодаря случайности оно сохранилось лучше, чем то, что осталось от средневекового права Японии, Кореи, киданей, чжурчженей и прочих современников Си Ся. Можно с уверенностью сказать, что публикация тангутского кодекса в значительной мере поможет специалистам по истории дальневосточного права полнее представить себе процесс его сформирования, а сам «Измененный и заново утвержденный кодекс» займет достойное место в числе тех немногих памятников средневекового права, которые неумолимый ход времени сохранил до наших дней.

SUMMARY

The Revised and Newly Endorsed Code for the Designation of Reign 'Celestial Prosperity' (1149-69) is the fundamental law code of the Tangut Hsi-Hsia state (982-1227). It was found in May-June 1909 by the Russian traveller P. K. Kozlov in the dead city of Khara-Khoto (the Edzina aimak, the Autonomous Region of Inner Mongolia in China). It is now in the Tangut collection of manuscripts at the Institute of Oriental Studies (Leningrad), USSR Academy of Sciences.

The Hsi-Hsia, or the Tangut is a dead language. The last 25 to 30 years of its studies were successful enough to read the Tangut texts and publish them with parallel translations into modern languages. All the available Tangut texts can conventionally be divided into three groups: translations of the Buddhist canon (originally in the Chinese or the Tibetan languages), translations of Chinese civic writings (Confucian classical texts, military treatises, documents, etc.), and original Tangut writings (glossaries, law texts, documents, etc.). Texts in the third group are most interesting and not numerous; they are virtually lacking in foreign collections.

The present code survived in 150 odd fragments which have been arranged by chapters, restored and stitched into books. Several fragments have duplicates. The publication combines a complete text of over 1200 pages. Also survived is the list of all chapters, the total of 1460. We estimate that the original text had 800 folios (Tangut pagination) or 1600 modern pages which suggests that the text is complete 78 per cent to 80 per cent.

The code was compiled under the Tangut emperor Jen-hsiao for the designation of reign of Celestial Prosperity (1149-69), by a commission of twenty three, including seventeen Tanguts and six Chinese. There were two earlier works: a military code, *The Jade Mirror of Military Command of the Chen-kuan Reign* (1101-13), also available in fragments; and an unknown to us code of the Tangut state, the one that was "revised and newly endorsed". It is mentioned in the survived fragments of *The Jade Mirror*.

The Tangut code is a Far Eastern legal monument based on the Chinese law. It differs, however, from Chinese codes of that time compositionally and by the arrangement of articles. China had two basic legal systems, *lü* and *ling* (criminal laws or codes and admini strative statutes). The Tanguts combined both in their code and altered the arrangement of articles. In Chinese codes an article first

outlines the standard of law and then details it while the Tanguts adopted a type of article used in contemporary codes. If an article was too large it was divided into paragraphs detailing more specific cases in the limits of a given standard of law.

The code incorporated 20 chapters. Chapter 1: regulations traditionally classified by the Chinese as 'Ten Abominations' or offenses against the emperor, the state and the moral standards endorsed by the state and the society. Chapter 2: the application of the measure of punishments (privileges for the merits before the state, correlation between the official title and the measure of punishment, application of the measure of punishment to those who are aged, juvenile or physically and/or mentally disabled, etc.). The chapter also features a conventional system of relations between relatives when they are mourning for a dead, used to coordinate the measure of punishment in case of offenses against each other.

Chapter 3: offences involving illicit goods obtained through malfeasance (robbery by stealth or by force), and legal regulations affecting mortgage or borrowing agreements. Chapter 4: the rules for the frontier guard. Chapter 5: the regulations affecting the giving, keeping and accounting of state-owned war horses, armour and weapons. Chapter 6: mobilization regulations and punishment to persons failing to observe them. Chapter 7: laws affecting the runners from among the Hsi-Hsia and foreigners subject to Hsi-Hsia rule, government prohibitions (e. g. making and possession of weapons), the treasury's monopoly of foreign trade, labour services. Chapter 8: crimes such as arson, offenses against individuals (unpremeditated woundings or killings), marriage laws. Chapter 9: the criminal process specifying investigation, questioning and judgement. Chapter 10: a list of Tangut administrative bodies and the regulations dealing with promotion. Chapter 11: articles deal with three groups of problems: receptions and departures of foreign embassies, the life of Buddhist and Dao Hsi-Hsia communities and certain regulations dealing with use of property. Chapter 12 has three sections: malfeasance involving annual tax registers and labour services registers, consealment or loss of important documents, definition of the responsibilities of persons "awaiting an edict" or the guards and emperor's officials. Chapter 13: the right to accuse and rules for sending *paitza* (tally) messengers. Chapter 14: personal offenses (fist fights and injuries resulting therefrom). Unfortunately, only few pages of the chapter survived.

Chapter 15: the economic activity in Hsi-Hsia (land tax, irrigation). Chapter 16 is totally missing. The contents suggest that it could contain tenancy laws. Chapters 17 and 18: laws regulating the work of state-owned storages and a few laws relating to domestic trade in Hsi-Hsia. Chapter 19 is devoted to animal husbandry. Chapters 15-19 deal exclusively with economic matters in the Tangut state. We cannot but regret that Chapter 16 has not survived and the

rest of the chapters have numerous lacunae. The final Chapter 20 is related to punishments (death penalty, penal servitude, flogging).

This edition is published in four volumes. Volume 1 gives information about this code and other survivals of Tangut law (*The Jade Mirror*, *New Laws*, manuscript No. 4189). It is mostly a study. Tangut law is considered by sections: personal status, crime and its participants, crimes falling under the 'Ten Abominations', the penal system, application of punishments, process law, criminal law, offenses against individuals, crime involving property, misappropriations), civil law (law of possession: property rights, mortgage, compulsory law, borrowing agreement, buying and selling, marriage and family laws), administrative regulations, military law.

The text itself is divided into three volumes: Volume 2 (Chapters 1-7), Volume 3 (Chapters 8-12), Volume 4 (Chapters 13-20). There are not many commentaries to the translation since we believe that Volume 1 is explicit enough in this sence. Philological comments are left outside the scope of the present work. The glossary features the main juridical terms, geographic names, titles, and basic administrative bodies of Hsi-Hsia.

Tangut law was part of Far Eastern law and, on the whole, assimilated the basics of Chinese law. We try to show the similarity as well as major and slight differences therebetween. In spite of the apparent successes of the European, American and Japanese science in the studies of Chinese law in the past decades it is not adequately studied yet. In fact, no studies of any significance dedicated to medieval Chinese law appeared in China. This could not but affect the standard of our study as well. The code helped to reveal certain institutions specific to Tangut society. *Gwon* deserves special mention as the main military, administrative and economic cell of Tangut society, as does the existence of a class of personally deprived *phingga* (slaves) and *nini* (slave women) opposed to personally 'clean' or free.

Describing property law in Tangut society we deemed it necessary to adress ourselves to a thesis, made by noted Soviet law historian Prof. A. V. Venediktov, on *dominium divisum* as a form of property helping to explain the phenomena specific to many precapitalist societies, including Hsi-Hsia: the possession of *phingga* and the right of the master to the property of the *phingga* and his family members, certain restrictions to buying and selling land, property right to ch'ang chu, or people given free to Buddhist temples by the treasury, etc.

Rather than seeking an excuse, we objectively evaluate the results of the many years of work (started in 1968) and would like to warn the reader against any error or inaccuracy one may come across in the text. The reasons for this are many and substantial (inadequate knowledge of the dead Tangut language, the specifics of terminology and its continuing to be virtually unknown) complicated by sub-

jective reasons (the translator learned the Tangut language by himself). The basic legal terminology of the Tangut language was clarified by way of recurrent translations of the text. Therefore, though we hope that our translation is on the whole adequate, we stress that further work on the text must be done by all those interested in it, more so that texts of this volume and content, as the history of science testifies, are translated into various languages and studied more than once over decades and even centuries. Our duty, as we felt it, was to give a new lease on life to this interesting and important medieval monument of the Far East and Central Asia, which has survived all the adversities of time. This time not as an active law code, but as a survived link in the many centuries of the law history of all countries and nations.

ИЗМЕНЕННЫЙ И ЗАНОВО УТВЕРЖДЕННЫЙ КОДЕКС ДЕВИЗА ЦАРСТВОВАНИЯ НЕБЕСНОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ (1149—1169)

Книга 1

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Н. Г. Михайлова*
Младшие редакторы *А. В. Бодянская, Н. О. Хотинская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *Л. М. Кольцина* и *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15728

Сдано в набор 13.04.87. Подписано к печати 27.01.88. Формат 60×90[1]/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 29. Усл. кр.-отт. 30. Уч.-изд. л. 32.53. Тираж 1450 экз. Изд. № 5593. Зак. 654. Цена 5 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117192 **Москва,** Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;

197345 **Ленинград,** Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;

480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005 **Баку,** ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);

232600 **Вильнюс,** ул. Университето, 4;

690088 **Владивосток,** Океанский пр., 140;

320093 **Днепропетровск,** пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001 **Душанбе,** пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);

375002 **Ереван,** ул. Туманяна, 31;

664033 **Иркутск,** ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);

420043 **Казань,** ул. Достоевского, 53;

252030 **Киев,** ул. Ленина, 42;

252142 **Киев,** пр. Вернадского, 79;

252030 **Киев,** ул. Пирогова, 2;

252030 **Киев,** ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277012 **Кишинев,** пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);

343900 **Краматорск Донецкой обл.,** ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);

660049 **Красноярск,** пр. Мира, 84;

443002 **Куйбышев,** пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);

191104 **Ленинград,** Литейный пр., 57;

199164 **Ленинград,** Таможенный пер., 2;

199044 **Ленинград,** 9 линия, 16;

220012 **Минск,** Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);

103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
643050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).

